

ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO-Review of International Relations

Москва

№3(48) 2016

Moscow

Главный редактор:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора:

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор:

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризона (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, Исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – Заместитель Председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – директор Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Научный совет:

Алексеева Т.А. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России.

Барабанов О.Н. – доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России.

Булатов А.С. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России.

Булатов Ю.А. – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО МИД России.

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, директор центра региональных политических исследований ИМИ МГИМО МИД России.

Воскресенский А.Д. – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО МИД России.

Гаман-Голутвина О.В. – доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Ильин М.В. – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор аналитического Центра ИМИ МГИМО МИД России.

Кириллов В.Б. – кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД России.

Кудрявцев О.Ф. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Легойда В.Р. – кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики.

Наринский М.М. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России.

Ноздрёва Р.Б. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга МГИМО МИД России.

Орлов А.А. – кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО МИД России.

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России.

Платонова И.Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО МИД России.

Подберёзкин А.И. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России.

Салыгин В.И. – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России.

Столбов М.И. – доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции МГИМО МИД России.

Стрельцов Д.В. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России.

Сумский В.В. – доктор исторических наук, директор Центра АСЕАН ИМИ МГИМО МИД России.

Уколова В.И. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Хенкин С.М. – доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Холопов А.В. – доктор экономических наук, декан факультета международных экономических отношений МГИМО МИД России.

Шаклеина Т.А. – доктор политических наук, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем (ПАМП) МГИМО МИД России.

Юлдашев Р.Т. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО МИД России.

Редколлегия:

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала "Вестник МГИМО-Университета", доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Свищев А.В. – кандидат экономических наук, декан факультета прикладной экономики и коммерции.

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Chairman of the 6th State Duma (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Scientific Council:

Alexeeva T.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Political Theory Department, MGIMO University.

Barabanov O.N. – Doctor of Political Sciences, professor of Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Integration Processes, MGIMO-University.

Bulatov A.S. – Doctor of Economic Sciences, Head of the World Economy Department, Russian Foreign Ministry MGIMO.

Bulatov Y.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of International Relations Department, MGIMO University.

Busygina I.M. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, Director of the Center for Regional Political Studies at Institute of International Studies, MGIMO-University.

Gaman-Golutvina O.V. – Doctor of Political Sciences, head of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Il'in M.V. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of the Analytical Center at the Institute of International Studies, MGIMO-University.

Khenkin S.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Kholopov A.V. – Doctor of Economic Sciences, Dean of International Economic Relations Faculty, MGIMO-University.

Kirillov V.B. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Vice Rector for Academic Work, MGIMO-University.

Kravchenko S.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Sociology Department, MGIMO-University.

Kudryavtsev O.F. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and National History Department, MGIMO-University.

Lebedeva M.M. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of World Politics Department, MGIMO-University.

Legoyda V.R. – PhD in Political Sciences, Associate Professor of International Journalism Department, MGIMO-University.

Narinsky M.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of International Relations and Russian Foreign Policy Department, MGIMO-University.

Nozdreva R.B. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Department, MGIMO-University.

Orlov A.A. – PhD in Historical Sciences, Director of Institute of International Studies, MGIMO-University.

Pechatnov V.O. – Doctor of Historical Sciences, Head of Department of History and Politics in Europe and America, MGIMO-University.

Platonova I.N. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of International Economic Relations and Foreign Economic Ties Department, MGIMO-University.

Podberezkin A.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, Director of Center of Military-Political Studies, MGIMO-University.

Salyghin V.I. – Doctor of Engineering Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of International Institute of Energy Policy and Diplomacy, MGIMO University.

Shakleina T.A. – Doctor of Political Sciences, Head of Department of Applied Analysis of International Issues, MGIMO-University.

Stolbov M.I. – Doctor of Economics, Deputy Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Sumsky V.V. – Doctor of Historical Sciences, Director of the ASEAN Centre at MGIMO-University.

Ukolova V.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, MGIMO University.

Voskresensky A.D. – Doctor of Political Sciences, PhD, Professor, Dean of School of Political Sciences, MGIMO-University.

Yuldashev R.T. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Risk Management and Insurance Department, MGIMO University.

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO University.

Myagkov M.U. – Doctor of History, Professor of World and Russian History Department, MGIMO University.

Svishchev A.V. – PhD in Economics, Associate Professor, Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		66009 (индекс издания)																								
	Вестник МГИМО-Университета		<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px 5px;">КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ</td> <td style="width: 20px; text-align: center; padding: 2px 5px;">1</td> </tr> </table>	КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ	1																						
	КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ	1																									
	На 2016 год по месяцам																										
<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px; text-align: center;">1</td><td style="width: 20px; text-align: center;">2</td><td style="width: 20px; text-align: center;">3</td><td style="width: 20px; text-align: center;">4</td><td style="width: 20px; text-align: center;">5</td><td style="width: 20px; text-align: center;">6</td><td style="width: 20px; text-align: center;">7</td><td style="width: 20px; text-align: center;">8</td><td style="width: 20px; text-align: center;">9</td><td style="width: 20px; text-align: center;">10</td><td style="width: 20px; text-align: center;">11</td><td style="width: 20px; text-align: center;">12</td> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда		(почтовый индекс) (адрес)																									
Кому (фамилия, инициалы)																											
	ДОСТАВочная КАРТОЧКА		66009 (индекс издания)																								
	на журнал																										
	ПВ	место	литер																								
	Вестник МГИМО-Университета																										
	Сто- мость	подписки переадресовки руб.	Количество комплектов	1																							
	На 2016 год по месяцам																										
<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px; text-align: center;">1</td><td style="width: 20px; text-align: center;">2</td><td style="width: 20px; text-align: center;">3</td><td style="width: 20px; text-align: center;">4</td><td style="width: 20px; text-align: center;">5</td><td style="width: 20px; text-align: center;">6</td><td style="width: 20px; text-align: center;">7</td><td style="width: 20px; text-align: center;">8</td><td style="width: 20px; text-align: center;">9</td><td style="width: 20px; text-align: center;">10</td><td style="width: 20px; text-align: center;">11</td><td style="width: 20px; text-align: center;">12</td> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда		(почтовый индекс) (адрес)																									
Кому (фамилия, инициалы)																											

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74; веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Медин Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 36,5 усл. п. л. Заказ № 834.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media. certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru. ISSN 2071 – 8160.

Published by MGIMO University Press.

Number of printed copies: 2000.

Содержание

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. – «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях?	7
Зиновьева Е.С. – Возможности России в глобальном информационном обществе.	17
Бартенев В.И. – США в поисках новых технологических основ военного превосходства: дилеммы «третьей стратегии компенсации»	30
Жизнин С.З., Тимохов В.М. – Технологические аспекты энергетической дипломатии России	43
Гусейнова Т.Н. – Модели производства инноваций	54
Школяренко А.М. – Современные тенденции развития мирового рынка аграрной биотехнологической продукции	66

ИСТОРИЯ

Дубровина О.В. – СССР в донесениях итальянских дипломатов (1924-1941 гг.)	75
Ивакин Г.А. – Концепт «черносотенство» в советской исторической науке: бег по кругу	88
Ермакова Э.В. – «Письмо королю»: бельгийский сепаратизм и унитаризм в сочинении Жюль Дестре ..	102

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Денисов И.Е., Сафранчук И.А. – Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации	112
Конкин А.А. – Трансрегиональное партнерство стран БРИКС в отечественных исследованиях.	123
Надточей Ю.И. – Оборонное сотрудничество в Европе: субрегиональный уровень	134
Лебедева М.М., Рустомова Л.Р., Шарко М.В. – «Мягкая сила»: темная сторона (на примере Германии) ..	144
Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. – Отношения России с Евросоюзом и Китаем: сравнительный анализ взаимного восприятия в приграничных районах	154

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

80 ЛЕТ «ОБЩЕЙ ТЕОРИИ» КЕЙНСА

Холопов А.В. – «Общая теория» Дж. М. Кейнса: взгляд 80 лет спустя	163
Ивашковский С.Н. – Дж. М. Кейнс и его экономическая теория: этический ракурс.	172
Козлова М.А. – Вклад Дж. М. Кейнса в анализ психологических мотивов экономического поведения ..	192
Курносова Т.И., Рудакова И.Е. – Кейнсианская теория в курсе «Макроэкономика» в непрофильных вузах и факультетах.	196
Соколова М.И. – Рыночная концепция XXI века: новый подход к сегментации потребителей	205

«ЗЕЛЕНАЯ ЭКОНОМИКА»

Симонова М.Д., Захаров В.Е. – Статистический анализ тенденций развития мировой возобновляемой энергетики	214
Шевелёва А.В. – Эколого-экономические показатели функционирования нефтегазовых компаний ...	221
Козаева Н.В. – Механизм государственной поддержки развития возобновляемых источников энергии в ФРГ	229

ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ

Исаченко Т.М. – Реформа ВТО: предпосылки, условия и перспективы	239
Сидоров А.А. – Трансатлантическая интеграция и проблемы конкурентоспособности развитых стран	249

СТРАНОВОЙ УРОВЕНЬ

Пудовкин А.В. – Мировой опыт использования добровольных и обязательных накопительных пенсионных систем: уроки для России.	258
Воробьева М.А. – Ведущие индийские бизнес-группы	265
Загребельная Н.С., Шитов В.Н. – Исторические особенности формирования национального хозяйственного комплекса ЮАР	273

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Денисов И.Е., Сафранчук И.А. – Актуальные экспертные дискуссии по тематике ШОС	280
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Сапронова М.А. – Российские мусульмане: история и современность (на примере становления и развития мусульманской общины Санкт-Петербурга)	287
---	-----

Table of Contents

NEW TECHNOLOGIES AND INTERNATIONAL RELATIONS

Alekseeva T.A., Mineyev A.P., Loshkariov I.D. – «Land of Confusion»: Quantum Physic In IR Theory?	7
Zinovieva E.S. – Russia in the Global Information Society.	17
Bartenev V.I. – The U.S. Quest for New Technological Foundations of Military Superiority: Dilemmas of the Third Offset Strategy	30
Zhiznin S.Z., Timokhov V.M. Technological Aspects of Russian Energy Diplomacy	43
Guseinova T.N. – Innovation Production Models	54
Shkolyarenko A.M. – The Current Developments of Agricultural Biotechnologies Market	66

HISTORY

Dubrovina O.V. – USSR in Reports of Italian Diplomats (1924-1941)	75
Ivakin G.A. – The Concept of the “Black Hundreds” in the Soviet Historical Science: running in circles.	88
Ermakova E.V. – “Letter to the King” By Jules Destré: from Separatism to Unitarism in Belgium	102

WORLD POLITICS

Denisov I.E., Safranchuk I.A. – Four SCO Enlargement Problems	112
Konkin A.A. – Transregional Partnership of BRICS in Russian Studies.	123
Nadtochey Yu.I. Defense Cooperation in Europe: Subregional Level.	134
Lebedeva M.M., Rustamova L.R., Sharko M.V. – «Soft Power»: the Dark Side (Case of Germany)	144
Simonyan R.H., Kochegarova T.M. – Russia’s Relations with the European Union and China: Comparative Analysis of Mutual Perception in the Border Regions	154

GLOBAL ECONOMY

CELEBRATING 80 YEARS OF THE KEYNES’S “GENERAL THEORY”

Kholopov A.V. – “General Theory” of J.M. Keynes: 80 Years After	163
Ivaskovsky S.N. – J.M. Keynes and His Economic Theory: an Ethical Perspective	172
Kozlova M.A. – The Contribution of J.M. Keynes to the Analysis of the Psychological Motives of Economic Behavior.	188
Kurnosova T.I., Rudakova I.E. – Keynesian Theory in “Macroeconomics” Course for non-core faculties	196
Sokolova M. I. – The Market Concept of the 21 st Century: a New Approach to Consumer Segmentation	205

“GREEN ECONOMY”

Simonova M.D., Zakharov V.E. – Statistical Analysis of Development Trends in Global Renewable Energy	214
Sheveleva A.V. – Ecological and Economic Indicators of Oil and Gas Companies Functioning	221
Kozaeva N.V. – Governmental Support Mechanism of the Renewable Energy in Germany	229

TRANSREGIONALISM

Isachenko T.M. – WTO Reform: Background, Conditions and Prospects.	239
Sidorov A.A. – Transatlantic Integration and Developed Countries Competitiveness Problems	249

NATIONAL LEVEL

Pudovkin A.V. – Private and Public Pension Systems Worldwide: Case of Russia	258
Vorobyeva M.A. – Leading Indian Business-Groups.	265
Zagrebelnaya N., Shitov V. – History of National Economic System Formation in the Republic of South Africa	273

SCIENTIFIC LIFE

Denisov I.E., Safranchuk I.A. – Contemporary Expert Debates on the SCO-Related Issues	280
--	-----

BOOK REVIEWS

Sapronova M.A. – Russian Muslims: History and Modern Age (Case of Establishing and Developing of Islamic Community in Saint Petersburg)	287
--	-----

«ЗЕМЛЯ СМЯТЕНИЯ»: КВАНТОВАЯ ТЕОРИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ?

Т.А. Алексеева, А.П. Минеев, И.Д. Лошкарёв

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируется гипотеза «квантового разума» А. Вендта, сформулированная в его последних работах¹. Поскольку Вендт обладает весомым статусом среди теоретиков международных отношений, раскрытие основных положений этой гипотезы, рассмотрение сложных и откровенно спорных её моментов, представляет собой задачу первостепенной важности. Успех или неудача как самой гипотезы, так и её критической рефлексии, открывают возможности для формирования нового и перспективного направления международно-политических исследований.

Квантовый физикализм (или квантовый холизм) А. Вендта опирается на основательную философскую базу, виртуозное использование сведений и открытий в области физики, биологии, психологии. Амбициозный проект Вендта призван дать толчок исследованиям в области политической философии, мировой политики и международных отношений. Особенность выдвинутой гипотезы заключается в обосновании квантово-механической природы социальных и политических отношений, что прямо вытекает из гносеологического авторитета современных естественных наук.

А. Вендт предлагает свой взгляд на основные принципы «квантовых» социальных и политических отношений, в том числе, на широко известную проблему «агент-структура». По его мнению, ненаблюдаемость социальных структур не может быть основанием для отрицания её реальности (её существования). Во-первых, социальные структуры происходят из мира возможностей, склонностей объектов, то есть их зависимость от материальных факторов непрямая. Во-вторых, ненаблюдаемость и принятие как данности некоторых аспектов реальности составляет часть естественнонаучной картины мира, в том числе в квантовой физике.

В статье раскрываются особенности и сложности применения в социальных и политических науках таких принципов квантовой механики, как дуализм волн и частиц, суперпозиция, абсолютность размера. Это позволяет вписать гипотезу А. Вендта в предметное поле социальных наук, в том числе исследований международных отношений и мировой политики.

Ключевые слова: «квантовый разум», Александр Вендт, квантовый физикализм, холизм, эмерджентизм.

¹ Авторы благодарят В.Н. Войтовича (г. Минск) за ценные советы.

В теории международных отношений, в политических и социальных науках мы, по-видимому, вступили в период, когда традиционные парадигмы представляются безнадежно устаревшими, дальнейшие пути смутными, а достижения последних лет небедительными. По-видимому, именно такого рода рассуждениями руководствовался германо-американский исследователь Александр Вендт, которого мы все знаем как одного из наиболее видных теоретиков социального конструктивизма. Как бы там ни было, с момента выхода его знаменитой книги прошло более пятнадцати лет, и конструктивизм, ещё сравнительно недавно казавшийся «революционным», стал чуть ли не каноническим, по крайней мере, сейчас его наряду с либерализмом и политическим реализмом включают в «большую тройку» главных теорий международных отношений и, соответственно, посвящают ему страницы в учебниках. Вполне естественно возникает вопрос: что же дальше?

Будучи исследователем, сколь глубоким, столь и амбициозным, Вендт вынужден был констатировать: «Почти с того самого момента, как международные отношения утвердились в качестве академической дисциплины в 1919 году, их развитие было отмечено «великими дебатами» по поводу того, что мы сегодня назвали бы соотношением идей и материальной среды, индивида как агента и социальных структур, натуралистических и антинатуралистических методов исследования. Мнение учёных по этим существенным философским вопросам даже в неявной форме имеет большое значение в предметных рамках МО, хотя такими мнениями часто пренебрегают как абстрактными «метатеориями». С интеллектуальной точки зрения, позиция в этом споре структурирует с содержательной стороны наше теоретизирование, методы и эмпирические данные, а также, в конце концов, наши нормативные и практические суждения, которые мы получаем по итогам исследования. С социологической точки зрения, это влияет на то, кого мы берём на работу (и иногда увольняем), где публикуемся и как учим наших студентов. К сожалению, несмотря на то, что с 1980-х гг. в рамках дисциплины были привлечены значительные силы для разработки метатеории, я, с позиции человека, участвующего в этих дебатах на протяжении 25 лет, осознаю, что процесс не близится к концу. В наше время учёные-международники лучше понимают, какие проблемы перед ними стоят, как, почему и когда эти проблемы имеют значение, но «великие дебаты» по-прежнему нам неподвластны. В том, что касается онтологических и эпистемологических оснований изучения МО, мы находимся на «Земле смятения»², откуда не получается сбежать [10, с. 1]».

В самом деле, смятение, растерянность и неуверенность присутствует не только в тео-

рии международных отношений, но и практически во всех социальных науках – в социологии, политической науке, даже в экономике. «В отличие от естественных наук, таких как химия или геология, где существует широкое согласие о природе реальности и как мы должны её изучать, – продолжает Вендт, – в социальных науках нет такого консенсуса [10, с. 1-2]». И мы уже почти поверили, что и не будет в силу множественной природы большинства социальных наук, включая международные исследования. И всё же попытки придать им большую строгость, научность, обоснованность, по-видимому, будут продолжаться до тех пор, пока люди не утратят интереса к познанию окружающего мира.

«Научная» модель в принципе была задана естественными дисциплинами ещё в семнадцатом веке. Постепенно научный метод стал восприниматься как высшее достижение в познании по сравнению с другими областями культуры, а научное мировоззрение – как наиболее авторитетное, вплоть до исключения любых альтернативных взглядов. Индуктивный метод, используемый в естественных науках, рассматривался ими как единственный источник подлинного знания. Поэтому постоянно появляются проекты, утверждающие, что методы и категории естественных наук равно применимы к философии и социальным наукам, в том числе к истории, культурологии, политической науке и теории международных отношений.

Соответственно, границы науки (обычно естественных наук) могут и должны быть расширены, чтобы нечто, ранее не рассматривавшееся в качестве предмета науки, могло быть понято как её часть. При этом наука обычно становится единственным и главным арбитром в отношении рассматриваемой сферы [7, с. 783]. Такой взгляд был также тесно связан с идеей рационализма как продукта «Западной цивилизации». Ещё Макс Вебер доказывал, что связь между Современностью (Модерном) и «рационализмом Запада» совершенно очевидна. К середине двадцатого столетия наука уже стала частью культуры, универсальным стандартом качества любых исследований, какую бы сферу они ни затрагивали. Биология, химия, особенно математика сегодня уже не экзотика, а чуть ли не условие поступления на преподавательскую работу в престижные университеты. Но до физики руки как-то пока не доходили.

Нужно было обладать научным авторитетом и репутацией Александра Вендта для того, чтобы решиться обратиться к квантовой физике, перевернувшей наши представления о мире.

Если попытаться самым кратким образом сформулировать, зачем человечеству потребовалась квантовая теория, или, иначе, – что при всех своих грандиозных успехах, достигнутых к исходу девятнадцатого века, не могла объяснить старая добрая физика, то наиболее кратко это

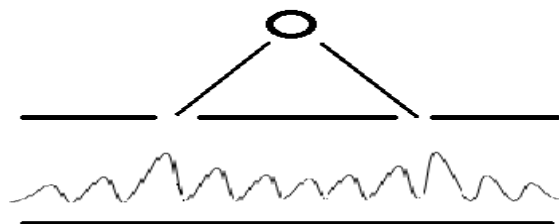
² «Земля смятения» – известная композиция группы Genesis, на которую неоднократно ссылается Александр Вендт.

можно сделать так: квантовая теория запрещает электронам упасть на атомное ядро, в то время как классическая просто призывает их это сделать, тем самым предопределяя «конец света» в считанные мгновения.

Но чтобы объяснить природу устойчивости атомов, равно как и множества других феноменов, ставших достоянием науки в начале двадцатого столетия, квантовой физике потребовались постулаты и предположения никак не вязавшиеся с привычными представлениями и просто со здравым смыслом. Так, основополагающим в новой теории утверждением служит так называемый дуализм де Бройля, согласно которому движущаяся частица обладает одновременно всеми признаками волны и *vice versa*. В противоположность классической физике со времен Ньютона и Гюйгенса, непримиримо спорившей о природе света – корпускулы или волны? – квантовая физика заменила «или» на «и». Возникающая при этом на первый взгляд неопределённость, как выяснилось в развитии дуалистической парадигмы, не только не размыла картину мира, но, напротив, позволила объяснить, предсказать и технологически утилизировать множество не наблюдавшихся и, зачастую, немыслимых по прежним меркам явлений природы. Достаточно назвать атомную энергетику, ядерное оружие, лазеры, нанотехнологии.

Логика «и/и» взамен классического подхода «или/или» проявляется и в другом фундаментальном принципе квантовой механики. Речь о так называемом принципе суперпозиции, согласно которому, если одно из состояний некоей системы при измерении с достоверностью приводит к результату 1, а другое состояние этой же системы – к результату 2, то при последующих измерениях мы будем получать как результат 1, так и результат 2. Относительные вероятности обнаружить то или иное состояние определяются при помощи математических методов, развитых и применённых как инструмент квантовой теории в середине двадцатых годов прошлого столетия. Иными словами принцип суперпозиции означает, что система одновременно пребывает и в состоянии 1, и в состоянии 2. Хрестоматийным примером такого квантового поведения служит дифракция (явление, присущее волнам) электрона на двух параллельных щелях, свидетельствующая об «одновременном» прохождении одной-единственной микрочастицы через обе щели (рис.1).

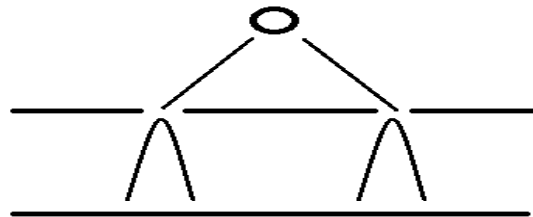
Рисунок 1.
Прохождение электронов по двум щелям.

При этом если мы установим в щелях детекторы электронов, фиксирующие присутствие электрона в той или иной из щелей, то характерная дифракционная картина, наблюдаемая в отсутствие детекторов, исчезнет – как и подобает не волне, а частице (рис.2).

Этот эксперимент демонстрирует ещё одну особенность квантовой механики, отличающей её от классической: всякое измерение влияет на исследуемый объект так, что мы принципиально не можем судить о физических характеристиках экспериментально изучаемой микросистемы иначе как по изменениям, которые она при взаимодействии порождает в макроприборе. В этом состоит известный парадокс интерпретации квантовой теории: явления микромира могут быть описаны лишь на языке классической физики, который применительно к субатомным процессам испытывает принципиальные затруднения, поскольку не может достаточно адекватно и полно изъяснить ряд важных понятий, присущих лишь квантовым объектам. К такого рода понятиям относится, скажем, термин атомные орбиты, исторически заимствованный из астрономии, но стремящийся описать существенно иную, чем «солнце – планеты» картину обращения электронов вокруг ядра.

Рисунок 2.
Прохождение электронов по одной из щелей.

Дж. Бьюзмейер и П. Блаза демонстрируют преимущества применения принципа суперпозиции в социальных и политических науках на следующем примере. В течение судебного процесса каждый член коллегии присяжных формирует определенное мнение о виновности подсудимого. Это мнение ограничено наиболее резкими из возможных оценок – «виновен» или «невиновен» ($p \in [0; 1]$). По мере заслушивания доводов обвинения и защиты позиция каждого присяжного колеблется в одной из двух траекторий – либо «скорее виновен» ($p > 0.5$), либо «скорее невиновен» ($p \leq 0.50$). Безусловно, мнение присяжных может меняться, значит необходимо учитывать динамику процесса принятия решения. В классических моделях принятия решений происходит следующее: мнению любого присяжного в каждый момент судебного процесса приписывается одна из трёх траекторий – переход в область «скорее виновен» ($p > 0.5$), переход в область «скорее невиновен» ($p \leq 0.50$) или нулевой переход (присяжный не изменил своего мнения). То есть, существует набор траекторий, который применяется к каждому моменту времени, в зависимости от чего мнение

присяжного оказывается либо в области «скорее виновен», либо области «скорее невиновен». По мере продвижения судебного процесса к вердикту, классическое моделирование определяет вероятность для каждой точки – из выборки траекторий от условной «предыдущей» точки. В итоге, чем больше происходит таких операций, тем больше отсекается возможных вариантов. То есть, классические модели принятия решений работают по принципу преодоления и частичного игнорирования рассеивающего эффекта социальной (и, в данном случае, психологической) реальности. Кроме того, предполагается, что член коллегии присяжных в любой момент времени может точно сказать, что он думает по поводу обвиняемого, что передает метафора точки, к которой «прикладывают» различные траектории.

Но классические модели не могут включить в себя такие состояния присяжного, как неуверенность, растерянность, непонимание аргументов защиты и (или) обвинения. Учесть их в модели принятия решений можно только признав, что мнение присяжного одновременно может включать и «скорее виновен», и «скорее невиновен». Это не значит, что у присяжного сразу два мнения, а только, что оба мнения возможны. Такой подход подразумевает, что нет точной траектории от начала до конца судебного процесса с развилками по трём направлениям в каждой точке. Есть условная область возможных траекторий – вытянутое «пятно». Иными словами, никто не станет спорить, что «пятно», вопреки возможным ожиданиям, точнее отразит процесс принятия решений присяжным, чем линия, не учитывающая множество факторов [6, с. 2-3].

Существует ещё одна особенность, если не сказать парадокс, квантовой механики: будучи завершённой в математическом смысле и обладая благодаря этому, пожалуй, беспрецедентной в истории физических теорий предсказательной силой, она в части философских интерпретаций не находила консенсуса даже в узком кругу своих создателей. Достаточно упомянуть знаменитую полемику о смысле экспериментально наблюдаемых квантовых характеристик между Альбертом Эйнштейном и Нильсом Бором. Особые мнения при полном взаимном признании основополагающих для новой теории математических результатов отстаивали в своих философских интерпретациях и Вернер Гейзенберг, и Луи де Бройль, и Эрвин Шредингер, и Поль Дирак, чьи труды составляют фундамент квантовой механики [2, с. 77-88]. Философская дискуссия в среде физиков первого ряда продолжается и сегодня, основываясь при этом на полном профессиональном взаимопонимании внутри математического контекста решаемых задач [3, с. 413-435]³.

Начиная с середины девятнадцатого века, в общественных науках возник и укоренился так

или иначе разделяемый всеми научными школами подход к изучению человеческой природы как неотъемлемой части материального мира. И коль скоро последний вплоть до двадцатых годов прошлого столетия трактовался исключительно в рамках классической физики, предполагающей строгий детерминизм в поведении всех изучаемых ею объектов, то и науки о человеке и обществе молчаливо исходили из парадигмы, рассматривающей человека как машину. Пусть очень сложную, зачастую с необъяснимыми чертами, но принципиально познаваемую в своих мотивациях и действиях исходя из физических законов. Законов классической физики.

А. Вендт в своей книге не только не посягает на физические (физикалистские) «фундаменты» общественных наук, но, напротив, всячески подчёркивает их непреложность. Но при этом он обращает внимание своих коллег по цеху на то, что они прозевали в физике квантовую революцию, которая, по его мнению, будучи обдуманной общественоведами позволила бы им успешно выйти из замкнутого круга неразрешимых в представлениях классической физики проблем.

Мировоззрение, основанное на классической физике, предполагает, что любой материальный объект может быть представлен в виде композиции его меньших фрагментов, которые существуют и могут быть познаны по отдельности и независимо от свойств субъекта исследования. Такой подход может быть (и действительно был) весьма плодотворным в общественных науках вплоть до столкновения с проблемой сознания, природу которого в его рамках объяснить весьма затруднительно. Не говоря уже о таких проявлениях сознания, как свобода воли, творчество и целеполагание.

Квантовая физика даёт иной взгляд на глубинное устройство материи: начиная с некоторого шага в череде фрагментаций на более мелкие составляющие, она перестает быть представима в виде их композиции или суммы, а «растворяется» в «волновых функциях», не обладающих классической определённойностью свойств. Скажем, волновая функция микро- (квантовой) частицы не говорит нам о её местоположении в пространстве, а лишь содержит информацию о вероятности обнаружить её в той или иной координате.

При этом общепринятой точкой зрения является избыточность столь рафинированной теории для понимания свойств макрообъектов, квантовая делокализация которых исчезающе мала по сравнению с их собственными размерами. Здесь по-прежнему практически исчерпывающее применима классическая физика. Но избыточность ещё не означает неприменимости. И сам по себе размер физического объекта может не обязательно выводить его из разряда «квантовых». Особенно, если его наблюдаемые свойства совершенно необъяснимы в рамках классической физики. Таков человеческий мозг.

³ См. также предисловие академика В.Л. Гинзбурга.

И потому квантовая модель мозга, предполагающая, что, несмотря на макроразмеры, ему присущи многие свойства микрочастиц, описываемые квантовыми волновыми функциями, вот уже несколько десятилетий служит темой детального обсуждения в среде весьма авторитетных и серьёзных ученых – молекулярных биологов, нейрофизиологов, философов и, конечно, физиков.

Отталкиваясь от гипотезы «квантового мозга», А. Вендт развивает её в направлении квантовой природы сознания и далее – общественных отношений. Главный тезис гипотезы сам автор формулирует так: человеческие существа – это свободно разгуливающие волновые функции (англ. *human beings are walking wave functions*), подчиняющиеся не классическим, а квантовым законам, что с настоятельной необходимостью требует радикального переосмысления наших представлений о сознании – равно как индивидуальном, так и общественном.

А. Вендт настаивает, что социальная и политическая реальность, в конечном счете, действует в пределах законов квантовой физики [10, с. 11]. Это не отменяет наличие законов социальных наук, но предполагает, что они являются в лучшем случае правилами второго порядка. Исходя из этого, старательный исследователь может найти в каждой закономерности социальной и политической реальности определённую «квантовую» составляющую.

По мнению А. Вендта, одним из преимуществ привлечения принципов квантовой физики в исследования социальных и политических процессов является использование нисходящих причинно-следственных связей. При этом ученый призывает к более широкому пониманию каузальности и оговаривается, что «квантовая» социальная онтология не равнозначна жёсткому детерминизму, поскольку социальную и политическую реальность необходимо трактовать шире, чем отношения взаимной причинности и взаимного влияния.

То, что отдельные элементы, складываясь в нечто большее – сборное – придают ему не наблюдавшиеся до этого свойства, явление известное и достаточно распространённое. Вспомнить хотя бы сноп или метлу, которые гораздо труднее сломать, чем отдельный стебель или пруттик. «Целое больше, чем сумма частей» – расхожая фраза, отражающая подобные феномены. Впрочем, точнее было бы, наверное, говорить: «Целое – иное, чем сумма разрозненных частей». Убедительной иллюстрацией здесь может служить любая молекула, которая в самом общем случае (за исключением, разумеется, одноатомных молекул) не повторяет свойств составляющих её атомов, а обнаруживает настолько отличные от них качества, что сравнивать их в какой бы то ни было шкале, включая «больше-меньше», представляется едва ли не абсурдным.

В то же время нельзя отрицать тот интуитивно принимаемый факт, что именно свойства

атомов – химических элементов – и определяют, в конечном счете, свойства собранных из них молекул. И химики готовы подтвердить это бесчисленным количеством указаний в пользу такого взгляда, например, замените в молекуле кислорода один из атомов на атом углерода и вы получите угарный газ.

Поэтому в данном классе примеров – от снопа до самых сложных химических соединений и кристаллических структур – проблему «целое–части» принято рассматривать в рамках эмерджентизма, означающего принципиальную возможность вывести (предсказать) свойства сборной конструкции на основании знаний о свойствах её отдельных элементов и о «чертеже» или пространственном рисунке сборки.

Сложнее обстоит дело в биологии и в кибернетике, где приходится принимать во внимание различные динамические характеристики взаимодействия, включающие среди прочего зависимость целого от соотношения скоростей протекающих в отдельных его частях процессов и в силу этого – от возникающих во времени причинно-следственных цепочек, вообще говоря, не всегда обладающих однозначной направленностью. Широко известным примером такого рода можно считать рекомендации принимать одни лекарства до еды, а другие – после: результат двух биохимических реакций может меняться в зависимости от их последовательности, причем зачастую опосредованно – через влияние на превращение и процессы, происходящие в пространственно удалённых от желудочно-кишечного тракта (как в данном случае) частях организма.

Последнее обстоятельство, по всей видимости, даёт основания для холистического взгляда, предполагающего влияние целого на свойства своих частей, что, очевидно, не подрубает эмерджентистского подхода, при условии, что «восходящий» эмерджентизм дополняется «нисходящим», понимаемым как коррекция со стороны целого на происходящее в его частях с последующим «исправлением» самого целого. Такая система обратной связи в результате необходимого количества итераций приводит к состоянию «целого», в конечном счёте, определяемого состояниями «частей». И вновь появляются все основания говорить о детерминистической роли свойств частей в отношении свойств целого. Отметим, что такой детерминизм сущностно содержит разнесённую во времени (диахронную) последовательность причин и следствий.

В общественных науках «части» – это человеческие существа, индивидуумы, каждый из которых постоянно обнаруживает «намерения» или «намеренные действия». А. Вендт проводит следующую параллель: «Идея состоит в том, что хотя наши тела и заключены в пространства под кожей и существуют отдельно друг от друга, наш разум находится во взаимосвязи, устанавливаемой посредством языка, и этот язык,

я утверждаю, есть квантовый феномен» [5]. Теперь уже понимание свойств «целого» – социальных структур – как производного от свойств отдельных его членов, очевидно, не может быть исчерпывающе реализовано в рамках эмерджентизма даже вкупе со сколь угодно ухищрёнными поправками и дополнениями холистического происхождения, содержащими каскад последовательных (следующих друг за другом) итерационных коррекций со стороны целого на его части и в обратном направлении. Понятно, что многие «намеренные действия» отдельных людей и социальных структур в целом происходят не «по очереди», а синхронно взаимно и непрерывно, определяя принципиально неотделимые друг от друга и делокализованные по пространству общезития свойства.

Приходя к этому выводу, А.Вендт справедливо отмечает, что подобное присутствие явных черт эмерджентизма и холизма при отсутствии как «вертикальной», так и временной причинно-следственной иерархии (англ. «flat») не имеет аналога в классической физике, что служит автору *Quantum Mind and Social Sciences* лишним аргументом для поиска единого онтологического фундамента естественных и общественных наук в квантовой теории.

Действительно, квантовые представления позволяют непротиворечиво сочетать в единой картине синхронное и «равноправное» взаимовлияние «целого» и его частей. Отправной точкой для такой возможности служит уже упоминавшийся принцип суперпозиции двух или нескольких состояний одной и той же системы, согласно которому она пребывает в них одновременно, но, вообще говоря, с неодинаковыми вероятностями обнаружить то или иное состояние при измерении. Одним из следствий такой посылки является утверждение о невольном выборе, осуществляемом одной из частей «целого» (система + «измеряющий» её наблюдатель), а именно наблюдателем, реализующим (фиксирующим) лишь одно из всех возможных состояний другой части – системы. Но это же означает, что воздействуя на систему путём такого выбора, сам наблюдатель в тот же момент перешёл в иное состояние: своей осведомленности о конкретном состоянии измеряемой им системы. Этот логический пассаж сродни рассуждению, которое носит название «парадокса друга Вигнера» [12, с. 284]. Синхронный комэмерджентизм, «со-деятельность» объекта и субъекта измерения в момент перехода в новое состояние системы, обуславливают холистский подход к устройству Вселенной и её частей, даже таких, как социальные и политические процессы [4, с. 132-134].

Как и в квантовой физике, в «квантовом» и холистском подходе А. Вендта сложным моментом является разграничение мира возможностей и мира действительного. Согласно Вендту, социальные структуры «выдергиваются» агентами из квантового мира возможностей в классиче-

ский мир действительности. Иными словами, социальные структуры всегда реализуются в конкретных практиках и в четко фиксируемом контексте, а с исчезновением соответствующих практик – уходят в небытие. При этом социальные структуры оказывают воздействие на практики, делают какие-то из них более вероятными, а также – на сам контекст происходящего, влияя на коллективные предпочтения [10, с. 264-265].

Просматривается определённая аналогия между социальными структурами в трактовке А. Вендта и так называемыми виртуальными частицами. Это, по большому счету, не совсем частицы, а во многом абстрактная конструкция, способ согласовать кратковременные отклонения показаний в квантовых полях и фундаментальный закон сохранения энергии. Виртуальные частицы не существуют самостоятельно и возникают при столкновении и распаде обычных частиц. Эти частицы ненаблюдаемые и, в конечном счёте, их существование является удобным допущением, их существование принимается на веру. Для Вендта эта ситуация означает следующее: во-первых, с точки зрения физики нельзя совсем отрицать наличие ненаблюдаемых структур, а, во-вторых, в социальных структурах должно иметься нечто схожее по способу функционирования – отсюда идея «выдергивания», кратковременности пребывания социальных структур в мире действительного.

Если последовательно применять дуализм де Бройля, то отношения агента и структуры должны описываться и пространственно-временными характеристиками. Такие характеристики, вероятно, должны показать, как обеспечивается целостность Вселенной, когда те или иные структуры то появляются, то исчезают, причем в силу их ненаблюдаемости – не ясно, когда именно это происходит. Для Вендта временной аспект очень важен, поскольку, по его мнению, социальные явления представляют собой переходы от неопределённого состояния к определённому. При этом и практика в «Квантовом разуме» также одномоментная, несмотря на крайне непростую эволюцию от возможности к реальности: «Когда я двигаю рукой, это не значит, что у меня сначала появляется воля подвигать рукой и затем воля исполнить это, я просто двигаю рукой» [10, с. 264]. Между тем, такое пренебрежение темпоральностью практики недостаточно обосновано: если в аналитических целях иногда и допустимо убрать временной аспект, это не означает, что практика в принципе не имеет длительности и темпа. В частности, П. Бурдьё следующим образом иллюстрирует единство настоящего и настоящего: «Спортсмен, вовлечённый в игру, увлечённый игрой, сообразуется не с тем, что он видит, а с тем, что он предвидит, видит заранее в непосредственно воспринимаемом настоящем, и он посылает мяч не туда, где находится партнер, а туда, где тот окажется...» [1, с. 159].

Даже если встать на точку зрения Вендта относительно одномоментности практики,

остаётся множество вопросов: могут ли существовать структуры для части из всего количества агентов, существуют ли эти структуры в этот момент для другой группы агентов, как сказывается на агентах и на социальном контексте полное исчезновение неких структур, и, наоборот, как влияет на агентов и структуру повторение определённых практик (формирование институтов в широком смысле слова). А в целом, «выдергивание» социальных структур из мира возможностей и их существование в пределах одномоментных практик оставляет серьёзные вопросы относительно целостности Вселенной, во всяком случае, её социального и политического компонента. Таким образом, просматривается социально-темпоральный предел квантового холизма, вероятно, можно поставить вопрос и о наличии пространственного предела: где локализуются «выдергивания» социальных структур из мира возможностей, как сочетается квантовая «запутанность» (возможность нелокального взаимодействия) с более привычными для социальных наук взаимодействиями двух и более связанных объектов.

Наконец, А. Вендт пока не представил детального видения отдельных элементов социальной и политической реальности. В частности, как можно было бы использовать волновую природу внешнеполитической деятельности, будет ли это сильно отличаться от условно выделяемых исследователями циклов и историографических периодов (например, в российско-американских отношениях). Также можно предположить, что структура международных отношений надолго «выдергивается» из мира возможностей за счет относительно стабильного распределения материальных факторов и деятельности международных институтов, то есть повторяемых практик. Очевидно, что в этом случае необходимы теории, более детально поясняющие, как складываются волны отдельных индивидов, обществ, их сознательное и бессознательное. А. Вендт справедливо подчёркивает, что для этого необходима целая группа теорий среднего уровня.

Миссия таких теорий (а вернее – комплекса теорий), вероятно, заключается в следующем. На современном этапе международники в разной степени находятся под влиянием детерминистских теорий рациональности (главным образом, «ограниченной рациональности»). Конечно, это не означает, что факторы национальных культур и идентичностей, норм и институтов ускользают от внимания исследователей. Однако эти факторы скорее воспринимаются как дополнение или основания для модификации рационалистических моделей [8, с. 919-941]. Даже если мы предположим, что интересы государства и его действия – это результат «агрегирования» интересов и предпочтений множества групп и индивидов, не стоит забывать о состояниях неопределённости, в которых может пребывать любой политический актор (вспомним о присяжных,

которые не уверены в вердикте, запутались в аргументации защиты или обвинения). Соответственно, одно из направлений «квантового поворота» в теории международных отношений заключается в кардинальном пересмотре роли рациональности, в усвоении постнеклассического её понимания.

Переход к постнеклассической рациональности имеет большое значение с точки зрения онтологической и методологической целостности дисциплины. Не секрет, что ТМО – это во многом интерпретативистская дисциплина. В условиях реконфигурации основных понятий, границ самой дисциплины и уровней анализа происходит синтез основных парадигм, их взаимодействие. На практике каждый учёный сам определяет параметры комбинирования и пределы заимствования подходов из арсенала конструктивизма, либерализма, реализма, марксизма и их новейших течений [9, с. 224-225]. Квантовый физикализм, во многом, появился из-за стремления А. Вендта ликвидировать разрыв между интерпретативистским содержанием (практикой) и позитивистской формой науки о международных отношениях – но не на основе декларирования некоего теоретического компромисса, а с помощью поиска онтологических оснований такого сближения. Иными словами, Вендт наглядно демонстрирует, как позитивизм и интерпретативизм могут оказаться сторонами одной медали.

Наконец, привлечение эвристического потенциала квантовой физики по-новому раскрывает проблемы соотношения структуры и агента в международных отношениях. Напомним, что А. Вендт придаёт конструктивистскому проекту в ТМО законченный (хотя и менее конструктивистский) вид, рассматривая государство с «квантовых» позиций. В ранних работах Вендта эта проблема рассматривалась следующим образом: социальные структуры существуют дискурсивно, дискурс наделяет их значением. Данные структуры появляются на основе повторения агентами действий и правил (общего для агентов значения каких-либо понятий). Такова и структура МО, хотя агентами в процессе её формирования выступали государства. Вернее, это не столько структура в классическом смысле, сколько международная анархия, во взаимодействии с которой проявляются интересы и идентичности государств [11, с. 350-358].

Квантовый физикализм рассматривает государство в дуалистическом ключе. С одной стороны, государство – это волновая функция, проявляющаяся через нелокальные (квантово «запутанные») связи. В этом смысле, государство объединяет в себе все вероятные сценарии развития, является тем самым «пятном» возможностей. С другой стороны, государство – это результат конкретных действий, четко фиксируемых в пространстве и времени (голосование, уплата налогов, паспортный контроль в аэропорту). Это описание означает, что государство

■ Современные технологии и международные отношения

можно рассматривать как результат сложения индивидуальных волн (волновой интерференции): хотя, безусловно, «вклад» чьих-то волн был больше, чем роль других [10, с. 268]. Методологически это более сильная позиция, чем интуитивное рассмотрение государства как «бильярдного шара». Также, это означает несколько иной взгляд на проблему агента и структуры: международная анархия конструируется государствами, которые являются проекцией разума каждого человека. Соответственно, государство проявляется, когда мы думаем о нём, что в свою очередь даёт жизнь международной анархии, а затем взаимовлияние анархии и государств вновь находит отражение в разуме и практике [10, с. 272-273]. То есть, без индивида проблема агента и структуры в международных отношениях не решается: просто представить государство как автономного агента уже не получается.

Отдавая должное дерзновенности предположения о «квантовом разуме», нельзя не отметить,

что пока оно не содержит даже предварительной попытки математической формализации. И потому перенос «квантовой идеологии» в общественные науки потребует для своего обоснования известных «переводческих» усилий, разъясняющих что, например, в социальной психологии следует понимать под волновой функцией.

Так или иначе, «квантовый разум» – это пока гипотеза, сталкивающаяся, как и всякая революционная, «безумная» идея со множеством возражений. Но авторитет автора и поистине энциклопедическая аргументация, приводимая им для обоснования гипотезы (точнее – права на её существование), а главное – онтологический калибр поднятой проблемы позволяют уже в ближайшем будущем ожидать широкой и, конечно, бурной дискуссии с участием самых видных представителей практически всех отраслей человеческих знаний.

Список литературы

1. Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя. М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001. 562 с.
2. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое: Пер. с нем. И.А. Акчурина, Э.П. Андреева. М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1989. 400 с.
3. Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. №175 (4) [с предисл. акад. В.Л. Гинзбурга]. С. 413 - 435.
4. Севальников А.Ю. Интерпретации квантовой механики: в поисках новой онтологии. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 192 с.
5. Интервью с А. Вендтом [Электронный ресурс]. / Центр исследований международной безопасности имени Р. Мершона. Режим доступа: <https://mershoncenter.osu.edu/news/mershon-news/q-and-a-alexander-wendt-on-quantum-mind-and-social-science.html> (дата обращения: 21.05.2016).
6. Busemeyer J.R. Quantum models of cognition and decision. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 424 p.
7. Encyclopedia of Science and Religion. Ed. by J. Wentzel Vrede van Huyssteen. New York: Thomson/ Gale. 2003. 900 p.
8. Kahler M. Rationality in International Relations // International Organization. 1998. Vol. 52. No. 4. Pp. 919 - 941.
9. Sindjoun L. Transformation of International Relations: Between Change and Continuity: Introduction // International Political Science Review = Revue internationale de science politique. 2001. Vol. 22. No. 3. Pp. 219 - 228.
10. Wendt A.E. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 366 p.
11. Wendt A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. 1987. Vol. 41. No. 3. Pp. 335 - 370.
12. Wigner E.P. Remarks on the mind-body question // The Scientist Speculates. Ed. by I J Good. London: Heinemann, 1961. Pp. 168 - 181.

Об авторах

Алексеева Татьяна Александровна – д.ф.н., заведующая кафедрой политической теории МГИМО, заслуженный деятель науки РФ. E-mail: ataleks@mail.ru.

Минеев Александр Петрович – к.ф.-м.н., доцент кафедры политической теории МГИМО. E-mail: mineyev@list.ru.

Лошкарёв Иван Дмитриевич – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО. E-mail: kixlo@rambler.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект № 16-03-00803 ««Инновации в методологии политических наук (попытки применения открытий в области физики)»».

«LAND OF CONFUSION»: QUANTUM PHYSICS IN IR THEORY?

T. A. Alekseeva, A.P. Mineyev, I.D. Loshkariov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the “Quantum mind” hypothesis which has been elaborated in recent works of Alexander Wendt. It is ultimately significant to analyze this hypothesis and to expand on its difficulties and possible inconsistencies given Wendt’s credentials in IR theorizing. It allows us to develop a new approach and promising research program on the basis of the hypothesis and its critical reflection.*

Wendt’s quantum physicalism (or holism) implies serious philosophical injury and outstanding usage of different science disciplines’ apparatus including physics, biology, and psychology. Thought-provoking approach of Wendt boosts researching efforts within the field of political philosophy, world politics and international relations. The main feature of the hypothesis is the idea of quantum nature in social and political processes which appears to be the consequence of epistemological authority of current science.

Alexander Wendt proposes several explanations for quantum foundations within the political and social processes including wide-known “agent-structure” dilemma. According to him, invisibility of social structures does not lead to denial of its existence. Firstly, social structures emerge from the space of possibilities and are not directly dependant on material factors. Secondly, invisibility and its acceptance in different areas are parts of science clarification in many areas including quantum physics.

The article discusses how quantum physics principles such as particle-wave dualism, superposition and size absoluteness can be useful in social and political studies. This allows us to demonstrate the given hypothesis’ potential in research field of social sciences with regard to international relations and world politics.

Key words: “Quantum mind”, Alexander Wendt, quantum physicalism, holism, emergentism.

References

1. Bourdieu P. Prakticheskij smysl [Practical Reason: On the Theory of Action] / Transl. by A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaja, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Ed. by N.A. Shmatko. Sanct-Petersburg: Aleteija, Moscow, Institut jeksperimental'noj sociologii, 2001. 562 p. (In Russian).
2. Gejzenberg V. Fizika i filosofija. Chast' i celoe [Physics and philosophy: parts and the whole]. Transl. by I.A. Akchurin, J.P. Andreev. Moscow, Nauka Publ., Glavnaja redakcija fiziko-matematicheskoy literatury, 1989. 400 p. (In Russian).
3. Menskij, M.B., Konceptcija soznaniya v kontekste kvantovoj mehaniki [Cognition in the context of quantum physics]. Uspеhi fizicheskikh nauk, 2005. №175 (4). pp. 413-435. (In Russian)
4. Seval'nikov A.J. Interpretacii kvantovoj mehaniki: v poiskah novoj ontologii [Quantum mechanics interpretations: in the search of new ontology]. 2nd ed. Moscow, LENAND Publ., 2016. 190 p. (In Russian).
5. Interview with A. Wendt / Mershon Centre for International Security Studies. Available at: <https://mershon-center.osu.edu/news/mershon-news/q-and-a-alexander-wendt-on-quantum-mind-and-social-science.html> (Accessed 21.05.2016).
6. Encyclopedia of Science and Religion. Ed. by J. Wentzel Vrede van Huyssteen. New York: Thomson/ Gale. 2003. 1050 p.
7. Busemeyer J.R. Quantum models of cognition and decision. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 424 p.
8. Kahler M. Rationality in International Relations. International Organization, 1998, vol. 52, no. 4, pp. 919 - 941.
9. Sindjoun L. Transformation of International Relations: Between Change and Continuity: Introduction. International Political Science Review = Revue internationale de science politique, 2001, vol. 22, no. 3, pp. 219 - 228.
10. Wendt A.E. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 366 p.
11. Wendt A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. International Organization, 1987, vol. 41, no. 3, pp. 335 - 370.

12. Wigner E. P. Remarks on the mind-body question. The Scientist Speculates. Ed. by I. J. Good. London: Heinemann, 1961. Pp. 168-181.

About the authors

Tatiana A. Alekseeva – Doctor of Science (Philosophy), Head of Political Theory Department at MGIMO-University, Honoured scholar of the Russian Federation. E-mail: ataleks@mail.ru.

Aleksander P. Mineev – PhD (Physics and Mathematics), Assistant Professor Political Theory Department at MGIMO-University. E-mail: mineyev@list.ru.

Ivan D. Loshkariov – post-graduate student of World Politics Department at MGIMO-University. E-mail: kixlo@rambler.ru.

This work has been accomplished with financial support from the Russian Foundation for Humanities, research project № 16-03-00803 'Innovations in methodology of Political Science (attempts to make use of discoveries in physics)'.

ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.С. Зиновьева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье оцениваются экономические, военно-политические и социально-гуманитарные возможности России в формирующемся глобальном информационном обществе, инфраструктурную основу которого составляет глобальная сеть Интернет. Автор отмечает, что несмотря на значительный экономический потенциал интернета и его вклад в мировую экономику, сегодня наметилась тенденция к милитаризации информационного пространства и росту значимости проблемы международной информационной безопасности. Эта тенденция является отражением международных процессов формирования многополярной системы, сопровождающейся ростом конфликтности, которые в информационном пространстве нашли отражение в ряде ярких событий последних лет, среди которых атаки супервируса «Стакснет» на иранскую АЭС в Бушере, разоблачения «Викиликс», дело Сноудена. Российская дипломатия участвует в выработке глобальных правил регулирования информационного общества и обеспечения информационной безопасности, основанных на уважении суверенитета и равноправии государств, причем её успехи на данном направлении создают для России весомый политический ресурс влияния в информационной сфере.

Россия является глобальным центром силы в военно-политическом, дипломатическом измерениях информационного пространства, в то время как по экономическому и социо-культурному потенциалу она выступает как региональный игрок. Вместе с тем, милитаризация информационной сферы, хотя и не снимает необходимость дальнейшего укрепления экономического и технологического потенциала России, повышает значимость и приоритетность военного и политического ресурса. Военный и политико-дипломатический потенциал России обеспечивают возможность системного влияния на направления развития глобального информационного общества – то есть делают Россию полюсом силы в рассматриваемой сфере международной политики.

Учитывая, что сегодня информация и информационные технологии выступают в роли важной составляющей т.н. «совокупной мощи» государства, информационный потенциал России позволяет ей претендовать на роль глобального центра силы как в информационном, так и в «офлайновом» мире.

Ключевые слова: Интернет, милитаризация, многополярность, однополярность.

Глобальное информационное общество

Основной инфраструктурой современного информационного общества, обеспечивающей его единство и связность, является глобальная сеть Интернет. Значимость интернета в рамках глобального информационного пространства подтверждается масштабами его использования. За всю историю человечества интернет стал самым быстро растущим средством коммуникации. Количество пользователей интернета неуклонно возрастает – если в начале 2008 г. насчитывалось 1.4 млрд пользователей, то в 2014 г. число пользователей удвоилось и достигло 2.8 млрд, то есть более трети населения Земли [26]. На сегодняшний день охват интернета глобален, при этом наибольшее число пользователей проживает в Азии (44% от общего числа, всего более 1 млрд), на втором месте Европа (21.5% от общего числа, всего 518 млн), затем Северная Америка (11% от общего числа, всего 273 млн). Менее всего пользователей в Австралии и Океании (1% от общего числа, всего 24 млн) [26]. В России 2015 г. интернетом пользовалось около 80 млн человек, при этом по числу пользователей лидируют Москва и Санкт-Петербург, несмотря на постепенное преодоление цифрового разрыва, особенно за счёт проникновения сети в сельскую местность. В целом уровень проникновения интернета в РФ относительно невысок – 47%, однако в крупных городах он превышает 65% [15]. Представленные статистические данные показывают, насколько велик вес интернета как средства коммуникации в современном обществе.

На современном этапе в развитии глобальной информационной сети Интернет можно выделить следующие тенденции.

1. Основное количество вновь подключающихся пользователей проживает в странах Азии и Ближнего Востока. По экспертным оценкам, эти регионы сохраняют свой потенциал для интернет-технологий и в обозримом будущем. Как следствие, второй по распространённости язык в интернете – китайский [26] и у него есть все шансы обойти английский. Россия также стремится занять достойное место в интернет-пространстве и упрочить позиции русского языка. В 2010 г. был создан домен на кириллице «.рф». Таким образом, в будущем мы станем свидетелями действительно многоязычного интернета.

2. Широкое распространение получают блоги, социальные и peer-to-peer сети, вследствие чего пользователи являются уже не пассивными получателями информации, а её активными создателями, зачастую создавая серьёзную конкуренцию ведущим медиа компаниям. В 2009 г. впервые число пользователей социальных сетей превысило число пользователей электронной почты. В настоящее время число пользователей социальной сети Facebook превышает 1 млрд. Быстро развиваются и национальные социальные сетевые сервисы – так, по данным консалтинговой компании Alexa, российская социаль-

ная сеть «В контакте» занимает 26-е место в мире по объёму трафика (для сравнения Facebook занимает 1-е место, Twitter 7-е, а китайская социальная сеть QQ – 10-е) [34]. Социальные сети стали важным фактором международной политики и дипломатии, что нашло отражение в появившихся новых терминах – таких как «дипломатия социальных сетей» [6] или «Twitter революции» [27].

3. Наметилась тенденция к конвергенции телекоммуникаций или появлению унифицированных коммуникаций. Постепенно происходит объединение интернета и других телекоммуникационных технологий: радио, телевидения, телефона и др. на основе IP-сетей или сетей, основанных на пакетной передаче данных. Большая часть подключений осуществляется не с помощью стационарных компьютеров (как это было предусмотрено создателями сети), а с помощью мобильных телефонов и иных типов устройств. Таким образом, масштабы использования интернета как ключевого средства коммуникации возрастают, что увеличивает его значимость в современных обществах и зависимость от его стабильного и бесперебойного функционирования, актуализируя проблему информационной безопасности.

4. Растёт популярность «облачной» обработки данных. Все больше цифровых ресурсов отдельных пользователей и организаций хранится и обрабатывается на т.н. «серверных фермах», т.е. комплексах крупных хранилищ данных. Услуги «облачной» обработки данных предоставляют такие компании, как Google, Microsoft, Apple, Amazon и Facebook. Распространение такого рода технологий в условиях возрастающей зависимости общества от информации делает интернет действительно трансграничным, но при этом обостряет политическое измерение контроля перемещения информационных потоков в интернете.

5. К перспективным технологическим тенденциям развития Интернета относят также появление т.н. «больших данных», под которыми понимают оцифровку больших массивов данных, а также появление значительных объёмов цифровой персональной информации пользователей социальных сетей. Появление больших данных, а также программного обеспечения позволяющего их анализировать, в перспективе может стать значимым фактором влияния в международной политике. Как отмечают К.Н. Кукьер и В. Майер-Шёнбергер: «Если говорить об ускорении экономического роста, оказании услуг населению или о ведении войн, преимущества получают те, кто сможет поставить большие данные себе на службу» [10].

6. Наметилось формирование «интернета вещей», под которым понимается подключение к интернету различных физических устройств. Согласно определению, предложенному компанией Cisco, интернет вещей – это момент времени, когда количество "вещей" или материальных

объектов, подключенных к интернету, превысит число людей, пользующихся "всемирной паутиной" [23]. Согласно прогнозу консалтинговой компании «Международная корпорация данных», к 2020 году к интернету вещей будет подключено 212 млрд устройств, а объём этого рынка составит \$8,9 трлн [33].

Указанные тенденции, которые по сути своей носят технический характер, имеют очень широкие политические, экономические и международно-политические последствия. Они сводятся к усилению значимости политического контроля над информационными потоками для обеспечения безопасности государств и возрастанию роли интернета в «совокупной мощи» стран в экономической, политической и социокультурной сферах. Как и любая другая технология, информационные технологии и сформировавшееся на их основе информационное общество по своей сути тесно связаны с политикой, так как определение ключевых характеристик технологий является предметом политических противоречий, в том числе на международном уровне. Глобальное информационное пространство первоначально сформировалось как единая система с центром информационных потоков и инфраструктуры в США (что обусловлено еще и тем фактом, что интернет был создан как проект Министерства обороны США), однако по мере развития интернета и осознания его значимости, информационное пространство во все большей степени начинает отражать современную политическую систему мира.

С точки зрения инфраструктуры, глобальное информационное общество сохраняет ярко выраженную однополярную структуру. Большинство корневых серверов, серверов с данными пользователей социальных сетей, а также ключевая корпорация по управлению Интернетом ICANN территориально находятся в США или же в ведении бизнеса, базирующегося в США. Однополярная структура также наблюдается и в информационно-программных средствах, поддерживающих коммуникацию в информационном обществе. Крупнейшая социальная сеть Facebook и крупнейшая поисковая система Google являются коммерческими компаниями, базирующимися в США.

С точки зрения контента информационных потоков, структура глобального информационного общества больше соответствует плюралистической системе международных отношений. Информационное общество многоязыкое, многоконфессиональное, поликультурное, характеризуемое высоким накалом идейных споров и отсутствием идейной монополии. Формируются региональные подсистемы информационного пространства. Интенсифицируются информационные потоки между культурно и территориально близкими государствами (выделяют латино-американский кластер, кластер стран Юго-Восточной Азии, постсоветский кластер, евроатлантический кластер (внутри

которого отдельно выделяют североевропейский и южноевропейский кластеры), при этом в перспективе можно ожидать, что интенсифицируются потоки пакетной коммуникации между государствами ШОС и БРИКС, что обусловлено, прежде всего, стремлением государств создать альтернативный проект интернета [19] (однако, пока рано говорить о формировании кластера, так как культурные и языковые различия препятствуют коммуникации на уровне обществ). Регионализация является частью более широкой тенденции к «балканизации» интернета, выделению сегментов сети с целью защиты «информационного суверенитета», что обусловлено, с одной стороны, сохраняющимися межгосударственными противоречиями, а с другой стороны, стремлением обеспечить информационную безопасность и извлечь коммерческую выгоду из развития интернет-технологий.

США и западный мир в целом выступают с консервативных позиций против регионализации и «балканизации» интернета, стремясь сохранить однополярный статус-кво в информационном обществе. Россия же выступает за скорейшее приведение глобального информационного общества в структурное соответствие с существующей системой международных отношений, основанной на уважении государственного суверенитета. Однополярность в информационном обществе и многополярность в международном политическом обществе может приводить к конфликтам. Примерами таких конфликтов может служить череда «цветных революций», прокатившихся по постсоветскому пространству. В этих условиях Россия, с одной стороны, активизирует внешнюю политику, нацеленную на приведение информационного пространства в соответствие с многополярной международной системой, основанной на уважении государственного суверенитета, в рамках которой она является полюсом силы, а с другой – уделяет значительное внимание обеспечению информационной безопасности.

Интересы России в глобальном информационном обществе

В России, так же как и в других государствах мирового сообщества, происходит осознание огромного потенциала интернета, необходимости надлежащего государственного участия в регулировании интернета, раскрытии его экономического потенциала и обеспечении информационной безопасности, в том числе на международном уровне. Значимость национальных интересов России в области информационной безопасности и интернета особо подчеркивает тот факт, что они упоминаются в целом ряде официальных документов последних лет, среди которых «Стратегия национальной безопасности до 2020 года» [20], «Стратегия развития информационного общества» [21], «Концепция внешней политики Российской Федерации», «Основы государственной политики Российской

Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» [12] и др. В настоящее время осуществляются утвержденная президентом в 2007 г. «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации». Государственная программа «Информационное общество 2011–2020» ставит своей целью развитие информационных технологий в России, а также её вхождение в глобальное информационное общество [11]. Программа охватывает следующие направления: создание электронного правительства, преодоление цифрового неравенства, развитие новых технологий связи.

Как отмечают аналитики ИНСОР, «стратегической задачей России на данном историческом этапе является полномасштабное вхождение в глобальное информационное общество в качестве его полноправного участника — при сохранении политической независимости, национальной самобытности и культурных традиций» [17].

Впервые на официальном уровне национальные интересы России в информационной сфере были сформулированы в 2000 г. в «Доктрине информационной безопасности России». Согласно данному документу, национальные интересы в информационной сфере включают в себя интересы общества, личности и государства; на основе национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере формируются стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства [8].

Интересы личности в информационной сфере заключаются в реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, на использование информации в интересах осуществления не запрещённой законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития, а также в защите информации, обеспечивающей личную безопасность.

Интересы общества в информационной сфере заключаются в обеспечении интересов личности в этой сфере, упрочении демократии, создании правового социального государства, достижении и поддержании общественного согласия, в духовном обновлении России.

Интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры, для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и правопорядка, развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества [5]. Вследствие трансграничной природы интернета интересы России в данной области имеют

не только национальную, но и международную составляющую.

Внешнеполитическая стратегия в отношении информационной безопасности и управления интернетом логически вытекает из национальных интересов в интернет-пространстве и в информационной сфере. На международной арене Россия ставит перед собой задачу формирования универсального и всеобъемлющего международно-правового режима, не допускающего использования интернета в военных политических целях, а также обеспечивающего её стабильное, безопасное и непрерывное функционирование, уважение государственного суверенитета в информационном обществе и равенство государств в отношении международного права в информационной сфере.

Для решения обозначенных задач Россия принимает активное участие в обсуждении норм и правил регулирования информационного общества на глобальном уровне. Обсуждение проблематики управления интернетом с участием РФ проходит в рамках таких форумов, как ООН, МСЭ, ЮНЕСКО, ШОС, СНГ, Совет Европы. Россия часто является инициатором внесения в повестку дня этих форумов вопросов по инфо- и кибербезопасности, правового регулирования информационных технологий, управления интернетом. Россия исходит из того, что в ходе работы над созданием международно-правового режима информационной безопасности и управления интернетом необходимо объединение усилий всех организаций, как глобальных, так и региональных, при этом разработка правовой базы должна идти поэтапно, каждое следующее соглашение должно опираться на предыдущее. Глобальные конвенции необходимо разрабатывать с учётом соглашений, достигнутых в рамках региональных и тематических форумов.

Согласно позиции России, обеспечение информационной безопасности и уважение суверенитета в информационной сфере невозможны без интернационализации управления интернетом, техническая инфраструктура которого находится в управлении американской некоммерческой корпорации ICANN.

Интернационализация контроля над интернетом была обозначена в качестве приоритетной цели в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации». Россия также принимает активное участие в выработке направлений развития глобального интернета. Она стала первой страной, заявка которой на получение интернационализированного доменного имени на кириллице была утверждена. В 2010 г. появились первые сайты в кириллическом домене «.рф», призванном сделать интернет более доступным для не владеющих английским языком пользователей, а также упрочить суверенитет страны в информационном пространстве. Это является свидетельством возрастающего значения России в глобальном интернет-сооб-

честве. Ещё одним признаком расширяющегося сотрудничества является подписание Меморандума о взаимопонимании между ICANN и Ассоциацией документальной электросвязи России (АДЭ). Сотрудничает с ICANN и российский Институт проблем информационной безопасности (ИПИБ).

В соответствии с российской позицией, недопущение использования интернета в военно-политических целях необходимо рассматривать в рамках более широкой триады угроз международной информационной безопасности и продолжать работу в рамках уже задействованных на данном направлении организаций и принятых документов. Россия неоднократно заявляла, что она полностью поддерживает принцип, в соответствии с которым «ни одно правительство не должно обладать преимущественными полномочиями в вопросах международного управления интернетом» [4].

Россия исходит из потребности выработки определённых правил поведения государств в информационном пространстве. Это предполагает заключение международных договорённостей, на основании которых государства отказались бы от использования, передачи и применения средств информационного воздействия, то есть осуществления любых возможных агрессивных действий в информационном пространстве. Кроме того, обеспечение международной информационной безопасности предполагает противодействие международной информационной преступности и терроризму [7].

Охлаждение в отношениях с США, странами ЕС и другими государствами Запада, связанное с воссоединением России с Крымом, повлекли за собой отказ от ряда достигнутых договорённостей в сфере информационной безопасности. Но все же сохраняются каналы для взаимодействия, позволяющие разрешать вопросы, представляющие взаимный интерес, при этом России удаётся достаточно успешно претворять свои интересы в жизнь. Так, в 2014 г. начала работу Группа правительственных экспертов ООН, которая обсуждает вопросы применимости международного права к информационной сфере. В 2015 г. в рамках этой группы была впервые на глобальном уровне достигнута договорённость об ограничении агрессивных действий государств в киберпространстве (не атаковать объекты критически важной инфраструктуры, такие как АЭС) и использовании кибертехнологий исключительно в мирных целях. Активизируется взаимодействие с азиатскими странами, прежде всего, с Китаем, который также является полюсом силы в глобальном информационном обществе за счёт масштабного внутреннего рынка, технологического лидерства, военного потенциала и эффективной системы фильтрации информационных потоков, пересекающих границу государства, получившую название «Золотой щит». Традиционно, позиции России

и Китая в области международной информационной безопасности во многом совпадали – оба государства выступают за приведение информационного общества в соответствие с современной многополярной системой международных отношений. Развивается взаимодействие с КНР по вопросам создания защищенной и устойчивой инфраструктуры национальных сегментов Сети. Активная и инициативная российская дипломатия на данном направлении соответствует её амбициям как глобального центра силы.

Для лучшей оценки роли и места России в глобальном информационном обществе представляется целесообразным проанализировать российскую политику, ресурсы, интересы и возможности в трех измерениях глобального информационного общества – военно-политическом, экономическом и социо-гуманитарном.

Экономический потенциал России в глобальном информационном обществе

Несмотря на то, что развитие ИКТ в России рассматривается в основном с позиций безопасности, экономическое измерение проблематики также играет немаловажную роль, что обусловлено существенным воздействием информационной революции и интернета на мировую экономику. По оценкам «Бостон консалтинг групп», одной из ведущих фирм, занимающихся аналитикой в области мировой экономики, влияние интернета на экономику выше, чем любой другой технологии со времен промышленной революции [32]. Информатизация и развитие соответствующего сектора экономики является важным условием экономического роста и развития любой страны. В частности, без опоры на интернет и ИТ-технологии невозможно построение экономики, основанной на знаниях. Авторитетные исследователи, среди которых Клаус Шваб, основатель Всемирного экономического форума в Давосе, отмечают, что в настоящее время мы являемся свидетелями четвёртой промышленной революции (промышленная революция 4.0, промышленность 4.0) [28], объединяющей возможности информационных технологий, промышленного производства, интернета вещей и интернета услуг. Интернет-экономика обеспечивает существенную долю прироста глобального ВВП – 21% в течение пяти последних лет [32]. Таким образом, влияние интернета на экономику столь велико, что никакой бизнес, отрасль промышленности или государства не может его игнорировать.

Крупнейшим игроком на глобальном интернет-рынке являются США, американские компании получают более 30% от общих доходов, связанных с онлайн-деятельностью. Здесь также проявляется тенденция к многополярности – исследователи отмечают, что Индия и Китай усиливают свои позиции, причём темпы роста интернет-экономики и связанных с ней отраслей в этих странах достигают 20% в год.

■ Современные технологии и международные отношения

Россия обладает существенным потенциалом роста, но заметно отстаёт от государств-лидеров [32].

Руководством России информационно-коммуникационные технологии рассматриваются в качестве инструмента повышения конкурентоспособности экономики, повышения эффективности государственного управления и местного самоуправления. Более того, в условиях санкций, введенных рядом стран Запада, импортозамещение в сфере ИКТ видится как возможный двигатель экономического развития, также рассматривается возможность выхода российских ИТ-компаний на азиатские рынки.

На сегодняшний день Россия является динамичным и устойчиво растущим ИКТ-рынком [24]. Начиная с 2002 г. количество активных пользователей интернета в РФ неуклонно возрастает. По данным ФОМ, активная интернет-аудитория в России в 2015 г. составила 53% от населения страны, т.е. 61.5 млн человек [7]. Активно развивается и российский сегмент Интернета. Домен «.ru» по числу сайтов стал стал 10-м среди всех доменов верхнего уровня в мире. Домен «.ru» также является одним из самых быстрорастущих мировых доменов, а домен «.рф» остается крупнейшим интернационализированным доменом в мире [18]. Русский язык — второй по популярности во всемирной сети, аудитория российского интернета — крупнейшая в Европе. Скорость подключения к интернету существенно превышает аналогичный показатель в других странах постсоветского пространства. Уровень же проникновения мобильной телефонии составил 155% в 2014 г., что означает, что пользователей мобильных телефонов больше, чем население страны, к тому же значительная часть из них (65%) является пользователями мобильного интернета.

В 2015 г. в России объём рынка, который связан с интернетом, составил 16% ВВП [13]. При этом доля только интернет-экономики (за вычетом иных секторов, связанных с интернетом, но не ограничивающихся им) в России за 2015 г. выросла до 2.3% от ВВП, а в 2016 – уже 2.8%. Для сравнения доля интернет-экономики Великобритании, государства-лидера по этому показателю среди стран «Группы 20» составила 12.4%. Для США этот показатель 5.4%, для Китая – 5.9% [29].

Уровень проникновения интернета (соотношение количества активных пользователей интернета к населению) в России самый высокий в СНГ и БРИКС, но ниже, чем в странах «Группы семи» и странах Балтии [16].

Россия обладает рядом значимых ресурсов, которые усиливают её потенциал в данной области. В частности, сильная школа подготовки математиков и программистов, оставшаяся ещё со времен СССР. Многие специалисты, работающие в «Кремниевой долине» в США и других странах, – выходцы из России, в России есть много успешных компаний – в этой свя-

зи показателен успех ИРО компании «Яндекс», акции которой торговались на Нью-Йоркской фондовой бирже по цене более 10 млрд. долл. Еще одним примером успешной российской ИТ компании служит «Лаборатория Касперского», которая является одним из мировых лидеров в производстве антивирусного программного обеспечения.

Несмотря на стремление развивать национальный сектор, рунет во многом ориентирован на зарубежные рынки. На российском рынке присутствуют крупные интернет-компании Google и другие. Российские пользователи интернета пользуются и участвуют в работе таких иностранных сайтов, как Google, «Википедия», YouTube, Facebook, «Живой Журнал», Twitter, Blogger. Вместе с тем, на российском рынке доминируют российские интернет-компании. Наиболее популярной поисковой системой является «Яндекс», а по количеству активных пользователей в России социальная сеть «ВКонтакте» опережает Facebook, что связано, среди прочего, с возможностью получения в этой социальной сети свободного доступа к видео и музыкальному контенту.

Внимание к экономическому росту на основании ИКТ подчёркивает тот факт, что в начале 2016 г. президентом был подписан Перечень поручений, которые предполагают с одной стороны экономическое стимулирование российского интернет-рынка и приоритет для российских разработчиков при госзакупках, создание экспертизы таких проектов, в том числе в области новых технологий, таких как индустриальный интернет вещей. В этих же поручениях значительное внимание уделяется и вопросам безопасности, и в этой области существует противодействие со стороны интернет-индустрии, которая выступает против ужесточения регулирования рунета с целью обеспечения безопасности [13]. Это в целом показывает сложность достижения баланса между обеспечением безопасности и открытостью, необходимой для развития бизнеса. В последние годы этот хрупкий баланс смещается в пользу безопасности в условиях роста угроз информационного характера в рунете. Вместе с тем, обеспечение безопасности невозможно без развития технологий и опоры на бизнес-сектор – показательно, что в 2015 г. было принято решение обновить Доктрину информационной безопасности и новый текст планируется разрабатывать во взаимодействии с представителями отрасли, что означает рост внимания руководства страны к экономическому измерению проблематики информационной безопасности [29].

Несмотря на то, что российские интернет-компании доминируют на отечественном рынке и занимают сильные позиции на постсоветском пространстве, особенно среди русскоязычного населения, они существенно уступают западным компаниям, таким как Alphabet (Google), Facebook и др. по уровню капитализации, ко-

личеству пользователей, а также по влиянию на определение правил рынка. Таким образом, можно говорить о том, что Россия в интернет-экономике выступает как региональный центр силы, и не обладает глобальным потенциалом и ресурсами.

Военный потенциал России в глобальном информационном обществе

Развитие интернета и управление информационными потоками в России рассматривается преимущественно через призму обеспечения безопасности. Подобный перелом в государственной политике произошёл под влиянием «арабской весны» и массовых протестов в ходе «Евромайдана» на Украине, когда социальные сети и блоги активно использовались для координации протестного движения, причём эта тенденция усиливается в свете актуализации угрозы кибертерроризма, связанной с деятельностью ИГ в социальных сетях.

Актуальное понимание Россией угроз в области информационной безопасности можно проследить на основании принятой в декабре 2014 г. Военной доктрины Российской Федерации, где указано, что «наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации» [1]. В военной доктрине сохраняется и развивается видение, сформулированное в Основах государственной политики в области международной информационной безопасности на период до 2020 г., где Россия впервые обозначила опасность вмешательства во внутренние дела суверенного государства посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), нарушение общественной стабильности, разжигание межэтнической, межнациональной розни. Также в числе основных внешних опасностей для России в Военной доктрине выделены «использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности». К числу внутренних опасностей отнесена «деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, дезорганизацию функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации» [3]. В «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.» информационная безопасность рассматривается в качестве одной из важнейших составляющих национальной безопасности страны [12].

Интернет видится как канал навязывания чуждой идеологии и внешнеполитической пропаганды. Как отметил президент России В.В. Путин на заседании коллегии ФСБ в марте 2015 г., в 2014 г. было пресечено около 74 млн атак на официальные сайты и информационные системы органов власти России. В России в 2014 г. было зарегистрировано 11 тыс. преступлений в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации [14].

Однако, несмотря на внимание к проблеме информационной безопасности, обусловленное обострением угроз, окончательного «закрытия» интернет-пространства не произошло, хотя в последние годы был усилен контроль над данными и информационными потоками. В 2014 г. был принят ряд инициатив в области информационной политики, направленных на то, чтобы обеспечить устойчивость российского сегмента интернета, в том числе к внешним воздействиям. В частности, был принят законопроект, который предписывает всем операторам персональных данных (включая интернет-компании) обрабатывать и хранить их строго на территории страны. Кроме того, принят закон о регистрации блогеров, обсуждается возможность создания дублирующей инфраструктуры интернета в России. Данные решения повлекли за собой ожидаемую негативную реакцию со стороны интернет-компаний: так, штат разработчиков Google был выведен из России. В России также действует реестр запрещённых сайтов, причём доступ к сайтам может быть полностью заблокирован по различным причинам: распространение экстремистских материалов, детской порнографии, пропаганда суицида, информации о способах изготовления и распространения наркотических средств. Следует отметить, что общество в России в целом поддерживает идею «цифрового суверенитета». По данным опроса Левада-центра, более половины россиян (54 %) считают допустимым введение цензуры в интернете.

Выбранная стратегия представляется оптимальной, так как она, с одной стороны, обеспечивает открытость, необходимую для развития интернет-бизнеса и связанных с ним отраслей, а с другой стороны – управляемость и контролируемость российского сегмента интернета. Кроме того, как показывает опыт Египта, отключившего доступ к интернету в ходе протестов 2011 г., подобные действия влекут за собой существенные экономические издержки – по оценкам ОЭСР за каждый день отсутствия доступа к интернету потери составили 90 млн долларов [31].

В 2015 г. в Вооружённых силах РФ были сформированы специальные войска информационных операций, которые должны защитить российских военных от кибертерроризма и шпионажа [2]. Учитывая, что в открытых источниках официальных данных о российском киберпотенциале найти не удалось, о российском потенциале приходится судить по кос-

венным источникам, в частности, заявлениям официальных лиц США. Директор Агентства национальной безопасности (АНБ), глава американского Киберкомандования адмирал Майкл Роджерс в ходе слушаний в Конгрессе признал, что две страны обладают схожим с США военным потенциалом в киберпространстве — это Россия и Китай. По его словам, Россия может при помощи кибероружия нанести серьёзный ущерб критической инфраструктуре США (к такой инфраструктуре обычно относят АЭС и электросети, системы управления транспортом и водоснабжением и т. п.) [22]. Показательно, что в киберстратегии Министерства обороны США от 2015 г. в качестве основных угроз безопасности США указаны агрессивные действия России и Китая в киберпространстве [30].

Россия обладает значительным потенциалом не только в отношении кибероружия, но и информационного. Если информационная война вокруг конфликта с Грузией была неудачной для России, то в случае украинского кризиса Россия оказала достойный информационный отпор Западу. Успешная информационная кампания России опирается на наличие лояльной аудитории на постсоветском пространстве и активную работу с новыми инструментами онлайн-общения – социальными сетями, блогами, и иными интернет-медиа, и более широко – на социо-гуманитарные, культурные ресурсы России в информационном пространстве.

Действия, направленные на обеспечение безопасности российского сегмента интернета, вызывают критику со стороны международных неправительственных организаций. По данным организации «Фридом Хаус», базирующейся в США и проводящей исследования свободы слова в мире, если в 2012 г. интернет в России занимал 31-е место из 60 стран по уровню свободы слова, и вошёл в категорию «частично свободный», то уже в 2015 г. Россия опустилась на 62-е место и была классифицирована как «не свободная». Тем не менее, интернет в России значительно свободнее, чем в Китае (в 2015 г. находился на 88-м месте). Потенциально Российский сегмент интернета может эволюционировать до модели «Золотого щита» в Китае, но на сегодняшний день это маловероятно, так как реализация потребует значительных ресурсов [9]. Более того, российский интернет-бизнес и связанные с ним отрасли экономики в значительной степени зависимы от внешних рынков, что также снижает вероятность того, что Россия повторит опыт Китая по созданию масштабной системы фильтрации данных, пересекающих границы страны. При этом контроль над информационными потоками сегодня усиливается во всех государствах мира, согласно оценкам упоминавшийся ранее Фридом Хаус. Целый ряд событий последних лет, в том числе «Дело Сноудена», спровоцировало более внимательное отношение государств к вопросам информационной безопасности. Наиболее чувствительные и цензурируемые темы во всех

регионах мира – социальные протесты и иные спорные вопросы, связанные с публичной политикой [25].

Учитывая, что даже сильнейший потенциальный противник в лице США признаёт российский военный потенциал в киберпространстве, можно сделать вывод о глобальном характере влияния России на данном направлении. Помимо развития военного потенциала был предпринят целый ряд эффективных внутриполитических инициатив, направленных на обеспечение безопасности российского сегмента интернета, что также усиливает позиции России как глобального центра силы в информационном обществе.

Социально-гуманитарный потенциал России в глобальном информационном обществе

Внешнеполитическая деятельность в условиях информационной революции не исчерпывается участием в переговорном процессе по вопросам международно-политического регулирования новых областей мировой политики, возникших в связи с развитием новых технологий, таких как информационная безопасность или регулирование интернета. В последние годы популярность набирает концепция «цифровой дипломатии», зародившаяся в экспертных и дипломатических кругах США, которая предполагает возможность использования интернета и социальных сетей в рамках публичной дипломатии, для улучшения имиджа страны на международной арене и взаимодействия с зарубежной аудиторией. Учитывая акцент на усиление «мягкой власти», сделанный в последней редакции Концепции внешней политики, неудивительно, что Россия уделяет внимание этой новой области дипломатической практики. В 2002 г. появился первый сайт президента России, в 2008 г. был запущен президентский видеоблог, а начиная с 2010 г. ведётся аккаунт микроблога Twitter. Министерство иностранных дел РФ предоставляет всем желающим возможность следить за актуальными событиями внешней политики в социальных сетях, используя площадки Facebook и Twitter. Весомый вклад в формирование позитивного образа российской политики и дипломатии вносят телеканалы «Первый канал» и Russia Today, вещающие также и в цифровом пространстве.

Россия выступает центром регионально-го сегмента глобальной сети на постсоветском пространстве. Услуги компаний и сервисов российского сегмента глобальной сети пользуются популярностью у русскоязычного населения независимо от места проживания. Русский язык сохраняет свои позиции на пространстве СНГ, и, как следствие, российские социальные сети, такие как «В контакте» и «Одноклассники» остаются основными средствами онлайн-общения. Поисковая компания «Яндекс» в настоящее время обрабатывает большую часть запросов

русскоязычного интернета. Однако, культурный и языковой фактор являются не единственными факторами, обуславливающими влияние России в глобальном интернете, политика также играет немаловажную роль. В частности, Россия активно сотрудничает с соседними государствами в целях обеспечения информационной безопасности. Регионализация информационного пространства, о которой упоминалось ранее, создаёт для России возможность более эффективно контролировать формирующийся режим информационной безопасности на постсоветском пространстве и снимает угрозу потенциальных «цветных революций», инспирируемых по информационным каналам (в том числе с использованием социальных сетей и новых медиа).

Вместе с тем, цифровая дипломатия предполагает не только интерактивное взаимодействие с зарубежной публикой, ориентированное на сотрудничество и информирование, но содержит в себе конфликтное начало. Как отмечает Н.А. Цветкова, в условиях нарастания глобальной конфликтности США в своей публичной дипломатии, в том числе с использованием социальных сетей ориентируются на реализацию программ, имеющих «выраженный пропагандистский характер ... лучше приспосабливает американскую публичную дипломатию к условиям открытой информационной войны, когда четко определены мишени, а инструменты стратегической коммуникации подчинены одной цели – идеологической ликвидации конкурентов США». В этих условиях Россия также в своей цифровой дипломатии придерживается более жесткой риторики, в частности, донося свою позицию по таким острым вопросам мировой политики, как конфликты в Сирии или Украине. Примечательна реакция НАТО на информационную политику России по этим вопросам – в частности, одной из задач созданного в августе центра НАТО по стратегическим коммуникациям в Латвии является противодействие информационной политике России, что указывает на определенную эффективность реализуемых Россией программ.

Однако обоснованное внимание к проблеме безопасности препятствует полной реализации социо-гуманитарного потенциала России в информационном обществе. И если реализация цифровой дипломатии в современных условиях охлаждения отношений с Западом получила новый импульс, то использование интернета в целях повышения уровня интеграции российской науки и образования в глобальное инновационное пространство на сегодняшний день не привлекает достаточного внимания. Интернет предлагает неограниченные возможности для развития науки и образования. Однако естественным барьером в коммуникациях между российским и международным научным и образовательным сообществом выступает ориентация отечественных исследователей на публи-

кации на русском языке. Прямым следствием этого факта является изолированность российской науки, низкие позиции российских университетов в глобальных рейтингах и слабая цитируемость российских публикаций зарубежными коллегами. Сделаны первые шаги по решению этих проблем, в частности, создан Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Обеспечив взаимодействие и совместимость РИНЦ и наиболее авторитетных глобальных индексов, можно было бы повысить узнаваемость и цитируемость российских научных публикаций. Кроме того, перспективным представляется расширение охвата РИНЦ за счёт русскоязычных научных журналов, в том числе выходящих на пространстве СНГ. Это позволило бы укрепить позиции России как научного центра региона. Вместе с тем нарастание конфликтности в информационном обществе и его регионализация затрудняет масштабную интеграцию российской науки в глобальную научную среду и повышение рейтингов российских научных и образовательных структур в глобальных индексах, что обосновывает целесообразность расширения присутствия на постсоветском пространстве, а с другой – интенсификацию взаимодействия с российской научной диаспорой, проживающей за рубежом, в том числе по информационно-коммуникационным каналам, что позволит повысить цитируемость, узнаваемость и взаимодействие российской науки и образования с общемировой научной сферой.

С точки зрения социо-культурного влияния Россия выступает региональным центром силы на постсоветском пространстве среди русскоговорящих пользователей глобальной сети Интернет, при этом расширению влияния препятствуют языковые ограничения. Намечающаяся регионализация информационного пространства в основе которой лежит языковая и культурная близость, способствует укреплению связей между постсоветскими странами в информационной сфере, что создает для основания для укрепления сотрудничества в сфере информационной политики и безопасности.

Несмотря на значительный экономический потенциал интернета и его вклад в мировую экономику, наметилась тенденция к милитаризации информационного пространства и росту значимости проблемы международной информационной безопасности. Эта тенденция является отражением международных процессов формирования многополярной системы, сопровождающейся ростом конфликтности, которые в информационном пространстве нашли отражение в ряде ярких событий последних лет, среди которых атаки супервируса Стакснет на иранскую АЭС в Бушере, разоблачения «Викиликс», «дело Сноудена». Российская дипломатия участвует в выработке глобальных правил регулирования информационного общества и

■ Современные технологии и международные отношения

обеспечения информационной безопасности, основанных на уважении суверенитета и равноправии государств, причём её успехи на данном направлении создают для России весомый политический ресурс влияния в информационной сфере.

Россия является глобальным центром силы в военно-политическом, дипломатическом измерениях информационного пространства, в то время как по экономическому и социо-культурному потенциалу она выступает как региональный игрок. Вместе с тем, милитаризация информационной сферы, хотя и не снимает необходимость дальнейшего укрепления экономического и технологического потенциала

России, повышает значимость и приоритетность военного и политического ресурса. Военный и политико-дипломатический потенциал России обеспечивают возможность системного влияния на направления развития глобального информационного общества – то есть делают Россию полюсом силы в рассматриваемой сфере международной политики.

Учитывая, что сегодня информация и информационные технологии выступают в роли важной составляющей т.н. «совокупной мощи» государства, информационный потенциал России позволяет ей претендовать на роль глобального центра силы как в информационном, так и в «офлайновом» мире.

Список литературы

1. В России подготовят новую доктрину информационной безопасности // Новости RT на русском. 10.02.2015. URL: <http://russian.rt.com/article/73394>
2. В России появились войска информационных операций, сообщил источник в Минобороны // Newsru.com. 12.05.2014. URL: <http://www.newsru.com/arch/russia/12may2014/information.html>
3. Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 25.12.2014. Пр-2976. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/2a959a74cd7ed01f432569fb004872a3!OpenDocument>
4. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R. Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии – Женева, 2003. URL: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/S03-WSIS-DOC-0004!!PDF-R.pdf
5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена 09.09.2000. Пр-1895. URL: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtm
6. Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России // Индекс безопасности. - 2013. - № 1(104). - С. 213-229.
7. Зиновьева Е.С. Российские интересы в сфере управления интернетом // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 19. С. 101-108.
8. Коротков А.В., Зиновьева Е.С. Безопасность критических информационных инфраструктур в международном гуманитарном праве // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4. С. 154-162.
9. Короткин А., Бевза Д. Как «железный занавес» повлияет на рунет // Газета.Ru. 14.05.2016. URL: http://www.gazeta.ru/tech/2015/05/14/6686405/Samodostatochniy_runet.shtml
10. Кукиер К., Майер-Шёнберг В. Большие данные // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Bolshie-dannye--16038>
11. О государственной программе Российской Федерации "Информационное общество (2011-2020 годы): распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р // Российская газета. 16.11.2010. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>
12. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года. Утв. Президентом Российской Федерации Пр. № 1753 от 01.08.2013. / Совет Безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html>
13. Пешехонова А. Путин: Интернет должен стать драйвером развития России // ТВЦ. 22.12.2015. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/83340>
14. Путин В.В. Выступление на заседании коллегии ФСБ. 26.03.2015 URL: <http://nod66.ru/2015/03/26/10194/>
15. Развитие интернета в регионах России // Информационный бюллетень Яндекс. Весна 2012. URL: http://download.yandex.ru/company/ya_regions_report_spring_2012.pdf
16. Развитие интернета в регионах России. Весна 2015. Официальный сайт компании Яндекс. URL: https://yandex.ru/company/researches/2015/ya_internet_regions_2015/
17. Развитие информационного общества в России: Программа действий // Официальный сайт ИНСОР. URL: <http://www.insor-russia.ru/ru/programs/strategies>
18. Российское доменное пространство 2012: итоги и перспективы развития // Координационный центр национального домена сети Интернет. 2012. URL: http://www.cctld.ru/files/stats/report_ru-2013_rus.pdf

19. Страны БРИКС создадут независимый от США интернет // Новости RT на русском. 29.10.2013. URL:
20. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ № 537 от 12.05. 2009. URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272bfa34209743256c630042d1aa/8abb3c17eb3d2626c32575b500320ae4?OpenDocument>
21. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Утверждена 07.02.2008. Пр-212. URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272bfa34209743256c630042d1aa/453f799b9fe0637cc32573f3002b2558?OpenDocument>
22. Черненко Е. США назвали три страны—соперницы в киберпространстве // Коммерсант. 06.06.2016. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2956905>
23. Эванс Д. Интернет вещей: как изменится вся наша жизнь на очередном этапе развития Сети: официальный сайт компании Cisco. URL: <http://www.cisco.com/web/RU/news/releases/txt/2011/062711d.html>
24. Электронная Россия (2002-2010 годы): Федеральная целевая программа // Юридическая компания «Интернет и право»: 2010. URL: <http://www.internet-law.ru/intlaw/laws/e-rus.htm>
25. Freedom of the Net 2015 // Freedom House official site. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/freedom-net-2015>
26. Internet World Stats.Usage and population statistics. URL: www.internetworldstats.org
27. Krastev I. Why Did the 'Twitter Revolutions' Fail? // New York Times. 11.11.2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/11/12/opinion/why-did-the-twitter-revolutions-fail.html?_r=0
28. Schwab K. The fourth industrial revolution // Foreign Affairs. 2015. – Т. 12.
29. Share of the internet economy in the gross domestic product in G-20 countries in 2016 // Statista. URL: <http://www.statista.com/statistics/250703/forecast-of-internet-economy-as-percentage-of-gdp-in-g-20-countries/>
30. Share of the internet economy in the gross domestic product in G-20 countries in 2016 // Statista. URL: <http://www.statista.com/statistics/250703/forecast-of-internet-economy-as-percentage-of-gdp-in-g-20-countries/>
31. The Department of Defense Cyber Strategy. Washington, April, 2015. URL: http://www.defense.gov/home/features/2015/0415_cyber-strategy/Final_2015_DoD_CYBER_STRATEGY_for_web.pdf
32. The economic impact of shutting down Internet and mobile phone services in Egypt. // OECD Directorate for Science, Technology and Industry. URL: <http://www.oecd.org/sti/ieconomy/theeconomicimpactofshuttingdowninternetandmobilephoneservicesinegypt.htm>
33. The internet economy in the G20 // BCG Report, 2012. URL: <https://www.bcg.com/documents/file100409.pdf>
34. The Internet of Things Is Poised to Change Everything, Says IDC // Business Wire. 03.10.2013. URL: <http://www.businesswire.com/news/home/20131003005687/en/Internet-Poised-Change-IDC#.VdE-Vfmqqko>
35. Top Sites. Alexa Rank. The top 500 sites on the web. URL: <http://www.alexa.com/topsites>

Об авторе

Зиновьева Елена Сергеевна – к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: Zinovjeva@mail.ru.

RUSSIA IN THE GLOBAL INFORMATION SOCIETY

E.S. Zinovieva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article evaluates the economic, military, social and humanitarian opportunities of Russia in the emerging global information society based on the World Wide Web. The author notes that in spite of the significant economic potential of the internet and its contribution to the world economy, today there is a tendency towards militarization of information space and the growth of the importance of issues of global information security. This trend is a reflection of international system's shifting towards multipolarity. This process is accompanied by the growth of conflicts including superbugs attacks Stuxnet on Iran's Bushehr nuclear power plant, WikiLeaks revelations, Snowden affair. Russian diplomacy is trying to foster the development of global rules regulating the information society and information security based on respect for sovereignty and equality of states.*

Russia is a global power center in the military-political and diplomatic dimensions of the information space, while in economic and socio-cultural spheres it acts as a regional player. At the same time, the militarization of information increases the importance and priority of the military and political information tools although it does not eliminate the need to further strengthen the economic and technological

■ Современные технологии и международные отношения

potential of Russia. Military and diplomatic potential of Russia allow it to have systemic impact on the direction of development of the global information society - that is, it makes Russia a power center in this sphere of international politics.

Given that today information technology is an important component of the so-called "aggregate power" of a state, the information potential of Russia allows it to be a global center of power both online and off line.

Key words: Internet, militarization, multipolar, unipolar.

References

1. Russia is getting a new information security doctrine // RT in Russian. 02/10/2015. URL: <http://russian.rt.com/article/73394>
2. In Russia, there appears cyber troops, a source in the Defense Ministry // Newsru.com. 05/12/2014. URL: <http://www.newsru.com/arch/russia/12may2014/information.html>
3. The Military Doctrine of the Russian Federation. Approved. 25.12.2014 President of the Russian Federation. Pr-2976. URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/2a959a74cd7ed01f432569fb004872a3!OpenDocument>
4. The World Summit on the Information Society. Document WSIS-03 / GENEVA / DOC / 4-R. The Declaration of Principles. Building the Information Society - a global challenge in the new millennium - Geneva, 2003. URL: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/S03-WSIS-DOC-0004!!PDF-R.pdf
5. Doctrine of Information Security of the Russian Federation. Approved 09.09.2000. Pr-1895. URL: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtm
6. Zinovieva E.S. Digital diplomacy, international security and opportunities for Russia. Security Index. 2013. № 1 (104). P. 213-229.
7. Zinoviev E.S. Rossiiskie interesy v sfere upravleniia internetom [Russia's Interests in the Field of Internet Governance]. *International Processes*. 2009. Vol. 7. № 19. P. 101-108. (In Russ.)
8. Korotkov A.V., Zinoviev E.S. Bezopasnost' kriticheskikh informatsionnykh infrastruktur v mezhdunarodnom gumanitarnom prave [Safety of Critical Information Infrastructures in International Humanitarian Law]. *Vestnik MGIMO-University*. 2011. № 4. P. 154-162. (In Russ.)
9. Korotkin A. Bevza D. As the "iron curtain" effect on RuNet. Herald. 05/14/2016. URL: http://www.gazeta.ru/tech/2015/05/14/6686405/Samodostatochniy_runet.shtml
10. Kukier K. Mayer-Schönberger W. Big data. Russia in Global Affairs. 2013. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Bolshie-dannye--16038>
11. About the state program of the Russian Federation "Information Society (2011-2020): Resolution of the Russian Government dated October 20, 2010 № 1815-p. The Russian newspaper 16.11.2010 URL:.. [Http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html](http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html)
12. Fundamentals of the Russian Federation's state policy in the field of international information security for the period up to 2020. Approved. Russian President Pr. № 1753 from 08.01.2013. RF Security Council. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html>
13. Peshehonova A. Putin: The Internet must become a driver of development in Russia. TVC. 22/12/2015. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/83340>
14. Putin V.V. Speech at the meeting of the board of the FSB. 26.03.2015 URL: <http://nod66.ru/2015/03/26/10194/>
15. The development of the Internet in the regions of Russia. Newsletter Yandex. Spring 2012. URL: http://download.yandex.ru/company/ya_regions_report_spring_2012.pdf
16. The development of the Internet in the Russian regions. Spring 2015. The official website of the company Yandex. URL: https://yandex.ru/company/researches/2015/ya_internet_regions_2015/
17. Development of the Information Society in Russia: Program of Action // Official site of INSOR. URL: <http://www.insor-russia.ru/ru/programs/strategies>
18. The Russian domain space 2012: Results and Prospects // Coordination Center for TLD RU. 2012. URL: http://www.cctld.ru/files/stats/report_ru-2013_rus.pdf
19. BRICS will create independent US Internet // RT in the Russian news. 29/10/2013. URL:
20. The Russian Federation National Security Strategy until 2020: Presidential Decree number 537 ot12.05. 2009. URL:<http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/8abb3c17eb3d2626c32575b500320ae4?OpenDocument>
21. Strategy for Information Society Development in the Russian Federation. Approved 07.02.2008. 212 Ex. URL:<http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/453f799b9fe0637cc32573f3002b2558?OpenDocument>

22. Chernenko E. US called three rival countries in cyberspace // Kommersant. 06/06/2016. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2956905>
23. Evans D. Internet of things: how to change our whole life at the next stage of the Web: the official website of Cisco. URL: <http://www.cisco.com/web/RU/news/releases/txt/2011/062711d.html>
24. Electronic Russia (2002-2010) federal target program // Legal company "Internet and Law»: 2010. URL: <http://www.internet-law.ru/intlaw/laws/e-rus.htm>
25. Freedom of the Net 2015 // Freedom House official site. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/freedom-net-2015>
26. Internet World Stats. Usage and population statistics. URL: www.internetworldstats.org
27. Krastev I. Why Did the 'Twitter Revolutions' Fail? // New York Times. 11/11/2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/11/12/opinion/why-did-the-twitter-revolutions-fail.html?_r=0
28. Schwab K. The fourth industrial revolution // Foreign Affairs. 2015. - Т. 12.
29. Share of the internet economy in the gross domestic product in G-20 countries in 2016 // Statista. URL: <http://www.statista.com/statistics/250703/forecast-of-internet-economy-as-percentage-of-gdp-in-g-20-countries/>
30. Share of the internet economy in the gross domestic product in G-20 countries in 2016 // Statista. URL: <http://www.statista.com/statistics/250703/forecast-of-internet-economy-as-percentage-of-gdp-in-g-20-countries/>
31. The Department of Defense Cyber Strategy. Washington, April, 2015. URL: http://www.defense.gov/home/features/2015/0415_cyber-strategy/Final_2015_DoD_CYBER_STRATEGY_for_web.pdf
32. The economic impact of shutting down Internet and mobile phone services in Egypt. // OECD Directorate for Science, Technology and Industry. URL: <http://www.oecd.org/sti/ieconomy/theeconomicimpactofshuttingdowninternetandmobilephoneservicesinegypt.htm>
33. The internet economy in the G20 // BCG Report, 2012. URL: <https://www.bcg.com/documents/file100409.pdf>
34. The Internet of Things Is Poised to Change Everything, Says IDC // Business Wire. 03/10/2013. URL: <http://www.businesswire.com/news/home/20131003005687/en/Internet-Poised-Change-IDC#.VdE-Vfmqqko>
35. Top Sites. Alexa Rank. The top 500 sites on the web. URL: <http://www.alexa.com/topsites>

About the author

Elena S. Zinovieva – PhD in Political Science, associate professor at the Department of World Politics, MGIMO-University. E-mail: zinovjeva@mail.ru.

США В ПОИСКАХ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ВОЕННОГО ПРЕВОСХОДСТВА: ДИЛЕММЫ «ТРЕТЬЕЙ СТРАТЕГИИ КОМПЕНСАЦИИ»

В.И. Бартенев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.

В последние годы в научном сообществе наблюдается заметный всплеск интереса к исследованию влияния научно-технологических факторов на мирополитические процессы. Однако далеко не все каналы такого влияния изучены одинаково полно. Если о роли технологий в изменении характера вооружённой борьбы написано множество крупных трудов, то вопросы использования прорывных военных технологий в политических целях ставятся гораздо реже. Предлагаемая статья призвана заполнить эту нишу посредством рассмотрения новейшей инициативы министерства обороны США, известной под названием «третья стратегия компенсации» (СК-3) и нацеленной на обеспечение технологического превосходства США в военной сфере в XXI в., в первую очередь, за счёт обесценивания новых возможностей России и Китая. В первой части раскрывается концептуальное содержание СК-3, во второй – исследуется комплекс технологических приоритетов стратегии, и, наконец, в третьей – неопределённости, связанные с её дальнейшей реализацией. В заключении отмечается, что появление СК-3 является следствием одновременно эрозии превосходства США в военной сфере и сковывающих их ресурсных ограничений, и поэтому её точные параметры при отступлении императивов бюджетной экономии на второй план могут претерпеть изменения. Отдельно обозначаются основные международно-политические аспекты реализации СК-3. Во-первых, подчеркивается включенность стратегии в контекст «перебалансировки» сил США в АТР. Во-вторых, отмечается появление новых вызовов для европейских стран – членов НАТО, которые могут столкнуться с угрозой углубления технологического отставания от США и необходимостью резкого увеличения расходов на оборонные НИОКР, труднодостижимого в текущих условиях. В-третьих, допускается возможность ослабления позиций США на Ближнем и Среднем Востоке вследствие их сосредоточенности на противодействии высокотехнологичным противникам. В-четвёртых, подчеркивается высокая вероятность наличия дезинформационной компоненты в СК-3 и её нацеленности на втягивание РФ и КНР в ресурсозатратную гонку вооружений.

Ключевые слова: США, Пентагон, оборона, национальная безопасность, технологии, «третья стратегия компенсации», сдерживание, инновации, «революция в военном деле», искусственный интеллект, человеко-машинный интерфейс, электронная война.

В последние годы в международных исследованиях наблюдается заметный всплеск интереса к изучению влияния научно-технологических факторов на мирополитические процессы [7; 8; 35; 48]. Важнейшими каналами такого влияния, по мнению американского ученого Ю.Скольников, являются: изменение баланса сил, международного порядка, принципов организации взаимоотношений между субъектами международной политики, с одной стороны, и трансформация процессов, протекающих в международной системе (дипломатии и переговоров, войн и конфликтов, международной торговли и т.д.) – с другой [45]. Два этих аспекта сильно взаимосвязаны, однако их взаимосвязь в научной литературе отражена не в полной мере. Если о влиянии технологий на изменение характера вооружённой борьбы написано множество работ и военными, и гражданскими специалистами [3; 4; 5; 6; 10], то более сложные вопросы использования технологических прорывов в военном деле в политических целях, в том числе в целях обеспечения стратегического сдерживания и «истощения» противника, рассматриваются гораздо реже.

Данная статья призвана заполнить обозначенную нишу посредством рассмотрения сущности, перспектив и международно-политических аспектов новейшей инициативы Министерства обороны США, известной под названием «третья стратегия компенсации» (Third Offset Strategy). Целью данной стратегии, провозглашённой в 2014 г. сначала первым заместителем министра обороны Р.Уорком, а затем министром обороны Ч.Хейглом, должно стать обеспечение технологического превосходства США в военной сфере в XXI веке, в первую очередь, за счёт обеспечения новых возможностей России и Китая. Несмотря на значительный интерес экспертов по обе стороны Атлантики [15; 19; 23; 32; 44], в течение почти целого года вокруг СК-3 было больше слухов и домыслов, нежели конкретной информации.

Именно поэтому наша первая попытка раскрыть суть СК-3, предпринятая в 2015 г. совместно с коллегами [11], с самого начала была обречена на то, чтобы сопровождаться множеством оговорок. С тех пор прошел почти целый год, за который руководство Пентагона постаралось наполнить абстрактную идею таким содержанием, которое устроило бы Конгресс, всегда готовый воспользоваться своим «правом кошелька». Были обозначены приоритетные для СК-3 технологии, открыто специальное подразделение в Кремниевой долине для организации взаимодействия Пентагона с частными высокотехнологичными компаниями; определены

параметры финансирования стратегии; подан первый проект военного бюджета, содержащий связанные с реализацией СК-3 статьи расходов. Более того, уже проведены первые слушания в Сенате, целиком ей посвящённые [47].

Это дает возможность сформулировать ряд новых вопросов: Куда в стратегическом плане движется Пентагон? Сложился ли консенсус относительно приоритетных технологий в рамках СК-3? Насколько велика вероятность отказа от данной инициативы после прихода в Белый дом новой администрации? И, наконец, в чём состоит международно-политическое значение запуска СК-3? Поиску ответа на эти вопросы, пока ещё не поднимавшиеся в отечественной научной литературе, и будет посвящена данная статья. Исследование будет опираться на широкий круг концептуально-теоретических разработок по исследованию феномена «революции в военном деле», в том числе, и тех, которые были представлены в рамках соответствующего целевого проекта РГНФ выполняемого на базе факультета мировой политики МГУ с 2015 г.

I

«Третья стратегия компенсации» пока не оформлена в виде отдельной доктрины. Заместитель министра обороны по исследованиям и разработкам С.Уэлби, выступая на упомянутых слушаниях в Сенате, подчеркнул: «Третья стратегия компенсации – это не документ, который можно достать с полки в каком-нибудь кабинете в Пентагоне и ознакомиться. Это понятие обозначает целый спектр возможностей, которые Министерство обороны США ожидает обрести в ближайшие годы посредством разработки передовых технологий, экспериментирования с прототипами, проведения военных игр для облегчения разработки новых концепций и акцентирования необходимости внедрения инноваций по всему спектру деятельности» [47, р.8].

Вместе с тем контуры стратегии просматриваются достаточно отчетливо. Р.Уорк исходит из постулата о разрушении однополярного мира и наступлении эпохи многополярности [41]. С его точки зрения, ключевой вызов в текущих условиях – это возрождение соперничества между великими державами, в число которых Р.Уорк, пользуясь известным определением «великой державы», данным американским политологом Дж.Миршаймером¹, включает Россию и Китай [41].

Руководство США объясняет возникновение «многополярности» в военной сфере двумя факторами: 1) распространением по миру технологий «второй стратегии компенсации» (в первую очередь, высокоточного оружия)² и

¹ Дж. Миршаймер писал: «Для соответствия статусу великой державы государство должно иметь достаточные военные возможности для оказания серьёзного сопротивления в полномасштабной конвенциональной войне против самого мощного государства в мире...» [36, р.5].

² Подробнее о «второй стратегии компенсации» (СК-2) как предшественницы СК-3 см.: [11].

2) сосредоточенностью США на ведении войны с терроризмом, которая не позволила вовремя распознать возрождение высокотехнологичных угроз [41].

Наибольшие проблемы в текущих условиях, по его мнению, создает распространение технологий «воспреещения доступа» A2/AD (anti-access/anti-denial). Осознавая серьёзность данного вызова, США внимательно отслеживают действия РФ в Сирии; учения Второго артиллерийского корпуса НОАК и т.д. При этом руководство Министерства обороны США неизменно подчеркивает, что СК-3 не сосредоточена только на КНР и РФ, а носит подлинно глобальный, всеобъемлющий характер [42] и может не только обеспечить превосходство в высокотехнологичной конвенциональной войне против почти равных соперников (*near peers*), но и быть «полностью применимой **к полному спектру военных операций**» [курсив мой – В.Б.], в том числе в рамках борьбы с терроризмом, и в частности, с «Исламским государством» [40].

Вместе с тем, по мысли руководителей Пентагона, основной целью СК-3 является не победа в войне с высокотехнологичными противниками – Россией и Китаем, – а их убеждение в бессмысленности ведения конвенциональной войны с США [40], то есть **сдерживание** – ядерное и неядерное [41]. При этом акцент делается на сдерживании посредством лишения возможности добиваться успеха с помощью **асимметричных мер** [курсив мой – В.Б.]. Асимметрия заключена этимологически даже в самом слове *offset*, выбранном для названия стратегии. По словам С.Уэлби, суть обесценивания состоит в том, чтобы «сместить соперничество с помощью внедрения новых концепций применения вооружённых сил и технологий в область, где США будут обладать значительным и устойчивым преимуществом» [47, p.6].

Р. Уорк в качестве трех ключевых компонентов сдерживания называет: 1) технологическое превосходство над противником; 2) новые организационные решения и концепции применения вооруженных сил; 3) демонстрация новых возможностей. Ссылаясь на теоретика сдерживания Л.Фридмана [24], он подчёркивает, что «вооружённые силы, созданные с целью осуществления сдерживания посредством лишения возможности выигрыша (*deterrence by denial*), – имеют больше всего шансов одержать победу в случае, если сдерживание не срабатывает [41]». При этом первые лица Министерства обороны США исходят из того, что война в XXI в. будет вестись в трех формах: «кинетические

операции», радиоэлектронная борьба и боевые кибероперации [40].

Представители Пентагона постоянно подчёркивают, что «третья стратегия компенсации» не сводима к разработке новых технологий и что технологические прорывы позволят добиться успеха, только если они будут сопровождаться организационными инновациями и новациями в области оперативного искусства и повышенным вниманием к качеству личного состава [47, p.54]. В этом плане крайне важна мысль Р.Уорка о том, что аналогии с сегодняшним днем нужно искать не в периоде холодной войны, а в межвоенном периоде, когда технологии радиосвязи, самолетостроения, механизации были известны и доступны всем, но только немцы смогли объединить их в рамках единой концепции применения ВС – блицкрига [40; 41].

Историческая аналогия, приведенная Р.Уорком, весьма обоснована. Как убедительно показал академик А.А. Кокошин [9], блицкриг в полной мере соответствует понятию «революция в военном деле», структуру которой составляют, с его точки зрения, по меньшей мере, пять компонентов: 1) новые технологии, средства вооружённой борьбы, системы вооружений; 2) новации в организации вооружённых сил; 3) изменения в формах и способах применения военной силы, в военном искусстве на всех трёх его уровнях; 4) обеспечение нового качества личного состава; 5) повышение эффективности управления войсками, силами и средствами³.

Руководство Министерства обороны США предпринимает активные усилия на всех вышеперечисленных направлениях. Формируются списки приоритетных технологий, разрабатываются новые концепции применения ВС, возникает практика проведения военных игр, реализуется инициатива «Вооружённые силы будущего» (*Force of Future*), продвигаемая Э.Картером и нацеленная на привлечение «лучших умов» в военную сферу, запущена инициатива по усовершенствованию системы оборонных закупок *Better Buying Power 3.0*. Кроме того, всё более разветвленной становится инфраструктура оборонных инноваций. Её новыми элементами стали: Совет по продвинутым возможностям и технологиям сдерживания (*Advanced Capability and Deterrent Panel*); Управление стратегических возможностей (*Strategic Capabilities Office*) при аппарате министра обороны под руководством У.Роупера⁴; Консультативный совет по инновациям при Министерстве обороны (*Defense Innovation Advisory Board*), а также экспериментальное подразделение по оборонным инновациям (*DIUx- Defense Innovation Unit*

³ О компонентах революции в военном деле см. также: [17; 29].

⁴ УСВ было создано в августе 2012 г. Э.Картером в бытность первым заместителем министра обороны, однако широкой общественности этот факт стал известен только 2 февраля 2016 г. Одна из ключевых задач УСВ – найти новые способы применения уже существующих систем вооружений. В общей сложности, в партнерстве с видами вооруженных сил УСВ реализовало 15 проектов и разработало 23 новых образца вооружений; 6 из них будут поставлены в войска до конца 2016 г. [47, p.20].

Experimental), призванное выполнять функции посредника между Пентагоном и компаниями Кремниевой долины. К СК-3 также был подключен венчурный фонд In-Q-Tel, занимающийся поиском ценных технологических решений для американского разведывательного сообщества (ЦРУ, АНБ и др.).

Подчеркивая несводимость СК-3 к разработке новых систем вооружений, руководство Пентагона, вместе с тем, не отрицает того, что именно технологическая компонента является её стержнем. В отсутствие возможности подробно рассматривать все элементы СК-3, стоит сосредоточиться на анализе представлений первых лиц Пентагона о технологических основах обеспечения военного превосходства.

II

Хотя с момента запуска СК-3 прошло два года, единого списка приоритетных технологий, с помощью которых Пентагон предполагает обеспечить преимущества стратегических противников США, до сих пор не появилось. Рейтинги приоритетов, которыми руководители Министерства обороны делятся с общественностью, весьма существенно отличаются друг от друга.

Так, например, в размещённом в декабре 2014 г. Запросе предложений в программу долгосрочного планирования исследований и разработок в области обороны (Long-Range Research and Development Planning Program – LRRDPP) по выявлению прорывных технологий, которая мыслится в качестве аналога одноименной программы, реализовывавшейся в 1973-1974 гг. под эгидой DARPA, были обозначены 5 приоритетных областей: космические технологии; технологии для действий под водой; технологии, обеспечивающие доминирование в воздухе и нанесение эффективных ударов по наземным и морским целям (air dominance and strike); технологии для ПВО и ПРО и пр. Было собрано более 300 заявок, и многие из них касались автоматизации, а также замены крупных, дорогих и сложных систем большим количеством менее дорогих систем меньшего размера, легко объединяемых в «рой» [43].

Параллельно велась работа по линии Научного совета при Министерстве обороны, в том числе в рамках созданной осенью 2014 г. Рабочей группы по оценке прогресса в области автоматизации [38]. Одним из её ключевых выводов стало признание того, что человечество находится в точке перелома в разработке систем искусственного интеллекта и технологий автоматизации. В это же время проводились системная оценка проектов DARPA и Стратегический обзор программного портфолио (Strategic Portfolio Review), целью которого было выяснить области, в которых имеет место дефицит тех или иных возможностей [40].

Результаты проведенной работы были осмыслены к осени 2015 г., что позволило

Р. Уорку в выступлении на Национальном оборонном форуме имени Р. Рейгана четко обозначить 5 ключевых технологических приоритетов:

- **автоматизированные комплексы и системы «глубинного обучения»:** Министерство обороны США планирует использовать их для создания систем раннего предупреждения о возникающих угрозах, в системах ПРО, при противодействии кибератакам, электронному оружию и атакам на космические объекты, а также в рамках борьбы с распространением экстремистской идеологии в сети Интернет [40];

- **человеко-машинный интерфейс:** речь идёт о разработке способов использования машин для облегчения процесса принятия людьми решений [40];

- **увеличение боевых возможностей солдат с помощью электроники** – использование на поле боя различных гаджетов и электронных приложений [40];

- **продвинутое человеко-машинное боевое взаимодействие:** взаимодействие управляемых человеком и автоматизированных систем в рамках совместных операций; в том числе с применением концепции «роя», в частности, в подводном бою, и посредством автоматизированного управления «роем» одним оператором [40].

- **полуавтоматизированные системы, устойчивые к электромагнитному воздействию.**

Указанный список из 5 технологий используется и другими чиновниками Министерства обороны США. Однако при формировании бюджета Пентагон мыслит совершенно в иных категориях.

Так, спустя несколько месяцев после публикации Запроса предложений по программе LRRDPP Э. Картер, представляя проект военного бюджета в Сенате в феврале 2015 г., в качестве прорывных технологий и систем вооружений назвал гиперзвук, самолёты нового поколения, рельсотроны и лазеры высокой мощности [46]. Выступая на ту же тему в 2016 г., в контексте СК-3 Э. Картер обозначил важность осуществления прорывов в кибертехнологиях, космических технологиях, технологиях электронной войны, биотехнологиях, технологиях искусственного интеллекта и других областях [42]. При этом главными приоритетами программы фундаментальных исследований, ориентированных на долгосрочную перспективу (по бюджету на 2017 финансовый год на них выделено 12,5 млрд долл.), значатся подводные системы, гиперзвук, технологии электронной войны, аналитика на основе «больших данных», новейшие материалы, оружие направленной энергии и технологии ускорения масс, разработка нового поколения сенсоров и компьютеров.

Разнообразие списков приоритетных технологий может указывать на отсутствие у руководителей Пентагона консолидированного мнения. Сложно отделаться от впечатления, что СК-3 является всего лишь броским кон-

■ Современные технологии и международные отношения

цептом, с помощью которого удобно обосновывать любые бюджетные ассигнования в эпоху ресурсных ограничений. Это выводит на первый план проблему взаимодействия администрации, обозначающей приоритеты и просящей под них определенное финансирование, и Конгресса, обладающего «правом кошелька».

В проекте бюджета на 2016 финансовый год Администрация не запрашивала средств на цели реализации СК-3, но Конгресс, в котором преобладают республиканцы, решил «забежать вперед», выделив на период до 2020 г. 2 млрд долл. – по 400 млн долл. в год, из которых не более 200 млн долл. – на разработку оружия направленной энергии. В 2016 г. Э. Картер и Р. Уорк все-таки озвучили совокупные параметры финансирования СК-3 – 18 млрд долл., из которых на 2017 финансовый год – 3,5 млрд долл. Из этой суммы конкретно в контексте СК-3 упомянуты ассигнования на 1,1 млрд долл., которые приходятся на УСВ, DIUx, In-Q-Tel и Институты промышленных инноваций (ИПИ) (См. Таблицу 1). На какие цели будет тратиться большая часть суммы, пока не ясно, и американские эксперты вынуждены проводить настоящее «детективное расследование» и самостоятельно искать «привязки» тех или иных технологий к СК-3 [21].

Таблица 1.
Параметры финансирования СК-3
в 2017 фин. г.

Всего	\$ 3,5 млрд
Упомянуто в контексте СК-3:	\$ 1,1 млрд
УСВ	\$ 902 млн
DIUx	\$ 45 млн
In-Q-Tel	\$ 40 млн
ИПИ	\$ 137 млн
«Непривязанные» расходы	\$ 2,4 млрд

Весьма показательно, что наиболее существенная часть финансирования отводится для УСВ – любимого «детища» Э.Картера. Объемы финансирования Управления выросли за последние 3 года в общей сложности в 7 раз – с 125 до 902 млн долл. США. (См. Таблицу №3) [47, р.4].

Таблица №2.
Объемы финансирования УСВ
в 2014-2017 фин. гг. (млн долл.)

Финансовый год	Объем финансирования (млн долл. США)
2014 фин. г.	125
2015 фин. г.	175
2016 фин. г.	530
2017 фин. г.	902

Объем ассигнований, запрашиваемых на 2017 фин. г., существенно увеличился по срав-

нению с цифрами годичной давности. Финансирование будет резко сокращено уже в 2018 финансовом году, а к 2021 финансовому году достигнет 59 млн долл. По мнению Т.Харрисона, сотрудника Центра стратегических и международных исследований, это указывает на отсутствие долгосрочного финансирования и неопределенность перспектив УСВ [28].

Что касается позиции Конгресса в отношении СК-3, то она пока выглядит неопределенной. С одной стороны, в целом и конгрессмены, и сенаторы выражают поддержку стратегии и отдельным инвестициям в разработку новых технологий. Особо законодатели акцентируют важность проведения военных игр, анализа военно-стратегического мышления РФ и КНР и изучения теории сдерживания, а также определения оптимального соотношения сил и средств ядерного и неядерного сдерживания.

Вместе с тем, комитет по делам вооруженных сил Сената выражает обеспокоенность в отношении любых мероприятий в рамках СК-3, которые *отвлекают внимание от сдерживания России и Китая* [курсив мой – В.Б.]. В частности, признавая потенциальные дивиденды вовлечения компаний из Кремниевой долины с помощью DIUx, конгрессмены считают, что гражданские технологии не смогут обеспечить боевого превосходства над почти равным противником [27]. Определенное недоверие конгрессмены выражают и в отношении финансовой дисциплины в УСВ.

Есть у американских законодателей и свои представления о приоритетности тех или иных технологий. Так, конгрессмены решили увеличить ассигнования на человеко-машинное взаимодействие и гиперзвуковые технологии, считая, что их быстрая разработка Россией и КНР представляет собой серьезную новую угрозу безопасности США [27]. Другими словами, представители обеих палат Конгресса весьма активно пользуются своим «правом кошелька» при рассмотрении СК-3, но их волнуют не только объемы финансирования, но и будущее стратегии.

III

На слушаниях в Сенате С.Уэлби был задан прямой вопрос: «Чего Вы хотите добиться к моменту смены администрации в январе, чтобы продемонстрировать успешность реализации СК-3»? В ответ С.Уэлби заявил, что хотя в СК-3 присутствует момент личной заинтересованности Э. Картера и Р. Уорка, главной причиной её запуска является необходимость технологического обновления ВС США, а поэтому смена администрации не должна стать помехой [47, р.27]. Сам Р. Уорк выражает надежду, что эта стратегия, как и её предыдущие версии, будет реализовываться в течение ближайших 10-15 лет» [40]. В своём выступлении в Атлантическом совете 2 мая 2016 г. Р. Уорк взял на себя личную ответственность за «увековечивание» СК-3, по-

обещав персонально разъяснить каждому члену новой команды её цели и задачи [34].

Вместе с тем, есть целый ряд факторов, которые заставляют признать оптимизм архитекторов СК-3 избыточным.

Во-первых, персональная заинтересованность Э. Картера и Р. Уорка в СК-3 чересчур сильна. Сложно отделаться от впечатления, что каждый из них хочет войти в историю и увековечить свое идейное наследие – Э. Картер – через взаимодействие Пентагона с Кремниевой долиной, Р. Уорк – как главный архитектор новой «революции в военном деле», стремясь встать в один ряд с идейным вдохновителем СК-2 У. Перри. Чрезвычайно большую роль личностный фактор сыграл и продолжает играть в деятельности УСВ. По словам Э. Картера, УСВ «в основном было построено вокруг одного умного парня» – У. Роупера [30]. Будет ли также ценить директора УСВ следующий глава Пентагона, – большой вопрос.

Во-вторых, американские эксперты отмечают, что Э. Картер и его заместители одиноки в своей обеспокоенности «будущей войной». Руководители видов ВС посылают недвусмысленные сигналы о том, что они хотят отложить разработку высокотехнологичного оружия будущего и сконцентрироваться на немедленном увеличении численности ВС, повышении боеготовности и ускорении закупок существующих образцов [20]. Наиболее откровенно такую стратегию избрал министр ВМС США Р. Мабус, которому Э. Картер вынужден, был направить в декабре 2015 г. отдельное жесткое письмо с призывом пересмотреть приоритеты [38]. В этой связи американский военный эксперт С. Мочоне высказывает предположение, что администрация, более сосредоточенная на количественных, а не на качественных параметрах военного потенциала, может легко «перепрофилировать» фонды СК-3 или вообще отправить всю стратегию в мусорную корзину» [33].

Высказываются опасения, что СК-3 постигнет та же участь, что и «трансформацию вооружённых сил» – запущенную Д. Расмфелдом попытку реализовать революцию в военном деле на основе технологий, применённых в операции «Буря в пустыне» [22]. Виды ВС, как и сразу после окончания холодной войны, выступили против радикальных изменений, но при этом с готовностью принимали на вооружение новейшие технологии. По словам американского исследователя Ю. Гольца, «трансформация стала волшебным словом в Пентагоне, с помощью которого можно было обосновывать любые пожелания видов ВС, а для ОПК она превратилась в прекрасный инструмент продвижения наиболее технологически продвинутых (и, соответственно, дорогих) версий систем вооружений [25]».

В-третьих, некоторые эксперты полагают, что недостаток финансирования – ещё одна из тех причин, из-за которой новая администра-

ция, в случае если она будет относиться к данной стратегии с меньшим энтузиазмом, может отказаться от наследия команды Э. Картера – Р. Уорка [28].

Наконец, в-четвёртых, стоит отметить отсутствие уверенности американских экспертов в необходимости ускоренного развития именно тех технологий, на которые предполагает сделать ставку Р. Уорк. Так, вице-президент Лексингтонского института Д. Гурэ утверждает, что в нынешнем виде СК-3 не носит принципиально нового характера и служит логическим продолжением уже свершившейся революции в области информационных и вычислительных технологий [26]. С его точки зрения, нет оснований полагать, что США обладают преимуществом в развитии информационных технологий, автоматизированных систем управления или робототехники, а имеющихся преимуществ недостаточно, чтобы сделать их краеугольным камнем долгосрочной стратегии безопасности. По мнению Д. Гурэ, США действительно находятся на пороге революции в разработке систем вооружений нового поколения, способных фундаментальным образом изменить характер высокотехнологичной войны, но в его понимании это, в первую очередь, лазерное оружие и рельсотроны [26].

Скептическое отношение к технологическим приоритетам, обозначенным Р. Уорком, демонстрируют и многие другие американские и европейские эксперты, за исключением специалистов Центра за новую американскую безопасность (Center for a New American Security), который в 2013 г. возглавлял сам Р. Уорк и который сегодня служит главным «рупором» высказываемых им идей [16; 18]. С учётом получения СК-3 реального финансового обеспечения на ближайшие годы, есть все основания полагать, что острота дискуссии будет только нарастать, особенно после того, как в неё полноценно включатся крупные корпорации, которые благодаря колоссальным лоббистским возможностям могут оказывать существенное влияние на формирование государственного оборонного заказа [1, с.157] и расстановку технологических приоритетов.

Проведённый анализ СК-3 позволяет сделать несколько выводов, в том числе, и выходящих за рамки перипетий реализации Пентагоном военно-технической политики.

Запуск СК-3 имеет комплексную, политико-экономическую природу. С одной стороны, повторив судьбу своих предшественниц, она появилась в ответ на обострение международной напряжённости и объективное сокращение асимметрии в военно-техническом потенциале между США и другими ведущими державами. С другой стороны, третья по счету «стратегия компенсации», как и две предыдущие, стала продуктом эпохи бюджетных ограничений, вынуж-

■ Современные технологии и международные отношения

дивших перенести акцент на повышение *качественных* характеристик военного потенциала⁵.

Первое основание вряд ли исчезнет в обозримой перспективе, но ресурсные ограничения в будущем вполне могут перестать предопределять большинство решений, принимаемых в Пентагоне, в том числе, и решение сделать ставку на привлечение частных высокотехнологичных компаний, обгоняющих Министерство обороны по объёмам инвестиций в НИОКР. Опыт первых лет реализации СК-3 показывает, что пока Пентагон и Кремниевую долину продолжает разделять дистанция огромного размера. Если в ближайшие годы не произойдёт радикальных изменений организационного плана, которые сократят количество бюрократических препон, мешающих такому сотрудничеству, нынешний список стержневых приоритетов СК-3, сформированный вокруг достижений в сфере ИКТ, может существенно измениться.

Какую бы окончательную форму ни принял этот список, нет сомнений в том, что внедрение технологических инноваций окажет воздействие на сферу вооружённой борьбы и параметры обеспечения стратегической стабильности. Прогнозированием этих изменений должны заниматься военные специалисты. Гражданская же наука, в первую очередь, должна оценить возможные международно-политические последствия запуска данной инициативы.

В этом плане хотелось бы сделать несколько замечаний:

1. «Острые» СК-3 направлено, в первую очередь, против Китая. С этой точки зрения, очередная версия «стратегии компенсации», безусловно, вписывается в контекст общей «перебалансировки» сил США в Азиатско-Тихоокеанский регион, одним из следствий которой, как известно, является определенное ослабление трансатлантических связей. Однако, по мнению некоторых экспертов, и в частности, профессора департамента стратегических исследований Военно-морского колледжа США П.Домбровский, «руководство КНР прекрасно осведомлено о своих военных преимуществах и уязвимостях США, ... и нет почти никаких сомнений в том, что обретший дополнительную уверенность в собственных силах и относительно богатый Китай адаптируется к СК-3 [19, p.10]⁶.

2. Европейских союзников США по НАТО содержание высказываний официальных представителей Пентагона о СК-3 вряд ли может об-

надежить. Фактически американские военные говорят лишь о вовлечении европейцев в разнообразные учения и разработку концепций применения ВС, но не о передаче технологических секретов или допуске европейских компаний к закупкам по приоритетным направлениям СК-3. Это создает угрозу увеличения технологического разрыва между США и их союзниками по НАТО, игравшими огромную роль в реализации предыдущих «стратегий компенсации», и ставит европейские государства перед необходимостью наращивать собственные инвестиции в оборонные НИОКР, что в текущих условиях выглядит почти утопией [24; 44].

3. Концентрация США на высокотехнологичной войне с почти равным противником может сузить их возможности по противодействию асимметричным угрозам со стороны вооружённых негосударственных акторов. Аргументы руководителей Пентагона о том, что реализация СК-3 будет облегчать борьбу с вызовами во всех сферах, пока выглядят неубедительными. Запуск СК-3 может повлечь за собой дальнейшее отстранение США от активного вмешательства в дела государств, расположенных вдоль «дуги нестабильности», и в частности, стран Ближнего и Среднего Востока. Следующей администрации нужно будет предпринять дополнительные усилия, чтобы не допустить повторения той же ошибки «сужения фокуса», которая, по словам архитекторов СК-3, предопределила её появление.

4. Однозначный выбор, сделанный США в рамках СК-3 в пользу стратегического сдерживания великих держав – КНР и России – может иметь несколько измерений. Если вспомнить историю, можно предположить, что броские заявления руководителей Белого дома о начале новой технологической гонки, упоминания о многочисленных засекреченных и невероятно эффективных новых образцах ВВСТ могут быть нацелены и на то, чтобы заставить конкурентов включиться в очередную гонку вооружений, которая может подорвать их изнутри. Успешный опыт программы «звёздных войн», имевшей дезинформационную компоненту и содействовавшей целям «истощения» СССР, у США уже есть, и, как представляется, к нему ещё не раз будут обращаться первые лица Пентагона при реализации СК-3 в том случае, если она «переживет» грядущую смену администрации.

Список литературы

1. Балышев А.В., Коннов В.И. Формирование научной составляющей оборонного заказа США // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6 (45). С. 155-164.

⁵ Об изменениях оборонной стратегии США «в эпоху жёсткой экономии» см.: [13].

⁶ Подробнее о научной инновационной политике Китая см.: [8].

2. Батюк В.И. Военная политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе при администрации Б. Обамы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 29-48.
3. Буренок В.М., Гладышевский В.Л. Информатика и вычислительная техника: перспективы развития и применения в военном деле // Вооружение и экономика. 2015. № 3. С. 17–32.
4. Буренок В.М. Технические и технологические основы развития вооружения и военной техники. М.: Граница, 2010. 210 с.
5. Белоконов С.П. Технологические аспекты современных вооруженных конфликтов и военная безопасность России // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т.7. № 4. С. 23 - 44.
6. Веселов В.А. Трансформация параметров стратегической стабильности: роль технологического фактора // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т.7. № 3. С. 23 - 56.
7. Голубев Д. Наука и инновации в теориях международных отношений // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 2. С. 66 - 80. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.41.5
8. Клочихин Е.А. Научная и инновационная политика Китая // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 33. С. 37 - 55.
9. Кокошин А. А. Блицкриг и структура революции в военном деле // Клио. 2015. № 12. С. 96 – 109.
10. Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Потапов В.Я. Влияние новейших тенденций в развитии технологий и средств вооружённой борьбы на военное искусство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т.7. № 4. С. 3 - 22.
11. Кокошин А. А., Бартенев В. И., Веселов В. А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 11. С. 3 – 22.
12. Корсаков Г.Б. О военных инновациях и стратегических концепциях в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 1. С. 71 - 88.
13. Крепиневич Э. Стратегия в эпоху жёсткой экономики // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. С. 60 - 71.
14. Крутских А.В., Зиновьева Е.С. Информатизация и макротехнологии: новое лицо мировой политики // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 36 - 37. С. 20 - 32.
15. Панкова Л.В. Стратегическая стабильность и новая американская «стратегия компенсации» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т. 7. № 3. С. 115 - 141.
16. Brimley S., Fitzgerald B., Sayler K. Game Changers. Disruptive Technology and U.S. Defense Strategy [Электронный ресурс]. // Center for a New American Security. September 2013. Режим доступа: http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_Gamechangers_BrimleyFitzGeraldSayler_0.pdf (дата обращения: 20.05.2016)
17. Cohen E.A. Change and Transformation in Military Affairs // Journal of Strategic Studies. 2004. Vol. 27. №3. Pp. 395 – 407.
18. Colby E. Nuclear Weapons in the Third Offset Strategy: Avoiding a Nuclear Blind Spot in the Pentagon's New Initiative [Электронный ресурс] // Center for a New American Security, February 2015. Режим доступа: <http://www.cnas.org/sites/default/files/publications-pdf/Nuclear%20Weapons%20in%20the%203rd%20Offset%20Strategy.pdf> (дата обращения: 20.05.2016)
19. Dombrowski P. Policy Report America's Third Offset Strategy New Military Technologies and Implications for the Asia Pacific. Policy Report, June 2015. [Электронный ресурс] // RSIS. Режим доступа: http://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/06/PR150608_Americas-Third-Offset-Strategy.pdf (дата обращения: 20.05.2016)
20. Eaglen M. 2017 Defense Budget: Obama Bets on Technological Breakthroughs Instead of Tackling the Challenges of Today. [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute. February 9, 2016. Режим доступа: <http://www.aei.org/publication/2017-defense-budget-obama-bets-on-technological-breakthroughs-instead-of-tackling-the-challenges-of-today/> (дата обращения: 15.05.2016)
21. Eaglen M. What is the Third Offset Strategy? [Электронный ресурс] // American Enterprise Institute. 16 February 2016. Режим доступа: <http://www.aei.org/publication/what-is-the-third-offset-strategy/> (дата обращения: 15.05.2016)
22. Fay M. Does the Offset Strategy Risk 'Transformation'? [Электронный ресурс]. // Niskanen Center. April 20, 2016. Режим доступа: <https://niskanencenter.org/blog/does-the-offset-strategy-risk-transformation/> (дата обращения: 15.05.2016)
23. Fiott D. A Revolution Too Far? US Defence Innovation, Europe and NATO's Military-Technological Gap // Journal of Strategic Studies. 2016. Vol. 39. № 3. DOI: 10.1080/01402390.2016.1176565

■ Современные технологии и международные отношения

24. Freedman L. Deterrence. Cambridge, UK: Polity Press, 2004. 160 p.
 25. Gholz E. The RMA and the Defense Industry // US Military Innovation since the Cold War: Creation without Destruction. Routledge Taylor & Francis Group, 2009. Pp. 172-181.
 26. Goure D. Directed Energy Weapons: The Key to Securing America's Dominance over Russia and China [Электронный ресурс]. // The National Interest. 20.04.2016. Режим доступа: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/directed-energy-weapons-the-key-securing-americas-dominance-15863> (дата обращения: 15.05.2016)
 27. H.R.1735 - National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2016. 114th Congress (2015-2016) [Электронный ресурс]. // US Congress. Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1735/text#toc-H7A7836870B984C1D983581AA04F7C911> (дата обращения: 15.05.2016)
 28. Harrison T. Analysis of the FY 2017 Defense Budget author [Электронный ресурс]. // A Report of the CSIS International Security Program's Defense Outlook Series. Режим доступа: http://csis.org/files/publication/160420_Analysis_of_the_FY2017_Defense_Budget.pdf (дата обращения: 15.05.2016).
 29. Krepinevich A.F. Cavalry to Computer: The Pattern of Military Revolutions' // National Interest. 1994. Vol. 37. Pp. 31-36.
 30. Lamothe D. Veil of Secrecy Lifted on Pentagon Office Planning 'Avatar' Fighters and Drone Swarms // Washington Post. 08.03.2016. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2016/03/08/inside-the-secretive-pentagon-office-planning-skyborg-fighters-and-drone-swarms/> (дата обращения: 15.05.2016)
 31. Locks B. Bad Guys Know What Works: Asymmetric Warfare and the Third Offset // War on the Rocks, 23.06.2015. Available at: <http://warontherocks.com/2015/06/bad-guys-know-what-works-asymmetricwarfare-and-the-third-offset/>
 32. Martinage R. Toward a New Offset Strategy: Exploiting U.S. Long-Term Advantages to Restore U.S. Global Power Projection Capability // Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2014. 94 p.
 33. Maucione S. Unraveling the Mystery of DoD's Third Offset strategy [Электронный ресурс]. // Federal News Radio. 05.02.2016. Режим доступа: <http://federalnewsradio.com/defense/2016/02/unraveling-mystery-third-offset-strategy/> (дата обращения: 15.05.2016)
 34. Maucione S. DoD Is Setting Up the Third Offset for the Next President [Электронный ресурс]. // Federal News Radio. 02.05.2016. Режим доступа: <http://federalnewsradio.com/defense/2016/05/dod-setting-third-offset-next-president/> (дата обращения: 15.05.2016)
 35. The Global Politics of Science and Technology. Ed. by Mayer M. Berlin: Springer-Verlag, 2014. Vol. 1. Concepts from International Relations and Other Disciplines. 282 p. Vol. 2. Perspectives, Cases and Methods. 302 p.
 36. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: Norton, 2001. 592 p.
 37. Memorandum for Chairman, Defense Science Board. Subject: Terms of Reference - Defense Science Board 2015 Summer Study on Autonomy. 17.11.2014. [Электронный ресурс] // Department of Defense. Режим доступа: http://www.acq.osd.mil/dsb/tors/TOR-2014-11-17-Summer_Study_2015_on_Autonomy.pdf (дата обращения: 15.05.2016).
 38. Memorandum for Secretary of the Navy: Navy Program Balance. [Электронный ресурс] // Naval Institute News. Режим доступа: <https://news.usni.org/2015/12/17/document-budget-directive-letter-from-secdef-carter-to-secnav-mabus> (дата обращения: 15.05.2016).
 39. Pomerleau M. Strategy: What Man and Machine Can Do Together [Электронный ресурс]. // Defense Systems. 04.05.2016. Режим доступа: <https://defensesystems.com/articles/2016/05/04/dod-work-on-third-offset-strategy.aspx> (дата обращения: 15.05.2016).
 40. Reagan Defense Forum: The Third Offset Strategy. As Delivered by Deputy Secretary of Defense Bob Work, Reagan Presidential Library, Simi Valley, CA, November 7, 2015. Режим доступа: <http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/628246/reagan-defense-forum-the-third-offset-strategy> (дата обращения: 15.05.2016)
 41. Remarks by Defense Deputy Secretary Robert Work at the CNAS Inaugural National Security Forum. 14 December 2016. Режим доступа: <http://www.cnas.org/transcripts/work-remarks-national-security-forum#.Vu3pvoR96M8> (дата обращения: 15.05.2016).
 42. Secretary of Defense Testimony Submitted Statement -- House Appropriations Committee-Defense (FY 2017 Budget Request). As Submitted by Secretary of Defense Ash Carter, Washington, D.C., February 25, 2016 [Электронный ресурс]. // US Department of Defense. – Режим доступа: <http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/672855/submitted-statement-house-appropriations-committee-defense-fy-2017-budget-reque> (дата обращения: 15.05.2016).
 43. Shaffer A, The Challenge of Technological Superiority [Электронный ресурс] // Defense Acquisition, Logistics and Logistics. Better Buying Power 3.0 Special Issue. Pp. 8-10. Режим доступа: http://www.acq.osd.mil/dpap/sa/docs/ATandL-issues/DATL_Jul_Aug2015.pdf (дата обращения: 15.05.2016).
-

44. Simóna L. The 'Third' US Offset Strategy and Europe's 'Anti-access' Challenge // Journal of Strategic Studies. 2016. Vol. 39. № 3. DOI:10.1080/01402390.2016.1163260.
45. Skolnikoff E. The Elusive Transformation: Science, Technology, and the Evolution of International Politics. NJ: Princeton University Press, 1994. 322 p.
46. Submitted Statement -- Senate Armed Services Committee (Budget Request) As Submitted by Secretary of Defense Ash Carter [Электронный ресурс]. // US Department of Defense. Washington, D.C., March 3, 2015. Режим доступа: <http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/606647/submitted-statement-senate-armed-services-committee-budget-request> (дата обращения: 15.05.2016)
47. U.S. Senate. Committee on Armed Services, Subcommittee on Emerging Threats and Capabilities. Hearing to Receive Testimony on the Strategy and Implementation of the Department of Defense's Technology Offsets Initiative in Review of the Defense Authorization Request for Fiscal Year 2017 and the Future Years Defense Program. April 12, 2016. [Электронный ресурс]. // US Committee on Armed Services. Washington, DC. Режим доступа: <http://www.armed-services.senate.gov/hearings/16-04-12-strategy-and-implementation-of-the-department-of-defenses-technology-offsets-initiative> (дата обращения: 15.05.2016).
48. Weiss Ch. Science, Technology and International Relations // Technology in Society. 2005. №27. Pp. 295 - 313.

Об авторе

Бартенов Владимир Игоревич – к.и.н., доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Центра проблем безопасности и развития ФМП МГУ. E-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №15-37-11136 «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности»).

THE U.S. QUEST FOR NEW TECHNOLOGICAL FOUNDATIONS OF MILITARY SUPERIORITY: DILEMMAS OF THE THIRD OFFSET STRATEGY

V.I. Bartenev

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.

Abstract: *The last decades have witnessed a remarkable surge of interest in studying the influence of science and technology on world politics. However, not all channels of such influence have been examined with equal rigor. Whereas numerous researchers have explored meticulously the impact of technologies on warfare, the issues of using military-technological breakthroughs to achieve political goals have been addressed less frequently. This paper seeks to fill this gaping niche by decomposing the Third Offset Strategy (TOS), a recent initiative of the U.S. Department of Defense (DoD) aimed at ensuring military-technological superiority of the United States in the XXI century, predominantly, by offsetting the new capabilities of the Russian Federation and the Popular Republic of China. The first section unveils a conceptual framing of the TOS, the second section examines a variety of technological priorities, and the final section identifies key uncertainties around implementation of this initiative in the mid-term and long-term perspective. The conclusion postulates that the emergence of the TOS was determined by both an erosion of the U.S. military superiority and budget constraints, and, therefore, its content might change if budget austerity imperatives will stop dominating the DoD strategists' thinking. The launch of the third offset strategy has also important international-political aspects. First, the TOS fits in the context of the U.S. rebalance to the Asia-Pacific. Second, the American allies in Europe might face a threat of a widening technological gap with the United States and a need to boost their spending on defense research and development, which might be unfeasible in the current fiscal environment. Third, the concentration of the United States on countering high-end opponents might lead to a further marginalization of the Middle East. Fourth, the TOS is likely to contain a disinformation component and aim at dragging the peer competitors of the U.S. into an exhaustive arms race.*

Key words: United States, defense, national security, technology, Third Offset Strategy, deterrence, innovation, revolution in military affairs, artificial intellect, human-machine teaming, electronic warfare.

References

1. Balyshev A.V., Konnov V.I. Formirovanie nauchnoi sostavliaiushchei oboronnogo zakaza SShA [Forming The Research Component of The U.S. Defense Budget]. Vestnik MGIMO-University, 2015, no.6, pp. 155-164. (In Russian).
2. Batiuk V.I. Voennaya politika SShA v Aziatsko-Tikhookeanskom regione pri administratsii B. Obamy [The U.S. Defense Policy in the Asia-Pacific under the Obama Administration]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Moscow University Journal of World Politics], 2012, no.3, pp. 29-48. (In Russian).
3. Burenok V.M., Gladyshevskii V.L. Informatika i vychislitel'naya tekhnika: perspektivy razvitiya i primeneniya v voennom dele [Informatics and Computing: Prospects and Defense Applications]. Vooruzhenie i ekonomika – Armaments and Economy, 2015, no.3, pp.17–32. (In Russian).
4. Burenok V.M. Tekhnicheskie i tekhnologicheskie osnovy razvitiya vooruzheniya i voennoi tekhniki [Technical and Technological Foundations of Development Military Capabilities]. Moscow, Granitsa Publ., 2010. 210 p. (In Russian).
5. Belokon' S.P. Tekhnologicheskie aspekty sovremennykh vooruzhennykh konfliktov i voennaya bezopasnost' Rossii [Technological Aspects of Modern Conflicts and Military Security of the Russian Federation]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 2015, vol. 7, no. 4., pp. 23-44. (In Russian).
6. Veselov V.A. Transformatsiya parametrov strategicheskoi stabil'nosti: rol' tekhnologicheskogo faktora. [The Role of Technological Factor in Transforming Parameters of Strategic Stability]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 2015, vol.7, no.3, pp. 23-56. (In Russian).
7. Golubev D. Nauka i innovatsii v teoriiakh mezhdunarodnykh otnoshenii [Science And Innovations In International Relations Theories]. Mezhdunarodnye protsessy - International Trends, 2015, vol. 13, no.2, pp. 66-80. (In Russian)
8. Klochikhin E.A. Nauchnaya i innovatsionnaya politika Kitaya [China's Science and Innovation Policy]. Mezhdunarodnye protsessy - International Trends, 2013, vol.11, no.33, pp. 37-55. (In Russian)
9. Kokoshin A. A. Blitzkrieg i struktura revoliutsii v voennom dele [Blitzkrieg and the Structure of the Revolution in Military Affairs]. Klio, 2015, no. 12, pp. 96–109. (In Russian)
10. Kokoshin A. A., Bartenev V. I., Veselov V. A. Podgotovka revoliutsii v voennom dele v usloviakh biudzhetykh ogranichenii: novye initsiativy Ministerstva oborony SShA [Launching a Revolution in Military Affairs in the Age of Austerity: New Initiatives of the U.S. DoD]. SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 2015, no.11, pp. 3–22. (In Russian)
11. Kokoshin A.A., Baluevskii Iu.N., Potapov V.Ia. Vliianie noveishikh tendentsii v razvitii tekhnologii i sredstv vooruzhennoi bor'by na voennoe iskusstvo [Nuclear Factor and the Russian Military Thought]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 2015, vol.7, no.4, pp. 3-22. (In Russian)
12. Korsakov G.B. O voennykh innovatsiiakh i strategicheskikh kontseptsiiakh v SShA [On Military Innovations and Strategic Concepts]. SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 2013, no.1, pp. 71-88. (In Russian)
13. Krepinevich E. Strategiya v epokhu zhestkoi ekonomii [Strategy in an era of austerity]. Rossiia v global'noi politike - Russia in Global Affairs, 2013, no. 2, pp. 60-71. (In Russian)
14. Krutskikh A.V., Zinov'eva E.S. Informatizatsiia i makrotekhnologii: novoe litso mirovoi politiki [Informatisation and New Technologies: A New Look Of World Politics]. Mezhdunarodnye protsessy - International Trends, 2014, vol.12., no.36-37, pp. 20-32. (In Russian)
15. Pankova L.V. Strategicheskaya stabil'nost' i novaia amerikanskaia «strategiia kompensatsii» [Strategic Stability and the U.S. Third Offset Strategy]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaia politika, 2015, vol.7, no.3, pp. 115-141. (In Russian)
16. Brimley S., Fitzgerald B., Saylor K. Game Changers. Disruptive Technology and U.S. Defense Strategy. Center for a New American Security. September 2013. Available at: http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_Gamechangers_BrimleyFitzGeraldSaylor_0.pdf (Accessed: 20.05.2016)
17. Cohen E.A. Change and Transformation in Military Affairs. Journal of Strategic Studies, 2004, vol. 27, no. 3, pp. 395–407.
18. Colby E. Nuclear Weapons in the Third Offset Strategy: Avoiding a Nuclear Blind Spot in the Pentagon's New Initiative. Center for a New American Security, February 2015. Available at: <http://www.cnas.org/sites/default/files/publications-pdf/Nuclear%20Weapons%20in%20the%203rd%20Offset%20Strategy.pdf> (Accessed: 20.05.2016)
19. Dombrowski P. Policy Report America's Third Offset Strategy New Military Technologies and Implications for the Asia Pacific. Policy Report, June 2015. RSIS. Available at: http://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/06/PR150608_Americas-Third-Offset-Strategy.pdf (Accessed: 20.05.2016)

20. Eaglen M. 2017 defense budget: Obama bets on technological breakthroughs instead of tackling the challenges of today. American Enterprise Institute. February 9, 2016. Available at: <http://www.aei.org/publication/2017-defense-budget-obama-bets-on-technological-breakthroughs-instead-of-tackling-the-challenges-of-today/> (Accessed: 15.05.2016)
21. Eaglen M. Mark as favorite What is the Third Offset Strategy? American Enterprise Institute. 16 February 2016. Available at: <http://www.aei.org/publication/what-is-the-third-offset-strategy/> (Accessed: 15.05.2016)
22. Fay M. Does the Offset Strategy Risk 'Transformation'? Niskanen Center. April 20, 2016. Available at: <https://niskanencenter.org/blog/does-the-offset-strategy-risk-transformation/> (Accessed: 15.05.2016)
23. Fiott D. A Revolution Too Far? US Defence Innovation, Europe and NATO's Military-Technological Gap. *Journal of Strategic Studies*, 2016. DOI: 10.1080/01402390.2016.1176565
24. Freedman L. Deterrence. Cambridge, UK: Polity Press, 2004. 145 p.
25. Gholz E. The RMA and the Defense Industry. *US Military Innovation since the Cold War: Creation without Destruction*. Ed. by Harvey M. Sapolsky, Benjamin H. Friedman, and Brendan Green. London: Routledge, 2009, pp. 172-181.
26. Goure D. Directed Energy Weapons: The Key to Securing America's Dominance over Russia and China. *The National Interest*, 20 April 2016. Available at: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/directed-energy-weapons-the-key-securing-americas-dominance-15863> (Accessed: 15.05.2016)
27. H.R.1735 - National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2016. 114th Congress (2015-2016). Available at: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1735/text#toc-H7A7836870B984C1D983581AA04F7C911> (Accessed: 15.05.2016)
28. Harrison T. Analysis of the FY 2017 Defense Budget. A Report of the CSIS International Security Program's Defense Outlook Series. Available at: http://csis.org/files/publication/160420_Analysis_of_the_FY2017_Defense_Budget.pdf (Accessed: 15.05.2016)
29. Krepinevich A.F. Cavalry to Computer: The Pattern of Military Revolutions. *National Interest*, 1994, vol. 37, pp. 31-36.
30. Lamothe D. Veil of Secrecy Lifted on Pentagon Office Planning 'Avatar' Fighters and Drone Swarms. *Washington Post*. 8 March 2016. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2016/03/08/inside-the-secretive-pentagon-office-planning-skyborg-fighters-and-drone-swarms/> (Accessed: 15.05.2016)
31. Locks B. Bad Guys Know What Works: Asymmetric Warfare and the Third Offset. *War on the Rocks*, 23.06.2015. Available to: <http://warontherocks.com/2015/06/bad-guys-know-what-works-asymmetricwarfare-and-the-third-offset/2/> (Accessed: 15.05.2016)
32. Martinage R. Toward a New Offset Strategy: Exploiting U.S. Long-Term Advantages to Restore U.S. Global Power Projection Capability. Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2014.
33. Maucione S. Unraveling the Mystery of DoD's Third Offset Strategy. *Federal News Radio*. February 5, 2016. Available at: <http://federalnewsradio.com/defense/2016/02/unraveling-mystery-third-offset-strategy/> (Accessed: 15.05.2016)
34. Maucione S. DoD is Setting Up the Third Offset for the Next President. *Federal News Radio*. May 2, 2016. Available at: <http://federalnewsradio.com/defense/2016/05/dod-setting-third-offset-next-president/> (Accessed: 15.05.2016)
35. *The Global Politics of Science and Technology*. Ed. by Mayer M. Berlin: Springer-Verlag, 2014. Vol. 1. Concepts from International Relations and Other Disciplines. 282 p. Vol. 2. Perspectives, Cases and Methods. 302 p.
36. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: Norton, 2001. 555 p.
37. Memorandum for Chairman, Defense Science Board. Subject: Terms of Reference- Defense Science Board 2015 Summer Study on Autonomy. 17.11.2014. Department of Defense. Available at: http://www.acq.osd.mil/dsb/tors/TOR-2014-11-17-Summer_Study_2015_on_Autonomy.pdf (Accessed: 15.05.2016).
38. Memorandum for Secretary of the Navy: Navy Program Balance. *Naval Institute News*. Available at: <https://news.usni.org/2015/12/17/document-budget-directive-letter-from-secdef-carter-to-secnab-mabus> (Accessed: 15.05.2016)
39. Pomerleau M. Strategy: what man and machine can do together. *Defense Systems*, 04.05.2016. Available at: <https://defensesystems.com/articles/2016/05/04/dod-work-on-third-offset-strategy.aspx> (Accessed: 15.05.2016)
40. Reagan Defense Forum: The Third Offset Strategy. As Delivered by Deputy Secretary of Defense Bob Work. Reagan Presidential Library, Simi Valley, CA, November 7, 2015. Available at: <http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/628246/reagan-defense-forum-the-third-offset-strategy> (Accessed: 15.05.2016)
41. Remarks by Defense Deputy Secretary Robert Work at the CNAS Inaugural National Security Forum, 14.12.2016. Available at: <http://www.cnas.org/transcripts/work-remarks-national-security-forum#.Vy3pvoR96M8> (Accessed: 15.05.2016)

■ Современные технологии и международные отношения

42. Secretary of Defense Testimony Submitted Statement -- House Appropriations Committee-Defense (FY 2017 Budget Request). As Submitted by Secretary of Defense Ash Carter. US Department of Defense. Washington, D.C., February 25, 2016. Available at: <http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/672855/submitted-statement-house-appropriations-committee-defense-fy-2017-budget-reque> (Accessed: 15.05.2016)
43. Shaffer A. The Challenge of Technological Superiority. Defense Acquisition, Logistics and Logistics. Better Buying Power 3.0. Special Issue, pp. 8-10. Available at: http://www.acq.osd.mil/dpap/sa/docs/ATandL-issues/DATL_Jul_Aug2015.pdf (Accessed: 15.05.2016)
44. Simóna L. The 'Third' US Offset Strategy and Europe's 'Anti-access' Challenge. Journal of Strategic Studies, 2016. DOI:10.1080/01402390.2016.1163260
45. Skolnikoff E. The Elusive Transformation: Science, Technology, and the Evolution of International Politics. NJ: Princeton University Press, 1994. 322 p.
46. Submitted Statement -- Senate Armed Services Committee (Budget Request) As Submitted by Secretary of Defense Ash Carter. US Department of Defense. Washington, D.C., March 3, 2015. Available at: <http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/606647/submitted-statement-senate-armed-services-committee-budget-request> (Accessed: 15.05.2016)
47. U.S. Senate. Committee on Armed Services, Subcommittee on Emerging Threats and Capabilities. Hearing to Receive Testimony on the Strategy and Implementation of the Department of Defense's Technology Offsets Initiative in Review of the Defense Authorization Request for Fiscal Year 2017 and the Future Years Defense Program. April 12, 2016. US Committee on Armed Services. Washington, DC. Available at: <http://www.armed-services.senate.gov/hearings/16-04-12-strategy-and-implementation-of-the-department-of-defenses-technology-offsets-initiative> (Accessed: 15.05.2016)
48. Weiss Ch. Science, Technology and International Relations. Technology in Society, 2005, no.27, pp. 295-313.

About the author

Vladimir I. Bartenev – PhD, Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, Director of the Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. E-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru.

This work has been accomplished with financial support from the Russian Foundation for Humanities, research project № 15-37-11136 'The Impact of Technological Factors on Parameters of National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability'.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ

С.З. Жизнин, В.М. Тимохов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В настоящей работе рассмотрено влияние технологий на развитие мировой энергетики, а также на развитие международных экономических отношений. Показана важная роль международного сотрудничества в сфере энергетических технологий как ключевого фактора развития и глобального внедрения энергетических технологий в промышленность. Наиболее эффективно в мире технологическое многостороннее сотрудничество осуществляется под эгидой Международного энергетического агентства (МЭА) и других международных организаций. Оно позволяет совместными усилиями заинтересованных стран разрабатывать новые технологии, испытывать их и внедрять в производство. Для России это очень важно, так как в настоящее время наша страна является не только ведущим экспортёром энергетических ресурсов, но и оказывает значительное влияние на обеспечение глобальной энергетической безопасности. В то же время ТЭК России требует срочной и серьёзной модернизации путём разработки и внедрения инновационных технологий на базе изучения международного опыта. Поэтому вопрос модернизации ТЭК России имеет международный характер.

Одним из способов ускорения процесса модернизации является организация государственно-частного партнёрства, что в значительной степени будет зависеть от характера и возможностей энергетической дипломатии России, учитывая геополитические и экономические реалии в связи с введёнными западными странами санкциями против нашей страны.

Ключевые слова: энергетика, энергетические технологии, международное сотрудничество, энергетическая дипломатия, глобальная энергетическая безопасность, инфраструктура, международные экономические отношения.

Энергетика является одной из важнейших составляющих экономического и политического могущества государства в современном мире, а энергетический фактор играет в международных отношениях ключевую роль, сравнимую с военным. В большинстве стран мира от состояния топливно-энергетического комплекса (ТЭК), особенно в технологическом секторе, зависит национальная безопасность в политическом, экономическом и социальном аспектах, этим определяется особое отношение правительств многих стран к обеспечению глобальной энергетической безопасности.

Под глобальной энергетической безопасностью понимается надёжное, долгосрочное и экономически приемлемое обеспечение различными видами энергии в их оптимальном сочетании для сохранения устойчивого развития мира и минимального ущерба окружающей среде.

После энергетического кризиса середины 1970-х гг. в ряде стран сформировалось функциональное направление их внешней политики и дипломатии – энергетическая дипломатия.

Энергетическая дипломатия (ЭД) – это внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность государства по отстаиванию своих позиций в энергетической отрасли. Она изучает геополитические, экономические, финансовые, правовые и некоторые другие практические, а также теоретические аспекты деятельности мирового ТЭК.

Основной задачей энергетической дипломатии любого государства является внешнеполитическое обеспечение национальных энергетических интересов в международных экономических отношениях, что тесно связано с решением проблем энергетической безопасности всех групп стран: импортёров (безопасность поставок по разумно низким ценам), экспортёров (безопасность спроса по разумно высоким ценам), транзитных стран и нахождением между ними баланса интересов [2, с. 16].

Поскольку от технического состояния добывающей и транспортной инфраструктуры, а также объектов энергопотребления зависит энергетическая безопасность, то в сфере деятельности мировой энергетической дипломатии исключительно важное место занимают технологические аспекты.

Динамичное развитие мировой энергетики в течение последних двухсот лет, значительное увеличение объёмов мировой торговли энергоресурсами, а также энергетическим оборудованием и услугами, придало актуальность геοэкономическим проблемам развития системы мирового энергоснабжения.

Выделим несколько основных групп проблем, на решение которых направлена внешняя энергетическая политика конкретных государств. От них непосредственно зависит также обеспечение международной энергетической безопасности.

Во-первых, это проблемы ресурсной базы и её географическое положение. Прежде всего, это крупнейшие доказанные месторождения традиционных минеральных энергетических ресурсов (нефть, природный газ, уголь, уран), гидроэнергетические ресурсы, транспортировка продукции на рынки сбыта. Целесообразно также отметить экономические сложности освоения добычи нетрадиционных видов углеводородов (нефтеносные сланцы и песчаники, сверхтяжёлая нефть, сланцевые нефть и газ, метаногидраты и т.д.).

Во-вторых, проблемы транспортировки энергетических ресурсов. Прежде всего, это использование имеющейся и перспективной транспортной инфраструктуры. Это морские маршруты поставок нефти, нефтепродуктов, угля, СПГ. Важно также развитие международных нефте- и газопроводных маршрутов доставки нефти и газа, сооружение новых мощных линий электропередачи для транспортировки электроэнергии потребителям.

В-третьих, это проблемы, которые связаны с разработкой и внедрением современных энергетических технологий в сфере разведки, добычи, производства, транспортировки и потребления всех видов энергетических ресурсов. К ним также относятся технологии, улучшающие показатели в сфере энергосбережения, энергоэффективности и технологии, снижающие вредное воздействие мировой энергетики на окружающую среду. От технологического состояния добывающей промышленности, энерго-транспортной инфраструктуры и объектов энергопотребления зависит не только национальная, но и международная энергетическая безопасность. Ряд высокоразвитых государств, в частности США, страны ЕС, Япония считают именно производство и экспорт современных энергетических технологий и услуг одним из приоритетов внешней энергетической политики. Это связано с высокой стоимостью таких технологий на мировых рынках.

Основной вклад России в обеспечение международной энергетической безопасности связан с решением проблем добычи и транспортировки ресурсов, стабильности международных рынков сбыта этих ресурсов и т.д. Что касается технологического сегмента, то в настоящее время роль России в нём незначительна. Соответственно, пока приоритеты российской энергетической дипломатии больше определяются сырьевыми, а не технологическими факторами.

Технологии в мировой энергетике

В настоящее время мир сталкивается с серьёзными вызовами в топливно-энергетическом секторе. Глобальная экономика может осуществить четырехкратный рост потребления энергетических ресурсов за период до 2050 года, а некоторые развивающиеся страны, такие как Китай, Индия – даже десятикратный [10, с. 39].

С одной стороны, это даст экономические выгоды и значительное улучшение уровня жизни людей, но закономерно приведет к стремительному росту использования энергоресурсов. Основные проблемы, которые следует решать, это – *надёжность, безопасность и доступность энергоснабжения*. В этом состоит залог стабильного развития экономики.

Проблемы с обеспечением энергетической безопасности, угроза изменения климата на Земле, значительный рост потребления угля в развивающихся странах – основные факторы, определяющие энергетическую политику будущего. Решение этих проблем возможно только с помощью *инновационного развития, внедрения новых, более экономичных технологий и повышения эффективности действующих технологий*.

Мир отклоняется от пути развития устойчивой энергетики будущего. Рекордные цены на нефть и их стремительное падение в последнее время вызывают опасения относительно возможности долгосрочного баланса спроса и предложения.

Объём выброса двуокиси углерода CO₂ в течение последних десяти лет увеличился на 20% и больше. Если в будущем ничего не изменится, то даже при росте общего технологического прогресса, росте эффективности использования энергии, объёмы выбросов CO₂, а также спрос на нефть и природный газ в течение следующих 15-25 лет будут расти еще быстрее [10, с. 39].

Анализ периода после 2030 г. показывает, что ситуация будет ухудшаться. Это обусловлено тем, что:

- объёмы выбросов двуокиси углерода CO₂ к 2050 г. вырастут в сравнении с настоящим уровнем в 2,5 раза;
- увеличение объёмов перевозок, рост спроса на нефть.

Отметим также, что *углеродоёмкость* мировой экономики возрастет, так как электроэнергетика всё больше и больше будет ориентироваться на использование угля. Особенно в

развивающихся странах, которые потребляют его большие объёмы. Скажется также рост применения угля для сырья при производстве жидкого топлива.

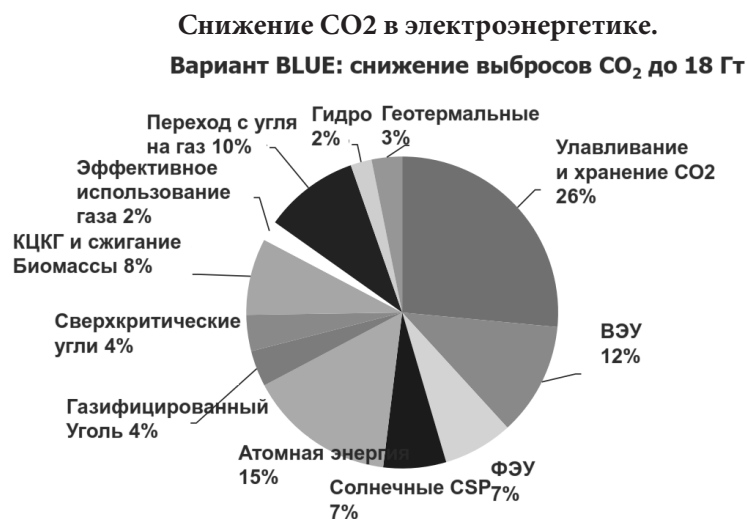
Сегодняшние наиболее оптимистические оценки в базовом сценарии МЭА при нынешнем потреблении энергоресурсов (сценарий Business-as-usual или BAU) прогнозируют увеличение спроса на нефть (70%) и увеличение выбросов CO₂ на 130% к 2050 г. [10, с. 39].

Согласно заключению *Межправительственной группы по вопросам изменения климата (IPCC)*, увеличение выбросов двуокиси углерода CO₂ до такого уровня может спровоцировать поднятие глобальных средних температур на 6°C, а возможно и больше. Это может привести к значительным нарушениям жизни людей, а также к необратимым изменениям окружающей среды [10, с. 39]. Это может произойти в мире, если политика государств не будет направлена на значительные ограничения поставок и потребления энергетических ресурсов. Следовательно, *необходимо глобальное преобразование самих принципов энергоснабжения и энергопотребления*. Основное требование – достигнуть значительно более высокого уровня энергоэффективности, которая может быть получена только при массовом внедрении технологий улавливания и хранения углерода (CCS), атомной энергетики, возобновляемых источников энергии (ВИЭ), а также развитии безуглеродного транспорта (рис. 1) [8, с. 8].

Из данных на рис. 1 видно, что внедрение технологий CCS даёт сокращение выбросов на 26%, атомной энергетики – на 15%, технологий возобновляемой энергетики (ветро-, фотоэлектрической, концентраторов солнечной энергии и биомассы) – 34%. В совокупности все эти технологии позволяют понизить выбросы CO₂ на 75%.

Вышеприведенный пример показывает исключительно важную роль развития инновационных технологий для решения глобальных проблем изменения климата окружающей среды.

Рис. 1.

Источник: [8, с. 8]

■ Современные технологии и международные отношения

Политика правительств различных государств также требует кардинальных изменений: она должна быть направлена на развитие технологий с низким выбросом углерода в будущем. При этом экономика мирового ТЭК должна быть кардинально изменена в будущие десятилетия.

Первые попытки создания глобальной дорожной карты для ключевых технологий в секторе энергетики были разработаны МЭА и представлены в издании «Перспектив энергетических технологий 2008 (IAE-ETP -2008)» [10].

Предложено к рассмотрению 17 ключевых технологий, позволяющих повысить энергоэффективность производства электроэнергии и её использования в различных сферах. Они лежат в основе преобразований всех энергетических технологий (табл. 1).

Таблица 1.

Ключевые энергетические технологии.

Энерготехнологии от производителей	Энерготехнологии для потребителей
Производство энергии на базе ископаемого топлива с CCS	Энергоэффективные здания и электроприборы
Атомные станции	Тепловые насосы
Береговые и оффшорные ветровые электростанции	Солнечное и водяное отопление
BIGCC (комбинированный цикл полной газификации) и совместное сжигание	Энергоэффективный транспорт
Фотоэлектрические системы	Электромобили и автомобили со сменным блоком
Концентрация солнечной энергии	Автомобили на топливных элементах
Уголь: системы IGCC (комбинированный цикл полной газификации)	CCS: промышленность, H ₂ , переработка топлива
Угольные станции типа USCSC (Ultra Supercritical Steam Cycle)	Промышленные моторные системы
Биотопливо второго поколения	-

Источник: [10].

Указанные в табл. 1 ключевые технологии и глобальная дорожная карта могут быть использованы в качестве оценки того, сколько можно сэкономить в каждом секторе при применении отдельной технологии, а также для мониторинга этого процесса.

Дальнейшее развитие этих дорожных карт под международным руководством, опираясь на программы по энергетическим технологиям всех главных стран мира и в тесном сотрудничестве с промышленностью, может обеспечить базу более тесного международного сотрудничества, необходимого для глобальных совершенствований в области энергетических технологий.

В данной работе не рассматриваются экономические и геополитические аспекты ядер-

ной энергетики. Они были рассмотрены в более ранних выпусках «Вестника МГИМО» (№4 и № 6 за 2015 г.). Важно отметить, что ядерные технологии имеют большую перспективу, учитывая ведущую роль России в этой сфере, особенно технологии реакторов на быстрых нейтронах, термоядерные, а также коммерческое использование радиоактивных изотопов.

Энергетические технологии оказывают значительное влияние на систему международных экономических отношений [9]. Это обусловлено тем, что стоимость технологий на мировых рынках значительно превосходит стоимость обычной торговли сырьевыми ресурсами. Наиболее значительные и перспективные технологии сосредоточены в небольшой группе компаний из США, стран ЕС и Японии. Россия обладает также значительным потенциалом в некоторых отраслях промышленности, особенно в ядерной энергетике.

На наш взгляд, страны, которые будут развивать и внедрять современные энергетические технологии в различных сферах, существенно повысят могущество своих государств не столько за счёт сырьевых ресурсов, а за счёт увеличения технологической базы, что существенно усилит влияние энергетического фактора на экономическую и политическую роль этих государств в международных отношениях. Пример: Норвегия. После освоения и внедрения технологий добычи углеводородных ресурсов на шельфе Норвегия из отсталой европейской страны превратилась в процветающую страну, ведущего экспортёра энергоресурсов.

Роль международного сотрудничества в развитии энергетических технологий

Появление международного сотрудничества связано с бурным экономическим ростом многих стран и, соответственно, значительным увеличением потребления энергетических ресурсов.

Международное сотрудничество характеризуется многообразием форм и проблем, которые появляются в обществе на различных стадиях его развития и решаются более успешно при объединении усилий государств или их союзами. В настоящее время наиболее распространённым является международное сотрудничество в сфере энергетических технологий. Этот вид сотрудничества широко развивается в течение более 30 лет под эгидой Международного энергетического агентства (МЭА). Оно является ключевым фактором развития и широкого внедрения энергетических технологий самым эффективным способом, что особенно актуально для нашей страны в условиях антироссийских санкций. Рассмотрим их более подробно.

1. Международное сотрудничество в сфере энергетических технологий под эгидой МЭА.

Государства или компании, заинтересованные в развитии энергетических технологий, под эгидой МЭА проводят совместные исследования, испытывают их и внедряют в промышлен-

ность. Программа сотрудничества в сфере энергетических технологий включает разработку инновационных технологий по следующим направлениям: ископаемое топливо (разведка месторождений, добыча, транспортировка и т. д.), эффективное конечное использование энергии, термоядерный синтез, электроэнергетика и методика оценки технологий [11].

Программа включает следующие этапы: 1. Исследование, 2. Развитие, 3. Демонстрация, 4. Внедрение. Кратко – это ИРДВ-программа. Она позволяет снизить затраты, реализовывать более крупные проекты, осуществлять более полный обмен информацией, развивать взаимоотношения между странами, как входящими, так и не входящими в МЭА; развивать взаимоотношения между исследовательским, промышленным и политическим (административным) секторами; осуществлять ускоренное развитие и внедрение технологий; унифицировать технические стандарты.

Программа МЭА по сотрудничеству в области технологий позволяет также обеспечить защиту прав интеллектуальной собственности и в совокупности имеет хорошую историю успешного управления.

Потенциально перспективными областями международного сотрудничества являются:

- «чистые угольные технологии» и технологии эффективного сжигания угля;
- улавливание и захоронение углекислого газа;
- технологии использования возобновляемых источников энергии;
- оптимизации электроснабжения;
- новые технологии и новые виды топлива для транспорта;
- водородные технологии;
- анализ и прогноз сценариев развития.

Многие из наиболее обещающих низкоуглеродных технологий сегодня стоят намного дороже технологий на основе ископаемого топлива. Снизить их стоимость можно лишь путём освоения ИРДВ – программ, при которых технологии станут рентабельными.

Результаты выполнения работ в рамках Рабочих соглашений включают:

- оценку технологий, технико-экономические обоснования, оценку воздействия на окружающую среду, рыночный анализ, выводы для экономической политики;
- исследовательские проекты, как на уровне лабораторий, так и на уровне пилотных установок;
- информационный обмен в области программ, политики, приоритетов финансирования, исследований, моделирования;
- распространение результатов и приобретённого опыта.

Большая часть этих технологий показана в табл. 1.

Технологическое сотрудничество МЭА со странами оказывает влияние на развитие международных отношений.

2. Многостороннее энергетическое сотрудничество России.

Технологические аспекты многостороннего сотрудничества России являются важными элементами обеспечения энергетической безопасности. Действительно, в условиях коренных изменений, происшедших в последнее время в мировой энергетике, появления новых угроз, нарушающих стабильность энергетических рынков, Россия последовательно выступает за создание новой архитектуры энергетической безопасности, проводит активную внешнюю энергетическую политику по вопросам её обеспечения. В первую очередь это деятельность России в ООН и её институтах (ЕЭК ООН, ЭС-КАТО, ЮНИДО и др.), далее, её деятельность с международными организациями глобального (ОПЕК, МЭА, ФСЭГ, МЭФ) и регионального (ЕС, АТЭС, ШОС, БРИКС) уровней, ТНК. Эти организации и компании большое внимание уделяют международным проблемам энергетики, в т.ч. развитию сотрудничества в области энергетических технологий.

Большое значение для развития международного сотрудничества России в сфере энергетических технологий имеет её участие в деятельности международных организаций-партнёров, учрежденных *Группой восьми* (в том числе на саммите в июле 2006, г. Санкт-Петербург) по обеспечению устойчивого развития мировой энергетики.

Можно выделить среди них: Глобальное партнёрство по биоэнергетике (GBEP), Международное партнёрство по коммерческому использованию нетрадиционных ресурсов метана – Партнёрство «Метан - на рынок» (M2M), Международное партнёрство по водородной экономике (IPHE), Международный форум по секвестру углерода (CSLF), инициативы японского правительства по проблеме комплексного использования вторичных ресурсов и отходов (3R).

Кроме этого, в соответствии с декларацией министров энергетики (Группа восьми, Китай, Республика Корея (Аомори, Япония, июнь 2008г.), Индия) было создано Международное партнёрство по сотрудничеству в области энергоэффективности (IPEEC). Для России могут представлять интерес инициативы и проекты в рамках деятельности этого партнёрства. Ещё один институт - Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (IRENA) – был создан в январе 2009 г. на учредительной конференции в Бонне. Россия подала заявку на участие в 2014 г.

Что касается взаимоотношений России с группами G8 и G20, отметим следующее. Несмотря на то, что в настоящее время Россия не является членом G8, она оказывает заметное влияние на глобальную энергетику в рамках G20. Это касается, в частности, подготовки саммита G20, который состоится во второй половине 2016 г. в Китае. Одним из пунктов повестки дня на нём может быть вопрос о глобальном энергетиче-

ском управлении. Роль России в этом вопросе значительна. Хотя G20 является неформальной организацией, но её влияние в мире возрастает, что может оказывать в будущем существенное влияние на развитие новой системы экономических энергетических отношений.

3. *Двустороннее технологическое сотрудничество России и важность модернизации её ТЭК.* Технологические аспекты энергетической безопасности входят в повестку дня двустороннего сотрудничества России с рядом стран. Прежде всего, это ЭнергодIALOG со странами ЕС.

Вопросы сотрудничества в сфере энергетики находились в центре внимания лидеров России и Евросоюза с 2000 г. в ходе саммитов Россия-ЕС. При обсуждении энергетической тематики на указанных встречах рассматривались, в том числе, практические аспекты деятельности Партнёрства для модернизации. Большие возможности такого сотрудничества в рамках Партнёрства были открыты в связи с планами российского руководства повышения энергоэффективности и улучшения ситуации в области энергосбережения, что предполагало решение крупномасштабных задач по обновлению устаревшего оборудования в ТЭК и связанных с ним отраслей.

Технологические аспекты взаимной энергетической безопасности также занимают важное место в работе российских и европейских экспертов по подготовке дорожной карты энергетического сотрудничества Россия-ЕС до 2050 г.

Геополитическое и экономическое значение ЭнергодIALOGа Россия-ЕС выходит за рамки энергетических интересов сторон. Это связано с тем, что ЕС и Россия заинтересованы в политической и экономической стабильности в Европе. Между ними начали формироваться механизмы практического взаимодействия в сфере энергетического сотрудничества.

В области энергетики европейские партнёры полагают, что Россия будет содействовать обеспечению энергетической безопасности ЕС, прежде всего, путём бесперебойных поставок энергоносителей. Для России энергетическое сотрудничество с ЕС означает дополнительные возможности привлечения энергетических технологий и инвестиций. Кроме того, для России важно использование опыта сбалансированного взаимодействия бизнеса и государства во многих европейских странах для развития ТЭК и связанных с ним отраслей. Это, в частности, относится к формированию экономических и правовых механизмов, которые делают привлекательным участие бизнеса в модернизации энергопроизводящих и энергопотребляющих отраслей, особенно в налаживании производства современного оборудования.

Россия также развивает энергетическое сотрудничество с отдельными странами ЕС, среди которых следует выделить Германию. В частности, создано и активно функционирует Российско-германское энергетическое агентство, в рамках которого осуществляется сотрудниче-

ство в сфере энергоэффективности, развития альтернативной энергетики.

Однако в связи с событиями на Украине 2014 г. и введёнными странами ЕС против России санкциями, в том числе и секторальными, данное сотрудничество значительно замедлилось. На наш взгляд, возобновление в полной мере этого диалога будет способствовать улучшению не только экономических, но и международных отношений между Россией и ЕС.

Энергетические вопросы, в т.ч. связанные с модернизацией ТЭК, входят в число приоритетов в отношениях с *рядом стран АТР*. Прежде всего, это ЭнергодIALOG Россия-КНР, в рамках которого обсуждаются технологические аспекты энергетического сотрудничества. Имеются также перспективы в отношениях с Японией, Республикой Корея, Австралией, Канадой и другими странами региона. Так, например, в течение нескольких лет осуществляются регулярные семинары между МИЭП МГИМО и Институтом экономики энергетики Японии, в рамках которых обсуждаются перспективы энергетического сотрудничества между Россией и Японией. В этих семинарах принимают участие ведущие японские компании, которые заинтересованы в поставках энергетических технологий в Россию, такие как «Мицуи», «Мицубиси», «Кавасаки», «Тойота» и др.

Отдельно целесообразно остановиться на энергетических отношениях России с США. Как известно, в 2001 г. был начат ЭнергодIALOG Россия-США, в рамках которого было проведено два деловых энергетических саммита (октябрь 2002 г. Хьюстон и октябрь 2003 г. Санкт-Петербург). Однако в дальнейшем этот ЭнергодIALOG «забуксовал» и остановился. С приходом администрации Б.Обамы между руководителями двух стран была достигнута договоренность о формировании двусторонней Российско-американской президентской комиссии, в которой действует Рабочая группа по сотрудничеству в области энергетики. Приоритетное место в деятельности группы и её подгрупп занимают вопросы энергоэффективности и новых энергетических технологий. С учётом предыдущего опыта для повышения результативности деятельности Рабочей группы предполагалось организовать постоянно действующий бизнес-форум по сотрудничеству в сфере энергетики, который мог бы служить инструментом для практической реализации выработанных группой планов и идей. Для его формирования предполагается привлечь Торгово-промышленные палаты и другие деловые ассоциации обеих стран. Однако в связи с событиями на Украине и введенными США против России санкциями и проводимой ими антироссийской политикой этот диалог не возобновился.

Оценивая в целом технологические аспекты двустороннего энергетического сотрудничества России с рядом стран, обладающих современной промышленной базой, целесообразно отметить,

что если бы в его рамках сформировались постоянные институты для партнёрства зарубежного и российского бизнеса в модернизации ТЭК России, практическая эффективность была бы существенно выше.

К сожалению, в настоящее время основной интерес зарубежных партнеров к России ограничивается сырьевыми отраслями, а также реализацией пилотных проектов в сфере экологии и энергоэффективности, финансируемых в значительной мере из бюджетных средств ряда стран. До участия в проектах по развитию производства современного оборудования дело пока не дошло.

Международные аспекты модернизации ТЭК России

Россия обладает самой мощной в мире ресурсно-сырьевой базой, уникальным географическим положением, заметным промышленным энергетическим потенциалом. Поскольку она является одним из крупнейших мировых экспортёров углеводородного сырья, от системной надежности функционирования российского ТЭК во многом зависят стабильность и безопасность энергоснабжения на глобальном и региональном уровнях.

Следует отметить, что особое положение России создает реальные предпосылки для того, чтобы она играла ключевую роль в обеспечении надежности глобальной системы поставок энергетических ресурсов. Это в немалой степени зависит от технологического состояния ТЭК России.

Россия, кроме ресурсно-сырьевой базы, имеет мощную промышленную инфраструктуру, а также высокий интеллектуальный потенциал в различных отраслях экономики, (и также в ТЭК). В значительной степени от темпов их развития зависит укрепление геополитических и экономических позиций государства в мире. Политическое руководство страны в течение последних пяти лет неоднократно обращало внимание на необходимость диверсифицировать отечественный бизнес сократить сырьевую долю в экспорте, развивать высокотехнологичные и наукоёмкие отрасли экономики, уменьшить зависимость страны от мировой ценовой конъюнктуры на нефть и газ.

Одним из главных приоритетов энергетической политики России является модернизация основных отраслей ТЭК, главным образом, по значительному улучшению её энергоэффективности, энергосбережения и снижению энергоёмкости. К этому политическое руководство страны прилагает значительные усилия. Отметим некоторые из них.

Увеличение энергоэффективности, значительное снижение энергоёмкости российского ТЭК и экономики в целом являются основными приоритетами проекта Энергетической стратегии России на период до 2035 г. [6], а также действующей энергетической стратегии до 2030 г. [7, с. 21]. В этих стратегиях большое значение

придается развитию технологического потенциала ТЭК России.

Реализация потенциала повышения энергоэффективности могла бы ежегодно экономить первичные энергетические ресурсы в объёмах нескольких сотен млн тонн (в нефтяном эквиваленте), что позволило бы, не наращивая добычи, сэкономленные ресурсы направлять на экспорт.

В ноябре 2009 г. вступил в силу Федеральный закон № 261 ФЗ «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности» [5]. Проблемы модернизации ТЭК России входят в повестку дня заседаний Комиссии при Президенте России по модернизации и технологическому развитию экономики, обсуждаются на заседании Совета Безопасности Российской Федерации («О состоянии и мерах по обеспечению энергетической безопасности Российской Федерации») в декабре 2010 г. По его итогам было принято решение о подготовке Доктрины энергетической безопасности, предполагающей разработку мер модернизации ТЭК страны.

В конце декабря 2010 г. правительство Российской Федерации утвердило Государственную программу «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 г.» [1].

Под эгидой Минэкономразвития России разработан Перечень технологических платформ, подготовленный в соответствии с рекомендациями Правительства России. Предусматривается реализация проектов, связанных с энергетическими технологиями.

При активном участии Минэнерго России разработаны Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2020 г., Генеральная схема развития нефтяной отрасли до 2020 г., Генеральная схема развития газовой отрасли до 2020 г. Эти документы были одобрены Правительством Российской Федерации

Этот список можно продолжить и дальше, прошло более 5 лет со времени принятия этих важных документов, а вопросы кардинального улучшения технологического состояния российского ТЭК и его модернизации также актуальны и сейчас.

По нашему мнению, изложенному в более ранних работах [3, с. 27], докладах и выступлениях на различных форумах (отечественных и международных), основная проблема невыполнения вышеуказанных программ и постановлений Правительства РФ по модернизации ТЭК России и связанных с ним отраслей заключается в *низкой активности российских деловых кругов*. В тоже время известно, что в развитых западных странах и США именно бизнес при поддержке государства является основной движущей силой в разработке необходимых технологий и производстве оборудования с высокой энергетической эффективностью.

В соответствии с обобщёнными оценками отечественных и зарубежных экспертов, для

технологического перевооружения энергопроизводящих и наиболее энергоемких потребляющих отраслей российской экономики на период до 2030 г. потребуются инвестиции в размере более 2 трлн долл. [2, с. 25]. Основная часть этих капиталов предназначена для замены оборудования. Для того чтобы эти инвестиции пришли и заработали, необходимо создавать условия, при которых модернизация ТЭК России была бы не менее прибыльной сферой бизнеса, чем проекты по добыче и транспортировке российских сырьевых энергоресурсов.

Пока, как отмечает В.В. Путин в статье «О наших экономических задачах», «Нам нужна новая экономика» [4], мы проигрываем странам-конкурентам по инвестиционной привлекательности и имеем значительный отток капитала из России.

Модернизация ТЭК России: необходимо государственно-частное партнёрство и международное сотрудничество

Основная часть оборудования российского ТЭК и связанных с ним отраслей была произведена на предприятиях бывшего СССР и в странах СЭВ по пятилетним планам и партийным программам. Основные технические характеристики этого оборудования уже в то время значительно отставали от уровня мировых стандартов, что в значительной степени характеризует неблагоприятную ситуацию в сфере энергоэффективности, энергосбережения, экологии союзного ТЭК, а также высокую энергоемкость потребляющих отраслей экономики СССР. В настоящее время их износ достиг критического уровня, что представляет реальную угрозу энергетической безопасности страны, поэтому во всех отраслях ТЭК, энергоёмких секторах промышленности России (машиностроение, транспорт, металлургия, строительство и т.д.) и ЖКХ остро стоит вопрос замены устаревшего оборудования или его модернизации.

Чтобы выполнить эту задачу, необходимо заменить значительную часть оборудования, произведенного в 60-70-е гг. прошлого века, на современное оборудование, соответствующее более жёстким нормам энергоэффективности, энергосбережения и безопасности.

Предприятия, на которых изготавливалось данное оборудование, нуждаются в модернизации, либо уже не существуют. Многие виды высокотехнологичного оборудования в СССР вообще не производились, а потребности растущей российской экономики связаны с поставками большей номенклатуры современной продукции. В краткосрочном плане этот дефицит можно частично закрыть за счёт импорта, но значительную часть оборудования, учитывая оставшийся от СССР научный и промышленный потенциал страны, целесообразно производить в России. Поэтому потребуются создание новых, в том числе небольших предприятий. В определённой степени можно использовать конверсионный потенциал крупных заводов и КБ ВПК.

Для модернизации существующих предприятий и создания новых, а также организации производства энергетического оборудования следует решить проблему кадров. Особенно необходимо большое количество квалифицированных рабочих в условиях, когда, по сути, разрушена система их подготовки на базе прежних техникумов и ПТУ.

Для решения указанных проблем потребуются огромные средства, не только государственные, но и частные. Именно поэтому, уже сейчас нужно создавать условия, чтобы не только государство, но и бизнес, не только крупный, но средний и малый, оказался заинтересован в проведении соответствующих преобразований и реформ. Имеется в виду, прежде всего, разработка эффективных организационно-правовых механизмов государственно-частного партнёрства, а также налаживание международного энергетического сотрудничества с активным участием российских компаний.

При этом весьма полезно провести критический анализ с целью изучения опыта реализации программ модернизации и ре-индустриализации ТЭК в США, странах ЕС, Китае (в том числе экономические и правовые механизмы государственно-частного партнёрства), а также проблем и перспектив двустороннего энергетического сотрудничества России с этими государствами с выработкой соответствующих рекомендаций для российского бизнес-сообщества.

Необходимо создавать такие условия, чтобы государство и бизнес оказались в этом заинтересованы. На одном из заседаний подкомитета по международному энергетическому сотрудничеству РСПП в 2011 г. было предложено обобщить зарубежный опыт и разработать рабочую версию деловых кругов проекта Федеральной программы государственно-частного партнерства (с условным названием «Энергия») по развитию и внедрению передовых технологий и нового оборудования во все отрасли ТЭК.

Финансирование широкомасштабного технологического перевооружения ТЭК России может осуществляться за счёт государственных средств, формирующихся из «нефтедолларов» и из частных источников, включая зарубежные. Успех будет зависеть во многом от сбалансированности государственного и частного вкладов, в котором должны принимать участие крупный, средний и малый бизнес, в т.ч. из стран ЕС. Должна быть сформирована такая бизнес-среда, в которой сфера производства современного энергетического оборудования была бы привлекательной для российских и зарубежных инвесторов.

Зарубежный опыт. Во многих странах мира, включая партнёров России по энергетическому сотрудничеству, накоплен богатый опыт государственно-частного партнёрства, особенно экономических и правовых механизмов реализации важных государственных задач в области модернизации ТЭК.

Например, опыт США, где после энергетического кризиса середины 70-х гг. XX века для всех отраслей ТЭК была разработана и реализована федеральная программа развития энергетических технологий «Независимость». По своим приоритетам и государственной важности эта программа приравнивалась к программам «Манхэттен» (создание ядерного оружия) и «Аполлон» (высадка на Луне). Она финансировалась из бюджетных источников, поощряла участие частного бизнеса.

Программа не привела к энергетической независимости, но она позволила сформировать серьёзный задел в создании современной технологической и промышленной базы американской энергетики, способствовала существенному улучшению ситуации в сфере энергосбережения и энергоэффективности в основных энергопроизводящих и энергопотребляющих отраслях экономики страны, а также снижению её энергоемкости. Были предприняты усилия со стороны государства по стимулированию частного бизнеса в этом направлении.

Дальнейшее развитие основных положений «Независимости» происходило главным образом в рамках других технологических программ под эгидой энергетических стратегий США, разрабатываемых и реализуемых под непосредственным руководством американских президентов.

Принятая в 2009 г. Б. Обамой энергетическая политика США нацелена на дальнейшее развитие современных энергетических технологий. Как результат – это освоение технологий добычи нефти и газа из сланцевых месторождений в промышленном масштабе, что позволило США, начиная с 2009 г. выйти на первое место в мире по добыче сланцевого газа, значительно увеличить объёмы добычи сланцевой нефти и уменьшить, таким образом, её импорт. Все подобные документы сопровождаются соответствующими научно-техническими программами, а также пакетами нормативно-правовых документов, стимулирующих частный бизнес в развитии новых технологий. Такой подход ведёт к масштабному развитию современных энергетических технологий в США, наращиванию их экспорта, способствует укреплению позиций американских энергетических технологий, промышленности и услуг на мировых рынках.

Особый интерес представляет опыт ресурсных стран: Австралии, Канады, Норвегии, где за счёт нефте-, газо- и угле- долларов налажено производство современного энергетического оборудования, которое пользуется спросом на мировом рынке. Конечно, не следует полностью копировать опыт зарубежных стран, но его нужно изучить и обобщить, потому что многое может пригодиться в наших условиях.

Хороший опыт реализации крупномасштабных программ в сфере ТЭК, предусматривающих развитие государственно-частного партнёрства, накоплен в ЕС, Японии, Китае, Южной Корее.

Таким образом, как следует из выше рассмотренного, для модернизации ТЭК России

необходимо организовать эффективное международное сотрудничество в сфере энергетических технологий, которое позволит на базе изучения опыта модернизации ТЭК западных стран, Китая, Японии, Австралии внедрить их в промышленность России и, в дальнейшем, организовать собственное производство технологий и услуг.

Очевидно, что сейчас, в условиях геополитической турбулентности на глобальном и региональных уровнях такое международное технологическое сотрудничество с некоторыми западными странами затруднено в связи с введенными ими антироссийскими санкциями. Однако эффективное международное сотрудничество может быть организовано со странами, которые не вводили санкции (Китай) или они минимальны (Япония). В значительной степени реализация этих задач будет зависеть от характера и возможностей энергетической дипломатии России найти разумный компромисс между геополитическими и экономическими интересами западных стран.

Основная задача энергетической дипломатии России в настоящее время состоит в организации международного сотрудничества России в сфере энергетических технологий с высокоразвитыми странами, имеющими опыт модернизации своих отраслей. Это связано с тем, что более важную роль в мировой энергетике и в международных экономических отношениях будут играть технологические факторы, а не сырьевые. Поэтому России важно уделять больше внимания развитию технологий ТЭК и связанных с ней отраслей. Очевидно, что на модернизацию ТЭК России негативное влияние оказывают антироссийские санкции, поэтому на первоначальном этапе политика импортозамещения имеет большое значение.

Необходима энергетическая дипломатическая деятельность России в рамках Партнёрства для модернизации (РФ – ЕС), подготовка Дорожной карты энергетического сотрудничества до 2050 г., ЭнергодIALOG Россия – КНР, развитие энергетического сотрудничества с Японией и другими странами АТЭС, возобновление ЭнергодIALOGа Россия – США.

Такое сотрудничество позволит сформировать эффективные экономические и правовые механизмы государственно-частного партнёрства и осуществить модернизацию энергопроизводящих и энергопотребляющих отраслей российской экономики с учётом аналогичного опыта этих стран. Это может быть достигнуто только с помощью технологического преобразования ТЭК России. Для этого необходима разработка соответствующих правовых актов и нормативных документов, позволяющих реально осуществлять модернизацию (или ре-индустриализацию), а не только импортозамещение, что, конечно, также важно. Подобная практика, в случае успеха, может быть использована также и в других отраслях промышленности.

■ Современные технологии и международные отношения

Такая политика в значительной степени будет содействовать повышению энергоэффективности и снижению энергоёмкости российской экономики, развитию современной промышленной базы для производства высокотехнологичного оборудования. Соответственно существенно укрепится не только национальная энергетическая безопасность, но также заметно усилится роль России в обеспечении международной энергетической безопасности. Могут также появиться реальные перспективы выхода отечественных энергетических технологий и услуг на мировые рынки.

Энергетическая дипломатия России может сыграть важную роль в организации международного сотрудничества России в сфере энергетических технологий с высокоразвитыми странами, что повысит роль России в международных экономических отношениях от сырьевой страны к стране с высокой технологической базой.

Государственно-частное партнёрство с использованием зарубежного опыта может внести конкретный вклад в решение задач модернизации энергопроизводящих и энергопотребляющих отраслей российской экономики, что позволит существенно укрепить национальную

энергетическую безопасность, значительно усилит роль России в обеспечении международной энергетической безопасности.

Для решения этих задач необходимо провести критический анализ и обобщение опыта подготовки и реализации программ модернизации ТЭК и связанных с ним отраслей в ряде стран с упором на экономические и правовые механизмы государственно-частного партнёрства. Необходимо установить взаимовыгодное перспективное двустороннее энергетическое сотрудничество России с этими государствами и выработать соответствующие рекомендации российскому бизнес-сообществу.

Необходимо оценить перспективы сотрудничества России с МЭА в её программе энергетических технологий, а также с другими международными организациями в области энергетических технологий с учётом интересов российского бизнеса.

Организация эффективного международного сотрудничества особенно актуальна сейчас, в условиях антироссийских санкций, введённых западными странами во главе с США. Решение этой задачи возможно только при эффективной деятельности энергетической дипломатии России.

Список литературы

1. Государственная программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года». Утверждена Правительством Российской Федерации от 27 декабря 2010 г. N 2446-р
2. Жизнин С.З. Международная жизнь, апрель 2012, с. 15-32.
3. Жизнин С.З., Тимохов В.М. Международная энергетическая безопасность и модернизация ТЭК России. Энергетическая политика, 2011, № 6, с. 21-29.
4. Путин В.В. О наших экономических задачах. Газета «Ведомости» от 30.01.2012.
5. Федеральный закон № 261 от 23 ноября 2009 ФЗ «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности»
6. Энергетическая стратегия развития России до 2035 года. Проект. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://minenergo.gov.ru/> (дата обращения – март 2016 г.).
7. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. N 1715-р
8. Antonio Pflüger. Перспективы энергетических технологий 2008. [Электронный ресурс]. - Режим доступа URL: <http://www.pt21.ru/> (дата обращения – март 2016 г.).
9. Weiss C. Science, Technology and International Relations// Technology in Society 27 (2005) 295–313. [Электронный ресурс]. - Режим доступа URL: <https://www.researchgate.net/publication/251513060> (дата обращения – март 2016 г.).
10. Energy Technology Perspectives 2008. 646 p. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/energy-technology-perspectives-2008-.html> (дата обращения – март 2016 г.).
11. IEA. Energy Technology Initiatives. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: - URL: <http://www.iea.org/russian/implementingagreements/> (дата обращения – март 2016 г.).

Об авторах

Жизнин Станислав Захарович – д.э.н., профессор кафедры международных проблем ТЭК МИЭП МГИМО.
E-mail: s.zhiznin@rambler.ru.

Тимохов Владимир Михайлович – к. ф.-м. н, приглашённый преподаватель кафедры международных проблем ТЭК МИЭП, исполнительный директор Центра энергетической дипломатии и геополитики.
E-mail: vl.timokhov@gmail.com.

TECHNOLOGICAL ASPECTS OF RUSSIAN ENERGY DIPLOMACY

S.Z. Zhiznin, V.M. Timokhov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *In the present study we examined the impact of technology on the development of world energy in the world, as well as on the development of international energy relations. The important role of international cooperation in the field of energy technologies as a key factor in the development and global deployment of energy technologies in the industry. The most effective technology in the world of multi-lateral cooperation under the auspices of the International Energy Agency (IEA) and other international organizations. It allows the joint efforts of the countries concerned to develop new technologies, test them and implement in production. For Russia, it is very important, because at the moment our country is not only a leading exporter of energy resources, but also has a significant impact on global energy security. At the same time Russia's FEC requires urgent and serious modernization through the development and introduction of innovative technologies on the basis of the study of international experience. Therefore the question of modernization of Russian fuel and energy complex has an international character.*

One way to accelerate the process of modernization of the organization is a public-private partnership that will largely depend on the nature and possibilities of Russian energy diplomacy, given the geopolitical and economic realities in connection with the sanctions imposed by Western countries against our country.

Key words: energy, energy technologies, international cooperation, energy diplomacy, global energy security, technological cooperation, multilateral cooperation, energoresursnaya base, transportation of energy resources, infrastructure, international energy relations.

References

1. Gosudarstvennaya programma «Energobezopasnost' i povyshenie energeticheskoy effektivnosti na period do 2020 goda». Uтверждена Правительством Российской Федерации от 27 декабря 2010 г. N 2446-р.
2. Zhiznin S.Z. Mezhdunarodnaya Zhizn', april' 2012, s. 15-32.
3. Zhiznin S.Z., Timokhov V.M. Mezhdunarodnaya energeticheskaya bezopasnost' i modernizatsiya TEK Rossii. Energeticheskaya politika, 2011, № 6, s. 21-29.
4. Putin V.V. O nashikh ekonomicheskikh zadachakh. Gazeta «Vedomosti» ot 30.01.2012.
5. Federal'nyi zakon № 261 ot 23 noiabria 2009 FZ «Ob energobezopasnosti i povyshenii energeticheskoy effektivnosti»
6. Energeticheskaya strategiya razvitiya Rossii do 2035 goda. Proekt. [Elektronnyi resurs]. - Rezhim dostupa: URL: <http://minenergo.gov.ru/> (data obrashcheniya – mart 2016 g.).
7. Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 goda. Rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 13 noiabria 2009 g. N 1715-р.
8. Antonio Pflüger. Perspektivy energeticheskikh tekhnologii 2008. [Elektronnyi resurs]. - Rezhim dostupa URL: <http://www.pt21.ru/> (data obrashcheniya – mart 2016 g.).
9. C. Weiss. Science, Technology and International Relations// Technology in Society 27 (2005) 295–313. [Elektronnyi resurs]. - Rezhim dostupa URL: <https://www.researchgate.net/publication/251513060> (data obrashcheniya – mart 2016 g.).
10. Energy Technology Perspectives 2008. 646 r. [Elektronnyi resurs]. - Rezhim dostupa: URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/energy-technology-perspectives-2008--.html> (data obrashcheniya – mart 2016 g.).
11. IEA. Energy Technology Initiatives. [Elektronnyi resurs]. - Rezhim dostupa: - URL: <http://www.iea.org/russian/implementingagreements/> (data obrashcheniya – mart 2016 g.).

About the authors

Zhiznin Stanislav Z. – Doctor of Economics, professor of «International Energy Problems» MIEP MGIMO (University). E-mail: s.zhiznin@rambler.ru.

Timokhov Vladimir M. – Ph.D, visiting professor of department «International Energy Problems» MIEP MGIMO (University), the Executive Director of the Center of Energy Diplomacy and Geopolitics. E-mail: vl.timokhov@gmail.com.

МОДЕЛИ ПРОИЗВОДСТВА ИННОВАЦИЙ

Т.Н. Гусейнова

Некоммерческое партнёрство «Совместный центр трансфера технологий РАН и РОСНАНО». Россия, 119991, Москва, Ленинский проспект, д.32А.

Статья посвящена изучению моделей производства инноваций на уровне отдельных организаций и государства. Смена больших технологических волн и формирование нового технологического уклада приводит к изменению систем разделения труда и созданию новых форм взаимодействия, что отражается как в теории, так и в практике инновационного менеджмента и политики. В рамках изучения данного вопроса в статье рассмотрены модели построения инновационного процесса, начиная от простых, линейных, моделей «технологического толчка» и «рыночного притяжения» и заканчивая сложной интегрированной моделью открытых инноваций. На корпоративном уровне процесс производства инноваций имеет две организационные модели – стартапы на ранних этапах своего развития, чьи инновационные процессы соответствуют более ранним, линейным, моделям, и организации-амбидекстры, которые производят инновации в рамках сложных интегрированных моделей. Из второй категории организаций выделяются компании-амбидекстры взаимодействующего типа, которые во взаимодействии со стартапами, научно-исследовательскими центрами, элементами инновационной инфраструктуры и другими экономическими агентами, действующими в рамках одной цепочки создания стоимости, составляют ядро наиболее прогрессивных форм национальной инновационной системы – моделей «тройной спирали» и «четвёртой спирали». В свою очередь, национальные инновационные системы как модели производства инноваций в масштабах государства эволюционируют в направлении всё более глубокого разделения труда и конвейерного типа производства инноваций. С данными тенденциями связано появление и развитие феномена серийного предпринимательства – превращения предпринимательства в отдельно выделенную профессию. Мировой опыт показывает эффективность данной концепции в различных точках мира. Однако при использовании вышеупомянутых моделей и концепций в национальной инновационной системе, необходимо учитывать социально-экономические особенности регионов экономики, так как они определяют эффективность внедрения определенных инновационных процессов, организационных форм их реализации на уровне компаний и национальной инновационной системы.

Ключевые слова: инновации, инновационный процесс, организационные модели инновационной деятельности, стартап, компания-амбидекстр, национальная инновационная система, серийный предприниматель, конвейер инноваций, длинные технологические циклы, регион, кластер.

Актуальность вопроса: новый технологический уклад

В большинстве стран в вопросе развития экономики и общества особое внимание уделяется производству инноваций различного характера – технологических, социальных и бизнес-инноваций. Такой интерес обусловлен особенностями текущего этапа экономического развития, связанными с переходом к новому технологическому укладу.

Впервые подробное обоснование длинных технологических циклов было дано советским экономистом Н.Д. Кондратьевым. Сегодня эта теория приобретает новую силу во многом благодаря К. Перес, изложившей свою версию теории в книге «Технологические революции

и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания». Концепция К. Перес объясняет происхождение кризисов коренным изменением технологической базы хозяйственной системы в результате смен технологических волн. В Таблице 1 приведена схема смен технологических волн, на Рисунке 1 рассмотрена более подробно её структура. К.Перес говорит о двух периодах поступательного развития технологической революции: период становления (installation period) и период развёртывания (deployment period) (Рис.1), каждый длительно-стью примерно двадцать-тридцать лет. Столько лет требуется новым технологиям для того, чтобы доказать своё превосходство и способность модернизировать целую экономику.

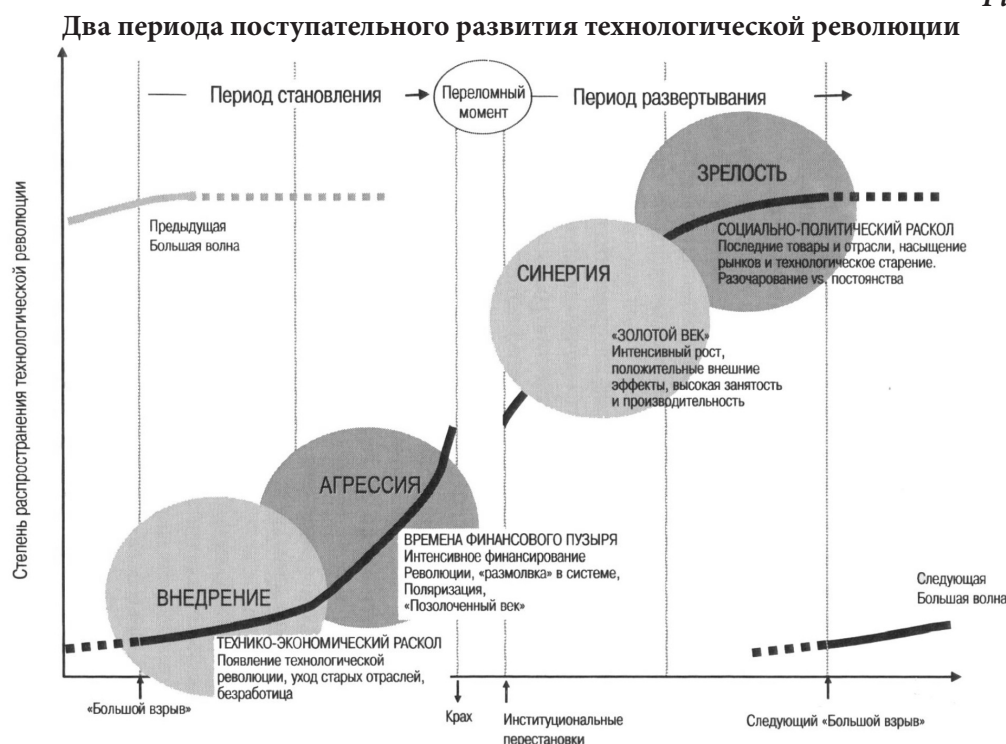
Таблица 1.

Смена технологических волн.

	Принятое название периода	Страны экономического ядра	Большой взрыв, начавший революцию	Год
Первая	Промышленная революция	Великобритания	Открытие фабрики Аркрайта в Кромфорде	1771
Вторая	Эпоха пара и железных дорог	Великобритания (распространялась на континентальную Европу и США)	Испытание парового локомотива «Ракета» для железной дороги Ливерпуль— Манчестер	1829
Третья	Эпоха стали, электричества и тяжелой промышленности	США и Германия, перенимающие инициативу у Великобритании	Открытие сталелитейного завода Э. Карнеги в Питтсбурге	1875
Четвертая	Эпоха нефти, автомобиля и массового производства	США (поначалу с Германией, соперничающей с США за мировое господство), позднее распространилась на Европу, в том числе на СССР	Первая «Модель-Т» произведена в Детройте на заводе Г. Форда	1908
Пятая	Эпоха информации и телекоммуникаций	США (распространяется на Европу и Азию)	Выпущен первый микропроцессор Intel	1971
Шестая	Эпоха био- и нанотеха, новой энергетики, ...	США, ...	...	2011 (?); 2020–2025 (?)

Источник: Медовников, Розмирович, Сараев, 2012 [5].

Рисунок 1.

Источник: Глазьев, 2013 [1].

■ Современные технологии и международные отношения

В контексте этой теории глубина мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. и неблагоприятная экономическая ситуация во многих странах мира сегодня обусловлена происходящим переходом к новой, шестой, технологической волне. В данный момент мы находимся в точке переломного момента пятого длинного цикла – в стадии перехода от агрессии к синергии. Текущая переходная стадия образовалась в результате схлопывания финансового пузыря 2007-2008 гг. При этом концентрация капитала в финансовом секторе в то время объясняется спадом в реальном секторе, связанном с низким потенциалом существующего технологического уклада, дальнейшее расширение которого не поддерживается рынком. Финансовый кризис заставляет искать новые сферы приложения капитала, центром которого становятся нововведения нового технологического уклада.

Технологической базой новой волны предположительно станут био- и нанотехнологии, новая энергетика, новые материалы, биоэлектроника. Оценки готовности этих технологий к широкому использованию заметно расходятся. Однако можно утверждать, что за последние годы были достигнуты значительные результаты во многих сферах, в частности в области гибкой электроники и водородной энергетики. Ясно одно: введение этих технологий в хозяйственный оборот окажет влияние на функционирование экономической системы.

Переход к новому технологическому укладу сопровождается созданием и углублением новых систем разделения труда, что формирует многочисленные возможности для различных инноваций во многих аспектах жизнедеятельности людей. В связи с этим возрастает актуальность изучения инновационных процессов и особенностей их реализации в рамках инновационной политики различных стран и регионов.

Поколения моделей инновационного процесса

Производство инновации – сложный процесс, который имеет свои особенности в зависимости от критериев времени, пространства и масштаба организационной единицы, в рамках которой этот процесс осуществляется. Прежде чем инновационное решение дойдет до своего потребителя, оно должно пройти через ряд этапов. В некоторых отраслях, таких как фармацевтика, этот путь занимает более десяти лет.

Стандартный инновационный процесс состоит из четырех этапов: генерация идей, отбор,

разработка (разработка продуктов и процессов), коммерциализация [27]. Однако такой подход к описанию инновационного процесса довольно поверхностный и не даёт понимания того, как этот процесс организован. Система организации инновационного процесса прошла путь эволюции от линейных моделей до сложных экосистем. Исследователи выделяют от пяти до шести поколений моделей организации инновационного процесса.

Английский экономист Рой Росвелл выделил пять поколений инновационных процессов [28]. Первые три поколения носят линейный характер (хотя в третьем поколении появляются петли обратной связи), остальные поколения подразумевают более сложное взаимодействие между участниками процесса, а также пространственное и временное наложение отдельных процессов.

Первое поколение моделей инновационного процесса (1950-е – середина 1960-х гг.) характеризовалось подходом «технологического толчка» (*technology push*) (Рис. 2). В рамках этой модели основной упор делается на исследования и разработки, а логика инновационной политики подчиняется принципу «большие инвестиции ресурсов в исследования и разработки ведут к более эффективному производству инноваций».

В отличие от первого поколения во втором поколении моделей инновационных процессов (середина 1960-х – начало 1970-х гг.) фокус смещён в сторону рыночного спроса, или «рыночного притяжения» (*market pull*) (Рис. 3). Такой подход позволяет компаниям точнее и лучше удовлетворять потребности потребителей в период острой конкуренции. Недостатком этого подхода является риск пренебрежения долгосрочными исследованиями и разработками, которые могут иметь стратегическое значение в далекой перспективе, а также концентрация только на поступательных (*incremental*) инновациях. Компании, которые придерживаются этой модели, ставят под угрозу своё будущее: такая философия может привести к потере способности адаптироваться к радикальным технологическим или рыночным изменениям [28]. Стратегия рыночного притяжения, фокусируясь на функции маркетинга, не способна привести к созданию радикальных, «подрывных» инноваций внутри компании. Поступательные и радикальные инновации удовлетворяют разные типы потребностей потребителей. Маркетинговое исследование и другие универсальные маркетинговые методы и технологии подходят только для выявления осознанных потребностей. Удовлетворение таких потребностей ведёт

Рисунок 2.

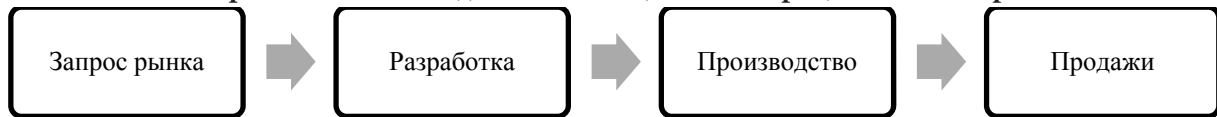
Первое поколение моделей инновационного процесса: Technology Push

Источник: Rothwell, 1994 [28].

Рисунок 3.

Второе поколение моделей инновационного процесса: Market pull

Источник: Rothwell, 1994 [28].

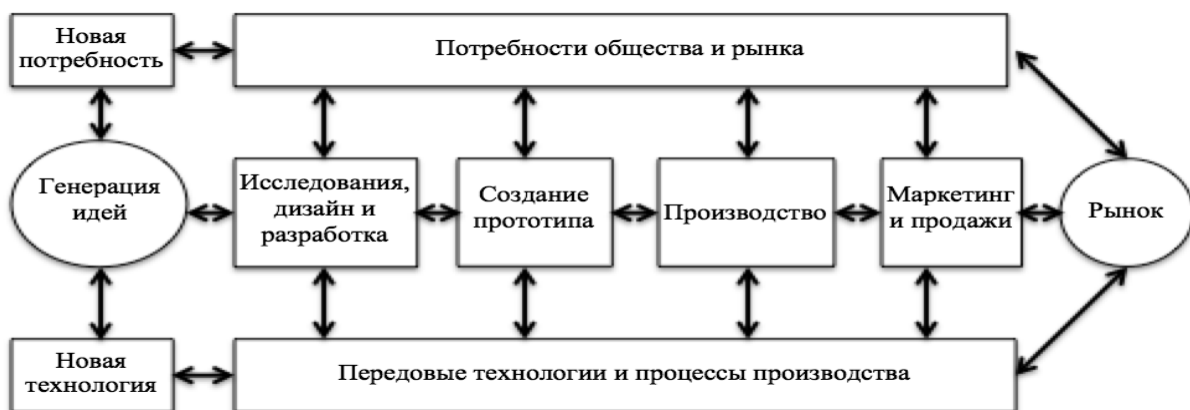
к производству последовательных инноваций. Однако, потребители неспособны сформулировать скрытые потребности – потребности, которые они не осознают и удовлетворение которых связано с производством радикальных инноваций. Хорошо известно, например, что Стив Джобс не считал нужным полагаться на маркетинговые исследования рынка, ведь они говорят о том, что люди хотят сейчас, а Apple производит продукцию, которая удовлетворяет потребности, ещё неосознанные покупателями: «люди не знают, чего они хотят, пока вы не покажете им этого» [20].

Стремясь сгладить эти недостатки, исследователи, среди которых выделились Мауэ-

ри и Розенберг [22], стали разрабатывать альтернативные, более сложные модели, которые объединили бы предыдущие две. Так была создана сопряжённая модель инноваций («coupling» model of innovation), в которой подчёркивается важность взаимного влияния технологических возможностей и рыночного спроса [33]. Более того, в этой модели инновационный процесс становится итеративным: это последовательный процесс с петлями обратной связи [28] (Рис. 4). Также к этому поколению инновационных процессов относится цепная модель (chain link model) Клайна-Розенберга, которая построена на тех же принципах.

Рисунок 4.

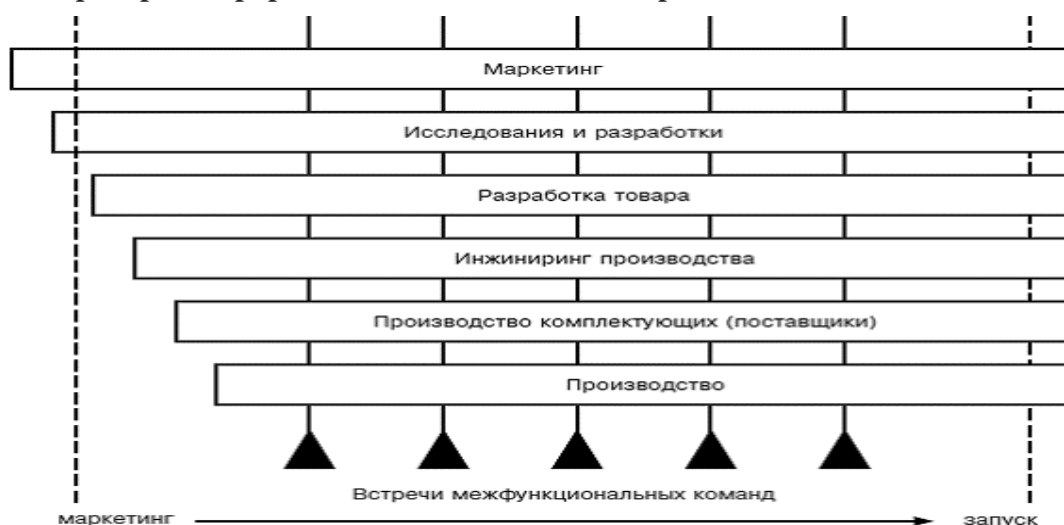
Третье поколение моделей инновационного процесса: The “Coupling” Model of Innovation

Источник: Rothwell, 1994 [28].

Рисунок 5.

Пример интегрированного инновационного процесса (Nissan) (Graves, 1987).

Источник: Rothwell, 1994 [28].

Прототип четвёртого поколения инновационных процессов был выработан японскими компаниями. Двумя базовыми чертами японских инноваций являются интеграция поставщиков в процесс разработки продуктов и параллельность процессов разработки [28]. Именно в этой модели происходит переход от последовательного процесса к параллельному. Показательным примером такой интегрированной модели является инновационный процесс компании Nissan (Рис. 5).

Согласно Росвеллу, пятое поколение моделей инновационного процесса – логическое продолжение интегрированной модели с более проработанными стратегиями на основе новых технологий. Ключевыми параметрами процесса являются организационная и системная интеграция, гибкость, децентрализованные, горизонтальные организационные структуры, параллельная обработка информации, нетворкинг и эффективные системы взаимодействия с внешними производителями инноваций и контрагентами по цепочке создания стоимости. По определению Росвелла, пятое поколение по сути является бережливым инновационным процессом («lean innovation»), однако в настоящее время такой инновационный процесс называют моделью стратегических сетей (strategic networking model).

Мейсснер и Коцемир также выделяют шестое поколение инновационных процессов, основанное на концепции открытых инноваций Генри Чесбро [21]. В этой модели подчёркивается, что целенаправленное управление входящими и исходящими потоками знаний позволяет ускорить внутрикорпоративные инновации и расширить рынки для внешнего использования инноваций. Компании должны использовать как внутренние, так и внешние источники инноваций и пути выхода на рынок.

Как было сказано ранее, начиная с четвёртого поколения, модели инновационного процесса стали интегрированными, системными, в их рамках компании стали рассматриваться во взаимодействии со своей внешней средой: поставщиками, потребителями, государственными институтами, внешними центрами исследований и разработок и так далее. В этой логике в четвёртом поколении моделей инновационного процесса был впервые совершён переход на макроуровень в рамках концепции национальных инновационных систем. В пятом поколении были внесены элементы эволюционного, динамического анализа, а в фокусе изучения шестого поколения находятся региональные инновационные кластеры.

Несмотря на разделение на поколения, на данный момент все выше перечисленные модели являются рабочими, практикуются различными экономическими агентами в разных точках мира и имеют различные формы реализации на корпоративном и государственном уровнях. Ниже мы рассмотрим некоторые из них.

Организационные модели производства инноваций

Масштабы инновационного процесса могут весьма значительно различаться: он может быть сосредоточен внутри одной проектной команды или распределён по сети организаций. В целом, в инновационном процессе могут принимать участие пять типов агентов [27]:

индивидуумы в качестве индивидуальных изобретателей и работников компаний;
фирмы;
университеты;
исследовательские центры, получающие государственное финансирование и частные некоммерческие организации.

В некоторых национальных системах большую роль в производстве инноваций играет государство. Соответственно, в таких системах преобладают многочисленные формы организаций, созданные при государственном участии (либо со стопроцентным владением, либо в форме государственно-частного партнёрства) и замещающие функции, которые в других инновационных системах выполняют частные организации.

Тем не менее, особое значение имеют именно корпоративные модели организации инноваций, ведь именно компаниям приходится выстраивать весь процесс и справляться с противоречиями «технологического толчка» и «рыночного притяжения».

Инновационная компания может производить инновации при использовании только внутренних ресурсов (первое-третье поколения инновационного процесса) или через создание партнёрств с другими агентами – потребителями, поставщиками, компаниями-производителями комплементарных продуктов и услуг и конкурентами. Партнёрства приобретают формы стратегических альянсов, совместных предприятий, лицензионных соглашений, аутсорсинга и коллективных научно-исследовательских организаций [27]. Таким образом, в современных условиях компании-лидеры рынка организуют инновационные процессы как в рамках своего предприятия, так и в рамках сетевых инновационных систем. На основе проведённого анализа на уровне предприятий мы различаем следующие организационные формы производства инноваций: стартапы и организации-амбидекстры.

Стартапы. Речь идет о стартапах на ранних стадиях их развития, когда они всё ещё находятся в поисках продукта, рыночного сегмента, собственной бизнес-модели и ещё не перешли на стадию роста. Как правило, на данном этапе стартапы действуют по логике одной из линейных моделей инновационного процесса – «технологического толчка» (*technology push*) или «рыночного притяжения» (*market pull*). Тем не менее стоит отметить, что набирающая популярность концепция предпринимательства «бережливый стартап» (*lean startup*), разработанная Эриком Рисом, переводит инновационные процессы

стартапов в разряд третьего поколения. Так, например, один из основополагающих принципов концепции – создание минимально жизнеспособных продуктов (*MVP - minimum viable product*) – подразумевает итеративный процесс: проводится «гибкая разработка» с постоянным тестированием продукта и получением обратной связи от контрагентов, главным образом, от потребителей.

Организации-амбидекстры. Это компании, чей организационный дизайн позволяет одинаково успешно извлекать прибыль из текущей экономической деятельности (эксплуатационная деятельность) и исследовать возможности для создания новых видов деятельности посредством производства последовательных и радикальных инноваций (исследовательская деятельность). Такие компании используют различные стратегии производства инноваций как внутри компании, так и посредством использования внешних разработок. Группой ученых была разработана таксономия организационной амбидекстрии по двум параметрам: 1) временно-му, согласно которому амбидекстрия может быть последовательной и одновременной; 2) структурному, по которому выделяют независимую и взаимозависимую амбидекстрию [28]. Независимая амбидекстрия осуществляется в рамках одной бизнес-единицы, тогда как взаимозависимая амбидекстрия совмещает эксплуатационную деятельность с инновационной путём

их организации в разных бизнес-единицах; при этом, эти бизнес-единицы могут принадлежать разным компаниям. На основе указанных двух параметров выделяют четыре вида организационной амбидекстрии: гармоничная (*harmonic*), циклическая (*cyclical*), разделённая (*partitional*) и взаимодействующая (*reciprocal*) (Рис. 6).

Первый вид амбидекстрии реализуется посредством воздействия организационной культуры на каждого работника организации, который распределяет своё время между эксплуатационной и инновационной деятельностью. При втором виде в зависимости от внешних условий в организационном дизайне компании преобладают то механические конструкции (эксплуатационная деятельность), то органические (инновационная деятельность). В третьем случае инновационная деятельность выделяется из компании в отдельную бизнес-единицу с отличной организационной структурой и культурой. Четвёртый тип амбидекстрии подразумевает, что результаты эксплуатационной деятельности бизнес-единицы А – это входные ресурсы для исследований и разработок бизнес-единицы Б; из последней в компанию А поступают результаты исследований и разработок, которые компания А выводит на рынок и активно извлекает инновационную ренту. В Таблице 2 представлены примеры различных типов амбидекстрии с указанием года исследования организационного дизайна.

Рисунок 6.

Источник: Simsek, Heavey, Veiga & Souder, 2009 [28].

Примеры компаний-амбидекстров.

Тип амбидекстрии	Компании
Гармоничная	Oracle Corp. (2004), Tesco Plc (2004), Toyota Production System (1999), Merrill Lynch (2006), Walgreens (2006), Google Inc. (2013)
Разделённая	USA Today (2004), CIBA Vision (2004), IBM (2009,2012), Seiko (2011),
Циклическая	Intel Corp. (2008)
Взаимодействующая	Биотехнологические компании и крупные фармацевтические компании (1996, 2010, 2011), Cisco Systems (2011), Procter & Gamble (2014).

Источник: составлено автором.

Интересным примером четвёртого типа амбидекстрии является фармацевтическая отрасль, в которой биотехнологические компании и крупные фармацевтические компании активно взаимодействуют при разработке и выводе новых лекарств на рынок. Эта отрасль является примером создания открытой инновационной системы (*open innovation network*), которая объединяет в единую сеть исследовательские центры, стартапы, компании-амбидекстры взаимодействующего типа, компании-поставщики и другие элементы национальной инновационной системы (НИС).

Национальные инновационные системы представляют собой модели производства инноваций на макроуровне. В зависимости от институциональных особенностей НИС в большей или меньшей степени включают в себя шесть блоков основных элементов: 1) бизнес-сектор; 2) государство; 3) научно-исследовательский сектор; 4) элементы инновационной инфраструктуры (центры трансфера технологий, технопарки, бизнес-инкубаторы и другие); 5) организованное гражданское общество; 6) зарубежные партнёры по инновационной деятельности. По степени значимости различных компонентов и особенностям их взаимодействия исследователи выделяют четыре вида моделей НИС: евроатлантическая, восточноазиатская, альтернативная и модель «тройной спирали».

Евроатлантическая модель. Данная модель получила распространение в западноевропейских странах; это модель полного цикла, которая включает в себя все элементы и компоненты инновационной системы – от фундаментальных исследований до производства продукции и предоставления услуг.

Восточноазиатская модель. Наиболее показательными представителями этой модели являются Япония и Южная Корея. Отличительной чертой модели является ориентация на технические инновации и новейшие технологии, создаваемые в исследовательских центрах компаний, а не на фундаментальные разработки университетов.

Альтернативная модель. Эта модель характерна для стран, отстающих в научно-техническом развитии, таких как Таиланд, Иордания, Португалия, Чили, Турция; характеризуется практическим отсутствием блока фундаментальной и прикладной науки, а также высокотехнологично-

го компонента. Основной упор делается на подготовку кадров для транснациональных компаний и на развитие отраслей легкой промышленности, креативной индустрии и рекреации.

Модель «тройной спирали». В данный момент эта модель характерна только для США, при этом классическим примером является Кремниевая долина. Отдельные ее элементы формируются в странах Западной Европы и в Японии. Ключевым отличием этой модели является тесное взаимодействие трёх институтов – университета, государства и бизнеса, их частичное функциональное взаимопроникновение: каждый из институтов берет на себя нетрадиционные для себя функции, что и становится источником инноваций. Так например, этой модели свойственно наличие эффективных центров трансфера технологий и бизнес-инкубаторов при университетах, государство берёт на себя функции предпринимателя и венчурного инвестора, а бизнес участвует в образовательной сфере.

В настоящее время происходит теоретическая концептуализация усложненной модели тройной спирали – модели четвертой спирали, которая впервые появилась в работе Ю. Караянниса и Д. Кэмпбелла «“Mode 3” and “Quadruple Helix”: Toward a 21st Century Fractal Innovation Ecosystem» (2009 г.). Эта модель отличается от тройной тем, что в неё в качестве четвертого компонента включено гражданское общество, которое играет особую роль в современных постиндустриальных обществах. При этом, как отмечает Р.Р. Касенов, включение в модель этого компонента способствует переходу от описания взаимодействия трёх секторов к моделированию «интерактивных сетевых взаимодействий на уровне всего национального сообщества», так как гражданское общество находится под влиянием средств массовой информации, творческих индустрий, культуры, ценностей, образа жизни, искусства и «креативного класса» [3, с.55].

В России НИС находится в стадии формирования, активную роль в котором принимает государство. В частности, была сформирована система институтов развития; в рамках одного из них – группы РОСНАНО в лице Фонда инфраструктурных и образовательных программ – разрабатывается и внедряется в практику концепция серийного технологического предпринимательства и конвейера инноваций.

Таблица 3.

Модели национальных инновационных систем.

	Евроатлантическая	Восточноазиатская	Альтернативная	Модель «тройной спирали»	Модель четвёртой спирали
Страна	Великобритания, Германия, Франция, Италия, Швеция, Нидерланды, Дания, Швейцария, Финляндия	Япония, Южная Корея, Гонконг, Тайвань	Таиланд, Чили, Турция, Португалия, Иордания	США. Отдельные элементы развиваются в некоторых развитых странах Западной Европы, Бразилии и Японии	Перспективная модель
Авторы модели	К. Фримен, Б. Лундвалл, Р. Нельсон	К. Фримен, Б. Лундвалл, Р. Нельсон	К. Фримен, Б. Лундвалл, Р. Нельсон	Г. Ицковиц, Л. Лейдесдорф	Ю. Караяннис, Д. Кэмпбелл
Год разработки модели	1982 год	1982 год	1982 год	2000 год	2009 год
Период существования и развития национальной инновационной системы	С начала XX века по настоящее время	С 50-х годов XX века по настоящее время	С 60-х годов XX века по настоящее время	Начало XXI века	Перспективная модель
Компоненты структуры национальной инновационной системы	Фундаментальная и прикладная наука, исследования и разработки, запуск продукции в производство	Отсутствует компонент «фундаментальная наука»	Слабо представлен или отсутствует высокотехнологичный компонент вообще	Взаимодействие университетов, власти и предпринимательских структур на каждом этапе создания инновации	Университеты, предпринимательские структуры, власть, гражданское общество

Источник: Горохова, 2015[2].

Концепция серийного технологического предпринимательства и конвейера инноваций

Данная концепция основывается на мировом и российском опыте производства инноваций, на экономических и социальных концепциях, среди которых ключевую роль играет концепция системы разделения труда, а также на системомыследеятельностной методологии и анализе истории экономики за последние 500 лет. Основная идея концепции состоит в том, что предпринимательство не является врождённым даром, а может быть освоено и осуществляться как профессиональный вид деятельности.

Триста лет назад была нормирована и стала массовой инженерная деятельность. Принципы разделения и организации труда, разработанные Фредериком Тейлором 120 лет назад, привели к созданию профессии менеджера. В данный момент предпринимательство как вид деятельности проходит аналогичную трансформацию, в результате чего возникает новый экономический агент – серийный предприниматель. Профессиональный, серийный предприниматель не действует по принципу «одна компания на всю жизнь»; его деятельность – это постоянное создание новых бизнесов. Продукт его деятельности – это сам стартап.

Однако деятельность серийного технологического предпринимателя возможна только при наличии определённых условий – особой модели национальной инновационной системы, поощряющей модели инновационного процесса, в рамках которых возможен конвейерный сбор стартапов и их успешная продажа. Из рассмотренных ранее моделей инновационного процесса и НИС данным критериям в той или иной степени соот-

ветствуют четвёртое-шестое поколения моделей инновационного процесса и евроатлантическая модель и модель «тройной спирали» НИС. При этом очевидно, что теория производства инноваций движется в направлении всё большей интегрированности процессов и их участников, что, на наш взгляд, связано с углубляющейся системой разделения труда, в том числе и за счёт кристаллизации профессии «серийный предприниматель». Модели стратегических сетей и открытых инновационных систем – это модели систем глубокого разделения труда между группой контрагентов, работающих на различных этапах одной цепочки создания стоимости. Выделение в теории инновационного менеджмента категории компаний, характеризующихся взаимодействующей амбидекстрией, также связано с ростом значимости серийного предпринимательства. Именно такие компании обеспечивают серийность, конвейерный характер производства инноваций: во взаимодействии со стартапами они способствуют более быстрой и эффективной коммерциализации разработок, в результате чего у предпринимателя появляется дополнительный ресурс времени и капитала для создания новых технологических компаний. Стоит отметить, что само взаимодействие стартапа, а точнее серийного предпринимателя, с компанией-амбидекстром – это тоже особая форма разделения труда. Наконец, перспективная модель НИС – модель четвёртой спирали – также разрабатывается в логике усложнения и формализации систем взаимодействия между всеми участниками процесса производства инноваций.

Жизнеспособность и эффективность концепции серийного технологического предпринимательства и конвейера инноваций подтвер-

ждается опытом трансграничного кластера Эйндховен – Левен – Аахен (40-50 стартапов в год) и предпринимательской артели Кембриджа (более ста стартапов в год) [4]. Например, в Кембридже выделяется серийный предприниматель Алан Гудман, который к 2002 году создал 11 стартапов в сфере биотехнологий [23]. Среди созданных им компаний – Asambis, проданная Sanofi за 546 млн долл. США. [14]

В России данная концепция формализуется и реализуется в сети нанотехнологических центров, создаваемых в форме частно-государственного партнёрства в рамках инфраструктурной деятельности Фонда инфраструктурных и образовательных программ группы РОСНАНО. Сеть нанотехнологических центров производит более 200 компаний ежегодно.

Использование моделей в формировании национальной инновационной системы

Современный этап развития экономики многих стран характеризуется смещением фокуса с общегосударственной социально-экономической политики к региональной и городской. Особое внимание уделяется вопросам изучения развития регионов как центров инновационного развития и локомотивов экономического развития страны. Это связано с тем, что каждый регион обладает уникальным сочетанием ресурсов, инфраструктуры и общественных отношений, что особенно актуально для России как многонациональной страны с большой территорией, характеризующейся большой вариативностью климатических условий, природных ресурсов и культуры кооперации.

Говоря о НИС, исследователи часто говорят об отдельных регионах стран, как, например, в случае модели «тройной спирали» и Кремниевой долины в США. При этом новейшие поколения инновационного процесса увязываются исследователями с кластерной политикой инновационного развития страны. Именно в рамках территориальных кластеров возможно создать сложные интегральные системы взаимодействия различных экономических агентов. В связи с этим, говоря о росте и структурном развитии национальной экономики, а также формировании НИС и целесообразности использования различных моделей инновационного процесса, имеет смысл рассматривать региональный аспект.

В.М. Сергеев, Е.С. Алексеенкова и В.Д. Нечаев отмечают, что в рамках построения национальной инновационной системы в региональном масштабе следует обратить внимание на альтернативную модель НИС [6]. Так как некоторые регионы РФ не обладают значительным потенциалом в области научно-технологических исследований и разработок или достаточными ресурсами для реализации модели «тройной спирали», попытки построить там высокотехнологические кластеры окажутся высокочрезвычайно затратными и малоэффективными. Развитие инновационного потенциала таких регионов, по мнению многих экспертов, целесообразнее выстраивать в соответствии с альтернативной моделью, в рамках которой упор делается на нетехнологические инновации: high-hume технологии, информационно-коммуникационные технологии, инновационные способы менеджмента, развитие образования, сферы туризма и экспорта сельскохозяйственной продукции. В результате такие регионы часто становятся центрами развития креативных индустрий. Например, в Великобритании вся экономика территориально делится на регионы hi-tech экономики, регионы креативной экономики и регионы, в которых эти две экономики сосуществуют [8].

Таким образом, для активации инновационного потенциала в национальной инновационной системе должны быть учтены региональные особенности. В регионах с высоким потенциалом развития высокотехнологических индустрий стоит внедрять модель «тройной спирали», спутниками которой являются новейшие поколения инновационного процесса и методы инновационного менеджмента, а также серийное предпринимательство. Остальным регионам с большей вероятностью подойдёт альтернативная модель, но не стоит исключать того, что некоторым региональным условиям могут больше соответствовать другие модели. В связи с этим перспективной темой исследования в области инновационной политики и менеджмента в будущем является системный анализ взаимного влияния господствующих моделей инновационного процесса, организационной формы его реализации на уровне компаний и национальной инновационной системы в рамках отдельных регионов.

Список литературы

1. Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики [Электронный ресурс]. // Сергей Глазьев: Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.glazev.ru/upload/iblock/77b/77b8141cdfc1038b78520f79fc9acd40.pdf> (дата обращения: 09.05.2016).
2. Горохова А.Е. Повышение эффективности промышленных предприятий в условиях трансформации национальной инновационной системы: дис. ... д-ра эк. наук: 08.00.05: Москва, 2015. 346 с. [Электронный ресурс]. // Рос. акад. предпринимательства. Режим доступа: http://www.rusacad.ru/docs/disertsovet/zashiti/GorohovaAE/disser_GorohovaAE.pdf (дата обращения: 10.05.2016).

3. Касенов Р.Р. Модель национальной инновационной системы [Электронный ресурс]. //Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №. 32 (323). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/model-natsionalnoy-innovatsionnoy-sistemy> (дата обращения: 10.05.2016).
4. Ковалевич Д.А., Щедровицкий П.Г. Конвейер инновации [Электронный ресурс]. // Агентство стратегических инициатив. Режим доступа: <http://asi.ru/conveyor-of-innovations/> (дата обращения: 27.04.2016).
5. Медовников Д., Розмирович С., Сараев В. Жребий ещё не брошен // Эксперт. 2012. №2. С. 36.
6. Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С., Нечаев В.Д. Типология моделей инновационного развития //Полития. 2008. №. 4. С. 6-22.
7. Adler P.S., Goldoftas B., Levine D.I. Flexibility versus efficiency? A case study of model changeovers in the Toyota production system // Organization science. 1999. Vol. 10. No. 1. Pp. 43-68.
8. Bakhshi H. et al. The geography of the UK's creative and high-tech economies. [Электронный ресурс] // Nesta. 2015. Режим доступа: http://www.nesta.org.uk/sites/default/files/geography_uks_creative_high-tech_economieswv20151.pdf (дата обращения: 05.06.2016).
9. Bianchi M. et al. Organisational modes for Open Innovation in the bio-pharmaceutical industry: An exploratory analysis // Technovation. 2011. Vol. 31. No. 1. Pp. 22-33.
10. Birkinshaw J., Gibson C. Building ambidexterity into an organization // MIT Sloan Management Review. 2004. Vol. 45. No. 4. Pp. 47-55.
11. Callaway S. Hamilton R. Managing disruptive technology — Internet banking ventures for traditional banks //International Journal of Innovation and Technology Management. 2008. Vol. 5. No. 1. Pp. 55-80.
12. Carayannis E., Campbell D. F. J. 'Mode 3'and'Quadruple Helix': toward a 21st century fractal innovation ecosystem //International Journal of Technology Management. 2009. Vol. 46. No. 3-4. Pp. 201-234.
13. Chen E.L., Katila R. Rival interpretations of balancing exploration and exploitation: simultaneous or sequential // Handbook of technology and innovation management. Wiley-Blackwell, 2009. Pp. 197-214.
14. Creation of tech-based companies debated in COHITec's closing session. Technology Commercialization Accelerator [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.actbycotec.com/en/media.104/news.105/creation_of_tech-based_companies_debated_in_cohitec_s_closing_session.a562.html (дата обращения: 10.05.2016).
15. Datta A. Review and extension on ambidexterity: A theoretical model integrating networks and absorptive capacity // Journal of Management and Strategy. 2011. Vol. 2. No. 1. Pp. 2-22.
16. Dutta S. K. Dynamic Capabilities: Fostering Ambidexterity // SCMS Journal of Indian Management. 2012. Vol. 9. No. 2. Pp. 81-91.
17. Ferrary M. Specialized organizations and ambidextrous clusters in the open innovation paradigm // European Management Journal. 2011. Vol. 29. No. 3. Pp. 181-192.
18. Graves A. Comparative Trends in Automotive Research and Development // DRC Discussion Paper. No. 54. Sussex University, Science Policy Research Unit, Brighton, Sussex, 1987. 42 p.
19. Hoang H. A., Rothaermel F. T. Leveraging internal and external experience: exploration, exploitation, and R&D project performance //Strategic Management Journal. 2010. Vol. 31. No. 7. Pp. 734-758.
20. Isaacson W. The exclusive Biography of Steve Jobs. Little Brown Book Group, 2011. 656 p.
21. Meissner D., Kotsemir M. Conceptualizing the innovation process towards the 'active innovation paradigm' — trends and outlook // Journal of Innovation and Entrepreneurship. 2016. Vol. 5. No. 1. 18 p.
22. Mowery D., Rosenberg N. The influence of market demand upon innovation: a critical review of some recent empirical studies // Research policy. 1979. Vol. 8. No. 2. Pp. 102-153.
23. Myint Y. M., Vyakarnam S., New M. J. The effect of social capital in new venture creation: the Cambridge high-technology cluster // Strategic Change. 2005. Vol. 14. No. 3. Pp. 165-177.
24. O'Reilly C. A., Harrell J. B., Tushman M. L. Organizational ambidexterity: IBM and emerging business opportunities // California Management Review. 2009. Vol. 51. No. 4. Pp. 75-99.
25. O'Reilly C. A., Tushman M. L. The ambidextrous organization // Harvard business review. 2004. Vol. 82. No. 4. Pp. 74-83.
26. Powell W. W., Koput K. W., Smith-Doerr L. Interorganizational collaboration and the locus of innovation: Networks of learning in biotechnology // Administrative science quarterly. 1996. Vol. 41. No. 1. Pp. 116-145.
27. Rohrbeck R., Gemünden H. G. Corporate foresight: Its three roles in enhancing the innovation capacity of a firm // Technological Forecasting and Social Change. 2011. Vol. 78. No. 2. Pp. 231-243.
28. Rothwell R. Towards the fifth-generation innovation process // International marketing review. 1994. Vol. 11. No. 1. Pp. 7-31.
29. Schilling M. A. Strategic management of technological innovation. McGraw-Hill Education, 2013. 336 p.
30. Simsek Z. et al. A typology for aligning organizational ambidexterity's conceptualizations, antecedents, and outcomes // Journal of Management Studies. 2009. Vol. 46. No. 5. Pp. 864-894.
31. Stettner U., Lavie D. Ambidexterity under scrutiny: Exploration and exploitation via internal organization, alliances, and acquisitions // Strategic management journal. 2014. Vol. 35. No. 13. Pp. 1903-1929.

■ Современные технологии и международные отношения

32. Westerman G., McFarlan F. W., Iansiti M. Organization design and effectiveness over the innovation life cycle //Organization Science. 2006. Vol. 17. No. 2. Pp. 230-238.
33. Zegveld W., Rothwell R. R. Reindustrialization and Technology. Harlow, Essex, UK: Longman Group, 1985. 282 p.

Об авторах

Гусейнова Тамам Низаятовна – инвестиционный аналитик, НП «ЦТТ РАН и РОСНАНО», 119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, д.32А. E-mail: tamam.guseinova@gmail.com.

INNOVATION PRODUCTION MODELS

T.N. Guseinova

Technology Transfer Office RAS & RUSNANO, 32A Leninsky prospect, Moscow 119991, Russia.

Abstract: *The article is dedicated to the study of the models of production of innovations at enterprise and state levels. The shift towards a new technology wave induces a change in systems of division of labour as well as establishment of new forms of cooperation that are reflected both in theory and practice of innovation policy and management. Within the scope of the research question we have studied different generation of innovation process, starting with simple linear models – “technology push” and “market pull” – and ending with a complex integrated model of open innovations. There are two organizational models of innovation production at the enterprise level: start-ups in the early stages of their development and ambidextrous organizations. The former are prone to linear models of innovation process, while the latter create innovation within more sophisticated inclusive processes. Companies that effectuate reciprocal ambidexterity stand out from all the rest, since together with start-ups, research and development centres, elements of innovation infrastructure and other economic agents operating in the same value chain they constitute the core of most advanced forms of national innovation systems, namely Triple Helix and Quadruple Helix systems. National innovation systems – models of innovation production at the state level – evolve into systems with a more profound division of labour that enable “line production” of innovations. These tendencies are closely related to the advent and development of the concept of serial entrepreneurship that transforms entrepreneurship into a new type of profession. International experience proves this concept to be efficient in various parts of the world. Nevertheless, the use of above mentioned models and concepts in national innovation system should be justified by socioeconomic conditions of economic regions, since they determine the efficiency of implementation of certain innovation processes and organizational designs at company and national system level.*

Key words: Innovation, innovations process, organizational models of innovation production, start-up, ambidextrous organizations, national innovation system, serial entrepreneurship, conveyor of innovations, long waves of technological change, region, cluster.

References

1. Glazev S. Ju. Sovremennaja teorija dlinnyh voln v razvitii jekonomiki [Modern theory of long waves of economic development]. Sergey Glazev's official web-site. Available at: <http://www.glazev.ru/upload/iblock/77b/77b8141cdfc1038b78520f79fc9acd40.pdf> (Accessed 09.05.2016) (In Russian).
2. Gorohova A.E. Povyshenie jeffektivnosti promyshlennyh predpriyatij v uslovijah transformacii nacional'noj innovacionnoj sistemy [Improvement of efficiency of industrial enterprises under transformation of national innovation system]. Doct. Diss. Moscow, 2015. 346 p. Available at: http://www.rusacad.ru/docs/disertsovet/zashiti/GorohovaAE/disser_GorohovaAE.pdf (Accessed 10.05.2016) (In Russian).
3. Kasenov R. R. Model' nacional'noj innovacionnoj sistemy [Model of national innovation system]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, no. 32 (323). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/model-natsionalnoy-innovatsionnoy-sistemy> (Accessed 10.05.2016) (In Russian).
4. Kovalevich D. A., Shhedrovickij P. G. Konvejer innovacij [Innovation conveyor belt]. Agentstvo strategicheskikh iniciativ. Available at: <http://asi.ru/conveyor-of-innovations/> (Accessed 27.04.2016) (In Russian).
5. Medovnikov D., Rozmirovich S., Saraev V. Zhrebij eshhe ne broshen [The die is not yet cast]. Jekspert, 2012, no. 2, p. 36. (In Russian).

6. Sergeev V. M., Alekseenkova E. S., Nechaev V. D. Tipologija modelej innovacionnogo razvitiya [Typology of models of innovation development]. Politija, 2008, no. 4, pp. 6-22. (In Russian).
7. Adler P. S., Goldoftas B., Levine D. I. Flexibility versus efficiency? A case study of model changeovers in the Toyota production system. *Organization Science*, 1999, 10(1), pp. 43-68.
8. Bakhshi H. et al. The geography of the UK's creative and high-tech economies. Nesta, 2015. Available at: http://www.nesta.org.uk/sites/default/files/geography_uks_creative_high-tech_economieswv20151.pdf (Accessed 09.06.2016) (In Russian).
9. Bianchi M., Cavaliere A., Chiaroni D., Frattini F., Chiesa V. Organisational modes for Open Innovation in the bio-pharmaceutical industry: An exploratory analysis. *Technovation*, 2011, no. 31(1), pp. 22-33.
10. Birkinshaw J., Gibson C. Building ambidexterity into an organization. *MIT Sloan Management Review*, 2004, vol. 45, no.4, pp. 47-55.
11. Callaway S. K., Hamilton R. Managing disruptive technology—Internet banking ventures for traditional banks. *International Journal of Innovation and Technology Management*, 2008, no. 5(01), pp. 55-80.
12. Carayannis E. G., Campbell D. F. 'Mode 3' and 'Quadruple Helix': toward a 21st century fractal innovation ecosystem. *International Journal of Technology Management*, 2009, no. 46(3-4), pp. 201-234.
13. Chen E. L., Katila R. Rival interpretations of balancing exploration and exploitation: Simultaneous or sequential? *Handbook of Technology and Innovation Management*, 2008, pp. 197-201.
14. Creation of tech-based companies debated in COHiTEC's closing session. Technology Commercialization Accelerator. Available at: https://www.actbycotec.com/en/media.104/news.105/creation_of_tech-based_companies_debated_in_cohitec_s_closing_session.a562.html (Accessed 10.05.2016).
15. Datta A. Review and extension on ambidexterity: A theoretical model integrating networks and absorptive capacity. *Journal of Management and Strategy*. 2011, no. 2(1), pp. 2-22.
16. Dutta S. K. Dynamic Capabilities: Fostering Ambidexterity. *Journal of Indian Management*, 2012, no. 9(2), pp. 81-91.
17. Ferrary M. Specialized organizations and ambidextrous clusters in the open innovation paradigm. *European Management Journal*, 2011, no. 29(3), pp. 181-192.
18. Graves A. Comparative Trends in Automotive Research and Development. DRC Discussion Paper, No. 54, Science Policy Research Unit, Sussex University, Brighton, Sussex, 1987. 42 p.
19. Hoang H. A., Rothaermel F. T. Leveraging internal and external experience: exploration, exploitation, and R&D project performance. *Strategic Management Journal*, 2010, no. 31(7), pp. 734-758.
20. Isaacson W. The exclusive Biography of Steve Jobs. Little Brown Book Group, 2011. 656 p.
21. Meissner D., Kotsemir M. Conceptualizing the innovation process towards the 'active innovation paradigm'—trends and outlook. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 2016, no. 5(1), 18 p.
22. Mowery D., Rosenberg N. The influence of market demand upon innovation: a critical review of some recent empirical studies. *Research policy*, 1979, no. 8(2), pp. 102-153.
23. Myint Y. M., Vyakarnam S., New M. J. The effect of social capital in new venture creation: the Cambridge high-technology cluster. *Strategic Change*, 2005, no. 14(3), pp. 165-177.
24. O'Reilly C. A., Harrell J. B., Tushman M. L. Organizational ambidexterity: IBM and emerging business opportunities. *California Management Review*, 2009, no. 51(4), pp. 75-99.
25. O'Reilly C. A., Tushman M. L. The ambidextrous organization. *Harvard Business Review*, 2004, no. 82(4), pp. 74-83.
26. Powell W. W., Koput K. W., Smith-Doerr L. Interorganizational collaboration and the locus of innovation: Networks of learning in biotechnology. *Administrative Science Quarterly*, 1996, 41 (1), pp. 116-145.
27. Rohrbeck R., Gemünden H. G. Corporate foresight: Its three roles in enhancing the innovation capacity of a firm. *Technological Forecasting & Social Change*, 2011, no. 78(2), pp. 231-243.
28. Rothwell R. Towards the fifth-generation innovation process. *International marketing review*, 1994, no. 11(1), pp. 7-31.
29. Schilling M. A. Strategic Management of Technological Innovation. McGraw-Hill Education, 2013. 336 p.
30. Simsek Z., Heavey C., Veiga J. F., & Souder, D. (2009). A typology for aligning organizational ambidexterity's conceptualizations, antecedents, and outcomes. *Journal of Management Studies*. 2009, no. 46(5), pp. 864-894.
31. Stettner U., Lavie D. Ambidexterity under scrutiny: Exploration and exploitation via internal organization, alliances, and acquisitions. *Strategic Management Journal*, 2014, no. 35(13), pp. 1903-1929.
32. Westerman G., McFarlan F. W., Lansiti M. Organization design and effectiveness over the innovation life cycle. *Organization Science*, 2006, no. 17(2), pp. 230-238.
33. Zegveld W., Rothwell R. Reindustrialization and Technology. Longman, Harlow, 1985. 282 p.

About the author

Tamam N. Guseinova – investment analyst, Technology Transfer Office RAS & RUSNANO, 32A Leninsky prospect, Moscow 119991, Russia. E-mail: tamam.guseinova@gmail.com.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО РЫНКА АГРАРНОЙ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

А.М. Школяренко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Рост населения в контексте ограниченных земных ресурсов заставляет страны искать новые способы повышения урожайности сельскохозяйственного производства. За последние 20 лет широкое распространение получили биотехнологии и генетически модифицированные (ГМ) культуры, производимые в 28 странах мира. В 2015 г. Министерство сельского хозяйства США решило использование генетически модифицированных сельскохозяйственных животных в коммерческих целях.

Развитие рынка аграрных биотехнологий сдерживается наличием противников ГМ, к которым относится Россия и Европейский союз, где производство ГМ культур запрещено в силу экономических, этических, идеологических и биологических причин. В настоящий момент ЕС стремится сократить посевы и импорт ГМ продукции; в России импорт и экспорт ГМ товаров запрещен, а выработка консолидированной позиции относительно аграрных биотехнологий перенесена на 2017 г.

Автор стремится проанализировать объём мирового производства и торговли сельскохозяйственных товаров, произведённых на основе биотехнологий, и описать основные тенденции развития данного рынка.

Ключевые слова: сельское хозяйство, мировая экономика, мировой рынок аграрных технологий, исследования и разработки, биоэкономика, высокие технологии, НТП.

Современный мировой рынок сельскохозяйственных товаров находится в транзитивной стадии, характеризующейся переходом к новому технологическому укладу. Разработки в области биотехнологий, получившие своё коммерческое применение ещё в середине 90-х гг. прошлого века, в настоящее время являются движущими силами нового витка НТП. С одной стороны, использование аграрной биотехнологической продукции способствует решению проблемы голода в условиях ограниченности земельных ресурсов и растущего населения, с чем связана озабоченность крупнейших международных экономических и продовольственных организаций.

С другой стороны, потребление ГМ культур до сих пор вызывает значительные противоречия в научном сообществе, о чём свидетельствует отказ и запрет на использование ГМ продукции в большинстве стран мира.

Актуальность данного исследования обусловлена рядом причин. Во-первых, растущий рынок аграрной биотехнологической продукции в значительной степени влияет на мировую продовольственную систему, представляя интересы американских и европейских корпораций, которые размещают посевы на территории развивающихся стран с последующим распространением по всему миру. Именно поэтому сокращение темпов прироста рынка аграрной биотехнологической продукции, наблюдаемое в 2015 г., на фоне развития органического сельского хозяйства наряду с традиционными методами сигнализируют об изменениях в прогнозных показателях и тенденциях развития продовольственной системы, природу которых необходимо проанализировать и определить основные направления развития мирового рынка данных товаров.

Во-вторых, несомненные преимущества, получаемые от использования ГМ культур, в том числе наличие семян с одним и более заданными свойствами, приспособленных к культивации в различных природно-климатических условиях, могли бы найти своё применение в непродовольственных секторах экономики России. Инновационное развитие сельскохозяйственного производства и расширение сферы

использования непродовольственных товаров может в ближайшей перспективе создать новые ниши для формирования бизнеса в условиях экономического кризиса. Для развития данного сектора производства отечественной сельскохозяйственной продукции могут быть использованы сложившиеся методы внедрения аграрных биотехнологий в зарубежных странах.

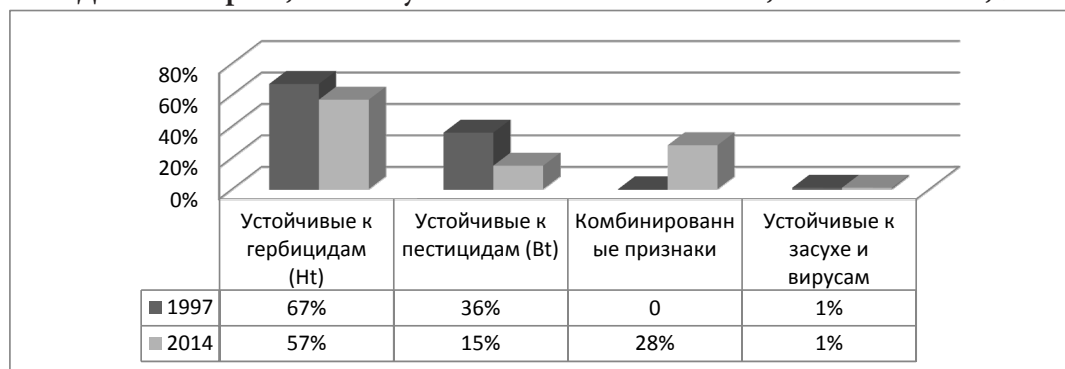
Для написания статьи использовался сравнительный анализ различных позиций относительно применения аграрных биотехнологий в мире. Используемые источники могут быть разделены на три группы. К первой группе относятся государственные документы и программы России, стран-членов ЕС, США и других стран, рассматриваемых в статье. Во-вторых, автор использовала материалы из отчётов ФАО, ОЭСР и Министерства сельского хозяйства США и, в-третьих, опиралась на монографии специалистов, изучающих проблематику развития высоких технологий в современной мировой экономике, таких как И.Ю. Бунтов [14], К. Джеймс [13], Б. Дорин [11], И.Ю. Матюшенко [14], Л.С. Ревенко [4], [5], [6], Ш. Уолкер [7].

В последние годы важнейшими факторами в сельском хозяйстве становятся растущее население Земли и стремительное развитие технологий. Современный технологический уклад, наблюдаемый в мировой продовольственной системе, основан на биотехнологиях, получил развитие в начале 1990-х гг. В 1990 г. на китайский рынок поступили «первые ГМ культуры», а в 1994 г. американская компания «Калген» (Calgene) запустила в коммерческое использование «долго сохраняющиеся ГМ помидоры» [6, с. 143]. Хотя в 2015 г. объём мирового рынка аграрных биотехнологий впервые за 20 лет сократился на 3% (с 15,7 млрд долл. в 2014 г. до 15,3 млрд долл. в 2015 г.), ожидается, что среднегодовые темпы роста вплоть до 2019 г. составят 9,5% [8].

Можно выделить три основных вида генетически модифицированных культур: (1) культуры, устойчивые к гербицидам (Ht); (2) культуры, устойчивые к насекомым, созданные с геном бактерии *Bacillus thuringiensis* (Bt), токсичным для ряда насекомых; и (3) культуры с комбинационными признаками Ht и Bt.

График 1.

Доля ГМ сортов, используемых в сельском хозяйстве, в 1997 и 2014 гг., %

Источник: [13].

■ Современные технологии и международные отношения

В 1997 г. на долю сортов, устойчивых к гербицидам и насекомым-вредителям приходилось 63% и 36% соответственно [7]. В 2014 г. доля Ht и Vt сортов снизилась и составила 57% и 15% соответственно, но расширилось применение ГМ культур с комбинированными свойствами (28%). При этом на долю сортов, устойчивых к засухе и вирусам, пришлось в этом же году 1% (график 1).

К числу наиболее используемых ГМ растений относятся соя, кукуруза, хлопок, рапс, некоторые сорта овощей и фруктов. В 2014 г. 50% мировой площади, предназначенной для биотехнологичных растений, было засеяно ГМ соей [13]. На долю посевов ГМ кукурузы приходится несколько меньше (30% площади в мире), на долю ГМ хлопка – 14%, а на ГМ рапс – 5%. Данные культуры используются в качестве ингредиентов для переработанных продуктов и для корма скота. На долю ГМ овощей и фруктов приходится 1% площади (таб. 1).

Таблица 1.
Распределение мировых площадей, занятых под генетически модифицированными культурами в 2000 г. и 2014 г., по культурам

Культура / год	2000 г.	2014 г.
Соя	58%	50%
Кукуруза	23%	30%
Хлопок	12%	14%
Рапс	7%	5%
Овощи и фрукты	1%	1%

Источник: [4], [13].

В период с 2000 по 2014 гг. изменилась структура распределения мировых площадей. В настоящее время наблюдается увеличение площади, предназначенной для выращивания кукурузы и хлопка, а посевы сои и рапса сократились.

В 2015 г. на десятку крупнейших производителей ГМ культур, к которой относятся США, Бразилия, Аргентина, Индия, Канада, Китай, Парагвай, ЮАР, Пакистан и Уругвай, приходилось

98% мировой площади, засеянной ГМ культурами. США являются первой страной, разрешившей использование ГМ культур, и, согласно рейтингам мирового производства биотехнологического продовольствия, в 2015 г. сохранила свое первенство (40,3% от общей площади для культивации ГМ культур) [13].

В 2015 г. Бразилия занимала 2-е место после США по площади ГМ культур (44,2 млн. га), что на 2 млн га больше, чем в 2014 г. (+5%) (Таблица 2). В долгосрочной перспективе ожидается, что Бразилия сократит отрыв от США благодаря эффективной государственной системе выдачи разрешений на коммерциализацию аграрных биотехнологий, которая стимулирует быстрое освоение ГМ культур. В настоящее время в Бразилии разрешено выращивание биотехнологического эвкалипта, а также бобов, устойчивых к вирусам и новых сортов сои, устойчивой к гербициду.

В 2015 г. Китай успешно возделывал биотехнологический хлопок (3,7 млн га), папайю, устойчивую к вирусу (7 тыс. га.) и устойчивый к насекомым тополь (543 га). Хотя общая площадь пахотной земли в Китае уменьшилась (с 4,2 млн га до 3,9 млн га в 2015 г.), площадь земель под ГМ хлопок, наоборот, была увеличена (с 93% в 2014 г. до 96% в 2015 г.). (граф. 2).

Учитывая недавнюю сделку китайской компании Chem China с швейцарской компанией Syngenta по приобретению контрольного пакета акций последней, площадь пахотных земель для выращивания ГМ культур в Китае может расширяться до 35 млн га в течение года [10]. Более того, сделка позволит Chem China получить доступ к широкому набору готовых безопасных коммерческих ГМ культур, которые произрастают по всему миру [16].

В ЮАР, несмотря на некоторые сложности в применении биотехнологий, наблюдаются изменения. Хотя губительная засуха привела к снижению площадей под ГМ культуры на 23% в 2015 г. (2,3 млн га), согласно планам правительства, площадь под возделывание ГМ хлопка будет увеличена на 30% до 120 тыс. га [13]. В

График 2.

Доля ГМ хлопка в общей площади под ГМ культуры в Китае в 2014-2015 гг., тыс. га

Источник: [10].

Таблица 2.

Мировое производство ГМ культур в 10 крупнейших странах-производителях ГМ культур, 2015

№	Страна	Площадь (млн. га)	Доля страны в засеянной ГМ культурами площади	Производимые ГМ Культуры
1	США	70,9	40,3%	Кукуруза, соевые бобы, хлопок, рапс, сахарная свекла, люцерна, тыква, папайя
2	Бразилия	44,2	23,3%	Соя-бобы, кукуруза, хлопок
3	Аргентина	24,5	13,4%	Соя-бобы, кукуруза, хлопок
4	Индия	11,6	6,4%	Хлопок
5	Канада	11,0	6,3%	Рапс, кукуруза, соя-бобы, сахарная свекла
6	Китай	3,8	2,1%	Хлопок, папайя, тополь
7	Парагвай	3,6	2%	Соя-бобы, кукуруза, хлопок
8	ЮАР	2,3	1,5%	Кукуруза, соевые бобы, хлопок
9	Пакистан	2,9	1,6%	Хлопок
10	Уругвай	1,4	0,9%	Соя-бобы, кукуруза
	28 стран	179,7 млн. га.	100%	9 культур

Источник: [13].

стране одобрен проект некоммерческого фонда Water Efficient Maize for Africa (WEMA), в рамках которого планируется выращивание кукурузы, устойчивой к засухе. В Таблице 2 представлен список 10 стран, где разрешены посевы ГМ культур.

Несмотря на благоприятную конъюнктуру рынка в вышеописанных странах, другой блок стран проводит диаметрально противоположную политику, направленную на сокращение, а иногда и прямой запрет на производство и торговлю генномодифицированной продукцией. К таким странам относятся более чем 160 государств, среди которых Россия и некоторые страны Европейского союза. Ярыми противниками являются Италия, Греция, некоторые балканские страны. В Европе ГМ производятся только на 0,14% пахотной земель.

До начала 1990-х гг. Европейский союз был лидером по научно-исследовательским разработкам в области биотехнологий растений. Однако, под давлением противников биотехнологий ЕС и страны-члены разработали комплексную политику, которая замедлила и ограничила научные исследования, а также коммерческое использование биотехнологий. Вследствие того,

что испытательные посевы уничтожаются противниками, научные программы часто ограничиваются лабораторными исследованиями, а крупнейшие компании по производству ГМ семян стали выносить свои исследовательские центры за пределы ЕС.

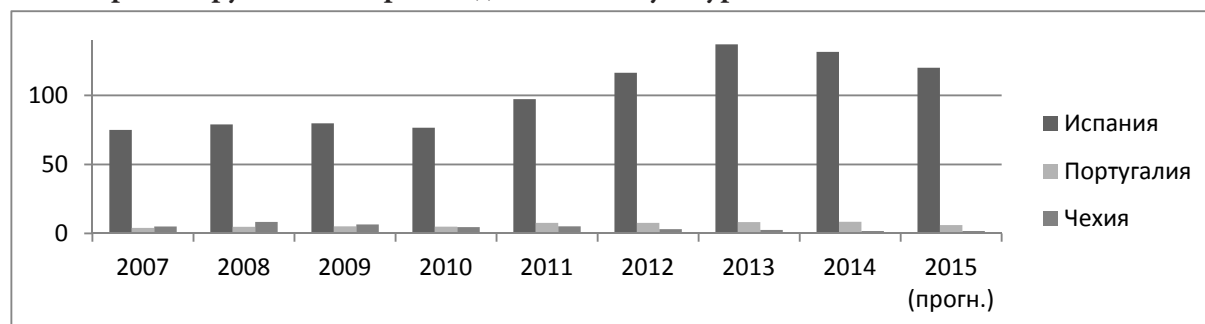
В 2015 г. ГМ культуры были засеяны в 11 странах ЕС. Единственной разрешённой для культивации ГМ культурой в ЕС является кукуруза MON810, содержащая токсин-продуцирующий ген *Bacillus Thuringiensis* (Bt-кукуруза).

В 2015 г. пять стран-членов ЕС (Португалия, Чехия, Словакия, Испания и Румыния) культивировали Bt-кукурузу. Наибольшая площадь посевов находится в Испании (90% посевных площадей в ЕС) и составляет 30% общего производства культуры в стране (График 3).

Девять стран-членов (Австрия, Болгария, Греция, Италия, Люксембург) ввели запрет на выращивание Bt-кукурузы. Что касается Франции, Германии и Польши, то ранее они также выращивали Bt-кукурузу, однако сейчас её производство находится под запретом. В других странах ЕС производство не запрещено, но Bt-кукуруза не выращивается из-за несоответствия природно-климатическим условиям

График 3.

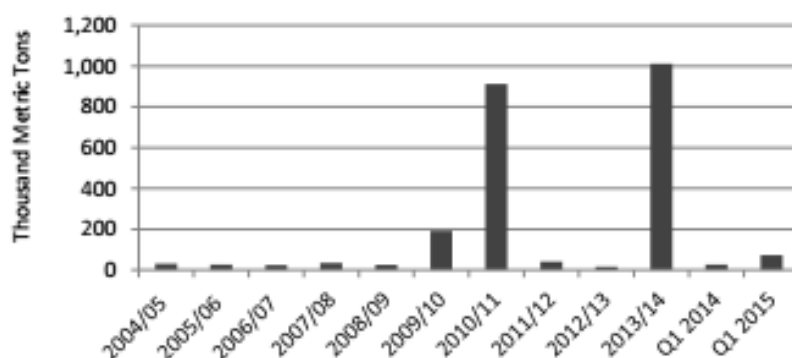
Тройка крупнейших производителей ГМ культур в ЕС с 2007 по 2015 гг., тыс. га.

Источник: [12].

График 4.

Импорт кукурузы из США в страны ЕС, 2004/05-04/2015, тыс. тонн.

Источник: [12].

(например, в Великобритании) и угрозы протестов. Данный сорт используется в ЕС для корма животных и производства биотоплива.

Страны-члены ЕС не экспортируют ГМ продукты, но при этом остаются крупнейшими импортерами генномодифицированных соевых бобов (около 30 млн тонн в год) и кукурузы (около 7 млн т в год), которые в основном используются в качестве корма скота и птиц. Для сравнения, Россия импортирует 1,9 млн тонн соевых бобов и 41,1 тыс. тонн кукурузы, что в 15 и 170 раз меньше европейских показателей соответственно.

В 2015 г. доля ГМ продукции в общем объеме импорта соевых бобов и кукурузы ЕС составила: 90% ГМ соевых бобов; 25% ГМ кукурузы.

США являются вторым по величине экспортером соевых бобов и третьим по экспорту соевого шрота в ЕС, но с начала использования ГМ кукурузы в США привело к резкому сокращению американского экспорта в ЕС, вследствие негативного отношения к биотехнологиям в сельском хозяйстве в ЕС (График 4).

Ежегодное потребление кукурузы в ЕС в среднем составляет 62 млн тонн, при этом около 10% (6,2 млн т) импортируется. Доля ГМ кукурузы в общем импорте культуры оценивается в

25% (1,55 млн т), что составляет 2,5% от общего объема потребления.

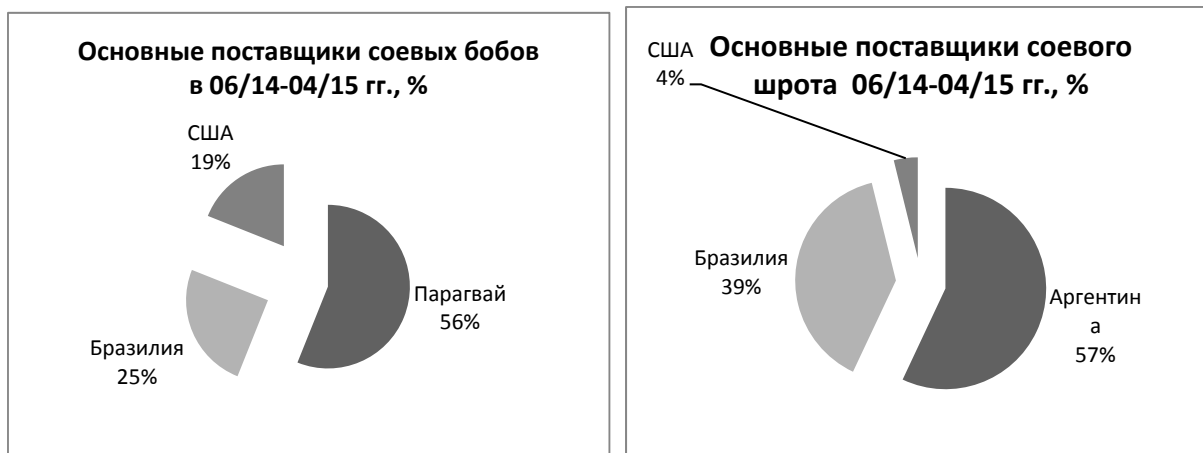
В России биотехнологический сектор находится в начальной стадии развития, и вряд ли можно говорить о том, что в стране уже сформировался рынок аграрных биотехнологий. По состоянию на 2015 г., в России зарегистрировано 12 сортов ГМ кукурузы, 7 сортов ГМ соевых бобов, 1 сорт сахарной свёклы, 1 сорт риса и 2 сорта ГМ картофеля [15].

Импорт ГМ семян для посевов в Россию запрещен. Однако структура импорта страны обращает на себя внимание. Основными экспортерами в Россию соевого шрота (всего 454 тыс.т.) являются Аргентина (217 тыс.т.), Бразилия (149 тыс. т.), США (14,7 тыс. т.) (График 5). Из данных, представленных в Таблице 2, следует, что эти страны являются крупнейшими мировыми производителями данных ГМ культур.

Поскольку российское таможенное регулирование не предусматривает разделение на ГМ и традиционные сельскохозяйственные товары, таможенные службы не располагают лабораторной инфраструктурой для обнаружения следов модификаций продовольственных товаров. Соответственно, даже вопреки существующему запрету на выращивание ГМ культур, можно сделать

График 5.

Основные поставщики соевых бобов и соевого шрота в Россию в 06/14-04/15 гг., %

Источник: [15].

вывод о том, что часть импортируемых соевых бобов и кукурузы в Россию, а также продукты, произведённые из них, могут содержать ГМО.

Важно понимать, что ГМ продукция используется в большинстве случаев в непродовольственном секторе. Например, в ЕС ГМ соя используется для корма скота и птицы, рапс – для производства биотоплива, в Индии ГМ хлопок применяется для нужд лёгкой промышленности. В условиях стагнирующей экономики Россия могла бы рассмотреть для себя возможность экспорта ГМ культур для корма скота и лёгкой промышленности. Альтернативным сценарием для России может быть внедрение практик развития высокотехнологичного сектора сельского хозяйства Канады, которая имеет схожие природно-климатические условия с нашей страной, и, по состоянию на 2015 г. её доля в мировой площади для выращивания ГМ культур составляет 6,3% (11 млн га).

Сокращение инвестиций в биотехнологии как науку не позволяет развивать собственный рынок высокотехнологичной продукции, однако диверсификация экспорта могла бы сделать некоторые сектора российской экономики более конкурентоспособными, при наличии эффективных механизмов контроля у таможенных служб, позволяющих им устанавливать качество продовольственной и непродовольственной продукции на предмет содержания ГМО [5].

Ориентиром для правительства России в развитии отрасли биотехнологий остается Комплексная программа по развитию биотехнологий в Российской Федерации до 2020 г. (ВЮ 2020) [2], которая уполномочила Министерство сельского хозяйства включить подпрограмму по «развитию биотехнологий» в «Программу развития сельского хозяйства с 2013–2020 гг.» [3], где речь идёт о биотехнологических методах переработки сельскохозяйственной продукции, а не о развитии ГМ культур.

Процесс разращения использования биотехнологий в сельском хозяйстве идёт разнонаправлено в разных странах и в большинстве случаев сталкивается с ожесточёнными протестами. В 2015 г. использование биотехнологических культур было разрешено в 28 странах, 2/3 из которых (20 стран) являются развивающимися и лишь 1/3 (8 стран) – развитыми.

В 2015 г. произошли значительные изменения на рынке биотехнологий в США. В частности, в ноябре 2015 г. Министерство сельского хозяйства одобрило коммерческое использование генномодифицированных сельскохозяйственных животных и рыбы. Так, быстро набирающий массу ГМ лосось, который является разработкой компании «Аква Баунти Технолоджис» (Aqua Bounty Technologies), поступит в коммерческое использование в 2018 г. [9].

Китайское правительство стимулирует на государственном уровне развитие биотехнологий и уже в 2008 году выделило 3 млрд долл. на финансирование деятельности научно-ис-

следовательских институтов и национальных компаний для проведения разработок в области ГМ семян, а также ведутся дискуссии по ускорению процесса утверждения некоторых биотехнологических культур для коммерческого использования [10].

В ЕС к числу последних нововведений в области регулирования рынка относится Директива, позволяющая странам-членам запрещать в одностороннем порядке выращивание ГМ-культур на территории своей страны в ненаучных целях и предложения внести запрет на законодательном уровне относительно генной модификации сельскохозяйственных животных [9].

В заключение, следует подвести следующие выводы.

Мировой рынок сельскохозяйственных товаров, произведенных с применением биотехнологий, начал формироваться в середине 90-х гг. и за это время культивация ГМ культур расширилась, охватив территорию 28 государств, где лидером по площади ГМ посевов остаются США, а большинство стран (2/3) являются развивающимися. При этом в большинстве развитых стран производство ГМ товаров запрещено, что объясняется скептицизмом и научно-обоснованным недоверием к новым технологиям в ЕС, а также в России. Следует отметить, что 24 июня 2016 г. Государственная Дума приняла законопроект, запрещающий выращивание и разведение на территории страны ГМ растений и животных, за исключением проведения научно-исследовательской деятельности. Несмотря на то, что импорт и экспорт ГМ культур был запрещён ранее, данный закон расширил спектр полномочий государственных органов и закрепил штрафы [1].

Используемые ГМ семена обладают более чем одним заданным свойством, на долю которых приходится 28% полученного генномодифицированного урожая.

Структура мировых ГМ посевов также претерпела изменения по сравнению с 2000 г. в сторону увеличения посевных площадей, используемых под культивацию хлопка и кукурузы, но сократились посевы сои и рапса в мире, что говорит о перераспределении использования культур в продовольственных и непродовольственных секторах мировой экономики.

На десятку крупнейших производителей приходится 98% мировой площади, засеянной ГМ культурами. Однако в ближайшей перспективе увеличится доля посевов в Китае, Бразилии и ЮАР. В частности, в силу того, что бразильское правительство упрощает государственную процедуру выдачи разрешений на использование новых ГМ культур, то это, безусловно, будет способствовать росту рынка в этой стране. Китай инвестирует значительные средства в НИОКР, о чём говорит государственная программа, запущенная в 2008 г., целью которой стало развитие биотехнологий в стране. Сделка со швейцарской компанией Syngenta позволит

■ Современные технологии и международные отношения

ChemChina получить доступ к обширному портфелю коммерциализированных ГМ культур.

Это событие по своему масштабу может быть сравнимо только с решением Министерства сельского хозяйства США на разрешение использования в коммерческих масштабах генномодифицированных сельскохозяйственных животных, что не может не повлиять на мировой рынок сельскохозяйственных товаров.

Несмотря на оптимистичные прогнозы аналитики из ISAAA о дальнейшем росте рынка и

площадей ГМ культур, в 2015 г. темп прироста рынка впервые за 20 лет замедлился, а в ряде стран, перспективных для внедрения ГМ товаров, таких как Куба, наблюдается тенденция к развитию органического сельского хозяйства [13]. Это говорит о том, что возможно рынок аграрной биотехнологической продукции сократится, что выглядит достаточно реалистично в условиях появления новых технологических решений в области производства сельскохозяйственных товаров.

Список литературы

1. Госдума ввела запрет на выращивание и разведение ГМО в России [Электронный ресурс] // РИА Новости. 24.06.2016. Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20160624/1450807346.html> (дата обращения 29.06.2016)
2. Комплексная программа по развитию биотехнологий в Российской Федерации до 2020 года (БИО 2020) [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. 24.04.2012. С. 120. Режим доступа: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/2c9d7d804b0988f09b2a9ba338dd8a95/biotechdevelopcomprog_2020.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=2c9d7d804b0988f09b2a9ba338dd8a95 (дата обращения 30.05.2016)
3. Правительства РФ от 14.07.2012 N 717 (ред. от 19.12.2014) «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». 2012. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133795/ (дата обращения 30.05.2016)
4. Ревенко Л.С. Мировой рынок продовольствия в эпоху «генной» революции. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2003. 302 с.
5. Ревенко Л.С. Мировой рынок продовольствия на современном этапе: дис. д-ра эк. наук. Моск. гос. институт межд. отношений, Москва. 2003, 406 с.
6. Ревенко Л.С. Мировые товарные рынки: тенденции XXI века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2015. Выпуск 3. С. 27-45.
7. Уолкер, Шерон. Биотехнология без тайн: путеводитель / Ш. Уолкер; [пер. с англ. и ред. И. В. Серегина и А. Д. Кожевниковой]. Москва : Эксмо, 2008. 334 с.
8. Agricultural Biotechnology Market - Global Industry Analysis, Size, Share, Growth, Trends and Forecast, 2013 – 2019 // Transparency Market Research. – P. 83. 2014. Mode of access: <http://www.transparencymarketresearch.com/pressrelease/asia-pacific-condiments-sauces-industry.htm>
9. AquAdvantage Salmon Approval Letter and Appendix // U.S. Food and Drug Administration. 19.11.2015. Mode of access: <http://www.fda.gov/AnimalVeterinary/DevelopmentApprovalProcess/GeneticEngineering/GeneticallyEngineeredAnimals/ucm466214.htm> (Дата обращения: 30.05.2016)
10. China. Agricultural Biotechnology Annual / GAIN Report. 31.12.2014. P. 5. Mode of access: http://gain.fas.usda.gov/Recent%20GAIN%20Publications/Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Beijing_China%20-%20Peoples%20Republic%20of_12-31-2014.pdf (дата обращения 30.05.2016)
11. Dorin B., Hourcade J.-Ch., Benoit-Cattin M. A World without Farmers? The Lewis Path Revisited. 2013. URL: <http://www2.centre-cired.fr/IMG/pdf/CIREDP-201347.pdf> (Дата обращения 29.06.2016)
12. EU-28. Agricultural Biotechnology Annual // GAIN REPORT. USDA Foreign Agricultural Service. 23.07.2015. Mode of access: http://gain.fas.usda.gov/Recent%20GAIN%20Publications/Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Paris_EU-28_7-23-2015.pdf (Дата обращения 30.05.2016)
13. James C. Briefs Global Status of Commercialized Biotech/GM Crops: 2015. Executive Summary. ISAAA Resources Publications. 2015. Mode of access: <http://www.isaaa.org/resources/publications/briefs/51/executivesummary/default.asp> (дата обращения 30.05.2016)
14. Matyushenko I., Buntov I. Prospects on bio-economy development: biotechnology in agriculture and environmental Safety on the basis of NBIC-technologies // Acta Innovations. 2015. P. 41-47. URL: http://www.proakademia.eu/gfx/baza_wiedzy/312/nr_17_41_47.pdf
15. Russia. Agricultural Biotechnology Annual. GAIN Report // USDA Foreign Agricultural Service. Washington. USA. P. 25. 2015. Mode of access: http://gain.fas.usda.gov/Recent%20GAIN%20Publications/Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Moscow_Russian%20Federation_7-9-2015.pdf (дата обращения 30.05.2016)

16. Syngenta Agrees to \$43 Billion ChemChina Takeover // The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. 03.02.2016. Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/chemchina-offers-more-than-43-billion-for-syngenta-1454480529> (дата обращения 30.05.2016)

Об авторе

Школяренко Анна Михайловна – аспирантка кафедры международных экономических отношений и внешних экономических связей (МЭО и ВЭС) МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра стратегических исследований в области энергетики МГИМО МИД России. Email: anatalondon01@gmail.com.

THE CURRENT DEVELOPMENTS OF AGRICULTURAL BIOTECHNOLOGIES MARKET

A.M. Shkolyarenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Population growth in the context of limited land resources makes the global scientific society research new ways to increase the agricultural yields. Over the past 20 years, biotechnology and GM crops have become widely spread and now are cultivated in 28 countries. The total area of crops has tripled, and it suggests the further vertical and horizontal integration in short term. In 2015, the US Department of Agriculture authorized the commercial use of GM farm animals.*

The development of agricultural biotechnology market is constrained by opponents of GM crops in more than 160 countries, which include Russia and the European Union, where the production of GM crops is banned due to economic, ethical, ideological and biological reasons. Currently, the EU is seeking to reduce the imports of GM crops and products; Russia's GM imports and exports are prohibited, and the deadline of designing a consolidated position on agricultural biotechnology has been moved to 2017.

The author seeks to analyze the volume of production and international trade of agricultural products based on biotechnologies and to describe the main trends in the global market, which could be integrated into the food value chain in Russia. In the context of the worsening economic indicators, the article proposes the possibility of extending the use of GM crops in Russia non-food sector.

Key words: agriculture, world market of agricultural technology, research and development, bio-economy, high technology, technological wave.

References

1. Gosduma vvela zapret na vyrashhivanie i razvedenie GMO v Rossii [The State Duma has introduced a ban on the cultivation and breeding of GMOs in Russia] [Elektronnyj resurs] [Electronic resource]. RIA Novosti. 06/24/2016. Available at: <http://ria.ru/economy/20160624/1450807346.html> (reference date 29/06/2016) (Accessed: 29.06.2016)
2. Kompleksnaja programma po razvitiju biotekhnologij v Rossijskoj Federacii do 2020 goda (BIO 2020) [The comprehensive program for the development of biotechnology in the Russian Federation until 2020]. Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii [The Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. 24.04.2012. Available at: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/2c9d7d804b0988f09b2a9ba338dd8a95/biotechdevelopcomprog_2020.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=2c9d7d804b0988f09b2a9ba338dd8a95 (Accessed: 30.05.2016)
3. Pravitel'stvo RF ot 14.07.2012 N 717 [The Government of the Russian Federation from 14.07.2012 N 717] (red. ot 19.12.2014) [as amended on 12.19.2014] «O Gosudarstvennoj programme razvitija sel'skogo hozjajstva i regulirovanija rynkov sel'skohozjajstvennoj produkcii, syr'ja i prodovol'stviya na 2013 - 2020 gody» [On State program of agricultural development and regulation of agricultural products, raw materials and food for the 2013 – 2020] Spravochno-pravovaja sistema [Reference legal system] «Konsul'tant Pljus». 2012. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133795/ (Accessed 30.05.2016)
4. Revenko L.S. Mirovoj rynek prodovol'stviya v jepohu «gennoj» revoljucii. [The global food market in the era of "gene" revolution]. Moscow: ZAO «Izdatel'stvo «Jekonomika», 2003. 302 p.

■ Современные технологии и международные отношения

5. Revenko L.S. Mirovye tovarnye rynki: tendentsii XXI veka [World commodity markets: XXI century trends]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika. - Bulletin of the Sankt-Petersburg university. Iss. 5. Economics. 2015, no. 3, pp. 27-45 (In Russian).
6. Revenko L.S. Mirovoj rynek prodovol'stvija na sovremennom jetape [The world food market at the present stage]: dis. d-ra jek. nauk. [Doctoral dissertation]. Mosk. gos. institut mezhd. otnoshenij [Moscow state institute of foreign relations], Moscow: 2003. 406 p.
7. Uolker, Sheron. [Walker Sheron] Biotehnologija bez tajn : putevoditel' [Biotechnology: no secrets]. [English translation by I. V. Seregina i A. D. Kozhevnikovoj] Moscow: Jeksmo, 2008. 334 p.
8. Agricultural Biotechnology Market - Global Industry Analysis, Size, Share, Growth, Trends and Forecast, 2013 – 2019. *Transparency Market Research*. 2014. P.83. Mode of access: <http://www.transparencymarketresearch.com/pressrelease/asia-pacific-condiments-sauces-industry.htm> (Accessed: 30.05.2016)
9. AquAdvantage Salmon Approval Letter and Appendix. *U.S. Food and Drug Administration*. 19.11.2015. Mode of access: <http://www.fda.gov/AnimalVeterinary/DevelopmentApprovalProcess/GeneticEngineering/GeneticallyEngineeredAnimals/ucm466214.htm> (Accessed: 30.05.2016)
10. China. Agricultural Biotechnology Annual GAIN Report. 31.12.2014. P. 5. Mode of access: http://gain.fas.usda.gov/Recent%20GAIN%20Publications/Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Beijing_China%20-%20Peoples%20Republic%20of_12-31-2014.pdf (Accessed: 30.05.2016)
11. Dorin B., Hourcade J.-Ch., Benoit-Cattin M. A World without Farmers? The Lewis Path Revisited. 2013. URL: <http://www2.centre-cired.fr/IMG/pdf/CIREDP-201347.pdf> (Accessed: 30.05.2016)
12. EU-28. Agricultural Biotechnology Annual. *GAIN REPORT*. USDA Foreign Agricultural Service. 23.07.2015. Mode of access: http://gain.fas.usda.gov/Recent%20GAIN%20Publications/Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Paris_EU-28_7-23-2015.pdf (Accessed: 30.05.2016)
13. Matyushenko I., Buntov I. Prospects on bio-economy development: biotechnology in agriculture and environmental Safety on the basis of NBIC-technologies. *Acta Innovations*. 2015. P. 41-47. URL: http://www.proakademia.eu/gfx/baza_wiedzy/312/nr_17_41_47.pdf
14. James C. Briefs Global Status of Commercialized Biotech/GM Crops: 2015. Executive Summary. ISAAA Resources Publications. 2015. Mode of access: <http://www.isaaa.org/resources/publications/briefs/51/executivesummary/default.asp> (Accessed: 30.05.2016)
15. Russia. Agricultural Biotechnology Annual. GAIN Report. USDA Foreign Agricultural Service. Washington. USA. P. 25. 2015. Mode of access: http://gain.fas.usda.gov/Recent%20GAIN%20Publications/Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Moscow_Russian%20Federation_7-9-2015.pdf (Accessed: 30.05.2016)
16. Syngenta Agrees to \$43 Billion ChemChina Takeover. The Wall Street Journal [Jelektronnyj resurs]. 03.02.2016. Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/chemchina-offers-more-than-43-billion-for-syngenta-1454480529> (Accessed: 30.05.2016)

About the author

Anna M. Shkolyarenko – post-graduate student of the Department of International Economic Relations and External Economic Ties, MGIMO (University), scientific fellow at the Center for Strategic Studies in Energy sector, MGIMO (University). Email: anutalondon01@gmail.com.

СССР В ДОНЕСЕНИЯХ ИТАЛЬЯНСКИХ ДИПЛОМАТОВ (1924-1941 гг.)

О.В. Дубровина

Университет Модены и Реджо Эмилии. Департамент Лингвистических и культурологических исследований. Италия, Модена, 41121, пл. Сант Эуфемия, 19.

В статье анализируются донесения итальянских дипломатов, работавших в СССР в межвоенный период. На основе неопубликованных источников делается попытка объяснить решение Муссолини вступить в войну против СССР в 1941 г. Как исторический источник дипломатические сообщения, с одной стороны, представляют собой богатый материал о различных аспектах жизни СССР, увиденной глазами иностранцев и представленной ими в наиболее подробной и исчерпывающей форме. С другой стороны, субъективный характер донесений предполагает критический подход к оценкам и суждениям итальянских дипломатов. Тем не менее, несмотря на очевидную узость их информационной базы, необходимо учитывать значимость дипломатических донесений и рассматривать дипломатические каналы как один из многочисленных факторов в определении внешнеполитического курса фашистской Италии. В статье рассмотрены два аспекта наблюдаемой итальянцами советской реальности: общественные настроения, а также национальный менталитет русских. Качественная характеристика обоих феноменов легла в основу сделанных дипломатами выводов о нестабильности советской власти и её неминуемой гибели в случае внешнего вторжения.

Ключевые слова: итальянская дипломатия, коммунизм и фашизм, межвоенный период, имагология, образ врага, советская реальность, национальный характер, общественные настроения.

С момента установления официальных отношений между Италией и СССР на основе Договора о торговле и мореплавании от 7 февраля 1921 года [4, с. 41] официальные представители были направлены в столицы обоих государств. 25 февраля первый посол Италии в СССР Гаэтано Ди Мандзони вручил свои верительные грамоты, а через месяц в Рим прибыл первый полпред СССР в Италии К.К. Юренев [5, с. 13]. СССР, одна из основных стран, с которыми Италия поддерживала тесные экономические отношения, был для последней в некотором смысле «дружественным врагом». Если внешне оба правительства заявляли о неприемлемости политических режимов друг друга, то в области торговых обменов и *real politik* часто находили точки соприкосновения, что позволяло им как минимум до 1936 г. (с начала гражданской войны в Испании) не вступать в открытое противостояние и ограничивать баталии обменом резкими репликами на страницах национальной прессы. Значительная роль СССР в экономике Италии как поставщика сырья, так и ёмкого рынка сбыта для её промышленной продукции предопределила повышенный интерес руководства сначала либеральной, а затем, с 1922 г., и фашистской Италии к внутренней ситуации в России, столь резко изменившейся с 1917 г. направление своего исторического пути. Непредсказуемость внутреннего развития молодого советского государства, жёсткая борьба различных политических группировок, неожиданные решения в области экономической политики (от военного коммунизма к НЭПу, от НЭПа к коллективизации и индустриализации) и, наконец, постепенный переход от декларируемого режима народной демократии к тоталитаризму требовали от правительства Италии постоянного внимания, чтобы иметь ясное представление о текущем моменте и успевать выработать собственную позицию. Дипломатическая служба была одним из немногих доступных итальянцам каналов сбора информации о СССР. О значении дипломатических донесений из Москвы говорит личный интерес Муссолини¹, который собственноручно оставлял на них карандашные пометки.

В предлагаемой читателю статье мы постараемся проследить по донесениям итальянских дипломатов интересовавшие их политические вопросы, а также проанализировать их оценки различных сторон жизни советского общества. Особое внимание в работе будет уделено вопросу об объективности суждений и степени их возможного влияния на выбор внешнеполитической линии итальянского фашизма. Хронологически статья охватывает период с 1924 г. (установление официальных дипломатических итало-советских отношений) по 1941 г. (разрыв

отношений, связанный со вступлением Италии в войну против СССР).

Источники и историография. Основная часть дипломатических документов хранится в Историко-дипломатическом архиве Министерства иностранных дел Италии в Риме (далее — ASD MAE). Небольшая часть разрозненных материалов встречается также в фондах Государственного центрального архива Рима. Некоторые доклады итальянских дипломатов, посвященные голоду на Украине в начале 30-х гг., были опубликованы и вошли в сборник под редакцией А. Гразиози [35], а также в качестве приложения к статье Дж. Петракки *L'Urss senza miti: la visione diplomatica* [49].

Донесения содержат различного рода информацию, начиная с подробных отчетов о съездах РКП(б) и заканчивая описанием бытовых сторон жизни советского общества, составленных на основе поездок самих дипломатов по территории СССР, а также на основе собранных ими данных среди своих соотечественников, оставшихся в советской России после Октябрьской революции. До настоящего момента российские историки не работали с этим архивным собранием, которое, однако, уже было в прошлом предметом исторического анализа таких итальянских исследователей, как А. Гразиози [34], Дж. Петракки [45, 46, 47, 48] и А. Аккаттоли [6]. Итальянские историки составили подробное описание хранящихся в фонде документов и провели их содержательный анализ с целью изучения дипломатических отношений между Россией и Италией [45, 46], реконструкции политического процесса в СССР [49], голода на Украине в начале 30-х гг. [34], истории русской эмиграции в Италии, советско-итальянских культурных связей и культурной жизни в СССР по официальной информации и личным впечатлениям итальянских дипломатов [6].

Основным источником информации для посольств служила советская печать, к анализу которой итальянские дипломаты относились осторожно и старались отделить достоверную информацию от пропаганды. Дипломаты пользовались также сетью секретных агентов среди местного населения и старались по возможности сами присутствовать на событиях особой важности. Ограниченные возможности доступа к информации толкали иностранных дипломатов к более тесному сотрудничеству с другими посольствами для получения и обмена новостями о внутренней жизни в СССР. Сложность в получении полной и достоверной информации объяснялась и географическим расположением итальянских консульств, покрывавших своей сетью лишь европейскую часть СССР.

Среди «русских бумаг» фонда «Политические дела» архива ASD MAE содержится целый ряд донесений, отправленных итальянскими

¹ Муссолини исполнял обязанности министра иностранных дел в периоды с 1922 по 1929 гг. и с 1932 по 1936 гг..

консулами в московское посольство из Ленинграда, Одессы, Харькова, Киева, Батуми, Новороссийска и Тбилиси. В результате деятельности этих дипломатических представительств сохранилось большое собрание исторических документов, которые представляют научный интерес ещё и потому, что дипломаты могли относительно свободно перемещаться по территории СССР вдали от политического центра [47, р.338].

Характеризуя дипломатические донесения как исторический источник, прежде всего, необходимо упомянуть о специфике работы итальянских дипломатов в Москве, наложившей значительный отпечаток на составляемые ими донесения. Ограниченность доступа к информации, как очевидно, влияла на качественную и количественную стороны полученных сведений. Однако дипломаты находили различные способы обойти создававшиеся советскими властями преграды на пути к получению интересующей их информации и компенсировать недостаток легальных средств. Критический подход к анализу статистических данных, сопоставление различных источников информации, подробное изучение советского законодательства, мониторинг официальной прессы и неусыпное внимание к деятельности антисталинской оппозиции — все эти действия были так или иначе направлены на получение как можно более полной информации о СССР и составление исчерпывающих отчётов о реальном положении дел в стране.

Здесь возникает очевидный вопрос о степени достоверности дипломатических каналов и их свободы от возможных ведомственных ограничений. В том, что дипломаты ощущали на себе груз ответственности, невозможно сомневаться, так как Муссолини лично прочитывал донесения из Москвы. Разумеется, подобное повышенное внимание сказывалось на манере излагать полученную информацию. Можно предположить, что и фашистская идеология оказывала определённое влияние на оценку итальянских дипломатов ситуации в СССР, и всё же, как представляется, некоторым авторам донесений удалось преодолеть границы идеологической матрицы и высказывать адекватные суждения, соответствующие реальности. Необходимо также учесть менталитет работавших в СССР итальянских дипломатов, их принадлежность к элитарным слоям политического истеблишмента, несущего на себе сознание собственной исключительности и отличия от других функционеров фашистского режима [48, с. 190-191]. Их суждения о советской действительности во многом были обусловлены их социально-культурным происхождением.

Тематический спектр. Тематика донесений свидетельствует о широте интереса итальянских дипломатов к советской действительности, привлекавшей их внимание в самых различных своих проявлениях: политика, экономика, культура, спорт, официальные праздники, религия, партийное строительство, транспорт,

вооружение, социальные отношения, законодательство и т.д.

Каждый период отличался определенным набором «горячих» тем, привлекавших пристальное внимание дипломатов. Так, например, после смерти В.И. Ленина в 1924 г. донесения почти полностью посвящались внутрипартийной борьбе; конец 20-х гг. был ознаменован началом реализации первой пятилетки. Донесения начала 30-х гг. передавали подробное описание голода на Украине и на Северном Кавказе с попытками анализа причинно-следственных связей на основе сведений, полученных из различных источников внутри страны.

Особый интерес у итальянских дипломатов вызывали политические процессы в СССР. Черрути пытался заглянуть «за занавес» советской пропаганды и выяснить настоящую причину политических обвинений. «Обширный материал, опубликованный за последние годы о саботаже, не является достаточно убедительным, а скорее наводит на мысль, что под вывеской «саботажа» пытаются скрыть технические ошибки, административные промахи, недосмотр управленческих и координирующих структур, а также излишнюю бюрократию» [23]. Другое объяснение политическим процессам и многочисленным обвинениям в саботаже было предложено итальянским консулом в Харькове Градениго: «Не стоит исключать того, что, как обычно, на спинах бедных невинных людей строится воображаемый замок из заговоров и т. д. Этот метод используется для доказательства крайней необходимости в деятельности ГПУ в целях гарантии единства государства» [31]. По мнению Аттолико, «жесткие меры, аресты и депортации» были связаны с недовольством, спровоцированным плохими урожаями. Таким образом, итальянские дипломаты интерпретировали громкие политические процессы и множество других приговоров как проявление слабости режима, находившегося в лихорадочном поиске виновных.

Значительную часть донесений итальянских дипломатов занимал процесс строительства социализма и связанные с ним проблемы коллективизации и реализации пятилетних планов. Особый интерес привлекала политика советского правительства в отношении многочисленного крестьянства. После того как итальянцы сделали вывод о том, что в российской деревне, а точнее в экспорте сельскохозяйственной продукции, сосредоточен основной источник промышленного роста, они начали пристально следить за мерами советского правительства по отношению к крестьянству. Наблюдая за коллективизацией на подотчётных им территориях, итальянские консулы в Харькове и Тбилиси были убеждены в ответственности советского правительства за разразившийся голод на Украине, Северном Кавказе и Поволжье. Соппротивление крестьян вызвало реакцию центра, спровоцировавшего, по мнению итальянских дипломатов, миллионы

смертных случаев от голода и инфекционных заболеваний [34, с. 30].

Большое количество донесений посвящено условиям работы и жизни рабочих, что доказывает особый интерес фашизма к социальным проблемам рабочего класса и их решению в СССР. В отчётах затрагиваются различные аспекты жизни советских рабочих: режим работы, зарплата, особенности потребления, свободное время, жилищные условия и т.д. В частности, особое внимание было уделено стахановскому движению и его негативным последствиям для личной и профессиональной жизни простых рабочих.

Мы проведём анализ двух сквозных тем, получивших наибольшее развитие на страницах дипломатических донесений и способствовавших созданию среди итальянцев образа Советского Союза: отношение к режиму широких слоёв населения и менталитет русского народа. Выбор именно этих двух тем объясняется в том числе и отсутствием их освещения в современной историографии. Основное внимание итальянских историков привлекали, главным образом, политические и экономические аспекты СССР, нашедшие свое отражение в донесениях дипломатов.

Общественные настроения. Одной из задач итальянских дипломатов, работавших в Москве, было изучение общественных настроений в СССР в целом и отношения населения к советскому режиму, в частности. Этот аспект привлекал дипломатов по разным причинам. В первую очередь, они считали, что позитивное мнение населения о строе укрепляло стабильность режима и отражало прочность поддержки действующей власти со стороны народных масс. В данном случае можно предположить существование некой конкуренции между тоталитарными режимами в сфере борьбы за массовый консенсус и поиска мер для его формирования. Наконец, анализ народной поддержки режима давал возможность предсказать реакцию населения на возможную войну против СССР и готовность сражаться за коммунистический режим.

Критическое отношение к большевистскому режиму было зафиксировано дипломатами среди всех категорий населения, начиная с крестьян и заканчивая студентами и даже партийными работниками. Вернувшись из СССР, итальянский ученый Л. Бизео отправил в МИД Италии свой отчёт о положении крестьянства в СССР и его отношении к центральной власти. «В целом необходимо подчеркнуть, что крестьяне глубоко ненавидят советское правительство. Если по какой бы то ни было причине правительство окажется в сложной ситуации, оно не сможет рассчитывать на поддержку деревни» [22].

Что же касается рабочих, то, по мнению дипломатов, советское правительство рассмат-

ривало их как силу, способную совершить политический переворот, поэтому старалось удовлетворить их требования и обеспечить им необходимый минимум средств для достойного существования. Однако, несмотря на политику сдерживания, даже рабочие проявляли признаки недовольства. Из итальянского посольства в Хельсинки в МИД приходили новости из «различных источников» о размахе рабочих движений: «Широкое распространение волнений даже среди промышленных рабочих и угроза всеобщей забастовки, способной остановить нормальное течение жизни в основных производственных центрах, позволяют предположить в недалеком будущем повсеместное обострение экономического кризиса» [54]. Тем не менее, к середине 30-х гг. сообщения о выступлениях рабочих постепенно исчезают со страниц докладов итальянских дипломатов. Последние полагали, что все проявления недовольства на корню подавлялись советскими службами безопасности.

Среди документов ASD MAE хранятся отчеты с описанием студенческих волнений. В 1933 году консул в Харькове отправил в посольство доклад, посвящённый недовольству в университетских кругах. «Критика правительства стала нормальным явлением среди студентов, которые, как представляется, разочаровались и даже начали выражать антибольшевистские взгляды или, во всяком случае, вступили на этот путь. Молодёжь, на которую правительство возлагает наибольшие надежды, начинает проявлять недовольство и открыто высказывает критику в адрес властей. Это позволяет предвидеть интересное развитие событий в будущем» [32]. Студенческие волнения, согласно дипломатическим донесениям, основанным на непроверенной информации², часто получали поддержку со стороны военных, не желавших работать в колхозах. Они были вынуждены замещать на полевых работах крестьян, оказывавших пассивное сопротивление политике коллективизации.

По сведениям итальянских дипломатов, в военных кругах недовольство проявлялось как на уровне рядовых военнослужащих, так и среди командного состава. Высшие военные чины обвиняли Политбюро в неспособности к управлению и сомневались в том, что находившаяся под его руководством страна сможет победить в войне в случае внезапного нападения. «Наибольшее недовольство охватило военные круги, многие члены которых были фанатично преданны делу построения коммунизма, однако при этом не были интернационалистами. Наоборот, будучи радикальными патриотами, они возмущались засильем “иностранцев” (грузин, армян и евреев) в правительстве, а также тем, что они не только единолично правят страной, но и ведут её, как они считали, к краху. В этих кругах утверждают, что вследствие катастрофической

² Вероятно, именно этим объясняется использование всех глаголов в условном наклонении, которое в русском переводе можно было бы передать частицами «якобы», «вроде бы».

экономической и финансовой ситуации и упадка морального духа населения, способность страны к сопротивлению как в материальном смысле, так и, в ещё большей степени, нравственном, значительно уменьшилась. Они считают, что если политическая линия руководства радикально не изменится, то страна не выживет в условиях возможной войны» [12].

Солдаты-призывники также, согласно поступавшим в итальянское посольство сведениям, проявляли недоверие и неуважение по отношению к большевистской власти. В конце 30-х гг. Черрути сообщал итальянскому правительству об актах неповиновения, распространенных в советской армии. Солдаты часто отказывались стрелять в крестьян, принимавших участие в мятежах, а также тайно исполняли сатирические куплеты политического содержания.

Недовольство советским режимом было распространено и в рядах самой коммунистической партии. Помимо участников оппозиции, за составом и программой которой пристально следили итальянские дипломаты и посылали подробные отчёты в Рим, в сфере их внимания оказывались и члены партии просталинской ориентации, их настроения и критические высказывания. Руководитель ленинградского консульства писал в посольство в Москве: «Недовольство, затаённое в рядах партии, берет свое начало не только в разнице идеологических позиций различных Советов и взаимной неприязни их членов, но и в общей кризисной ситуации. Не только резко упал прожиточный минимум, но и развеялся миф об отсутствии безработицы» [42].

Возрастающее напряжение в широких слоях населения, по мнению итальянских дипломатов, обуславливалось несколькими причинами. Наибольшее влияние оказывало состояние экономики. Если в 1924 г. Мандзони сообщал в Рим, что «основные причины трудностей, раздражённости и недовольства, создающих беспокойную обстановку в стране, были экономического характера» [37], то и спустя восемь лет ситуация нисколько не изменилась. Об этом свидетельствовал Аттолико, сообщавший в Рим об «ужасных» условиях жизни местного населения, «опустившегося до уровня бедности 1921 года. Протесты и жалобы отныне стали нормальным каждодневным явлением. Бесконечный поток рабочих рук из деревни в город и обратно объясняется отчаянным поиском «чего-то лучше» [16]. В отчётах дипломатов содержится также информация о нехватке продуктов питания и недовольстве, вызванном бесконечными очередями в полупустых магазинах. В 1929 году итальянский консул в Ленинграде писал: «Продолжает сохраняться критическая ситуация, сложившаяся в результате нехватки продуктов питания и товаров первой необходимости. Общее моральное состояние очень подавленное: недостаток продуктов объясняется тем, что большая часть населения без какой бы

то ни было веской причины делает запасы на недели и месяцы вперед» [21]. Недовольство среди рабочих было вызвано невыплатой заработной платы и задержкой в распределении карточек на продукты питания, которые, по их мнению, им причитались как представителям победившего класса. Бедственное положение крестьян со временем всё ухудшалось вследствие проводимой правительством политики в деревне, направленной на изъятие как можно большего количества сельскохозяйственных продуктов при неэквивалентном обмене: закупки по низким ценам, отсутствие промышленных товаров широкого потребления, низкое качество сельскохозяйственной техники и т. д.

Национальность руководящих кадров (по сведениям дипломатов, широкие массы населения были убеждены в засилье евреев в верхних эшелонах власти) также давала поводы для недовольства. Большинство итальянских дипломатов были убеждены в глубокой неприязни русского народа по отношению к евреям. Население раздражала не только «иностранность» советских руководителей, но и их роскошный стиль жизни: «Повсюду царит глубокое недовольство режимом, выражающееся в забастовках и волнениях, вспыхивающих в различных регионах Союза, а также в тайных разговорах, направленных против “хозяев” и подслушанных даже на похоронах жены Сталина» [9].

Негативные настроения среди населения были спровоцированы и особым отношением советского правительства к иностранцам: дипломатам, техническим специалистам, западноевропейским коммунистам. Градениго писал в Рим о зависти, с которой местное население смотрело на иностранцев: «Помпезность и роскошь, с которой советское правительство обходится с иностранцами, воспринималось неместными, неоправданными, противоречащими коммунистической доктрине. Эти настроения, пропитанные ксенофобией, имели в своей основе политический подтекст. Говорят, что так было и при царях, и поэтому новое правительство в Москве не лучше прежнего» [33].

Наконец, дипломаты считали, что деятельность ГПУ также вносила свой вклад в создание взрывоопасной атмосферы в советском обществе. В отличие от 30-х гг., когда деятельность ГПУ стала ассоциироваться в широких слоях общества с террором, в 20-е гг. этот орган еще только «беспокоил» население и вызывал в нём, по мнению итальянцев, лишь раздражение: «[...] среди населения слышится ропот недовольства ГПУ из-за его излишней репрессивной деятельности» [38].

Недовольство выражалось по-разному, начиная с наиболее распространённых форм протеста среди рабочих – забастовки и демонстрации, и заканчивая сопротивлением крестьян, перешёптыванием украдкой в очередях, в ночных поездках и рассказами анекдотов с политическим подтекстом.

Самое решительное сопротивление, по мнению итальянских дипломатов, было оказано крестьянами. Наибольшее распространение получили уход с прежних земельных участков и отказ вступать в колхозы, полностью контролируемые государством. Эта позиция крестьян позволила заместителю консула в Новороссийске Л. Сиркана поставить под сомнение мысль о безработице в России. Он предложил другую формулировку: «незадействованность рабочей силы», которую, как он считал, необходимо было рассматривать «как одно из проявлений недовольства и пассивного сопротивления населения, а не как нехватку рабочих мест как таковую» [53].

Среди «русских бумаг» встречаются и доклады об убийствах чиновников и коммунистических пропагандистов, отправлявшихся в деревню с целью убедить сельских жителей в необходимости выполнять спущенные сверху планы по сбору урожая. «По слухам, крестьяне этих регионов (Черноземье и Воронеж), в прошлом зажиточные, а сейчас страдающие от голода, убили руководителей местных партакеек и приступили к переделу земельных наделов. Это явление было типичным для всех крестьянских бунтов в России с древнейших времен» [18].

Что же касается рабочих, то, несмотря на заявления советского правительства о победе пролетариата и его безоговорочной поддержке властей, в 20-30-е гг. в СССР были отмечены демонстрациями и забастовками, организованными самими рабочими для выражения несогласия с тяжёлыми условиями жизни и требования их скорейшего улучшения. Ошибаясь в своих прогнозах о политическом развитии СССР, Черрути видел в забастовках начало процесса обновления страны, первые волеизъявления рабочих, направленные на освобождение от коммунистической власти: «В Киеве вследствие волнений, зафиксированных в рабочих районах, были арестованы несколько рабочих, однако они были быстро отпущены на свободу благодаря демонстрациям других рабочих в их поддержку. Незначительные сигналы, если хотите, однако они важны, так как до этого в жизни этой страны подобных прецедентов не возникало» [24].

Помимо традиционных форм протеста, характерных для рабочего класса, советские рабочие прибегали и к организации беспорядков. Так, в 1932 году Аттолико сообщал в Рим о «кровавых происшествиях», имевших место в промышленном текстильном районе Иваново-Вознесенска. Сокращение хлебного пайка при «отсутствии других средств к существованию усилило возмущение рабочих, которые, оставив свои рабочие места на фабриках, захватили зерновые хранилища» [13]. Усиливающийся страх перед силами правопорядка привел к тому, что выражение недовольства среди рабочих начало принимать завуалированные формы и проявлялось в частных беседах. Возвращаясь с работы в ночных поездах, рабочие выговаривались друг другу, жаловались на тяжелые условия жизни: «Как только поезд

отъезжает со станции, в целях экономии топлива в вагонах выключается свет. В темноте, и только в темноте, все начинают жаловаться на условия, в которых они вынуждены жить, несмотря на многочасовой изнурительный труд» [17].

В частной жизни недовольство проявлялось и в виде шуток и анекдотов, рассказанных шепотом из опасения быть услышанными агентами ГПУ. Консул в Ленинграде так описывал обстановку, в которой жило городское рабочее население в начале 30-х гг.: «Недовольство проявлялось лишь в редких случаях. Как правило, ГПУ подавляло своей железной рукой волнения на самой ранней стадии их зарождения. Критическое отношение населения проявлялось лишь в рассказываемых анекдотах и шутках о людях и политике режима, что, как известно, происходит и в других городах СССР. Так называемым «правом на шёпот» пользуются с большой осторожностью, боясь доноса в правоохранительные органы. Тем не менее, этот феномен относительно широко распространён» [43].

Очереди в магазинах также предоставляли удобную возможность высказаться и обменяться мнениями о сложившейся ситуации. «Вызывающие негативную реакцию населения «очереди», - писал в 1928 году Черрути, - представляют опасность для режима, так как в таком скоплении людской массы концентрируется общественное недовольство. Собравшийся перед магазином народ не может не обменяться мнениями о коммунистическом режиме, при этом не всегда совпадающими с правительственной линией. Запрет милиции на разговоры в очередях не привел к ожидаемому результату» [24].

Все эти выражения недовольства и очевидное отсутствие консенсуса среди широких масс населения в отношении советского режима давали основания итальянским представителям предполагать неминуемость гражданской войны или, как минимум, ожидание советским народом иностранной интервенции в надежде на освобождение с его помощью от большевистской власти. В 1928 году Кварони предсказывал очередную революцию, которая должна была положить конец советскому режиму: «Коммунисты чувствуют себя изолированными, в большинстве из них религиозный фанатизм прежних времен уступил место буржуазному желанию закрепить за собой своё нынешнее положение. Логично предположить, что с началом народного восстания коммунистический режим падет с ещё большей лёгкостью, чем царизм» [49].

Итальянские дипломаты не ожидали поддержки режима в случае начала войны даже со стороны рабочих: «В рабочих массах растёт недовольство. В них взрастили надежду на лучшее будущее. Сегодня же они отдают себе отчёт в том, что время идёт, а условия их жизни становятся день ото дня все хуже и хуже. Теперь они уже знают, что власти их обманывают, когда заявляют о плохих условиях жизни рабочих за границей. Они также не перестают повторять,

что во времена царя жилось лучше. Во многих случаях они открыто заявляют, что, если правительство вступит в войну, то они наотрез откажутся воевать» [51].

В 1932 году Аттолико передавал сведения, полученные им от своего соотечественника, проживавшего в Сибири с 1901 г. «В последнее время население Сибири взбудоражено мыслью о скором крахе большевизма. Конец режиму положит война, которая, как здесь говорится, должна начаться уже весной. Здесь также надеются, что японцы помогут в создании нового государства в Сибири, которое будет включать в себя территорию от Владивостока до Байкала» [14].

В данном случае можно предположить две вероятных причины близорукости итальянских дипломатов, доказанной последующими событиями. Во-первых, личная неприязнь к советскому режиму и большевистской власти накладывала отпечаток на анализ ситуации и придавала ему субъективный характер. Во-вторых, желание отличиться перед вышестоящими руководителями ведомства, написать ожидаемые ими отчёты о скором падении идеологического противника толкали на очевидные преувеличения, раздувание слухов и придание важности одним сведениям при одновременном замалчивании других.

Тем не менее, несмотря на все приведённые примеры недовольства, многие итальянские наблюдатели соглашались с мыслью о том, что ни одно из подобных проявлений недовольства против советского режима не представляло для него серьёзной опасности. В первой половине 20-х гг. ситуация в СССР казалась Мандзони настолько мирной и спокойной, что он не мог вообразить никакого протестного выступления со стороны победивших в результате революции и удовлетворивших свои потребности классов [39]. В 1926 году католический священник М. Д'Эрбиньи, прибывший в СССР с секретной миссией и имевший возможность тайно посетить различные советские города, по возвращении в Италию адресовал свой доклад в МИД: «Экономическая и финансовая ситуация всё больше ухудшается и, кажется, оставляет мало надежд на восстановление. Однако здесь не ждут новой революции, а скорее опасаются за начало внутренней борьбы на местах» [29]. Таким образом, спустя восемь лет со дня революции её даже самые непримиримые противники не предвидели скорого конца установившегося политического режима.

Ситуация во многом изменилась в 30-е гг. Однако перемены коснулись не степени надёжности режима, а причин его внутренней стабильности. Через капитана итальянского торгового судна, совершившего рейс в СССР, до посла Италии в Париже Мандзони дошли сведения от жителя СССР, описавшего катастрофическое положение советского населения: «В целом бедность среди населения растёт, так как все богатства присваиваются правительством с целью его

превращения в настоящие деньги: всё продаётся для покупки «валюты». Народ месяцами остаётся без чая, масла, сахара, мяса. Смерть людей никого не волнует. Реакции населения на такое положение не существует и нет даже слабого намека на нее» [40]. Таким образом, если для таинственного «жителя» СССР причина отсутствия сопротивления в народе лежит в условиях его жизни, которые лишали его воли, то, по мнению Кузимане, командира итальянского торгового судна, страх являлся силой, сковывающей действия народа: «Несмотря ни на что, в стране сохраняется спокойствие. Кажется, будто страх лишает русский народ возможности проявить минимальный протест, а привычка страдать облегчает само страдание» [28].

Своеобразную точку в этом вопросе поставил итальянский консул в Киеве, выразив в докладе 1935 г. своё мнение о способностях украинцев к организации восстания: «Принимая во внимание национальный характер и апатию украинского населения на фоне неусыпной слежки и глубоко укоренившегося в обществе доносительства, нельзя разумно предполагать существование высоконравственных лиц, способных к самопожертвованию и готовых организовать заговор и положить начало оппозиционному движению против существующего режима» [27].

Таким образом, среди итальянских дипломатов сформировалось мнение о распространённом в советском обществе недовольстве существующей властью, и даже в тех его слоях, которые должны были бы пользоваться всеми привилегиями победителей революции. Тем не менее, как среди рабочих, так и среди сельских жителей проявлялось критическое отношение к политике советского правительства, которое находило своё выражение в волнениях, забастовках, убийствах партийных деятелей и других антисоветских действиях. Несмотря на многочисленные протесты, положение советской власти, по мнению итальянских представителей, оставалось прочным и надёжным благодаря непрерывной работе служб национальной безопасности (ГПУ-ОГПУ-НКВД), а также установившейся атмосфере страха, доносительства и морально-психологической подавленности, характеризующей общественные настроения в сталинскую предвоенную эпоху. Стоит отметить, что во многом такое положение вещей итальянцы объясняли и особенностями менталитета русского народа.

Русский менталитет. Исполняя в СССР дипломатические обязанности, итальянские представители интересовались не только политическими и экономическими аспектами жизни страны, но и её народом, его национальным характером, особенностями самосознания, отражающими исторические и современные явления российской действительности. Однако некоторые черты русского народа были скорее позаимствованы из классической русской литературы, нежели выявлены в результате соб-

ственного опыта жизни среди местного населения. На эту мысль наводит нереальность и фантастическая преувеличенность некоторых характеристик, имеющих гораздо больше общего с описанием литературных персонажей, нежели живых людей и бытовых ситуаций. Некоторые явления привлекали внимание иностранцев из-за резкого отличия от их собственной национальной культуры, вызывая среди наблюдателей возмущение, а иногда и чувство превосходства над русским народом. Помимо попыток дать определение национальному русскому характеру, итальянские дипломаты старались ответить на избитые «вечные» вопросы о самобытности русского человека: Россия является частью западной или восточной культуры? Почему революция произошла именно в России? Умеют ли русские работать? Прежде чем изложить ответы итальянцев на перечисленные вопросы, попытаемся воссоздать систему образного ряда, состоящую из характеристик, которыми итальянские дипломаты наделяли русский (а точнее, советский) народ.

Все без исключения итальянцы подчеркивали в русских очевидную, как им казалось, особенность национального характера: терпение. Та же черта могла быть названа несколько иначе с добавлением различных смысловых оттенков: *терпимость* (tolleranza), *покорность* (remissività), *смирение* (rassegnazione). Смирение стало, пожалуй, наиболее стойким клише, закрепившимся в западной послереволюционной литературе, и с завидным постоянством перекочевывало из одного печатного произведения в другое.

Итальянцев поражали «терпение и выносливость русского народа», принимавшего различные формы. Уго Оттоленги, вернувшийся из своего путешествия в СССР в 1929 году, писал в своем докладе в МИД Италии: «Все настолько привыкло стоять в очередях для покупки товаров первой необходимости, что встают в очередь даже при входе в кинотеатр. Фольклорные игры для детей и взрослых также несут на себе отпечаток жесткой дисциплины. Человек латинского происхождения иногда с трудом может поверить в то, что им самим весело в них играть. Уличные очистительные машины могут облить водой пешеходов, но мне ни разу не приходилось наблюдать возмущение обрызганных людей» [44]. Та же кротость и смирение были замечены итальянскими дипломатами в разгар голода на Украине и на Северном Кавказе: «Мой осведомитель во время всего своего длительного путешествия не заметил в страдающих людях ни намёка на злобу и обиду: повсюду царил дух кроткого смирения перед неизбежным. Они говорят о своей близкой смерти, как о чём-то, что их напрямую не касается» [8]. Итальянцы подчёркивали, что большевики прекрасно знали об этой особенности характера русского народа и учитывали её при реализации своей экономической политики: «[...] не надо думать, что

советское правительство не знало, до какой степени оно могло пользоваться терпением народа: оно это прекрасно знало и пользовалось этим» [26]. Хотя Черрути и называл советского крестьянина «спокойным увальнем» (fanciullone pacifico), тем не менее, он полагал, что «и у него есть свой предел, и сложность в том и состоит, чтобы понять, когда он наступит» [25].

Ещё одной чертой русского народа, в определении которой сходились все итальянские дипломаты, была апатия и безразличие. «Вялый по своей природе», этот народ, как считал Черрути, никогда не сможет «реализовать в жизнь социалистическую теорию». «[...] самый пассивный, апатичный и потому легко управляемый народ, который можно только вообразить» [44], «медлительный», «безвольный и доведённый до животного состояния лишениями и причинённой ему болью» [30]. Прожив три года в СССР, Аттолико пришёл к заключению о том, что: «[...] женщины являются самым активным элементом этой бессильной нации» [15].

От темпераментных итальянских наблюдателей не могла укрыться грусть, свойственная, по их мнению, всем славянским народам. В своём докладе об организации празднований по случаю юбилея Октябрьской революции сотрудник информационного отдела итальянского МИД Берардис в почти поэтической форме описал характерный для русских фатализм: «В иной форме проявляются простота и покорность русского народа, ещё окончательно не сломенного пережитыми страданиями. Охваченный молодецким желанием забыться в песнях, музыке и развлечениях, он пытается сбросить свою славянскую грусть, навеванную тоскливым бытом, наполненным гнётом и притеснениями» [20].

Пессимизм также был одной из черт психологического портрета русского человека. Вице-консул в Новороссийске докладывал о «привычном психозе, распространённом в массах советского населения. Будучи по своей природе пессимистичными, русские сами себе желают страшных бедствий в надежде, что они приведут к изменению сложившейся ситуации» [52]. Благодаря всё тому же славянскому фатализму, по мнению Сиркана, крестьяне со смирением и спокойствием относились к смерти: «Крестьянин, заранее зная, что его приговорят к высшей мере наказания, с роковой невозмутимостью ожидает своей очереди. Подспорьем в этом ему служит дряблость и пассивность славянского менталитета. Разуверить его не удаётся ни кнутом, ни пряником» [52].

Итальянские дипломаты не обошли своим вниманием и уже набивший к тому времени оскомину вопрос о культурной принадлежности русской цивилизации. Все дипломатические представители сходились во мнении о том, что Россия была «глубоко азиатской» страной. Первым на этот счёт высказался Мандзони, введя в оборот выражение «жить по-русски» и дав ему следующее определение: «жить по-русски озна-

чает жить в достойном смирении. В этом есть что-то восточное, даже азиатское» [41].

Вероятно, скудные знания по истории и культуре России легли в основу утверждения некоторых итальянских наблюдателей о «тайном присутствии кочевого духа в русском народе» [53]. Именно эта национальная черта, по мнению некоторых дипломатов, наряду с комплексом других объективных факторов, объясняла распространённый среди советского населения феномен частой смены рабочих мест: «[...] рабочая сила, задействованная на фабриках, склонна к постоянным перемещениям, что происходит не только из-за врожденной тяги к кочевому образу жизни, что характерно для русского народа в целом, но и из-за тяжёлых условий быта рабочих, их плохого питания и ещё худшего размещения в бараках» [7].

Качества русских как работников и будущих строителей нового режима также находились в центре внимания итальянских дипломатов. В 1924 году почти сразу после своего приезда в Москву, Мандзони поразился силе и энергии русского народа, что дало ему повод поверить в готовность и способность русских в корне изменить свои условия жизни: «[...] этот народ ясно доказал своё стремление к жизни и способность в последний момент найти в себе силы, необходимые для спасения от смерти и вступления на путь новой жизни. Поэтому невозможно не верить в его возрождение» [36]. Восторг и восхищение итальянских дипломатов со временем сменились более взвешенными оценками. Критикуя правительственные декреты, санкционирующие реквизицию зерна у крестьян, Кварони замечал, что подобные налоги лишают крестьянство предпринимательской инициативы, «и это у народа, которому и так по своей природе её недостает» [50]. Безынициативность русских была подмечена и Аттолико, не оставившим без комментария эпизод с умершим на пятидесятиградусном морозе домашним скотом: «Если бы этот народ обладал хоть крупницей инициативы, то давно бы уже выстроил деревянные загоны, благо древесины русским не занимать» [11]. Безжалостной критике подвергли русских рабочих и два итальянских технических специалиста, дав «местному работнику оценку, ставшую к тому времени уже общепризнанной: медлительность, отсутствие интуитивного мышления, грубость ручной и умственной работы. Нам не удалось привить знания и умения рабочему коллективу, как мы рассчитывали. В Италии такую бригаду мы готовим за пару недель» [10].

В конечном итоге все приведённые выше мнения заставили итальянских дипломатов задаться вопросом о потенциале русского народа к совершению революции. Многие из них в растерянности не могли понять, как народ, отмеченный подобными национальными чертами, мог решиться на такой кардинальный шаг. Бардуцци же ответил на этот волнующий итальянцев вопрос, взглянув на него в другом ракурсе: «Оче-

видно, что если бы русский народ был умнее и обладал бы большей силой воли, коммунизм был бы низвергнут уже давным давно» [19].

В заключение стоит добавить, что на основании «русских бумаг», присланных в Рим итальянскими дипломатами, вырисовывается еще одна черта русского народа: миролюбие. Итальянцы подчеркивали, что «проникнутая насилием» русская история сформировала национальный тип русского человека, привыкшего терпеть произвол стоящей над ним власти. При этом русские не оказывают ей никакого сопротивления в попытках защитить свои интересы. Это смирение привело итальянцев как минимум к двум основным выводам. Первый касался неспособности русских свергнуть советский режим самостоятельно, что предопределило необходимость внешнего воздействия для решения внутренней ситуации в стране. Второй вывод заключался в миролюбивом национальном характере русских, которые никогда бы не вступили в войну из-за врожденного отсутствия воинственного духа и безусловного принятия существующего политического режима. Подобная позиция русских объяснялась психологической апатией, политическим слабоволием и обыкновенным страхом за собственную жизнь и за жизнь близких. Одновременно с этим дипломаты были уверены и в том, что советский народ откажется воевать в объявленной большевистскому правительству войне. Эта мысль станет одним из лейтмотивов фашистской военной пропаганды против СССР, убеждавшей итальянцев в скорой и лёгкой победе на Восточном фронте.

* * *

В результате проведенного исследования естественным образом напрашивается вопрос о степени ответственности итальянских дипломатов в принятии руководством страны решения о вступлении фашистской Италии в войну против СССР. Следует, однако, отметить относительность роли дипломатических донесений в определении курса внешней политики Муссолини, особенно на заключительном этапе его нахождения у власти. Выбор в пользу Германии и силового решения конфликта стал совокупным результатом устремлений большей части правящего блока, интересы которого в решающей степени определяли внешнюю политику режима [1, с. 131], [3, с. 269, 374].

Очевидным представляется тезис о дезинформации собственного руководства, приведшей к вступлению Муссолини в войну против Советской России, без должной оценки всех последствий такого (учитывая результат кампании) опрометчивого шага. С одной стороны, можно подозревать итальянских дипломатов в некоторой наивности, проявлявшейся в комментариях ряда событий. Так, например, предсказание на протяжении почти всего предвоенного двадцатилетия массовых восстаний и гражданской войны напоминает скорее навязчи-

■ История

вую идею, нежели объективную интерпретацию фактов. Изолированность режима и его полное неприятие народными массами скорее говорит о некритической абсолютизации принятых на веру постулатов. С другой стороны, в их донесениях можно заподозрить желание удовлетворить чаяниям начальства и доставить руководству удовольствие читать приятные новости в «правильном» изложении.

Несмотря на пессимистические прогнозы в отношении будущего советского режима и предсказание скорейшего падения большевистской власти, дипломатам приходилось так или иначе оправдывать несостоятельность своих предположений (ни гражданской войны, ни антибольшевистской революции не происходило). Такое объяснение они находили, главным образом, в эффективности репрессивного аппарата, капиллярности его распространения во всех общественных нишах, а также в особенностях национального характера.

Внушаемые итальянскими дипломатами идеи неминуемости войны, ее ожидания всем

советским обществом как спасения против ненавистной большевистской власти, надежды на освобождение с помощью внешних сил — всё это ложилось на почву итальянского фашизма, обильно «удобренную» завоевательными концепциями. Муссолини никогда не отказывался от необходимости беспощадной борьбы с коммунизмом и, несмотря на пакт о ненападении между Германией и СССР, считал войну с Советами неизбежной [2, с. 281]. Согласно созданной дипломатами картине, советская власть должна была рухнуть подобно карточному домику, не находя опоры в основной массе населения. А если добавить особенности менталитета русских: лень, миролюбие, терпимость, смирение, фатализм, то создавалась картина пассивно переносящего невзгоды народа, готового в любой момент пойти за новой силой, обещающей минимальное улучшение тяжелых условий его быта. Эта убежденность в легкой и быстрой победе и стала одним из многочисленных факторов, подтолкнувших Муссолини к вступлению в войну против СССР в июне 1941 года.

Список литературы

1. Белоусов Л. С. Режим Муссолини и массы. М.: МГУ, 2000. 368 с.
2. Белоусов Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия, 2-е изд, переработанное и дополненное, М., «Планиета», 2016. 368 с.
3. История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918-1945 гг. Л.С. Белоусов, И.В. Григорьева и др. М., «Высшая школа», 1989. 463 с.
4. Сборник документов «СССР-Италия. Страницы истории 1917-1984». М.: Политиздат, 1985. 293 с.
5. Хормач И. А. СССР и Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М.: ИРИ РАН, 1995. 288 с.
6. Accattoli A. Rivoluzionari, intellettuali, spie: i russi nei documenti del Ministero degli esteri italiano. Salerno: "Europa Orientalis", Vol. 21, 2013. 311 p.
7. Ambasciata d'Italia a Mosca, Mano d'opera per le fabbriche, 13.11.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
8. Ambasciata d'Italia, La situazione nel Caucaso Settentrionale, 27.5.1933 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
9. Ambasciata italiana a Mosca, Il problema degli approvvigionamenti all'inizio del XV anno di governo bolscevico, 15.11.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
10. Attolico B. Andamento dell'organizzazione industriale sovietica. Dichiarazioni di operai italiani, 1.3.1933 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
11. Attolico B. Notizie sulle condizioni di vita nell'Urss, 1.3.1933 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
12. Attolico B. Pericoli del regime staliniano, 39.1.1933, in ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
13. Attolico B. Scioperi ed incidenti nel distretto di Ivanovo-Vosnessensk, 7.6.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b.
14. Attolico B. Situazione in Siberia, 29.3.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
15. Attolico B. Situazione interna della Russia, 10.1.1933 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
16. Attolico B. Situazione interna ed economica sovietica, 14.3.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
17. Attolico B. Situazione interna. Notiziario settimanale, 8.3.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
18. Attolico B. Voci di agitazioni tra i contadini, 21.6.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
19. Barduzzi, Situazione economica nella città e nella campagna, 21.3.1935 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 16.
20. Berardis, Anniversario della rivoluzione, 8.11.1934 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 12.
21. Berri G. Vita di carestia a Leningrado, 13.3.1929 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b.1554.
22. Biseo L. Relazione sul recente viaggio in Russia, 11.2.1937 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1548.
23. Cerruti V. Sabotaggio dei tecnici e ingegneri nelle industrie sovietiche ed influenze straniere, 2.3.1930 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1558.
24. Cerruti V. Situazione generale dell'Urss, 9.11.1928 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b.1549.
25. Cerruti V. Situazione interna dell'Urss, 22.3.1929 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1554.

26. Cerruti V. Situazione interna russa, 12.7.1928 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1551.
27. Consolato generale d'Italia, Kiev, Scoperta di una organizzazione troskista a Kharkov, 26.10.1935 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 16.
28. Cusimane, Piroscabo "Graz", 23.2.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
29. D'Herbigny M. Nota del delegato di S.S. Nell'Urss, 24.8.1926 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1547.
30. Foghini F. Relazione sulle condizioni della Russia, 19.11.1931 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b.5.
31. Gradenigo S. Nazionalismo ucraino, condanne e deportazioni, 15.5.1934 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 13.
32. Gradenigo S. Fermento e violenze, 22.2.1933 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
33. Gradenigo S. Malcontento popolare durante la sosta della missione turca a Kiev, provocato dallo sfarzo del treno speciale, 10.5.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
34. Graziosi A. Lettere da Kharkov. La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomatici italiani, 1932-33. Torino: Einaudi, 1991. 255 p.
35. Graziosi A. L'Unione sovietica nell'Archivio storico del Ministero degli Affari Esteri, 1917-1939 // A. Venturi e A. Masoero (a cura di), Russica. Studi e ricerche sulla Russia contemporanea. Milano: Franco Angeli, 1990. Pp. 415-454.
36. Manzoni G. Russia, situazione interna, 12.12.1924 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1544
37. Manzoni G. Russia, situazione interna, 18.9.1924 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b.1541.
38. Manzoni G. Situazione interna in Russia, 17.4.1924 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b.1543
39. Manzoni G. Situazione interna in Russia, 24.1.1924 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1543
40. Manzoni G. Situazione interna nell'Urss, 18.1.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 1541.
41. Manzoni G. Situazione interna, 10.4.1924 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1554.
42. Milich, L'opposizione nel partito e la crisi nelle fabbriche, 25.1.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
43. Milich, Rapporto riassuntivo, 9.8.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
44. Ottolenghi U. Relazione schematica di un viaggio in Russia, 25.10.1929 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1554.
45. Petracchi G. Da San Pietroburgo a Roma. La diplomazia italiana in Russia, 1861-1941. Roma: Bonacci, 1993. 544 p.
46. Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Le relazioni italo-sovietiche, 1917-1925, Pref. R. De Felice, Roma-Bari, Laterza, 1982.
47. Petracchi G. Le carte del Ministero degli affari esteri per la storia politico-sociale della Russia e dell'URSS (1861-1950) // Fonti diplomatiche in età moderna e contemporanea. Roma: Ministero per i Beni Culturali, 1995. Pp. 318-357.
48. Petracchi G. L'Urss senza miti: la visione diplomatica // Storia delle relazioni internazionali. 1989, no. 2, pp. 181-220.
49. Quaroni P. Situazione interna russa, 21.9.1928 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b.1551.
50. Quaroni P. Situazione interna russa, 8.6.1928 // ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1551.
51. Rendimento del lavoro nell'Urss, 18.11.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
52. Sircana L. Andamento della stagione agricola, 8.4.1933 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
53. Sircana L. Disoccupazione dell'Urss, 24.4.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
54. Situazione interna dell'Urss, 29.9.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b.

Об авторе

Ольга Владимировна Дубровина – преподаватель магистратуры по программе «Европейские языки и культуры», Департамент Языковых и культурологических исследований, Университет Модены и Реджо Эмилии (Италия). E-mail: olga.dubrovina@unimore.it.

USSR IN REPORTS OF ITALIAN DIPLOMATS (1924-1941)

O.V. Dubrovina

University of Modena and Regio Emilia. Department of Studies on Language and Culture. Largo Sant'Eufemia, 19, 41121 - Modena (Italy).

Abstract: *In this article the reports of Italian diplomatic officials who worked in the USSR between the two World Wars will be analyzed. On the basis of the unpublished sources, an attempt to explain Mussolini's decision to enter the war against the USSR in 1941 will be carried out. As a historical source, the diplomatic reports present, on one hand, rich material about different aspects of soviet life as seen by foreigners and*

presented by them with thorough details. On the other hand, the subjective character of the diplomatic information foresees a critical approach towards the judgements and opinions of Italian diplomats. However, despite the limitation of their sources from where the Italian diplomats obtained the information, we have to underline the importance of the diplomatic reports and to consider the diplomatic channel as one of the multiple factors in the determining process of the international fascist policy. The attention is focused on two aspects of soviet reality: public sentiment and the national mentality of Russian people. The goal of the article is to examine the mechanism that led to the diplomats' conclusions about the soviet power instability and about its imminent collapse in the case of foreign invasion.

Key words: Italian diplomacy, communism and fascism, interwar period, imagology, enemy's image, soviet reality, national character, social moods.

References

1. Belousov L.S. Rezhim Mussolini i massy [The Mussolini's regime and crowd]. Moscow, Moscow State University, 2000. 368 p.
2. Belousov L.S. Mussolini: diktatura i demagogija [Mussolini: dictatorship and demagogy] Moscow, Planeta, 2016. 368 p.
3. Istoria novejshego vremeni stran Evropy i Ameriki: 1918-1945 gg. [Contemporary History of the Europe and America in the 1918-1945] Belousov L.S., Grigorieva I.V. i dr. Moscow, «Vysshaja shkola», 1989. 463 p.
4. Sbornik dokumentov «SSSR-Italia. Stranitsy istorii 1917-1984» [Collection of documents. «USSR-Italy. Pages of the History». Moscow, Politizdat, 1985. 293 p. (In Russian)
5. Khormach I. A. SSSR i Italia. 1924–1939 gg. Diplomatische i ekonomicheskie otnoshenija [USSR and Italy in the 1924–1939. Diplomatic and economical relationship]. Moscow, IRI RAN, 1995. 288 p. (In Russian)
6. Accattoli A. Rivoluzionari, intellettuali, spie: i russi nei documenti del Ministero degli esteri italiano. Salerno: «Europa Orientalis», Vol. 21, 2013. 311 p.
7. Ambasciata d'Italia a Mosca, Mano d'opera per le fabbriche, 13.11.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
8. Ambasciata d'Italia, La situazione nel Caucaso Settentrionale, 27.5.1933. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
9. Ambasciata italiana a Mosca, Il problema degli approvvigionamenti all'inizio del XV anno di governo bolscevico, 15.11.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b.
10. Attolico B. Andamento dell'organizzazione industriale sovietica. Dichiarazioni di operai italiani, 1.3.1933 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
11. Attolico B. Notizie sulle condizioni di vita nell'Urss, 1.3.1933. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
12. Attolico B. Pericoli del regime staliniano, 39.1.1933, in ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
13. Attolico B. Scioperi ed incidenti nel distretto di Ivanovo-Vosnessensk, 7.6.1932 // ASD MAE, AP, 1931-1945, b.
14. Attolico B. Situazione in Siberia, 29.3.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b.
15. Attolico B. Situazione interna della Russia, 10.1.1933. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
16. Attolico B. Situazione interna ed economica sovietica, 14.3.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
17. Attolico B. Situazione interna. Notiziario settimanale, 8.3.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
18. Attolico B. Voci di agitazioni tra i contadini, 21.6.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
19. Barduzzi, Situazione economica nella città e nella campagna, 21.3.1935. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 16.
20. Berardis, Anniversario della rivoluzione, 8.11.1934. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 12.
21. Berri G. Vita di carestia a Leningrado, 13.3.1929. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1554.
22. Biseo L. Relazione sul recente viaggio in Russia, 11.2.1937. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1548.
23. Cerruti V. Sabotaggio dei tecnici e ingegneri nelle industrie sovietiche ed influenze straniere, 2.3.1930. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1558
24. Cerruti V. Situazione generale dell'Urss, 9.11.1928. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1549.
25. Cerruti V. Situazione interna dell'Urss, 22.3.1929. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1554.
26. Cerruti V. Situazione interna russa, 12.7.1928. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1551.
27. Consolato generale d'Italia, Kiev, Scoperta di una organizzazione troskista a Kharkov, 26.10.1935. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 16.
28. Cusimane, Piroscapo «Graz», 23.2.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
29. D'Herbigny M. Nota del delegato di S.S. Nell'Urss, 24.8.1926. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1547.
30. Foghini F. Relazione sulle condizioni della Russia, 19.11.1931. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
31. Gradenigo S. Nazionalismo ucraino, condanne e deportazioni, 15.5.1934. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 13.
32. Gradenigo S. Fermento e violenze, 22.2.1933. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
33. Gradenigo S. Malcontento popolare durante la sosta della missione turca a Kiev, provocato dallo sfarzo del treno speciale, 10.5.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.

34. Graziosi A. Lettere da Kharkov. La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomatici italiani, 1932-33. Torino: Einaudi, 1991. 255 p.
35. Graziosi A. L'Unione sovietica nell'Archivio storico del Ministero degli Affari Esteri, 1917-1939 // A. Venturi e A. Masoero (a cura di), *Russica. Studi e ricerche sulla Russia contemporanea*. Milano: Franco Angeli, 1990. Pp. 415-454.
36. Manzoni G. Russia, situazione interna, 12.12.1924. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1544
37. Manzoni G. Russia, situazione interna, 18.9.1924. ASD MAE, AP, 1919-1930, b.1541.
38. Manzoni G. Situazione interna in Russia, 17.4.1924. ASD MAE, AP, 1919-1930, b.1543
39. Manzoni G. Situazione interna in Russia, 24.1.1924. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1543
40. Manzoni G. Situazione interna nell'Urss, 18.1.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 1541.
41. Manzoni G. Situazione interna, 10.4.1924. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1554.
42. Milich, L'opposizione nel partito e la crisi nelle fabbriche, 25.1.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
43. Milich, Rapporto riassuntivo, 9.8.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
44. Ottolenghi U. Relazione schematica di un viaggio in Russia, 25.10.1929. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1554.
45. Petracchi G. Da San Pietroburgo a Roma. La diplomazia italiana in Russia, 1861-1941. Roma: Bonacci, 1993. 544 p.
46. Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Le relazioni italo-sovietiche, 1917-1925, Pref. R. De Felice, Roma-Bari, Laterza, 1982.
47. Petracchi G. Le carte del Ministero degli affari esteri per la storia politico-sociale della Russia e dell'URSS (1861-1950). Fonti diplomatiche in età moderna e contemporanea. Roma: Ministero per i Beni Culturali, 1995. Pp. 318-357.
48. Petracchi G. L'Urss senza miti: la visione diplomatica. Storia delle relazioni internazionali. 1989, no. 2, pp. 181-220.
49. Quaroni P. Situazione interna russa, 21.9.1928. ASD MAE, AP, 1919-1930, b.1551.
50. Quaroni P. Situazione interna russa, 8.6.1928. ASD MAE, AP, 1919-1930, b. 1551.
51. Rendimento del lavoro nell'Urss, 18.11.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b.5.
52. Sircana L. Andamento della stagione agricola, 8.4.1933. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 5.
53. Sircana L. Disoccupazione dell'Urss, 24.4.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b. 8.
54. Situazione interna dell'Urss, 29.9.1932. ASD MAE, AP, 1931-1945, b.

About the author

Olga V. Dubrovina – Ph.D. (Contemporary history), Lecturer in Russian History, University of Modena e Reggio Emilia (Italy). E-mail: olga.dubrovina@unimore.it.

КОНЦЕПТ «ЧЕРНОСОТЕНСТВО» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: БЕГ ПО КРУГУ

Г.А. Ивакин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, Проспект Вернадского, д. 84, к. 2.

На протяжении советского периода правомонархизм рассматривался отечественными историками в рамках общеметодологических подходов к изучению непролетарских партий. Выступавшее идейно-политическим антагонистом большевизма черносотенство трактовалось как наиболее реакционное политическое течение дореволюционной России. В результате полноценной научной дискуссии по теме правомонархизма в советский период так и не состоялось, а советским историкам не удалось сформировать исторической концепции черносотенства как идейно-политического течения начала XX в.

Ключевые слова: черносотенство, правомонархизм, советская историческая наука, историография, методология.

Проблема концептуализации объекта исследования является одной из основных в исторической науке. Концепция, будучи результатом осмысления накопленного материала, выступает в качестве методологического основания будущих исследований, формирует их направленность и содержание. Безусловно, особое значение концепция приобретает в изучении политической истории, которая сама зачастую политизируется, превращая реальное прошлое в политический миф. Именно такая судьба постигла в советский период историю правомонархического движения в дореволюционной России.

Как верно отмечает К.М. Бондаренко, «историография монархического движения в Российской империи начала XX в. включает в себя несколько периодов, отличающихся друг от друга методологией исследования, кругом привлекаемых источников, уровнем теоретических обобщений привлекаемого материала» [1, с. 50-109]. Несмотря на то, что изучение непролетарских партий началось фактически сразу после октябрьского переворота, в 1989 г. крупнейшие советские специалисты по данной тематике констатировали, что «слабее всего изучены черносотенные, правомонархические организации» [43, с. 15].

В данной статье мы попытаемся проследить процесс концептуализации темы правомонархизма в советской исторической науке.

На наш взгляд, в советской историографии проблемы можно выделить три основных временных периода, характеризующихся различиями как в методологии, так и в степени интенсивности изучения темы: 1920–1930-е гг.; 1940–1950-е гг.; 1960–1980-е гг.

1920–1930-е гг.: идеологизация проблемы

Уже с начала 1920-х гг. правомонархизм стал объектом изучения советских авторов. Этот период был временем заметной свободы в исторической науке [72, с. 103], когда идеология ещё не подменила собой научный поиск, а доступ к архивным материалам не был ограничен¹. Тем не менее, как верно отмечает В.Г. Кичеев [29, с. 89], несмотря на благоприятные условия, первой работой именно по истории монархических партий стала вступительная статья В.П. Викторова к сборнику документов «Союз русского народа» (по материалам ЧСК), вышедшая только в 1929 г. [56]. В 1920-е гг. работы, связанные с правомонархической проблематикой, выходили у таких авторов, как С.Б. Любош, А.Н. Слепков, С.Г. Томсинский, Д.О. Заславский, Б.П. Кандидов, В. В. Брусянин, В.П. Викторов, И.И. Коган,

А.Е. Евгеньев (А.Е. Кауфман), Б.Н. Кандидов, Ф.М. Путинцев, Г.Д. Костомаров. Анализ данных работ показывает, что в массе своей они носили публицистический и пропагандистский характер. Правомонархизм в них определялся как «русский фашизм» [39], а черносотенцы – как «каратели» [31]. Некоторых из перечисленных выше авторов с трудом можно назвать историками: С.Б. Любош – журналист, театральный критик; Д.О. Заславский – литературовед, литературный критик; Б.П. Кандидов – общественный деятель, организатор Центрального антирелигиозного музея в Москве; А.Е. Евгеньев (А.Е. Кауфман) – журналист.

Авторов этого периода в первую очередь интересовала погромная деятельность черносотенцев, а также их связь с православной церковью [24, 69, 70] (ввиду развернувшейся антирелигиозной кампании). В ряде работ рассматривалась парламентская работа правомонархистов [56, 73], давались характеристики отдельным представителям движения [39, 17].

Например, для А.Н. Слепкова приоритетом была партийная работа, так что и его труд носит ярко выраженный идеологизированный характер. Автор рассматривает не столько законодательную работу представительного органа власти, сколько классовые противоречия в партийной борьбе [55]. В трудах С.Г. Томсинского анализируется связь правомонархизма с торговым капиталом и интересами дворянства [72]. Монографии А.Н. Слепкова и С.Г. Томсинского – это небольшие по объёму (103 и 175 с.) публицистические издания, на что указывают не только ориентация на позицию М.Н. Покровского, но и опора на узкую источниковую базу, представленную опубликованными материалами. Например, С.Г. Томсинский в работе по второй Думе использовал всего 32 издания.

Вскоре после публикации этих работ их авторы вступили в полемику со своим учителем, выступив «против чрезмерного преувеличения роли торгового капитала», и «высказались против определения самодержавия как политически организованного торгового капитализма» [70]. Это было начало критики школы М.Н. Покровского, как не соответствующей марксистско-ленинской интерпретации исторического процесса.

Первоначально методология исследования правомонархизма подменялась чистым классовым подходом. С 1925 г. она определялась установками «школы Покровского», изложенными в статье М.Н. Покровского «Мир и реакция» [74]. Её лейтмотивом стала идея о тотальной реакционности правомонархизма, на который

¹ Режим пользования архивными документами ужесточился лишь к концу 1920-х гг. В 1927 г. изменились правила работы в архивах: были образованы «особые части», материалы которых выдавались в исключительных случаях по согласованию с Центрархивом. Кроме того, вводился контроль за выписками и копиями документов. В 1929 г. в связи с «академическим делом» работа учёных-историков была поставлена под ещё более жёсткий административный и партийный контроль, а доступ ко многим архивным источникам ограничен. Подробнее об этом см. [19, с. 129–141].

возлагалась вина за все кровавые эпизоды революции 1905–1907 гг. В качестве «источниковой» базы М.Н. Покровским использовались большевистские издания тех лет (такие как, например, «Пролетарий»). В результате «черносотенники»² представлялись группой погромщиков, а «позиция руководства правых партий подменялась примерами несанкционированных столкновений отдельных монархически настроенных групп населения с приверженцами либеральных и радикальных взглядов» [26].

Источниковая база исследований 1920-х гг. включала в себя в первую очередь официальные опубликованные документы органов власти, такие как стенографические отчеты заседаний Государственной Думы [12], а также следственные материалы (материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства [57]). Кроме того, привлекалась дореволюционная большевистская пресса (М.Н. Покровский), работы дореволюционных авторов (С.Г. Томсинский), черносотенная пресса (С.Б. Любош), материалы православной церкви (Б.В. Титлинов, Ф.М. Путинцев), документы и материалы Николая II (В.П. Семенников [52]). При этом полностью отсутствовали документы и материалы (как личного, так и официального характера) самих правомонархических союзов и организаций, которые впервые были опубликованы (но не проанализированы!) только в 1929 г.

Трудно согласиться с высказанным рядом исследователей мнением, будто в 1920-е гг. в оборот была введена «масса архивных источников» [61, с. 9], а авторами использовался «значительный корпус документов» [29, с. 36]. На наш взгляд, в тот период так и не началась разработка исторической концепции черносотенства. Проведённый анализ, напротив, заставляет согласиться с утверждением о слабости источниковой базы исследований 1920-х гг., высказанным советской наукой в первой половине 1980-х гг [44].

Неразрешённой осталась проблема политической идентификации правомонархизма, не говоря уже об отсутствии в работах того периода различий между отдельными правомонархическими организациями. В ряде случаев мы можем говорить и о бездоказательном «навешивании ярлыков»: например, на 56 страницах книги С.Б. Любоша «Русский фашист Владимир Пуришкевич» термин «фашизм» или «фашист» не употребляется ни разу, он присутствует лишь в названии работы [39]. Двадцатые годы XX в. стали десятилетием идеологизации и политизации темы, но её реального научного осмысления не велось. Более того, ангажированная позиция авторов приводила к искажению социального

состава движения, численности и политической сущности.

С начала 1930-х гг. представляется возможным проследить несколько тенденций. На первый план вышло противостояние научной школе М.Н. Покровского, в связи с чем имела место переоценка многих её постулатов, в том числе связанных с политическими процессами в царской России. Знаковый характер имела ликвидация в 1936 г. возглавлявшейся М.Н. Покровским Коммунистической академии. Как отмечает А.И. Вдовин, «к преодолению ошибок его школы были привлечены ранее осуждавшиеся как «великорусские националисты» историки дореволюционной школы. Выученики «школы Покровского», не сумевшие правильно сориентироваться в новых условиях, были репрессированы» [78].

В советской исторической науке стала складываться новая «национальная» школа во главе с историком-медиевистом академиком Б.Д. Грековым. В конце 1930-х гг. окончательно были разгромлены представления школы М.Н. Покровского о связи царизма и черносотенства с торговым капиталом. В 1939 г. ученики «школы Покровского» («оголтелая банда врагов ленинизма») были зачислены в ряды «троцкистско-бухаринских наймитов фашизма, вредителей, шпионов и террористов» [48, с. 128].

Рассмотрим данный период изучения темы подробнее. В начале 1930-х гг. продолжилась тенденция политизации темы при снижении научного уровня её изучения. В работах данного периода черносотенцы фигурировали как «сброд всех деклассированных элементов», среди которых также были «жандармы, дворники, шпионы, полицейские», часть «незадачливых интеллигентов, сановников, бюрократов, помещиков, купцов и без конца духовных пастырей» [50, с. 77]. В целом же движение рассматривалось как «прочный союз «русских людей» из московских купцов, монахов, разного рода базарных торговцев и подонков преступного мира» [35, с. 17]. При этом крайне показательно, что такой автор, как Г.Д. Костомаров, ещё в 1920-е гг. возглавлял Московское губернское архивное бюро, т.е. имел доступ к реальным документам, которые, тем не менее, не были использованы.

Основным направлением исследований стало изучение союза православной церкви и правомонархизма (Г.Д. Костомаров, Н.М. Ростов, Б.П. Кандидов, Ф.К. Попов [50])³. В работах этих авторов нашла развитие идея, высказанная в 1920-е гг. Так, Н.М. Ростов вслед за И. Коганом писал об организаторской роли представителей церкви в черносотенном движении, заявляя, что

² Именно это слово М.Н. Покровский употреблял в своей статье.

³ Как представляется, появление в 1930–1931 гг. работ по данной тематике напрямую связано с принятием 8 апреля 1929 г. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», а также с принятием в мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов новой редакции ст. 4 Конституции РСФСР, касавшейся «свободы религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». Новый виток антирелигиозной кампании повлек за собой и новые работы, интеллектуально «подкреплявшие» действия властей.

Союз русского народа был «делом их рук» [51, с. 77]. Ту же мысль проводил и Г.Д. Костомаров, утверждавший, что церковь «организовала отряды черной сотни» [35, с. 3], и Б.П. Кандидов [24]. Очевидно, что данные выводы ни в коей мере не соответствовали действительности и были результатом предвзятого идеологизированного подхода к проблеме. Безусловно, церковь активно участвовала в черносотенном движении, но не была его инициатором. Общеизвестно, что черносотенство как идейно-политическую силу поддерживали многие представители высшего духовенства, среди которых следует выделить митрополитов Московского Владимира и Киевского Флавиана, епископов Таврического Алексея и Житомирского Антония (Храповицкого), а также видных религиозных деятелей: Иоанна Кронштадтского, протоиерея Восторгова, а также будущего патриарха Тихона.

Несколько особняком стоит работа адвоката, правоведа А.С. Тагера, в которой затрагивался вопрос участия А.И. Дубровина в судебном разбирательстве в ходе процесса Бейлиса, но попутно давались и авторские характеристики правомонархизма в целом. В частности, А.С. Тагер определял Союз русского народа как «активнейшую партийную организацию объединившегося дворянства», а сам процесс как «почин объединённого дворянства и Союза русского народа» [67, с. 30, 259]. Следует обратить внимание на источниковую базу исследования А.С. Тагера: материалы ЧСК, дореволюционные печатные издания, стенографические отчёты ГД, черносотенная пресса («Двуглавый орёл», «Русское знамя» и др.), а также архивные материалы Центрального архивного управления РСФСР (документы министерства юстиции, иностранных дел, Синода и т.д.) и материалы Особого отдела Департамента полиции, хранившиеся в Историко-революционном архиве. Пожалуй, только эту работу мы можем с полной уверенностью квалифицировать как научную и в чём-то даже объективную.

Таким образом, в 1930-е гг., как и в предыдущий период, изучение правомонархизма шло в русле партийно-государственного запроса на научно-интеллектуальную поддержку действий власти. С одной стороны, черносотенство использовалось для окончательной дискредитации православной церкви, с другой – для демонстрации межнационального мира и согласия в СССР на контрасте с «дореволюционным антисемитизмом»⁴. Таким образом, сложно согласиться с мнением С.А. Степанова о том, что тема черносотенства выпала из числа разрешённых для

исследования, поскольку оказалась связанной с темой фашизма [63, с. 10]. Напротив, кажется странным, что это направление не получило дальнейшего развития в работах советских авторов рассматриваемого периода. Впрочем, в 1938 г. в исследовании Г. Барандова заявлялось о «мутной волне черносотенной реакции» и безудержном «черносотенном национализме» [6, с. 34–35], а в 1939 г. связка «черносотенство-антисемитизм» прозвучала в последней за тот период работе, написанной Е.Д. Черменским. В ней автор утверждал, что именно черносотенцы устраивали убийства «революционеров и еврейского населения» [75, с. 147].

Неправомерным выглядит утверждение отечественного исследователя Д.И. Стогова о том, что «в 1930–1960-х гг. тема черносотенного движения вообще оказалась вне поля рассматривания советской историографии» [65, с. 12]. Другое дело, что, находясь «в поле зрения», она так и не получила своего изучения. В то же время, необходимо констатировать, что в сравнении с предыдущим десятилетием, в 1930-е гг. вышло на порядок меньше работ, так или иначе связанных с историей правомонархизма. Во многом это было обусловлено новым «методологическим кризисом» в изучении темы, который стал следствием разгрома «школы Покровского»⁵ и утверждения ведущей роли И.В. Сталина в советской науке. «Краткий курс ВКП(б)» задавал однозначный тон исследованиям, определяя правомонархизм как созданные властью «бандитские полицейские организации», в которые входили «реакционные помещики, купцы, попы и полууголовные элементы из босяков» [22, с. 75]. Очевидно, что подобная характеристика лишала черносотенство места в политической системе дореволюционной России: правомонархические союзы и организации определялись как «банды», а не партии, изучение их объявлялось излишним и ненужным.

1940–1950-е гг.: период стагнации

В течение двух десятилетий (40–50-е гг.) изучение истории непролетарских партий практически не велось; «господствующим стало мнение, что история контрреволюции не является заслуживающей внимания темой исследования» [18, с. 5–66]. Это не значит, что в свет не выходило научных работ по дореволюционной социально-политической истории, но правомонархизм затрагивался в них лишь попутно, в рамках анализа истории ВКП(б) [11, 13, 30, 40, 47, 75]. В качестве примера можно привести вышедшую в 1940 г. монографию А.М. Панкратовой «Пер-

⁴ Заметим, что второе издание книги А.С. Тагера, в которой, в том числе, и на архивных материалах доказывалось, что еврей М. Бейлис не совершал ритуального убийства, а был «подставлен» Союзом русского народа, вышло на следующий год после прихода к власти в Германии нацистов.

⁵ Со второй половины 1930-х гг. в советской исторической науке стала складываться новая «национальная» школа, основание которой связывается с деятельностью академика Б.Д. Грекова. Ряд последователей М.Н. Покровского, занимавшихся политической историей дореволюционной России, и вовсе были репрессированы (например, С.Г. Томсинский).

вая русская революция 1905–1907 годов». В ней черносотенство характеризовалось как «банды» из «подонков населения», организованные под руководством петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова [49, с. 108]. Несколько абзацев в этой работе посвящено погромной деятельности черносотенцев, которая, согласно утверждению Панкратовой, осуществлялась «под предводительством полиции» [49, с. 108, 132]. Черносотенцы упоминаются и в контексте так называемых карательных экспедиций 1906 г., когда они, как полагала А.М. Панкратова, действовали совместно с царскими военно-полевыми судами [49, с. 162]. Кроме того, автор обвиняла черносотенцев в разжигании межнациональной розни («Чёрная сотня натравливала одну часть населения на другую» [49, с. 164]), приводя в пример правомонархический антисемитизм. В последний раз черносотенцы кратко упоминались в работе в связи с рассмотрением во II Государственной думе аграрного вопроса: А.М. Панкратова указывала, что они сомкнулись с октябристами в поддержке столыпинского проекта реформы [49, с. 176].

В самом начале 1950-х гг. вышло второе, дополненное, издание работы А.М. Панкратовой. В главе «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года» появился раздел «Мобилизация сил контрреволюции», в котором кратко рассматривался процесс организации правомонархических организаций и объединений, таких как «Всероссийский союз землевладельцев», «Совет объединённого дворянства», «Союз русского народа». Оценки, высказанные ранее, в переиздании повторялись.

Конец 1950-х гг. ознаменовался выходом в свет монографии Б.М. Тамаркиной, в которой черносотенство упоминалось в связи с решениями V съезда РСДРП, в резолюции которого давалась «классовая и политическая характеристика всех непролетарских партий» [68, с. 76]. Черносотенство в ней рассматривалось как движение «крепостников-помещиков», стремившееся «путём национальной травли и организации погромов потопить революцию в крови междоусобной войны» [68, с. 77].

Как представляется, в рассматриваемый период из всех непролетарских партий именно правомонархизм с точки зрения его исследования оказался в непростой ситуации. Во-первых, в работах 1920–1930-х гг. указывалась на его тесную связь с православной церковью. Но с началом Великой Отечественной войны советское государство стало пересматривать свои отношения с православием, в связи с чем связка «черносотенство-православие» не могла более фигурировать на страницах исторических исследований, как компрометирующая церковь.

Во-вторых, в 1940-е гг. произошёл пересмотр взглядов государства на проблему национализма и государственного патриотизма. В 1941 г., накануне войны, Сталин впервые выдвинул тезис о борьбе с «безродным космополитизмом»,

которому должен противостоять «правильно понятый национализм». В этом свете патриотизм и национализм правомонархистов во многом терял свой шовинистический характер.

Не менее актуальными оказывались и взгляды черносотенцев на Германию и немцев, что в условиях войны было крайне важно: «Немецкое засилье настолько пагубно для нас, что каждому очевидно. Немцы десятки лет готовились в Германии для разгрома России...» [9].

Нельзя не упомянуть и сталинскую антисемитскую кампанию, которая перманентно развивалась на протяжении конца 1930 – первой четверти 1950-х гг. Уже в 1939 г. Сталин заявлял, что «ждёт лишь того момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев» [52, с.173]. Как здесь не вспомнить постановление Всероссийского Съезда русских людей [10], определявшее не допускать евреев на государственную и общественную службу?

Таким образом, изучение черносотенства становилось в какой-то степени даже опасным, так как идейные и идеологические параллели со сталинским режимом прослеживались слишком явно. Мы не берёмся утверждать, что приведённые выше факты и совпадения напрямую повлияли на замалчивание темы в научных исследованиях 1940–1950-х гг., но не учитывать этого обстоятельства, на наш взгляд, нельзя.

Как бы то ни было, именно в послевоенный период началось «сталинское» изучение непролетарских партий (шире – движений), направленное на выявление патриотических тенденций в дореволюционных политических организациях. Как мы указали выше, черносотенство (ввиду своей исторической близости и сложности взаимоотношений с другими социальными акторами) не могло стать предметом исследования в рассматриваемый временной промежуток. Но более отдалённые по времени политические организации вполне подходили для этой цели. В 1947 г. вышла первая крупная работа М.В. Нечкиной [45; 46] по истории декабризма.

Тогда же возродилось изучение деятельности Государственной думы [1, 2, 16], хотя, опять же, черносотенство рассматривалось лишь эпизодически, в качестве «фона» деятельности фракции большевиков. В 1947 г. Е.Д. Черменский защитил оставшуюся в рукописи докторскую диссертацию «Борьба классов и партий в IV Государственной думе» [79].

С конца 1950-х гг. ситуация с изучением истории начала XX в. стала меняться. Разработку проблем дореволюционной политической истории начал сотрудник Института истории АН СССР А.Я. Аврех, впоследствии крупный специалист по отечественной истории XX в. Его труды этого периода, в значительной мере основанные на стенографических отчётах заседаний Государственной думы, посвящены деятельности III Государственной думы, в которой были широко представлены черносотенные

партии и союзы. В тот же период вышла работа кандидата исторических наук Л.В. Завадской, в которой черносотенная тематика затрагивается в контексте обсуждения аграрного вопроса в I Государственной думе.

Данные и другие публикации во многом были связаны с так называемым «новым направлением» советской исторической науки, стремившимся к воплощению курса XX съезда в исторических исследованиях и к преодолению сталинских догм. Представители «нового направления» (наиболее яркие из них – молодые сотрудники Института истории АН СССР кандидаты наук П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, И.Ф. Гиндин, а также А.Я. Аврех [8]) направили своё внимание на исследование политической надстройки самодержавия, включая либерально-буржуазные и реакционные партии. Историки этого круга, так и не получившего институционального оформления, стремились отойти от вульгарного социологизма советского идеологического официоза. В своих работах они указывали, что уровень развития российского монополистического капитализма необоснованно преувеличен, поэтому отсутствует основание связывать Октябрьскую революцию со зрелостью русского капитализма. Полемизуя с «Кратким курсом», постулировавшим закономерность революции, они ставили вопрос об альтернативности развития российского общества [69].

Подводя итог рассмотрению периода сталинизма, можно сделать вывод о том, что черносотенство как объект исследования выпал из предметной области отечественной исторической науки. Но, и это необходимо подчеркнуть, подобная судьба коснулась практически всех непролетарских партий, хотя правомонархизм, как специфический историко-политический феномен, безусловно, стоял несколько особняком в процессе написания сталинской версии истории дореволюционной России.

1960–1980-е гг.:

попытки научного изучения

С начала 1960-х гг. с общим послаблением политического режима в СССР – «оттепелью» – сделалось возможным научное изучение проблемы. Впервые с 1920-х гг., хотя и ограниченно, был открыт доступ к архивным материалам. С методологической точки зрения важнее произошедший как на государственном, так и на научном уровне возврат к ленинской трактовке (в противовес сталинской) дореволюционной полити-

ческой истории, в которой действовали всё же политические партии, а не «полицейские банды», «отряды контрреволюционных сил» и т.д. Правда, исследовательские возможности историков были существенно ограничены сохранением другой теоретико-методологической крайности: невозможностью отхода от ленинских оценок. В качестве примера можно привести вышедшую в 1965 г. работу В.В. Комина, в которой частично затрагивается деятельность правых накануне и в ходе Февральской революции. Программы правых, их идеология излагаются автором исключительно на основе трудов В.И. Ленина (крайне бегло, прямыми цитатами). И всё же, описывая позицию В.М. Пуришкевича в ходе Февральской революции, В.В. Комин использует архивный документ [32, с. 131].

Деятельности черносотенцев в стенах Государственной думы посвящена монография 1966 г. А.Я. Авреха, в которой в качестве основного источника использовались Стенографические отчёты ГД. Здесь же, опираясь на работу А.С. Тагера, А.Я. Аврех кратко рассматривал участие черносотенцев в «деле Бейлиса». Данные в работе оценки черносотенству носят скорее эмоциональный, нежели научный характер («царь нацепил на себя и наследника значки Союза русского народа», «хрипло-визгливый голос» В.М. Пуришкевича и т.д. [3, с. 5, 27]).

Заметная активизация в изучении непролетарских партий наметилась в 1970-е гг. В 1970-м вышел в свет факультативный курс лекций В.В. Комина «История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России» [33]. Показателен сам факт того, что в 1970-е гг. началось самостоятельное изучение (в рамках учебных курсов) непролетарских партий⁶. Вторая и третья лекция курса В.В. Комина назывались «Правые монархические партии Союз русского народа и его филиалы». В.В. Комин отвергал упрощённую версию В.П. Викторова 1929 г., по которой раскол в правомонархическом лагере был вызван «беспринципной грызнёй между отдельными руководителями из-за правительственных субсидий» [41, с. 27]. По версии В.В. Комина, правительство само допустило раскол Союза русского народа ввиду его ненужности в условиях спада революционного движения в стране. В своём курсе лекций В.В. Комин впервые высказал мысль о необходимости разделения правомонархистов и националистов при всей их внешней схожести. С другой стороны, В.В. Комин повторял клише о социальном составе правомонархизма (мелкая

⁶ Стоит отметить, что КГПИ им. М.И. Калинина (с 1970 г. – КГУ) был скорее исключением, нежели правилом: именно на его базе в 1976, 1979, 1981, 1987 и в 1989 гг. проходили конференции («калининские симпозиумы»), посвящённые изучению непролетарских партий в дореволюционной России. Среди их участников были И.И. Минц, Л.М. Спирин, К.В. Гусев, Л.Б. Протасов и др. Во многом научный подход к изучению черносотенства удавалось реализовать благодаря распространению идей «нового направления». Однако в ходе совещания в ЦК в марте 1973 г. оно было подвергнуто критике как не соответствующее установкам марксизма-ленинизма. С того времени историкам, занимавшимся дореволюционной Россией, приходилось быть крайне осторожными в своих оценках, чтобы избежать обвинений в ревизионизме.

буржуазия, мещане, деклассированные элементы). Черносотенный консерватизм понимался историком как реакционность. Лекции были основаны на материалах ЧСК и опубликованных в 1927 г. материалах и документах Николая II [41]; В.В. Комин использовал также статью В.П. Викторова и работы В.И. Ленина.

В 1977 г. в свет вышла монография Г.З. Иоффе «Крах российской монархической контрреволюции». Вопреки названию, монография практически не затрагивала историю правомонархизма, ограничиваясь констатацией краха черносотенства накануне Февральской революции. Кратко характеризуя черносотенство во введении к работе (четыре абзаца), Г.З. Иоффе опирался исключительно на цитаты В.И. Ленина. Пожалуй, наиболее интересна в данной работе завершающая седьмая глава [21, с. 265–306], где автор по материалам кратко анализировал деятельность монархистов-эмигрантов в 1921–1933 гг. Источниковой базой анализа послужили материалы монархической прессы («Двуглавый орёл» и др.), зарубежной прессы (Die Rote Fahne), мемуары эмигрантов и труды зарубежных авторов (R. Williams, Н.-Е. Volkman). Лейтмотивом главы стала мысль о тесном и естественном сотрудничестве между русским монархизмом и европейским фашизмом в 1920–1930-е гг.

В том же 1977 г. была издана монография Л.М. Спирина, автор которой, полемизируя с исследователями 1920-х гг. В.П. Викторовым и В.Н. Залежским, опровергал мнение о том, что черносотенство являлось предтечей фашизма [58, с. 66]. Кроме того, в исследовании подвергались критике предшествующая оценка численности черносотенного движения, его маргинальный характер, в связи с чем был поставлен вопрос о необходимости более тщательного изучения социальной базы черносотенных организаций.

Исследование В.С. Дякина (1978 г.) затрагивало проблему правомонархизма в контексте политики П.А. Столыпина. Автор прямо писал, что «правые и Столыпин не одно и то же» [15, с. 221], так как именно против них он боролся в стенах Государственной думы. Следует заметить, что подобная трактовка отличалась от ленинской («погромщик Столыпин» [37, с. 327]), что вызвало недовольство части историков и, в частности, А.Я. Авреха, который подверг критике взгляды В.С. Дякина.

А.Я. Аврех причислял П.А. Столыпина к правомонархическому движению [80], что типично для советской исторической школы, а В.С. Дякин указывал, что столыпинский проект не имеет ничего общего с интересами и идеалами правомонархических сил [14; 15]. Позиции В.С. Дякина были близки к тому, что в «советской терминологии называли «меньшевизмом»» [38, с. 34]. Именно с этой точки зрения он рассматривал социальную обусловленность политических движений дореволюционной России.

В конце 1970-х гг. было защищено два диссертационных исследования по правомонархической проблематике [5, 66]. Е.К. Сысоева рассматривала деятельность Комиссии по организации общеобразовательных чтений в г. Москве, выявляя их идеологическую роль в черносотенной агитации, в то время как А.А. Бажин в традиционном для советской исторической науки ключе подходил к черносотенству сквозь призму большевизма и его борьбы с непролетарскими партиями.

В 1982 г. в свет вышел сборник материалов конференции Калининградского Государственного университета, ставший своего рода этапным событием в изучении непролетарских партий [42]. Хотя непосредственно черносотенцам в сборнике посвящена лишь одна статья [74, с. 66–74], тем не менее он заложил новые методологические основы изучения многопартийности в дореволюционной России. В частности, была предложена новая классификация партий (либеральные и консервативные вместо буржуазные и реакционные), а также фактически провозглашался возврат к методологическим принципам школы М.Н. Покровского [57, с. 4, 10]. И.А. Чемериский в своей статье соглашался с взглядом С.Б. Любоша и В.Н. Залежского на черносотенство как на фашизм (его версию или предтечу) [74, с. 69]. В то же время взгляды таких авторов 1920-х гг., как Б. Кандидов и Г.Д. Костомаров, характеризовались как «несколько упрощённый подход. Соглашаясь с мнением В.В. Комина, высказанным в 1970 г., И.А. Чемериский также отмечал, что нельзя объяснять раскол в правомонархическом лагере «исключительно дракой за казённые субсидии» [74, с. 68–69].

В первой половине 1980-х гг. происходило некоторое углубление в изучении темы. Авторами анализировались программы партий, рассматривались их организационные основы, делались попытки установления различий между отдельными организациями. При этом при определении численности использовались более ранние исследования (например, работа Л.М. Спирина). В качестве источниковой базы привлекались черносотенные издания, работы дореволюционных авторов, а также крайне немногочисленные архивные материалы [44].

В объёмной (663 с.) коллективной монографии «Кризис самодержавия в России» (1984 г.) черносотенцы упоминались только дважды (на двух страницах) в связи с их нежеланием заниматься реальной законодательной работой в стенах Государственной думы [36].

Со второй половины 1980-х гг. «коллективными усилиями ряда учёных под руководством академиков И.И. Минца и М.В. Нечкиной» история политических партий стала обсуждаться более интенсивно [18, с. 5–66]. Тем не менее, следует отметить, что внимание исследователей вновь было в большей степени обращено к мелкобуржуазным партиям, в то время как правомонархизм практически не изучался. В коллективной работе 1989 г. «Непролетарские партии России в трёх революциях» правомонархические

организации рассматривались не отдельно, а в разделе буржуазных партий. Из 12 статей этого раздела черносотенцам посвящено два, при этом пятистраничная статья Н.Г. Королёвой содержала две ссылки на архивные источники (на те же источники, которые были использованы в коллективном труде 1984 г.). В статье С.А. Степанова также использованы два архивных источника (воззвание Союза русских людей (ЦГАЛИ. Ф. 1393) и коллекция документов о Союзе русского народа (ЦГАОР СССР без указания фонда, дела и листа). Н.Г. Королёвой были уточнены данные о количественном составе правомонархических организаций (на материале ОО ДП) [34], а С.А. Степановым сделана попытка сравнительного анализа их программных документов [60; 61; 62].

В том же 1989 г. в свет вышла комплексная и фундированная монография А.Я. Авреха «Царизм накануне свержения». Черносотенцам в ней отводился отдельный раздел, практически полностью базированный на архивных источниках. Повторив клише прежних десятилетий («подонки», «босаяцкий и уголовный элемент»), автор представил в данной работе ценнейший фактологический материал [4, с. 6, 214]. Кроме того, глубокими были и сделанные в работе выводы о разрушительной для монархии роли черносотенства.

Следует отметить, что во второй половине 1980-х появились первые работы, затрагивавшие региональные аспекты деятельности черносотенных организаций [20; 64]. В 1990-х гг. эти исследования разовьются в ряд серьёзных работ.

Д.В. Карпухин полагает, что можно говорить о концептуализации темы черносотенства на различных этапах её исследования. Российский исследователь считает, что уже на дореволюционном этапе была выдвинута «концепция политических предпосылок возникновения черносотенства», в то время как в советский период доминировала трактовка правомонархических партий как выразителей экономических и политических интересов господствовавших классов — дворянства и буржуазии [25]. В.Ю. Рылов, отмечая, что «исследование С.А. Степанова «Чёрная сотня в России 1905–1914 годов»... как бы подводило черту под советской историографией правых партий», указывал на «отсутствие чётких выводов и выраженной концепции» [53]. Фрагментарность исследовательского подхода советских историков привела к тому, что освещение получили отдельные аспекты черносотенства, но концептуализации темы так и не произошло. Место правомонархизма в политической системе дореволюционной России не было определено советской исторической наукой. Черносотенство оценивалось как реакционное политическое течение, что не позволило историкам представить полную и объективную картину зарожде-

ния, развития и кризиса правомонархического движения, вписанную в дореволюционные политические процессы. В советской исторической науке «как бы в тени оставались такие важные аспекты, как численность партий, их состав, размещение местных организаций» [27, с. 71].

Хотя советская историография так и не смогла сформировать полноценного концептуального подхода к проблеме правомонархизма, это нисколько не умаляет достоинства работ советских историков. По мере развития советской исторической науки расширялся круг проблем, связанных с организацией правомонархического движения, его социальной базой, классовой сущностью, идеологическими установками и численностью. В исследованиях последних десятилетий существования советской власти большое место уделялось политическим механизмам парламентской монархии, роли в их деятельности черносотенных партий и организаций. Источниковая база советских исследований по проблемам правомонархизма включала широкий спектр опубликованных и архивных материалов, но документы, непосредственно связанные с организацией и деятельностью черносотенных союзов, оказались в сфере внимания советских историков только на заключительных этапах развития советской исторической науки, и то частично.

Начиная с 1960-х гг. и на протяжении 1970-х гг. советские историки пытались более объективно подойти к изучению дореволюционной политической системы. В своих исследованиях они рассматривали вопросы идеологии и практики правомонархизма, в научных дискуссиях вырабатывались новые подходы. Разногласия порой приобретали острый характер (например, между А.Я. Аврехом и В.С. Дякиным), во многом способствуя формированию критического научного подхода, приведшего впоследствии к переоценке роли черносотенства в российской истории.

Новым этапом в изучении темы стали 1980-е гг., особенно их вторая половина. Но, несмотря на попытки советской исторической науки в отношении правомонархизма так и не удалось выйти на новый методологический уровень. Правомонархизм как объект исследования остался без серьёзной теоретико-методологической базы, что незамедлительно сказалось на качестве работ первых постсоветских лет. Отсутствие методологического инструментария вновь привело к идеологизации тематики, хотя теперь уже во многом в апологетическом ключе. По сути, зеркально повторилась ситуация начала 1920-х гг. Круг замкнулся для того, чтобы в последующий период уже новое поколение историков приступило к полноценной разработке темы.

Список литературы

1. Аврех А.Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908–1909) // Исторические записки. РАН СССР. – 1955. – Т. 53. С. 50-109
2. Аврех А.Я. Аграрный вопрос в третьей Думе // Исторические записки. 1958. №63. С. 26-83
3. Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М.: Наука, 1966.
4. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.
5. Бажин А.А. Борьба партии большевиков против черносотенного движения в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.): Дис... канд. ист. наук. М., 1979.
6. Барандов Г.В. Столыпинская реакция. М.: Государственное изд-во полит. лит-ры, 1938.
7. Бондаренко К.М. Русские и белорусские монархисты в литературе 20–30-х гг. прошлого века // Białoruskie Zeszyty Historyczne, Беларускі гістарычны зборнік. – 2011. – №35. С. 127-139
8. Волобуев П.В., Лейберов И.П. Пролог Октября. К 50-летию Февральской буржуазно-демократической революции // Коммунист. 1959. № 3.
9. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 23. Л. 43–43об. Доклад председателя Аккерманского отдела Союза русского народа к утвержденной программе совещаний съезда в г. Нижнем Новгороде 26 ноября 1915 г.
10. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 77. Л. 1об.
11. Горовский Ф.Я. Борьба большевиков за разрешение национального вопроса в годы революционного подъема (по материалам IV Государственной думы). М., 1950.
12. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созывы первый – четвертый. СПб. [Пг.], 1906–1917.
13. Демин В.Т. Социал-демократическая фракция большевиков в IV Государственной думе (1912–1914 гг.). М., 1947.
14. Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 годах: разложение третьеиюньской системы. Л.: Наука, 1988.
15. Дякин В.С. Самодержавие: буржуазия и дворянство. Л., 1978.
16. Завадская Л.В. Аграрный вопрос в I Государственной думе и борьба большевиков за крестьянство // Большевики во главе Первой русской революции 1905–1907 годов. Под ред. Ф. Д. Кретьева (гл. ред.) [и др.]. М., 1956. С. 431-438
17. Заславский Д.О. Рыцарь монархии Шульгин. М.: Прибой, 1927.
18. Зевелев А.И., Свириденко Ю.П., Павлов Д.Б., Степанский А.Д. Теоретико-методологические, историографические и археографические аспекты // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. С. 5-66
19. Зеленов М.В. Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 129-141
20. Иванова А.И. Из опыта борьбы казанских большевиков против идеологии черносотенства в революции 1905–1907 гг. // Общественные отношения развитого социализма : (Вопр. теории и истории становления и совершенствования) / [Редкол.: Щелкунов М. Д. (отв. ред.) и др.]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985.
21. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
22. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М.: Правда, 1938.
23. Кандидов Б.П. Крестом и нагайкой: Почаевская лавра и черносотенное движение. М., 1928.
24. Кандидов Б.П. Церковь в 1905 году (очерки и материалы). М., 1930.
25. Карпунин Д.В. Отечественная историография черносотенных союзов и организаций. Дис. канд. ист. наук. М. 2008.
26. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.
27. Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России в 1905–1907 годах: численность, состав, размещение // История СССР. 1990. № 4. С. 71-87
28. Кичеев В.Г. Историография черносотенно-монархических организаций в России в начале XX века // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 88-95
29. Кичеев В.Г. Советская историография черносотенно-монархических организаций в России в начале XX века // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. С. 33-40
30. Ковальчук М.А. Большевики в третьей Государственной думе. Л., 1950.
31. Коган И. Карательные экспедиции. М., 1925.
32. Комин В.В. Банкротство буржуазных партий в России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
33. Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. Факультативный курс лекций для студентов исторического факультета педагогического института. Ч. I (1900 – июнь 1917 гг.). Калинин, 1970.

34. Королёва Н.Г. Помещичье-монархические организации в 1905–1907 годах. Образование, структура, тактика // *Непролетарские партии России в трёх революциях* / под ред. К.В. Гусева. М.: Наука, 1989. С. 101–104
35. Костомаров Г.Д. Чёрная сотня под флагом религии. М., 1931.
36. Кризис самодержавия в России. Л.: Наука, 1984.
37. Ленин В.И. Столыпин и революция // *Полное собрание сочинений*. Изд. пятое. Т. 20. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1973. С. 324–333
38. Лукоянов И.В. Дякин как историк // *На пути к революционным потрясениям: из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конференции памяти В.С. Дякина* / РАН Ин-т рос. ист. СПб. фил.; РАН Ин-т рос. ист. СПб. фил. СПб.-Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 29–37
39. Любош С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925.
40. Мазис С.М. Вопрос о страховании рабочих в III Государственной думе и страховая кампания 1912–1914 годов. М., 1952.
41. Монархия перед крушением. Бумаги Николая II и другие документы. М.-Л., 1927.
42. Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: материалы конференции / под общ. ред. акад. И.И. Минца. М., 1982.
43. Непролетарские партии России в трех революциях / под ред. К.В. Гусева. М.: Наука, 1989.
44. Непролетарские партии России. Урок истории. М.: Мысль, 1984.
45. Нечкина М.В. А.С. Грибоедов и декабристы. М.: Гослитиздат, 1947.
46. Нечкина М.В. Восстание 14 декабря 1825 года. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
47. Ольховский М.З. Внутридумская деятельность большевистской фракции IV Государственной думы. М., 1952.
48. Орлов И.Б. Историк сталинской эпохи на «фронте исторической науки» // *Харьківський історіографічний збірник*. Вип. 11. Х.: ХНУ імені Каразіна, 2012. С. 117–130
49. Панкратова А.М. Первая русская революция 1905–1907 годов. М.: Политиздат, 1940.
50. Попов Ф.К. Попы-черносотенцы. Иваново-Вознесенск, 1932.
51. Ростов Н.М. Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. М., 1930.
52. Русские в XX веке. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2004.
53. Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии (1903–1917). Воронеж, 2002.
54. Семенников В.П. Монархия перед крушением 1914–1917: бумаги Николая II и другие документы. М.-Л., 1927.
55. Слепков А.Н. Классовые противоречия в I Государственной думе / под. общ. ред. М.Н. Покровского. Пг., 1923.
56. Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 году / сост. А. Черновский; ред. и вступ. ст. В.П. Викторова. М.-Л., 1929.
57. Спирин Л.М. Еще раз о теоретико-методологических вопросах изучения истории непролетарских партий России // *Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: материалы конференции* / под общ. ред. акад. И.И. Минца. М., 1982. С. 3–10
58. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977.
59. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7. М.-Л., 1924–1927.
60. Степанов С.А. Банкротство аграрной программы черносотенных союзов. Якутск: Якут. фил. Сиб. отд. АН СССР, 1981.
61. Степанов С.А. Идеология черносотенных союзов и организаций // *Проблемы истории СССР*. М., 1982. Вып. 12. С. 170–182
62. Степанов С.А. Программы черносотенных организаций (1905–1907 гг.) // *Непролетарские партии России в трех революциях*. М., 1989. С. 105–111
63. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-Пресс, 2013.
64. Стеценко А.И., Точеный Д.С. Черносотенцы Поволжья в 1905 году (к истории борьбы социал-демократии с погромами правых монархистов) // *Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907 годах*. Куйбышев, 1985. С. 84–89
65. Стогов Д.И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Алгоритм, 2012.
66. Сысоева Е.К. Политика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы Первой русской революции: по материалам Москвы и Московской губернии: Дис... канд. ист. наук. М., 1978.
67. Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. 2-е изд. М., 1934.

■ История

68. Тамаркина Б.М. Партия большевиков в период Первой русской революции. М., 1958.
69. Телицын В.Л. Павел Васильевич Волобуев (1923–1997) // Историки России: послевоенное поколение. М.: АИРО-XX, 2000. С. 57–78
70. Титлинов В.П. Православие на службе самодержавия: из истории революционного движения учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений, 1860–1905 годы. Л., 1924.
71. Титлинов В.П. Церковь во время революции. Пг., 1924.
72. Тихонов В.В. Историческая наука в 1920-е годы: историографические заметки // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30 (321). С. 101–108
73. Томсинский С.Г. Борьба классов и партий в первой Государственной думе. Ростов н/Д, 1924.
74. Чемерисский И.А. Историография правомонархических организаций (1905–1920) // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: материалы конференции / под общ. ред. акад. И.И. Минца. М., 1982. С. 66–73
75. Черменский Е.Д. Борьба партий и классов в IV Государственной думе (1912–1917 гг.). М., 1947.
76. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 годов. М.-Л., 1939.
77. 1905 год. История революционного движения в отдельных очерках. Истпарт ЦК РКП(б) / под ред. М.Н. Покровского. Т. 2. М.-Л.: ГИЗ, 1925.
78. Вдовин А.И. Русский народ и проблемы формирования советской исторической общности (1930-е гг.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41178.php>
79. Работы Е.Д. Черменского о проблемах Февральской революции и ее предпосылках. Между двух революций. 1905–1917 [Электронный ресурс] // Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы «НЕТОР». 2000. № 3. Режим доступа: <http://secrethistory.su/1324-raboty-ed-chermenskogo-o-problemah-fevral'skoy-revolyucii-i-ee-predposylkah.html>
80. Шанин Т. Уроки истории и следующая революция: границы политического воображения // Отечественные записки. 2002. Вып. № 4–5 (5–6). <http://www.strana-oz.ru/2002/4/uroki-istorii-i-sleduyushchaya-revolyuciya-granicy-politicheskogo-voobrazheniya>.

Об авторе

Ивакин Григорий Анатольевич – д.и.н., заместитель начальника Управления образовательной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: ivakin@ranepa.ru.

THE CONCEPT OF THE «BLACK HUNDREDS» IN THE SOVIET HISTORICAL SCIENCE: RUNNING IN CIRCLES

Grigory A. Ivakin

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa). 82/5 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119571.

Abstract: *During the Soviet period, the right monarchism was considered by historians of our country as part of general methodological approaches to the study of non-proletarian parties. As ideological and political antagonist of Bolshevism, the Black Hundreds were interpreted as the most reactionary political movement of pre-revolutionary Russia. As a result, the full scientific debate on the right monarchism in the Soviet period did not take place, and Soviet historians failed to form a historical concept of the Black Hundreds as an ideological and political trend in the early twentieth century.*

Key words: Black Hundreds, the right monarchism, Soviet historical science, historiography, methodology.

References

1. Avreh A.Ja. III Duma i nachalo krizisa tret'eijun'skoj sistemy (1908–1909) [The Third Duma and the beginning of crisis for the system of 3rd June]. Istoricheskie zapiski. RAN SSSR. 1955. T. 53. pp. 50–109
2. Avreh A.Ja. Agrarnyj vopros v tret'eij Dume [Rural problems in the Third Duma]. Istoricheskie zapiski. 1958. №63. pp. 26–83
3. Avreh A.Ja. Carizm i tret'eijun'skaja sistema [Tsarism and the system of 3rd June]. Moscow: Nauka, 1966.
4. Avreh A.Ja. Carizm nakanune sverzhenija [Tsarism before being ousted]. Moscow: Nauka, 1989.

5. Bazhin A.A. Bor'ba partii bol'shevikov protiv chernosotennogo dvizhenija v gody Pervoj russkoj revoljucii (1905–1907 gg.) [Bolshevik party struggle against far-right during World War I]: PhD in History thesis. Moscow, 1979.
6. Barandov G.V. Stolypinskaja reakcija [Oppression under Stolypin]. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo polit. lit-ry, 1938.
7. Bondarenko K.M. Russkie i belorusskie monarhisty v literature 20–30-h gg. proshlogo veka [Russian and bielorrussian monarchists in literature of 1920–1930]. Białoruskie Zeszyty Historyczne, Belaruski gistoryчны zbornik. 2011. №35. S. 127–139
8. Volobuev P.V., Lejberov I.P. Prolog Oktjabrja. K 50-letiju Fevral'skoj burzhuažno-demokratičeskoj revoljucii [Before the October. To 50th anniversary of the February bourgeois democratic revolution]. Kommunist. 1959. № 3.
9. GARF. F. 116. Op. 1. D. 23. L. 43–43ob. Doklad predsedatelja Akkermanskogo otdela Sojuza russkogo naroda k utverzhennoj programme soveshhanij s'ezda v g. Nizhnem Novgorode 26 nojabrja 1915 g. [Report of the chairman for Accerman division of the Union of the Russian People on the adopted agenda of the Union's convention, 26 November 1915]
10. GARF. F. 116. Op. 2. D. 77. L. 1ob.
11. Gorovskij F.Ja. Bor'ba bol'shevikov za razreshenie nacional'nogo voprosa v gody revoljucionnogo pod'ema (po materialam IV Gosudarstvennoj dумы) [Bolshevik's struggle for national problems resolution in the years of revolutionary boost]. Moscow, 1950.
12. Gosudarstvennaja дума. Stenograficheskie otčety. Sozvyvy pervyj – četvertyj [State Duma. Full texts of speeches. 1–4 tenure]. Sanct-Petersberg, 1906–1917.
13. Demin V.T. Social-demokratičeskaja frakcija bol'shevikov v IV Gosudarstvennoj dume (1912–1914 gg.) [Social-democratic bolshevik faction in the 4th Duma]. Moscow, 1947.
14. Djakin V.S. Burzhuažija, dvorjanstvo i carizm v 1911–1914 godah: razloženie tret'eijun'skoj sistemy [the bourgeoisie, the nobility and tsarism in 1911–1914: decline of the system of 3rd June]. Leningrad: Nauka, 1988.
15. Djakin V.S. Samoderžavie: burzhuažija i dvorjanstvo [The absolute monarchy: the bourgeoisie and the nobility]. Leningrad, 1978.
16. Zavadskaia L.V. Agrarnyj vopros v I Gosudarstvennoj dume i bor'ba bol'shevikov za krest'janstvo [The rural problems in the 1st Duma and the bolshevik struggle for the peasantry]. Bol'sheviky vo glave Pervoj russkoj revoljucii 1905–1907 godov. Ed. by F. D. Kretova (gl. red.) [i dr.]. Moscow, 1956. pp. 431–438
17. Zaslavskij D.O. Rycar' monarhii Šul'gin [The Monarchial Knight Šulgin]. Moscow: Priboj, 1927.
18. Zevelev A.I., Sviridenko Ju.P., Pavlov D.B., Stepanskij A.D. Teoretiko-metodologičeskie, istoriograficheskie i arheograficheskie aspekty [Theoretical and methodological, historiographical and archeographic aspects]. Politicheskie partii Rossii: istorija i sovremennost'. M.: ROSSPJeN, 2000. pp. 5–66
19. Zelenov M.V. Spečran i istoričeskaja nauka v Sovetskoj Rossii v 1920–1930-e gody [Special savings and historical science in Soviet Russia in 1920–1930]. Otečestvennaja istorija. 2000. № 2. pp. 129–141
20. Ivanova A.I. Iz opyta bor'by kazanskich bol'shevikov protiv ideologii chernosotenstva v revoljucii 1905–1907 gg. [Kazan's bolsheviks' experience in fighting against far-right ideology in 1905–1907]. Obščestvennye otnošenija razvitogo socializma: (Vopr. teorii i istorii stanovlenija i sovershenstvovanija) / [Redkol.: Šhelkunov M. D. (otv. red.) i dr.]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1985.
21. Ioffe G.S. Krah rossijskoj monarhičeskoj kontrrevoljucii [The collapse of Russian monarchic counter-revolution]. Moscow, 1977.
22. Istorija Vsesojuznoj kommunističeskoj partii (bol'shevikov). Kratkij kurs [History of All-Russian Communist Party (bolsheviks). The short course]. pod red. komissii CK VKP(b). Moscow: Pravda, 1938.
23. Kandidov B.P. Krestom i nagajkoj: Počaevskaja lavra i chernosotennoe dvizhenie [Pochaivskaya Lawra and far-right movement]. Moscow, 1928.
24. Kandidov B.P. Cerkov' v 1905 godu (očerki i materialy) [The church in 1905]. Moscow, 1930.
25. Karpuhin D.V. Otečestvennaja istoriografija chernosotennyh sojuzov i organizacij [Russian historiography of far-right unions and organizations]. PhD in History thesis. Moscow, 2008.
26. Kir'janov Ju.I. Pravye partii v Rossii. 1911–1917 gg. [Right parties in Russia. 1911–1917]. Moscow, 2001.
27. Kiselev I.N., Korelin A.P., Shelohaev V.V. Politicheskie partii v Rossii v 1905–1907 godah: čislennost', sostav, razmeshhenie [Political parties in Russia in 1905–1907: numbers, structure, location]. Istorija SSSR. 1990. № 4. pp. 71–87
28. Kicheev V.G. Istorografija chernosotенno-monarhičeskih organizacij v Rossii v nachale XX veka [Historiography of far-right organizations in Russia at the beginning of XX century]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 315. pp. 88–95
29. Kicheev V.G. Sovetskaja istoriografija chernosotенno-monarhičeskih organizacij v Rossii v nachale XX veka [Soviet historiography of far-right organizations in Russia at the beginning of XX century]. Irkutskij istoriko-jeekonomičeskij ezhegodnik. Irkutsk: Izd-vo BGUJeP, 2007. pp. 33–40

■ История

30. Koval'chuk M.A. Bol'sheviki v tret'ej Gosudarstvennoj dume [Bolsheviks in the 3rd Duma]. Leningrad, 1950.
 31. Kogan I. Karatel'nye jekspedicii [Punishing operations]. Moscow, 1925.
 32. Komin V.V. Bankrotstvo burzhuaznyh partij v Rossii v period podgotovki i pobedy Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii [Bankruptcy of bourgeois parties in Russia during the period before the Great October socialist Revolution]. Moscow, 1965.
 33. Komin V.V. Istorija pomeshchich'ih, burzhuaznyh i melkoburzhuaznyh politicheskikh partij v Rossii. Fakul'tativnyj kurs lekcij dlja studentov istoricheskogo fakul'teta pedagogicheskogo instituta. Ch. I (1900 – ijun' 1917 gg.) [The history of nobleman, bourgeois and little- bourgeois political parties in Russia. Additional course. Part I]. Kalinin, 1970.
 34. Koroleva N.G. Pomeshchich'e-monarhicheskie organizacii v 1905–1907 godah [Landowners' and monarchist organizations in 1905-1907]. Obrazovanie, struktura, taktika. Neproletarskie partii Rossii v treh revoljucijah / Ed. by K.V. Gusev. Moscow: Nauka, 1989. pp. 101-104
 35. Kostomarov G.D. Chernaja sotnja pod flagom religii [Far-right allies with religion]. Moscow, 1931.
 36. Krizis samodержavija v Rossii [The crisis of autocrat monarchy in Russia]. Leningrad: Nauka, 1984.
 37. Lenin V.I. Stolypin i revoljucija [Stolypin and the revolution]. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. pjatoe. T. 20. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1973. pp. 324-333
 38. Lukojanov I.V. Djakin kak istorik [Dyakin as a historian]. Na puti k revoljucionnym potrasenijam: iz istorii Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: materialy konferencii pamjati V.S. Djakina / RAN In-t ros. ist. SPb. fil.; RAN In-t ros. ist. SPb. fil. Sanct-Petersburg-Kishinev: Nestor-Historia, 2001. pp. 29-37
 39. Ljubosh S.B. Russkij fashist Vladimir Purishkevich [Russian fashist Vladimir Purishkevich]. Leningrad, 1925.
 40. Mazis S.M. Vopros o strahovanii rabochih v III Gosudarstvennoj dume i strahovaja kampanija 1912–1914 godov [The issue of labour insurance in 3rd Duma and the campaign for insurance in 1912-1914]. Moscow, 1952.
 41. Monarhija pered krusheniem. Bumagi Nikolaja II i drugie dokumenty [Monarchy before bapticing. Nikolay the Second's papers]. Moscow-Leningrad, 1927.
 42. Neproletarskie partii Rossii v gody burzhuazno-demokraticeskikh revoljucij i v period nazrevanija socialisticheskoj revoljucii: materialy konferencii [Non-proletarian parties during bourgeois democratic revolutions and preparing for the socialist revolution]. Ed by akad. I.I. Minc. Moscow, 1982.
 43. Neproletarskie partii Rossii v treh revoljucijah [Non-proletarian parties under three revolutions]. Ed by K.V. Gusev. Moscow: Nauka, 1989.
 44. Neproletarskie partii Rossii. Urok istorii [Non-proletarian. Historical lessons]. Moscow: Mysl', 1984.
 45. Nechkina M.V. A.S. Griboedov i dekabristy [Griboedov and the Decembrists]. Moscow: Goslitizdat, 1947.
 46. Nechkina M.V. Vosstanie 14 dekabrja 1825 goda [The uprising of 14 December 1825]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1951.
 47. Ol'hovskij M.Z. Vnutridumskaja dejatel'nost' bol'shevistskoj frakcii IV Gosudarstvennoj dumy [Inner-Parliamentary activities of bolshevik faction in 4th Duma]. Moscow, 1952.
 48. Orlov I.B. Istorik stalinskoj jepohi na «fronte istoricheskogo nauki» [Historian of the Stalinist era on the front of historical science]. Har'kovskij istoriografichnij zbirnik. Vip. 11. H.: HNU imeni Karazina, 2012. pp. 117-130
 49. Pankratova A.M. Pervaja russkaja revoljucija 1905–1907 godov [The First Russian Revolution, 1905-1907]. Moscow: Politizdat, 1940
 50. Popov F.K. Popy-chnosotency. Ivanovo-Voznesensk, 1932.
 51. Rostov N.M. Duhovenstvo i russkaja kontrrevoljucija konca dinastii Romanovyh [The clergy and the Russian counter-revolution at the end of Romanov's era]. Moscow, 1930.
 52. Russkie v XX veke [the Russians in XX century]. Moscow: OLMA Media Grupp, 2004.
 53. Rylov V.Ju. Pravoe dvizhenie v Voronezhskoj gubernii (1903–1917) [Right movements in Voronezh region]. Voronezh, 2002.
 54. Semennikov V.P. Monarhija pered krusheniem 1914–1917: bumagi Nikolaja II i drugie dokumenty [The monarchy before the collapse in 1914-1917: Nikolay the Second's papers]. Moscow-Leningrad, 1927.
 55. Slepkov A.N. Klassovyje protivorechija v I Gosudarstvennoj dume [The class divisions in 1st Duma]. Ed. by M.N. Pokrovskij. Sanct-Petersburg, 1923.
 56. Sojuz russkogo naroda. Po materialam Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva v 1917 godu [The Union of the Russian people. Materials of the Urgent investigational commission in 1917]. sost. A. Chernovskij; red. i vstup. st. V.P. Viktorova. Moscow-Leningrad, 1929.
 57. Spirin L.M. Eshhe raz o teoretiko-metodologicheskikh voprosah izuchenija istorii neproletarskikh partij Rossii [Once again on the theoretical and methodological issues of Russian non-proletarian parties' history]. Neproletarskie partii Rossii v gody burzhuazno-demokraticeskikh revoljucij i v period nazrevanija socialisticheskoj revoljucii: materialy konferencii. Ed. by akad. I.I. Minc. Moscow, 1982. pp. 3-10
 58. Spirin L.M. Krushenie pomeshchich'ih i burzhuaznyh partij v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.) [The collapse of landowners' and bourgeois parties in Russia]. Moscow: Mysl', 1977.
-

59. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanij, dannyh v 1917 g. v Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva [Full texts of interrogation and statements of the Urgent investigational commission in 1917]. T. 1–7. Moscow-Leningrad, 1924–1927.
60. Stepanov S.A. Bankrotstvo agrarnoj programmy chernosotennyh sojuzov [The bankruptcy of agrarian agenda of far-right parties]. Jakutsk: Jakut. fil. Sib. otd. AN SSSR, 1981.
61. Stepanov S.A. Ideologija chernosotennyh sojuzov i organizacij [The ideology of far-right unions and organizations]. Problemy istorii SSSR. M., 1982. Vyp. 12. S. 170–182
62. Stepanov S.A. Programmy chernosotennyh organizacij (1905–1907 gg.) [Programs of far-right organizations in 1905–1917]. Neproletarskie partii Rossii v treh revolyucijah. Moscow, 1989. pp. 105–111
63. Stepanov S.A. Chernaja sotnja. Chto oni sdělali dlja velichija Rossii? [The Black hundred. What did the do for Russian greatness?] Moscow: Jauza-Press, 2013.
64. Stecenko A.I., Tochenyj D.S. Chernosotency Povolzh'ja v 1905 godu (k istorii bor'by social-demokratii s pogromami pravyyh monarhistov) [Far-rightist in the Volga region]. Klassovaja bor'ba v Povolzh'e v 1905–1907 godah. Kujbyshev, 1985. pp. 84–89
65. Stogov D.I. Chernosotency: zhizn' i smert' za velikuju Rossiju [The Black Hundred: life and death for the great Russia]. Ed. by O.A. Platonov. Moscow: Algoritm, 2012.
66. Sysoeva E.K. Politika ideologicheskogo vozdejstviya chernosotennyh partij na rabochih v gody Pervoj russkoj revolyucii: po materialam Moskvy i Moskovskoj gubernii: PhD in History Thesis [Far-right parties ideological policy towards proletarians during the First Russian Revolution]. Moscow, 1978.
67. Tager A.S. Carskaja Rossija i delo Bejlisa [Tsarist Russia and Beilis' case]. 2-e izd. Moscow, 1934.
68. Tamarkina B.M. Partija bol'shevikov v period Pervoj russkoj revolyucii [Bolshevik party during the First Russian Revolution]. Moscow, 1958.
69. Telicyn V.L. Pavel Vasil'evich Volobuev (1923–1997). Istoriiki Rossii: poslevoennoe pokolenie. Moscow: AIRO-HH, 2000. pp. 57–78
70. Titlinov V.P. Pravoslavie na sluzhbe samodержавija: iz istorii revolyucionnogo dvizhenija uchashhejsja molodezhi duhovnyh i srednih uchebnyh zavedenij, 1860–1905 gody [The Orthodoxy service to autocrat monarchy: from the history of revolutionary movement of students of religious and middle-level schools]. Leningrad, 1924.
71. Titlinov V.P. Cerkov' vo vremja revolyucii [The Church during the Revolution]. Sanct-Petersburg, 1924.
72. Tihonov V.V. Istoricheskaja nauka v 1920-e gody: istoriograficheskie zametki [Historical science in 1920–1929: historiographic notes]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 30 (321). pp. 101–108
73. Tomsinskij S.G. Bor'ba klassov i partij v pervoj Gosudarstvennoj dume [Class fighting and parties in the 1st Duma]. Rostov on the Done, 1924.
74. Chmerisskij I.A. Istoriografija pravomonarhicheskikh organizacij (1905–1920) [Historiography of right monarchic organization in 1905–1920]. Neproletarskie partii Rossii v gody burzhuažno-demokraticeskikh revolyucij i v period nazrevanija socialisticheskoy revolyucii: materialy konferencii. Ed. by akad. I.I. Minc. Moscow, 1982. S. 66–73
75. Chermenskij E.D. Bor'ba partij i klassov v IV Gosudarstvennoj dume (1912–1917 gg.) [Class fighting and parties in the 4th Duma]. Moscow, 1947.
76. Chermenskij E.D. Burzhuažija i carizm v revolyucii 1905–1907 godov [The bourgeoisie and tsarism in revolution 1905–1907]. Moscow-Leningrad, 1939.
77. 1905 god. Istoriya revolyucionnogo dvizhenija v otdel'nyh ocherkah. Istpart CK RKP(b) [History of revolutionary movement in certain articles]. Ed. by M.N. Pokrovskiy. T. 2. Moscow-Leningrad: GIZ, 1925.
78. Vdovin A.I. Russkij narod i problemy formirovanija sovsckoj istoricheskoy obshhnosti (1930-e gg.). [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.portal-slovo.ru/history/41178.php>
79. Raboty E.D. Chermenskogo o problemah Fevral'skoj revolyucii i ee predposylkah. Mezhdv dvuh revolyucij. 1905–1917 [Electronic resource]. Ezhekvar'tal'nyj zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoj Evropy «NESTOR». 2000. № 3. Mode of access: <http://secrethistory.ru/1324-raboty-ed-cherenskogo-o-problemah-fevral'skoj-revoljucii-i-ee-predposylkah.html>
80. Shanin T. Uroki istorii i sledujushhaja revolyucija: granicy politicheskogo voobrazhenija [Electronic resource]. Otechestvennye zapiski. 2002. Vyp. № 4–5 (5–6). Mode of access: <http://www.strana-oz.ru/2002/4/uroki-istorii-i-sleduyushchaya-revoljuciya-granicy-politicheskogo-voobrazheniya>.

About the author

Grigory A. Ivakin – Doctor of Historical Sciences, Department of educational policy, Deputy Chief Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: ivakin@ranepa.ru.

«ПИСЬМО КОРОЛЮ»: БЕЛЬГИЙСКИЙ СЕПАРАТИЗМ И УНИТАРИЗМ В СОЧИНЕНИИ ЖЮЛЯ ДЕСТРЕ

Э.В. Ермакова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Противоречия между регионами Бельгии – Валлонией и Фландрией – имеют долгую историю, связанную с неравномерным политическим, экономическим и культурным развитием территорий, которые в 1830 г. вошли в независимое государство – Королевство Бельгия. Одним из наиболее интересных источников по истории Бельгии данного периода является «Письмо королю», написанное выдающимся бельгийским политиком и литератором, социалистом Жюлем Дестре (1863 – 1936 гг.), и ставшее своего рода манифестом идей необходимости нахождения баланса между идеями сепаратизма и унитаризма.

В этой статье впервые в переводе автора на русский язык приводятся отрывки из документа, а также проводится историческая критика данного источника. Исследование базируется на комплексе методов и подходов, основанных на принципе научной объективности и системности, применяемых в исторических исследованиях. Основными методами являются историко-проблемный и компаративный анализ, классификация и сопоставление политико-исторических концепций.

В рамках внешней критики источника были определены место и время его создания, изучена биография автора текста; внутренняя критика источника воссоздаёт замысел произведения на фоне происходящих исторических событий. Ж.Дестре, высоко ценивший личные качества короля Альберта I, апеллирует к его опыту и политическому видению, описывая все проблемы, с которыми сталкивались валлоны в своём противостоянии фламандцам. В своём письме Ж. Дестре выразил протест против неравного развития регионов Бельгии и протекционистской политики центральной власти в отношении Фландрии в ущерб Валлонии. Он обобщил и сформулировал те факторы, которые, по его мнению, мешали полноценному развитию его страны. Дестре уделяет большое внимание языковым различиям, которые оказались в основе конфликтов между валлонами и фламандцами и которые до сих пор сотрясают Бельгию. Он размышляет над тем, что должна делать центральная власть для снижения национальной напряжённости, что объединяет два народа, а что разделяет, какой должна быть система образования, чтобы грядущие поколения смогли преодолеть историческую отчуждённость таких географически близких и таких идеологически далёких народов. И хотя Жюль Дестре твёрдо отстаивает идею сепаратизма для Валлонии как единственного решения проблемы, тем не менее, к концу своего письма-рассуждения он принимает более сбалансированную позицию. Идея унитарного государства уже не отрицается им полностью, но подчеркивается важность сбалансированной политики центральной власти по отношению к регионам для снижения внутренней напряжённости в отношениях между двумя народами. Идеи, заложенные в «Письме королю», легли в основу принципов дальнейшего мирного сосуществования автономных регионов в составе союза, что проявилось во время Первой мировой войны, когда валлоны и фламандцы бок о бок противостояли общему врагу.

Ключевые слова: Бельгия, Фландрия, Валлония, Жюль Дестре, Альберт I, сепаратизм, унитаризм, социализм, субъекты федерации.

Противоречия между регионами Бельгии – Валлонией и Фландрией – имеют долгую историю, связанную с неравномерным политическим, экономическим и культурным развитием территорий, которые в 1830 г. вошли в независимое государство – Королевство Бельгия. Сегодня, когда идеи сепаратизма всё увереннее расширяют географию, экскурс в историю сложных отношений между бельгийскими регионами Фландрией и Валлонией представляется как никогда своевременным. В наше время наблюдается острейшая фаза общеевропейского кризиса региональной политики ЕС и кризиса европейской идентичности. Несмотря на проведение гибкой региональной политики ЕС, в отдельных регионах Европы наряду с Бельгией сегодня наблюдаются сепаратистские тенденции (в Великобритании, Испании, Италии и др.). Мировой финансовый, экономический и социальный кризис, бюрократизация институтов ЕС, форсированное и зачастую неподготовленное расширение интеграционного объединения за счет новых членов осложняют европейские интеграционные процессы и усиливают кризис идентичности. Одновременно со «стиранием» границ внутри Европейского союза снова возникает дискуссия на государственном, региональном и местном уровнях о сущности государственного суверенитета, о перспективах развития государств-наций, о праве субъектов на самостоятельное развитие, вплоть до отделения. В этой связи «Письмо королю» выдающегося бельгийского политика и публициста Жюля Дестре можно рассматривать как своего рода базовый документ, в котором нашла отражение эволюция размышлений автора о трудной судьбе двух народов Бельгии – валлонов и фламандцев, – «обречённых» жить вместе в рамках унитарного государства.

Имя Жюля Дестре, выдающегося валлонского юриста, историка и политического деятеля, для бельгийцев играет особую роль в истории страны. Его именем назван научно-исследовательский институт регионального развития – один из самых авторитетных научных центров в Европе.

Отрывки из «Письма королю» часто цитируются в работах историков, посвящённых различным аспектам эволюции взаимоотношений между бельгийскими субъектами федерации – Валлонией, Фландрией, Брюссель-столицей – в работах С.В. Бирюкова и А.С. Намазовой [3; 7]. В зарубежной библиографии следует отметить работы Д.Крикманса и К.Ланно [11]; П. Дестатта [14]; Л.Де Лихтервельде [12]. Однако в них не даётся критика данного источника вследствие отсутствия полного перевода «Письма королю» на русский язык. Да и сама незаурядная личность автора всё ещё остаётся мало изученной в отечественной историографии, если не считать воспоминаний бывшего царского офицера, а затем активного участника Великой Октябрьской революции 1917 г. К.М. Оберучева «В дни

революции» [8]. В Бельгии изучением биографии и творчества Жюля Дестре занимались Ж.-А. Дюмон [16], а также Ф. Дестатт [13], которые, однако, не обратили должного внимания на эволюцию представлений Дестре. Роль Ж. Дестре, социалиста и сторонника интернационализма, в формулировании идеи единства бельгийской нации на основе баланса между центральной властью и региональным национальным сепаратизмом остаётся незаслуженно забытой и в отечественной историографии.

В этой статье впервые в переводе автора на русский язык приводятся отрывки из документа, а также проводится историческая критика данного источника. Исследование базируется на комплексе методов и подходов, основанных на принципе научной объективности и системности, применяемых в исторических исследованиях. Основными методами являются историко-проблемный и компаративный анализ, классификация и сопоставление политико-исторических концепций. В рамках внешней критики источника были определены место и время его создания, изучена биография автора текста; внутренняя критика источника воссоздаёт замысел произведения на фоне происходящих исторических событий.

«Письмо королю о разделении Фландрии и Валлонии» было написано выдающимся бельгийским политиком и литератором, социалистом Ж. Дестре (1863 – 1936 гг.) на французском языке и опубликовано 15 августа 1912 г. в «Бельгийском журнале» (*Revue de Belgique*), выходившем в 1869-1914 гг. в Брюсселе.

Его создатель – Ж. Дестре – родился в валлонском городе Марсинеле 21 августа 1863 г. в семье буржуазной интеллигенции (его отец был инженером-химиком), которая всегда и во всём принимала сторону трудового народа. Ж. Дестре с детства проявлял большой интерес к общественным наукам, учился хорошо и легко, что позволило ему очень рано, всего в двадцать лет, окончить юридический факультет Брюссельского университета. Юридическая практика Ж. Дестре развивалась параллельно с его литературным творчеством, он был довольно известным автором популярных публицистических произведений, отражавших его собственное видение мира, идею всеобщей справедливости и свободы, поскольку он был убеждённым приверженцем идей социализма. При этом он также интересовался искусством, путешествовал в Италию и сблизился с выдающимися художниками и литераторами своего времени [10].

В 1886 г. Дестре впервые почувствовал себя востребованным как юрист. Для Бельгии это было время массовых выступлений рабочих, особенно угольных бассейнов Льежа и Шарлеруа (в Валлонии). В знак протеста против тяжёлых условий труда и маленьких зарплат около 150 тыс. рабочих объявили забастовку и стали крушить заводское оборудование. Ж. Дестре в суде встал на сторону профсоюзных депутатов из Ра-

бочего союза. С этого ключевого момента началось его восхождение по политической лестнице. В 1892 г. он создаёт Демократическую федерацию города Шарлеруа, чтобы объединить рабочих Валлонии в борьбе за всеобщее избирательное право. Через два года его выбирают депутатом палаты представителей парламента Бельгии – пост, который он занимал вплоть до своей кончины в 1936 г. Одним из значимых произведений Ж. Дестре как юриста стал «Трудовой кодекс» 1904 г., построенный на идеях социализма. Помимо того, благодаря своему влиянию как депутата парламента, он добился создания в Валлонии эффективной системы обязательного всеобщего школьного образования, а также стал организатором народных университетов, что расширило и улучшило качество высшего образования в регионе. Реформы, которые Жюль Дестре провёл в области образования, действуют в Бельгии до сих пор [9].

Рис. 1.

Выдающийся бельгийский политик и литератор, социалист Жюль Дестре (1863 – 1936 гг.)

Источник: Culture. L'Université de Liège http://culture.ulg.ac.be/jcms/prod_945876/fr/il-y-a-100-ans-la-lettre-au-roi-de-jules-destree?part=1

Политические воззрения Ж. Дестре были точно определены с самого начала его профессиональной карьеры. Убеждённый социалист, он, тем не менее, был известен некоторым экстремизмом своих взглядов. Резкость и даже безапелляционность его суждений касались как вопросов внутренней политики Бельгии, так и международных отношений, в частности революционной России, в отношении которой у него сложилось весьма нелестное мнение, не свойственное приверженцам идеям социализма. Он был человеком импульсивным и увлекающимся, великолепным оратором, способным удерживать внимание многочисленной аудитории. В связи с этим интересны свидетельства К.М. Оберучева, полковника царской армии, а впоследствии эсера и активного участника революции 1917 г., брата героя Первой мировой

войны генерал-майора Николая Оберучева. К. Оберучев впервые встретился с Дестре в октябре 1917 г. в Петрограде, где тот находился со специальной шестимесячной миссией бельгийского правительства в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра. «Я не могу умолчать ещё об одном бельгийском социалисте, нынешнем бельгийском посланнике в России, – пишет Оберучев. – Я слышал его на многих митингах. Это было в январе 1913 года в Льеже, после победы клерикалов на выборах 1912 года. Победив социалистов, между прочим, обещаниями сокращения тяготей военной службы, клерикальное правительство выдвинуло военную программу, сильно обременяющую народ. И против этого горячо протестовали социалисты, и на том митинге, о котором я говорю, Ж. Дестре всей силой красноречия молодого адвоката и убеждённого социалиста, всей силой души своей горячо обличал правительство, так повернувшее фронт после победы. Передо мной стоял народный трибун, метавший грома против правительства, влекущего народ свой к ненужным жертвам. А затем... затем я встретил Ж. Дестре уже в Швейцарии, когда в конце 1914 года или начале 1915 года он приехал в Лозанну читать реферат о разгромленной Бельгии. Передо мной предстал измученный, много переживший и перестрадавший за это время человек, горячо любящий свою Родину и мучающийся за судьбы своего народа. Усталый, без огня и пафоса, со слезами на глазах и дрожью в голосе, рассказывал он скорбную повесть насилий, совершённых над Бельгией. И только, когда он заговорил о необходимости защищать свой народ, свою страну против насильников и нарушителей её нейтральности, заявив, что: «У нас нет теперь клерикального правительства, а есть правительство национальной обороны», я понял, что огонь любви к стране и народу в нём не угас и он, несмотря на усталый и измученный вид, ещё полон сил и готов к борьбе» [8].

Приведённый выше отрывок как нельзя лучше описывает Ж. Дестре как человека, политика и патриота, способного беспристрастно оценивать изменяющуюся реальность и принимать решения исключительно во благо своей Родины.

Начиная с конца XIX в., под воздействием зародившегося Валлонского движения (совокупность политических выступлений в Бельгии, выдвигавших лозунги валлонского единства и признания национально-лингвистической целостности Валлонии – Автор.) стали меняться бельгийские институты власти, что привело в дальнейшем к регионализации страны. Дестре последовательно выступает против политики поощрения одностороннего развития одного из бельгийских регионов (Фландрии) в ущерб другому (Валлонии). Благодаря его усилиям в 1898 г. парламент Бельгии принял закон, устанавливавший юридическое равноправие документов, написанных на нидерландском и французском языках [10]. Парламентские выборы 1912 г. за-

кончились крахом для валлонских социалистов и торжеством фламандских националистов. В то время правительство состояло в основном из католиков и опиралось на фламандское большинство. Его возглавлял барон Шарль де Броквиль, защищавший традиционно доминирующие позиции Фландрии в политической жизни страны [12, с. 369].

Ж. Дестре воспринял поражение левых партий как личный провал. Он отреагировал на поражение своей партии знаменитым открытым письмом королю Альберту I о необходимости разделения Валлонии и Фландрии. «Письмо королю» Альберту I сразу же стало своего рода программой развития регионов Бельгии на основе равноправного и сбалансированного развития каждого из субъектов федерации. Письмо появилось в сложный для социалистического движения Бельгии момент. Ж. Дестре постоянно развивает свою теорию о дуализме между фламандцами и валлонами, согласно которому всё лучшее двух народов не может проявиться из-за официальной политики искусственного нивелирования их аутентичности, которую проводят бельгийские власти. Реализация данного тезиса нашла отражение в участии Дестре в Съезде валлонов в Льеже в 1912 г., главной темой которого стало обсуждение вопроса об административном разделении Фландрии и Валлонии.

Идея написать открытое письмо королю бельгийцев Альберту I связана напрямую с личностью самого монарха. Альберт I был прекрасно образован, увлекался искусством и литературой, занимался альпинизмом (он трагически погиб в 1934 г., совершая восхождение на горную вершину Марш-ле-Дам), сам водил автомобиль, отличаясь скромностью и демократичностью. Во время Первой мировой войны король проявил поразительное мужество, выступив против Германии, несмотря на нейтралитет своей страны. Решение монарха отказаться от нейтралитета, не приняв ультиматум Германии о предоставлении территории Бельгии для её войск, и вступить в войну на стороне Франции и Великобритании удивило всю Европу. Ни для кого не было секретом, что все бельгийские монархи вышли из германских принцев. Альберт I не покидал линию фронта ни на день, за что его стали называть «королём-солдатом» [19].

Дестре считал, что Альберт I в силу присущих ему личных качеств мог бы воспринять некоторые важные тезисы «Письма». Вот как он объясняет мотивы своего решения обратиться напрямую к монарху: «Вы – самый первый гражданин страны, который находится над нашими повседневными битвами. Вы похожи, возможно, на путешественника, стоящего на вершине горы, откуда открывается более широкий горизонт, что позволяет Вам видеть скапливающиеся чёрные тучи и надвигающуюся грозу лучше, чем Вашим советникам, которые остались внизу, на равнине» [15].

Давать советы монарху – неблагодарное и рискованное дело. Мало кто может себе такое позволить. Тем более, когда речь идёт о советах прямых, скорее похожих на приказы. Дестре с открытым забралом обращается к королю, не опасаясь ни его гнева, ни последствий его реакции. На первый взгляд довольно странное поведение для опытного политика и тонкого психолога, которым был Дестре. На самом деле он очень высоко ценил своего короля. Знал, что Альберт I был государственным деятелем с большой буквы, способным с пользой для страны и для себя оценить и критику, и похвалу. «... Для того чтобы политическая основа государства, созданного из двух разных народов, могла гармонично двигаться навстречу общему процветанию, нужно, чтобы ни один из этих народов не был унижен или же думал, что унижен в пользу другого. Равновесие, которое Вашей властью Вы намерены реализовать, деликатно и затруднительно, но именно оно является условием единства и будущего для Вашего королевства» [15].

В «Письме» Ж. Дестре смело отстаивает позиции Социалистической партии, отмечая вал критики в адрес её членов, которых со всех сторон обвиняли в отсутствии патриотизма. Интернационализм, на котором основывалась международная концепция социализма, считался антонимом патриотизма, непростительным пороком, убивающим нацию. Тяжёлые обвинения, учитывая тот факт, что до начала Первой мировой войны оставалось всего лишь два года. «Выслушайте меня до конца, Сир, а потом Вы решите сами, – пишет Дестре. – Возможно, существует несколько способов любить свою Родину... Возможно, существует несколько способов понять, каким в будущем станет национальное единство... Несомненно, социалисты являются интернационалистами. И я, как и мои друзья, думаю, что замечательно укреплять согласие между народами. И чем больше эти народы будут логически оформлены, чем сильнее они будут организованы, чем больше они будут независимы и свободны, тем прочнее и плодотворнее будут между ними союзы. Централизованный деспотизм, который может силой уничтожить саму сущность наций, служит лишь препятствием Интернационалу... Таким образом, можно одновременно мечтать о Соединённых Штатах Европы и любить Родину» [15].

Достаточно объёмная часть «Письма» посвящена главной проблеме Бельгии, которая и в наши дни остаётся на политической повестке дня – это непреодолимые различия между фламандцами и валлонами, от которых ни одна из сторон не желает отказываться. Дестре даёт объяснение этому феномену с разных точек зрения – экономической, политической, культурной. А начинается эта часть послания знаменитой фразой, которая стала своеобразным эпиграфом всего послания королю: «А теперь разрешите мне открыть Вам страшную правду: бельгийцев не существует. Я имею в виду то, что Бельгия –

это государство в политическом смысле этого слова, созданное достаточно искусственно. Но в нём нет одной нации. Оно образовалось только в 1830 г. Это действительно слишком малый срок. Я знаю, что существуют утверждения, что страна существовала и раньше в латентном виде. Я знаю и то, что даже во время правления герцогов Бургундских ей так и не удалось реализоваться» [15].

Дестре твёрдо стоял на позициях объективных различий между валлонами и фламандцами, которые невозможно преодолеть ни при каких обстоятельствах. В то время экономически развитая Валлония, по мнению Дестре, абсолютно во всём опережавшая Фландрию, незаслуженно была обделена центральной властью в отличие от сельскохозяйственной Фландрии, которая пользовалась всеми политическими и административными привилегиями.

Говоря о различиях в национальных характерах двух народов, Дестре отмечает нетерпимость, упрямство, терпение и дисциплинированность фламандцев в отличие от валлонов, которые известны своей живостью, непостоянством, постоянным антагонизмом по отношению к власти. Взаимоотношение с религией тоже разное. Если фламандцы, по мнению Дестре, в большинстве своём не просто католики, а «агрессивные и примитивные» католики, то для валлонов вера представляет собой в большей степени просто дань привычке. Поэтому среди них так много свободолюбивых людей.

Однако корень различия между двумя народами скрывается, по мнению Дестре, в национальном языке, в его использовании, в его изучении и распространении. Угнетение одного языка за счёт другого, считает автор «Письма», может привести к самым крайним проявлениям национальной ненависти. «Язык, – пишет Дестре, – это сокровище, накопленное за долгие годы и предназначенное для человечества. В нём эхом отражаются нравы, верования, страдания людей... В привязанности к родному языку заключена некая таинственность, которую нельзя объяснить рационально. Она восходит к нашему глубокому подсознанию. И только отталкиваясь от такого подхода, можно представить себе миллионы тончайших связей, объясняющих [эту привязанность. – Автор], уходящих в глубокую историю. И тогда только можно понять священный характер языка и то, насколько деликатны и неразрешимы рациональным путём те вопросы, которые возникают при использовании языка» [15].

Отталкиваясь от вышеизложенного рассуждения, Жюль Дестре делает вывод, мгновенно ставший самым хлёстким вызовом Альберту I: «Вы правите двумя народами. В Бельгии проживают два народа: валлоны и фламандцы; бельгийцев не существует».

Далее Дестре делает короткий экскурс в историю Бельгии. После того, как Лондонское соглашение союзных держав 1831 г. де-юре признало независимость страны, Бельгия стала

унитарным государством, в котором реальная власть сосредоточилась в руках федерального парламента и федерального правительства [6, с. 238]. В тот период перевес сил был на стороне Валлонии. Бельгийская революция, предшествовавшая государственному оформлению страны, была задумана против Голландии и при полной поддержке Франции. Валлоны участвовали в этих событиях в первых рядах. Нельзя забывать, указывает в «Письме» Дестре, что одной из главных причин Бельгийской революции стал обязательный статус нидерландского языка, введённый принцем Оранским в 1814 г., что вызвало естественный протест франкоговорящих валлонов [6, с. 238].

Конечно же, Дестре имел в виду тот факт, что сама Бельгия как самостоятельное государство возникла искусственно. Поэтому и народы, её населяющие, не имели исторической возможности научиться жить вместе, понять друг друга, а значит, и принять свои особенности. Дестре делает беспрецедентную попытку понять и классифицировать социальные группы бельгийского общества. Однако в результате психологического и социально-политического анализа феномена, который принято называть «бельгийской душой», он делает весьма резкий вывод: «Нет, Сир, бельгийской души не существует. Слияние фламандцев и валлонов нежелательно, да и невозможно» [15].

Унитарному Бельгийскому государству очень недолго удавалось сохранять национальную и политическую сбалансированность. Фламандцы скоро осознали, что остаются на вторых ролях в новом едином государстве, в котором официальным языком был провозглашен французский. К середине XIX в. фламандцы уже активно выступают за всестороннее официальное признание языка и культуры, что сразу же встретило резкую реакцию со стороны франкоязычной элиты. Противостоять напору фламандской стороны было возможно также благодаря избирательному праву, построенному по имущественному цензу. Оно давало право зажиточным франкоязычным бельгийцам побеждать на выборах [4].

Фландрия всегда напрямую связывала проблемы расширения своих полномочий в различных сферах с проблемами языковой автономии. В данном контексте законы, касающиеся языковых различий, стали появляться в середине XIX в. [20, с. 345]. В 1898 г. был принят закон, подтверждавший принцип «двуязычности», но не равенства языков. Следующим шагом стали законы 1920–1930 гг., установившие равенство фламандского и французского языков. Фламандский стал языком управления во Фландрии. Наконец, высокий уровень рождаемости на севере страны способствовал увеличению доли фламандцев в структуре населения Бельгии [3, с. 21–37].

Уже накануне Первой мировой войны представители Валлонского движения выступили

за радикальную конституционную реформу страны. Однако усиление Валлонского движения было приостановлено усилением позиций валлонских социалистов, которые отвергали любые проявления национализма, включая федерализацию страны. В свою очередь, в предвоенной Фландрии увеличивалось влияние католической церкви в противовес социалистическим идеям. Приверженность религиозным ценностям и защита национального языка сформировали удачную формулу общенациональной идеи, которая легко пустила корни среди широких слоёв фламандского населения Бельгии.

Поражение валлонских социалистов на парламентских выборах 1912 г. вызвало большую тревогу у Ж. Дестре. Последствием этого события стал курс центральной власти на продвижение фламандского языка в ущерб французскому: была проведена реформа фламандского, в соответствии с которой были объединены под общим правилом все местные диалекты этого языка. В 1864 г. был выпущен Новый большой словарь нидерландского языка, в 1855 г. премьер-министр Бельгии фландец Пьер де Декер стал инициатором программы по продвижению фламандской литературы, отодвигая французские книги на второй план [15].

Ж. Дестре с глубокой досадой пишет королю о так называемом бытовом национализме фламандцев по отношению к валлонам, который выражался в принуждении использовать только фламандский во всех сферах жизни, включая школьное образование. «Оскорбления, угрозы, унижение, принуждение происходят постоянно. Те фламандцы, которые не хотят порывать связь с французской цивилизацией, подвергаются презрению и издевательствам. Вершиной этого процесса, который поддерживается с поразительным упорством, стало закрытие последнего очага французской культуры во Фландрии – Гентского университета» [15].

С энергией профессионального публициста Ж. Дестре чётко формулирует основные претензии Валлонии к центральной власти. «У нас отобрали государственные должности, – пишет Дестре о преимуществе фламандцев в найме на государственную службу. – ...У нас отобрали наши деньги (о государственных субсидиях регионам. – Автор.). У нас отобрали нашу безопасность (о нежелании фламандцев служить в армии – Автор.). У нас отобрали нашу свободу», – подытоживает Дестре [15].

В конце письма-рассуждения Дестре делает очень важные выводы, в значительной степени предопределившие будущее развитие Бельгии. В разделе «Бельгия в опасности», Дестре даёт смелую характеристику бельгийским руководителям: «Среди Ваших советников и руководителей государственных учреждений существует два вида очень опасных политиков, опасных, потому что у них нет открытого разума. Первый тип политиков видит зло, но считает, что власть всегда права... Ко второму типу относятся те, кто

видят зло и осуждают тех, кто это зло критикует... Репрессии или отрицание (очевидного) не являются теми рецептами, которые могли бы Вас устроить. Вот другое решение – отделение... Да здравствует административное разделение!» [15].

Но вместе с тем Дестре хорошо отдаёт себе отчёт в том, что сепаратизм, даже в сфере административной, может нанести непоправимый ущерб национальному единству Бельгии вообще и королевской власти в частности. Уже на протяжении создания «Письма» можно проследить эволюцию его рассуждений о сепаратизме и унитаризме. Резкий тон начала «Письма», категоричность рассуждений о притеснении Валлонии несколько смягчаются и уравниваются по мере развития текста «Письма», которое даже по стилю ближе к окончанию больше напоминает размышления, нежели безапелляционные рекомендации. Об этом свидетельствует один из заключительных фрагментов этого документа: «Сепаратизм будет, прежде всего, тем, что из него сделают обстоятельства. Если у правителей будет достаточно мудрости, чтобы впредь не угнетать Валлонию, чтобы изучить её беды, чтобы доверенные лица (Валлонии) ощутили на себе изменения к лучшему, возможно, что (Валлонское) движение затихнет и удовлетворится несколько более надёжной автономией и более мягкими отношениями с центральной властью» [15]. Изменение тональности связано, прежде всего, с тем, что Дестре, будучи выдающимся философом и политиком, обладал безусловным даром объективно оценить явление, даже, если его оценка изначально не вписывалась в его концепцию. Качество редкое для мира большой политики.

Дестре всё ближе подходит к идее федерального устройства страны, задвинув на самый дальний план революционные мысли о полном отделении Валлонии: «Бельгия создана из союза двух независимых и свободных народов, согласованно существующих вместе в результате этой обоюдной независимости. Не станет ли такая Бельгия государством более прочным, нежели Бельгия, где одна половина населения угнетается другой? Тогда в сложные дни международных конфликтов сердца фламандцев и валлонов бились бы как одно, защищая их общую родину и свободу. Но, если будут распространяться раздражение и ненависть, то, как можно надеяться, что валлоны станут с таким же жаром защищать свою родину и свободу, как и фламандцы?... Вы заявили, что Ваше королевство состоит из «двух народов одинаково мужественных и талантливых»... Союз (двух народов) представляет большую силу, нежели их единство» [15].

Король Альберт I внимательно прочёл «Письмо», но публично на него не ответил. Однако продиктовал своему личному секретарю деловое письмо с комментариями: «Я прочёл «Письмо» Дестре, который, несомненно, является литератором огромного таланта. Всё, что он говорит, абсолютно верно, но также верно и то,

что административное разделение могло бы нанести много вреда, что повлекло бы за собой гораздо больше опасностей и бед, нежели нынешнее положение» [15].

Политическое предвидение Ж. Дестре, выраженное в «Письме королю», о свободном союзе двух равноправных народов – валлонов и фламандцев – полностью подтвердилось во время Первой мировой войны, когда они бок о бок мужественно защищали свою общую Родину. Именно этот судьбоносный период для всех стран оказал мощное влияние на развитие в Бельгии идей национального примирения для укрепления унитарного государства, одним из проводников которых стал Ж. Дестре. Удивительнее всего оказался тот факт, что адресат знаменитого «Письма» король бельгийцев Альберт I, которому Дестре предъявил столько претензий, в первые же месяцы Первой мировой войны стал символом единства бельгийского государства. Король-солдат, как его называли подданные, сумел объединить представителей всех без исключения национальностей страны. Активная поддержка действий короля со стороны населения объяснялась, прежде всего, крайней жестокостью германских оккупационных сил, массовыми убийствами мирных жителей. Террор был особенно кровавым в первые две недели оккупации в августе-сентябре 1914 г., несмотря на то, что на тот момент значительная часть фламандцев выступала за политику коллаборационизма с Германией. Перед лицом общей опасности король Альберт I собрал под знамёнами единой Бельгии непримиримых валлонов и фламандцев, которым удалось ценой жизни 58 637 солдат и 10 000 мирных жителей отстоять независимость своей единой Родины [12].

Естественный для этого исторического периода всеобщий всплеск патриотизма не мог не повлиять на мировоззрение бельгийских политиков и учёных, которые всё отчётливее формулировали преимущества унитарного государства с равноправным федеративным устройством. Жюль Дестре не был исключением из этого широкого списка защитников единого бельгийского государства.

Так идея унитаризма, наметившаяся во время размышлений над судьбой бельгийского государства в «Письме королю», получила практическое подтверждение. Развитие идей унитаризма нашло отражение в публицистических работах Дестре. Так, в мае 1916 г. Дестре публикует во французском еженедельнике «Гранд ревью» статью, в которой, в частности, говорится: «Бельгийцы проявили волю жить вместе, волю к свободе и независимости (...) Так Бельгия стала нацией, нацией непобедимой» [17, с. 435-436].

К сожалению, всплеск патриотического единения в Бельгии перед лицом общей угрозы быстро сошёл на нет сразу же после окончания Первой мировой войны. Независимое государство в самом центре Европы, основанное на конституционной парламентской монархии, снова погрузилось в прежние межнациональные конфликты. В современной истории Бельгии можно выделить три периода, когда стране самостоятельно удавалось на время забыть о межнациональных взаимных упреках. Речь идёт о создании независимого королевства Бельгии в 1830 г.; Первой и Второй мировых войнах. Единая суверенная территория только на эти периоды примиряла традиционных участников бельгийского «территориального калейдоскопа», несколько снижая внутреннюю напряженность. Всё остальное время Валлония и Фландрия – две постоянно соперничающие части Бельгии – вовлекались в очередной виток противостояния, связанного и с неравномерностью экономического развития, и с разбалансированностью государственной поддержки регионам, и с проблемой официального языка.

Исследование текста «Письма королю» Жюль Дестре, его формулировок и выводов, нюансов и интенсивности стиля позволяет проследить эволюцию его рассуждений от идей сепаратизма к убеждённости в необходимости сохранения унитарного государства, понять корни современных межнациональных конфликтов в Бельгии, а также изучить методы управления многонациональным европейским государством, многие из которых впоследствии легли в основу государственной политики нынешнего Королевства Бельгия.

Список литературы

1. Бельгия в Первой мировой войне [Электронный ресурс]. // Wikimedia Foundation. 2010. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1744867> (дата обращения: 20.01.2016)
2. Бельгия: тупик федерализма или кризис его развития? / С.В. Бирюков, А.М. Барсуков. М.: Тезис, 2010. 219 с.
3. Бирюков С. В. Бельгийский федерализм как модель кризиса европейского федерализма. // Вестник Московского университета. 2009. № 4. С.21–37.
4. Гессен В.М. Основы конституционного права. 2-е изд. [Электронный ресурс]. Петроград: издание юридического книжного склада «Право», типолитография товарищества А.Ф. Маркс, 1918 г. Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5148630/chapter/4/> (дата обращения: 20.01.2016)
5. Ермакова Э.В. «Внешние связи регионов Бельгии в системе европейских отношений (1957-по н/в)». Дисс. ... канд. истор. наук. М.: МГИМО МИД России, 2014. 193 с.

6. Лексин И.В. Государственное устройство федераций в составе Европейского союза: учебное пособие. М.: ИД «Форум»: ИНФРА-М, 2011. С. 238.
7. Намазова А.С. Бельгия. Исторический опыт: традиции и современность. (Курс лекций) / А.С.Намазова. М.: ИВИ РАН, 2001. 174 с.
8. Оберучев К.М. В дни революции: воспоминания участника великой русской революции 1917-го года. Нью-Йорк: First Russian Publishing Corporation, 1919. 143 с.
9. Charleroi Découverte [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.charleroi-decouverte.be/index.php?id=93> (дата обращения: 20.01.2016)
10. Connaitre la Wallonie. Jules Destrée. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://connaitrelawallonie.wallonie.be/fr/wallons-marquants/merite/destree-jules#.VmNFMf_sljo (дата обращения: 20.01.2016)
11. Crieckemans D. Les relations extérieures de la Flandre, de la Communauté française, de la Région Wallonne et de la Région de Bruxelles-Capitale./D.Crieckemans, C. Lanneau // M.Wijngaert (red.) D'une Belgique à une Belgique fédérale. 40 ans d'évolution politique des Communautés et des Régions (1971 – 2011). Bruxelles: ASP, 2012. 242 p.
12. De Lichtervelde L. Charles de Broqueville. Biographie Nationale de Belgique. / L. De Lichtervelde// Revue belge de philologie et d'histoire. 1960 . Vol. 38, No. 38–4. P. 369.
13. Destatte Philippe, Destree Jules, dans Encyclopédie du Mouvement wallon, notice 1924.
14. Destatte P. L'identité Wallonne: Aperçu historique / P. Destatte. Namur: Editions Institut Destrée, 1990. 96 p.
15. Destrée J. La letter au Roi sur la separation de la Wallonie et de la Flandre [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.institut-destree.eu/Publications/Jules-Destree_Lettre-au-roi_1912-08-15_Extrait_Revue-de-Belgique.pdf (дата обращения: 12.12.2015)
16. Dumont Georges-Henri, DESTREE Jules, dans Nouvelle Biographie nationale, t. 5, Bruxelles, Académie royale, 1999, pp. 117 – 123.
17. Jules Destrée Biographie [Электронный ресурс]. // Académie royale de langue et de littérature françaises de Belgique. Режим доступа: <http://www.arlfb.be/composition/membres/destree.html> (дата обращения: 12.12.2015)
18. Landro, 30 août, A Jules Ingebleek, secrétaire privé du Roi et de la Reine, lettre reproduite in extenso in M-R Thielemans et E. Vandewoude, Le Roi Albert au travers de ses lettres inédites, Office international de librairie, Bruxelles, 1982, p. 435-436.
19. Laurence Van Ypersele, Le Roi Albert, Histoire d'un mythe, Mons, éditions Labor, 2006. 532 p. (ISBN 2-8040-2176-9), p. 104.
20. Swinggers P. L'antagonisme linguistiques en Belgique 1830–1850 / M.-Ch. Kok-Escalte, F.Melka. Changement politiques et statut des langues et épistémologie. 1780–1945. Amsterdam: Ed.Rodopi, 2001. P. 345.

Об авторе

Ермакова Элла Владимировна – к.и.н., ст. преподаватель кафедры французского языка МГИМО МИД России. E-mail: ella_ermakov@mail.ru.

"LETTER TO THE KING" BY JULES DESTREE: FROM SEPARATISM TO UNITARISM IN BELGIUM

E.V. Ermakova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Contradictions between the regions of Belgium - Wallonia and Flanders - have a long history associated with uneven political, economic and cultural development of the territories, which in 1830 became parts of an independent state, the Kingdom of Belgium. The "Letter to the King", written by eminent Belgian politician and writer, socialist Jules Destrée (1863 - 1936 gg.), is one of the most interesting sources on the history of Belgium of this period. It became a kind of manifesto of balance between the ideas of separatism and unitarianism.*

This article includes excerpts from the "Letter to the King", which were given for the first time in the author's Russian translation and conducted historical criticism of the source. The study is based on a set of scientific methods and approaches, including the principle of scientific objectivity and systematic ap-

■ История

proach, used in historical research. The main methods are problematic and historical-comparative analysis, classification and comparison of political and historical concepts.

An external source of criticism included information about the place and the time of the creation of document, the biography of the author studies; internal critic source recreates the idea of the letter and the background of historical events.

Prominent Belgian politician and writer, socialist Jules Destree (1863 - 1936), highly appreciated the personal qualities of King Albert I, appealed to his experience and political vision, describing all the problems Walloons faced in their opposition to the Flemish. Destree in his letter opposed the unequal development of the regions of Belgium and the protectionist policies of the central government in respect to the detriment of Flanders Wallonia. He summarized and formulated the factors that, in his opinion, interfere with the full development of his country. Destree pays great attention to linguistic differences, which were at the heart of conflicts between Walloons and Flemings, and are still shaken by Belgium. He reflects on the fact that the central government should be doing to reduce the national tensions that unites two people, and that the shares, which should be a system of education that future generations were able to overcome the historical alienation of such geographically close and ideologically distant peoples. Although Jules Destree firmly defends separatism idea for Wallonia as the only solution to the problem, however, by the end of his letter, reasoning it takes a more balanced position. The idea of a unitary state was not denied completely, but Destree emphasizes the importance of a balanced central government policy in relation to the regions in order to reduce internal tensions between the two nations. The ideas embodied in his "Letter to the King", formed the basis of the principles of peaceful co-existence of further autonomous regions as part of the union, which was manifested in the future during the First World War, when the Walloons and Flemings alongside confronted a common enemy.

Key words: Belgium, Flanders, Wallonia, Jules Destree, Albert I, separatism, Unitarianism, socialism, the subjects of the federation.

References

1. Bel'giia v Pervoi mirovoi voine [Belgium in World War I]. Wikimedia Foundation, 2010. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1744867> (accessed: 20.01.2016) (In Russian)
2. Belgium federalism deadlock or a crisis of its development? / S.V. Biryukov, A.M. Barsukov. Moscow, Tezis Publ., 2010. 219 p. (In Russian)
3. Biryukov S.V. "Belgian federalism as a crisis of the European model of federalism". Vestnik Moskovskogo universiteta - Bulletin of Moscow University, no. 4, 2009, pp. 21-37. (In Russian)
4. Gessen V.M. Osnovy konstitutsionnogo prava [Basics of constitutional law]. 2nd ed. Petrograd, izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», tipolitografiya tovarishchestva A.F. Marks. 1918. Web. <<http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5148630/chapter/4/>>
5. Ermakova E.V. External relations of the regions of Belgium in the EU relations (1957-present). Ph.D. diss. Moscow, 2014. (In Russian)
6. Leksin I.V. Gosudarstvennoe ustroystvo federatsiy v sostave Evropeyskogo soyuza [The political system of federations in the European Union]. Moscow, ID «Forum»: INFRA-M Publ., 2011. (In Russian)
7. Namazova A.S. Bel'giya. Istoricheskiy opyt: traditsii i sovremennost' [Belgium. Historical experience: tradition and modernity]. Moscow, IVI RAN Publ., 2001. (In Russian)
8. Oberuchev K. M. V dni revolyutsii: vospominaniya uchastnika velikoy russkoy revolyutsii 1917-go goda [In the days of the revolution: the memories of the great party of the Russian Revolution of 1917]. New York, First Russian Publishing Corporation, 1919. 143 p. (In Russian)
9. Charleroi Découverte. Web. <<http://www.charleroi-decouverte.be/index.php?id=93>>
10. Connâître la Wallonie. Jules Destrée. Web. <http://connaitrelawallonie.wallonie.be/fr/wallons-marquants/merite/destree-jules#.VmNFMf_sljo>
11. Crieckemans D. Les relations extérieures de la Flandre, de la Communauté française, de la Région Wallonne et de la Région de Bruxelles-Capitale. / D.Crieckemans, C. Lanneau // M.Wijngaert (red.) D'une Belgique à une Belgique fédérale. 40 ans d'évolution politique des Communautés et des Régions (1971 2011). Bruxelles: ASP, 2012. 242 p.
12. De Lichtervelde L. Charles de Broqueville. Biographie Nationale de Belgique. / L. De Lichtervelde. Revue belge de philologie et d'histoire, 1960, vol. 38, no. 38-4, pp. 369.
13. Destatte Philippe, Destree Jules. Dans Encyclopédie du Mouvement wallon, notice 1924.
14. Destatte P. L'identité Wallonne: Aperçu historique / P. Destatte. Namur: Editions Institut Destrée, 1990. 96 p.

15. Destrée J. La lettre au Roi sur la separation de la Wallonie et de la Flandre / J. Destrée. Available at: http://www.institut-destree.eu/Publications/Jules-Destree_Lettre-au-roi_1912-08-15_Extrait_Revue-de-Belgique.pdf (Accessed: 12.12.2015)
16. Dumont Georges-Henri, Destree Jules, dans Nouvelle Biographie nationale, v. 5, Bruxelles, Académie royale, 1999, pp. 117-123.
17. Jules Destrée Biographie. Académie royale de langue et de littérature françaises de Belgique. Available at: <http://www.arlfb.be/composition/membres/destree.html> (Accessed: 12.12.2015)
18. Landro, 30 août, A Jules Ingebleek, secrétaire privé du Roi et de la Reine, lettre reproduite in extenso in M-R Thielemans et E. Vandewoude, Le Roi Albert au travers de ses lettres inédites, Office international de librairie, Bruxelles, 1982, p. 435-436.
19. Laurence Van Ypersele, Le Roi Albert, Histoire d'un mythe, Mons, éditions Labor, 2006. 532 p. (ISBN 2-8040-2176-9), p. 104.
20. Swinggers P. L'antagonisme linguistiques en Belgique 1830–1850 / M.-Ch. Kok-Escalte, F.Melka. Change-ment politiques et statut des langues et épistémologie. 1780–1945. Amsterdam: Ed.Rodopi, 2001. P. 345.

About the author

Ella V. Ermakova – PhD in History, Senior Lecturer of the Department of French at MGIMO-University.
E-mail: ella_ermakov@mail.ru

ЧЕТЫРЕ ПРОБЛЕМЫ ШОС В СВЕТЕ ВОПРОСА О РАСШИРЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ

И.Е. Денисов, И.А. Сафранчук

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Одна из основных проблем ШОС – вопрос расширения. Традиционно он рассматривается с позиций практической политики. Но по мере затягивания этого спора о расширении состава государств-членов в нём появляется все большая глубина. В дискуссии о расширении проявляется своеобразная политическая культура ШОС, а также известный на примере других организаций вопрос о «разноуровневости» при расширении состава участников. Но главное? в рамках споров о расширении начинает оформляться вопрос о будущем организации – будущем глобальном (как его в большей степени видит Россия) или будущем региональном (как его в большей степени видит Китай). ШОС, таким образом, стоит перед одним из важнейших противоречий современного мира: коллизией трендов глобализации и регионализации. Пока дебаты об этих трендах и их соотношении идут на уровне политических, экономических и социальных наук, ШОС сталкивается с необходимостью нахождения практического выбора в пользу одного из трендов либо нахождения модальности их сочетания при определении приоритетов своей работы. Статья переформулирует проблему расширения из вопроса практической политики в вопрос нахождения в дальнейшей стратегии ШОС баланса между трендами глобализации и регионализации, что позволит на практическом уровне согласовать основные интересы России и КНР в Евразии.

Ключевые слова: ШОС, Россия, Китай, глобализация, регионализация.

В Декларации саммита ШОС, проходившего в 2015 г. в Уфе (Россия), говорится: «они (государства-члены – прим. авт.) с удовлетворением констатируют принятие решения о начале процедуры приема Индии и Пакистана в ШОС» [18]. Однако дискуссия о сроках реализации этого решения продолжается; временами она даже возвращается к рассуждениям о целесообразности принятия Индии и Пакистана в ШОС. Причем, споры по этому поводу выходят за рамки дебатов только в категориях практической политики, они начинают затрагивать более общие вопросы роли ШОС в настоящем и перспектив её развития в будущем. Тем самым вопрос расширения ШОС становится интересным не только с точки зрения практической политики, но и с научно-исследовательской. В ходе многолетних дискуссий о расширении выявились четыре проблемы ШОС – проблема политической культуры ШОС и применения принципа консенсуса, проблема многообразия форматов участия в ШОС и сохранения монолитности Организации, проблема трактовки принципа открытости, проблема мирополитической роли ШОС – глобальная или региональная Организация.

Нам представляется, что вопрос о расширении стал тем фокусом, в котором собраны многие неписанные правила и специфические механизмы принятия решений в ШОС, очень часто скрытые от взгляда стороннего наблюдателя. Выяснение роли этих «скрытых пружин» позволит лучше понять, почему ШОС является именно такой, действует именно таким образом, и что ее отличает от других международных организаций.

При подготовке настоящей статьи авторы использовали не только официальные документы и научные публикации, но и результаты углубленных интервью с экспертами из государств-членов ШОС, Индии и Пакистана, а также материалы конференций, в которых принимали участие в 2015-2016 гг. Эти мероприятия, как правило, проходили по правилам Chatham House, что позволяет использовать высказанные мнения, но без разглашения их авторства.

Политическая культура ШОС: как должен работать принцип консенсуса?

Ставя под сомнение целесообразность принятия Индии и Пакистана в ШОС и споря по этому поводу, прежде всего, с российскими экспертами, китайские специалисты подходят вплотную к очень тонкому вопросу: как понимать и применять принцип консенсуса в ШОС?

Консенсус в ШОС до сих пор понимался широко – как принятие решений на основе общего согласия. В Хартии ШОС записано, что «решения в органах ШОС принимаются путём согласования без проведения голосования» [19]. При этом частью «политической культуры» ШОС стал восточный подход к выражению отрицательной позиции. Ситуация неоднократно

описана в литературе по особенностям переговоров с азиатскими партнёрами, которые в случае несогласия не говорят «нет», а предпочитают «нечёткие и неопределённо положительные выражения с трудноуловимым негативным скрытым смыслом» [20, с. 86].

В ШОС жёсткого отрицания стараются избегать, также как и острых, открытых споров, которые могут потребовать его применения. Хотя Хартия ШОС предусматривает, что государство-член ШОС может изложить свою точку зрения по отдельным аспектам или конкретным вопросам принимаемых решений, однако практически никогда разногласия, даже если они есть, не выносятся в публичное поле.

Считается, что такая политическая культура помогает сохранять дух согласия. Но можно ли продвигать в повестке дня ШОС вопрос, по которому нет общего согласия? Сложилась практика, что в повестку дня ШОС может ставиться вопрос, по которому нет согласия. Как заявил по этому поводу в одном из интервью министр иностранных дел России С.В. Лавров: «да, необходим консенсус, но обсуждение должно как-то начинаться» [14]. Возникает достаточно сложная ситуация: если вопрос, по которому нет общего согласия, попадает в повестку дня ШОС, то насколько несогласная страна может его жёстко блокировать?

Пока баланс между тем, чтобы ставить вопрос в повестку дня ШОС даже без общего согласия по нему, и тем, чтобы не говорить жёсткое «нет», что стало частью политической культуры ШОС, достигается просто: вопрос, по которому нет консенсуса, может находиться в повестке дня организации очень долго. Причём принятие каких-то документов с упоминанием спорного вопроса, даже в виде деклараций о намерении его решить, в таком случае не означает практического продвижения в его решении. Другими словами, вопрос, по которому нет консенсуса, можно ставить в повестку дня, но он должен в ней оставаться неопределённо долго – до тех пор пока не возникнет общего согласия.

В истории ШОС уже есть такой опыт. Это вопрос о Банке ШОС, идею которого продвигает Китай. Этот вопрос находится в повестке дня организации с 2010 г, а последние три года присутствует в итоговых декларациях ежегодных саммитов. Впервые он попал в Декларацию саммита ШОС в Бишкеке в 2013 г. с такой формулировкой: «Главы государств отметили важность проводимой работы по изучению вопросов создания Фонда развития (Специального счёта) ШОС и Банка развития ШОС и поручили продолжить усилия в целях её скорейшего завершения» [2]. Дословно эту же формулировку повторили год спустя в Декларации саммита в Душанбе в 2014 г. [8]. Формулировка Декларации саммита в Уфе 2015 г. стала даже более определенной: «Государства-члены продолжают работу над созданием Фонда развития (Специального счёта) ШОС и Банка развития

■ Мировая политика

ШОС с целью стимулирования торговых и инвестиционных связей в регионе» [18]. Из этой формулировки может показаться, что из фазы изучения вопрос перешел в стадию реализации. Но реальное положение дел таково, что движения в направлении создания Банка ШОС нет, так как по этому вопросу нет консенсуса (Россия сомневалась в целесообразности его создания, предложив преобразовать Евразийский банк развития (ЕАБР) в Банк ШОС, однако понимания не нашла). Формально же вопрос продолжает оставаться в повестке дня Организации.

На примере вопроса о Банке ШОС можно говорить о том, что в организации сложилась практика, о которой было сказано выше: вопрос, по которому нет консенсуса, может попадать в повестку дня, но не может быть окончательно решён.

Создается впечатление, что китайская сторона понимала Уфимскую декларацию 2015 г., предусматривавшую начало процедуры принятия Индии и Пакистана, не как начало пути с точно известным результатом в виде приёма этих двух стран, а как попадание в повестку дня вопроса, по которому нет консенсуса, без чего не может быть окончательного решения.

По процедурным моментам можно проводить аналогию между вопросами по Банку ШОС и расширением, но все-таки понятно, что это очень разные вопросы. И тут возникает тонкий момент, отчасти психологический и имеющий отношение к политической культуре ШОС.

Не только большинство членов ШОС поняли Уфимскую декларацию так, что вопрос о придании Индии и Пакистану статуса членов, по сути, решён, а по времени займет не больше, чем необходимо для выполнения формальных процедур, так поняли сами Индия и Пакистан, да и все мировое сообщество, заинтересованно наблюдающее за пополнением ШОС. Если вопрос расширения ШОС повторит судьбу Банка ШОС, то для всего мира это будет выглядеть как подрыв авторитета Организации в региональных и мировых делах, того самого авторитета, которым все участники организации, в том числе и Китай, так гордятся.

В результате Китай оказывается в ситуации, когда ему нужно либо говорить жёсткое «нет» (и блокировать вопрос), либо смириться с тем, что расширение будет продвигаться вперед без его согласия. Как представляется, Китай чувствует себя некомфортно в такой ситуации. Китайским экспертам представляется несправедливым и нетоварищеским то, что дипломатической игрой на таких тонких моментах вопрос о расширении ШОС продвигается вперед.

Решится ли Китай на жёсткое «нет», чтобы остановить расширение? Вряд ли. Оставит ли Китай попытки отправить вопрос о расширении на какой-то «долгий бумажный круг»? Нет. Будет ли Китай готов это делать даже в ущерб авторитету ШОС? Возможно. Пока китайские специа-

листы дают понять, что по вопросу расширения ШОС нет консенсуса, а, значит, он не может быть окончательно решён. При этом на практическом уровне китайская дипломатия пропускает в документах организации формулировки, которые как бы продвигают вопрос о расширении вперед.

Как представляется, дискуссии о расширении ШОС подошли очень близко к вопросам политической культуры организации и интерпретации общего правила консенсуса. Разворачивание дискуссии в этом направлении может иметь большое значение для будущего ШОС.

Многообразие форматов участия в ШОС и сохранение её монолитности

ШОС имеет три формата участия в работе организации – члены, наблюдатели, партнёры по диалогу. Число наблюдателей и партнёров по диалогу в последние годы постоянно увеличивалось. Пока ни разу не расширился только состав членов. Но в последний год, по мере того, как по этому вопросу наметилось некоторое движение вперед, появилось новое направление дискуссии – о создании более узкого формата в ШОС. Это может показаться парадоксальным, но вопрос расширения состава членов тянет за собой вопрос о создании «узкого формата».

О создании «узкого формата» в ШОС всё чаще говорят китайские специалисты на различных экспертных встречах. В их интерпретации новый формат членства в Организации может быть реализован путём введения статуса «постоянных членов» ШОС, которыми автоматически станет нынешняя шестёрка государств-членов. Объясняя мотивы введения нового механизма, эксперты поясняют, что он призван гарантировать особые права государств-учредителей ШОС, сохранить неизменным «шанхайский дух», обеспечить жизнеспособность Организации. Открытым пока остается вопрос, какими особыми правами могут быть наделены основатели ШОС. На ум приходят особые права пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Однако в условиях консенсусного порядка принятия решений, на сохранении которого китайская сторона как раз активно настаивает, о праве вето в ШОС речи быть не может, поскольку отсутствует голосование.

Возможен вариант, когда будут созданы узкий и широкий форматы органов ШОС – Совета глав государств, Совета глав правительств (премьер-министров), Совета министров иностранных дел и т.д. Соответственно представители тех государств, которые не имеют статуса постоянного члена, на часть заседаний допущены не будут. Таким образом, некоторые решения могут быть приняты в узком составе – лишь постоянными членами. Введение такой двухступенчатой системы, как представляется, слабо согласуется с принципом равенства, и с тем, что в Организации нет различий между правами больших и малых государств, о чём китайская сторона постоянно напоминала и напоминает

[24]. К слову, и российские представители видели «шанхайский дух» в том, что в Организации «каждый равен, каждый уважаем, к каждому мнению прислушиваются, каждое мнение учитывается» [3].

Серьёзные проблемы могут возникнуть, если двухступенчатая система будет реализована в работе Секретариата – постоянно действующего исполнительного органа ШОС. В настоящее время генеральный секретарь назначается из числа граждан государств-членов на ротационной основе в порядке русского алфавита названий государств-членов сроком на три года (без права продления на следующий срок). Будет ли возможно для новых членов – в ближайшей перспективе для Индии и Пакистана – номинировать своих представителей на высший пост в бюрократии ШОС? Не являются ли разговоры о создании узкого формата шагом к тому, чтобы «ядро» имело особые права и в формировании исполнительного органа? К слову, все должностные лица Секретариата нанимаются из числа граждан государств-членов на квотной основе. Если Индия и Пакистан не получают такую квоту, это сильно снизит их заинтересованность в полномасштабном сотрудничестве в рамках ШОС, впрочем как и любой «узкий формат». Об этом откровенно говорят индийские и пакистанские эксперты, которые ожидают скорейшего повышения статуса своих стран в Организации.

Получается, что, приняв Индию и Пакистан в качестве членов, одновременно ШОС может создать формат внутри организации, в котором они не будут участвовать, что для двух стран будет выглядеть как «членство минус». Практически по всем направлениям сотрудничества такое «членство минус» чревато репутационными издержками и снижением эффективности ШОС. Скажем, конструктивное взаимодействие с новыми участниками в сфере борьбы с терроризмом вряд ли возможно без участия Индии и Пакистана в деятельности Региональной антитеррористической структуры в полномасштабном, а не в узком формате. Россия, в частности, заинтересована в скорейшем присоединении к РАТС Индии для закрепления уже накопленного двустороннего опыта по борьбе с экстремизмом [7, с.10].

Несмотря на слабую проработанность китайского предложения, экспертная дискуссия о новом формате членства получает развитие также и в других государствах-членах ШОС. Судя по обсуждению этой темы с центральноазиатскими экспертами, ими вопрос ставится таким образом, что расширение состава членов может затруднить сотрудничество (по крайней мере, по отдельным политическим вопросам). Поэтому как считают коллеги из стран Центральной Азии, имеет смысл создать внутри ШОС новый формат – группу глубокого сотрудничества, которая соберёт страны, достаточно политически близкие для доверительного обсуждения и скоординированных действий.

При этом четких критериев того, как отбирать из государств-членов участников «узкого формата», пока нет. Высказываются разные предложения. Например, вернуться к «изначальной пятёрке», то есть к формату стран, которые граничат с Китаем и у которых полностью урегулированы с ним пограничные вопросы (именно с «пятёрки» в 1996 г. начиналось Шанхайское сотрудничество). В нынешнем составе ШОС создание такой группы по названным критериям означало бы вывод на «поля» работы ШОС Узбекистана. Это вряд ли возможно, если, конечно, Узбекистан после своего председательства в ШОС сам не дистанцируется от организации. Создание «пятёрки» ШОС по названным критериям после принятия Индии и Пакистана опять же будет означать не попадание в нее Узбекистана и Индии, но при этом вопрос попадания в неё Пакистана можно считать открытым.

Представляется, что предложение о «пятёрке» глубокого сотрудничества вряд ли получит продолжение именно в таком виде – с обозначенными критериями и составом. Однако само по себе развитие дискуссии – возникновение вопроса о формировании группы глубокого сотрудничества, особенно при расширении ШОС – это важный индикатор того, что ШОС подошла к поворотному пункту в своей пятнадцатилетней истории.

Ясно, что обострение дискуссии по проблеме расширения и выход её на новый уровень связан с тем, что после Уфимского саммита организация подошла к критическому рубежу – либо находить в себе силы завершить процесс вступления Индии и Пакистана, либо вновь объяснять затягивание высшими интересами сохранения консенсуса. Между тем, в экспертной среде редко обсуждают вопрос – эффективно ли действует в ШОС институт наблюдателей, прохождение которого обязательно для кандидатов в постоянные члены. Индия и Пакистан являются наблюдателями в ШОС с 2004 года, и, видимо, нахождение в этом статусе могло быть использовано с большей пользой, прежде всего в интересах самой Организации. Вместо лишения новых членов части прав, которые имеют группа основателей, можно было бы подумать над реформой в другом направлении – шире подключать наблюдателей к реальной, а не символической работе в рамках ШОС, о чём уже давно говорят. То, что китайские эксперты начинают множить претензии к Индии именно сейчас, говорит о том, что серьёзно формат страны-наблюдателя (а уж тем более партнёра по диалогу) Китай не воспринимает. Вернее, видит его «внешним» форматом, а не «внутренним», и, таким образом, мало отличающимся от отношений ШОС с третьими странами.

Специалистам хорошо известны случаи, когда организации сталкивались по мере роста числа членов с необходимостью решать проблему поддержания динамики сотрудничества. ЕС несколько раз подходил к этому вопросу и в

результате принял подход «разноскоростной интеграции». Проблема известна и в истории интеграции на постсоветском пространстве. В начале 2000-х годов в ЕврАзЭС перешли к «разноуровневой интеграции». В интеграционных объединениях, особенно с наличием наднациональных органов, дилемма «глубина сотрудничества или широта членства» на определённом этапе развития встаёт особенно остро. В других организациях она тоже возникает. ШОС вряд ли будет исключением. Но в случае с ШОС обозначенная дилемма может иметь свои особенности.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что разговор о «разноуровневости» возник в ШОС так рано. Шесть членов или восемь (в случае приема Индии и Пакистана) или даже девять (в случае приема еще и Ирана) – это не столь широкий состав (с учётом того, что страны-члены признают общую ценностную основу, «дух» ШОС), при котором должны возникать проблемы с поддержанием единства и достаточной активности всех членов в работе над повесткой дня организации. Поэтому пока эффективность организации должно быть возможным поддерживать на одной (и желательно достаточно высокой) «скорости» за счёт других мер.

Кроме этого, в случае с ШОС проблема при расширении может быть не с практическим сотрудничеством (нельзя исключать, хотя нельзя и гарантировать, что, действительно, приём Пакистана и особенно Индии будет способствовать сотрудничеству в некоторых областях), а с поддержанием общего политического согласия в ШОС. Не секрет, что Индия и Пакистан – это страны со своими сложившимися взглядами на региональные дела и мировую политику, у них свой стиль и своё содержание в обсуждении стратегических вопросов, которое они, даже заявив о принятии всех формальных правил ШОС и приверженности «духу» ШОС, всё равно привнесут в организацию. От членства в ШОС Индия и Пакистан не станут другим, скорее сделают организацию немного другой. Симптоматично, что в разговорах о будущем членстве Индии в ШОС, перечисляя возможные сложности, китайские эксперты всё чаще делают акцент не на двусторонних вопросах – нерешённости территориального вопроса в индийско-китайских отношениях или проблеме далай-ламы, а на иной политической культуре, присущей современной Индии. Всё устройство индийской политической жизни, по мнению китайских специалистов, несёт западные черты, индийская бюрократия также действует по-западному, что может привнести ненужную конфликтность в уже сложившийся в ШОС порядок работы.

Угроза видится не только механизму и ритуалу, но и содержательной стороне деятельности ШОС. Сейчас страны-члены во многом видят мировые проблемы одинаково. Согласие в понимании сути региональных или глобальных событий возникает не просто без споров, а

почти без обсуждений. Могут быть дискуссии и разногласия о том, как реагировать, споры о формулировках документов. Но понимание сути происходящего в мире у стран-членов ШОС в значительной степени общее. По этому показателю ШОС, может быть, самая монолитная организация в мире. Иран, который не подошёл к членству по формальным причинам, ближе к этому общему пониманию (хотя и с некоторыми перегибами), чем Индия и Пакистан. Эти страны привнесут в ШОС больший плюрализм [17], купировать который можно только ценой их отказа от своих стратегических традиций, чего, естественно, ожидать от Дели и Исламабада не приходится.

Подчеркнём, само по себе расширение внутреннего спектра мнений в ШОС не является отрицательным явлением. Но нельзя и совсем отрицать, что это будет иметь последствия для политического согласия в ШОС по региональным и глобальным проблемам. Поэтому в случае с ШОС дилемма будет – «монолитность против широты состава». ШОС очень близко подходит к этой дилемме, что опять же может иметь серьёзные последствия для её будущего.

Как трактовать принцип открытости?

Пока острый разговор по этому вопросу идёт в основном в формате «второй дорожки», причём в последнее время китайские эксперты даже ужесточили свои формулировки. Иногда можно, например, слышать, что базовые положения Хартии ШОС вообще не предусматривают расширения, а содержащийся в этом документе принцип открытости означает лишь развитие сотрудничества ШОС с третьими странами и другими международными организациями. Такое мнение, например, авторы слышали от одного из ведущих китайских специалистов по ШОС во время Одиннадцатого заседания Форума ШОС, прошедшего 28-29 апреля 2016 г. в городе Душанбе, Республика Таджикистан

Такой подход не нов, его и раньше озвучивали китайские эксперты. Так, во время одного из круглых столов в июне 2012 года об этом говорил Юй Чжэньци из Китайского фонда исследований международных проблем. По его словам, важной предпосылкой решения проблемы членства в ШОС является соблюдение принципа региональной направленности Организации, при этом содержащийся в Хартии принцип открытости при приеме в Организацию эксперт трактовал, как открытость в отношении конкретного региона – Центральной Азии [23].

По последнему пункту похожую точку зрения, при определении «пространства ШОС», высказывали некоторые российские специалисты. В 2012 г. старший научный сотрудник Центра исследования Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России, чрезвычайный и полномочный посол В.Я. Воробьёв дал такую характеристику пространству ШОС: «Выдающаяся особенность этого пространства состоит в том, что на него

приходится сердцевина евразийского континента («хартлэнд» в геополитической трактовке), называемая Центральной Азией. Этот район служит центром притяжения интересов и усилий. Безусловно, нужно внимательно относиться к тому, что происходит к западу, к югу и далее к востоку (в зоне Тихого океана). Но приёмы взаимодействия с акторами вне пространства ШОС неизбежно отличны от логики внутрিশосовского общения» [4].

Но обратимся к документам. В статье 13 Хартии записано, что «ШОС открыта для приёма в её члены других государств региона, которые обязуются соблюдать цели и принципы настоящей Хартии, а также положения других международных договоров и документов, принятых в рамках ШОС» [19]. Однако регион в этом документе никак не определён, и сводит его только к Центральной Азии вряд ли обоснованно, тем более, сейчас, когда были определены требования к новым членам ШОС.

В 2006 г. на заседании Совета министров иностранных дел ШОС принято негласное решение о моратории на приём новых членов, мораторий позже подтверждался на встречах организации в 2006, 2007 и 2010. Негласным мораторий был, поскольку противоречил принципу открытости, закреплённому в Хартии ШОС [12, с.35]. 11 июня 2010 г. на саммите в Ташкенте принято Положение о порядке приёма новых членов, в котором содержатся чёткие требования к государству-члену ШОС, при этом отмечается, что оно должно принадлежать к евроазиатскому региону. Таким образом, вопрос о «пространстве ШОС» вроде бы решен, хотя разные представления о пределах открытости по-прежнему сохраняются.

В современной официальной российской трактовке расширение ШОС непосредственно связано с реализацией принципа открытости. Москва это последовательно подчеркивает. В сентябре 2013 г. в ходе заседания Совета глав государств ШОС в Бишкеке президент РФ В.В.Путин обратил внимание, что на практике нужно подтверждать открытость организации и прорабатывать вопрос о присоединении новых участников [15]. В июне 2015 г. на открытии заседания Совета министров иностранных дел Шанхайской организации сотрудничества (СМИД ШОС) министр иностранных дел России Сергей Лавров подчеркнул, что ключевое значение для ШОС имеет расширение организации на основе заложенного в её основу принципа открытости [9]. Таким образом, Россия видит в открытости один из базовых принципов, который обеспечивает международный авторитет ШОС. Китайская сторона, хотя тоже говорит об открытости, но, во-первых, предпочитает трактовать её как основу для отношений с внешними акторами, а, во-вторых, четко заявляет, что пределы открытости существуют, и должны определяться на основе консенсуса. Так, как нам кажется, следует оценивать выступление мини-

стра иностранных дел КНР Ван И на заседании СМИД ШОС в Ташкенте 24 мая 2016 г. Ван И заявил, что Китай поддерживает «постепенное и планомерное продвижение процесса расширения на основе консенсуса» [21].

Среди других государств-членов ШОС дискуссия о соотношении открытого и закрытого регионализма также сохраняет свою актуальность. Государства Центральной Азии не заинтересованы в том, чтобы быть запертыми в глубине Евразии, вдали от магистральных торговых маршрутов. Но они не заинтересованы и в том, чтобы полностью открыться миру. Весь регион Центральной Азии в абсолютных цифрах исключительно мал в масштабах мировой хозяйственной системы. Страны региона при полном открытии миру рискуют потерять свой экономический суверенитет, стать пространством сухопутного транзита, ряда крупных инфраструктурных и энергетических проектов, которые будут обеспечивать экономические интересы элиты, мало что давая основной массе населения (к тому же растущего).

ШОС – глобальная или региональная роль?

Государства-члены ШОС вплотную подошли к вопросу, который пока остается «в тени». Его не обсуждают открыто, но он назревает и в рамках дискуссии о расширении ШОС. Вопрос в том, какой же организацией должна быть ШОС – региональной или глобальной? Пока дипломатам не составляет труда прикрыть этот вопрос искусными формулировками, которые на риторическом/декларативном уровне объединяют и то и другое. Однако при обсуждении некоторых практических аспектов развития ШОС дискуссии упираются именно в этот не решенный и даже открыто не поставленный вопрос.

При обсуждении расширения ШОС вопрос во многом сводится именно к этому. Для организации, которая является крупным игроком полицентричного мира, выбор однозначен – в пользу расширения. Для игрока на уровне полицентричного мира иметь таких членов как Индия и Пакистан – это плюс. В официальных выступлениях российских представителей на протяжении уже более чем десятилетия четко присутствует установка, что ШОС – это элемент новой международной архитектуры. Авторитетные российские эксперты также отмечают, что ШОС – это один из быстро формирующихся центров многополярного мира [10, с.6].

Китай не спорит с этим, но все-таки видит ШОС региональной организацией. На уровне глобальных институтов Китай делает ставку не на создание новой международной архитектуры, а на максимальное расширение своего присутствия и влияния в уже существующих международных институтах, в которых долгое время доминировали западные страны [6]. Китай рассчитывает согласовать «правила игры» с западными странами даже в условиях военно-политического напряжения, которое у него существует

с США и рядом американских союзников. Отказ Пекина от «Большой двойки», о которой шла речь в первый президентский срок Б. Обамы, не означал для Китая отказ от приспособления к международной политической и экономической архитектуре в основном в её нынешнем виде. Поэтому ШОС как авторитетная региональная организация Китая нужна, а ШОС как элемент новой международной архитектуры и инструмент противостояния с Западом – не вполне.

Для Китая основная зона ответственности ШОС – это Центральная Азия. По мнению китайской исследовательницы ШОС Чэнь Юйжун, «основная функция ШОС состоит в совместной защите стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии» [24]. Наши беседы с китайскими экспертами убеждают в том, что они не видят новыми членами организации страны не из этого региона. Для Южной Азии или для АСЕАН у Китая другие региональные подходы и сводить все их вместе Пекин не склонен. Поэтому, кстати, обсуждение российской идеи партнёрства ЕАЭС, ШОС и АСЕАН может остаться лишь на уровне декларативной поддержки с китайской стороны.

Надо учитывать и то, что пятнадцать и даже десять лет назад ШОС была не просто главным, а почти единственным инструментом, кроме двусторонних контактов, китайской политики на пространстве Евразии. Но в последние пять лет Китай обратил внимание на некоторые другие многосторонние организации и механизмы в Евразии (как новые, так и давно существующие). Пекин проявил к ним интерес, расширил своё участие в них. Сейчас в распоряжении китайской дипломатии есть более широкий набор многосторонних форматов в Евразии, которые Пекин старается сделать инструментами своей региональной политики. Китай взял на себя многолетнее председательство в СВМДА, где долгое время председательствовал Казахстан, инициировавшая этот механизм (Казахстан), а также в Стамбульском процессе по Афганистану. Ни в коем случае ни СВМДА, ни Стамбульский процесс не могут заменить для Китая ШОС. Но Китай отвел для ШОС определенную нишу в своей региональной политике в Евразии. Выдвижение и развитие китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) может ещё больше закрепить такой китайский подход.

Поскольку ЭПШП во многом является не только экономической инициативой, но и важным идеологическим концептом, призванным подчеркнуть новый характер китайской дипломатии при Си Цзиньпине, китайские эксперты могут несколько преувеличивать масштабы возможного влияния этой инициативы на деятельность ШОС. Между тем, китайская сторона достаточно настойчиво предлагает использовать существующие механизмы ШОС для реализации целей ЭПШП, что в перспективе неизбежно повысит значимость регионального измерения ШОС для Китая. Кроме того, учитывая поли-

тическую значимость проекта, это повышает требования Китая к тому, чтобы сохранялся понятный и одобряемый им порядок работы органов ШОС.

Теперь уже не так важно, справедливы ли тезисы некоторых российских специалистов о том, что если бы Россия не тормозила инициативы Китая по расширению экономического сотрудничества в ШОС, то Китай, возможно, не инициировал бы проект ЭПШП, а довольствовался бы экономическими возможностями ШОС [5]. Китайские эксперты в основном либо отрицают такой тезис, либо соглашаются с ним лишь частично. В любом случае решить этот вопрос в сослагательном наклонении уже невозможно, а мнения останутся разные.

Интересно, что в вопросе о том, должна ли ШОС быть частью новой глобальной международной архитектуры или региональной организацией, позиции и России и Китая таковы, что вступают в противоречие с некоторыми их другими подходами.

Китай делает главную ставку в своём экономическом развитии на максимальную эксплуатацию процессов глобализации. При всей работе над развитием внутреннего китайского рынка без глобального рынка поддерживать темпы экономического развития Китая вряд ли возможно. Китай – основной выгодополучатель глобализации и делает всё, чтобы сохранить это положение. Китай заинтересован в транзите через просторы Евразии для сухопутного доступа к Европе и Ближнему Востоку. Это не заменит морские пути, а будет, видимо, некой стратегической страховкой для Китая. Но будучи сам так заинтересован в глобализации Китай «не пускает» в глобализацию ШОС и своих партнёров по организации, отводя ей только региональную роль. Любопытно, что, по мнению некоторых китайских специалистов, даже после расширения ШОС в результате присоединения Индии и Пакистана, основной регион работы Организации не должен измениться, ключевую роль по-прежнему будет играть Центральная Азия [22]. Получается, что под «пространством ШОС» имеется в виду не географическое, а прежде всего политическое понятие, то есть пространство общих интересов, а возможность реализации своих интересов в Южной Азии Китай связывает с использованием других механизмов, прежде всего двусторонних.

Россия традиционно настороженно относилась к «азиатскому формату» для Центральной Азии, то есть к попыткам переориентировать регион в направлении Южной Азии за счёт афганского транзита, которые были сутью американских концепций «Большой Центральной Азии» и «Нового Шёлкового пути» (последняя действует до сих пор). Планы связать Центральную и Южную Азию в один регион на официальном уровне в России воспринимались настороженно [13, с.11], а на неофициальном – почти враждебно, так как в американской риторике,

особенно на экспертном уровне, по обоим этим проектам говорилось, что они хотят дать государствам Центральной Азии большую экономическую независимость от России. Теперь же российские специалисты доказывают, что Индию и Пакистан надо принимать в ШОС, так как они будут способствовать экономическому сотрудничеству в регионе [11]. Но если посмотреть с какой экономической повесткой дня идут Индия и Пакистан в ШОС, то это повестка дня похожа на хорошо усвоенную ими концепцию «Большой Центральной Азии». В самих США к этой повестке, по крайней мере, в нынешней администрации, уже проявляют ограниченный интерес по ряду причин. Но в Южной и Центральной Азии, а также в Афганистане, семена концепции «Большой Центральной Азии» отлично прижились и пустили очень глубокие корни в политической элите.

Если Россия действительно верит в то, что Индия и Пакистан идут в ШОС ради экономической повестки, которой в ШОС почти нет, то почему же Россия не опасается, что они принесут с собой идеи «Большой Центральной Азии», которые совсем недавно вызывали в Москве как минимум настороженность? А если Индия и Пакистан стремятся в ШОС ради не экономической, а военно-политической повестки, то это тем более должно вызывать настороженность России, которая традиционно сохраняла военно-политическое превосходство в регионе. А военно-политический интерес к Центральной Азии был у Индии давно [1] и в некоторой степени сохраняется и сейчас.

* * *

ШОС, безусловно, является серьёзной международной организацией. Представляется, что она заняла такое положение в мировой политике, когда будет её частью (её голос и действия будут иметь вес в международных делах) при любых вариантах развития ситуации внутри самой организации, просто за счёт самого факта своего существования. В руках опытной дипломатии ШОС это серьёзный инструмент.

Но вместе с тем за благополучным дипломатическим фасадом зреет стратегический вопрос о будущем организации. Его можно откладывать, снимать его остроту. Для профессиональных дипломатов это посильная задача. Но, в конечном счёте, этот вопрос либо будет, либо не будет рассмотрен и решён. И то, и другое будет иметь последствия для будущего ШОС.

Уже сейчас участники ШОС говорят о том, что организация находится на пороге нового этапа своего развития. Пока в основном имеется в виду выработка приемлемого для всех понимания «геополитического баланса» на фоне нарастания турбулентности в мировых делах. Обратим внимание, что само понимание «геополитического баланса» у центральноазиатских членов ШОС в последние десять-пятнадцать лет в значительной степени трансформировалось. В

начале и середине 2000-х годов «геополитические игры» занимали умы многих политиков в Центральной Азии, которые полагали, что активные геополитические маневры могут принести существенные экономические дивиденды. Тогда «геополитический баланс» понимался как активная игра на интересах и даже противоречиях крупных региональных и глобальных игроков для того, чтобы повысить значимость самих стран региона и получить от этого выгоду. В последние же годы «геополитический баланс» понимается как «геополитический нейтралитет», как дистанцирование от противоречий «больших игроков». Грузинский и украинский опыт способствовал такому изменению понимания «геополитического баланса». Можно даже говорить о том, что в Центральной Азии появляется запрос на де-геополитизацию региональной повестки дня. И в ШОС этот запрос на де-геополитизацию проявляется, как стремление многих членов сохранить геополитический нейтралитет ШОС.

Вопрос о расширении ШОС остаётся острым и может остаться таковым ещё много лет. Нельзя уверенно говорить о том, что дипломатическая игра вокруг расширения закончена. Она перешла на новый уровень и усложнилась. В дальнейшем вопрос расширения будет всё в большей степени сопровождать дискуссия о будущем организации, её роли в мировых/региональных делах. Расширение из важного, но все-таки частного, вопроса по мере затягивания с его любым четким решением, положительным или отрицательным, вырастает до вопроса стратегического – о будущем самой ШОС.

Многолетняя дискуссия о расширении ШОС начиналась с того, стоит или нет принимать некоторые страны. Но за много лет вопрос кого принимать всё больше сочетался с вопросом зачем принимать и сейчас вплотную подошёл к тому, чтобы быть переформулированным в «куда принимать». Россия и Китай дают разные ответы на вопрос расширять или не расширять ШОС, в конечном счёте, потому, что по-разному видят будущее организации. У Китая региональное видение ШОС, у России – более глобальное.

У других членов ШОС есть интерес и к региональному и к глобальному видению ШОС. Это проявляется не только в случае с ШОС, но и в том, как страны региона смотрят на ЕАЭС, ЭПШП, «Новый Шёлковый путь» (или прежнюю «Большую Центральную Азию»), на так и не состоявшуюся активную политику ЕС в регионе или на новую активизацию Японии.

Для поддержания долгосрочной социальной стабильности региону нужно широкое экономическое развитие, с ре-индустриализацией для создания рабочих мест. Поэтому объективно сами страны Центральной Азии заинтересованы и в глобализации, и в регионализации. Поэтому проявляют интерес и к проектам, ориентированным на глобализацию, и к проектам, ориентированным на регионализацию. Главным

■ Мировая политика

для государств Центральной Азии становится поиск баланса между своим интересом к глобализации и регионализации с помощью внешних партнеров. Китай и Россия теоретически имеют наилучшие шансы найти стратегический баланс между регионализацией и глобализацией, необ-

ходимый для Центральной Азии. В таком ключе можно вести и разговор о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП на базе ШОС. Решение этого практического вопроса будет идти параллельно с научными дискуссиями о соотношении трендов глобализации и регионализации в современном мире.

Список литературы

1. Банержи И. Индия и новая «большая игра» в ЦА // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2007. № 2. С. 28-37.
2. Бишкекская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 13 сентября 2013 года. // Шанхайская организация сотрудничества. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/load/48053> (дата обращения: 25.05.2016)
3. Воробьев В. Доклад. Первое заседание. Стратегические цели: приоритеты участников. Материалы международной конференции «Шанхайская организация сотрудничества: к новому качеству отношений». // Общественная палата Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/13766> (дата обращения: 25.05.2016)
4. Воробьев В. ШОС как растущий властелин «хартленда» // Россия в глобальной политике 19.02. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/ShOS-kak-rastuschii-vlastelin-khartlenda-15471> (дата обращения: 24.05.2016)
5. Габуев А. Приручить дракона // Россия в глобальной политике 19.02.2015 [Электронный ресурс]. <http://www.globalaffairs.ru/number/Priruchit-drakona-17316> (дата обращения: 25.05.2016)
6. Денисов И. Шёлковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии // Индекс Безопасности. 2015. № 3 (114). С. 51-60.
7. Денисов, И.Е. 100 тезисов о российско-индийских отношениях. рабочая тетр. № 29/2016 / [И.Е. Денисов, О.А. Попадюк]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 44 с.
8. Душанбинская декларация глав государств-членов ШОС. 12 сентября 2014 года. // Шанхайская организация сотрудничества. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/load/48221> (дата обращения: 25.05.2016)
9. Лавров: ключевое значение для ШОС имеет расширение на основе принципа открытости. 3 июня 2015 года. // ТАСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/2016914> (дата обращения: 24.05.2016)
10. Лузянин, С.Г. Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014–2015: рабочая тетр. № 21/2015 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2015. – 36 с.
11. Лукин А.В. Шанхайская организация сотрудничества: в поисках новой роли. // Валдайские записки. Специальный выпуск. 2015.
12. Лукин А.В. Шанхайская организация сотрудничества и российские интересы в Центральной Азии и Афганистане // Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества. Сборник статей / Под ред. А.В. Лукина; Институт международных исследований. – М.: МГИМО – Университет, 2012. – 191 с.
13. Обзор внешней политики Российской Федерации. 2007. // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD (дата обращения: 25.05.2016)
14. Пресс-конференция министра иностранных дел России С.В. Лаврова на полях саммитов БРИКС и ШОС, Уфа, 9 июля 2015 года. // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/94B3FFD7279721CA43257E7D00449B30 (дата обращения: 25.05.2016)
15. Путин: ШОС должна сохранять открытой возможность расширения Организации. 13 сентября 2013 года // Интерфакс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/328767> (дата обращения: 24.05.2016)
16. Сафранчук И.А. Комментарий к Обзору МИД РФ: российские концепции для ЦА // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2007. № 2. С. 44-47.
17. Сафранчук И.А. ШОС в системе региональных организаций в Евразии // Ежегодник ИМИ. Москва. 2015. № 2. С. 92-93.
18. Уфимская декларация глав государств-членов ШОС. 9 июля 2015 года. // Шанхайская организация сотрудничества. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/load/49097> (дата обращения: 25.05.2016)

19. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 7 июня 2002 года. // Портал «ИнфоШОС» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?id=33> (дата обращения: 25.05.2016)
20. Graham J. L., Lam N. M. The Chinese negotiation // Harvard business review. – 2003. – Т. 81. – №. 10. – С. 82-91.
21. Ван И: Туйдун шанхэ цзучжи цзода цзоцян, цзоувэнь цзоуши // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу (на китайском языке) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/t1366050.shtml> (дата обращения: 26.05.2016)
22. Ван Сяньцзюй. Цун уфа фэнхуэй кань шанхай хэцзо цзучжи фачжань чжаньлюэ // Вайцзяо гуаньча (на китайском языке) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.faobserver.com/Newsinfo.aspx?id=11786> (дата обращения: 24.05.2016)
23. Лян Цзявэнь. Чжуаньцзя юаньчжо: Шанхай цзучжи коюань бу нэн «луньтаньхуа» // Гоцзи сяньцзюй даобао (на китайском языке) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ihl.cankaoniaoxi.com/2012/0606/45477.shtml> (дата обращения: 24.05.2016)
24. Шанхэ цзучжи душанбе фэнхуэй цянньчань: цюйюй аньцюань ши шоуяо цзяодянь. 09.09.2014 Жэньминьван (на китайском языке) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0909/c1001-25628098.html> (дата обращения: 25.05.2016)

Об авторах

Денисов Игорь Евгеньевич – старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России. E-mail: iedenisov@mail.ru.

Сафранчук Иван Алексеевич – к.полит.н., доцент, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: And6958@yandex.ru.

FOUR SCO ENLARGEMENT PROBLEMS

I.E. Denisov, I.A. Safranchuk

Moscow State Institute of International Relations 76, Vernadsky av., 119454 Moscow, Russia.

Abstract: *The major issue in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) has been the problem of enlargement of its full membership. Traditionally this issue is reviewed as a problem of practical policy. However as debates on the SCO membership enlargement progress, they go into more and more depth. This enlargement debate highlights political culture of SCO and also the issue, known in the experience of other international organizations, namely emerging different levels in an organization as membership grows. More importantly debates on enlargement stimulate thinking over the broader question on the future of the SCO – the global perspective (as Russia mostly prefers) or regional perspective (as China mostly prefers). Thus SCO encounters one of the most pressing dilemmas, that's collision of regionalization and globalization trends progressing in the modern world. Debates on these trends evolve in political, economic and social sciences and remain far from resolution. But the SCO is already under the pressure to make either a practical choice in favor of one of these trends or to find a reliable model to combine them within the SCO agenda. This article reviews the SCO enlargement problem not as an issue of practical policy, but as the issue of searching a balance between trends of globalization and regionalization, which if reached could help to reconcile Russian and Chinese interests in Eurasia.*

Key words: SCO, Russia, China, globalization, regionalization.

References

1. Banerzhi I. Indija i novaja «bol'shaja igra» v CA Bol'shaja Igra: politika, biznes, bezopasnost' v Central'noj Azii. 2007. № 2. P. 28-37.
2. Bishkekская декларация глав государств-членов ШОС. 13 сентября 2013 года. <http://rus.sectsco.org/load/48053> (25.05.2016)
3. Vorob'ev V. Doklad. Pervoe zasedanie. Strategicheskie tseli: priority uchastnikov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: k novomu kachestvu otnoshenii. Obshchestvennaya palata Rossiiskoi Federatsii. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/13766> (25.05.2016)

■ Мировая политика

4. Vorob'ev V. ShOS kak rastushchii vlastelin «kharthlenda». *Rossiya v global'noi politike* 19.02. 2012 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.globalaffairs.ru/number/ShOS-kak-rastuschii-vlastelin-kharthlenda-15471> (24.05.2016)
5. Gabuev A. Priruchit' drakona. *Rossija v global'noj politike*. 2015. № 1. <http://www.globalaffairs.ru/number/Priruchit-drakona-17316> (accessed 25.05.2016)
6. Denisov I. Shelkovaya bezopasnost': novaya kitaiskaya kontseptsiya razvitiya i pravila igry v Evrazii. *Indeks Bezopasnosti*. 2015. № 3 (114). P. 51-60.
7. Denisov, I.E. 100 tezisev o rossiisko-indiiskikh otnosheniyakh. rabochaya tetr. № 29/2016. Moscow: NP RSMD, 2016. 44 p.
8. Dushanbinskaja deklaracija glav gosudarstv-chlenov ShOS. 12 sentjabrja 2014. <http://rus.sectesco.org/load/48221> (25.05.2016)
9. Lavrov: klyuchevoe znachenie dlya ShOS imeet rasshirenie na osnove printsipa otkrytosti. 3 iyunya 2015 goda. // TASS [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://tass.ru/politika/2016914> (24.05.2016)
10. Luzyanin S.G. Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: model' 2014–2015: rabochaya tetr. № 21/2015 Moscow: Spetskniga, 2015. 36 p.
11. Lukin A.V. Shanhajskaja organizacija sotrudnichestva: v poiskah novoj roli. *Valdajskie zapiski*. Special'nyj vypusk. 2015.
12. Lukin A.V. Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva i rossiiskie interesy v Tsentral'noi Azii i Afganistane *Strategiya Rossii v Tsentral'noi Azii i Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva. Sbornik statei*. Moscow: MGIMO – Universitet, 2012. 191 p.
13. Obzor vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. MID. 2007. http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD (accessed 25.05.2016)
14. Press-konferentsiya Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova «na polyakh» sammitov BRIKS i ShOS, Ufa, 9 iyulya 2015 goda. Ministerstvo inostrannykh del RF. Ofitsial'nyi sait. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/94B3FFD7279721CA43257E7D00449B30 (25.05.2016)
15. Putin: ShOS dolzhna sokhranyat' otkrytoi vozmozhnost' rasshireniya Organizatsii. 13 sentyabrya 2013 goda. Interfaks [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.interfax.ru/world/328767> (24.05.2016)
16. Safranchuk I.A. Kommentarij k Obzoru MID RF: rossijskie koncepcii dlja CA / Safranchuk I.A. Bol'shaja Igra: politika, biznes, bezopasnost' v Central'noj Azii. 2007. № 2. P. 44-47.
17. Safranchuk I.A. ShOS v sisteme regional'nyh organizacij v Evrazii. *Ezhegodnik IMI*. Moskva. 2015. № 2. P. 92-93.
18. Ufimskaja deklaracija glav gosudarstv-chlenov ShOS. 9 ijulya 2015 goda. <http://rus.sectesco.org/load/49097> (25.05.2016)
19. Khartiya Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva. 7 iyunya 2002 goda. Portal «InfoShOS» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://infoshos.ru/ru/?id=33> (25.05.2016)
20. Graham J. L., Lam N. M. The Chinese negotiation. *Harvard business review*. 2003. Vol. 81. №. 10. P. 82-91.
21. Wan X. Cong wufa fenghui kan shanghai hezuo zuzhi fazhan zhanlue. Waijiao guanqia (in Chinese) <http://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/t1366050.shtml> (26.05.2016)
22. Wang Yi. Tuidong shanghe zuzhi zuoda zuoqiang, zouwen zoushi. Zhonghua renmin gongheguo waijiaobu (in Chinese) <http://www.faoobserver.com/Newsinfo.aspx?id=11786> (24.05.2016)
23. Liang J.Z. yuanzhuo: Shanghai zuzhi kuoyuan bu neng «luntanhua». Guoji xianqu daobao (in Chinese) <http://ihl.cankaoxiaoxi.com/2012/0606/45477.shtml> (24.05.2016)
24. Shanghe zuzhi dushangbie fanghui qianzhan: quyu anquan shi shouyao jiaodian. 09.09.2014 Renminwang (in Chinese) <http://politics.people.com.cn/n/2014/0909/c1001-25628098.html> (25.05.2016)

About the authors

Denisov Igor Evgen'evich – Senior Research Fellow, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, MGIMO-University, MFA Russia. E-mail: iedenisov@mail.ru.

Safranchuk Ivan Alexeevich – Phd in political sciences, associate professor, Associate professor, Department of political process, MGIMO-University, MFA Russia. E-mail: And6958@yandex.ru.

ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО СТРАН БРИКС В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.А. Конкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье дан обзор отечественной научной литературы, посвящённой проблематике БРИКС, обобщены вопросы, поднимаемые различными авторами относительно основных тенденций развития стран сообщества и самой данной организации в свете глобальных экономических и политических процессов. Исследованы теоретические вопросы дальнейшего развития организации как одного из векторов глобального перераспределения сил, освещённые в научной литературе.

В исследовании последовательно поданы все основные аспекты, касающиеся особенностей функционирования БРИКС как инновационного формата неформального межрегионального сотрудничества стран. Поскольку БРИКС – сравнительно молодое объединение, его институционализация продолжается в настоящее время. Это, в первую очередь, связано с экономическим аспектом: создание Нового банка развития завершает первый этап создания формализованного объединения.

В отличие от экономической составляющей, вокруг которой, скорее всего, будет строиться дальнейшее сотрудничество, политическая институционализация видится весьма отдаленной перспективой. По крайней мере на сегодняшний день входящие в сообщество страны являются слишком разными политически и находятся в совершенно различных условиях на международной политической арене. Возможно, в будущем БРИКС будет двигаться сугубо в экономическом векторе.

Парадокс этой ситуации заключается в том, что и экономически данные страны также очень различны. Их вес в мировой экономике отличается довольно существенно, что несёт в себе предусловие возникновения некоей доминанты в структуре формата БРИКС. В этом аспекте все зависит от дальнейших конъюнктурных составляющих внешней и внутренней среды каждой из стран. Под их воздействием будет формироваться и изменяться их экономика, и в условиях турбулентности глобального экономического пространства могут возникать совершенно неожиданные моменты.

Отечественными авторами подробно изучены особенности каждой из стран-участниц БРИКС, что позволяет отметить значительный интерес отечественной науки к изучению межрегионального сотрудничества и взаимодействия в условиях глобального политико-экономического пространства.

При этом исследование библиографии, посвящённой проблематике БРИКС, не может вместить весь объём литературных источников по причине их многочисленности, поэтому внимание уделяется основным вопросам, поднимаемым различными исследователями. Раскрыты вопросы взаимовыгодного сотрудничества стран-участниц в формате данной организации.

Ключевые слова: БРИКС, страны-участницы, партнёрство, глобальное перераспределение сил, экономико-политическое влияние

Создание БРИКС, инициированное Российской Федерацией в 2006 г., является одним из наиболее значимых геополитических событий начала нового столетия. Данное объединение смогло за относительно короткое время стать значимым фактором мировой политики и экономики. БРИКС в полной мере отражает современную объективную тенденцию мирового развития к формированию многополярной системы международных отношений и усилению взаимовыгодного экономического сотрудничества. Всё более широкое применение находят новые институциональные структуры глобального управления и сетевая дипломатия. Фактически с момента создания БРИК – неформального межгосударственного объединения – оно стало восприниматься как альтернатива существующему миропорядку, стратегический ответ на разбалансированность мировой экономики и политики в начале нового тысячелетия. В соответствии с целями и задачами создания БРИКС, данное международное объединение имеет к настоящему времени возможности формирования как общих позиций по ключевым направлениям международной финансовой системы, так и в сфере политики. Члены БРИКС являются авторитетными участниками многих международных организаций и структур, например, ООН, «Группа двадцати», Движение неприсоединения и различных региональных объединений. На долю стран БРИКС приходится значительная часть – 27% (по данным на 2015 год) – общемирового ВВП, почти треть территории Земли, практически половина населения мира.

В настоящее время на мировой арене происходит перераспределение мирового лидерства в различных сферах со смещением центра экономического, политического и геостратегического влияния в Азиатско-Тихоокеанский регион. Наглядным примером происходящих изменений служит образование БРИКС. В концепции БРИКС прослеживается идея объединения сильнейших в своих регионах стран под эгидой экономического и политического сотрудничества с целью продвижения, развития и укрепления регионального лидерства. Таким образом, БРИКС – это структура не интеграционного, а блокового характера, направленная на усиление позиций её членов посредством сотрудничества и взаимной поддержки по ключевым вопросам.

Тем не менее, страны, входящие в данную структуру, имеют свои особенности не только географического, но и, разумеется, экономического характера. В своих исследованиях авторы, занимающиеся проблематикой БРИКС, освещают её по трём направлениям: общие вопросы организации, индивидуальные особенности каждой из стран и взаимоотношения двух или нескольких стран в определённых сферах. Такой подход позволяет наиболее полно раскрыть тему партнёрства стран-членов организации.

В докладе «Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС», приуроченному к VII саммиту БРИКС, сказано, что данное объединение возникло в момент «заката индустриальной и становления интегральной цивилизаций» [36]. И одновременно можно сказать, что создание БРИКС ознаменовало цивилизационный этап перехода к многополярному миру. Фактически с момента создания БРИК (первоначально без ЮАР) как неформального межгосударственного объединения оно стало восприниматься как стратегический ответ на глобальные вызовы современности. Данное объединение имеет возможность оказывать скоординированное влияние, как на мировую финансовую систему, так и на мировую политику в целом.

В вышеупомянутом докладе имеется очень ёмкая характеристика БРИКС как «объединения ведущих держав пяти восходящих цивилизаций: китайской, индийской, евразийской, латиноамериканской, африканской». При всей кажущейся амбициозности данной формулировки следует отметить, что она точно характеризует масштабы БРИКС, поскольку страны-участницы, без преувеличения, являются цивилизационными центрами.

Сегодня обострилась международная конкуренция во всех сферах жизни: от торговой экономической до политической. Так, например, сложный вопрос отношений БРИКС и G7 амбивалентен, он включает и проблему противостояния, и проблему взаимодействия. В глобальном мире невозможно отделить конкуренцию и сотрудничество. Таким образом, объединения стран автоматически переносят свои усилия в общее русло, порождая синергетический эффект и многократно увеличивая влияние каждой из них на международной арене. Именно поэтому в настоящее время выдвигаются вопросы институционализации БРИКС, и вполне уместной, правомерной является проблема идентификации БРИКС как чего-то большего, чем просто дипломатический инструмент согласования внешнеэкономических подходов пяти государств.

В связи со значительной и всё усиливающейся ролью БРИКС на мировой политической и экономической арене, в настоящее время исследованию деятельности данного международного объединения пяти мощно развивающихся стран посвящены многочисленные научные работы; постоянно публикуются монографии и статьи, разрабатываются гранты, проводятся международные научно-практические конференции и семинары. Тема исследования и прогнозирования развития БРИКС по праву является одним из наиболее актуальных вопросов современной отечественной науки.

Разумеется, представленный ниже обзор научно-исследовательской литературы по данному вопросу не является всеобъемлющим, поскольку перечень соответствующих источников

настолько широк, что не сможет быть вмещён в объём краткой статьи. Целью автора было обобщить новейшие публикации по данной теме, с учётом сегодняшних тенденций и потребностей развития трансрегионального партнёрства в рамках БРИКС.

В России имеется целый ряд научных центров изучения БРИКС как институционализированных, так и неформальных.

Основным институтом, ответственным за исследования в области проблематики БРИКС, является Национальный комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС). Его аналитические и академические исследования лежат в основе определения политики нашей страны в рамках функционирования данного формата.

Изучением важнейшего вопроса дальнейшего развития формата БРИКС, – его институционализацией, – занимается Межфакультетский координационный совет МГУ имени М.В.Ломоносова по исследованию проблем БРИКС.

Профильный Центр в Институте международных исследований МГИМО (руководитель Л. С. Окунева) является одним из основных академических центров, исследующих проблематику БРИКС. Также следует отметить в ряду наиболее важных институциональных центров Центр по изучению стран БРИКС Уральского федерального университета.

Из неформальных научно-исследовательских центров следует упомянуть международную исследовательскую группу БРИКС при Институте международных организаций и международного сотрудничества (ИМОМС) НИУ ВШЭ.

Рассмотрим некоторые публикации отечественных авторов, посвящённые данной тематике.

Л.С. Окунева, будучи по научному направлению латиноамериканистом, имеет широкий спектр научных интересов в разрезе тематики БРИКС. Так, она изучает вопросы, связанные с общими вопросами политического взаимодействия стран-членов данной ассоциации [20].

А.Н. Вергун в своих публикациях особое внимание уделяет вопросу трансконтинентального взаимодействия стран БРИКС (инвестиционного, экономического, политического), подчеркивая инновационность формата БРИКС [10, с. 153–161].

Изучению вопроса развития стран-участниц БРИКС в разрезе глобального экономико-политического пространства большое внимание уделяет Л.Н. Борисоглебская. Так, в монографических исследованиях, посвящённых данной тематике, изданных в соавторстве с Я.О. Лебедевой, В.М. Четвериковым, Лю Цзюанем, Ян Чэнюем, особое внимание уделено, помимо обширного круга общих вопросов, инновационному подходу к политическому и экономическому сотрудничеству стран-членов сообщества [8]. Именно инновации, развитие и продвижение высокотехнологичных продуктов могут стать той цементирующей основой,

на которой может быть построено основание принципиально новаторской системы межгосударственных связей.

Кроме того, аспектам сотрудничества стран-членов БРИКС в вопросах инноваций уделяют внимание многие авторы, занимающиеся проблематикой транснационального сотрудничества стран БРИКС.

Однако, в первую очередь, сотрудничество между странами наиболее успешно развивается в экономическом ключе. Однако этим не ограничивается значение данного объединения для его членов. Так, участие в БРИКС, безусловно, является одним из факторов увеличения «веса» на международной политической арене. Это отмечают многие исследователи, изучающие тематику БРИКС. Так, В.В. Панова отмечает, что для России это участие является важным в плане продвижения идеи «многополярного» мира и политической многовекторности, что переводит дефиницию глобальной конкуренции в политическую плоскость и отражает одно из приоритетных политических направлений РФ – утверждение более демократичного и справедливого международного финансово-экономического порядка [21, с. 112-149].

Одним из безусловных лидеров (в первую очередь, экономических) в данном объединении стран является Китай. И с этим связано развитие и дальнейшие перспективы формата БРИКС. Как отмечает С.В. Уянаев, для Китая, как одной из наиболее динамично развивающихся экономик, объединение с другими «весомыми» развивающимися странами, является конструктивным фактором формирования «мировой архитектуры» [30, с. 145]. Аналогично и для всех участников БРИКС экономика является фундаментом политического веса. И в этом плане согласование имеющихся межстрановых противоречий видится одной из наиболее важных задач повестки дня.

На наш взгляд, поскольку в экономическом плане страны БРИКС имеют совершенно разный вес (в этом смысле Китай находится на совершенно другом уровне, чем остальные члены объединения), не следует ограничивать видение БРИКС как единого экономического игрока. Целесообразно обратиться к инвестиционному сотрудничеству, которое способно из формальной структуры создать действительную основу для тесного сотрудничества и взаимоподдержки. В этом плане целесообразным видится направление активного стимулирования взаимных инвестиций с обязательным компонентом государственной поддержки соответствующих программ.

Актуальность данного вопроса, в частности, подчеркивается в отчёте «Towards a long-term strategy for BRICS. A proposal by the BRICS Think Tanks Council», публикуемом Institute for Applied Economic Research [36].

В отчёте «Глобальные тенденции 2030» обобщается ряд трендов развития мирового

сообщества, и одним из них является размывание фактических границ между государствами, вызванное глобализационными процессами и развитием информационных технологий. В этих условиях экономика каждого государства является всё более чувствительной к кризисным явлениям, происходящим в мире. Поэтому создание межгосударственных объединений видится одним из наиболее перспективных инструментов противостояния влиянию кризисов (в первую очередь, экономических) [11]. Это ещё раз подчёркивает своевременность и необходимость создания БРИКС и важность дальнейшего развития всестороннего сотрудничества входящих в него стран.

На фоне региональной интеграции, которая происходит уже сейчас, сотрудничество межрегионального формата обладает более широким спектром возможностей, поскольку происходит не на основании географического расположения, а на основании экономической и политической целесообразности.

Инновационность формата БРИКС отмечается и в докладе «Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС», приуроченном к VII саммиту БРИКС. В частности, в нём говорится о том, что БРИКС — это «геоцивилизационное объединение нового поколения» [26, с. 9]. Данная формулировка видится очень точной, поскольку отражает новаторскую сущность и потенциально широкие перспективы данного формата.

Там же отмечается, что, поскольку источники экономического роста, имеющие экстенсивный характер, исчерпали себя, следует ориентироваться на источники экономического роста интенсивного типа, такие, как инновационные нововведения в промышленном, аграрном и энергетическом секторах. При этом первоочередную важность имеет взаимное сотрудничество стран в данном направлении.

В докладе The BRICS report, опубликованном Оксфордским университетом ещё в 2012 г., отмечается, что общим вызовом, с которым сталкиваются страны БРИКС, является «необходимость институционального развития, без которого устойчивый рост не может быть обеспечен» [37]. В посткризисном мире в значительной степени присутствует финансовая нестабильность и слабый рост экономик. Это, по нашему убеждению, ещё раз подчёркивает потерю актуальности экстенсивных факторов экономического развития и важность перехода от количества к качеству. Страны БРИКС имеют замечательную возможность координировать свои экономические, политические направления и дипломатические стратегии не только для улучшения своего политического и экономического статуса в самой группе, но и для того, чтобы БРИКС стал фактором стабилизации мировой экономики в целом. Они должны более тесно согласовывать и координировать свою политику с целью поддержания темпов роста в условиях

глобальной экономической турбулентности.

В сборнике «Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве» Рафаэл Мартинс (Бразилия) в статье «Взаимодополняемость стран БРИКС: возможности установления прочных взаимных отношений и роль БРИКС в построении нового экономического порядка» отмечает, что взаимодополняемость стран рано или поздно создаст и взаимозависимость [2, с. 112-121]. Эта взаимозависимость создаст основу для дальнейшего углубления сотрудничества и взаимной поддержки стран на мировой арене. Однако, на наш взгляд, данному процессу в будущем может воспрепятствовать растущая экономическая мощь Китая как основного локомотива роста суммарных экономических показателей БРИКС. В таких условиях появится риск доминирования Китая в данном объединении. В таких условиях объединение не сможет полноценно функционировать как инструмент взаимного стимулирования экономического роста, а его роль сведётся к торгово-инвестиционному сотрудничеству. Тем не менее, совместная работа над переходом экономического уклада к постиндустриальному типу способна сгладить эти неравномерности и задать чёткий вектор дальнейшего сближения стран блока.

Важность сотрудничества стран БРИКС в инвестиционной сфере подчёркивает и Л.М. Григорьев в статье «Взаимодействие в инвестиционной сфере», опубликованной в сборнике «Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты» (2013 г.). В частности, отмечается, что на современном этапе «расходы на НИОКР в странах БРИКС находятся на низком уровне относительно развитых стран» [28, с. 266-272]. Это – основное отличие развивающихся стран от развитых, на наш взгляд. Более того, именно НИОКР является областью приобретения глобальных конкурентных преимуществ как в краткой и среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе. Поэтому, как справедливо утверждает Л.М. Григорьев, в совместной работе над созданием таких конкурентных преимуществ странам следует «...ориентироваться именно на проекты по созданию собственных высоких технологий ... или массовое производство ещё неиспользованных технологий» [28, с. 306-315]. И это – область применения совместных инвестиций, в первую очередь, в направлении создания и развития ПИИ.

И.З. Ярыгина в статье «Перспективы сотрудничества стран БРИКС в условиях формирования международного финансового центра в Российской Федерации» [2, с. 38-51], практически, одной из первых среди отечественных учёных поднимает вопрос использования национальных валют стран-участниц БРИКС во взаиморасчётах, что позволило бы не только снизить транзакционные издержки при осуществлении сделок, но и повысить роль российского рубля как валюты международных расчётов. Также в

статье поднимаются актуальные вопросы сильных и слабых сторон финансовой системы РФ как международного финансового центра. Научное исследование автора посвящено перспективам сотрудничества стран БРИКС в условиях формирования международного финансового центра в Российской Федерации. Автор заключает, что в современных условиях в качестве объекта исследования должны выбираться экономические отношения стран-партнеров, находящиеся в непрерывном процессе развития и интернационализации. В статье указана оценка проблем и перспектив использования национальных валют в обеспечении международных экономических отношений стран БРИКС, способствующая формированию механизмов, обеспечивающих модернизацию российской экономики.

Е. Ф. Авдокушин и М. В. Жариков в работе «Страны БРИКС в современной мировой экономике» [1] освещают вопросы взаимодействия этих стран на международной арене в направлении усиления производственно-торгового и финансового влияния. При этом особая роль отводится совместным международным корпорациям, которые являются эффективным инструментом усиления экономического влияния и одновременно укрепляют взаимосвязи стран сообщества.

В работе А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцева «БРИКС – международная квазиорганизация?» анализируется статус БРИКС в международном праве. В статье сделан вывод о том, что БРИКС является не международной межправительственной организацией, а международной квазиорганизацией, как и Арктический совет, Большая восьмерка, ОБСЕ и другие международные форумы [6, с. 9-15].

В статье Ю.И. Богомоловой «Анализ конкурентоспособности экономик стран БРИКС: общие проблемы и преимущества» исследуется конкурентоспособность экономик по методике Всемирного экономического форума. В результате проведенного автором комплексного анализа дана возможность рассмотрения и оценки каждой из стран БРИКС по 12 обобщенным слагаемым преимущества и «провалов» экономик [2, с. 16-37]. Совмещение экономических профилей стран позволило исследователю выявить наиболее сильные и перспективные стороны экономик БРИКС и общие проблемные зоны. В своей работе «Индия и страны БРИКС» Т.Л. Шаумян подчеркивает всё усиливающееся влияние стран БРИКС на деятельность мировых финансовых и политических институтов, на показатели данных стран в мировом ВВП, на укрепление их политической и экономической роли. Е.В. Киселева в научной статье «Место Африки в официальных позициях БРИКС» [2, с. 83-90] показывает роль Африки в международной деятельности БРИКС. Исследование О.М. Мещеряковой «Фрагментация как основной фактор, определяющий развитие интеграционных процессов» [2, с. 91-94]

посвящено характерным чертам современных интеграционных процессов в деятельности БРИКС и ЕС. Бразильский исследователь Коста Лазота Лукас Агусто в своей работе «Регламентация внешнеторговой деятельности стран БРИКС: перспективы сближения подходов» [2, с. 95-105] рассматривает способы регламентации внешнеторговой деятельности в странах БРИКС, а также перспективы сближения экономических политик. Автор указывает, что глобализация экономики является определяющим фактором в формировании торговой политики этих стран, но одним из пунктов дискуссии между странами является вопрос о целях внешнеэкономической политики и о способах координации диалога для создания более выгодных норм в рамках форума. В этой области, форум стран БРИКС имеет такие преимущества как: политико-дипломатическое сближение на разных уровнях; использование в рамках БРИКС типовых проформ договоров, разработанных различными международными организациями и ассоциациями предпринимателей, а также сближение предпринимательских сообществ, направленных на пользу торговли огромного рынка БРИКС. Исследование Кристиан Арно Адзелу из Кот-Д'Ивуара «К вопросу о возможности сотрудничества БРИКС – НЕПАД» [2, с. 106-112.] посвящено частным направлениям возможного сотрудничества стран БРИКС в рамках необходимости взаимодействия НЕПАД – БРИКС. В научном труде Рафаэля Мартинса (Бразилия) «Взаимодополняемость стран БРИКС: возможности установления прочных взаимных отношений и роль БРИКС в построении нового экономического порядка» делается вывод о том, что БРИКС известен своей идеологией, которая фактически является его отличительной чертой в сравнении с другими подобными международными объединениями. Начиная с проведения первых саммитов БРИКС, мы обнаруживаем свидетельства идеологического выстраивания и расширения круга идеологических вопросов, обсуждаемых на форуме. Автор изучает практические шаги для установления идеологии, как жизнеспособной альтернативы господству идеологии США для других развивающихся и наименее развитых стран. Статья данного автора содержит анализ нескольких стратегических областей, в которых страны БРИКС могут установить прочные взаимовыгодные отношения, позволяющие выстроить более независимую группу стран без формальной институционализации. В статье утверждается, что при относительной независимости, страны БРИКС смогут создать новые альтернативные юридические инструменты, следуя своей идеологии. Такое сотрудничество является важнейшим аспектом создания прочных связей между странами БРИКС, для построения эффективной альтернативы настоящей модели глобального управления. Научная работа К.М. Беликова «Инновационный путь развития стран БРИКС как стратегический вектор» [2, с. 122-126.] заклю-

чает, что инновации становятся эффективным фактором повышения конкурентоспособности современного общества. Автор рассматривает основные векторы развития инноваций в современном мире, например, основы инновационного общества в странах БРИКС. Особое внимание уделено методологии построения такого общества с подчеркиванием роли малых и средних предприятий как субъектов инновационного развития. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что потенциал системного инфраструктурного регулирования в сфере поддержки инновационной активности стран БРИКС далеко не исчерпан предпринимаемыми на сегодняшний день мерами. К.М. Беликова, М.А. Ахмадова в своей работе «Национальная политика в сфере развития инноваций стран БРИКС: опыт ЮАР» [2, с. 155-168] рассматривают основные этапы и направления развития инноваций, как основы инновационно-ориентированного общества в ЮАР. В статье особое внимание уделяется методологии и правовым основам построения указанного общества и деятельности государства в сфере развития науки и технологий, в том числе в формате институционального обустройства. Комплексному анализу разнообразных способов рассмотрения коммерческих споров в крупнейших арбитражных центрах Китая и Индии посвящено исследование Е.П. Русаковой «Международный коммерческий арбитраж стран БРИКС: опыт Китая и Индии» [2, с. 194-208]. В работе автор исследует источники правового регулирования создания и деятельности международных коммерческих арбитражей, дает оценку существующим арбитражным процедурам рассмотрения споров. Всестороннему анализу взаимодействия стран-участниц БРИКС по вопросу охраны интеллектуальной собственности посвящена статья Е.Д. Локтевой «Двусторонние соглашения стран БРИКС как форма охраны интеллектуальной собственности» [2, с. 240-245]. Научная публикация Р.А. Алиева «Перспективы развития БРИКС. Есть ли у БРИКС будущее?» [2, с. 246-251] рассматривает важнейшие вопросы дальнейшего существования и деятельности БРИКС. В статье предпринимается попытка прогноза будущих направлений развития деятельности БРИКС. Отдельные исследования в рамках указанного научного семинара посвящены непосредственно изучению различных аспектов экономики, политики и права стран-участниц БРИКС.

В 2012 году отечественная библиография о деятельности БРИКС пополнилась новым трудом видного российского китаевода, академика РАН М.Л. Титаренко «Россия и ее азиатские партнёры в глобализирующемся мире» [24]. В основу монографии автор положил свои многочисленные научные статьи, доклады и выступления на различных, в том числе международных, форумах и конференциях в 2008-2011 гг. Последний раздел монографии посвящён комплексному анализу деятельности БРИКС, причём не просто

сотрудничеству представленных в указанном геополитическом объединении стран, а современному диалогу цивилизаций и культур в рамках данной группы. Согласно мнению академика М.Л. Титаренко, важнейшими предпосылками, определяющими значение сотрудничества стран БРИКС, можно назвать: заинтересованность в поддержании глобальной стабильности, безопасности и мира; дальнейшее развитие и модернизация экономики, образования, науки и культуры; обеспечение территориальной целостности, единства и суверенитета; активное противодействие на государственном и межправительственном уровнях силам международного терроризма, религиозного экстремизма и этно-сепаратизма; наконец, необходимость сохранения самобытности национальных культур в условиях глобализирующегося мира и углубляющегося сотрудничества и диалога цивилизаций. Хотелось бы особо подчеркнуть исключительную актуальность данного научного труда М.Л. Титаренко именно в связи с нарастающими угрозами со стороны Западного мира. Монография характеризуется глобальным характером исследования, присущим всем научным работам автора. Весь комплекс изложенного материала, научная аргументация М.Л. Титаренко подчинены важной цели – укреплению и развитию отношений добрососедства и партнёрства со странами БРИКС и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, активизации восточного вектора российской внешней политики. После вступления ЮАР в БРИКС вышла в свет в 2012 году монография А.А. Архангельской «Внешняя политика демократической ЮАР», посвящённая роли ЮАР в объединении БРИКС в силу усиливающегося влияния развивающихся стран на мировой геополитической сцене. В своей книге автор представляет вниманию читателя интересное исследование и анализ двусторонних отношений ЮАР с другими странами-участницами БРИКС.

В октябре 2013 года в рамках деятельности Института международных организаций и международного сотрудничества (ИМОМС) НИУ ВШЭ опубликована коллективная монография Л.Н. Борисоглебской, В.М. Четверикова, Лю Цзюань «Развитие стран БРИКС в глобальном пространстве» [8]. В данной коллективной монографии авторов из России и Китая указаны основные векторы и показатели взаимодействия стран БРИКС в условиях нарастающей глобализации и регионализации, рассматриваются предпосылки и особенности их проявления в России и других странах БРИКС, представлен анализ экономического и социально-культурного развития стран БРИКС. По мнению авторов монографии, страны БРИКС делают последовательные шаги в направлении развития системы глобального управления, прежде всего в финансово-экономической сфере с их участием и лидерством. В монографии сопоставлены экономические показатели стран-участниц БРИКС

с группой «достойных стран», включающей страны, каждая из которых в 2012 г. произвела больше 1% мирового ВВП. В монографии особое внимание уделено и вопросам развития банковской системы стран-участниц БРИКС, а также направлениям инновационного развития, в первую очередь Китая и России. Во второй части монографии анализируются результаты процесса межкультурной коммуникации между странами БРИКС в условиях нарастающей глобализации. Практически одновременно на базе Института Африки РАН выходит в свет и международная коллективная монография под редакцией Т.Л. Дейча и Е.Н. Корендясова «БРИКС–Африка: партнёрство и взаимодействие» [20, с. 76-77]. В указанном издании опубликовано комплексное исследование феномена БРИКС, дана оценка влиянию БРИКС на позиционирование Африканского континента в современном глобализованном мире. В научной работе основное внимание уделено комплексному анализу взаимодействия между странами БРИКС и Африки в торгово-экономической, финансовой и инвестиционной областях, динамично развивающимся партнёрским взаимоотношениям и взаимодействию по повышению влияния БРИКС на процессы экономического роста Африканского континента, укрепления его роли и веса в мировой политике и экономике, а также в системе глобального управления.

Следует указать, что исследованию деятельности БРИКС посвящены многочисленные публикации в периодических научных изданиях. Например, журнал «Финансы и кредит» много внимания уделяет актуальным вопросам деятельности БРИКС по развитию экономической деятельности.

Однако, при всей своей весомости на международной арене каждой из стран-участниц БРИКС, сама организация на данный момент не достигла той степени экономико-политического влияния, которого могла бы достичь потенциально. Это связано, в первую очередь, с процессами противодействия векторов глобального перераспределения сил. Поэтому западными авторами перспективы дальнейшего развития организации оцениваются в основном негативно, тогда как столь определённый прогноз на данном этапе не может быть столь однозначным. И это подтверждают исследования как отечественных, так и международных экспертов. Так, В. Б. Луков оценивает ситуацию как лабильную, подвергающуюся влиянию множества факторов, которые можно обобщить в виде четырёх основных групп: общемировые экономико-политические тенденции; ресурсный потенциал стран-участниц; их заинтересованность в формате организации; пропорция совпадения и несовпадения интересов каждой из стран [15, с. 43–49.]. Исходя из этого, возможны как благоприятные, так и неблагоприятные сценарии дальнейшего развития формата БРИКС, и результат зависит только от взаимных усилий стран-участниц в направлении усиления взаимодействия в общем направлении.

Таким образом, в связи с актуальностью проблематики БРИКС вследствие последовательного изменения вектора распределения сил на мировой политической и экономической арене в последние годы, в отечественной науке представлен обширный материал по исследованию деятельности БРИКС.

Список литературы

1. Авдокушин, Е. Ф. Страны БРИКС в современной мировой экономике. М.: Магистр: Инфра-М, 2013. 479 с.: ил.
2. Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве. Сборник материалов / Ответственный редактор: доктор юридических наук, доцент Беликова К.М. М.: РУДН. 2012 г. 251 с.
3. Ардзинба, И. Единство и различия в интересах стран — членов группы БРИКС // Гос. служба. 2014. №2. С.91–96.
4. Бек, М. А. Сравнительный анализ экономического развития стран БРИКС: роль инвестиций, инноваций, менеджмента и институтов // Менеджмент инноваций. 2013. №3. С.190–204.
5. Беликова, К. М. Инновационный путь развития стран БРИКС как стратегический вектор // К. М. Беликова. Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве: сб. материалов. М., 2012. С.122–126.
6. БРИКС: проблемы и перспективы (Научная конференция, МГИМО (У), 9–10 ноября 2011 г.) // Аналитические доклады, выпуск 2(32), 2011. 29 с.
7. Бабурина О. Н. Влияние интеграции стран БРИК на мировую экономику // Финансы и кредит. 2010. №31. С.23–28.
8. Борисоглебская Л. Н. Развитие стран БРИКС в глобальном пространстве: Монография / Л. Н. Борисоглебская, Я. О. Лебедева, В. М. Четвериков [и др.] М.: Инфра-М, 2013 г. 223 с.
9. БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015; Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР/ Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 235 с.

- Мировая политика

10. Вергун А. Н. Сотрудничество стран БРИКС как новый формат интеграционного процесса // Вестн. МГИМО 2013. №5. С.153–161.
11. «Глобальные тенденции 2030», режим доступа: http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/53c7/b3a1/676c/7631/400a/0000/original/Global-Trends-2030-RUS.pdf?1408971903
12. Давыдов В. М. Неравномерность развития как основа формирования новых центров экономической мощи и политического влияния // Правовые аспекты БРИКС: сб. докл. и выст. на науч. семинаре 8–9 сентября 2011 г. СПб., 2011. С.17–26.
13. Косолапов Н. Прообраз капитализма: БРИКС как международное политическое пространство // Россия в глобальной политике. 2013. Т.11, №1. С.92–106.
14. Ларионова М. БРИКС в системе глобального управления // Междунар. жизнь. 2012. №4. С.2–14.
15. Луков В. Символ многополярного мира // Международная жизнь. 2014. №7. С.43–49.
16. Мантусов В. Б. Место и роль БРИКС в мировой экономике в условиях финансово-экономического кризиса: монография. М.: Восток–Запад, 2013. 149 с.
17. Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И. М. Бусыгиной, И. Ю. Окунева – М: «Аспект Пресс», 2015. 352 с.
18. Назаретян, С. Р. БРИКС: препятствия активизации процессов экономической интеграции // С. Р. Назаретян / Современное общество, образование и наука: сб. науч. тр. по материалам Международной научно- практической конференции. Тамбов, 2014. Ч.2. С.102–109.
19. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС / Отв. ред. С.П. Глинкина; колл. авторов. М.: Институт экономики РАН, 2014. 220 с.
20. Окунева Л. С. ЮАР: мост, соединяющий континенты // Азия и Африка сегодня. 2013. №4 (669). С. 76–77. 19.
21. Панова, В. В. БРИКС: место России в группе, видение и практические результаты, совместная деятельность «пятерки» в рамках многосторонних институтов // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты: сб. статей / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН, 2013. – 429 с.
22. Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к 7-му саммиту БРИКС / Под редакцией В. А. Садовниченко, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева. Москва, МИСК — ИНЭС — НКИ БРИКС, 2014. 48 с.
23. Развитие стран БРИКС в глобальном пространстве: монография / Борисоглебская Л. Н., Лю Цзяюнь [и др.]. Москва : ИНФРА-М, 2013. 21 см. - (Научная мысль).
24. Титаренко, М. Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «Форум», 2012. 544 с.
25. Ч. 1, 2: Потенциал сотрудничества и тренды экономических процессов / под ред. Л. Н. Борисоглебской, В. М. Четверикова ; Ч. 2 : Социально-культурный аспект / под ред. Лю Цзяюнь, Ян Чэнъюй. - 2013. - 223
26. Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС // научный доклад к VII саммиту БРИКС (сокращенная версия) / Под редакцией В. А. Садовниченко, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева. - Москва, МИСК — ИНЭС — НКИ БРИКС, 2014 г. 48 с.
27. Савойский А.Г. Второй цикл группы БРИКС // Междунар. экономика. 2014. №7. С.21–28.
28. Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты: сб. статей / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН, 2013. 429 с.
29. Трифонов В. И. Взаимодействие стран БРИКС в международных структурах // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты: сб. ст. М., 2013. С.166–172.
30. Уянаев, С. В. Сотрудничество в БРИКС в системе внешнеполитических приоритетов Китая // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты: сб. статей / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. – М.: РУДН, 2013. 429 с.
31. Фитуни Л. Л. «Дифференциация развивающихся стран: валютно-финансовые аспекты» // Азия и Африка сегодня. 2013. №6 (671). С. 8–12.
32. Хейфец Б. А. Россия и БРИКС. Новые возможности для взаимных инвестиций. М.: Дашков и К°, 2014. - 224 с.
33. Шкиотов, С. В. Верификация модели национальной конкурентоспособности М. Портера на примере стран БРИКС // Экон. анализ: теория и практика. 2014. №2. С.45–53.
34. Шмелев В. В. Международные экономические организации и борьба за демократизацию международных экономических отношений // Финансы. 2014. № 8. С. 9–14. 1
35. Яковец Ю. В. Новый глобальный водораздел и перспективы БРИКС // Партнерство цивилизаций. 2014. №1–2. 3
36. Towards a long-term strategy for BRICS. A proposal by the BRICS Think Tanks Council. Режим доступа: http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/55cc/a884/6272/6921/aa01/0000/original/%D0%9D%D0%B0_%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8_%D0%BA_%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%

82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1_(%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB).pdf?1439475844

37. THE BRICS REPORT. A Study of Brazil, Russia, India, China, and South Africa with special focus on synergies and complementarities. Published in India by Oxford University Press. - YMCA Library Building, 1 Jai Singh Road, New Delhi 110 001, India – 2012 г. – 205 с.

Об авторе

Конкин Андрей Александрович – аспирант кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ.

TRANSREGIONAL PARTNERSHIP OF BRICS IN RUSSIAN STUDIES

A.A. Konkin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article reviews the literature dealings with the problems of the BRICS, summarized the issues raised by various authors on the main trends in the development of the community and this organization in generally in light of the global economic and political processes. Issues theoretical aspects of further development of the organization as one of the vectors of the global redistribution of the globally weight.*

This research consistently served all major aspects, related to the functioning of the features of the BRICS as an innovative format of the informal inter-regional cooperation between the countries. So far as the BRIX is a relatively "young" association, its institutionalization is a currently ongoing. This is the primarily due to the economic aspect: the creation of the New Development Bank completes the first stage of the creation BRICS how the formalized association.

In contrast to the economic component, around which, most likely, will build further cooperation, political institutionalization seems a distant prospect. At least, included in the Community countries are very different politically and are in completely different conditions in the international political arena. Perhaps in the future the BRICS will move purely in the economic vector.

The paradox of this situation lies in the fact that the country's economic data are also very different. Their "weight" in the world economy has a rather significant that carries a precondition for the emergence of some of the dominant structure in the BRICS format. In this aspect, it all depends on future market component of the external and internal environment of each country. Under their influence will be shaped and altered their economies and unexpected moments can occur in a turbulent global economic space.

Russian authors studied in detail the characteristics of each of the member countries of BRICS, which allows to mark a significant interest in the national science to the study of inter-regional cooperation in the global political and economic space.

At the same time, the study of bibliography dedicated to the problems of the BRICS, cannot be accommodated of the entire volume of literature because there are large numbers of their, so the focus is on the main issues raised by various researchers. Disclosed issues of mutually beneficial cooperation of the participating countries in the format of this organization.

Key words: BRICS member countries, a partnership, a global redistribution of power, economic and political influence.

References

1. Avdokushin, E. F. BRICS in the contemporary world economy / E. F. Avdokushin, M. V. Zharikov. — M.: M.: Infra-M, 2013. 479 P.: ill.
2. The actualization of the process of interaction of the BRICS countries in economy, politics, law. The collection of materials / editor: doctor of law Sciences, associate Professor Belikova K. M. M.: PFUR. 2012 251 pages. (In Russian)
3. Ardzinba, I. similarity and difference in the interests of the member countries of the BRICS group *the State. service*. 2014. No. 2. S. 91–96.

■ Мировая политика

4. Beck M. A. Comparative analysis of the economic development of the BRICS countries: the role of investment, innovation, management and institutions. *Management of innovations*. 2013. No. 3. P. 190–204.
5. Belikova, K. M. Innovative development of BRICS as a strategic vector In K. M. Belikova. *The actualization of the process of interaction of the BRICS countries in economy, politics, law: materials*. M., 2012. P. 122–126.
6. BRICS: problems and prospects (conference, MGIMO (University), 9-10 November 2011). *Analytical reports*, issue 2(32). 29 p. (In Russian)
7. Baburina O. N. The impact of integration of the BRIC countries on the global economy. *Finance and credit*. 2010. No. 31. P. 23–28. (In Russian)
8. Borisoglebskaya L. N. The development of the BRICS in the global space: Monograph Moscow: Infra-M, 2013 223 p. (In Russian)
9. BRICS. Joint statistical publication. 2015; Brazil, Russia, India, China, South Africa. Rosstat. Moscow: IIC "Statistics of Russia", 2015. 235 p.
10. Vergun, A. N. The cooperation of BRICS countries as a new format of the integration process *Vestn. MGIMO* 2013. No. 5. P. 153–161.
11. "Global trends 2030", available at: http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/53c7/b3a1/676c/7631/400a/0000/original/Global-Trends-2030-RUS.pdf?1408971903
12. Davydov V. M. Uneven development as the basis for the formation of new centers of economic power and political influence. *Legal aspects of BRICS: proc. and the Convention complex. on scientific. the workshop on September 8-9, 2011* St. Petersburg, 2011. P. 17–26. (In Russian)
13. Kosolapov N. A type of capitalism: BRICS as an international political space. *Russia in global Affairs*. 2013. Vol. 11, No. 1. P. 92–106. (In Russian)
14. Larionova M. BRICS in global governance *Intern. life*. 2012. No. 4. P. 2–14. (In Russian)
15. Lukov V. the Symbol of a multipolar world *international life*. 2014. No. 7. P. 43–49.
16. Manusov V. B. the role and Place of BRICS in the world economy during the financial and economic crisis: monograph / V. B. Matusov, E. V. Rastyannikov. Moscow: East–West, 2013. 149 P. (In Russian)
17. Modernization and democratization in BRICS countries: a Comparative analysis / edited by I. M. Busygina, I. Y. Okunev, "Aspect Press", 2015. 352 p. (In Russian)
18. Nazaretyan, S. R. BRICS: obstacles to the revitalization of economic integration processes. S. R. Nazaretyan / the Modern society, education and science: collection of scientific papers. Tr. according to the materials of the International scientific - practical conference. Tambov, 2014. Part 2. P. 102–109. (In Russian)
19. The new direction of Russian foreign policy and foreign economic cooperation in the BRICS countries / Ed. edited by S. P. Glinkina; Coll. authors. Moscow: Institute of Economics, RAS, 2014. 220 P. (In Russian)
20. Okuneva L. S. South Africa: the bridge connecting the continents *Asia and Africa today*. 2013. № 4 (669). P. 76–77. (In Russian)
21. Panov V. V. BRICS: Russia's place in the group, the vision and the practical results of the joint activities of the five multilateral institutions. Is Russia's Strategy within BRICS: aims and instruments: collected articles. Moscow: PFUR, 2013. 429 p.
22. Prospects and strategic priorities of the BRICS ascent. Scientific report to the 7th summit of the BRICS countries / edited by V. A. Sadovnichiy, Yu], A. A. Akayev. - Moscow, misc — INES — the national Committee for BRICS, 2014 – 48 PP.
23. Borisoglebskaya L. N., Liu Juan. The development of the BRICS in the global space: monograph / [and others]. Moscow : INFRA-M, 2013-. 21 cm. - (Scientific thought). (In Russian)
24. Titarenko Mikhail L. Russia and its Asian partners in a globalizing world. Strategic cooperation: problems and prospects. Moscow: publishing house "Forum", 2012. 544 p. (In Russian)
25. Part 1, 2: the Potential of cooperation and trends of economic processes / ed. by L. N. Boris and Gleb, V. M. Chetverikov ; part 2 : Socio-cultural aspect / ed. by Liu Juan, Yang Chenyu. 2013. 223 p. (In Russian)
26. Prospects and strategic priorities of the BRICS ascent // the scientific report to the VII summit of the BRICS (edited version) / edited by V. A. Sadovnichy, V. J.], A. A. Akayev. - Moscow, misc INES the national Committee for BRICS, 2014. 48 P. (In Russian)
27. Savoy A. G. the Second cycle of the BRICS group *Intern. economy*. 2014. No. 7. P. 21–28.
28. Russia's strategy within BRICS: aims and instruments: collected articles. M. : PFUR, 2013. 429 p. (In Russian)
29. Trifonov V. I. the Interaction of the BRICS countries in international organizations // V. I. Trifonov / Russia's Strategy within BRICS: aims and instruments: collection of V. Moscow, 2013. P. 166–172. (In Russian)
30. The uyanayev, S. V. Cooperation in the BRICS in the system of foreign policy priorities of China. Russia's Strategy within BRICS: aims and instruments: collected articles / ed. by V. A. Nikonov, G. D. Toloraya. Moscow: PFUR, 2013. 429 p. (In Russian)

31. Fituni L. L. "Differentiation of developing countries: monetary and financial aspects" *Asia and Africa today*. 2013. №6 (671). P. 8-12.
32. Kheifets B. A. Russian and the BRICS. New opportunities for mutual investment. Moscow: Dashkov and C^o, 2014. 224 p.
33. Scioto S. V. Verification of the model of national competitiveness M. porter on the example of BRICS *Econ. analysis: theory and practice*. 2014. No. 2. P. 45–53.
34. Shmelev V. V. International economic organizations and the struggle for the democratization of international economic relations *Finance*. 2014. No. 8. P. 9-14.
35. Yakovets Y. V. New the global divide and the prospects for the BRICS. The Partnership of civilizations. 2014. No. 1-2.
36. Yarygin I. Z. prospects of cooperation of the BRICS countries in the conditions of formation of international financial center in the Russian Federation. *Updating of process of interaction of the BRICS countries in economy, politics, law: Materials of the Scientific seminar*. Moscow, October 9, 2012 – M.: Senate Press, 2012. 251 p.
37. Towards a long-term strategy for BRICS. A proposal by the BRICS Think Tanks Council. Available at: [http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/55cc/a884/6272/6921/aa01/0000/original/%D0%9D%D0%B0_%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8_%D0%BA_%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1_\(%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB\).pdf?1439475844](http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/55cc/a884/6272/6921/aa01/0000/original/%D0%9D%D0%B0_%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8_%D0%BA_%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1_(%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB).pdf?1439475844)
38. THE BRICS REPORT. A Study of Brazil, Russia, India, China, and South Africa with special focus on synergies and complementarities. Published in India by Oxford University Press. - YMCA Library Building, 1 Jai Singh Road, New Delhi 110 001, India 2012 205 P.

About the author

Andrey A. Konkin – Post-graduate student in the Department of oriental studies, Moscow State Institute of International Relations.

ОБОРОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЕВРОПЕ: СУБРЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Ю.И. Надточей

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

В статье рассматривается эволюция субрегионального сотрудничества стран Европы в сфере безопасности и обороны. Проводится анализ причин возникновения такого феномена как субрегионализм, который связывается со стремлением отдельных малых групп европейских государств, преимущественно стран Центральной и Восточной Европы, к налаживанию взаимодействия в оборонной сфере после завершения холодной войны. Такое взаимодействие рассматривается в более широком контексте интеграционных процессов в Европе, оказывающих важнейшее воздействие на субрегиональную кооперацию в отдельных частях единого европейского пространства безопасности в рамках ЕС и НАТО.

Бывшие соцстраны Европы, а также некоторые европейские нейтралы изначально расценивали субрегиональные объединения в качестве средств, позволяющих им повысить качество своей внешней безопасности в «переходный» – т.е. предшествующий членству в европейских или евро-атлантических структурах – период. По мере торможения процессов расширения ЕС и НАТО в конце первого десятилетия XXI века, субрегиональные группировки обрели особую значимость. Несовпадение оценок внешних угроз между отдельными членами Союза и Альянса ускорило процесс «группирования» ограниченных по составу стран вокруг решения общих задач, имеющих локальное значение для панъевропейских организаций как таковых, но крайне важных для самих группирующихся стран. Европейскому союзу и Североатлантическому альянсу оказалось не просто воздействовать на эти процессы, синхронизируя их с евро-атлантической интеграцией как таковой.

.....

Ключевые слова: субрегионализм, регионализм, субрегиональные группы, оборонное сотрудничество, НАТО, Европейский союз, ОВПБ, ОПБО, европейская интеграция, боевые группы ЕС.

Субрегиональное сотрудничество: проблема определений

Изучению феномена субрегионализма – тесного сотрудничества государств, близких с социально-экономической, историко-культурной и географической точек зрения, посвящено меньшее число работ, нежели исследованиям «больших» макрорегионов.

На протяжении долгих лет специалисты, работавшие в русле европейских исследований, отводили субрегиональному сотрудничеству второстепенную, периферийную роль. Даже крупные эксперты по регионам не смогли предложить не то чтобы исчерпывающего, но даже сколь-нибудь общепринятого базового определения такого понятия как «субрегион». Таковой, по-прежнему, характеризуется в самых общих чертах как «географически определённое субпространство, входящее в более крупный регион» [10]. Равным образом понятийная проблема сохраняется и применительно к таким понятиям как «субрегионализация» и «субрегионализм». Если первое из них описывает скорее неуправляемый процесс развития субрегионального сотрудничества с участием множества различных субъектов (страны, компании, индивиды), то второй более связан именно с осознанными действиями государств одного субрегиона, стремящихся контролировать развитие такого сотрудничества путём создания специальных институтов [1].

В свете рассматриваемой темы оборонного сотрудничества в Европе на субрегиональном уровне проблема определения понятий не выглядит простым теоретизированием, так как именно с корректного использования понятийного аппарата начинается выделение предмета исследования. Представляется, что для целей анализа военно-политических отношений, где доминируют суверенные государства, а не надгосударственные или «догосударственные» субъекты, все же более применимо понятие «субрегионализм».

Генезис субрегионального сотрудничества

Интерес исследовательского сообщества к проблеме субрегионализма обозначился ещё в конце 1990-х гг. В немалой степени этому способствовал процесс европейской интеграции, в условиях которого специалисты по регионам пытались обобщить и проанализировать «доинтеграционный» опыт малых и средних европейских стран (преимущественно из бывшего соцлагеря), вставших на путь создания субрегиональных группировок [7].

В зарубежных экспертных кругах не без оснований утвердилось мнение о том, что с помощью таковых бывшие соцстраны, а также некоторые государства-нейтралы пытались, с одной стороны, ускорить процесс вступления в Европейский союз и (или) НАТО, а с другой – повысить качество своей внешней безопасности в «переходный» – т.е. предшествующий членству в

европейских и евро-атлантических структурах – период [9].

Движение к этой двоякой цели объяснялось довольно просто: предсказуемость европейской «среды безопасности» после завершения холодной войны резко снизилась, а опора на собственные силы в решении многих внешних проблем не могла рассматриваться небольшими государствами в качестве действенной альтернативы многостороннему сотрудничеству с соседями.

Особое значение взаимодействию с ними придавалось в странах Северной и Центральной Европы, уже имевших существенный опыт субрегионального взаимодействия и стремившихся воспользоваться им в новых геополитических условиях. Такое стремление не в последнюю очередь объяснялось ощущением повышенной уязвимости, присутствующим у центрально-европейских и северо-европейских государств уже в силу самого их положения между Западом и Востоком континента. Оно явно способствовало локальной самоидентификации стран Скандинавии, Балтии, Вишеградской группы. Их восприятие себя как «серединной Европы» вызвало своего рода «чувство общности», противопоставляемое внешнему «чуждому» влиянию крупных держав неоднократно подвергавших народы севера и центра Европы авантюрным политическим экспериментам (нацификации, советизации, финляндизации).

На этом фоне первые попытки северных стран придать создаваемым субрегиональным объединениям «оборонный оттенок» выглядели вполне логичными. Так, по инициативе Дании, Финляндии, Швеции и Эстонии в достаточно короткие сроки были созданы такие объединения как Сотрудничество северных стран по вооружениям (NORDAC) (1994) и Северная координационная организация военных миротворческих операций (NORDCAPS) (1997), а усилиями Латвии, Литвы и Эстонии был дан старт Балтийскому оборонному сотрудничеству (BDC) (1994). Сформированные в рамках BDC четыре опоры (BALTBAT, BALTNET, BALTRON и BALDEFECOL) стали своего рода репетицией по созданию многонациональных воинских формирований и союзной инфраструктуры стран Балтии ещё до вступления их в НАТО [24].

Не отставали от своих «северных братьев» и государства Средиземноморья и Причерноморья (Албания, Греция, Италия, Турция, Македония, Болгария, Румыния), инициировавшие в 1999 г. процесс создания многонациональных миротворческих сил Юго-Восточной Европы и их основы – многонациональной бригады (SEEBRIG).

С точки зрения воздействия на процессы стабилизации обстановки на Балканах и других проблемных с точки зрения безопасности частях Европы, такие инициативы сыграли, несомненно, позитивную роль. Они способствовали укреплению субрегиональной идентичности стран, имевших длительный опыт сотрудничества, а

также «наводили мосты» между конфликтующими государствами Балканского полуострова, в определённой мере сглаживая противоречия и укрепляя доверие между ними [15].

В то же время следует отметить, что на протяжении 90-х гг. XX в. оборонное сотрудничество в Европе не носило всеобъемлющего характера и концентрировалось лишь на отдельных направлениях, где межстрановой консенсус был возможен. Деятельность субрегиональных групп сама по себе не могла изменить господствующую на тот момент в Европе точку зрения, согласно которой таковым отводилась, в значительной мере, маргинальная роль «золушек европейской безопасности» [5]. В среде европейских политиков и экспертов было принято считать, что динамика субрегионализма начнет постепенно ослабевать с развитием «большой» интеграции на уровне Евросоюза, которая одновременно будет подкреплена и соответствующим «интеграционным эффектом» от деятельности НАТО [5].

Подобное мнение не в последнюю очередь опиралось на неоспоримый факт – как НАТО, так и ЕС приступили к реализации своих наиболее амбициозных планов расширения на Восток, которые могли если и не положить конец субрегионализму как явлению, то в значительной степени подчинить его управляемому из Брюсселя процессу «европеизации».

На практике, однако, пределы интеграции обозначились довольно быстро: затормозившиеся в начале первого десятилетия XXI в. процессы расширения ЕС и НАТО существенно актуализировали значимость субрегиональных объединений. Именно они возложили на себя роль связующего звена между странами, ставшими членами ЕС, и теми, кто остался за его пределами, при этом сохраняя и развивая тесное сотрудничество со своими уже «европеизированными» соседями. Во многом по такому пути развивались Совет Баренцева / Евроарктического региона, Арктический совет, которые были призваны углубить диалог Евросоюза с Россией по вопросам «мягкой» безопасности.

В области «жёсткой» безопасности интенсификация сотрудничества между странами, сохраняющими внеблоковый статус и членами НАТО, также стала отчетливо проявляться именно в деятельности субрегиональных объединений. Однако происходило это уже либо без российского участия, либо с ограниченным участием РФ, выстраивавшей свои военно-политические приоритеты на альтернативной НАТО основе. Упомянутые североευропейские организации NORDAC, NORDCAPS и NORDSUP (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция), а также южноевропейская инициатива Black Sea FOR (Турция, Болгария, Грузия, Россия и Украина) стали, тем не менее, наглядным образцом секторального сотрудничества между входящими и не входящими в НАТО странами [23].

Все более отчетливой становилась и тенденция к укреплению трансрегиональных связей

между субрегиональными группировками, а также внутри них самих, между государствами традиционно относимыми к различным географическим зонам ЕС. От Чёрного моря на юге Европы и до Балтики на севере сформировался своего рода конгломерат субрегиональных объединений, имеющих разный формат и институциональную структуру, но при этом схожих по целям своей деятельности и по составу государств-участников (членов). Например, реализуемая с 2011 г. Центральноевропейская оборонная инициатива (CEDI), а также инициатива по оборонному сотрудничеству (DECI), объединила государства, стремящиеся развивать более тесное взаимодействие за рамками недостаточно приспособленной для этой цели Вишеградской «четверки» и НАТО.

Европеизация vs. субрегионализм

Трансрегионализация отношений в Большой Европе не только заставила исследователей вновь обратиться к проблеме «накладывающихся друг на друга» регионов [4], но и дала им дополнительные основания рассматривать субрегионализм как самостоятельный, наряду с европейской интеграцией феномен [3]. Как следствие, на свет появилась и концепция «нового регионализма», а само явление субрегионализма стало обуславливаться исследователями так называемой «третьей волной» регионализации [11]. Её объяснение, прежде связываемое с транзитным состоянием группы постсоветских (и некоторых непостсоветских) государств, сменилось пониманием более глубоких причин появления субрегионов, связанных как с внутренними трансформациями в отдельных странах Европы, так и с существенными изменениями в общеполитической и общеэкономической ситуации в ЕС в целом. Если в условиях нарастающего еврооптимизма начала 90-х гг. XX в. субрегиональное сотрудничество рассматривалось как временный «ключ к замку» от двери под названием «Европейский союз», то в современной ситуации такой подход представляется, по меньшей мере, архаичным.

Европейский союз, столкнувшийся не только с экономическим кризисом, но и с кризисом внутренней политической и социокультурной идентичности, в определенной мере, утратил былую силу «европеизации». Сам процесс евроинтеграции к началу XXI в. обрёл отчетливый асимметричный характер, а ЕС лишился ранее присущей ему внутренней однородности и единства. Как следствие, он не стал и полноценной заменой малым европейским объединениям и локальным сообществам.

Более того, постепенное «размягчение» субъектности ЕС поколебало и ранее завоеванный им имидж наиболее успешной в истории интеграционной группировки и снизило потенциал влияния Союза на беспокойные сопредельные пространства (Африку, Ближний Восток, Закавказье и Центральную Азию), требовавшие

от ЕС не меньших усилий по стабилизации, нежели «горячие точки» 90-х годов (Балканы). И если в вопросах достижения единства по экономическим вопросам Союз, пусть и с трудом, но находил основания для консенсуса между очень разными по своему потенциалу членами, то его возможности для формирования единой платформы безопасности и обороны оказались ограниченными.

Это было связано по меньшей мере с двумя обстоятельствами:

Во-первых, отсутствие единой военной угрозы, некогда консолидирующей евро-атлантическое сообщество, существенно снизило актуальность традиционных военных союзов, основанных на четких взаимных обязательствах в области коллективной обороны.

Во-вторых, дисперсия угроз, с которыми столкнулась единая Европа, а также межстрановые различия в их оценке на уровне индивидуальных членов ЕС и НАТО, способствовали процессу «группирования» отдельных стран вокруг решения общих задач, имеющих локальное значение для панъевропейских организаций как таковых, но крайне важных для самих группирующихся стран. Европейскому союзу и Североатлантическому альянсу оказалось не просто централизовать под своей эгидой подобные процессы, уместив их в общую рамку евро-атлантической интеграции.

Наглядно это проявилось, в частности, на примере введенной в политическую практику ЕС Лиссабонским договором (2009) концепции «продвинутого сотрудничества» (Enhanced Cooperation – EC), а затем и «постоянного структурированного сотрудничества и обороны» (Permanent Structured Cooperation in Defence – PSCD). Изначально призванная способствовать созданию дополнительных возможностей для развития более тесной кооперации между членами ЕС, она показала недостаточную эффективность из-за разногласий стран-участниц [18]. Определенный лимит продемонстрировала и концепция «нишевых возможностей НАТО», которая была нацелена на установление военной специализации между ограниченным кругом заинтересованных стран-членов (нередко соседей) и, как следствие, достижения большей синергии их военных потенциалов [14].

Ограниченная способность институциональных механизмов ЕС и НАТО к адаптации особенно отчетливо проявилась в ходе конфликтов в Ираке (2003), Грузии (2008) и Ливии (2011), оказав неоднозначный эффект на оборонную политику государств, входящих в обе эти организации. С одной стороны, крупные страны-члены, разочаровавшиеся в перспективах военного измерения европейской интеграции, стали проявлять большую склонность к односторонним действиям (Франция в ливийской и, особенно, малийской операциях), параллельно развивая и углубляя двусторонние военные контакты. Ярким примером здесь могут служить заклю-

ченные в 2010 г. между Парижем и Лондоном франко-британские (ланкастерские) соглашения. С другой – почти повсеместно в Европе возрос запрос на более гибкие схемы многостороннего сотрудничества, отличающиеся большей адаптивностью и способностью восполнить пробелы Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), а также обороны (ОПБО) Европейского союза.

Новые тенденции оборонного субрегионализма

За достаточно короткий срок в Европе произошла настоящая реинкарнация старых и создание новых «малоформатных» объединений, которые помимо традиционного сотрудничества в сфере экономики, науки и промышленности приступили к более активному, чем прежде, освоению оборонного трека. Перечень областей сотрудничества по военной линии оказался весьма широким, затронув многие важнейшие сегменты оборонной деятельности кооперирующихся государств – от транспортной логистики и процессов материально-технического обеспечения, до воинских формирований, создаваемых на многонациональной основе.

Будучи крайне непростым направлением совместной деятельности уже в силу своей политической чувствительности к любым интеграционным процессам на уровне ЕС, оборонная сфера оказалась весьма перспективным полем для сотрудничества между небольшими группами соседствующих или близко расположенных друг к другу стран. Не останавливаясь на достижениях прошлых десятилетий, они стремились обогатить свой опыт взаимодействия в области военной безопасности за счёт выдвижения новых инициатив, реализации новых проектов и программ.

Особенно преуспевающими здесь выглядели страны Бенилюкса – старейшего субрегионального сообщества, ставшего своего рода моделью военно-политической и военно-технической кооперации для других групп государств. Причём, изначально выступая в качестве инициаторов развития оборонного диалога между собой, они рассчитывали на дальнейшее подключение к нему и других заинтересованных государств и организаций.

Ярким примером здесь служит мобильная тактическая авиагруппа (the Deployable Air Task Force – DATF), состоящая из совместно закупленных Бельгией, Нидерландами и Люксембургом и совместно эксплуатируемых ими истребителей F-16. Успешная реализация концепции DATF со временем позволила присоединиться к ней и другим странам Западной Европы, не входящим в Бенилюкс [16].

Значительного прогресса в оборонном сотрудничестве между собой добились и северо-европейские страны, обозначившие по меньшей мере 5 областей межстранового взаимодействия в рамках так называемого Северного оборонного

■ Мировая политика

сотрудничества (Nordic Defence Cooperation – NORDEFCO). Они включают в себя стратегическое развитие (strategic development), потенциал (capabilities), кадры и образование (human resources and education), подготовку и учение (training and exercises) и операции (operations) [12].

Как и в случае с Бенилюксом, наиболее важные инициативы сосредоточены вокруг проекта по созданию общей авиационной группировки, с той лишь разницей, что скандинавские страны изначально сделали ставку на транспортную авиацию, создав Северное тактическое авиатранспортное крыло (Nordic Air Transport Wing - NORTAD) [21].

Не менее многообещающими экспертам представляются также «Гентский процесс», возникший на основе двусторонней германо-шведской инициативы, а затем расширившийся до уровня ЕС/ОПБО, а также оборонное сотрудничество Франции, Германии и Польши в рамках «Веймарского треугольника» [13]. Эти группы, не являясь чисто субрегиональными с географической точки зрения, проявили результативность в таких вопросах как дальнейшее реформирование боевых групп ЕС (EU battlegroups), усиления позиций европейского транспортного командования и обновления европейской стратегии оборонной и технологической базы (European Defence Technological and Industrial Base (EDTIB) [25].

Несмотря на то, что многие из этих предложений всё ещё остаются нереализованными, они показали значимость субрегионального и межсубрегионального оборонного сотрудничества, его способность к выдвижению инициатив «снизу» и донесения их на более высокий уровень общеевропейских организаций. Это связано, прежде всего, с одним очевидным преимуществом субрегионализма – локальные сообщества лучше осознают свои конкретные оборонные нужды по сравнению с конгломератом 28 разнокалиберных государств-членов ЕС и НАТО, которые пытаются гармонизировать свои политики и стратегии в области военной безопасности непосредственно через свои бюрократические механизмы.

В этом смысле субрегиональная кооперация «для немногих» больше ориентирована на результат, реализуется на проектной основе и секторальном взаимодействии «по интересам». Она также свободна от формальных институтов, процедур и союзнических обязательств, которые присутствует в «старых» организациях панъевропейского типа и которые нередко препятствуют принятию и воплощению в жизнь совместных решений.

К тому же отношение грандов европейского сотрудничества в лице ведущих общеевропейских организаций к деятельности субрегиональных групп также претерпевает изменения. При сохраняющемся подозрении к ним со стороны Брюсселя, многочисленных

намек на «дублирование» локальными сообществами программ и проектов, реализуемых в ЕС и НАТО, достижения этих сообществ не могут игнорироваться.

В этой связи признание полезности субрегионализма со стороны ведущих европейских структур становится все более явным, тем более что страны, достигшие высокого уровня доверия между собой, способны добиваться значимых результатов, не опираясь на финансовую поддержку и бюджеты ЕС. Такое очевидное преимущество субрегиональных групп делает их полезными с точки зрения оптимизации военных расходов – едва ли не главной задачи, которую европейские страны решают уже долгие годы. При должном уровне координации с панъевропейскими организациями, субрегиональные объединения вполне способны выступить в роли инкубаторов для вызревания общего силового потенциала как ЕС, так и НАТО. Использование подобной возможности на фоне едва ли не повсеместного урезания членами ЕС и НАТО расходов на оборонные нужды, могло бы стать если и не выходом из ловушки экономии, то, по крайней мере, важным шагом на пути к бережливости не в ущерб безопасности. Как следствие шансы на реализацию спонсируемых со стороны Союза и Альянса проектов «совместного использования» (Pooling and Sharing) и «умной обороны» (Smart Defense) могли бы значительно возрасти [18].

Насколько субрегиональные организации окажутся готовы стать подрядчиками ЕС и НАТО в деле обеспечения европейской безопасности покажет время, однако пока ситуация развивается в несколько ином направлении, что подтверждается, в частности, примером упоминавшихся боевых групп Евросоюза.

Изначально появившись по решению Европейского совета ЕС, эти военные формирования обрели выраженную субрегиональную идентичность, так как создавались, во многом, по принципу соседства потенциально участвующих в них государств. Имея сходные традиции военного планирования, доктрины и концепции, они выразили готовность создавать такие группы. Однако в силу неспособности ЕС использовать battlegroups в реальных полевых условиях, страны-поставщики военных контингентов для этих европейских военных формирований оказались поставлены в трудное положение.

Поддержание групп в состоянии готовности требует от стран-контрибьюторов значительных затрат, а неготовность ЕС использовать их порождает желание действовать более оперативно, свободно распоряжаясь своими группами тогда, когда это необходимо. В частности, страны Вишеградской четвёрки уже вознамерились вывести свою будущую боевую группу как бы «за скобки» ЕС, придав ей статус самостоятельного формирования – «постоянных сил реагирования V4» (Permanent V4 Rapid Reaction Force) [8].

Субрегионализм в зеркале локальных конфликтов

Путь к оборонной автономизации, избранный субрегиональными группами, в то же время не может быть для них простым. Военно-политическая солидарность и общая оборонная идентичность не возникают «по умолчанию». Они являются продуктом долговременной совместной работы участников любого субрегионального сообщества, причём в постоянно меняющихся условиях.

В этом плане конфликт на Украине и вокруг неё стали для некоторых европейских локальных сообществ серьёзным стресс-тестом на внутреннюю устойчивость и способность противостоять внешним вызовам с единых позиций. Особенно непростым подобное испытание оказалось для упоминавшейся Вишеградской группы, участники которой до украинского кризиса рекомендовали себя в качестве наиболее последовательных сторонников развития сотрудничества с Киевом, в том числе и по военным вопросам [19].

Однако возникновение и последующая эскалация конфликта на Украине поставили польских, чешских и венгерских союзников Киева в затруднительное положение. Даже формулировка непротиворечивого видения истоков конфликтной ситуации на Донбассе стала для них не самой простой задачей. Как следствие, согласованной стратегии по нейтрализации негативных последствий конфликта, прежде всего для самих субрегиональных сообществ, также не возникло [19].

Весьма противоречивым с точки зрения воздействия на субрегиональное сотрудничество в Европе явился и конфликт в Сирии, что отразилось, в том числе, на деятельности такого многостороннего форума как Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе (ПСЮВЕ). Перед странами, участвующими в этом процессе, прежде всего, между Турцией и её соседями из южной части ЕС (Грецией, Болгарией, Румынией) обострились проблемы согласования позиций по приёму беженцев, обеспечению безопасности границ и другие вопросы, не столь актуальные для них ранее [6].

Уже в силу своей политической масштабности и общеевропейской значимости события вокруг Украины и Сирии, создают больше оснований для активизации традиционных многопрофильных и «крупноформатных» европейских организаций, которым субрегиональные группы пока не готовы составить конкуренцию и играют скорее вспомогательную роль.

Более того, впервые с момента окончания холодной войны периферийные страны Европы ощутили потребность не столько в секторальном военном сотрудничестве по линии субрегиональных групп, сколько в защите национальных территорий через более традиционные военные союзы с интегрированной военной структурой и единым центральным командованием.

Единственным таким союзом остается Североатлантический альянс, лидирующую роль которого субрегиональным группам приходится признавать, когда речь заходит о полномасштабных взаимных гарантиях в рамках коллективной обороны.

Субрегионализм и внерегиональные силы (США, Россия)

В то же время обстоятельство, способное поколебать значимость панъевропейских организаций как главных гарантов безопасности и стабильности на континенте, всё же существует. Связано оно с меняющейся ролью США в Европе, которая неуклонно сокращается уже на протяжении длительного отрезка времени, фактически еще с конца холодной войны. В последние годы этот процесс дистанцирования США от европейских проблем разного характера только набирал силу, а европейские партнеры и союзники Вашингтона (особенно в Восточной Европе) испытывали и продолжают испытывать по этому поводу серьёзное беспокойство и плохо скрывают недовольство в связи с так называемым «поворотом США в Азию» [21].

Ввиду критичной зависимости НАТО от американских организационных и материальных ресурсов, такой «поворот» воспринимается восточными европейцами если не как угроза, то, во всяком случае, как вызов трансатлантическим отношениям. Такие фобии подпитываются простой логикой: снижение роли Альянса вследствие переноса центра американских интересов из Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион в очередной раз обострит вопрос о достаточности потенциала блока НАТО, его способности как военного союза осуществлять сдерживающие функции. Потребность в таковых у ряда малых стран-членов из Центральной и Восточной Европы только возрастает, что особенно проявляется на фоне украинского кризиса.

В случае если страны восточноевропейского и отчасти скандинавского крыла НАТО сочтут политику сдерживания России недостаточно эффективной, они способны активизировать отношения с США по линии двусторонних военных контактов и попытаться усилить за счёт них субрегиональные оборонные сообщества.

Руководители стран Балтии и Польши неоднократно подчёркивали значимость диалога по оборонным вопросам именно с Вашингтоном, а не с Берлином, Парижем и Брюсселем, а действия США, направленные на усиление гарантий безопасности странам ЦВЕ, реализуются в виде двух параллельных инициатив – План по обеспечению готовности (RAP) и Европейская инициатива усиления гарантий (ERI). И если первый полностью укладывается в рамки коллективного планирования по линии НАТО, то вторая является больше американской затеей и осуществляется на основе двусторонних контактов Пентагона с восточноевропейскими союзниками [2].

■ Мировая политика

Невозможно исключать, что такая американская поддержка способна придать некоторым субрегиональным группировкам второе дыхание. Однако остается открытым вопрос, насколько это будет способствовать их переориентации от НАТО и ЕС к США. Маловероятно, что американские власти, прилагавшие в последние годы столь много усилий для восстановления единства Североатлантического альянса, будут готовы вновь делить европейцев на «старых» и «новых». А те, в свою очередь, вряд ли проявят готовность отказаться от самого концепта «Европа без разделительных линий» в пользу уже давно ставших достоянием истории локальных геополитических союзов наподобие «Малой Антанты». В противном случае в такой Европе не будет места ставшим уже привычными для всех общеевропейским институтам безопасности, а континент вновь погрузится в пучину перманентных конфликтов и кризисов.

Реальность, однако, не даёт повода для подобных пессимистичных прогнозов. Во всяком случае, современные трансатлантические отношения, даже будучи отягощёнными последствиями двух конфликтов – на Украине и в Сирии, не показывают признаков деградации. Это отличает их от трудного периода начала 2000-х, когда ориентирующаяся на США группа восточноевропейских стран (известных как Вильнюсская десятка) внесла свою лепту в раскол внутри ЕС и НАТО по вопросу о целесообразности военной операции против Ирака, и, тем самым, поставила обе организации на грань серьёзного кризиса доверия [16].

На сегодняшний же день солидарность между США и ЕС по широкому кругу экономических и военно-политических вопросов превалирует над тактическими расхождениями и в обозримом будущем не создаёт явных предпосылок для «дробления» НАТО на квази-союзы «по интересам».

Это обстоятельство, в то же время, не делает политику отдельных субрегиональных групп менее антироссийской и РФ, ещё в недавнем прошлом успешно развивавшей диалог со многими из них, предстоит приложить немало усилий для возвращения духа былого сотрудничества.

* * *

Субрегионализм как явление и как процесс, связанный с постепенной локализацией единого

европейского пространства безопасности, в последнее время обрёл новую динамику. Причиной тому служит изменившаяся не в пользу крупных европейских и евро-атлантических организаций региональная обстановка на континенте. Реагируя на подобные изменения, малые и средние страны Европы, особенно чувствительные к внешним опасностям испытывают более острую, чем ранее, потребность в субрегиональном военном сотрудничестве, пытаясь всячески стимулировать его развитие. С точки зрения их интересов оно существенно расширяет и дополняет функционал панъевропейских организаций, пока недостаточно оперативно реагирующих на запросы своих отдельных членов.

Это обстоятельство ставит перед общеевропейскими – или по крайней мере западочентричными – организациями (ЕС, НАТО) новые задачи по сопряжению субрегионалистских устремлений отдельных европейских стран с паневропейскими проектами в области безопасности и обороны.

Актуализировавшая на фоне международных конфликтов и кризисов (Украина, Сирия) проблема территориальной обороны стран, входящих в НАТО, в особенности стран «европейского пограничья» (Польша, Турция), свидетельствует о востребованности блока со стороны входящих в него государств. Они всё ещё не готовы разменивать проверенный временем и подкреплённый мощью США военно-политический союз на скромные по своим возможностям субрегиональные группировки оборонной направленности.

В равной степени такая неготовность проявляется и в отношении Европейского союза. Члены ЕС по-прежнему рассматривают его как важного «интегратора» и «зонтичную» организацию, готовую – при наличии у нее коллективной воли – собрать под своё знамя локальные сообщества Европы и консолидировать их во имя общих целей Союза.

На таком фоне, ведущие европейские институциональные игроки – ЕС и НАТО – вряд ли могут опасаться за свое будущее. В обозримой перспективе эти структуры по-прежнему будут занимать центральное место в системе европейской безопасности, что, вместе с тем, не отменяет императива по совершенствованию диалога с субрегиональными группировками через вовлечение последних в решение совместных задач.

Список литературы

1. Байков А.А. Международная интеграция в теоретическом дискурсе // Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под. ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект-пресс. 2013. С. 143 - 162.
2. Катона В. Манифест восточноевропейского атлантизма [Электронный ресурс]. // РСМД, 01.10.2015. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6552#top-content (дата обращения 16.11.2015).
3. Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1. С. 134-140.

4. Юрьева Т.В. Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6. С. 126 – 134.
5. Bailes A. Sub-regional organizations: The Cinderellas of European security // NATO Review. 1997. No. 2. Vol. 45. Pp. 27 - 31.
6. Bampaliouta E. Illegal Immigration and refugees a new heavy burden for Greece and EU // Lindro. 24.11.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lindro.it/illegal-immigration-and-refugees-a-new-heavy-burden-for-greece-and-eu/?pdf=200496> (дата обращения: 20.11.15).
7. Building Security in Europe's New Borderlands: Subregional Cooperation in the Wider Europe. Ed. by Renata Dwan. N.Y., East West Institute, Routledge, 1999. 288 p.
8. Budapest Declaration of the Visegrád Group Heads of Government on the New Opening in V4 Defence Cooperation [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/visegrad-countries-may-turn-eu-battlegroup-into-permanent-v4-rapid-reaction-force> (дата обращения 30.10.2015).
9. Cameron F. EU Enlargement and European Security. The Challenge of NATO Enlargement. Ed. by Anton Bebler. Greenwood Publishing, 1999. Pp. 48-49.
10. Cottey A. Sub-regional Cooperation in Europe: An Assessment. BRIGG Paper, 2009, no 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://aei.pitt.edu/33535/> (дата обращения: 12.10.2015).
11. Cihelková Eva, I Hnát P. Subregionalism Within the EU with Special Regard to the Groupings of which the Czech Republic is a Member. // Prague Economic Papers. 2006. Vol. 15. No. 1. Pp. 51 - 52.
12. Dahl A. NORDEFCO and NATO: "Smart defence" in the North // NATO Research Paper. 2014. No. 101. P. 6.
13. Dickow M., Linnenkamp H., Maulny J., Terlikowski M. Weimar Defence Cooperation – Projects to Respond to the European Imperative. Report of the Polish Institute of International Affairs. Warsaw, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pism.pl/files/?id_plik=10417 (дата обращения 22.11.15).
14. Goure D. NATO's Last Chance. Invest Its Scarce Resources Wisely or Accept Strategic Irrelevance. Lexington Institute. February 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lexingtoninstitute.org/wp-content/uploads/2014/03/NATOs-Last-Chance.pdf> (дата обращения 10.11.2015).
15. Manoli P. The Dynamics of Black Sea Subregionalism. Burlington, Ashgate Publishing, 2012. 239 p.
16. Johnson P., LaBenz T., and Driver D. Brave New Approach or Déjà Vu? // Naval War College Review. 2013. Vol. 66. No. 3. Pp. 39 - 51.
17. Kavaliauskas T. Transformations in Central Europe between 1989 and 2012: Geopolitical, Cultural, and Socioeconomic Shifts. Lanham, Lexington Books. 2012. 120 p.
18. Nemeth B., & Csiki, Perspectives of Central European Multinational Defense Cooperation: A New Model? Ed. by M. Majer & R. Ondrejcsák. Panorama of Global Security Environment Centre for European and North Atlantic Affairs. Bratislava, 2013. Pp. 11 - 24.
19. Németh B. Why don't Europeans use NATO and the EU? Europe's World. 19.03.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://europesworld.org/2014/03/19/why-dont-europeans-use-nato-and-eu/> (дата обращения: 15.12.2015).
20. Nič M. The Ukraine crisis and the Visegrad Group: What kind of a regional approach? Regional Defense Cooperation: Lessons from Norden and Visegrad. Report from seminar organized by Institute of European Studies and International Relations, Comenius University and Norwegian Institute of International Affairs (NUPI). Bratislava, December 8, 2014. Режим доступа: http://staryweb.fses.uniba.sk/fileadmin/user_upload/editors/UESMV/Documents/FSEV_CONT_2_small.pdf (дата обращения 21.12.2015).
21. O'Dwyer G. Proposed Nordic Joint Tactical Air Transport Wing Progresses, Defence News, 21.06.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.defensenews.com/article/20130621/DEFREG01/306210012/Proposed-Nordic-Joint-Tactical-Air-Transport-Wing-Progresses> (дата обращения 23.10.2015).
22. Rachman G. The U.S. Pivot to Asia – Should Europeans Worry? [Электронный ресурс]. // The Center for European Policy Analysis. 02.04.2012. Режим доступа: <http://www.cepa.org/content/us-pivot-asia---should-europeans-worry> (дата обращения: 02.11.2015).
23. Ruxandra I. New Regionalism or No Regionalism?: Emerging Regionalism in the Black Sea Area. Burlington: Ashgate Publishing, 2013. 6 p.
24. Sapronas R. BALTBAT and development of Baltic Defence Forces. Baltic Defence Review. 1999. No. 2. Pp. 55 - 70.
25. Voss A., Major C., Molling C. The State of Defence Cooperation in Europe. Stiftung Wissenschaft und Politik Working Paper. December 2013. No. 3. 7 p.

Об авторе

Надточей Юрий Иванович – к.и.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.
E-mail: ynadtochey@yandex.ru.

DEFENSE COOPERATION IN EUROPE: SUBREGIONAL LEVEL

Yu.I. Nadtochey

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The evolution of subregional cooperation among European nations in security and defense area is the topic of the article. It describes sub-regionalism as a phenomenon and explains the reasons why small states of Europe are eager to cooperate in defense area after the end of the Cold War. Such cooperation is analyzed within the broader context of European integration – a trend which still has a great impact on sub-regional cooperation in certain parts of a common EU and NATO space.*

According to the article former socialist countries of Central and Eastern Europe as well as some European neutral states viewed sub-regional groupings as means of security enhancement in a period of transition – a time when these countries were getting ready for fully-fledged integration into European or Euro-Atlantic organizations. Nevertheless, subregional groupings have become even more relevant while EU and NATO enlargements were slowing down. So called threat perception gap among individual members of the EU and NATO contributed to forming of small subregional groupings based on members' security common vision and their aspiration to reach common goals. These groupings estimated as marginal by pan-European organizations, are extremely important for the grouped countries themselves. For European Union and the North Atlantic Alliance it is not easy to govern these subregional trends of multinational cooperation and synchronize them with European and Euro-Atlantic integration as such.

Key words: subregionalism, regionalism, subregional groupings, defense cooperation, NATO, European Union, CFSP, CSDP, European integration, EU battle groups.

References

1. Bajkov A.A. Mezhdunarodnaja integracija v teoreticheskom diskurse [International integration in theoretical discourse]. Megatrendy: osnovnye traektorii jevoljucii mirovogo porjadka v XXI veke [Megatrends: world order evolution in the 21 century]. Ed. by A.A. Baikov, T.A. Shakleina. Moscow, Aspect-press Publ., 2013. Pp. 143-162. (In Russian)
2. Katona V. Manifest vostochnoevropejskogo atlantizma [A Manifesto for Eastern European Atlanticism]. Russian International Affairs Council, 01.10.2015. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6552#top-content (In Russian). (Accessed 16.11.15).
3. Nikitina Ju. A. Ot integracii k regionalizmu: jevoljucija teorij regional'nogo mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva [Evolution of regional interstate cooperation theories]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2010, no. 1, pp. 134-140. (In Russian). (Accessed 16.11.2015).
4. Jur'eva T.V. Problemy regional'noj bezopasnosti: sovremennyyj opyt Evropy [Regional issues of security: contemporary experience of Europe]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2010, no 6, pp. 126 - 134. (In Russian).
5. Bailes A. Sub-regional organizations: The Cinderellas of European security. NATO Review, 1997, no. 2, pp. 27 - 31.
6. Bampaliouta E. Illegal Immigration and refugees a new heavy burden for Greece and EU. Lindro, 24.11.2015. Available at: <http://www.lindro.it/illegal-immigration-and-refugees-a-new-heavy-burden-for-greece-and-eu/?pdf=200496> (Accessed 20.11.2015).
7. Building Security in Europe's New Borderlands: Subregional Cooperation in the Wider Europe. Ed. by Renata Dwan. N.Y., East West Institute, Routledge, 1999. 288 p.
8. Budapest Declaration of the Visegrád Group Heads of Government on the New Opening in V4 Defence Cooperation. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/visegrad-countries-may-turn-eu-battlegroup-into-permanent-v4-rapid-reaction-force> (Accessed 30.10.15).
9. Cameron F. EU Enlargement and European Security. The Challenge of NATO Enlargement. Ed. by Anton Bebler. Greenwood Publishing, 1999. Pp. 48 – 49.
10. Cottey A. Sub-regional Cooperation in Europe: An Assessment. BRIGG Paper, 2009, no 3. Available at: <http://aei.pitt.edu/33535/> (Accessed 12.10.2015).
11. Cihelková Eva, I Hnát P. Subregionalism Within the EU with Special Regard to the Groupings of which the Czech Republic is a Member. Prague Economic Papers, 2006, vol. 15, no. 1, pp. 51 – 52.
12. Dahl A. NORDEFCO and NATO: "Smart defence" in the North. NATO Research Paper, 2014, no. 101, p. 6.
13. Dickow M., Linnenkamp H., Maulny J., Terlikowski M. Weimar Defence Cooperation – Projects to Respond to the European Imperative. Report of the Polish Institute of International Affairs. Warsaw, 2011. Available at: http://www.pism.pl/files/?id_plik=10417 (Accessed: 22.11.2015).

14. Goure D. NATO's Last Chance. Invest Its Scarce Resources Wisely or Accept Strategic Irrelevance. Lexington Institute. February 2014. Available at: <http://lexingtoninstitute.org/wp-content/uploads/2014/03/NATOs-Last-Chance.pdf> (Accessed: 10.11.2015).
15. Manoli P. The Dynamics of Black Sea Subregionalism. Burlington, Ashgate Publishing, 2012. 239 p.
16. Johnson P., LaBenz T., and Driver D. Brave New Approach or Déjà Vu? Naval War College Review, Summer 2013, vol. 66, no. 3, pp. 39-51.
17. Kavaliauskas T. Transformations in Central Europe between 1989 and 2012: Geopolitical, Cultural, and Socioeconomic Shifts. Lanham, Lexington Books. 2012, 120 p.
18. Nemeth, B., & Csiki, Perspectives of Central European Multinational Defense Cooperation: A New Model? Ed. by M. Majer, & R. Ondrejcsák. Panorama of Global Security Environment Centre for European and North Atlantic Affairs. Bratislava, 2013, pp. 11 - 24.
19. Németh B. Why don't Europeans use NATO and the EU? Europe's World. 19.03.2014. Available at: <http://europesworld.org/2014/03/19/why-dont-europeans-use-nato-and-eu/> (Accessed: 15.12.2015).
20. Nič M. The Ukraine crisis and the Visegrad Group: What kind of a regional approach? Regional Defense Cooperation: Lessons from Norden and Visegrad. Report from seminar organized by Institute of European Studies and International Relations, Comenius University and Norwegian Institute of International Affairs (NUPI). Bratislava, December 8, 2014. Available at: http://staryweb.fses.uniba.sk/fileadmin/user_upload/editors/UESMV/Documents/FSEV_CONT_2_small.pdf (Accessed: 21.12.2015).
21. O'Dwyer, G. Proposed Nordic Joint Tactical Air Transport Wing Progresses. Defence News, 21.06.2013. Available at: <http://www.defensenews.com/article/20130621/DEFREG01/306210012/Proposed-Nordic-Joint-Tactical-Air-Transport-Wing-Progresses> (Accessed: 23.10.2015).
22. Rachman G. The U.S. Pivot to Asia – Should Europeans Worry? The Center for European Policy Analysis, 02.04.2012. Available at: <http://www.cepa.org/content/us-pivot-asia---should-europeans-worry> (Accessed: 02.11.2015).
23. Ruxandra I. New Regionalism or No Regionalism? Emerging Regionalism in the Black Sea Area. Burlington: Ashgate Publishing, 2013. 6 p.
24. Sapronas R. BALTBAT and development of Baltic Defence Forces. Baltic Defence Review, 1999, no. 2, pp. 55 - 70.
25. Voss A, Major C., Molling C. The State of Defence Cooperation in Europe. Stiftung Wissenschaft und Politik Working Paper, December 2013, no. 3, p. 7.

About the author

Yury I. Nadtochey – PhD in History, Associate Professor at the Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). E-mail: ynadtochey@yandex.ru.

«МЯГКАЯ СИЛА»: ТЁМНАЯ СТОРОНА (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

М.М. Лебедева, Л.Р. Рустамова, М.В. Шарко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Несмотря на огромное количество исследований по проблемам «мягкой силы», проведённых как в России, так и за рубежом, практически вне рассмотрения остаются вопросы, связанные с отрицательными аспектами использования «мягкой силы», особенно в отношении того, кто её применяет. В статье на примере Германии, которая активно формирует свой привлекательный образ на международной арене, показывается, к каким отрицательным последствиям это может вести. В частности, отмечается, что необходимо формировать не отдельные положительные черты государства, а целостный его образ, предусматривать побочные негативные последствия использования «мягкой силы», координировать действия негосударственных акторов по реализации «мягкой силы». Последнее становится особенно актуальным в условиях, когда «мягкая сила» все шире реализуется в рамках публичной дипломатии через негосударственных акторов. Наконец, особо отмечается необходимость проведения дальнейших исследований негативных аспектов «мягкой силы» как в теоретическом, так и в практическом плане.

Ключевые слова: «мягкая сила», публичная дипломатия, Германия, мигранты, негосударственные акторы, негативные аспекты «мягкой силы».

Прошло более 25 лет с тех пор, как Дж. Най ввел понятие «мягкой силы» [33], а дискуссии вокруг данного концепта не затихают. Множество исследований, посвящённых различным аспектам «мягкой силы», перечислить которые просто не представляется возможным, проведено в России и за рубежом. Нельзя сказать, что Дж. Най получил абсолютную поддержку своей идее. Наиболее известные критики указывали на то, что его концепция обладает слабым теоретическим обоснованием [18; 20], а на практике она может вовсе не нести тех благородных качеств, которые ей приписывает Дж. Най [27]. В то же время большинство исследователей сходятся в том, что, несмотря на множество вопросов, возникающих при интерпретации, концепция «мягкой силы» имеет теоретические и практические достоинства, которые необходимо учитывать в современных условиях, и исходят из того, что данная концепция требует развития.

И, тем не менее, целый пласт отрицательных аспектов, связанных с использованием концепции «мягкой силы», так и остался за пределами исследовательского фокуса. П.Б. Паршин проводит сопоставление «мягкой силы» с рядом родственных категорий, таких как «бренд» и «имидж», показывая, что в отличие от бренда, который всегда позитивен, «имидж» может быть негативным [6]. А что с самой «мягкой силой»? Очевидно, что восприниматься она может, как позитивно, так и негативно. Причём, разные участники по-разному могут оценивать одни и те же проявления «мягкой силы». Но имеет ли «мягкая сила», в понимании Дж. Най, негативные последствия? Так вопрос практически не ставился. Отчасти, правда, исследования касались различных негативных аспектов для тех акторов, которые подвергаются воздействию «мягкой силы». Прежде всего, здесь возникает проблема манипулирования поведением другого субъекта. Дж. Най фактически исходит из того, что противоположная сторона является простым реципиентом предлагаемой информации. Впрочем, Дж. Най близко подходит к идее необходимости не только ослабления, но даже усиления партнёра, когда пишет, что «недостаточно думать о «мягкой силе» как о силе только в смысле силы над другими. Наделение силой других может помочь достижению наших собственных целей» [32, р. 17]. Однако всё же он остаётся в рамках манипулятивной стратегии, полагая, что усиление может способствовать реализации собственных целей. При таком подходе использование «мягкой силы» не предполагает диалог с партнёром. На самом деле это не так. Отношения на международной арене – это всегда отношения в системе «субъект – субъект», а не отношения в системе «субъект – объект». Данное утверждение означает, что при использовании «мягкой силы» необходимо выстраивать диалог, предполагающий изменения и воздействия обоих участников друг на друга [4]. В противном случае привле-

кательность исчезнет и долгосрочного эффекта «мягкой силы» не будет.

Кстати, необходимость диалога, в частности с умеренными представителями мусульманского мира в борьбе с террористической угрозой, хорошо показал Е.М. Примаков. Он подчеркивал, что «даже в периоды кровавых столкновений между Западом и мусульманским миром две цивилизации влияли друг на друга» [9, с. 91].

Ещё одно исключение, связанное с отрицательными аспектами «мягкой силы», которое обсуждается в литературе, – это, с одной стороны, возникающие издержки (хотя они и меньше по сравнению с применением «жесткой силы»), с другой – сложности в оценке эффективности её использования. В качестве одного из возможных способов определения эффективности «мягкой силы» Дж. Най предложил использовать социологические опросы, поскольку они могут дать количественную оценку [30]. Примерами такого подхода являются исследования М. Ким [22] и С.-Х. Ли [24].

Сегодня всё чаще появляются различные рейтинги привлекательности. Однако здесь вновь возникают проблемы, т.к. отсутствуют единые критерии оценки привлекательности, что позволяет национальным и коммерческим агентствам повысить позицию той или иной страны, выбрав выгодные для неё показатели [6; 11; 12]. В результате, например, британский Institute for Government поставил Великобританию на первое место в 2010 г., выбрав такие выгодные для неё показатели, как индекс влияния национального языка, количество иностранных языков, которыми владеет глава государства, индекс человеческого развития ООН [10].

Кроме того, оценка эффективности работы институтов, которые создавались в качестве инструментов «мягкой силы», также достаточно часто критикуется. Так, Дж. Паммент отмечает, что в ежегодных отчётах таких институтов присутствуют не единые, а самые разнообразные критерии оценки их эффективности. Финансирование институтов зависит от степени удовлетворенности их спонсоров и акционеров результатами деятельности, поэтому в своих отчётах такие организации оценивают свою «мягкую силу» с наиболее выгодных позиций, что также не позволяет во всей полноте провести анализ её эффективности [36].

Между тем, на практике мы видим множество других примеров отрицательных эффектов «мягкой силы» – того, как «мягкая сила» начинает играть злую шутку с теми, кто её применяет. Поскольку привлекательность – главный атрибут «мягкой силы» [29; 33; 34] и важнейшее её отличие от различных инструментов пропагандистского характера, то в современном мире многие государства, а также негосударственные акторы [31] стараются создать привлекательный свой образ.

Довольно показателен в этом плане пример Германии – одной из ведущих стран мира, которая активно использовала и использует инструмент «мягкой силы» во внешней политике, несмотря на то, что «мягкая сила» как политическая стратегия не упоминается официальными лицами ФРГ, и положения о необходимости наращивания её инструментов не включены в официальные документы. Тем не менее, поведение ФРГ на международной арене носит все характеристики использования стратегии «мягкой силы» в том классическом виде, который сформулировал Дж. Най. Так, внешнеполитическая деятельность Германии строго подчинена нормам международного права, в качестве основных политических ценностей признаны нормы демократии и права человека, которые она активно защищает внутри страны и продвигает в мире, опираясь на возможности и инициативы своего гражданского общества. Продвижение немецкого языка и культуры за рубежом также набирает обороты, о чем свидетельствует целый ряд мероприятий, проводимых ФРГ в международном масштабе: принятие чемпионата мира по футболу в 2006 г., крупнейшая маркетинговая компания по популяризации имиджа страны «Германия – страна идей». При этом в «мягкой силе» Германия видит, в первую очередь, эффективное средство улучшения своего имиджа в мире, который может помочь ей преодолеть негативные последствия исторического прошлого.

В результате такой политики Германия стала привлекательной для многих, в том числе, и для беженцев из регионов Ближнего Востока и Северной Африки в 2014 г. и особенно – в 2015 г. Большинство беженцев стремилось как можно быстрее покинуть Италию и Грецию, куда они прежде всего попадали, очутившись в Европе, и переехать в Германию. Как следствие, Германия оказалась вынужденной принять наибольшее число беженцев – 1 091 894 человек въехало в страну в 2015 г. по данным Федерального ведомства по делам миграции и беженцев [13], что породило значительные проблемы для Германии, причём не только экономические, но и социально-политические. Так, глава Центра европейских экономических исследований Клеменс Фус утверждает, что ежегодно на социальные выплаты для беженцев Германия будет тратить 20-30 млрд евро [19]. Институт экономических исследований подсчитал, что уже в 2015 г. Германия потратила 21,1 млрд евро [21], из них 5,4 млрд на принятие и жильё для мигрантов [41]. Что касается социально-политических последствий, то события новогодней ночи 2016 г. в центре Кёльна буквально «взорвали» Германию. За одну ночь мигранты совершили сотни нападений на женщин. Это вызвало ответную реакцию в Германии [1]. Масло в огонь подлила и информация о том, что такие события уже происходили в ряде городов ФРГ и в других стран Евросоюза. Однако подобная информация замалчива-

лись властями, поскольку в противном случае подтвердилась бы неправильность нынешней миграционной политики, что серьёзным образом подорвало бы имидж страны, а значит, и способность Германии влиять с помощью «мягкой силы». Некоторые правозащитные организации также способствовали сокрытию преступлений, поскольку они не очень вписываются в идеалистическую картину европейской политики «открытых дверей». Так, левая организация No borders, занимающаяся защитой прав мигрантов, запретила жаловаться своей сотруднице в полицию на групповое изнасилование её и её дочери, совершённое мигрантами из Судана в лагере беженцев, чтобы избежать волн возможных ксенофобских выступлений со стороны европейских граждан [37].

Таким образом, результатом стало обострение отношений, во-первых, между мигрантами и жителями Германии, во-вторых, между гражданами внутри самой Германии, которая всё более становится разделённой по вопросам дальнейшего социально-гуманитарного и политического развития. Всё большую популярность стало набирать движение «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (PEGIDA). Если в первой демонстрации приняли участие 350 человек, то в последующих демонстрациях PEGIDA в Дрездене, по данным властей, было до 25 тыс. человек, а по данным самих организаторов – 40 тыс. [7]. Кроме того, растёт поддержка ряда партий, ранее не входивших в федеральный парламент и использующих кризис беженцев в своих целях. Избирая центральным пунктом своей программы неприятие нахлынувшего потока мигрантов, такие партии обещают их массовую депортацию в случае прихода к власти. В условиях приближающейся серии региональных выборов в Германии это становится особо актуальным и всё больше разделяет электорат. Например, по опросам общественного мнения, перед выборами в федеральной земле Саксония за партию «Альтернатива для Германии» готовы отдать голоса 13% населения, что означает, что она имеет почти такую же поддержку избирателей, как старейшая СДПГ [42], которая образует сейчас правящую коалицию вместе с ХДС/ХСС. В то же время, по данным одной из самых авторитетных газет Германии Die Welt, выигравший парламентские выборы 2013 г. блок ХДС/ХСС за время кризиса потерял каждого пятого избирателя [35].

Справедливости ради надо сказать, что подобная ситуация складывается не только в отношении Германии. Например, США, реализуя свою «мягкую силу», также оказываются привлекательными для граждан из стран Латинской Америки, что, как и в случае с Германией, порождает проблемы с миграцией. В 2013 году Соединенные Штаты приняли 236 600 беженцев, а Франция – 232 000, что превышает показатель Германии в этом же году, когда на территорию страны въехало 187 тыс. беженцев [2].

Но что же всё-таки «пошло не так» с «мягкой силой» Германии? И какие уроки могут быть извлечены из этого? Прежде всего, очевидно, что для беженцев был привлекателен уровень жизни в Германии, наличие социальных пособий и социальной обеспеченности, а не целостное восприятие Германии с её политическим устройством, культурой, историей, традициями и т.д. Более того, «за скобками» для беженцев оставался вопрос относительно того, что стоит за предоставляемой социальной помощью. На самом же деле в Германии фиксируют нарастающую нагрузку, которую испытывает социальный сектор, в частности, при выплате социальных пособий. Ухудшающаяся демографическая ситуация, заключающаяся в старении населения, приводит к тому, что с каждым годом на плечи редющего молодого поколения взваливается всё большее количество социальных выплат, среди них – пенсии для возрастающего количества пенсионеров, а также социальные пособия для безработных и мигрантов, прибывающих в страну. Волна беженцев, захлестнувшая Германию, означает ещё большие социальные траты государства. Только при условии, что новоприбывшие смогут успешно интегрироваться в рынок труда, государство сможет без ухудшения положения работающего населения выполнить свои социальные обязательства. Однако вряд ли прибывшие мигранты, рассчитывающие жить в Германии на социальные пособия, осознают это и готовы работать в полной мере, что ставит перед государством ряд очень сложных проблем.

Таким образом, первый вывод, который можно сделать, заключается в том, что, выделяя отдельные стороны при использовании инструмента «мягкой силы», которые действительно являются привлекательными, можно получить изначально не планируемый отрицательный общий эффект. Это означает, что при реализации «мягкой силы» посредством официальной и публичной дипломатии, культуры, образования необходимо формировать именно целостный образ, а не только отдельные его положительные черты.

Что касается экономического аспекта, то здесь есть свои проблемы для государства, реализующего внешнюю политику с помощью инструментов «мягкой силы». И в случае с беженцами из регионов Ближнего Востока и Северной Африки, и в случае самого Евросоюза, экономические успехи Германии оказываются не только привлекательными для других, но нередко вызывают у них стремление к своеобразному иждивенчеству. Например, некоторые партнёры по Евросоюзу зачастую полагают, что Германия возьмёт на себя их финансовые обязательства, поэтому не проводят необходимые реформы. При этом они исходят из того, что немцы заинтересованы в стабильности еврозоны. Германия всегда вносила в европейский бюджет самые большие суммы. Во время долгового кризиса ЕС в 2010 г. ФРГ как одна из самых экономически стабильных стран, вынуждена была оказать

помощь странам с большой задолженностью по выплатам кредитов, однако выдвинула условия выполнения экономических и социальных реформ, а также переход на меры жёсткой экономики. В частности, Греция могла рассчитывать на получение дополнительных кредитов от Германии только в случае сокращения госрасходов, снижения зарплат, пенсий, социальных выплат, достижения профицита государственного бюджета, в противном случае если кризис усугубится, стране придётся покинуть еврозону [8]. В ответ Греция напомнила Германии о её не очень приглядном историческом прошлом и пригрозила вытребовать с неё репарации, которые она в соответствии с обязательствами по результатам Второй мировой войны якобы до сих пор ей не выплатила [5].

Более того, нередко можно встретить агрессивную реакцию по отношению к тому, кто предоставляет помощь и социальные гарантии. Подобных примеров немало, в том числе, и в Европе. Так, в 2005 г. в течение трёх недель проходили массовые беспорядки мигрантов во Франции, охватившие все крупные города. В результате было сожжено 9 193 автомобилей, арестовано 2 921 человек, 56 полицейских получили ранения, 2 человека убиты [15], а во время беспорядков было объявлено чрезвычайное положение в стране. В 2007 году беспорядки повторились, однако уже в гораздо меньшем масштабе. В 2013 г. похожая ситуация повторилась в Швеции [14], в 2011 г. – в Англии, где сопровождалась погромами, грабежами, поджогами, нападениями и убийствами [25]. Единным поводом к беспорядкам стала тяжёлая экономическая ситуация в районах проживания мигрантов, их недовольство своим социальным и экономическим положением, что заставило их не работать или повышать свою квалификацию, а разрушать то, чем обладали более успешные люди.

Ещё один аспект негативного проявления «мягкой силы» в экономической сфере связан с выпуском контрафактной продукции. Так, немецкие продукты высокого качества оказываются привлекательными не только для покупателей, но и для тех, кто их подделывает. Многомиллиардный ущерб экономике ФРГ причиняет промышленный шпионаж и подделка немецких товаров. Руководитель Общества по содействию безопасности экономики Бертольд Штоппелькамп (Berthold Stoppelkamp) в интервью газете *Mitteldeutsche Zeitung* в 2009 году оценил ежегодный ущерб предприятиям Германии в результате промышленного шпионажа как минимум в 20 млрд евро, однако, по его мнению, потенциал опасности значительно выше – он может достигать 50 млрд евро [39]. Исследования, проводимые мюнхенской компанией *Corporate Trust*, оценили, что в 2012 г. ущерб немецких компаний от промышленного шпионажа составил 4,2 млрд евро [40].

Следовательно, привлекательность может не только порождать желание действовать так же,

добиться того же, о чём писал Дж. Най, но и совершенно противоположную реакцию – иждивенчество, и даже попытки разрушить то, что имеет другой, стремление отомстить за то, что он обладает чем-то, что в данный момент оказывается кому-то недоступным. Это создаёт проблему для дальнейшего развития сильного субъекта, которому приходится выделять дополнительные ресурсы для обеспечения субсидиями неработающих, или нести убытки, связанные с потерей имиджа от контрафактных товаров. Кроме того, сами факты иждивенчества и контрафактной продукции тормозят экономическое и социальное развитие, как таковое.

Другая линия «раздела» при применении «мягкой силы» Германией лежит в плоскости взаимодействия регионов и центра. Дело в том, что проекты «мягкой силы» могут соперничать друг с другом не только на международной арене, но и внутри самого государства. Федеральные земли Германии часто ведут собственные проекты формирования привлекательности. При этом они бывают заинтересованы в том, чтобы получить выгоду от ошибок федерального центра. Главным оппонентом политики в отношении приёма беженцев Меркель в Германии называют главу «сестринской» партии Меркель – Хорста Зеехофера, руководящего ХСС. ХДС, возглавляемая Меркель, и ХСС составляют единый блок, выступающий одной партией на выборах с различием в том, что ХСС является своеобразным представителем ХДС в Баварии. Именно этот факт и придает особо острое значение данному противостоянию, поскольку самым ярким критиком канцлера является в данном случае почти собственная партия. Будучи премьер-министром федеральной земли Баварии, Хорст Зеехофер настаивает на введении предельных цифр приёма беженцев, ускоренное выдворение из страны тех, кто не имеет права на убежище. В октябре он угрожал подачей иска в конституционный суд Германии [38], а 16 января земельный парламент Баварии направил автобус с 52 мигрантами в Берлин к ведомству канцлера [23]. Такая острая внутренняя борьба символизирует о различных подходах на земельном и федеральном уровне к миграционной политике. Здесь мы сталкиваемся с тем, что различные акторы действуют самостоятельно, часто не оглядываясь на государство даже в том случае, если оно с ними четко аффилировано. Причём, вопрос с беженцами – это вопрос не только внутренней политики страны. На подобный факт самостоятельного поведения акторов обращает внимание Й. Фэн, отмечая, что «мягкая сила» реализуется многими акторами, которые сложно поддаются координированию из единого центра [17]. Очевидно, что в противном случае при жёстком выполнении условий из единого центра, эти участники не могли бы рассматриваться в качестве акторов [4]. Внутригосударственные регионы и города всё чаще выступают именно как акторы мировой политики.

Другим примером конкуренции различных акторов при реализации «мягкой силы» может служить деятельность различных фондов, НПО, бизнес-структур и т.п., которая может плохо согласовываться и даже противоречить официальной политике государства. Примером такого расхождения служит деятельность неправительственных фондов ФРГ, работающих одновременно в тесной кооперации с партиями, и, в то же время, выполняющих свою программу деятельности, в соответствии со своими уставными положениями. Они могут вести работу в африканских авторитарных государствах, с которыми федеральный центр не поддерживает контакты по причине нарушения ими прав человека.

Наконец, «мягкая сила», как любой инструмент воздействия на международную арену, может иметь весьма различные последствия не только для того, кто её применяет или того, на кого она направлена, но и для системы международных отношений, а также политической системы мира в целом. Фашизм, развязавший Вторую мировую войну, оказался привлекательным для ряда государств. В итоге это привело к разрушению Версальско-Вашингтонской (межвоенной) системы международных отношений.

В современном мире ситуация оказывается ещё более сложной. «Исламское государство» (ДАИШ) активно привлекает сторонников со всего мира, причём к международной террористической организации в большом количестве присоединяются граждане самых разных стран, в том числе из Германии и стран бывшего СССР, причём (что, казалось бы, удивительно) – довольно далеких, по крайней мере, в прошлом от ближневосточных проблем. Приходится признавать, что ДАИШ весьма искусно использует «мягкую силу», делая привлекательным, в том числе и то, что по своей сути не может быть привлекательным – террористические акты. При этом ДАИШ, хотя и позиционирует себя как государство, но, декларируя создание всемирного халифата и используя террористические методы, противопоставляет себя не только современной системе международных отношений (независимо от того, как мы её определяем, как пост-биполярную, многополярную и т.п.), но и политической системе мира, основанной на принципах Вестфалья.

Вопрос о том, почему «мягкая сила» ДАИШ оказывается действенной, требует отдельного рассмотрения. В данном случае важно подчеркнуть, что этот негосударственный актор, используя, как «жёсткую силу» (террористические акты), так и «мягкую силу», с помощью которой он набирает всё новых и новых сторонников, оказывает деструктивное влияние на мировую политическую систему.

Разумеется, многие приведенные факты известны, однако очень важен их анализ в контексте именно использования «мягкой силы», которая представляет собой целенаправленную

стратегию поведения. Понимание отрицательных последствий «мягкой силы» позволит если не избежать, то, по крайней мере, минимизировать их.

Кроме осознания данного факта, важно, что в реализации «мягкой силы» в связи с развитием гражданского общества, как в отдельных странах, так и в мире в целом, всю большую роль будет играть, как отмечает Дж. Най, публичная дипломатия [28]. В связи с этим особо остро встает проблема координации действий различных акторов по реализации «мягкой силы» при понимании того, что они в значительной степени самостоятельны. Поэтому речь может идти о координации, но не о централизации их действий. А.В. Долинский предлагает для этих целей создать единый координационный центр [3]. Задача этого центра будет заключаться именно в координации действий, обмене информацией между участниками, а не в формировании инструкций.

Особенно остро подобная проблема координации возникает в ситуациях конфликтных или сложных отношений, когда разные акторы, исходя из своих убеждений, могут ориентироваться на различные ценности, или жёстко проводит их в жизнь, как, например, делает французский еженедельник *Charlie Hebdo*, публикуя карикатуры, в том числе и на пророка Мухаммеда.

Очевидно, что возможности влиять на акторов и координировать их действия, ограничены,

тем не менее, необходимо продумать реакции государства и международных организаций в ситуациях возможных «столкновений ценностей» (не цивилизаций) и превентивные меры для предотвращения подобных случаев.

Кроме координации действий негосударственных акторов стоит вопрос и собственно с ценностными аспектами, реализуемыми с помощью «мягкой силы» государства на международной арене. Так, Д.М. Малоун отмечает, что Индия использует свою «мягкую силу» в области культуры, прав человека, демократического развития, но избегает говорить о ценностях на двухстороннем уровне с теми странами, в которых политические системы иные [26]. Хотя автор и указывает, что в этой области кроются значительные резервы индийской публичной дипломатии, следует очень осторожно использовать ценности при продвижении «мягкой силы» на международной арене. Актуализация ценностей на международной арене и их последующее столкновение могут вести к серьёзным конфликтам.

Наконец, необходимо дальнейшее проведение исследований отрицательных аспектов применения «мягкой силы», как в теоретическом плане, так и в практическом, в том числе и на примерах других стран. Это позволит выявить дополнительные негативные эффекты применения «мягкой силы», обобщить их и дать конкретные рекомендации по их минимизации.

Список литературы

1. В Кёльне начались нападения на мигрантов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.postsovet.ru/blog/russia/665168.html> (дата обращения: 17.01.15)
2. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев. 2013 год. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article150985155/Landrat-schickt-Merkel-einen-Bus-voller-Fluechtlinge.html> (дата обращения: 17.01.15)
3. Долинский А. Публичная дипломатия для бизнеса, НКО и университетов // Российский Совет по международным делам. 26 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2399#top-content/ (дата обращения: 17.01.15)
4. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО - университет, 2014. - № 2 (35). - С. 47-56. - Режим доступа: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/lebedeva.pdf> (дата обращения: 21.01.15)
5. Мануков С. Ципрас пообещал выбить из Берлина репарации. - Режим доступа: <http://expert.ru/2015/03/11/tsipras-poobeschal-vyibit-iz-berlina-reparatsii/> (дата обращения: 15.01.15)
6. Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: Аналитический доклад. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. Москва, 2013. Вып. 1 (63)
7. ПЕГИДА (PEGIDA) меняет политическую карту Германии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150123/225774170.html> (дата обращения: 17.01.15)
8. Премьер Греции объявил референдум по долгам страны [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://m.forbes.ru/article.php?id=292573> (дата обращения: 17.01.15)
9. Примаков Е.М. «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – М., Российская газета, 2009. – 239 с.
10. Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19-26.
11. Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России – М.: ВНИИгеосистем, 2012. – 252 с.

■ Мировая политика

12. Харитонов Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения, 2015, № 6, с. 48-58.
13. Asylanträge im Jahr 2015. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.bamf.de/DE/Infothek/Statistiken/statistiken-node.html> (accessed: 17.01.15)
14. A Blazing Surprise. The Economist. 01.07.2013 2005 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.economist.com/news/europe/21578725-scandinavian-idyll-disrupted-arson-and-unrest-blazing-surprise> (accessed:17.01.15)
15. Bilan d'execution annee 2005 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.interieur.gouv.fr/Publications/Statistiques/Securite-routiere/Bilan-du-permis-a-points/Bilan-2005> (accessed: 13.01.15)
16. Corporate and Trust. Studie: Industriespionage 2012. Aktuelle Risiken für die deutsche Wirtschaft durch Cyberwar [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.tuevsued.de/uploads/images/1412067935240388800237/120423-studie-industriespionage-2012.pdf> (accessed: 18.01.15)
17. Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy, vol. 4 (2008), №. 2. – P. 147-158. - Mode of access: <http://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/1594/3/FullText.pdf> (accessed: 17.01.15)
18. Ferguson N. "Colossus: The Price of America's Empire." New York: Penguin Press. 2004. 416 p.
19. Greive M. Kosten von bis zu 30 Milliarden Euro, jedes Jahr. «Die Welt». 16.04.2015 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.welt.de/wirtschaft/article147697183/Kosten-von-bis-zu-30-Milliarden-Euro-jedes-Jahr.html> (accessed:17.01.15)
20. Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics № 3, 2010. pp. 189-211.
21. Kahnert S. Flüchtlinge kosten Deutschland 21,1 Milliarden Euro. Fokus. 10.10.2015 [electronic recourse]. - Mode of access: http://www.focus.de/finanzen/news/arbeitsmarkt/schaetzung-erhoeht-ifo-institut-fluechtlinge-kosten-deutschland-2015-21-1-milliarden-euro_id_5076366.html (accessed: 17.01.15)
22. Kim M. Evaluating US Soft Power in Asia: Military, Economic and Sociopolitical Relationships Between Asia and the United States, Contemporary Politics, 2009. 15:3, pp. 337-353.
23. Landrat schickt Merkel einen Bus voller Flüchtlinge. Die Welt. 14.01.2016 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article150985155/Landrat-schickt-Merkel-einen-Bus-voller-Fluechtlinge.html> (accessed:17.01.15)
24. Lee S.-H. Comparative Studies on Current Situations of Anti-Corruption and Human Rights in Southern Europe, East Asia and Latin America in Perspective of Soft Power, International Area Review, Volume 13, Number 4, Winter 2010, pp. 59-74.
25. London riots: incidents and suspects mapped in the UK. The Telegraph. 09.08.2011 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/law-and-order/8689355/London-riots-all-incidents-mapped-in-London-and-around-the-UK.html> (accessed: 17.01.15)
26. Malone D.M. Soft Power in Indian Foreign Policy // Perspectives. – 2011. – Vol. xlvii. № 36. – pp. 35-39.
27. Mattern J. B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. – 2005. - Vol.33 №3.- p. 585.
28. Nye J. S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. –Vol. 616 (1). - pp. 94-109.
29. Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. – 1990. - No. 80. - [electronic recourse]. - Mode of access: <http://faculty.maxwell.syr.edu/rdenever/PPA-730-27/Nye%201990.pdf> (дата обращения: 17.01.15)
30. Nye J. S. Soft Power and Higher Education. EDUCAUSE nonprofit organization. [electronic recourse]. - Mode of access: <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf> (accessed: 17.01.15)
31. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004, 192 p.
32. Nye J. S. The future of power, Public affairs, 2011, 300 p.
33. Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone, Oxford University Press, 2002. – 147 p.
34. Nye J. S. Think Again: Soft Power. Foreign Policy. 23.02.2006 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (accessed: 17.01.15)
35. Osterloh M. Union verliert jeden fünften Wähler. Die Welt. 27.10.2015 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.welt.de/newsticker/article148065634/Union-verliert-jeden-fuenften-Waehler.html> (accessed: 13.01.15)
36. Pamment J. Articulating influence: Toward a research agenda for interpreting the evaluation of soft power, public diplomacy and nation brands. Public Relations Review, volume 40, Issue 1, 2014. P. 50–59.
37. Parfitt T. Woman 'gang-raped in refugee camp ordered to stay SILENT by no-borders activists' [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.express.co.uk/news/world/610376/woman-gang-raped-refugee-camp-activists-Italy-border-France-Ventimiglia> (accessed: 17.01.15)

38. Seehofer droht Merkel mit Verfassungsklage. Der Spiegel. 09.10.2015 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/horst-seehofer-droht-angela-merkel-mit-verfassungsklage-a-1057085.html> (accessed: 17.01.15)
39. Schaden durch Industrie-Spionage [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.mz-web.de/wirtschaft/deutschland-schaden-durch-industrie-spionage,20642182,18101720.html> (accessed: 17.01.15)
40. Studie: Industriespionage 2012 Aktuelle Risiken für die deutsche Wirtschaft durch Cyberwar [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.tuev-sued.de/uploads/images/1412067935240388800237/120423-studie-industriespionage-2012.pdf> (accessed: 17.01.15)
41. Was die Wirtschaft von den Flüchtlingen hat? Der Tagesspiegel. 14.09.2015. [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.tagesspiegel.de/wirtschaft/konsequenzen-der-zuwanderung-was-die-wirtschaft-von-den-fluechtlingen-hat/12316716.html> (accessed: 17.01.15)
42. Weiland S. Neue AfD punktet mit Anti-Asyl-Kurs. Der Spiegel. 30.09.2015 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-und-frauke-petry-punkten-mit-anti-asyl-kurs-a-1055308.html> (accessed: 17.01.15)

Об авторах

Лебедева Марина Михайловна – д. полит.н., профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: World_Politics@MGIMO.ru.

Рустамова Лейли Рустамовна – аспирантка кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, эксперт отдела докторантуры и аспирантуры МГИМО МИД России. E-mail: leili-rustamova@yandex.ru.

Шарко Мария Владимировна – студентка 4 курса Факультета политологии отделения мировой политики МГИМО МИД России. E-mail: mariasharkomgimo@gmail.com.

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-37-11128.

"SOFT POWER": THE DARK SIDE (ON THE CASE OF GERMANY)

M.M. Lebedeva, L.R. Rustamova, M.V. Sharko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Despite of the fact that numerous researches on the concept of soft power were conducted by Russian as well as by foreign scholars, negative aspects of soft power, especially concerning actors that implement it, were almost disregarded. This article focuses on possible adverse consequences for such actors and illustrates them with the example of Germany that intensively forms its attractive image in the international arena. The authors affirm in particular that actors should form their comprehensive positive image rather than attractiveness of distinct spheres and features. They should also consider side-effects of soft power and harmonize NGO's activities in implementation of this policy. The latter is becoming more relevant against the background of broader application of soft power through public diplomacy with the help of non-governmental organizations. In addition, the article emphasizes the necessity of further theoretical and empirical researches on the issue.*

Key words: soft power, public diplomacy, Germany, migrants, non-state actors, negative aspects of soft power.

References

1. V Kel'ne nachalis' napadenija na migrantov [The attacks on migrants in Cologne]. - Rezhim dostupa: <http://www.postsovet.ru/blog/russia/665168.html> (data obrashhenija: 17.01.15) (In Russian)
2. Doklad Verhovnogo komissara OON po delam bezhencev. 2013 god. [Report of the UN High Commissioner for Refugees. year 2013] Rezhim dostupa: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article150985155/Landrat-schickt-Merkel-einen-Bus-voller-Fluechtlinge.html> (data obrashhenija: 17.01.15) (In Russian)
3. Dolinskij A. Publichnaja diplomatija dlja biznesa, NKO i universitetov [Public Diplomacy for business, NGOs and universities] // Rossijskij Sovet po mezhdunarodnym delam [Russian Council on Foreign Affairs]. 26 sentjabrja 2013 g. [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2399#top-content/ (data obrashhenija: 17.01.15) (In Russian)

■ Мировая политика

4. Lebedeva M.M. «Mjagkaja sila» v otnoshenii Central'noj Azii: uchastniki i ih dejstvija [Soft power policy towards Central Asia: countries and their goals] / Vestnik MGIMO - universitet, 2014. - № 2 (35). – S. 47-56. - Rezhim dostupa: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/lebedeva.pdf> (data obrashhenija: 21.01.15) (In Russian)
 5. Manukov S. Cipras poobeshhal vybit' iz Berlina reparacii [Tsipras promised to knock out reparations from Berlin]. - Rezhim dostupa: <http://expert.ru/2015/03/11/tsipras-poobeschal-vybit-iz-berlina-reparatsii/> (data obrashhenija: 15.01.15) (In Russian)
 6. Parshin P.B. Problematika «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii: Analiticheskij doklad [The issue of "soft power" in Russian foreign policy]. Institut mezhdunarodnyh issledovanij MGIMO (U) MID Rossii. Moskva, 2013. (In Russian)
 7. PEGIDA (PEGIDA) menjaet politicheskiju kartu Germanii [pegida (PEGIDA) changing the political map of Germany].- Rezhim dostupa: <http://inosmi.ru/world/20150123/225774170.html> (data obrashhenija: 17.01.15) (In Russian)
 8. Prem'ер Grecii objavil referendum po dolgam strany [The Prime Minister of Greece announced a referendum on the country's debt]. - Rezhim dostupa: <http://m.forbes.ru/article.php?id=292573> (data obrashhenija: 17.01.15) (In Russian)
 9. Primakov E.M. «Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaja blizorukost' [World without Russia? The consequences of political short-sightedness]. – M., Rossijskaja gazeta, 2009. – 239 s. (In Russian)
 10. Radikov I.V., Leksjutina Ja.V. «Mjagkaja sila» kak sovremennyy atribut velikoj derzhavy ["Soft power" as a modern attribute of great powers] // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [world economy and international relations]. 2012. № 2. S. 19-26. (In Russian)
 11. Smirnov A.I., Kohtjulina I.N. Global'naja bezopasnost' i «mjagkaja sila 2.0»: vyzovy i vozmozhnosti dlja Rossii [Global security and the "soft power 2.0": Challenges and Opportunities for Russia] – M.: VNIIGeosistem, 2012. – 252 s. (In Russian)
 12. Haritonova E.M. Jeffektivnost' «mjagkoj sily»: problema ocenki [The effectiveness of "soft power": the problem of assessing] // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [world economy and international relations], 2015, № 6, s. 48-58.
 13. Asylanträge im Jahr 2015 . Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.bamf.de/DE/Infothek/Statistiken/statistiken-node.html> (accessed: 17.01.15) (In German)
 14. A Blazing Surprise. The economist. 01.07.2013 2005 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.economist.com/news/europe/21578725-scandinavian-idyll-disrupted-arson-and-unrest-blazing-surprise> (accessed: 17.01.15)
 15. Bilan d'execution annee 2005 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.interieur.gouv.fr/Publications/Statistiques/Securite-routiere/Bilan-du-permis-a-points/Bilan-2005> (accessed: 13.01.15) (In French)
 16. Corporate and Trust. Studie: Industriespionage 2012. Aktuelle Risiken für die deutsche Wirtschaft durch Cyberwar [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.tuevsued.de/uploads/images/1412067935240388800237/120423-studie-industriespionage-2012.pdf> (accessed: 18.01.15) (In German)
 17. Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy, vol. 4 (2008), №. 2. – P. 147-158. - Mode of access: <http://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/1594/3/FullText.pdf> (accessed: 17.01.15)
 18. Ferguson N. (2004) "Colossus: The Price of America's Empire." New York: Penguin Press. 416 p.
 19. Greive M. Kosten von bis zu 30 Milliarden Euro, jedes Jahr. «Die Welt». 16.04.2015 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.welt.de/wirtschaft/article147697183/Kosten-von-bis-zu-30-Milliarden-Euro-jedes-Jahr.html> (accessed: 17.01.15) (In German)
 20. Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics № 3, 2010 . P. 189-211.
 21. Kahnert S. Flüchtlinge kosten Deutschland 21,1 Milliarden Euro. Fokus. 10.10.2015 [electronic recourse]. - Mode of access: http://www.focus.de/finanzen/news/arbeitsmarkt/schaetzung-erhoeht-ifo-institut-fluechtlinge-kosten-deutschland-2015-21-1-milliarden-euro_id_5076366.html (accessed: 17.01.15) (In German)
 22. Kim M. Evaluating US Soft Power in Asia: Military, Economic and Sociopolitical Relationships Between Asia and the United States, Contemporary Politics, 2009. 15:3, pp. 337-353.
 23. Landrat schickt Merkel einen Bus voller Flüchtlinge. Die Welt. 14.01.2016 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article150985155/Landrat-schickt-Merkel-einen-Bus-voller-Fluechtlinge.html> (accessed: 17.01.15) (In German)
 24. Lee S.-H. Comparative Studies on Current Situations of Anti-Corruption and Human Rights in Southern Europe, East Asia and Latin America in Perspective of Soft Power, International Area Review, Volume 13, Number 4, Winter 2010, pp. 59-74.
-

25. London riots: incidents and suspects mapped in the UK. The Telegraph. 09.08.2011 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/law-and-order/8689355/London-riots-all-incidents-mapped-in-London-and-around-the-UK.html> (accessed: 17.01.15)
26. Malone D.M. Soft Power in Indian Foreign Policy // Perspectives. – 2011. – Vol. xlv. № 36. – pp. 35-39.
27. Mattern J. B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies, Vol.33 №3 2005, p. 585.
28. Nye J. S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. –Vol. 616 (1). - pp. 94-109.
29. Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. – 1990. - No. 80. - [electronic recourse]. - Mode of access: <http://faculty.maxwell.syr.edu/rdenever/PPA-730-27/Nye%201990.pdf> (дата обращения: 17.01.15)
30. Nye J. S. Soft Power and Higher Education. EDUCAUSE nonprofit organization. [electronic recourse]. - Mode of access: <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/FFP05025.pdf> (accessed: 17.01.15)
31. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004, 192 p.
32. Nye J. S. The future of power, Public affairs, 2011, 300 p.
33. Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone, Oxford University Press, 2002. – 147 p.
34. Nye J. S. Think Again: Soft Power. Foreign Policy. 23.02.2006 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (accessed: 17.01.15)
35. Osterloh M. Union verliert jeden fünften Wähler. Die Welt. 27.10.2015 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.welt.de/newsticker/article148065634/Union-verliert-jeden-fuenften-Waehler.html> (accessed:13.01.15) (In German)
36. Pamment J. Articulating influence: Toward a research agenda for interpreting the evaluation of soft power, public diplomacy and nation brands. Public Relations Review, volume 40, Issue 1, 2014. pp. 50–59.
37. Parfitt T. Woman 'gang-raped in refugee camp ordered to stay SILENT by no-borders activists' [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.express.co.uk/news/world/610376/woman-gang-raped-refugee-camp-activists-Italy-border-France-Ventimiglia> (accessed: 17.01.15)
38. Seehofer droht Merkel mit Verfassungsklage. Der Spiegel. 09.10.2015 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/horst-seehofer-droht-angela-merkel-mit-verfassungsklage-a-1057085.html> (accessed: 17.01.15) (In German)
39. Schaden durch Industrie-Spionage [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.mz-web.de/wirtschaft/deutschland-schaden-durch-industrie-spionage,20642182,18101720.html> (accessed: 17.01.15) (In German)
40. Studie: Industriespionage 2012 Aktuelle Risiken für die deutsche Wirtschaft durch Cyberwar [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.tuev-sued.de/uploads/images/1412067935240388800237/120423-studie-industriespionage-2012.pdf> (accessed: 17.01.15) (In German)
41. Was die Wirtschaft von den Flüchtlingen hat? Der Tagesspiegel. 14.09.2015. [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.tagesspiegel.de/wirtschaft/konsequenzen-der-zuwanderung-was-die-wirtschaft-von-den-fluechtlingen-hat/12316716.html> (accessed: 17.01.15) (In German)
42. Weiland S. Neue AfD punktet mit Anti-Asyl-Kurs. Der Spiegel. 30.09.2015 [electronic recourse]. - Mode of access: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-und-frauke-petry-punkten-mit-anti-asyl-kurs-a-1055308.html> (accessed: 17.01.15) (In German)

About the authors

Marina M. Lebedeva – PhD (Psychology), Dr. of Science (Political Sci.), Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO-University. E-mail: World_Politics@MGIMO.ru.

Rustamova L. Rustamovna – Post-graduate student at the Department of World Politics, expert of PhD and postgraduate study Department at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). E-mail: leili-rustamova@yandex.ru.

Maria V. Sharko – 4th year student at Faculty of Political Science at Moscow State University of International Relations (MGIMO University). E-mail: mariasharkomgimo@gmail.com.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЕВРОСОЮЗОМ И КИТАЕМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

Р.Х.Симонян, Т.М.Кочегарова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.
Институт социологии РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35,
кор.5.

Россия вновь, как и в начале 1990-х годов, находится в ситуации исторической развилки. Идти России собственным путём или по примеру впечатляющих экономических достижений азиатских государств, которые успешно освоили западный (европейский) опыт общественной модернизации, не утратив своей национальной самобытности.

Россия, являющаяся составной частью европейской цивилизации, обладает более значительными возможностями использования этого опыта, чем азиатские страны. В то же время, происходящее в последние десятилетия перемещение центра мировой экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион, превращение Китая в ведущую мировую державу заставляет в полной мере оценить двухконтинентальность России, её непосредственное соседство с Евросоюзом и Китаем. Задача сравнительного анализа западного и восточного векторов российской политики сегодня актуализируется как внешними, так и внутренними причинами: охлаждением отношений России с Евросоюзом и глубоким экономическим кризисом, порождённым сырьевой моделью экономики, сформированной в 1990-х гг. Анализ отношений России с соседями актуализирует необходимость исследования приграничных зон, в которых происходит процесс непосредственного социокультурного взаимодействия стран-соседей, в том числе динамика изменений в массовом сознании различных социальных групп этих зон.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, приграничное регионоведение, концепция добрососедства, ресурсы инновационной экономики, человеческий капитал модернизации, региональные особенности массового сознания молодёжи.

Развитие интеграционных процессов является одним из основных последствий глобализации. Миросистема становится всё более тесной, что актуализирует проблему взаимодействия, а в перспективном плане – сотрудничество между различными социокультурными системами. Процесс расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур охватывает различные стороны общественной жизни. В настоящее время межкультурное и межкультурное взаимодействие – это одно из магистральных направлений мирового обществоведения.

Проблемы приграничных зон государств-соседей впервые поставлены европейскими политологами, правоведами и экономистами в связи с задачами расширения ЕС. В истории России, как и других стран, отношения с соседями всегда занимали важное место, как в государственной политике, так и общественном сознании. Но для России эти отношения имеют особую актуальность, ибо её уникальными географическими особенностями являются, во-первых, самое большое количество сопредельных стран; во-вторых, самая протяжённая линия государственной границы; в-третьих, самое разнообразное социокультурное окружение – христианская, исламская, буддистская и китайская цивилизации, и, наконец, в-четвёртых, двухконтинентальность.

В связи с событиями на Украине и последующими затем экономическими санкциями, проблемы соседства и приграничных зон приобрели статус наиболее приоритетных в современном российском политэкономическом дискурсе.

Обострившаяся в связи с экономическим кризисом проблема выбора стратегических партнёров актуализирует исследование процессов, происходящих в западных и восточных приграничных регионах России. Приграничное регионоведение является новым направлением научного познания, что определяет его теоретическую и методологическую актуальность. Страны Евросоюза, Китай, как и другие приграничные страны – это сфера жизненных интересов России, в отношении с которыми необходимо проводить политику, основанную на глубоком познании своих соседей, инструментом которого должна служить научная теория, основанная на полной и объективной информации.

Географически Россия принадлежит и Европе, и Азии, но как национальное государство она возникла и формировалась в течение многих веков в Европе, в европейском культурном пространстве, и только в конце XVI века русские стали осваивать Сибирь, а уже в конце XVII в. русские первопроходцы прошли от Урала всю азиатскую часть нынешней России, поставив остроги и основав поселения, продвинувшись на восток более чем на 4 тыс. км. А в XIX в. завершили утверждение христианской (европейской) культуры до морских границ Азии – Тихоокеанского побережья.

Существующая в современном российском дискурсе тенденция отделения России от Европы, педалирования своеобразности русского этноса, специфического предназначения, уникальности пути России, не только практически непродуктивна, так как не только препятствует модернизации, которая является жизненно необходимой для того, чтобы на равных конкурировать с ведущими странами. Эта тенденция означает в неявном виде не вполне уважительное отношение к другим нациям. «Особенная статья» России или «загадочность русской души» подразумевают отсутствие таких привлекательных черт у других государств и народов Европы. Но разве, к примеру, финны или испанцы не обладают признаками своей «особости», разве они менее загадочны, чем мы? Выдающийся французский этнолог Клод Леви-Стросс утверждает, что «каждый народ несёт в себе свою тайну и является вечной загадкой для другого» [7, с.207].

Общественно-политическую ущербность противопоставления нашей страны остальной Европе для массового сознания россиян наиболее точно определил И.Виноградов, который подчеркнул, что от этих священных коров нашей российской «особости» действительно никуда не денешься – они так давно пасутся на полях нашего национального менталитета и молочно их так вьелось в наш духовный состав, что ныне мало кто способен уже отделить весь этот комплексно-патриотический вздор от того зерна действительной истины, на которой она паразитирует. [3, с.17]

Социально-экономическое содержание категории «соседство» во многом зависит от того, какими своими пространствами сопредельные государства соприкасаются. Географической особенностью народного хозяйства нашей страны является выраженный европоцентричный характер, а граничащий с ЕС Северо-Западный регион наиболее полно включён в процесс взаимодействия с Евросоюзом. Промышленный, культурно-исторический, научный потенциал Северо-Западного региона определяет его роль в России как «локомотива модернизации». Прилегающий к Китаю Дальний Восток не относится к «локомотиву модернизации», в то время как необходимость использования его богатейших природных ресурсов настоятельно требует превращения его в такой регион. В настоящее время Дальний Восток остаётся российским аутсайдером, располагая при этом огромными возможностями развития взаимовыгодного сотрудничества со странами АТР, и, прежде всего, с Китаем.

Если история взаимодействия России и Китая началась с XVII в. и насчитывает около четырёхсот лет, то отношения с европейскими странами начались с момента рождения российского государства в IX в., и почти всегда были доминирующими. После победы над Наполеоном роль России стала во многих внутренних европейских процессах определяющей, прежде

■ Мировая политика

всего, в политической организации Европы: от создания Священного союза в 1815 г. в Вене до Ялтинской конференции в 1945 г. И сегодня Российская Федерация наряду с Евросоюзом составляет политическое, экономическое и культурное пространство европейского континента.

Европейская ориентация, восстановленная после падения «железного занавеса», продолжалась весь постсоветский период. Россия вошла в целый ряд европейских институтов, она участвует почти во всех политических, экономических, юридических, экологических и культурных структурах Европы. В 2003 г. Россия присоединилась к Болонскому процессу и вошла в единое европейское пространство высшего образования.

В то же время между двумя крупнейшими европейскими образованиями – Российской Федерацией и Европейским союзом в течение всего постсоветского периода последовательно расширялось экономическое сотрудничество. В 2013 г. на ЕС приходилось более половины всего российского экспорта, свыше 70 % иностранных инвестиций и почти 90 % наукоёмкой продукции. В связи с введением санкций в 2014 г. российско-евросоюзское торгово-экономическое взаимодействие уменьшилось, но это явление объективно не может иметь длительный характер, и не столько потому, что оба партнёра – и Россия, и Евросоюз проигрывают в экономическом развитии, сколько в геостратегическом. Новый вариант изоляции России от остальной Европы маловероятен не только по ограниченности материальных ресурсов для его реализации, но по возрастающей необходимости ответа Европы на глобальные вызовы. Важнейшие из них – защита христианского мира, сохранение европейской цивилизации. Европейское общество осознаёт возрастающие угрозы её сохранению, как и то, что Евросоюз без России не в состоянии дать ответ на глобальные вызовы.

Для России решить проблему модернизации без сотрудничества с Евросоюзом будет чрезвычайно сложной задачей. При этом Евросоюз стратегически нуждается в России не в меньшей степени, чем Россия в Евросоюзе. Природные ресурсы России и ещё сохранившаяся фундаментальная наука – это объективная основа для взаимовыгодного сотрудничества с ЕС, которое не может быть линейным. Оно неизбежно будет сопровождаться тактическими зигзагами, идеологическими разногласиями, но, скорее всего, ни с кем из главных субъектов мировой системы – США, Китай, Индия, Бразилия – у России не будет столь общих интересов, как с Евросоюзом, какие бы коллизии не возникали.

Несмотря на заметное охлаждение россиян к Западу, они сегодня эмоционально ближе к нему, чем к странам Востока. Ориентация на Европу по-прежнему сохраняется в России как влиятельная идеологическая установка. В то же время она под влиянием накопленного опыта приобрела несколько иной характер, стала бо-

лее сдержанной и прагматичной, чем это было в первые постсоветские годы.

Ориентация на Восток – сравнительно новый феномен российского общественного сознания. Его появление связано с перемещением центра мировой экономической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион. В последнее время значение восточного вектора в российской политике существенно возросло, что связано как с успехами Китая, так и с задачей более эффективного использования российской двухконтинентальности.

Китай привлекает внимание россиян по целому ряду причин. Во-первых, наши страны имели в своём развитии общее социалистическое прошлое, вышли из него, наследуя черты директивного управления и распределительных отношений. Во-вторых, в качестве магистрального пути в оба государства выбрали рыночную экономику. В-третьих, экономические реформы и в России, и в Китае были инициированы и осуществлялись государством.

И, наконец, в-четвёртых, различные, даже можно сказать, противоположные результаты реформ. Общественный интерес к китайским реформам возрастает в России по мере осознания неудач российской реформации 1990-х гг. Руководство Китая сознательно отказалось от «шоковой терапии», выбрав путь постепенного поступательного развития при сохранении действующих социальных институтов. Промышленные предприятия не были разрушены. Был эффективно использован региональный ресурс модернизации. Двигателем реформ стали свободные экономические зоны, в которых интенсивно развивалось производство, внедрялись новые технологии, поддерживалась наука. В Китае, в отличие от России, необходимость вмешательства государства в экономику не подвергалась сомнению.

В отличие от китайских реформ, сохранявших имеющиеся институты, которые могли быть использованы для регулирования экономических и социальных процессов, российская реформация началась с полного разрушения советской институциональной системы. В результате частные предприятия получили неограниченную свободу ещё до того, как была создана эффективная налоговая служба, судебная система, правоохранительные органы и общественные институты социального контроля.

Опыт китайских реформ – особенно актуальная тема для нынешней России. Известный экономист, нобелевский лауреат Дж. Стиглиц считает историческим парадоксом то, что приступая к экономическим преобразованиям, мы не воспользовались методологией Дэн Сяопина и бездумно проигнорировали опыт Китая [16, с.17]. Российская реформа была радикальной именно потому, что реформаторы не только не учитывали, но, по существу, игнорировали как историческую компоненту общества, так и генотип нации. Китайская реформа, наоборот,

осуществлялась очень медленно, чтобы все генетические факторы и силы китайского общества максимально в ней проявились. В своей работе «История против ожиданий» П. Кругман сравнивает «два мира – тот, в котором история значима, и мир, в котором ожидания имеют вероятность самоисполняться. За первый отвечает эффект возрастающей отдачи, за второй – зависимость твоих решений от ожиданий и решений других людей. Чем медленнее темп приспособления экономики, тем больше роль истории» [18, р. 658].

Академик О.Богомолов в своих работах убедительно обосновал, что «более приемлемый для России и менее болезненный путь перехода к рынку – отнюдь не шоковая терапия, а целеустремлённое и неуклонное развёртывание рыночных институтов и инструментов в двухсекторной экономике, как это было уже сделано в Китае» [2, с.74].

В результате сформированной сырьевой модели российская экономика за редким исключением утратила способность производить сложную наукоёмкую продукцию. В настоящее время Россия закупает за рубежом практически всё, что можно охарактеризовать как продукцию высоких технологий, – от компьютеров до бытовой электроники.

Ещё один исторический парадокс состоит том, что индустриализация Китая была проведена при активном участии Советского Союза. В 1950-х – начале 1960-х гг. наша страна оказала Китайской Народной Республике безвозмездную помощь в строительстве 256 промышленных предприятий, более десяти тысяч советских специалистов – инженеров и техников помогали китайцам в освоении оборудования, в советских вузах проходили обучение тысячи китайских студентов. В 1979 г., накануне реформ Дэн Сяопина ВВП СССР был в 3 раза больше ВВП Китая [9, с.486], в 2014 г. ВВП Российской Федерации – 1,17 трлн долл. в Китае – 10,8 трлн долл, т.е. в 9 раз меньше. [12, с.18].

Российско-китайский товарооборот в 2015 г. уменьшился по сравнению с 2014 г. на 28,6% и составил 68 млрд долл. Это чуть более 1,7% общего объёма внешней торговли Китая, в котором Россия, по данным Главного таможенного управления КНР занимает 18-е место в рейтинге торговых партнёров Китая [19].

В торгово-экономических отношениях с восточным соседом у нас сложилась устойчивая тенденция: Россия экспортирует сырьё и энергоресурсы, а импортирует товары с высокой добавленной стоимостью.

Без решения задачи по модернизации экономики Россия будет оставаться для Китая источником сырьевых ресурсов и необходимым партнёром в геополитической конкуренции с США. Хотя в ближайшие годы Китай ещё не станет мировым лидером, равным США, но использовать научно-технический ресурс Китая для модернизации российской экономики возможно уже сейчас.

Поэтому, несмотря на то, что Евросоюз остаётся для России главным стратегическим партнёром, необходимость расширения взаимодействия с Китаем всё глубже осознаётся российскими обществом. Расширение взаимодействия с восточным соседом нужно России, как по политическим, так и по экономическим причинам. Китай – важнейший партнёр России, в рамках Шанхайской организации сотрудничества, Китай совместно с Россией способствует решению общих вызовов в Центральной Азии – борьбе с исламским экстремизмом и терроризмом, поддержанию там светских режимов. Россия также необходима Китаю как в качестве геополитического, так и в качестве экономического партнёра. При этом следует признать, что Россия в её нынешнем состоянии играет в китайской политике гораздо меньшую роль, чем Китай в российской.

Как западное, так и восточное направления сотрудничества России с соседними государствами имеют свои исторические особенности, что в полной мере проявляется в процессах, происходящих в приграничных зонах.

Западная – российско-евросоюзовская приграничная зона – это пять субъектов российского Северо-Запада: Мурманская, Ленинградская, Псковская и Калининградская области и Республика Карелия и европейский Северо-Восток – пять государств ЕС: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша. Эти государства не только являются членами Евросоюза, но в течение длительного исторического периода составляли с Россией общее государство.

Восточная – российско-китайская приграничная зона – это пять субъектов российского Юго-Востока: Хабаровский, Приморский и Забайкальский края, Амурская область и Еврейская автономная область, и китайский Северо-Восток: историческая область Маньчжурия (Дунбэй), включающая провинции Ляонин, Гирин (Цилинь), Хэйлунцзян и часть Внутренней Монголии (округ Хулун-Буир). В течение полутора столетий земли Руси и Китая тоже входили в состав единого государства – Монгольской империи, которая в XIII-XIV вв. обладала самой большой в мировой истории территорией от Дуная до Японского моря, от Смоленска до Таиланда.

Наши соседи на Западе и Востоке имеют и другие схожие черты: окраинность, удалённость от центров Западной Европы и Поднебесной империи, что сформировало провинциализм в менталитете населения [6, с.45], задержанное экономическое развитие, и последующее вхождение в число индустриальных лидеров. Железные дороги как Китая, так и Финляндии и стран Балтии физически находятся в пространстве «русской колеи» – 1520 мм. Общая ширина колеи, единство технических и технологических стандартов, традиции тесного сотрудничества – это серьёзные конкурентные преимущества на мировом транспортном рынке.

Не менее существенны и различия: уровень благосостояния населения западных соседей выше, а восточных ниже, чем в России, даже несмотря на глубокий экономический кризис, постигший нашу страну. Ещё контрастнее демографические характеристики: на Северо-Западе население Мурманской, Ленинградской, Псковской, Калининградской областей и республики Карелия 10,5 млн россиян (это численность населения указанных субъектов Федерации) соседствуют с 12,5 млн граждан ЕС (численность населения Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии), на Дальнем Востоке 5,2 млн россиян (численность населения Амурской области, Еврейской автономной области, Забайкальского, Хабаровского и Приморского краёв) соседствуют с 140 млн граждан КНР – численность населения Маньчжурии [10, с.549]. Существуют и более глубокие отличия. Население Северо-Запада России и население сопредельных стран ЕС имеют европейский генетический код, они входят в общую христианскую цивилизацию. Население российского Дальнего Востока и население Северо-Восточного Китая резко отличаются друг от друга по многим признакам: культуре, цивилизационной и расовой принадлежности, опыту исторического развития и т. д.

Существенная разница и в характеристике диаспор. Российская диаспора в Латвии и Эстонии ведёт своё начало с подписания Ништадского мирного договора (1721 г.). Литва полностью вошла в состав России после второго раздела Речи Посполитой (1772 г.), но русских там много было и до этого события. В период расцвета Литвы русских было существенно больше, чем литовцев, отсюда термины Литовская Русь или Западная Русь [17, с.57], а официальное название государства в течение долгого периода было – Великое княжество Литовское и Русское. Нынешняя российская диаспора в странах Балтии – это многочисленное, компактно проживающее население, представленное различными культурными, образовательными, конфессиональными и политическими институтами, своими представителями в парламентах, обладающая значительными позициями в экономике этих стран. Из 12 млн наших соотечественников, проживающих за рубежом, российская диаспора в странах Балтии является наиболее консолидированной.

Российская миграция в Китай ведёт свою историю с открытия в 1988 г. однодневного туристического маршрута Благовещенск – Хэйхэ. С тех пор с каждым годом количество наших соотечественников и количество дней их пребывания в Китае увеличивается. В последнее десятилетие количество россиян, посетивших разные районы Китая, превышает 3 млн в год. [13, с.506].

Знакомство со страной привело к появлению желающих остаться в ней на постоянное жительство.

Российская диаспора в Китае возникла в 1920-х гг. в результате эмиграции, последовав-

шей по окончании Гражданской войны. Основными центрами русской диаспоры были города Харбин, Урумчи, Шанхай. После Второй мировой войны русская диаспора практически исчезла, остались лишь небольшие общины, по данным всекитайской переписи 2000 г., общей численностью около 15,6 тыс. человек. [10, с.287]

Новая российская диаспора в Китае начала формироваться только с середины 1990-х гг., но численность её быстро увеличивается. Сегодня на Дальнем Востоке сформировалась определённая часть населения, которая всё меньше зависит от России, а всё больше – от Китая. И появилось новое поколение русских, часто посещающих Китай, но ни разу не побывавших не только в столице своей родины, но даже и в более близких городах Сибири и Урала.

Этот социальный феномен является аналогом явления, возникшего в среде представителей русской молодёжи в странах Балтии в начале 1990-х гг., получившего термин «еврорусские» [14, с.158-164]. Речь идёт о часто посещающих страны Западной Европы и не бывающих на своей исторической родине, но всё-таки сохраняющих свою русскую идентификацию. В этом смысле российское население стран Балтии вполне уместно называть «Евророссией» по аналогии с Литовской Русью XV-XVI веков.

Характерное для постсоветской Прибалтики приграничное явление напоминает ситуацию начала XIX в. в восточных регионах России, когда по переписи 1897 г. в азиатской части России проживало 43225 китайцев и 26159 корейцев, к 1911 г. их число выросло соответственно до 101430 и 59755. На Дальнем Востоке они составляли около 15 % населения.[1, с. 234-235] Именно тогда известный русский этнограф И.Левитов предлагал часть территории Дальнего Востока и Восточной Сибири открыть для Китая. «Если у нас есть малая Россия, белая Россия, почему бы не быть жёлтой России?» [7, с.109]. В условиях нынешней демографической ситуации, слабой заселённости восточного приграничья и продолжающегося оттуда оттока кадров, дискурс о подобной перекрёстной идентификации как для развития региона, так и для удержания территориальной целостности страны вновь становится актуальным.

В отличие от наших западных соседей, у которых практически отсутствует стремление переехать в Россию на постоянное место жительства, китайская миграция в Россию – широкомасштабный процесс. Она имеет исторические корни в XIX и начале XX вв., но нынешняя массовая миграция началась после подписания договора между Россией и Китаем о безвизовом въезде в приграничные города в 1992 г. Возникшую в результате этого договора в приграничных регионах России ситуацию так описывают социологи Амурского государственного университета: «Буквально за несколько лет этнокультурная ситуация на российском Дальнем Востоке резко изменилась. На русскую сторону хлынул поток крестьян, разнорабочих, мелких

торговцев из соседних северных провинций КНР. Эта масса малокультурного, люмпенизированного люда создала у русского обывателя негативный образ китайца вообще. Не будет преувеличением сказать, что у многих встреча с китайскими стандартами жизни вызвала культурный шок, следствием которого стал активный протест против китайского присутствия на русском Дальнем Востоке» [5, с.5]

С тех пор многое изменилось, а расширение приграничного взаимодействия сопредельных государств является следствием господствующей в современном мире политики добрососедства, включающая культурный диалог, экономическую и научную кооперацию, перемещение людей и товаров.

Разумеется, и сегодня многие российские реалии осложняют положение трудовых мигрантов. Это, прежде всего коррупция, охватывающая практически все стороны их существования.

В начале нулевых годов в Амурской области проводился опрос временно проживающих китайцев, которых тогда насчитывалось около 20 тысяч человек. На вопрос «Могли бы Вы уехать в Россию на постоянное место жительства?» от 30 до 50% китайских респондентов ответили положительно. Очевидно, что для значительной части китайских трудовых мигрантов опыт жизни в нашей стране положительно сказывается на представлениях о возможности остаться в России. При всех известных трудностях, с которыми приходится сталкиваться китайцам в России, новый для них образ жизни не привёл их к полному разочарованию [5, с. 155]

На протяжении последних лет в Дальневосточном регионе находится довольно значительная группа граждан КНР, работающих в различных отраслях местной экономики. Срок пребывания их на российской территории обычно составляет около 10 месяцев. Из них только небольшая часть получает вид на жительство, и ещё меньше – российское гражданство. Разумеется, на это влияют ограничения и трудности в получении гражданства РФ. Но определяющую роль играет всё же миграционная стратегия – китайцы приезжают в Россию, прежде всего, на заработки, а не на постоянное жительство. Многие связанные с мелкой торговлей граждане КНР в течение года многократно пересекают границу. В итоге большую часть времени они живут в России, а не на родине. Ведя в течение нескольких лет такой образ жизни, китайские мигранты успешно адаптируются к российским условиям, в необходимом объёме осваивают русский язык, обзаводятся кругом знакомств.

В социокультурном взаимодействии сопредельных государств большая роль принадлежит учебно-образовательному процессу. В десяти университетах Финляндии в 2013/2014 учебном году обучались более четырёх с половиной тысяч российских студентов. Среди них много жителей близлежащих Ленинградской и Мурманской областей, Республики Карелия.

Российских студентов привлекает не только высокий уровень высшего образования, но, что ещё более важно, бесплатное получение образования. При этом вовсе не обязательно знание финского языка, так как имеются большое число программ обучения на английском. Аналогичные тенденции на восточном приграничье: быстро увеличивается количество российских студентов в университетах Китая.

70-летний опыт успешного взаимодействия нашей страны и Финляндии является общепризнанным образцом отношений между странами-соседями. Следует надеяться, что по такому сценарию будут развиваться отношения между Россией и Китаем.

Отношения между соседними государствами во многом зависят от взаимного восприятия народов, населяющих эти государства. Если за длительный исторический период у россиян сложился как обобщённый образ европейца, так и образ соседнего этноса – финна, эстонца, латыша, литовца, поляка, что выражается в сюжетах народного творчества, в сложившихся стереотипах, то образ китайца для современной России только формируется в общественном сознании россиян.

В этой связи интерес представляют исследования дальневосточных социологов, проведённые в 2009 г. Вот первая дюжина значений, характеризующих Китай в восприятии наших дальневосточников: страна с большой территорией и численностью (34,9%), соседняя страна (11,2%), высокоразвитая страна (9%), великая страна (6,2%), бурно развивающаяся страна (5,8%), древняя культура и история (5,4%), перспективная страна (4,1%), страна, которая нас одевает и кормит (2,0%), социалистическое унитарное государство (1,8%), загадка (1,7%), враг (0,8%), ненадёжный сосед (0,6%). В соседнем народе дальневосточники акцентируют следующие черты: трудолюбие (20,5%), наглость (13,4%), предприимчивость (10,6%) неопрятность (9,4%), коллективизм (8,6%) хитрость (8,5%), неприхотливость (8,2%), коллективизм (7,6%), целеустремлённость (7,1%), загадочность (6,3%), коммуникабельность (4,9%), доброжелательность (4,7%), упрямство (2,3%) жестокость (1,9%). Из 93 значений было названо 37 положительных, 45 отрицательных и 11 нейтральных характеристик китайцев. [5, с.137]

Трудолюбие, предприимчивость и коллективизм – три социальных качества, которые доминируют в оценках китайцев русскими. Коллективизм способствует формированию китайских диаспор. Это свойственное китайцам качество основано на принципе «гуаньси» – доверие и взаимопомощь. Этот принцип базируется на том, что люди чувствуют себя частью одного целого. Взаимопомощь между соседями, коллегами базируется на принципе «гуаньси». Китайцы, работающие за рубежом, лучше, чем другие видят преимущество таких отношений, помогающих минимизировать риски деятельности в чужой стране.

■ Мировая политика

Трудолюбие – показатель, который определяет основную деятельность человека – выполняемую им работу. В 2010 г. социологами России и Китая было проведено сравнительное исследование по характеристике трудового процесса жителями Санкт-Петербурга и Шанхая, подобранными по одинаковым профессионально-образовательным показателям. Выяснилось, что россияне работа физически утомляет заметно чаще, чем китайцев (всегда, часто и иногда – 81% россиян и 64% китайцев). Петербуржцы чаще, чем шанхайцы воспринимают свою работу как опасную. Иногда и часто работа сопряжена с рисками у 41% россиян, и 13% у китайцев. Петербуржцы чаще шанхайцев считают, что работа требует точного соблюдения инструкций – 47% у россиян, 18% – у китайцев. Петербуржцы чаще, чем шанхайцы испытывают стрессы в связи с работой – 66% и 38% соответственно. Россияне чаще жалуются на монотонный характер работы – 64% и 36% соответственно. Петербуржцы чаще, чем шанхайцы, характеризуют свою работу как творческую, требующую воображения – 65% и 33% соответственно. [15, с.46-47]

Отмечая многие положительные качества соседей, россияне рисуют портрет китайцев с изрядной долей настороженности, характеризуя их как трудолюбивых, энергичных, организованных многочисленных соседей, не похожих на русских и внешним обликом, и образом жизни, и бытовыми привычками, при этом, хотя и доброжелательных, но небезопасных. [5, с.142-144]

Помимо реалий повседневности на формирование образа китайца в этническом сознании оказывает влияние исторический опыт сосуществования двух народов, в котором были не только мирные периоды, и даже братские отношения, но и драматические конфронтации.

Что влияет на формирование образа Китая и китайцев в сознании дальневосточников? Мнение сформировано на основе личного опыта – 40,8%, на материалах прессы, телевидения, радио – 23,1%, на сведениях, полученных от знакомых – 13,6%, из официальных источников – 4,5%, из других – 2,7%. [5, с.146] Таким образом, образ иной цивилизации пока создаётся по большей

части опосредованно, что содержит перспективу приближения этого представления к более реальному.

Китайское восприятие русских характеризуется в целом несколько более положительно. Вот как выглядит первая дюжина значений, характеризующих русских, в опросе китайских мигрантов, проживающих в Амурской области: высококультурные (16,9%), открытые (13,2%), аморальные (8,8%), предприимчивые (6,9%), гостеприимные (6,7%), трудолюбивые (5,8%), высокомерные (5,8%), интеллектуальные (4,7%), смелые (3,6%), надёжные (3,3%), заботливые (2,5%), вспыльчивые (2,2%). Данные по Хабаровскому краю: добрые (9,2%), дружелюбные (7,0%), трудолюбивые (7,0%), честные (6,9%), открытые (6,2%), интеллектуальные (5,9%), ответственные (5,5%), склонные к пьянству (5,5%), миролюбивые (4,2%), вежливые (2,7%), ленивые (2,3%), склонные к юмору (2,3%); инициативные (5,3%), смелые (5,0%), ответственные (3,0%), открытые (2,9%), упорные (2,4%), культурные и нравственные (1,4%). [5, с.158-159]

Китайские респонденты указывают сходные источники, которые формируют их представления о русских: личный опыт – 40,5%, газеты, журналы, радио – 21,3%, книги, фильмы, телепередачи – 16,8, сведения, полученные от знакомых, – 13,9%, из официальных источников – 6,1%. [5, с. 162]

С развитием межэтнических связей, расширением межкультурного диалога взаимная настороженность убывает, что благоприятно сказывается на отношениях между соседями. Добрососедство, как было отмечено выше, является гарантом сохранения мира и стабильности в условиях растущей рискогенности, сопровождающей глобализацию.

Идея добрососедства становится всё более осязаемой, её культурная и экономическая целесообразность подтверждается практикой, но повышение её эффективности требует анализа всей совокупности факторов приграничного взаимодействия между государствами, в том числе состояния общественного сознания народов.

Список литературы

1. Азиатская Россия. Т.1. Люди и порядки за Уралом. СПб, 1914.
2. Богомолов О.Т. Реформы в зеркале международных сравнений. М. 2001.
3. Виноградов И.И. Христианская интеллигенция России перед лицом исторического вызова.//Континент, 2011, № 4.
4. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М., 2011. 328 с.
5. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Панкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009, 412 с.
6. Ланко Д.А., Осипова М.В. Исследование проблем Северных стран и России//Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004, № 14.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.
8. Левитов И. С. Жёлтороссия как буферная колония, СПб, 1905.
9. Народное хозяйство СССР в 1979 году. Статистический ежегодник. М., 1980.

10. Переселенческое общество Азиатской России: миграция, пространства, сообщества. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков. Иркутск, 2013.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. М., Росстат. 2015.
12. Россия 2015. Статистический справочник. М., 2015.
13. Россия и Китай. Четыре века взаимодействия. Россия и Китай. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М., 2013.
14. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. М., Academia, 2003.
15. Социальные характеристики Санкт-Петербурга и Шанхая в начале XXI века (по результатам сравнительного социологического исследования)//Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН, 2010, № 2.
16. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы?//Вопросы экономики, 1999, № 7.
17. Широкопад А.Б. Русь и Литва. М., Вече, 2008.
18. Krugman P. History versus expectations. The Quarterly Journal of Economics. May 1991.
19. InvestorSchool.ru

Об авторах

Ренальд Хикарович Симонян – главный научный сотрудник Центра Североевропейских и Балтийских исследований ИМИ МГИМО МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Тамара Михайловна Кочегарова – научный сотрудник Института социологии РАН, учёный секретарь Российско-Балтийского центра ИС РАН. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

RUSSIA'S RELATIONS WITH THE EUROPEAN UNION AND CHINA: COMPARATIVE ANALYSIS OF MUTUAL PERCEPTION IN THE BORDER REGIONS

R.H.Simonyan, T.M.Kochegarova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Occurred nearly a quarter of a century ago, the collapse of the Soviet Union – an event that led to the formation of a new configuration of the world-system. In this global role, the national significance of this event for Russia that she has to find their place in the world that actualizes a scientific discussion on this topic. Without public clarification and comparison of the ideological differences and disagreements it is difficult to imagine the development of a democratic society. Moreover, it is impossible to do without a debate in the society, standing in the darkness. Russia again, as in the beginning 1990-h years is in a situation of historical bifurcation. Russia to go their own way or try to rebuild themselves in the experience of the successful modernization of the States of the European, Asian, South American or African. They have used the Western (European) experience, without losing their national identity.*

Inherent in our ethnic consciousness and the inclination to extremes, Russian intellectuals keen on totally unproductive debates, like the endless, which is between "Westerners" and "Slavophil's" (in the current language – "fundamentalists"). The notorious dichotomy becomes more and more absurd, Recalling the disputes of "points" and "dull bits" from the famous novel of Jonathan Swift. The country is a completely different choice – effectiveness and development or the inefficiency and backwardness, modernization or preservation of its political and economic model, developed by reformers in 1990-ies. Today, therefore, Russia should not deifying the West, than succeeded ones and not the deification of exclusivity, what more you want to succeed others, but strong awareness of the reality and the pursuit of maximum expediency, pragmatism in the development of the achievements of Western civilization. If Asian countries are to successfully adopt the European (Western) modernization experience, then Russia as a European country should be more favorable conditions.

In line with what is happening in the country discussions on ways of socio-economic development of Russia and its role and place in the emerging new global configuration, interactions with neighbors, primarily with the European Union and China in the context of the prospects of replacing the existing economic model and the upcoming modernization. Need to know life plans, orientation and attitudes of the Russian youth, its ideas about the place of Russia in a changing world. how it links its future with the

■ Мировая политика

future of their country. In the upcoming modernization, the main burden of its implementation will fall on the current young generation of Russians. In this regard, the article analyzes survey results of University students in six Federal districts of Russia.

Key words: interculturality, cross-border regional studies, the concept of good neighborliness, resources, innovative economy, human capital upgrading, and regional peculiarities of mass consciousness of young people.

References

1. Asian Russia. V.1. People and orders in the Urals. SPb, 2014, 380 p.
2. Bogomolov O.T. Reforms in the mirror of international comparisons. M. 2001, 352 p.
3. Vinogradov I. I. the Christian intelligentsia of Russia in the face of historic challenges. Continent. 2011, № 4
4. Twenty years of reforms by eyes of Russians: the experience of many years of sociological measurements. Moscow, 2011. 328 p.
5. Zabayko A.P. Kobyzov R.A., Pankratova L.A. Russian and Chinese: ethnic-migration processes. Blagoveshchensk. 2009, 412 p.
6. Lanko D. A., Osipov M. V. study of the problems of Northern countries and Russia. Vestnik St. Petersburg University. 2004, No. 14.
7. Levi-Strauss. Structural Anthropology. Moscow, 1983.
8. Levitov I. S. Yellow Russia. as a buffer colony, St. Petersburg, 1905, p. 176.
9. The national economy of the USSR in 1979. Statistical Yearbook. M., 1980.
10. Resettlement Society of Asiatic Russia: migration, space community. The XIX-XX and XX-XXI centuries. Irkutsk, 2013.
11. The Regions Of Russia. Socio-economic indicators. M., Rosstat. 2015.
12. Russia 2015. Statistical Handbook. M., 2015.
13. Russia and China. Four centuries of interaction. Russia and China. The history current state and prospects of development of Russian-Chinese relations. M. 2013
14. Simonyan R. Russia and Baltic States. M., Academia, 2003.
15. Social characteristics of St. Petersburg and Shanghai at the beginning of the XXI century (according to the results of comparative sociological research). *Information-analytical bulletin of the Institute of Sociology*. 2010, № 2
16. J. Stiglitz. Where are the reforms? *Problems of Economics*. 1999, № 7.
17. Shirokorad A. B. Russia and Lithuania. M., Veche, 2008.
18. Krugman P. History versus expectations. *The Quarterly Journal of Economics*. May 1991.
19. InvestorSchool.ru

About the authors

Renald H. Simonyan – chief researcher of the Center for North European and Baltic Studies IMI MGIMO (University) MFA of Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Tamara M. Kochegarova – researcher of the Institute of Sociology of RAS, Scientific secretary of the Russian-Baltic Center IS RAS. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

«ОБЩАЯ ТЕОРИЯ» ДЖ. М. КЕЙНСА: ВЗГЛЯД 80 ЛЕТ СПУСТЯ

А.В. Холопов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Дж. М. Кейнс в своей «Общей теории», опубликованной 80 лет назад, подверг пересмотру ортодоксальную неоклассическую концепцию и предложил новое понимание принципов работы рыночной экономики. Основная идея «Общей теории» состоит в том, что уровень занятости зависит от величины эффективного спроса. Кейнс полагал, что значительная часть экономической деятельности определяется иррациональным началом («animal spirits») вследствие существования неустрашимой неопределённости в отношении будущего. По мнению Кейнса, это иррациональное начало является основной причиной экономической нестабильности.

Неопределённость и иррациональное начало в поведении людей порождают нестабильность инвестиций. Кейнс подчеркивал различие между факторами, порождающими риск (который поддается расчёту), и неопределённостью (которую рассчитать невозможно). По этой причине он выступал против излишней математизации экономической теории.

Ещё один важный вклад Кейнса в экономическую науку – переключение фокуса анализа с долгосрочного на краткосрочный период. Вывод «Общей теории» заключается в необходимости государственного регулирования эффективного спроса с целью уменьшения экономических колебаний. Главная роль, которую Кейнс отводил государству, – снизить степень неопределённости и сделать развитие экономики более предсказуемым.

Ключевые слова: кейнсианство, кейнсианская революция, макроэкономика, макроэкономическая политика, неопределённость, иррациональное начало, эффективный спрос, сбережения, инвестиции, мультипликатор, краткосрочный анализ.

В 1936 г. была опубликована работа выдающегося английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег»¹, которая быстро стала исключительно популярной. Это яркий пример того, как научная теория появляется в нужное время и в нужном месте. Великая депрессия, разразившаяся в 1929 г., поставила на грань полного краха экономическую систему промышленно развитых стран и со всей очевидностью показала, что свободный рыночный механизм не способен быстро справиться с возникшими проблемами. Экономисты и политики искали ответы на вопросы, почему стал возможным такой разрушительный кризис и как вывести экономику из затяжной депрессии. Неоклассическая теория, занимавшая к этому времени ведущие позиции в экономической науке, не могла ответить на эти вопросы и потому, по общему признанию, также оказалась в состоянии кризиса. С этой точки зрения, Великая депрессия стала, безусловно, мощным катализатором появления новой теоретической концепции.

Появление «Общей теории» произвело настоящий переворот в экономической теории, получивший вскоре название *кейнсианская революция*. Как отмечал в середине 1960-х гг. известный американский исследователь Б. Селигмен, «невозможно отрицать громадное влияние «Общей теории». Оно отразилось на всех современных экономических исследованиях, в том числе, и принадлежащих критикам Кейнса. Самые непримиримые оппоненты Кейнса стали впоследствии на его сторону». [1, с. 504] В течение почти 40 лет концепция Кейнса занимала доминирующие позиции в экономической науке и экономической политике. Даже Милтон Фридмен, лауреат Нобелевской премии и лидер прямо противоположной школы экономической теории – монетаризма, сказал однажды: «Все мы теперь кейнсианцы».² Президент США Р. Никсон в 1971 г. повторил эти слова.

Во второй половине 1970-х гг. после очередного мирового экономического кризиса маятник предпочтений в экономической науке качнулся в противоположную сторону. Тяжёлые последствия кризиса связали с широким использованием методов государственного стимулирования экономики на основе кейнсианских рецептов. Произошла так называемая «консервативная контрреволюция». На первый план вышли неоклассические концепции – монетаризм, теория предложения, теория рациональных ожиданий, обосновывавшие необходимость ослабить регулируемую роль государства в экономике, предоставив большую свободу рыночному механизму саморегулирования. По словам заместителя главы ФРС А. Блайндера, уже в 1980 г.

«трудно было найти американского экономиста в возрасте до сорока лет, который считал бы себя кейнсианцем». [2, с.367]

Однако экономическая наука непостоянна в своих пристрастиях. Разразился кризис 2007-2009 гг., и уже неоклассические концепции оказались в положении обвиняемого. Именно отсутствие должного контроля за экономикой и, особенно, за финансовыми рынками со стороны государства стало рассматриваться в качестве важнейшего фактора, обусловившего наступление кризиса. И сегодня снова резко вырос интерес к идеям Кейнса. Р. Лукас, также лауреат Нобелевской премии и лидер другой прямо противоположной кейнсианству экономической концепции – теории рациональных ожиданий – заметил в 2009 г.: «Видимо, в условиях экономического кризиса кейнсианцем становится каждый». [3, с. 15]

В этих условиях юбилей «Общей теории» – хороший повод еще раз взглянуть на теорию и практические рекомендации Кейнса. 80 лет – достаточный период времени, чтобы, абстрагируясь от колебаний симпатий и антипатий, носящих, зачастую, конъюнктурный характер, оценить роль Кейнса в экономической науке. Не зря сказал поэт: «Большое видится на расстоянии». Тем более, что за эти годы предпринимались многочисленные попытки не только критики Кейнса, но и расширения его концепции, внесения в нее элементов динамики, соединения с неоклассической теорией и т.д. Как заметил известный историк экономической мысли М. Блауг, «с Кейнсом произошло абсолютно то же самое, что с Рикардо, Марксом, Вальрасом и Маршаллом: его препарировали, интерпретировали, переинтерпретировали, стандартизировали, упрощали, сводили к графикам и альтернативным математическим моделям «Кейнс 1», «Кейнс 2» и т.д., так что в ходе этого процесса он стал автором, которого все цитируют, но никто не читает». [4, с. 608]

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что благодаря Кейнсу в экономической науке возник новый подход к анализу экономических процессов. До него экономическая теория концентрировала своё внимание, главным образом, на микроэкономических проблемах. В центре внимания неоклассиков стояли отдельные фирмы или отдельные рынки, проблемы максимизации прибыли и достижения частичного равновесия. Экономика в целом рассматривалась как совокупность хозяйствующих единиц, и вопросы достижения общего экономического равновесия (чем занимался, в частности, Л. Вальрас) исследовались на базе тех же микроэкономических принципов.

Из концепции Кейнса следует, что неполную занятость и экономические кризисы нельзя

¹ В дальнейшем для краткости и следуя устоявшейся традиции работу Дж.М. Кейнса мы будем называть «Общая теория».

² Хотя впоследствии М. Фридмен утверждал, что его неверно интерпретировали, вырвав эти слова из контекста.

объяснить на микроэкономическом уровне. Они являются специфическими макроэкономическими проблемами, и решаться должны на макроэкономическом уровне. Можно утверждать, что макроэкономика как особый раздел экономической теории стала формироваться лишь после выхода в свет «Общей теории»³.

Конечно, можно вспомнить «Экономическую таблицу» Ф. Кенэ, которую с некоторой долей условности иногда называют первым в истории науки опытом макроэкономического анализа кругооборота продуктов, доходов и расходов. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением Й. Шумпетера, что «истинным предшественником Кейнса был Кенэ» [5, с.385]. Однако, с одной стороны, в «Экономической таблице» можно увидеть лишь зачатки идеи макроэкономических взаимосвязей, которую сам Кенэ даже четко не формулирует. С другой стороны, концепция физиократов в дальнейшем не имела последователей и развития не получила. Потребовалось более полутора столетий, чтобы экономическая наука в лице Кейнса приступила к анализу взаимосвязей между агрегированными величинами, совокупными макроэкономическими показателями – национальным доходом, совокупными потребительскими расходами, инвестициями, сбережениями и т.д.

Анализируя кейнсианскую концепцию важно помнить, что она формировалась в годы Великой депрессии, когда катастрофический уровень безработицы стал реальной угрозой не только для экономической, но и в целом для социально-политической системы промышленно развитых стран. Неслучайно в центре кейнсианской теории стоят факторы, определяющие уровень занятости.

В связи с этим важнейшая заслуга Кейнса состоит в соединении анализа различных рынков – рынков товаров и услуг, рынка труда, денежного рынка – в рамках единой теории. До него проблемы этих рынков рассматривались, как правило, обособленно друг от друга, считалось, что их взаимное влияние невелико. Позиция Кейнса заключается в том, что различные сектора экономики и различные рынки тесно связаны между собой. Совокупный доход зависит от уровня занятости, а занятость зависит от совокупных расходов. Совокупные расходы, включающие потребительские и инвестиционные расходы, в свою очередь, зависят от состояния денежного и в целом финансового рынка. Таким образом, для Кейнса современная экономика представляет собой единый механизм, основный на сложной системе взаимосвязей и взаимозависимостей.

Уровень занятости, конечно, зависит не только от желания рабочих трудиться при данном уровне заработной платы, но и от спроса на труд со стороны предпринимателей. Спрос на ресурсы, как известно, является производным

от спроса на конечный продукт, поэтому занятость должна зависеть от величины совокупного спроса. Предшественники Кейнса в рамках неоклассической теории не уделяли этому фактору занятости достаточно внимания, так как исходили из закона, сформулированного ещё Ж.-Б. Сэем: предложение само порождает спрос, поскольку вся стоимость произведенной продукции составляет совокупный доход общества, который должен быть прямо или косвенно израсходован на покупку продуктов.

Кейнс подверг критике закон Сэя и поставил в центр своего анализа проблему эффективного (фактического) спроса, т.е. такой величины совокупного спроса, которая обеспечивает данный уровень занятости. Он показывает, что именно нехватка эффективного спроса является ключевой проблемой экономики, в результате чего возникают депрессия и неполная занятость. «Корни прославленного оптимизма традиционной экономической теории, приведшего к тому, что экономисты ... учат, что всё к лучшему в этом мире, лишь бы предоставить его самому себе, лежат, на мой взгляд, в недооценке значения тех препятствий для процветания, которые создаются недостаточностью эффективного спроса». [6, с. 65–66]

Ключевая проблема, от решения которой зависит, будет ли совокупный спрос достаточен для обеспечения полной занятости, – это превращение сбережений в инвестиции. Подход Кейнса к анализу этой проблемы принципиально важен для понимания сути и его теоретических взглядов, и практических выводов. Он видел три пробела в экономической науке, которые необходимо было заполнить для создания современной теории занятости: анализ склонности к потреблению, определение предельной эффективности капитала, лежащей в основе склонности к инвестированию, и теория процента.

Основа логики Кейнса – так называемый «основной психологический закон», который он формулирует следующим образом: «Основной психологический закон, в существовании которого мы можем быть вполне уверены не только из априорных соображений, исходя из нашего знания человеческой природы, но и на основании детального изучения прошлого опыта, состоит в том, что люди склонны, как правило, увеличивать свое потребление с ростом дохода, но не в той же мере, в какой растет доход». [6, с. 117] Иначе говоря, недостаточность эффективного спроса может возникать из-за психологической склонности людей к сбережениям. Кейнс неслучайно называет этот закон основным. Он подчеркивает, что «именно в этом психологическом законе следует искать ключ для решения наших практических проблем». [6, с. 63]

Вследствие склонности к сбережениям для поддержания любого данного уровня за-

³ Сам термин «макроэкономика» («macroeconomics») впервые использовал американский экономист Лоренс Клейн в 1946 г.

нотности необходим достаточный объём инвестиций, который компенсировал бы нехватку потребительского спроса. Инвестиции будут увеличиваться до тех пор, пока предельная эффективность капитала будет превышать ставку процента. Идея Кейнса состоит в том, что предельная эффективность капитала зависит не от текущей отдачи, а от ожиданий относительно будущего дохода от капитала. Рассматривая факторы, определяющие предельную эффективность капитала и, соответственно, склонность к инвестированию, Кейнс пишет о воздействии на объём инвестиций различных видов рисков, ненадежности сведений, на основе которых оценивается предполагаемый доход, состояния уверенности, с которым делаются прогнозы, частого преобладания чисто спекулятивных мотивов. Более того, как подчеркивает Кейнс, на принятие решений об инвестировании нередко оказывают воздействие капризы, настроения, желание просто попытаться счастья, т.е. факторы, связанные со спонтанными изменениями настроений инвесторов, что приводит к резким колебаниям объёмов инвестиций и, соответственно, эффективного спроса. «Оценивая ожидаемый размах инвестиций, мы должны поэтому принять во внимание нервы, склонность к истерии, даже пищеварение и реакции на перемену погоды у тех, от чьей стихийной активности в значительной степени и зависят эти инвестиции». [6, с. 169]

Размер инвестиций зависит и от ставки процента. Центральная категория в теории процента Кейнса – предпочтение ликвидности. Дело в том, что, приняв решение об отказе от текущего потребления в пользу будущего потребления, т.е. осуществляя сбережение, человек должен решить, в какой именно форме он будет держать в своих руках распоряжение будущим потреблением. Захочет ли человек сохранить возможность в случае необходимости немедленно потратить свои сбережения или он готов отказаться от такой возможности на какой-то срок? Иными словами, желает ли он сохранить сбережения в ликвидной форме (например, наличные деньги) или готов отказаться от ликвидности (например, купив ценные бумаги). По мнению Кейнса, «норма процента есть вознаграждение за лишение денег и ликвидности на определенный период». [6, с. 172]

Так же, как и в случае со склонностью к сбережениям и предельной эффективностью капитала, в своей теории процента Кейнс большую роль отводит психологическому фактору. Он пишет, что «предпочтение ликвидности определяется предположениями относительно будущей нормы процента, складывающимися под влиянием массовой психологии». [6, с. 175] И далее он формулирует эту мысль еще более

определенно: «...Очевидно, что норма процента – в значительной степени психологический феномен». [6, с. 200]

Рассматривая воздействие инвестиций на совокупный доход и занятость, Кейнс сформулировал свою концепцию мультипликатора⁴. Когда происходит прирост общей суммы инвестиций, совокупный доход увеличивается на сумму, которая превосходит прирост инвестиций в соответствии с величиной мультипликатора. Чем больше предельная склонность к потреблению, тем больше величина мультипликатора и, значит, тем больше сдвиги в занятости, вызываемые данным изменением в размерах инвестиций. И в данном случае Кейнс отмечает, что «значения мультипликатора представляют собой функцию от психологических склонностей населения». [6, с. 135]

Таким образом, согласно концепции Кейнса, ключевые факторы, определяющие величину эффективного спроса и уровень занятости, – склонность к потреблению, предельная эффективность капитала, склонность к инвестированию, норма процента, величина мультипликатора – в значительной степени определяются психологическими мотивами.

Конечно, Кейнс не был первым, кто обратил внимание на роль психологического фактора в экономике. В частности, родоначальники маржинализма обращались к субъективным оценкам индивидуумов при анализе основных экономических категорий. Однако при этом, с одной стороны, предполагалось, что хозяйствующие субъекты принимают рациональные решения и поэтому рыночная экономика в целом эффективно использует имеющиеся ресурсы. С другой стороны, сторонники маржинализма исходили из того, что эти субъективные оценки могут быть количественно измерены либо абсолютно (кардиналистский подход), либо относительно через оценку предпочтений индивидуума (ординалистский подход), либо, наконец, через оценку вероятности принятий того или иного решения. В результате с развитием маржинализма началось широкое применение математики в экономических исследованиях. У. Джевонс, один из авторов маржиналистской революции, отмечал: «Поскольку экономика действительно имеет дело с количествами, она по необходимости всегда была математической по своей сути. Но строгим и обобщающим утверждениям и простоте понимания её количественных законов всегда мешало пренебрежение теми мощными методами выражения, которые с таким успехом применялись в большинстве других наук». [7, с. 70]

Кейнс в этих вопросах занимал иную позицию. Он подчёркивал, что «большинство наших решений позитивного характера ... принимается

⁴ Само понятие мультипликатора впервые было введено в экономическую теорию английским экономистом Ричардом Каном в 1931 г. Концепции Кана и Кейнса близки, но есть и различие. Кан рассматривал мультипликатор занятости, поскольку с его помощью измерялось отношение между увеличением совокупной занятости и приращением первичной занятости в отраслях, непосредственно связанных с инвестициями.

под влиянием одной лишь жизнерадостности (*animal spirits*) – этой спонтанно возникающей решимости действовать, а не сидеть сложа руки, но отнюдь не в результате определения арифметической средней из тех или иных количественно измеренных выгод, взвешенных по вероятности каждой из них». [6, С. 168]

Введя в экономическую науку понятие *animal spirits*⁵ как важного фактора, влияющего на принятие экономических решений, Кейнс поставил под сомнение традиционную для экономической теории еще со времен А. Смита модель экономического поведения человека *homo oeconomicus*, основанную на рациональной оценке затрат и выгод. Видные американские экономисты Дж. Акерлоф и Р. Шиллер подчеркивают: «Подобно тому, как «невидимая рука» Адама Смита является ключевым понятием классической экономической теории, иррациональное начало (*animal spirits*) Кейнса – это основа иного взгляда на экономику, объясняющего неустойчивость, свойственную капитализму». [8, с. 17]

Конечно, люди, как правило, преследуют свои экономические (корыстные) интересы, но при этом они, по убеждению Кейнса, не всегда поступают рационально, хотя и стараются это делать. Точнее говоря, рациональные, с их точки зрения, решения, далеко не всегда бывают верными. Особенно это касается инвестиционной сферы, поскольку в ней необходимо соотносить сегодняшние затраты с доходом, который инвестор ожидает получить в будущем, а будущее никому не известно. В результате экономические решения приходится принимать в условиях неопределенности. Как отмечает известный английский экономист и исследователь кейнсианства Р. Скидельски, «ключевой в теории Кейнса была тема неустранимой неопределенности в отношении будущего». [3, с. 16]

Традиционный подход к анализу принятий решений в условиях неопределенности предполагает оценку рисков. Особенность позиции Кейнса состоит в том, что он проводит различие между риском, который поддается количественной оценке, и неопределенностью, которая возникает в результате случайных действий. Такая неопределенность вообще не имеет никакой вероятности, а следовательно, не может быть оценена и измерена. Критикуя неоклассическую школу, он писал: «Гипотеза о будущем, которое можно рассчитать, ведет к ошибочной интерпретации принципов поведения, к которому нас вынуждает потребность в действии, и к недооценке факторов сомнения, случайности, надежды и страха» [9, с. 366] Действие фактора *animal spirits* (иррационального начала) связано с реакцией людей именно на такого рода неопределенность, которая особенно возрастает в условиях экономической нестабильности.

Если в экономике велика роль факторов, не поддающихся количественной оценке, значит, по мнению Кейнса, разработка и использование в экономической науке сложных математических моделей не имеют большой практической ценности. «... Человеческие решения, поскольку они воздействуют на будущее – в личных, политических или экономических делах, – не могут полагаться на строгие математически обоснованные ожидания, поскольку отсутствует база для их обоснования». [6, с. 169] Отметим, что Кейнс достаточно критически относился не только к излишней математизации экономической науки, но и к эконометрике, называя ее «статистической алхимией». [10, с. 460] Он подчеркивал, что для оценки возможности практического применения эконометрических моделей «требование измеримости всех значимых факторов является чрезвычайно важным. Ведь это обстоятельство исключает из сферы применения ... [эконометрического] метода все те экономические задачи, в рамках которых могут быть значимы политические, социальные и психологические факторы...» [11, с. 436]

Анализ функционирования экономики с позиции психологических мотивов и ожиданий, которыми руководствуются хозяйствующие субъекты, и акцент, который делал Кейнс на факторе неопределенности, и дали ему основание сделать вывод, что рыночный механизм не обеспечивает обязательного и автоматического превращения сбережений в инвестиции, поскольку мотивы, которые определяют склонность к сбережениям, не связаны непосредственно с мотивами, определяющими желание инвестировать.

В этих условиях нет никакой уверенности, что свободно действующий рыночный механизм сможет эффективно согласовать цели огромного количества людей. Кейнс не возлагал особых надежд на «невидимую руку» рынка в деле достижения полной занятости и указывал на «жизненную необходимость создания централизованного контроля в вопросах, которые ныне в основном предоставлены частной инициативе...». [6, с. 336] Конечно, он был против тотального государственного регулирования и подчеркивал, что проблема не в том, что рыночная экономика плохо использует те факторы производства, которые она вообще использует. Проблема состоит в том, что рыночная система использует не все факторы производства, и с этой точки зрения она нуждается в помощи государства. Поскольку недостаточность эффективного спроса, по логике Кейнса, связана, прежде всего, с нестабильностью частных инвестиций, чтобы использовать эффект мультипликации и повысить занятость, важную роль могут сыграть государственные меры, направленные на увеличение эффективного спроса, особенно го-

⁵ В русских изданиях «Общей теории» это понятие обычно переводится как «жизнерадостность». Однако в переводе книги Дж. Акерлофа и Р. Шиллера «*Spiritus Animalis*» используется более общий термин – «иррациональное начало».

сударственные инвестиции. «Я рассчитываю на то, что государство ... будет брать на себя все большую ответственность за прямую организацию инвестиций». [6, с. 170]

Очевидно, что, по логике Кейнса, государство, осуществляя за счет бюджетных ресурсов инвестиции, регулируя ставку процента и в целом управляя эффективным спросом, прежде всего, решает задачу уменьшения неопределенности в целях создания более стабильных и предсказуемых условий для частной предпринимательской деятельности.

Идея неустрашимой неопределенности в отношении будущего красной нитью проходит через всю теорию Кейнса. «...Наши знания о будущем являются колеблющимися, туманными и неопределенными». [9, с. 359] Понятно, что чем более отдаленное будущее мы должны принимать в расчет, тем большим туманом оно покрыто. Из этого вытекает еще одна существенная особенность теоретической системы Кейнса, отличающая её от традиционных неоклассических концепций.

Неоклассики признавали возможность кризисов как временного отклонения экономики от состояния равновесия, но при этом делали акцент на способности рыночной системы в долгосрочном периоде обеспечивать полное и эффективное использование ресурсов благодаря гибкости цен, заработной платы и процента.

Знаменитой стала следующая мысль Кейнса, высказанная, правда, в более ранней работе «Трактат о денежной реформе» (1923 г.): «... Этот *долгосрочный период* – представляет собой ориентир, вводящий в заблуждение при анализе текущих событий. В *долгосрочном периоде* мы все покойники. Экономисты слишком облегчили бы свою задачу и лишили бы её какой бы то ни было ценности, если бы во время бури они могли нам только сказать, что когда шторм закончится, океан будет снова спокоен». [12, р. 80]

Кейнс подчёркивает, что анализ функционирования экономики должен учитывать негибкость («жесткость») цен и заработной платы в *краткосрочном периоде*, в результате чего нарушается нормальная работа рыночного механизма. Как отмечает Й. Шумпетер, для Кейнса «необходимо было осознать, что возникающие и наблюдаемые ситуации являются результатом последовательности краткосрочных событий и краткосрочных реакций на них...» [13, с. 1542] Выявление причин кризиса и определение мер, необходимых для его преодоления, требуют, таким образом, рассмотрения экономики в *краткосрочном периоде*. Именно после появления «Общей теории» в экономической науке обще-

принятым стало разграничение долгосрочного и краткосрочного периодов в макроэкономическом анализе.

Обратим внимание, что выдвигание на первый план краткосрочного периода в экономическом анализе имеет непосредственную связь с реальной практикой государственного регулирования. На экономическую политику, проводимую правительством, огромное влияние оказывают особенности чисто политического процесса. Правительства в современных условиях существуют, как правило, в краткосрочном периоде – от выборов до выборов, т.е. обычно 4 года, а в условиях политической нестабильности, характерной для многих стран, и того меньше⁶. Следовательно, экономическая политика разрабатывается и реализуется, прежде всего, исходя из краткосрочных задач, стоящих перед страной. Поэтому экономическая наука не может не заниматься краткосрочным анализом, имея, конечно, в виду возможные долгосрочные последствия тех или иных мер экономической политики. С этой точки зрения, концепция Кейнса, особенно учитывая её практическую составляющую, представляется сегодня более актуальной, чем некоторые современные теории, по-прежнему делающие акцент на долгосрочных макроэкономических моделях.

Таким образом, мы видим, что Кейнс подверг пересмотру целый ряд фундаментальных теоретических и методологических принципов экономической науки, что и даёт основание говорить о кейнсианской революции. Оценивая значение «Общей теории», можно в полной мере согласиться со словами Р. Хайлбронера, который писал, что «книга была поистине революционной, и никакое другое слово тут не подойдет. Она перевернула экономику с ног на голову...» [2, с. 346]

Несмотря на то, что Кейнс был учеником А. Маршалла и его становление как экономиста происходило в рамках Кембриджской школы, он решительно порвал с классическими традициями и на протяжении всей работы противопоставляет свои взгляды взглядам классиков⁷. Состояние равновесия при полной занятости, которое рассматривалось как основное в неоклассической концепции, по мнению Кейнса, является лишь частным случаем, своего рода исключением из правила. «Я назвал эту книгу «Общая теория занятости, процента и денег», акцентируя внимание на определении «общая». Книга озаглавлена так для того, чтобы мои аргументы и выводы противопоставить аргументам и выводам *классической теории*... Постулаты классической теории применимы не к общему,

⁶ Так, в Италии за последние 40 лет премьер-министры менялись 24 раза (средний срок «жизни» правительства – 1,6 года), в Японии – 23 раза, во Франции – 16 раз.

⁷ Определение классической теории у Кейнса, по его собственному признанию, несколько отличается от общепринятого. К экономистам-классикам Кейнс относит как собственно классическую политическую экономию (Д. Рикардо, Дж. Милля и их предшественников), так и сторонников неоклассической концепции – А. Маршалла, Ф. Эджуорта, А. Пигу.

а только к особому случаю... Более того, характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живем, и поэтому их проповедование сбивает с пути и ведет к роковым последствиям при попытке применить теорию в практической жизни». [6, с.42] И далее: «Весьма возможно, что классическая теория представляет собой картину того, как мы хотели бы, чтобы общество функционировало. Но предполагать, что оно и в самом деле так функционирует, – значит оставлять без внимания действительные трудности». [6, с. 65–66.]

Иными словами, согласно Кейнсу, для рыночной экономики, как правило, характерно состояние неравновесия, когда существует вынужденная безработица, сбережения не равны инвестициям, а уровень совокупного спроса недостаточен для достижения полной занятости. Кейнс на основании своей макроэкономической концепции впервые открыто подверг сомнению традиционный оптимизм классической и неоклассической экономической науки относительно способности рыночного механизма в условиях экономической свободы и невмешательства государства эффективно использовать имеющиеся ресурсы. Одну из своих статей Кейнс так и назвал: «Конец *laissez-faire*». Он убежден, что экономические кризисы неслучайны, а неполная занятость может носить хронический характер, и причина тому – внутренне присущая рыночной экономике нестабильность.

Из кейнсианской теоретической концепции логически следует практический вывод. Если рыночная экономика, функционирующая на основе принципов *laissez-faire*, не всегда в состоянии быстро справиться с депрессией и эффективно восстановить полную занятость, необходимо широкое вмешательство государства. Конечно, и до Кейнса в экономической науке высказывалось мнение, что экономическая роль государства должна быть более активной (Дж. Робинсон, А. Пигу и др.). Однако речь шла, главным образом, о необходимости использовать государство для решения отдельных проблем – ограничения монополий, сокращения отрицательных внешних эффектов, изменения системы распределения доходов и др. Кейнс ставит вопрос о целенаправленном воздействии на всю экономическую систему через изменение эффективного спроса с целью обеспечения полной занятости. Иными словами, кейнсианская революция означала коренной пересмотр экономической наукой соот-

ношения рынка и государства и превращение государственного макроэкономического регулирования в важнейший элемент хозяйственного механизма в современной экономике.

«Общую теорию» Кейнса часто сравнивают с «Богатством народов» А. Смита. Такое сравнение уместно потому, что «Общая теория», как и «Богатство народов», оказала мощное воздействие на всё последующее развитие экономической науки. На базе идей Кейнса сформировалось одно из крупнейших и наиболее авторитетных направлений современных экономических исследований – кейнсианство. У теории Кейнса появились многочисленные сторонники, интерпретаторы, популяризаторы. Возникли и получили широкую известность концепции неокейнсианства, посткейнсианства, нового кейнсианства. Практика государственного макроэкономического регулирования также развивалась во многом в соответствии с рекомендациями Кейнса.

Вместе с тем, появление «Общей теории» стало мощным стимулом и для дальнейшего развития неоклассических концепций, которые, полемизируя с основными положениями кейнсианства, искали новые аргументы в защиту идей экономической свободы и ограничения вмешательства государства в экономику.

Таким образом, после выхода «Общей теории» экономическая наука преимущественно развивалась либо в русле концепции Кейнса, либо в полемике с ней. Однако, оценивая эволюцию экономических концепций за последние 80 лет, важно подчеркнуть, что потенциал кейнсианской революции ещё далеко не исчерпан. В 1930-е гг. Кейнс бросил вызов так называемому *мейнстриму* в науке, в основе которого находились неоклассические теории. Но и в начале XXI в. многие его идеи – от роли неопределенности в экономической жизни до места математики и эконометрики в экономических исследованиях – по-прежнему актуальны и звучат оппозиционно по отношению к сегодняшнему *мейнстриму*. Кейнса без преувеличения можно назвать величайшим экономистом-теоретиком, а «Общую теорию» наиболее значительным произведением в области экономической теории XX столетия. М. Блауг замечает: «Высочайшая дань уважения, которая может быть выражена экономисту, заключается в том, чтобы признать, что экономическую теорию невозможно представить без него. Не правда ли, в отношении Кейнса это верно?» [4, с. 629].

Список литературы

1. Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animalis*, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. 273 с.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд., 1994. 687 с.
3. Джевонс У.С. Краткое сообщение об общей математической теории политической экономии // Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: 1993. с.70-77.

■ Мировая экономика

4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С.37–340.
5. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости. / Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. – С. 356–367.
6. Кейнс Дж. М. Комментарий // Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. – М.: Эксмо, 2007. – С. 459–460.
7. Кейнс Дж. М. Метод профессор Тинбергена // Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 433– 443.
8. Keynes J.M. A Tract on Monetary Reform. New York, Prometheus Books, 2000. 220 p.
9. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. 600 с.
10. Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. 253 с.
11. Хайлбронер Р. Философы от мира сего. М.: КоЛибри, 2008. 432 с.
12. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. Изд. Института Гайдара, 2011. 416 с.
13. Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3-х т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 3. 1664 с.

Об авторе

Холопов Анатолий Васильевич – д.э.н., профессор, декан факультета международных экономических отношений МГИМО МИД РФ. E-mail: akholopov@mgimo.ru.

“GENERAL THEORY” OF J.M. KEYNES: 80 YEARS AFTER

A.V. Kholopov

Moscow State Institute of International Relations (University), Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The Keynes' "General Theory", published 80 years ago, overthrew the neoclassical orthodoxy and created a new understanding of how market economy works. The main idea of the "General Theory" is that the amount of employment depends on the level of effective demand. Keynes believed that much economic activity is governed by "animal spirits" because of the existence of inescapable uncertainty about the future. In Keynes' view these "animal spirits" are the main cause for economic fluctuations. The uncertainty and "animal spirits" make investments unstable. He made distinction between risk (which is measurable) and uncertainty (which is not). This is the reason why Keynes opposed the excessive mathematicization of economics. His another important impact on economics was to switch the focus of economic analysis from the long run to the short term. The message of "General Theory" was that government should manage demand to limit economic fluctuations. The role Keynes gave the state was essentially to reduce uncertainty and to make economy more predictable.*

Key words: Keynesian economics, Keynesian revolution, macroeconomics, macroeconomic policy, uncertainty, animal spirits, effective demand, savings, investments, multiplier, short run analysis.

References

1. Seligman B. Main Currents in Modern Economics. The Free Press of Glencoe, 1963. (Russ. ed.: Seligman B. Osnovnye techeniya sovremennoy ekonomicheskoy mysli. – М.: Progress, 1968. – 600 с.)
2. Heilbroner R. The Worldly Philosophers. Touchstone, 1999. (Russ. ed.: Heilbroner R. Filosofiy ot mira sego. – М.: CoLibri, 2008. – 432 с.)
3. Skidelski R. Keynes: The Return of the Master. N.Y., PublicAffairs, 2009. (Russ. ed.: Skidelski R. Keynes. Vozvraschenie mastera. - М.: ООО «United Press», 2011. – 253 с.)
4. Blaug M. Economic Theory in Retrospect. Cambridge University Press, 1985. (Russ. ed.: Blaug M. Ekonomicheskaya mysl v retrospektive. – М.: Delo Ltd., 1994. – 687 с.)
5. Schumpeter J. Ten Great Economists from Marx to Keynes. Oxford University Press, 1951. (Russ. ed.: Schumpeter J. Desyat velikikh ekonomistov ot Marksa do Keynsa. – Izd. Instituta Gaidara, 2011. – 416 с.)
6. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. Palgrave Macmillan, 1936. (Russ. ed.: Keynes J. M. Obschaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg / Keynes J. M. Obschaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izbrannoe. – М.: Eksmo, 2007. С.37–340)

7. Jevons W.S. Notice of a General Mathematical Theory of Political Economy. L.J. Murray, 1862. (Russ. ed.: Jevons W. S. Kratkoe soobschenie ob obschey matematicheskoy teorii politicheskoy ekonomii. *Teoriya potrebitelskogo povedeniya i sprosa*. SPb.: 1993. p. 70–77)
8. Akerlof G., Shiller R. Animal Spirits. How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism. Princeton University Press, 2009. (Russ. ed.: Akerlof G., Shiller R. Spiritus Animalis, ili kak chelovecheskaya psikhologiya upravlyaet ekonomikoy I pochemu eto vajno dlya mirovogo kapitalizma. M.: OOO «United Press», 2010. – 273 p.)
9. Keynes J. M. The General Theory of Employment. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 51, No. 2 (Feb., 1937), pp. 209–223 (Russ. ed.: Keynes J. M. Obschaya teoriya zanyatosti. / Keynes J. M. Obschaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izbrannoe. – M.: Eksmo, 2007. – C. 356–367)
10. Keynes J. M. Comment // *The Economic Journal*. 1940, Vol. 50, № 197. P. 154–156. (Russ. ed.: Keynes J. M. Kommentariy. / Keynes J. M. Obschaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izbrannoe. – M.: Eksmo, 2007. – 459–460)
11. Keynes J. M. Professor Tinbergen's Method. *The Economic Journal*. 1939, Vol. 49, № 195. P. 558–570 (Russ. ed.: Keynes J. M. Metod professora Tinbergena M. Keynes J. M. Obschaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izbrannoe. Moscow: Eksmo, 2007. P. 433– 443)
12. Keynes J.M. A Tract on Monetary Reform. New York, Prometheus Books, 2000. 220 p.
13. Schumpeter J. History of Economic Analysis. Routledge, 1994. (Russ. ed.: Schumpeter J. Istoriya ekonomicheskogo analiza: v 3 t. SPb.: Ekonomicheskaya Shkola, 2001. V. 3. 1664 p.)

About the author

Anatoly V. Kholopov – Doctor of Economics, Professor, Dean of the School of International Economic Relations MGIMO (University) of the MFA of the Russian Federation. E-mail: akholopov@mgimo.ru.

ДЖ. М. КЕЙНС И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ЭТИЧЕСКИЙ РАКУРС

С.Н. Ивашковский

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье обосновываются нравственно-философские ориентиры крупнейшего экономиста и политического мыслителя XX в. Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946), сыгравшие важную роль в переосмыслении ряда важных положений классической политэкономии и ставшие идейной и методологической основой «кейнсианской революции» и создания новой области экономического анализа – макроэкономики. Автор прослеживает основные этапы формирования этических взглядов Кейнса, показывает, что его интерес к этике как осмыслению морали был продиктован потребностью в новом концептуальном видении экономической действительности и в поиске ответа на главный этический вопрос: «Что делать?». Обращается внимание на то, что понимание Кейнсом этической направленности экономической теории позволило ему занять критическую позицию по отношению к традиционному индивидуализму (традиционному для учёных после Адама Смита) и викторианской морали (скорее, в более общем плане – протестантской морали, тем более что в тексте автор обращается к трудам Зомбарта и Вебера) бережливости и накопительства и сделать вывод, что рациональные и «правильные» с точки зрения отдельного индивида способы поведения не являются гарантией процветания общества. Для достижения последнего Кейнсом была обоснована жизненная необходимость коррекции рыночной системы и «централизованного контроля» со стороны государства за общим уровнем платежеспособного спроса. Подчёркивается, что этические взгляды Кейнса корреспондируют с развивающейся ныне «этикой ответственности» – относительно молодой научной дисциплиной, появление которой связано с рисками, которые несёт с собой техногенная эпоха: загрязнением окружающей среды, дефицитом ресурсов, перенаселением, усилением турбулентности мирового хозяйства. В заключительной части статьи рассматривается один из важных с точки зрения Кейнса пороков капитализма – невротическая склонность людей к умножению «абстрактного (денежного) богатства». Показано, что она уродует не только психику и сознание людей, но и меняет вектор развития рыночной экономики в направлении «спекулятивного капитализма», создающего угрозу цивилизации – созданию, росту материального благополучия и всестороннего развития личности.

Ключевые слова: государственная политика, денежное богатство, инвестиции, макроэкономика, моральные ценности, рыночный механизм, склонность к сбережению, совокупный спрос, экономическая теория, этика, этика ответственности, философия.

Кейнс был одновременно философом, экономистом и исследователем нравов. Он не переставал задаваться вопросом о конечных целях экономической деятельности.
Роберт Скидельски.

Новаторство Дж. Кейнса в экономической теории

В этом году совпали две круглые даты, связанные с именем одного из величайших мыслителей XX в. – британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса: 80-летие выхода в свет самой значительной его книги «Общая теория занятости, процента и денег» и 70-летие со дня смерти её автора. Однако не только эти далёкие от наших дней события послужили стимулом для написания данной статьи, хотя и они сами по себе – серьёзное основание для почитателей таланта этого великого учёного, который стоит в одном ряду с такими гигантами экономической мысли, как Адам Смит, Давид Рикардо, Карл Маркс и Альфред Маршалл. Главная причина в том, что экономическая теория Кейнса оказала глубочайшее влияние на общественное сознание и поведение людей и по сей день остаётся неиссякаемым источником экономико-философских и социально-политических идей для академических, деловых и правящих кругов большинства стран современного мира. Хотя «Общая теория» – сугубо научная работа, и в ней не больше тридцати страниц посвящено практическим рекомендациям, тем не менее, именно эта книга (как, впрочем, и другие работы Кейнса) – тот редкий случай, когда с полным правом можно вспомнить известные слова о том, что «нет ничего практичнее хорошей теории».

Разразившаяся в начале 1930-х гг. Великая депрессия застала экономическую науку врасплох. Экономисты, придерживавшиеся классических взглядов, не могли ни объяснить причин столь масштабного и глубокого социально-экономического бедствия, характеризовавшегося катастрофическим падением производства, массовой безработицей и обнищанием многомиллионных народных масс, ни тем более указать пути выхода из него. Предлагался лишь один рецепт: ждать завершения кризиса, рыночный механизм сам справится с возникшими проблемами и успокоит разбушевавшуюся стихию. С этим Кейнс не мог согласиться, указывая, что «экономисты слишком облегчают свою задачу, если в сезоны бурь могут лишь сказать, что когда шторм окончится, поверхность океана станет гладкой» [6, с. 491].

Публикация в 1936 г. «Общей теории», принесшей Кейнсу мировую славу, была прямой реакцией на Великую депрессию и явилась, по словам Йозефа Шумпетера, «подвигом лидерства». В ней «в аналитической форме» были представлены взгляды автора на сложившуюся в США и Западной Европе социальную и экономи-

ческую ситуацию, а главное – на то, «что делать» [23, с. 1540]. Основной вывод «Общей теории» сводился к тому, что у рыночной системы нет автоматического механизма, который поддерживал бы объём национального производства на оптимальном уровне, исходя из чего именно государство в целях обеспечения полной занятости должно взять на себя ответственность за управление общим уровнем совокупных расходов. При этом новаторство Кейнса, получившее в экономической науке название «кейнсианской революции», заключалось не только в том, что объект анализа был перенесён с деятельности фирм и домашних хозяйств на экономику как единое органическое целое, что позволило ввести в анализ изменение агрегатных величин, и даже не в том, что вместо денег и цен в фокус своего внимания он поставил объём национального производства (дохода) и занятость, а в том, что все ключевые макроэкономические переменные и количественные взаимосвязи между ними «были выражены таким образом, что их можно было квантифицировать и проверить» [2, с. 628].

Тем самым было положено начало новому направлению в развитии общей экономической теории – *макроэкономическому анализу*, который позволил тесно связать экономическую науку с жизнью, выработать реалистичную государственную политику преодоления депрессии 1930-х гг., в основу которой легли практические рекомендации по регулированию воспроизводственного процесса с целью снижения уровня безработицы – главного порока капиталистической хозяйственной системы. В результате кейнсианская экономическая теория знаменовала собой методологический и этический поворот от социально-нейтральной «экономикс» к традициям смитовской «политической экономии» – именно так Кейнс предлагал называть современную ему экономическую науку.

Стоит отметить, что ещё за год до публикации «Общей теории» Кейнс предвидел, что она произведёт переворот в экономическом мышлении и поведении людей. В письме к Б. Шоу он писал: «Чтобы понять моё состояние, ...вы должны знать, что, на мой взгляд, я нахожусь в процессе написания книги по экономической теории, которая совершит переворот в наших взглядах на экономические проблемы – конечно, не прямо сейчас, но на протяжении следующих десяти лет... Я не жду, что вы или кто-либо ещё поверит в это в данный момент времени. Что же до меня, то я не просто надеюсь, что мои слова окажутся правдой, – я вполне в этом уверен» [21, с. 345].

Особую роль идеи Кейнса сыграли после Второй мировой войны. В науке они послужили основой возникновения новых школ макроэкономического анализа – *посткейнсианства*, *неокейнсианства* и *неоклассического синтеза*, в практическом плане стали руководством для составления эффективных правительственных

программ, обеспечивших успешное восстановление послевоенной европейской экономики и её последующее процветание в 1950–1960-е гг. Они и сегодня правят умами большинства учёных, политиков и экспертов, позволяя находить правильные ответы на новые вызовы и риски, порождаемые современной капиталистической рыночной системой, превратившейся в явление планетарного масштаба.

Свидетельством неослабевающего интереса к идеям Кейнса может служить, в том числе, то обилие литературы, посвящённой использованию теоретического наследия Кейнса в установлении количественных закономерностей в соотношении макроэкономических величин, понимании принципов и допустимых пределов государственного вмешательства в рыночные процессы для поддержания как внутреннего, так и внешнего равновесия, которое из года в год появляется на книжных рынках многих стран. В частности, в России в 2011 г. была издана книга известного английского экономиста Роберта Скидельски под символическим названием «Кейнс. Возвращение мастера», в которой автор показывает, что «Великая рецессия» 2007–2009 гг. вновь вывела Кейнса на первый план среди мыслителей-экономистов XX в. [19]. Скидельски также принадлежит масштабная научная биография «Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель», вышедшая на русском языке в двух книгах в 2005 г., за которую автору был пожалован титул пэра [20]. Продолжают публиковаться научные статьи и монографии, в которых анализируются различные аспекты творчества Кейнса, их теоретико-методологическое значение для современных политико-экономических исследований и решения встающих перед странами практических задач. Недавно из-под пера российского экономиста С. Дзарасова вышла книга «Куда Кейнс зовёт Россию?», автор которой, опираясь на разработки Кейнса и его последователей, показывает, как сейчас в России можно было бы создать регулируемую рыночную систему, способную обеспечить устойчивые темпы роста экономики, повышение народного благосостояния и гармонизацию социальных отношений [3].

Формирование философско-этических взглядов Дж. Кейнса

«Общая теория» стала итогом огромной интеллектуальной и научной деятельности, которую Кейнс начал в 1909 г. публикацией в *Economic Journal* статьи «Индексный метод» (премия им. А. Смита). В ней автор попытался установить корреляцию между движением цен в Индии и притоком и оттоком золота. Сбор и анализ статистических данных привёл молодого учёного, как он писал, в состояние небывалого восторга. С того времени Кейнс начал проявлять растущий интерес к научному творчеству. В 1913 г. он написал свою первую книгу «Денежное обращение и финансы Индии». Вскоре он

защитил диссертацию по проблеме вероятности, основные положения которой были опубликованы в 1921 г. в работе «Трактат о вероятности», где автор предстал не столько как математик, сколько как философ, логик и будущий гениальный экономический мыслитель. Это весьма характерно для Кейнса: выбрав в дальнейшем в качестве непосредственной области научного интереса экономическую теорию, Кейнс развивал её, опираясь на широкий арсенал других дисциплин – истории, логики, математики, этики, юриспруденции.

Ещё студентом Кембриджского университета Кейнс стал членом элитного Блумсберийского кружка, объединявшего неординарных английских художников, писателей и интеллектуалов (таких, в частности, как Томас Элиот, Литтон Стрейчи, Эдвард Форстер, Леонард и Вирджиния Вульф), с которыми его связывала тесная и долгая дружба. Основным смыслом своей творческой деятельности участники кружка видели в противостоянии патриархальным устоям викторианской Англии и свойственного ей диктата общественной морали, в защите права человека иметь собственную позицию и подвергать сомнению любые истины, невзирая на авторитеты. Находясь под влиянием новых философских идей, «блумсберийцы» исходили из того, что в жизни и творчестве необходимо следовать индивидуальным моральным нормам, основанным на свободе, любви и дружбе, на собственном независимом разуме, а не на унаследованных от прошлого традициях.

Леонард Вульф писал о чувствах и устремлениях своих единомышленников по кружку: «Мы обнаружили, что живём в эпоху осознанного бунта против социальных, политических, религиозных, моральных убеждений и принципов наших отцов и дедов... Мы старались создать нечто новое; мы были в авангарде строителей нового общества, свободного, рационального, цивилизованного, стремящегося к правде и красоте» [6, с. 488].

Заметное влияние на мировоззрение и этические взгляды Кейнса оказали известные философы, входившие в круг его близких друзей, – Бертран Рассел, Людвиг Витгенштейн и Джордж Мур, а также выдающийся драматург и романист, один из основателей Лондонской школы экономики и политических наук Бернард Шоу. В них Кейнс находил близких себе по духу и взглядам людей, которые достаточно смело обходились с господствовавшей общественной моралью и традиционными представлениями об истории, ниспровергали то, что многие считали аксиомой. Кейнс не разделял социалистических взглядов Шоу и его представлений об СССР как обществе будущего, поскольку сам трижды бывал в Москве (в 1925, 1928 и 1936 гг.) и собственными глазами увидел, что такое «реальный социализм» на деле. Кейнсу была чужда и политико-экономическая теория Карла Маркса, чьи работы он прочитал по рекомендации Шоу. Кейнс был при-

верженцем консервативной идеологии, о чём, в частности, говорят его симпатии к Эдмунду Бёрку – видному англо-ирландскому политическому мыслителю, яркому критику Французской революции и стороннику ограничения роли государства.

«Как я могу принимать [коммунистическую] доктрину, – писал он в 1931 г., – если в качестве своей библии, недоступной никакой критике, она избрала устарелый талмуд, по моему глубоко убеждению, не только избыточный ошибками, но и совершенно бесполезный для современного мира? Как могу я предпочитать лужу, где плавает рыба, самой рыбе, а невежественный пролетариат – буржуазии и интеллигенции, которые, несмотря на все недостатки, задают жизненные стандарты и которым мы обязаны движением человечества вперёд?» [21, с. 358–359].

Вместе с тем Кейнс видел разницу между социализмом «советского образца», основанным на диктатуре, тотальном подавлении свобод и прав личности, и нравственными критериями социалистических идей, под которыми он понимал социальную справедливость и достойный уровень материального благосостояния, чего не мог обеспечить капитализм его времени. В то же время он полагал, что стремление к богатству, дорогу которому открыл капитализм, является средством достижения такого уровня экономического благополучия, когда жизнь станет «разумной, приятной и достойной».

Специфическое интеллектуальное окружение, тяга к философии в сочетании с острой наблюдательностью сделали Кейнса – по словам его жены, русской балерины Лидии Лопуховой – «больше чем экономистом». Сам он считал, что «все эти миры обогащают представление об экономике, позволяя гораздо глубже понять человеческую природу, в отличие от узкопрофессиональной трактовки “человека экономического”» [19, с. 80].

Скидельски отмечает, что Кейнс «больше похож на философа-моралиста, чем на экономиста». Более того: «В душе он вообще не был экономистом. ... Он надевал маску экономиста “для солидности” – так же, как облачаются в тёмный костюм и котелок для работы в Сити. Однако Кейнс не верил в систему идей, которыми жили – и живут – экономисты; он не молился в их храме; это был еретик, лишь соблюдавший приличия. В былые времена его заставили бы отречься от своих идей, возможно, даже сожгли бы на костре. Лишь права, свободы и запросы нового времени позволили Кейнсу привлечь к себе внимание этой научной “церкви”. Только человек, глубоко убеждённый в своей правоте, человек выдающегося ума, полный любви к соотечественникам и всему человечеству, мог взяться за переосмысление значительной части интеллектуальной традиции Запада. Однако именно на это Кейнс и замахнулся, и можно лишь удивляться тому, как много ему удалось сделать» [там же, с. 84–85].

Интеллектуальная тяга Кейнса к социально-философскому осмыслению действительности в значительной степени объясняется и тем, что ещё в студенческие годы он, как и многие сверстники, увлёкся идеями модного в то время британского философа Дж. Мура, читавшего в университете курс лекций по этике и написавшего фундаментальный труд «Принципы этики» (1902) [17]. Статья Кейнса о своих студенческих идейных пристрастиях «Мои ранние верования» (1938) увидела свет уже после смерти автора. В ней он отмечал, что для многих студентов Кембриджа Мур был кумиром, а его нравственная философия стала «религией». «От Мура мы получили то, что он предлагал нам. Он стоял одной ногой перед входом в новый рай, а другой на Сиджвике и Бентаме, с их правилами хорошего поведения. Мы принимали религию Мура, но отказывались принимать его мораль. Но его склад ума становился нашим. Мы заимствовали у него стремление к красоте и правде, идею о том, что главной целью жизни является любовь, творчество, наслаждение эстетическим опытом и стремление к знанию» [22, с. 37].

В этике Мур стоял на позициях интуитивизма – философско-методологической установки, признающей «последним основанием» бытия и познания непосредственное «живое» отношение человека и мира, и отвергающей позитивистское понимание научного знания. Сторонники этического интуитивизма считали, что нормы нравственности и морали нельзя вывести из научного знания о человеке и окружающей действительности, их можно постичь лишь посредством интуиции. Этическая концепция Мура – это концепция автономной этики, которая не может быть обоснована с помощью внешней по отношению к ней реальности, в том числе и религии. Тем самым мораль интерпретировалась как нечто изначальное. В процессе мышления мораль порождает дихотомию, расчленяя мысли человека на два противоположных вектора – добро и зло, добродетель и порок, правильное и неправильное. Первое понятие в этой дихотомии обозначает позитивность человеческой деятельности, второе – негативность, то, чего люди стараются избегать. Этими векторами задаётся система координат, составляющая ценностную основу человеческой деятельности.

Центральное место в этике Мура занимает категория добра (добродетели) – «фундаментальное понятие этики», – на основе которой построена этическая система, что и привлекло внимание Кейнса. Кейнсу импонировало, что Мур различал «добро как таковое» и «добро как средство». Первое является всего лишь понятием (как, например, «жёлтое»), следовательно, оно неопределимо, и, как всякое понятие, постигается интуитивно. Попытки его определения и выведение этики из внеэтических явлений Мур назвал «натуралистической ошибкой», которая мешает понять, что такое добро как «вещь в себе», и в чём заключается его сущность, а значит,

не позволяет прийти к построению правильной этической системы. Философы прошлого, анализируя какое-либо понятие (например, «удовольствие», «трудолюбие», «честность», «бережливость»), обычно называли его добром, а затем «переворачивали» данное логическое суждение и утверждали, что добро – это удовольствие, бережливость, счастье, здоровье и т. д. Так, согласно концепции гедонизма, сердцевину которого составляла доктрина эгоизма, высшим благом и целью жизни признаётся удовольствие: «Моё собственное удовольствие является единственным добром». А в соответствии с учением утилитаризма морально то, что полезно, что «приносит наибольшее счастье наибольшему количеству людей» (Иеремия Бентам).

Таким образом, и гедонизм, и утилитаризм отождествляли добро с пользой, считали, что целью человеческих поступков должно быть стремление извлекать выгоду, пользу, благополучие, независимо от того, идёт ли речь об индивиду или об обществе. Мур категорически возражал против такой постановки вопроса. Удовольствие, трудолюбие, счастье, честность могут быть добром, но добро не может быть сведено к подобным частным вопросам. Тем самым Мур подверг критике все предшествующие этические учения, в особенности, утилитаризм и гедонизм, а также эволюционную этику Герберта Спенсера, которые составляли методологическую основу классической и неоклассической политической экономии.

Согласно Муру, «добро как средство» подразумевает, помимо постижения «добра как такового», анализ связи поступков и порождаемых ими результатов. В его понимании, долг человека – осуществлять справедливость, поэтому «долгом» можно назвать лишь такой поступок, который осуществляет больше добра, чем какой-либо иной одновременно возможный поступок. Поскольку суждения о том, что является «добром как таковым», очевидны сами по себе и для их обоснования нельзя привести никаких доводов, всё, что этика может решить – это «какая из наиболее вероятных альтернатив создаст наибольшую сумму добра» [17, с. 93]. Поэтому этическое значение того или иного поступка надо оценивать не по его абстрактной «внутренней ценности», а по тому, что «если он будет совершён, весь мир станет лучше, чем если будет осуществлена какая-то другая менее ценная сама по себе альтернатива» [там же, с. 89]. Однако людям не дано знать, какой из совершаемых ими поступков в каждом конкретном случае будет иметь наилучшие из всех возможных последствия. Самое большее, на что они могут надеяться, – это ожидание или «вера» в то, что за действием А последует результат В.

Ценность философии Мура для Кейнса-экономиста заключалась, прежде всего, в том, что она помогла ему утвердиться в мысли об этическом характере экономической науки, означавшем выбор таких целей и способов их достиже-

ний, которые способствовали бы продвижению общества по пути прогресса к более цивилизованному состоянию. Путь к такому состоянию он видел в росте материального благополучия, а саму цивилизацию понимал как такое состояние общества, когда долгом каждого человека становится внутренне присущее ему стремление к добру. Кроме того, этические воззрения Мура были для Кейнса важным идейным и духовным фундаментом, на котором формировалось его собственное мировоззрение, независимое от общественного мнения, позволившее ему пересмотреть устоявшиеся стереотипы о рациональности поведения отдельного индивида и оптимальности функционирования экономической системы в целом.

Кейнс не был приверженцем философии рационализма, но, подобно многим другим экономистам, придерживался рационалистической концепции человеческой деятельности. Однако он пришёл к пониманию, что рациональность действий индивида носит ограниченный характер, так как на практике регулируется не только максимизацией его целевой функции (постулат неоклассической теории), но и рядом факторов, ограничивающих строго рациональный расчёт. На поведение индивида могут оказывать влияние его чувства (неуверенность, страх, оптимизм), приверженность тем или иным моральным ценностям, складывающаяся под влиянием традиций, верований и личных убеждений, неопределённость по поводу будущего и т. д. Кейнс считал, что как индивидуальные решения, так и предположения о будущем не только зависят от личных суждений, но в гораздо большей степени определяются «психологией» общества, которое информировано лучше отдельных индивидов, вследствие чего последние пытаются «адаптироваться к поведению большинства или к поведению среднестатистического индивида» [9, с. 114]. Иначе говоря, Кейнс приходит к пониманию, что разум отдельного человека, его убеждения и вера не могут служить достаточными основаниями для рационального поведения индивида. Все текущие решения людей и оценки ими будущего складываются «как результат массовой психологии несведущих индивидов, подвержены резким изменениям под влиянием внезапных колебаний во мнениях» [там же, с. 218].

Следовательно, вывод Мура о рациональности, покоящейся на *вере индивида* в то, что за определённым действием последует соответствующий результат, не стал для Кейнса веским аргументом объективной оценки действительности и правильного прогноза будущего. Не получив удовлетворительного ответа на вопрос об основе рациональной веры, Кейнс сам решил заняться исследованием этой этической проблемы. Ей и была посвящена диссертация по теории вероятности, в которой Кейнс сформулировал свои представления о добре и сугубо *личностной* основе морали. Как пишет Н. Макашова, усилия Кейнса в области этики «были направлены на

продолжение дела Мура по расширению поля "возможностей для индивидуальных суждений" относительно моральных норм и преодолению ограничений, накладываемых на поведение человека любыми установленными нормами, в данном случае – нормами викторианской утилитарной морали. В определённом смысле можно сказать, что Кейнс поддерживал традицию английского интуитивизма против утилитаризма» [5, с. 360].

В диссертации Кейнс занялся исследованием философских аспектов теории вероятности. Он исходил из того, что теория вероятности носит не математический, а логический характер, связанный с проблемой соотношения случайности и необходимости. «Теория вероятности является... логической теорией потому, – писал Кейнс, – что она изучает степень *веры*, которая рациональна в данных условиях, а не просто убеждения отдельных индивидов, которые могут быть, а могут и не быть рациональными» [там же, с. 380]. Представление о вероятности как о логическом отношении, по мнению Кейнса, позволяло распространить понятие вероятности на ситуации, к которым понятие частоты явления неприменимо, поскольку событие может носить уникальный характер с неизвестными последствиями. А это уже давало возможность логически перейти к ситуации неопределённости, представляющей непосредственный интерес для экономического анализа. Понимаемая таким образом вероятность представлялась Кейнсу *объективной*, поскольку речь шла не просто о «вере» (или уверенности) отдельных индивидов, которая может варьироваться от одного к другому и быть *субъективной*, а к *рациональной* вере, отражающей полное и *разумное* использование имеющейся и относящейся к делу информации [там же, с. 368, 395].

Эта полнота индивидуальной информации, как уже отмечалось, относительна, в особенности в части предугадывания будущего. Ожидания отдельного человека могут быть только краткосрочными – это «предположение» о доходе, который он получит, исходя из текущей информации о состоянии рынка. Делая *сбережения*, индивид руководствуется сугубо личными мотивами, игнорируя интересы экономики и общества в целом, в то время как в решении об *инвестициях* он должен учитывать более широкий спектр знаний и информации, которыми он не располагает. Именно поэтому в экономической модели Кейнса инвестиции рассматриваются как весьма нестабильная и неопределённая функция национального дохода. Решения об инвестировании он сравнивал с игрой в азартные игры, где применяются все правила, кроме рационального расчёта. Кроме того, реальные инвестиции в значительной степени зависят и от деятельности фондового рынка и совершаемых там спекулятивных операций: «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным

продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хороших результатов» [9, с. 224].

Уяснив неопределённость поведения субъектов рынка, Кейнс пришёл к выводу о необходимости вмешательства государства в экономику с целью регулирования общего уровня совокупных расходов и «социализации инвестиций». Правительство, по его мнению, располагает несравненно большими возможностями получения информации как о текущем, так и о будущем состоянии экономики и её рациональном использовании на благо всего общества. Вместе с тем, Кейнс не переоценивал «мудрость» правительства и считал, что после того, как оно поддержит иотрегулирует уровень платёжеспособного спроса и обеспечит полную занятость, рынок должен вступить в свои права: «Я не вижу оснований полагать, что существующая система плохо использует те факторы производства, которые она вообще использует... Именно в определении объёмов занятости, а не в распределении труда тех, кто уже работает, существующая система оказалась непригодной» [там же, с. 454].

Таким образом, сформированные в молодые годы философско-этические воззрения Кейнса в немалой степени определили его новаторские экономические взгляды, нашедшие отражение в большинстве его произведений, в том числе в «Общей теории».

Дж. Кейнс: «Экономическая теория – составная часть этики»

Уже в ранних экономических работах Кейнса было видно, что для него, как и для его учителя в Кембриджском университете Альфреда Маршалла, функция экономической науки не сводилась лишь к сбору, систематизации и анализу конкретных фактов хозяйственной жизни и применению полученных знаний к определению конечных результатов действия различных причин. Им было присуще ясное понимание *социальной направленности* экономической науки, важности учёта психологических и моральных мотивов в экономическом поведении людей. Кейнс разделял некоторые сомнения Маршалла в позитивизме экономической науки и его взгляд на то, что экономика имеет дело главным образом с человеческими существами «из плоти и крови», и поэтому «нравственные аспекты личности» и «скрытые источники человеческого поведения» также должны входить в состав сил, которые экономист непременно должен учитывать в своих исследованиях. А для этого ему необходим трезвый и реалистичный взгляд на окружающую действительность, глубокие и многосторонние знания в самых разных областях науки и практической жизни. О том, каким должен быть экономист в представлении Кейнса, можно судить по его словам из некролога на смерть Маршалла в 1924 г.: «Талантливые или хотя бы компетентные экономисты встречаются чрезвычайно редко, несмотря на лёгкость

предмета экономической науки. Этот парадокс объясняется тем, что экономист высшей пробы должен быть наделён редким сочетанием множества способностей. Он должен обладать громадным объёмом знаний в самых разных областях и сочетать в себе таланты, которые редко совмещаются в одном лице. Он должен одновременно быть историком и математиком, государственным человеком и философом. Он должен понимать язык знаков и символов, но уметь выражать свои понятия и концепции словами. Он должен уметь разглядеть в частном общее, одновременно держать в уме и абстрактное, и конкретное. Он должен изучать настоящее в свете прошлого, имея в виду будущее. Ни одну сторону природы человека и его институтов экономист не должен полностью оставлять без своего внимания. Он должен являть собой образец целеустремлённости, объективности и беспристрастности; надменный и неподкупный, словно художник, иногда он должен быть ближе к земле, чем иной политик» [15, с. 16].

Кейнс писал, что большинством из этих способностей («хотя и не полностью») был наделён Маршалл, которого он искренне любил и считал «первым в истории великим экономистом в подлинном смысле этого слова, первым, кто свою жизнь посвятил созданию экономической науки в виде самостоятельного предмета, строящегося на собственных постулатах и отличающегося таким же высоким уровнем научной точности, как естественные или биологические науки» [там же, с. 41]. При этом подчёркивал, что к экономической науке Маршалл пришёл, исследуя проблемы этики, и что решение экономических проблем выражалось у него не в применении гедонистических исчислений, а служило предварительным условием для реализации «высших способностей человека» [там же, с. 14].

По справедливому замечанию Роберта Хайлбронера, этими сказанными в адрес своего учителя словами Кейнс «пролил свет на природу собственного гения», ибо всё это идеальное сочетание качеств было в полной мере присуще ему самому [19, с. 324]. Он был всесторонне образованным, с глубокими знаниями, опытом и обширными интересами человеком – философом, математиком, публицистом, меценатом, коллекционером, руководителем одного из блестящих колледжей в Кембридже – Кинз-колледжа, а в конце жизни – Председателем Банка Англии (центрального банка страны). Уже в детстве было видно, что его ожидает великое будущее. В возрасте четырёх с половиной лет он начал задумываться над экономическим значением процента; в шесть лет его интересовала работа мозга, а через год отец находил Джона «исключительно приятным собеседником» [21, с. 324]. В школе юный Кейнс начал заниматься коллекционированием книг и перед поступлением в университет в его личной библиотеке насчитывалось свыше 300 редких изданий. В

университете он выделялся своими незаурядными математическими способностями и одновременно был первым по классической литературе и истории. Но главной наукой для него, как уже отмечалось, стала философия, в особенности этика.

Прирождённый интеллектуализм Кейнса, стремление к постижению глубинной сути происходящих явлений во многом объясняют, почему в своих трудах по экономике он вдохновлялся этико-философскими идеями, всегда выступал на стороне справедливости, против насилия и нищеты, чем заслужил звание «отца всего того, что было гуманного в экономике XX века» [18, с. 520]. И в научной деятельности, и в практической работе на разных постах в государственных учреждениях Кейнс никогда не упускал из виду соотношение экономической мысли с нравственностью и прямо говорил, что считает экономическую науку скорее разделом нравственной философии, чем естественной дисциплиной. «Я хочу подчеркнуть, – писал он в письме к Рою Харроду, – что экономическая теория является моральной дисциплиной». В письме к архиепископу Йоркскому снова подчёркивал: «...экономическая теория, которую правильнее было бы называть политической экономией, есть часть этики» [13, с. 20].

Одним из ярких примеров этического подхода к государственной политике может служить позиция Кейнса на Парижской конференции (1919), решавшей вопрос общеевропейского устройства после Первой мировой войны. Кейнс выступил с резкой критикой политики «карфагенского мира», предложенной французской делегацией и поддержанной другими участниками форума, в том числе его соотечественниками англичанами, ставившей своей целью возложить все издержки войны на Германию и тем самым нанести ей максимальный экономический урон. Он пытался убедить участников конференции, что закабаление Германии, высокий уровень послевоенных репараций могут привести (и, как известно, привели) к возрождению, причём в куда более серьёзных масштабах, чем прежде, германского милитаризма и реваншистских настроений в обществе. Кейнс выдвинул собственную программу, содержавшую ряд мер по возрождению экономики Германии, её интеграции в послевоенную систему международных отношений, понимая, что эта страна является одним из важнейших звеньев мирового политического и экономического устройства.

Предложения Кейнса были отвергнуты, после чего, отчаявшись в дальнейших попытках повлиять на условия договора, он покинул конференцию, одновременно подав прошение о своей отставке с должности в Британском казначействе. Накануне отъезда Кейнс написал главе английской делегации премьер-министру Ллойд Джорджу: «Я должен сообщить Вам, что в субботу сбегаю со сцены кошмара. Я ничем больше не могу быть здесь полезен. Даже все эти последние

ужасные недели я продолжал надеяться, что Вы найдете какой-то способ сделать договор справедливым и целесообразным документом. Но теперь, судя по всему, слишком поздно. Сражение проиграно» [20, с. 420].

Но Кейнс не отступил от своей принципиальной позиции по главной проблеме конференции и спустя несколько месяцев после её завершения обстоятельно изложил свои предложения в книге «Экономические последствия Версальского договора». Книга стала своеобразной исповедью и одновременно мрачным прогнозом относительно будущего Европы. В то время как страны-победительницы – Англия, Франция, Италия и США – решили воспользоваться своим военно-политическим положением, чтобы заставить поверженную Германию выплатить как можно большие репарации (Ллойд Джордж потребовал от Германии 25–30 млрд фунтов), а большевистскую Россию исключить из решения общеевропейских дел, Кейнс показал близорукость такой дискриминационной и алчной политики. «Договор, – писал он, – не содержит никаких условий экономической реабилитации Европы, ничего, что могло бы превратить Центральные державы в наших добрых соседей, ничего для того, чтобы укрепить новые государства Европы, ничего для того, чтобы вернуть Россию, ничего, что могло бы обеспечить тесную экономическую солидарность между самими союзниками... ничего, что могло бы приспособить систему старого мира к новому. ... Репарации стали для них главным вопросом из области экономики, и они решили этот вопрос как задачу из области теологии, политики или предвыборных фокусов – со всех возможных точек зрения, кроме той, что принимала во внимание экономическое будущее государств, чью судьбу они решали» [8, с. 62].

Вместо выдвинутой западными державами политики экономической блокады России, Кейнс предложил: а) взаимное погашение долгов воевавших стран друг другу, в том числе России; б) возложить на Германию обязанность по поставке в Россию промышленного оборудования в обмен на российское продовольствие и сырьё. Рост производства сельскохозяйственной продукции в России, считал Кейнс, поможет не только ей самой, но и предотвратит голод, надвигавшийся на Европу.

На книгу Кейнса обратил внимание В.И. Ленин и воздал должное содержащемуся в ней объективному анализу послевоенной ситуации в Европе. «Никто не описал так хорошо Версальского договора, – отмечал он, – как это сделал в своей книжке Кейнс» [12, т. 42, с. 67]. Ленин также весьма одобрительно отнёсся к предложению Кейнса о восстановлении сотрудничества между Россией и Западом по линии торговли сырьём и промышленными изделиями и рекомендовал советским издательствам опубликовать «Экономические последствия мира» на русском языке [там же, т. 51, с. 241].

На Западе книга также вызвала широкий общественный резонанс и послужила важной вехой на пути, который вывел Кейнса в число интеллектуальных и нравственных лидеров эпохи. Нравственную и политическую позицию, занятую Кейнсом на конференции и изложенную в книге, высоко оценил Й. Шумпетер. Он писал, что Кейнс «занял бы заслуженное место в истории, даже если бы никогда не занимался научной работой: он всё равно остался бы человеком, написавшим *The Economic Consequences of the Peace* «Экономические последствия мира» (1919), работу, которая получила международное признание, когда люди аналогичной проницательности, но меньшей смелости или люди, равные по смелости, но уступающие в проницательности, безмолвствовали» [23, с. 1540].

В других своих работах, которые также были направлены на решение политико-экономических проблем, Кейнс продолжал выступать носителем новых ценностных ориентиров и этических установок. Это касалось, в частности, его морального неприятия «викторианской» бережливости и накопительства, ранее считавшихся безусловным символом добродетели и залогом процветания и составлявших этическую базу капитализма второй половины XVIII–XIX вв. В отличие от ранних экономистов и философов, видевших в бережливости один из важнейших источников формирования и развития национального капитала и буржуазного образа жизни, Кейнс показал, что в экономике XX в. сбережения выступают серьёзной преградой на пути экономического роста. В его теории производства и занятости сбережения играют роль ключевого фактора («главного злодея» – Шумпетер), порождающего нестабильность капиталистической экономики, постоянно движущейся от процветания к депрессии и обратно. В объяснении того, что растущая бережливость сегодня оборачивается экономическим кризисом и бедностью завтра («парадокс бережливости»), и состоит социально-психологический и этический лейтмотив «Общей теории» [6, с. 489].

Кроме того, надо иметь в виду, что утечка денежного дохода в виде сбережений из кругооборота в реальном секторе экономики усиливается и человеческой «страстью к обладанию деньгами», о которой Кейнс впервые задумался ещё до написания своего главного труда по экономике и в которой усмотрел не только экономическую, но прежде всего серьёзную психологическую и нравственную проблему.

«Любовь к деньгам» как невроз и характерная черта «спекулятивного» капитализма

Ещё в 1928 г. в своей лекции перед студентами Кембриджа и Винчестера, которая позже легла в основу статьи «Экономические возможности наших внуков» (1931), Кейнс высказал беспокойство по поводу «привычек и инстинктов» и «псевдоморальных принципов»

капиталистического общества, которые возвели наиболее отвратительные черты человеческого характера «в ранг высочайших добродетелей». Речь шла о безудержной тяге к накопительству, непомерном желании приобретать и хранить богатство в его «абстрактной» (денежной) форме. Здесь Кейнс следовал традиции классической политической экономии, подвергшей жёсткой критике предшествующую ей теорию меркантилизма, отождествлявшую богатства с деньгами, и рассматривавшей деньги как бесполезное само по себе средство приобретения необходимых для жизни товаров. Людям нужны товары, а не деньги – таков вердикт А. Смита и его последователей. Однако во времена Кейнса уже было очевидно, что на смену капитализму, извлекавшему прибыль из производства товаров, приходит финансовый, «спекулятивный» капитализм, целью которого становится нажива денег за пределами производственного процесса. О такой эволюции капитализма как о тенденции писал ещё К. Маркс, а как о свершившемся факте в самом начале XX в. – немецкие социологи Макс Вебер и Вернер Зомбарт. Последний, в частности, обращал внимание на то, что в докапиталистическую эпоху людям в принципе не свойственна была жажда денег. Основной чертой докапиталистической хозяйственной и культурной жизни была черта «уверенного покоя», тяга людей «к миру благ». И лишь при капитализме «этот покой превращается в беспокойство» – в массовую страсть к наживе «за пределами процесса производства благ, их транспортировки, и даже большей частью за пределами торговли благами» [4, с. 19–25].

Аристотель, который первым наиболее глубоко постиг сущность докапиталистического хозяйства, неслучайно считал наживу денег не принадлежащей к хозяйственной деятельности. Он обращал внимание на то, что добродетельная жизнь может оказаться под угрозой, когда глубоко спрятанные в человеческой натуре алчность и корыстолюбие превращаются в сущностную ценность. «Все, занимающиеся денежными оборотами, стремятся увеличить количество денег до бесконечности... В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично... Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то своё назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процента ведёт именно к росту денег... Этот рост наживы оказывается по преимуществу противным природе» [1, с. 393, 395].

При капитализме, положившем в основу собственного развития психологическую склонность к абстрактному преуспеянию, стремление к беспредельному увеличению де-

нег, преклонение перед деньгами, «денежный фетишизм» (К. Маркс) становятся нормой жизни. Это объясняется тем, что специфической особенностью и внутренней сущностью капитализма, как показал Зомбарт, является разложение хозяйственного процесса на два элемента: реальное производство благ и его коммерциализация. По мере капиталистического развития последняя, оформившаяся в денежно-банковские и финансовые институты (финансовый капитал), начинает постепенно доминировать над производственной деятельностью: «Все хозяйственные явления всё более подпадают под власть финансовых сфер. Идёт ли речь о возникновении нового промышленного предприятия, или о расширении уже существующего, или о доставке средств владельцу крупного рынка для дальнейшего расширения его торгового заведения, – всё это решается в недрах банков. Точно также и сбыт продуктов всё больше становится проблемой финансового искусства. Самые крупные отрасли нашей промышленности, как, например, электрическая, представляют ныне настолько же финансовые общества, насколько и промышленные предприятия. Также и другие отрасли промышленности при завоевании рынка всё больше попадают в зависимость от финансовых и биржевых сделок... Биржа оказывает влияние на цены большинства полуфабрикатов... и многих готовых изделий. Тот, кто хочет остаться победителем в борьбе с конкурентами, должен стать властителем биржи» [4, с. 553].

Выше уже отмечалось, что в развитии производственного процесса как «побочном продукте деятельности игорного дома» видел характерную черту капитализма и Кейнс. При этом он рассматривал охватывающую людей «страсть к деньгам» – в отличие от уважения к деньгам как средству проведения достойной жизни – как невроз, «постыдное заболевание, одно из тех полупреступных, полупатологических наклонностей, вид которых пугает и заставляет обращаться к специалистам по психологическим расстройствам» [10, с. 65]. Постепенно эта ситуация усложняется тем, что у публики настолько усиливается удовольствие от обладания деньгами, что она склонна ценить деньги выше, чем товары, которые на них покупаются. Проклятая «жажда злата» ведёт к тому, что все остальные желания человек отодвигает «на потом». Кейнс иронизирует: «Он любит не свою кошку, а её котят; нет, на самом деле не котят, а котят котят, и так далее до самого конца кошачьего рода. Варенье для него не варенье, если оно не завтрашнее варенье, сегодняшнее ему не нужно. Отодвигая своё варенье в будущее, он хочет, приготавливая варенье, обессмертить своё дело». Не указан источник цитирования.

Для большей убедительности собственного открытия, Кейнс вспоминает сюжет из книги Льюиса Кэрролла «Сильвия и Бруно», где описы-

вается разговор между портным, пришедшим за деньгами к Профессору, которые тот ему должен:

- Я портной, сударь; у меня для вас не-большой счёт.

- А, хорошо, я сейчас быстренько разберусь с ним, – сказал Профессор. Сколько там у вас в этом году, любезный? – обратился он к портному, который в это время входил в вестибюль.

- Извольте видеть, за этот год счёт стал вдвое большим, – неприветливо ответил портной, – и я хотел бы получить деньги немедленно. Всего с вас две тысячи фунтов!

- О, ерунда какая! – беспечно откликнулся Профессор, копаясь у себя в кармане, как будто бы такую сумму он всегда имел при себе. – Но не желаете ли подождать ещё годик, чтобы стало четыре тысячи? Рассудите-ка, насколько вы станете богаче! Вы сможете даже сделаться Королём, если вам этого захочется!

- Ну, Королём я, положим, не собираюсь, – задумчиво проговорил портной, – только это и вправду будет знатная куча денег! Что ж, я бы, пожалуй, подождал...

- Ну конечно! – сказал Профессор. – Вы, как я вижу, обладаете здравым смыслом. Прощайте же, любезный!

- А вы заплатите ему эти четыре тысячи фунтов? – спросила Сильвия, когда портной-кредитор закрыл за собой дверь.

- Никогда, дитя моё! – весело ответил Профессор. – Он будет удваивать свой счёт до самой смерти. Это очень мудро – всякий раз ждать ещё год, чтобы получить вдвое большую сумму денег» [там же].

Интерес Кейнса к накопительному аспекту «страсти к деньгам» привёл его к мысли о том, что народ, который больше всего сделал, чтобы привнести в основу и существо других авраамических религий обещание бессмертия, внёс наибольший вклад и в разработку принципа сложного процента, ставшего сублимацией бессмертия. Этим он объясняет, почему именно евреи отличаются большей озабоченностью «отдалёнными результатами действий, нежели самими действиями» [там же, с. 66]. Здесь он близок к мысли Маркса, считавшего, что евреи были первыми, кто принял «ревностное участие в этом дурном направлении» и сделал «деньги и торгашество» своим «мирским культом» и «мирским богом». Со временем, подчёркивал Маркс, этот «практический дух еврейства стал практическим духом христианских народов». Эмансипация тех и других от торгашества и денег, по его мнению, возможна лишь при такой организации общества, «которая упразднила бы предпосылки торгашества, а следовательно, и саму возможность торгашества» [14, с. 276].

Кейнс также высказал надежду, что в будущем люди смогут избавиться от фетишизации функции накопления денег, когда абстрактные деньги берут верх над всем остальным, и вернуться к некоторым наиболее ясным религиозным

принципам и традиционным добродетелям: что алчность – грех; что давать деньги в рост преступно, а любовь к деньгам отвратительна; что увереннее всех вступает на тропу мудрости и добродетели тот, чьи помыслы меньше всего направлены на завтрашний день [10, с. 67]. Видимо поэтому его заинтересовал советский коммунизм, который, как он считал, мог бы «представлять первые робкие ростки большой религии». Скидельский отмечает, что было время, когда Кейнс видел смысл и назначение большевизма не в экономике, лежавшей в руинах, а в попытке построить общество, осуждающее безмерное личное обогащение как цель жизни. Но посетив вторично Советский Союз в 1928 г., Кейнс пришёл к выводу, «что цена за это кредо слишком высока» [19, с. 176]. Народам придётся ещё долго мириться с этим невротическим расстройством («любовью к деньгам»), которое приводит в движение «мотор капитализма» и обеспечивает тем самым создание материального изобилия, в перспективе устраняющее сам капитализм. На протяжении этого времени люди вынуждены будут притворяться, что «белое – это чёрное, а чёрное – белое, поскольку чёрное полезно, а белое – нет. Ещё долго им придётся культивировать алчность, расчётливость и ростовщичество, которые будут их богами, ибо только эти сомнительные доблести смогут вывести их из тьмы экономической необходимости к свету дня» [10, с. 67].

Важно подчеркнуть, что Кейнс верил и убеждал других в правоте своих этических взглядов и экономических возможностях того, что по мере выработки «жадностью к деньгам» своего полезного потенциала, её власть над людьми будет постепенно устранена, и «в не очень отдалённом будущем» (по его прогнозу – на протяжении ближайших 100 лет) произойдёт «величайшая в истории трансформация глобальных материальных условий человеческого существования». Люди, наконец, получат шанс ценить день нынешний выше завтрашнего, цели – выше средств их достижения, добро – выше пользы. Они по достоинству оценят тех, кто научит их, как прожить каждый день и час разумно и добродетельно, как надо радоваться простым жизненным вещам, подобно тому, как умеют радоваться полевые лилии, которые «не трудятся и не прядут» [там же].

Читая эти строки, может показаться, что Кейнс был утопистом, однако есть все основания полагать, что его рассуждения о достижениях Запада (в частности, Великобритании) «экономического блаженства» не были пустыми. Они строились, во-первых, на реальных расчётах темпов роста капитала и, во-вторых, на соблюдении нескольких условий. Если капитал будет возрастать со скоростью 2% в год, то в отсутствие кровопролитных войн и гражданских потрясений, при стабильной численности населения и учёте рекомендаций науки, уровень жизни за столетие, то есть к 2030 г., повысился бы в 8

раз. Кейнс считал этот уровень достаточным для начала предполагаемой им трансформации материальных условий жизни людей, когда в целом «экономическая проблема будет решена, или, по крайней мере, близка к решению» [там же, с. 62]. «Если она будет решена, человечество избавится от своей традиционной задачи» – борьбы за материальное существование, которая была самой основной и насущной проблемой со дня сотворения мира» [там же, с. 64].

Статистика показывает, что в конце 1920-х гг. британский ВВП на душу населения составлял примерно 5200 фунтов стерлингов (8500 долл.). Соответственно, чтобы описанная Кейнсом перспектива стала реальной, достаточным был бы подушный ВВП англичан немногим более 40 тыс. фунтов стерлингов (66 тыс. долл.). За истекшие 85 лет западные страны существенно продвинулись к указанной Кейнсом цели. В Великобритании ВВП на душу населения в 2014 г. составил почти 42 тыс. долл., то есть по сравнению с 1929 г. вырос в 5 раз. В США он достиг 53 тыс. долл., в Германии и Японии темпы роста ВВП долгие годы превышали американские и британские, и подушный ВВП на ту же дату достиг соответственно 46 и 39 тыс. долл. [16].

Таким образом, весьма вероятно, что к 2030 г. Кейнсова «планка» в 66 тыс. долл. в целом будет достигнута. Означает ли это, что к указанному сроку люди в развитых странах излечатся от того всеобщего «нервного расстройства» («погоны за деньгами»), которое так беспокоило Кейнса? С одной стороны, он, конечно, верил в такую перспективу – ей в основном и была посвящена его статья. С другой, он подчёркивал: «Я с ужасом думаю о привычках и инстинктах, которые вырабатывались у обычных людей на протяжении многих поколений и от которых им, возможно, всего за несколько десятилетий придётся отказаться» [там же, с. 64].

От «денежно-спекулятивной экономики» к «экономике счастья»

Сегодня мы видим, что прогноз Кейнса и его проницательный взгляд в будущее оправдался в том, что касается трудностей выработки капитализмом форм «добродетельной» жизни. Многие социологические опросы и экономические исследования показывают, что по мере того, как западные общества делаются богаче, а жизнь – комфортнее, люди не становятся счастливее. Этот парадокс побуждает учёных разных научных направлений (социологов, философов, психологов, культурологов) задуматься, какие именно условия порождают человеческое счастье и как подготовить для них почву. Всё чаще об этом говорят и экономисты, о чём может свидетельствовать появление «экономической теории счастья». Проблема счастья становится предметом некоторых практических и политических решений. В 2006 г. Британский исследовательский центр New Economic Foundation совместно с некоторыми международными ор-

ганизациями и группой независимых экспертов разработали Всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index) – комбинированный показатель, измеряющий достижения стран с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. В 2012 г. самой счастливой страной было признано небольшое государство в Центральной Америке – Коста-Рика, где индекс составил 64 балла. Характерно, что 9 стран из первой десятки рейтинга – латиноамериканские. Крупные экономически развитые страны оказались в списке значительно ниже. Россия в этом рейтинге заняла 122-ое место с индексом счастья 34 балла.

В отдельных странах также предпринимаются шаги в направлении замены денежного индикатора оценки богатства (ВВП) показателем качества жизни. Дэвид Кэмерон вскоре после избрания лидером британской партии консерваторов выступил с речью, в которой подчеркнул, что «благополучие не может измеряться деньгами или котироваться на рынке». Сегодня Великобритания – первая крупная страна, сделавшая измерение благополучия центральным элементом своей национальной статистики [11, с. 363]. Попытка найти альтернативу ВВП сделана и во Франции. В 2008 г. для пересмотра критериев измерения прогресса в обществе здесь была учреждена специальная комиссия, которую возглавили нобелевские лауреаты Джозеф Стиглиц и Амартия Сен. По итогам её работы президент страны предложил ввести для оценки развития такие параметры, как счастье и доступность услуг здравоохранения, и призвал другие страны последовать опыту Франции. Профессор Лондонской школы экономики Ричард Лэйард в недавно переведённой на русский язык книге «Счастье: уроки новой науки» пишет, что именно стремление человека к счастью должно быть принято государством в качестве золотого стандарта и основы всех политических решений [там же, с. 349–359].

Однако построить «экономику счастья» – непростое дело. Многие экономисты приходят к выводу, что стать богатым гораздо проще, чем стать по-настоящему счастливым, поскольку рост денежного дохода не тождествен росту счастья. Французский экономист Даниэль Коэн обращает внимание на то, что в настоящее время граждане его страны на треть менее счастливы по сравнению с 1950-ми гг., хотя уровень их реальных доходов вырос в два раза. Об этом же говорит и Лэйард: по его данным, в целом для большинства людей на Западе со времён 1950-х гг. счастье не увеличилось [там же, с. 49].

Причину этого явления Коэн видит в том, что экономика и стремление к получению денежных доходов включают людей в конкуренцию, тогда как счастливыми их делает доверие друг к другу, сотрудничество и благотворительность. Лэйард в объяснении этого парадокса ссылается на теорию предельной полезности, согласно которой дополнительный доход приносит больше

всего счастья бедным людям, а по мере того, как доход растёт, счастье от него увеличивается в убывающей прогрессии, но лишь до определённого уровня. Так, если доход американской семьи приближается к 75 тыс. долл., то уровень счастья возрастает, так как приходится меньше беспокоиться о покупке необходимых для жизни материальных благ. Но при более высоком доходе уровень счастья перестаёт зависеть от дохода. Этим и объясняется, почему богатые общества не становятся счастливее бедных. Погоня за деньгами ради получения удовольствия от обладания ими похожа на «наслаждение» от алкоголя или наркотиков – человеку требуются всё новые и новые «дозы денег», чтобы поддерживать соответствующий уровень «счастья». Человек оказывается на беговой «гедонистической» дорожке, по которой приходится бежать без остановки, чтобы счастье не убывало¹. Это ещё одно доказательство того, почему, например, в Великобритании, Японии и США начиная с 1975 г. счастье не растёт, оно застыло на уровне 40-летней давности [там же, с. 54, 66, 73, 77].

Закон убывающей предельной полезности также показывает, что, если деньги посредством налогового механизма или иных инструментов переходят от богатых людям к бедным, то бедные с точки зрения счастья выигрывают больше, чем теряют богатые. В результате среднее счастье в обществе возрастает. Это значит, что в отдельно взятой стране уровень счастья при прочих равных условиях будет тем выше, чем *равномернее* распределяются в ней доходы. И напротив, неравномерность в распределении доходов в обществе – один из наиболее весомых факторов, сдерживающих рост счастья даже при растущем богатстве в стране в целом. Исследования, проведённые в Китае, показывают, что здесь люди менее счастливы из-за разницы в доходах, чем из-за того, что им не на что жить.

В сущности, об этом и писал Кейнс, имея ввиду капиталистическую «денежную цивилизацию», когда внимание людей, их желания и страсти смещаются в сторону погони за материальным, а затем и денежным богатством, которое, однако, не приносит им удовлетворения жизнью. Он также не упустил из внимания «произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов» при капитализме [9, с. 449], и предположил, что в будущем распределение доходов будет намного равномернее. Пока этого не произошло: гигантский рост богатства на одном полюсе повысил средний уровень дохода в развитых странах, однако медианный доход (доход среднего человека в ряду, когда 50% людей получают меньше него, а 50% – больше него) изменился незначительно. Этому Кейнс не учёл и, как пишет Скидельски, «допустил странную для него ошибку: не провёл различия между средним и медианным доходами» [19, с. 180]. Но если вспомнить, что в соответствии с этикой Мура

капитализм с его устремлённостью к богатству рассматривался Кейнсом инструментально – как средство передвижения «из мира нужды в царство блаженства» – то с этими пороками капитализма, как уже отмечалось, на определённое время следует примириться ради благой цели. Но где «точка насыщения», после которой люди станут жить «гармоничной и добродетельной жизнью»? Многие сомневаются, что она когда-нибудь вообще будет достигнута. Об этом хорошо сказал Джордж Оруэлл: «Всякий прогресс представляется отчаянным стремлением к цели, которая – надо надеяться и верить – не будет достигнута никогда» [там же, с. 182]. Видимо, надо надеяться на другое: что люди по мере созревания капитализма сами будут по-новому оценивать свой личный выбор и свою жизненную философию.

Жизненная и творческая биография Дж.М. Кейнса показывает, что стать хорошим, тем более великим экономистом, оставаясь только экономистом, невозможно. Кейнс довольно рано отошёл от позитивистского понимания экономической теории и последовательно отстаивал статус экономики как моральной науки. Он видел её задачу не только в том, чтобы изучать факты, но и ставил вопрос о важности философского видения объекта исследования и чёткого мировоззренческого подхода в научном анализе. Этому в немалой степени способствовала его ранняя увлечённость философией, в особенности этикой, что и привело его к пониманию этической валентности экономической теории.

Тяга к философскому осмыслению действительности и использование «философских прозрений» к постижению сути как природных, так и социальных явлений всегда были присущи великим мыслителям. Можем вспомнить, например, Аристотеля, который, прежде чем написать «Политику», выпустил «Этику», где изложил своё понимание добра и законов нравственной жизни человека. А. Смит был профессором моральной философии в Университете Глазго и за 17 лет до публикации фундаментального трактата по экономике «Богатство народов» издал знаменитую «Теорию нравственных чувств», в которой проанализировал этические стандарты поведения, обеспечивающие социальную стабильность общества. К. Маркс до того, как приступил к написанию «Капитала», опубликовал «Экономико-философские рукописи», «К критике Гегелевской философии права», «Немецкую идеологию», ряд других работ, послуживших этико-философским и социально-политическим ориентиром при создании «политической экономии рабочего класса». А. Маршалл в Книге I «Принципов экономической науки» в систематизированном виде изложил то, что можно назвать философией экономической теории.

У Кейнса прослеживается тот же путь: сначала он надёжно освоился в мировоззренческих

¹ Как тут не вспомнить известный афоризм Козьмы Пруtkова: «Счастье не в счастье, а в достижении».

дисциплинах, сформировал свой философско-нравственный базис, после чего приступил к написанию главного труда своей жизни, ставшего вершиной в построенной им экономической теории. И хотя в «Общей теории» нет специального философского обоснования исследуемых там проблем, по своему духу и содержанию эта работа имеет чётко выраженную аксиологическую (ценностную) направленность. В основе «Общей теории» лежало видение Кейнсом, говоря словами Шумпетера, «стареющего английского капитализма», чья «атеросклеротическая экономика» стремительно утрачивала свою способность к омоложению «из-за сохранения старых привычек к сбережению, сформировавшихся во времена богатых возможностей» [23, с. 1541]. В ней также были раскрыты не выявленные прежними школами политической экономии существенные черты капиталистического хозяйства: неопределённость экономических процессов, стохастический характер поведения рыночной системы и вероятностный образ проявления экономических законов. В результате Кейнс сформулировал новую – этическую по своей сути – задачу для экономической теории, которая должна быть нацелена на поиск и обоснование наиболее эффективных хозяйственных решений. Главный вывод, следующий из проделанного им экономического анализа и отвечающий на ключевой вопрос этики – «Как поступить наилучшим образом?» – сводился к необходимости использования фискальной политики государства в качестве средства преодоления «провалов рынка», его неспособности обеспечить работой всех, кто хочет и может трудиться. Безработица, которая раньше рассматривалась как социальная проблема, а её решение было уделом церкви и благотворительности, но не власти, в экономической теории Кейнса сформулирована в контексте морально-политической ответственности государства. Массовая безработица не может быть принята и оправдана этически: какой бы вынужденной и неизбежной с точки зрения микроэкономики и бизнеса она ни была, это моральное зло, с которым можно и нужно вести непрерывную борьбу.

Новаторская методология и «этический образ мышления» позволили автору «Общей теории» совершить «кейнсианскую революцию» в экономической науке, приведшую к рождению новой научной парадигмы – *макроэкономики*. Нельзя не согласиться с Н. Макашовой в том, что именно «признание этической направленности экономической теории, необходимости ориентировать её на постановку и решение тех проблем,

которые общество считает особенно важными или будет считать таковыми, составляет *суть кейнсианской революции*» [13, с. 14].

На языке современных философов этические взгляды Кейнса, понимание им моральной ответственности экономической науки и правительственной политики полностью вписываются в развивающуюся в последнее время «этику ответственности». Центральный пункт этики ответственности, как отмечает российский философ В. Канке, – вопрос «об изобретении ценностей», а также предложения по тому, как следует действовать тем, кто принимает управленческие решения, в том числе в экономической сфере [7, с. 268]. Ценности, изобретённые и воплощённые Кейнсом в «Общей теории», позволившие ему прийти к революционным выводам в экономической науке, сыграли со временем такую же революционную роль в практике, причём не только внутреннего, но и внешнего макроэкономического регулирования. К концу жизни Кейнс располагал таким интеллектуальным авторитетом, что мог предложить собственный проект перестройки не только национальной, но и международной экономики. Выдающимся достижением, которым он мог бы гордиться не меньше, чем своей экономической теорией, является успешная деятельность таких институтов, как Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация и Всемирный банк, у истоков создания которых он стоял.

В заключительной части «Общей теории» Кейнс высказал очень важную мысль, которую всем нам не мешало бы помнить. Он говорит о том, что люди всегда ждут глубокого и честного диагноза социальных проблем и готовы принять и испробовать на деле всё, что обещает хоть какой-то шанс на успех. Но следует понимать, что в долгосрочной перспективе судьбы определяют «не безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба» и не «силы корыстных интересов», а те, кто занимается интеллектуальным творчеством. «Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром ... рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла» [9, с. 457, 458].

Этими словами хочется закончить статью, потому что они как нельзя лучше характеризуют идеи самого Кейнса, которые вот уже 80 лет служат интересам добра и при этом выступают надёжным заслоном от сил зла.

Список литературы

1. Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2006. 142 с.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. 4-е изд. М.: «Дело Лтд», 1994. 720 с.
3. Дзарасов С. Куда Кейнс зовёт Россию? М.: Алгоритм, 2015. 304 с.
4. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис-пресс, 2004. 624 с.

5. Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 671 с.
6. История экономических учений. Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашовой. М.: ИНФРА-М, 2000. 784 с.
7. Канке В.А. Философия для экономистов. Учебник. 3-е изд. М.: Омега-Л, 2011. 411 с.
8. Кейнс Дж.М. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. 543 с.
9. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Экономика, 1978. 157 с.
10. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков. Вопросы экономики, 2009, № 6. С. 60–69.
11. Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. 416 с.
12. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 тт. 5-е издание. М.: Изд-во политической литературы. 1972.
13. Макашова Н. Этика и экономическая теория. Общественные науки и современность. 1992, № 3. С. 12–26.
14. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года и другие философские работы. М.: Академический Проект, 2010. 775 с.
15. Маршалл А. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2008. 832 с.
16. Мир в цифрах – 2016. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 272 с.
17. Мур Дж.Э. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984. 327 с.
18. Сеймур-Смит М. 100 величайших книг, которые потрясли мир. М.: РИПОЛ классик, 2004. 592 с.
19. Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 253 с.
20. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель. Кн. 1. М.: Московская школа политических исследований. 2005. 784 с.
21. Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего. М.: Колибри, 2008. 432 с.
22. Шестаков В.П. Джон Мейнард Кейнс и судьба европейского интеллектуализма. СПб.: Алетейя. 2015. 172 с.
23. Шумпетер И.А. История экономического анализа: в 3-х тт. Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 3. 678 с.

Об авторе

Станислав Николаевич Ивашковский – к.э.н., заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных дел России; профессор ИБДА Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: stanislav.ivashkovskiy@mail.ru.

J. M. KEYNES AND HIS ECONOMIC THEORY: AN ETHICAL PERSPECTIVE

S.N. Ivaskovsky

Moscow State Institute of International Relations (University), Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article examines the philosophical and moral foundations of the biggest economist and political philosopher of the 20th century John Maynard Keynes (1883–1946), who played an important role in rethinking a number of important provisions of the classical political economy and in creating the ideological and methodological basis of the "Keynesian revolution" and of the new field of economic analysis-macroeconomics. The author traces the main stages in the formation of ethical views of Keynes, shows that his interest in ethics as the system of values in society was dictated by the need for the new conceptual vision of economic realities and by the search of an answer to the main ethical question: "What should we do?". Attention is drawn to the fact that an understanding of the ethical orientation of economic theory by Keynes allowed him to take a critical stance towards traditional individualism and Victorian morality of thrift and moneymaking and to conclude that rational and "right" forms of individual behaviour are not a guarantee of the prosperity of society as a whole. To achieve the latter Keynes justified the necessity of "central control" by the State of the overall level of aggregate expenditure. It is stressed that the ethical views of Keynes correspond with the concept of the "ethic of responsibility" – a relatively new scientific discipline, which originated as a response to the risks of technogenic era: pollution, resource constraints, overpopulation, lack of stability of the world economy. The final part of the article analyzes one of the most important, from the point of view of Keynes, vices of capitalism – reckless proclivity of people to the multiplication of "abstract monetary wealth". It is shown that it doesn't only disfigure the psyche and*

consciousness of people, but also changes the direction of development of the market economy towards "speculative capitalism", which creates a threat to civilization, creativity, well-being and full development of the individual.

Key words: public policy, monetary wealth, investing, macroeconomics, moral values, market mechanism, propensity to save, aggregate demand, economics, ethics, ethics of responsibility, philosophy.

References

1. Aristotle. Politics. 2nd Ed., Chicago, University of Chicago Press, 2013, 320 p. (Russ. Ed.: Aristotel. Politika. Moscow, AST, 2006. 142 p.)
2. Blaug M. Economic Thought in Retrospect. 5th Ed., Cambridge New York, Cambridge University Press, 1997, 752 p. (Russ. Ed.: Blaug Moscow., Ekonomicheskaya mysl v retrospective, Moscow, Delo Ltd., 1994, 720 p.)
3. Dzarasov S. Kuda Keynes zovet Rossiiu? [Where does Keynes call Russia?], Moscow, Algoritm, 2015, 304 p. (In Russian)
4. Sombart W., Der Bourgeois [The Bourgeois]. München und Leipzig: Duncker & Humblot, 1913. (In German) Sombart W. Die Juden und das Wirtschaftsleben [The Jews and Economic Life]. Leipzig: Duncker, 1911. (In German) (Russ. Ed.: Sombart W. Burzhua. Evrei i khoziaistvennaia zhizn, Moscow, Iris Press, 2004, 624 p.)
5. Istoki: sotsiokul'turnaia sreda ekonomicheskoi deiatel'nosti i ekonomicheskogo poznaniia [Origins: socio-cultural environment of economic activity and economic knowledge]. Moscow, Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki [Pub. House of the higher school of Economics], 2011, 671 p. (In Russian)
6. Istoriia ekonomicheskikh uchenii [History of economic doctrines], edited by Avtonomov V., Anan'ina O., Makashova N. Moscow, Infra-m, 2000, 784 p.
7. Kanke V. A. Filosofii dlia ekonomistov [Philosophy for the economists], 3rd edition. Moscow, Publishing House Omega-l, 2011, 411 p. (In Russian)
8. The Collected Writings of John Maynard Keynes, 2nd edition. Cambridge University Press, 2012 (Russ. Ed. Keynes J.M. Izbrannye proizvedeniia, Moscow, Economics, 1993, 543 p.)
9. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money, London. Macmillan, 2007 (Russ. Ed.: Keynes J.M. Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg, Moscow, Economics, 1978, 157 p.)
10. Keynes J.M. Economic Possibilities for our Grandchildren, Essays in Persuasion. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1963, p. 358–373 (Russ. Ed.: Keynes J.M. Ekonomicheskie vozmozhnosti nashikh vnukov, Voprosy ekonomiki, 2009, no. 6, p. 60–69)
11. Layard R. Happiness: lessons from a New Science. London, Penguin Books, 320 p. (Russ. Ed.: Layard R. Schast'e: uroki novoi nauki, Moscow, Pub.: Institute of Gaidar, 2012, 416 p.)
12. Lenin. Collected Works, Vol. 1–45, Beekman Books, 1975. (Russ. Ed.: Lenin. Polnoe sobranie sochinenii v 55 tomakh, 5th Edition, Moscow, 1958.)
13. Makashova N. Etika i ekonomicheskaya teoriia [Ethics and economics.]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social science and modernity]. 1992, no. 3. (In Russian)
14. Marx K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 in The Marx-Engels Reader. New-York, Norton and Company, 1978 (Russ. Ed.: Marx K. Ekonomiko-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie filosofskie raboty. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2010. 784 p.)
15. Marshall A. Principles of Economics, 8th Ed., London, Macmillan and Co., 1920 (Russ. Ed.: Marshall A. Osnovy ekonomicheskoi nauki. Moscow, Eksmo, 2008, 832 p.)
16. Mir v cifrah – 2016 [Pocket World in Figures, 2016, Edition]. 272 p.
17. Moore G.E. Principia Ethica. Dover Publications, 2004, 256 p. (Russ. Ed.: Moore G.E. Printsipy etiki. Moscow, Progress, 1984, 327 p.)
18. Seymour-Smith M. The 100 Most Influential Books Ever Written. New York, MJF Books – Fine Communications, 1998. (Russ. Ed.: Seymour-Smith M. 100 velichaishikh knig, kotorye potriasli mir. Moscow, RIPOL klassik, 2004, 592 p.)
19. Skidelsky R. Keynes: The Return of the Master. London: Allen Lane (UK) and Cambridge, MA: PublicAffairs (US), 2009. 240 p. (Russ. Ed.: Skidelsky R. Keynes. Vozvrashchenie mastera, Moscow, 2011, 253 p.)
20. Skidelsky R. John Maynard Keynes 1883—1946: Economist, Philosopher, Statesman. New York: Macmillan, 2004. 800 p. (Russ. Ed.: Skidelsky R. John Maynard Keynes. 1883–1946. Ekonomist, filosof, gosudarstvennyi deiatel. Kniga 1, Moscow, 2005, 784 p.)
21. Heilbroner R.L. The Worldly Philosophers: The Lives, Times and Ideas of the Great Economic Thinkers, 7th Ed., Touchstone, 368 p. (Russ. Ed.: Heilbroner R. Filosofiy ot mira sega. Moscow, Publishing House Kolibri, 2008, 324 p.)

-
22. Shestakov V. P. Dzhon Meinard Keins i sudba evropeiskogo intellektualizma. [John Maynard Keynes and the fate of the European intellectuality]. Saint Petersburg, Aleteiia, 2015, 172 p. (In Russian)
 23. Schumpeter J.A. History of economic analysis. Taylor & Francis e-library, 2006. (Russ Ed.: Schumpeter J.A. Istoriia ekonomicheskogo analiza in 3 volumes, Saint Petersburg, Ekonomicheskaiia shkola, 2001, vol. 3, 678 p.

About the author

Stanislav N. Ivaskovsky – PhD in Economics, associate professor, head of the department of economics in Moscow State Institute (University) of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: stanislav.ivashkovskiy@mail.ru.

ВКЛАД ДЖ. М. КЕЙНСА В АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

М.А. Козлова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье анализируется вклад Джона Мейнарда Кейнса в изучение психологических мотивов, влияющих на экономическое поведение людей. Рассмотрены истоки анализа психологических мотивов в экономике до Кейнса. Проанализировано соотношение рациональных и иррациональных мотивов экономического поведения в кейнсианской теории. Показано, что изучение Кейнсом поведения экономических агентов в условиях неопределённости и неполноты информации способствовало разработке теории ограниченной рациональности Гербертом Саймоном. Рассмотрен вклад Кейнса в формирование новой «кейнсианской» модели человека, предполагающей необходимость выбора в условиях ограниченной информации, важность ожиданий экономических агентов, учёт психологических и социальных факторов, влияющих на экономическое поведение. Рассмотрены основные психологические закономерности поведения потребителей, инвесторов и участников финансовых рынков, выделенные Кейнсом («основной психологический закон», предполагающий снижение предельной склонности к потреблению с ростом дохода, предпочтение ликвидности, влияние «психологии рынка» и чередования периодов пессимизма и оптимизма на поведение инвесторов), и их актуальность в настоящее время. Показано развитие идей Кейнса в теории «иррационального начала» Джорджа Акерлофа и Роберта Шиллера и в гипотезе финансовой нестабильности Хаймана Мински. Подробно рассмотрено понятие «мультипликатора доверия», введённое Акерлофом и Шиллером, и возможности оценки уровня потребительского доверия в современной экономике. Изучение Кейнсом психологических мотивов экономического поведения способствовало появлению на стыке экономики и психологии новых научных дисциплин, таких как экономическая психология и поведенческая экономика.

Ключевые слова: Джон Мейнард Кейнс, психологические мотивы экономического поведения, теория иррационального начала Акерлофа и Шиллера, гипотеза финансовой нестабильности Мински, основной психологический закон, мультипликатор доверия, экономическая психология, «кейнсианская» модель человека, теория ограниченной рациональности, психология рынка.

Джон Мейнард Кейнс оказал большое влияние на развитие экономической теории. Он заложил основы целого ряда новых направлений экономической мысли. С его именем связано становление макроэкономики как самостоятельной науки, обоснование необходимости государственного вмешательства в экономику за счёт проведения налогово-бюджетной и кредитно-денежной политики. В своих работах Кейнс уделял большое внимание изучению кризисных явлений и проблемы неполной занятости, анализу выбора в условиях неопределённости. Кейнс был одним из разработчиков Бреттон-Вудской системы. Будучи новатором во многих областях экономической науки, Кейнс привлёк внимание экономистов и к изучению психологических факторов, влияющих на поведение потребителей, производителей, инвесторов и участников финансового рынка. Тем самым он способствовал созданию новой модели экономического поведения.

Анализ психологических мотивов в экономике до Кейнса

Истоки анализа психологических мотивов экономического поведения можно найти у одного из основных представителей классической школы – Адама Смита. В книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) он писал, что в основе разделения труда лежит склонность человеческой природы к торговле [17, с. 22]. Обменивая свой товар на другой, каждый человек преследует при этом собственную выгоду. «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их собственному эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах» [там же, с. 28]. Позже основатель утилитаризма Иеремия Бентам сформулировал принцип человеческого поведения, предполагающий максимизацию удовольствия и минимизацию страданий. Подобное понимание человеческой природы легло в основу модели Homo economicus, в которой человек рассматривается как рациональный максимизатор полезности в условиях полноты информации и полной рациональности.

Альфред Маршалл в своей книге «Принципы политической экономии» (1890) также рассматривал рациональное поведение потребителей и производителей, отмечая при этом, что человек «подвержен влиянию личных привязанностей, представлений о долге и преданности высоким идеалам» [11, с. 66]. На поведение потребителей влияют тяга к разнообразию, стремление привлечь внимание и жажда признания, а на поведение производителей – стремление получить удовлетворение от проявления своих способностей, стремление к соревнованию и инстинкт приобретения власти. Маршалл видел преимущество экономической теории именно

в том, что вместо качественной оценки субъективных мотивов и склонностей людей она предоставляет возможность количественного учёта побудительных мотивов, выраженных суммой денег, которую люди готовы заплатить за товар или получить за свой труд. Дальнейшее развитие неоклассической школы шло по пути математизации, пока Джон Мейнард Кейнс вновь не привлёк внимание исследователей к анализу психологических мотивов экономических агентов.

Рациональное и иррациональное начала при принятии решений

Кейнс считал, что при принятии решений участники рынка имеют дело с неустранимой неопределённостью [13]. Не зная точно, что ждёт их в будущем, экономические агенты вынуждены принимать решения на основе своих ожиданий и предположений. Пытаясь понять мотивы человеческих поступков в условиях неопределённости, Кейнс заинтересовался тем, как именно люди оценивают вероятность наступления тех или иных событий. В «Трактате о вероятности» (1921) он предположил, что «вероятность следует рассматривать не как характеристику реальных событий, а как меру логического отношения между суждениями, выраженную степенью рациональной веры, или разумной уверенности в истинности некоторого суждения» [10, с. 149]. При вынесении суждения люди не просто следуют своим настроениям и капризам, а анализируют всю информацию, доступную им в настоящий момент, и на её основе формируют свои ожидания. Рациональность в данном случае предполагает рациональность самого процесса рассуждения, при этом поступление новой информации не делает предыдущий выбор неверным, а меняет степень уверенности индивида в наступлении того или иного события, заставляя пересматривать свои прогнозы на будущее и переоценивать вероятность событий.

Позже эта идея Кейнса нашла дальнейшее развитие в концепции ограниченной рациональности, разработанной в 1950-е гг. Гербертом Саймоном. Американский учёный отмечал, что сложившееся в неоклассической экономической теории представление о человеке как о рациональном максимизаторе не соответствует действительности, поскольку ограничены как возможности сбора и анализа информации, так и мыслительные способности человека. Поэтому «в сложных ситуациях, скорее всего, будет наблюдаться значительное различие между реальными условиями принятия решений ... и тем, как эти условия воспринимаются непосредственными участниками событий» [14, с. 26]. Исследовательский интерес представляет не только рациональность самого решения, но и рациональность процедуры принятия решения: сравнение издержек поиска дополнительной информации с ожидаемыми выгодами от полученной информации, принятие коллективных

решений для уменьшения неопределённости и преодоления ограниченности интеллектуальных способностей людей.

Идеи Кейнса и Саймона легли в основу новой, кейнсианской? модели человеческого поведения. Она построена с учётом неполноты информации, а также психологических, социальных факторов и ожиданий, влияющих на поведение людей, рациональность которого ограничена [9]. Большая приближённость к реальной жизни, возможность анализа принимаемых решений в условиях неопределённости относятся к преимуществам этой модели. Однако критики, как например Джордж Стиглер, отказывали теории ограниченной рациональности в принципиальной новизне, полагая, что её отличие от концепции максимизации ограничивается учётом издержек на получение и переработку информации.

Кейнс считал, что поведение людей не всегда определяется только рациональными мотивами: «заметная часть наших действий, поскольку они направлены на что-то позитивное, зависит скорее от самопроизвольного оптимизма, нежели от скрупулёзных расчётов, основанных на моральных, гедонистических или экономических мотивах» [6, с. 349]. Он полагал, что стремление людей действовать определяется жизнерадостностью, «животными инстинктами» (animal spirits), спонтанно возникающей потребностью к активным действиям. При этом периоды жизнерадостности и уныния сменяются друг друга. В 1963 г. Кейнс писал: «Сейчас мы переживаем острый приступ экономического пессимизма» [7, с. 60], объясняя такое состояние падением темпов экономического роста и повышения уровня жизни. Кейнс выделял два вида общественного пессимизма: пессимизм революционеров, считающих, что изменить ситуацию могут лишь кардинальные изменения, и пессимизм реакционеров, не готовых идти на рискованные эксперименты в сложной ситуации.

Как писал Кейнс, под гнётом пессимизма предпринимательство «хиреет и испускает дух» [6, с. 349], даже если вероятность убытка столь же мала, как и вероятность получения прибыли в период оптимизма. Чередование оптимизма и пессимизма Кейнс связывал с неопределённостью и недостаточным владением информацией. Ощущение неопределённости само по себе способно нарастать и убывать со временем, поскольку в некоторые периоды люди уверены в будущем, а в другие – нет. При высокой степени уверенности экономика процветает, а при низкой – наоборот. Неопределённостью он объяснял и то, что атмосфера мрачных ожиданий может сохраняться в течение длительного времени, даже после того, как возникнут объективные предпосылки для экономического подъёма. Чтобы разумный расчёт предпринимателей, подкреплённый жаждой деятельности, привёл к устойчивому экономическому подъёму требуется импульс в виде воодушевляющих событий.

При этом Дж. М. Кейнс подчёркивал: «... нельзя делать вывод о том, что всё на свете зависит от игры иррациональных сил человеческой психологии» [там же, с. 350]. По мере возможности предприниматели и потребители пытаются просчитывать последствия своих действий, отбирать наилучшие альтернативы, производить разумные расчёты. Иррациональность экономического поведения нельзя полностью устранить, но можно попытаться уменьшить её воздействие на поведение экономических агентов, предотвратить очередную волну пессимизма. Соответствующие рекомендации были даны Кейнсом в очерке «Конец *laissez-faire*» (1926) [5, с. 277]. Для преодоления неопределённости и незнания государство могло бы «направлять общество по разумному пути» с помощью грамотного кредитно-денежного контроля, а также сбора и широкого распространения экономической информации. Развивая эту мысль, можно сказать, что эти меры позволили бы решить и проблему асимметричности информации, являющейся одним из проявлений фиаско рынка.

Таким образом, Кейнс считал, что поведение и потребителей, и производителей основано на соотношении рациональных и иррациональных мотивов при принятии решения в условиях неопределённости и недостатка информации о будущих событиях. Остановимся подробнее на психологических мотивах поведения инвесторов и участников финансовых рынков, с одной стороны, и потребителей, с другой стороны.

Психологические мотивы поведения экономических агентов

При анализе поведения потребителей Кейнс уделял особое внимание вопросу о том, как потребители решают, какую долю дохода им следует сберегать, а какую они будут тратить. Кейнс считал, что предельные склонности к потреблению и к сбережению зависят как от объективных, так и от субъективных психологических факторов. К субъективным факторам, мотивирующим сбережения домашних хозяйств, он относил осторожность (стремление образовывать резерв на случай непредвиденных обстоятельств), предусмотрительность (откладывание денег для выхода на пенсию и предоставления образования детям в будущем), расчётливость (получение процентов по вкладу), стремление к лучшему (повышение своего жизненного уровня в будущем), независимость (достаточная сумма денег в будущем для принятия самостоятельных решений), предприимчивость (накопление достаточной суммы денег для осуществления коммерческих и спекулятивных операций), гордость (стремление оставить состояние наследникам) и скупость (предубеждение против траты денег) [6, с. 308].

У коммерческих предприятий и государственных органов власти Кейнс выделял иные мотивы к сбережению:

– предприимчивость, то есть стремление обеспечить ресурсы для осуществления в будущем капиталовложений без привлечения денег в долг;

– стремление к лучшему;
– стремление к ликвидности (получение большего дохода в будущем);
– финансовое благоразумие (достаточное количество денег для бесперебойного функционирования фирмы и осуществления выплат по её обязательствам).

Кейнс сформулировал «основной психологический закон», по которому с ростом совокупного дохода совокупное потребление увеличивается, но в меньшей степени. Это может привести к замедлению совокупного спроса и, в конечном счёте, к экономическому кризису.

Кейнс подчёркивал, что наряду с субъективными мотивами на поведение домашних хозяйств и фирм влияют и объективные предпосылки, причём их влияние может быть ещё более значимым. К ним относятся, в частности, изменение единицы заработной платы, изменение в разнице между доходом и чистым доходом, изменение нормы дисконта. А.Г. Худокормов обращает внимание на то, что идеи Кейнса отличаются прагматизмом, позволяющим использовать их на практике, а также для формирования прогнозов [там же, с. 14].

В настоящее время отношение экономистов к выделенным Кейнсом психологическим мотивам деятельности экономических субъектов в целом и к «основному психологическому закону» в частности, неоднозначно. Например, Ю.Я. Ольсевич пишет о том, что если в период между Первой и Второй мировыми войнами действительно наблюдалась понижающаяся склонность к потреблению и растущая склонность к сбережению, то в период, предшествующий кризису 2008 г., в США действовала противоположная тенденция: росла склонность к потреблению, в том числе за счёт широкого использования потребительского кредита [12, с. 48]. Р. Скидельски полагает, что «Кейнс не одобрил бы современное стимулирование склонности к инвестированию путём поощрения населения к чрезмерным заимствованиям» [16, с. 220]. Вместе с тем, некоторые экономисты показывают актуальность основного психологического закона Кейнса: например, Н.Н. Киселёв и А.А. Орлянская на основе данных о социально-экономическом развитии южнороссийских регионов [8].

Ещё одна выявленная Кейнсом психологическая закономерность относится к поведению инвесторов и участников финансовых рынков. Кейнс «был зачарован поведением финансовых рынков, усматривая в нём наглядное подтверждение собственной теории рационального поведения в условиях неопределённости» [15, с. 250]. Но поведение участников финансовых рынков определяется не только рациональными мотивами: ещё в 1910 г. Кейнс писал, что на инвестора «будет, как это очевидно, воздействовать

не чистый доход, который он в конечном счёте получит от своих капиталовложений, а его ожидания. Они часто будут зависеть от моды, от рекламы или от наката совершенно иррациональных волн оптимизма или уныния» [там же].

После отделения управленческих функций от собственности на капитал мотивы для осуществления инвестиций претерпели существенные изменения. Если для собственников предприятий основным мотивом было стремление к расширению своего дела, отношение к бизнесу как к собственному призванию, то после отделения управления от собственности и распространения валютных и фондовых бирж к мотивам инвестирования добавились стремление получить доход, азарт и риск. По Кейнсу, на побуждение к инвестированию влияют предельная эффективность капитала, имеющая тенденцию к убыванию, снижение ставки процента, а также «психология рынка» и оптимизм инвесторов.

Подход Кейнса к анализу поведения инвесторов на финансовых рынках нашёл дальнейшее развитие в гипотезе финансовой нестабильности представителя посткейнсианства Хаймана Мински [3, 21]. Мински считал, что последователями кейнсианской теории не учитывались идеи Кейнса, связанные с «принятием решений при неопределённости, циклический характер капиталистического процесса» [2, с. 121]. По гипотезе финансовой нестабильности, периоды «бума» в экономике связаны с ожиданием повышения стоимости активов и уменьшения риска. Это ведёт к росту спроса на деньги для осуществления инвестиций, причём фирмы начинают использовать не только собственные денежные средства, но и заёмные. В случае нехватки собственных средств фирмы прибегают к финансовым инновациям: используют депозитные сертификаты и валютные займы, секьюритизацию, «внебалансовую деятельность». Постепенно фирмы переходят от обеспеченного финансирования к необходимому брать новые кредиты для выплаты процентов по ранее взятым кредитам, то есть к спекулятивному финансированию, а позже – к Понци-финансированию, когда фирмы уже не могут расплачиваться по своим долгам. Возникают проблемы с ликвидностью у предприятий, что в итоге приводит к кризису неплатёжеспособности.

С неопределённостью будущего связан ещё один психологический выделенный Кейнсом мотив поведения экономических агентов – мотив предпочтения ликвидности. Домашние хозяйства и фирмы стоят перед выбором: хранить деньги в наиболее ликвидной наличной форме или вложить их в более доходные ценные бумаги. Чтобы предпочесть второй вариант, люди должны получить компенсацию в виде процента.

Дальнейшее развитие идей Кейнса

После публикации книги «Общая теория занятости, процента и денег» у Кейнса появилось

много последователей. Пристальное внимание уделялось идеям о государственном регулировании экономики, стимулировании экономического роста через осуществление государственных расходов и инвестиций, проведению государственной налогово-бюджетной и кредитно-денежной политики. Представления о влиянии психологических мотивов на экономическое поведение также получили развитие.

В частности, анализ психологических мотивов поведения экономических агентов, проведённый Кейнсом, способствовал развитию экономической психологии [19]. Среди психологов проблемы экономического поведения одним из первых начал изучать француз Габриэль Тард в 1902 г. Немецкий психолог Г. Мюнстенберг в 1912 г. выпустил работу «Психология и экономическая жизнь», в которой описывал эмпирические, в том числе экспериментальные исследования в области психологии труда и рекламы. Большой вклад в развитие маркетинговой экономической психологии внёс Джордж Катона, исследовавший психологические мотивы на макроуровне и изучавший «настроения» и «ожидания» в обществе, что также созвучно идеям Кейнса. В дальнейшем развитие теории потребления Катона и когнитивной психологии, начало которой положила встреча в Массачусетском университете с участием Герберта Саймона, Аллена Ньюэлла, Ноама Хомского, привело к возникновению поведенческой экономики.

Идея Кейнса о влиянии иррациональных мотивов на экономическое поведение развивается в книге нобелевских лауреатов Джорджа Акерлофа и Роберта Шиллера «*Spiritus Animalis*, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма». В предисловии к ней авторы писали: «Чтобы понять экономику, надо выяснить, как ею движет иррациональное начало. Подобно тому, как «невидимая рука» у Адама Смита является ключевым понятием классической экономической теории, иррациональное начало Кейнса – это основа иного взгляда на экономику, объясняющего неустойчивость, свойственную капитализму» [1, с. 17]. Акерлоф и Шиллер выделяют пять основных проявлений иррационального начала: доверие, чувство справедливости, недобросовестность, денежная иллюзия (учёт номинальных денежных величин вместо реальных, о чём говорил ещё Кейнс) и восприимчивость к историям. Остановимся подробнее на первом понятии, одном из ключевых в этой концепции.

Для оценки воздействия доверия Акерлоф и Шиллер предложили использовать «мультипликатор доверия», показывающий, насколько увеличится или уменьшится доход при росте или падении уровня доверия на один пункт.

Уровень доверия – это проциклический показатель, несколько опережающий динамику цикла: он растёт во время экономического подъёма и падает при спаде. Тем самым, экономическим циклам сопутствуют циклы доверия. По-видимому, доверие к экономическим теориям также подвержено циклическим колебаниям; во всяком случае, финансовый кризис 2008 г. возродил интерес к кейнсианским методам регулирования экономики – по словам Р. Лукаса, «в условиях кризиса каждый становится кейнсианцем» [20].

Если Кейнс писал лишь о качественном влиянии уровня доверия на состояние экономики, то в настоящее время стало возможным сделать и количественные оценки индекса доверия. В США с 1940-х гг. публикуется Мичиганский индекс потребительских настроений. С 1967 г. неправительственная организация Conference Board стала рассчитывать индекс потребительской уверенности по выборке из 5000 домашних хозяйств. Данный показатель учитывается Федеральной резервной системой при выборе целевой ставки процента и влияет на котировку акций.

В России Федеральная служба государственной статистики с 1998 г. проводит ежеквартальные опросы 5000 человек из разных регионов для оценки индекса потребительской уверенности. Межстрановые исследования поведения потребителей проводятся группой Nielsen, составляющей индексы потребительского доверия для более чем 100 стран. В 2015 г. индекс, свидетельствующий об оптимизме потребителей и превышающий 100 пунктов, отмечался в Индии (131), на Филиппинах (117), в Индонезии (115), Таиланде (114), Дании (110), Вьетнаме (108), ОАЭ (108), Китае (107), Саудовской Аравии (106), Пакистане (103), Великобритании (101). Несколько ниже этот показатель в США (100) и в Германии (98). Приведём данные по некоторым другим странам: Япония – 79, Россия – 74, в Греции – 53, на Украине – 48, Южная Корея замыкает список обследованных стран с показателем 46 [4].

Анализ динамики индекса потребительского доверия позволяет прогнозировать поведение экономических агентов, на основании чего правительства и центральные банки могли бы принимать меры по снижению панических импульсов в экономике и по повышению мультипликатора доверия.

Таким образом, Джон Мейнард Кейнс способствовал созданию новой, более реалистичной модели человека, привлёк внимание экономистов к необходимости учёта психологических факторов в экономике и показал, что наличие не только рациональных, но и иррациональных мотивов человеческого поведения не препятствует построению цельной и практически ориентированной экономической теории.

Список литературы

1. Акерлоф Дж., Шиллер Р. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М., 2010. 272 с.
2. Бешенов С., Розмаинский И. Гипотеза финансовой нестабильности Хаймана Мински и долговой кризис в Греции // Вопросы экономики, 2015, № 11, с. 120–143.
3. Доу Ш. Психология финансовых рынков: Кейнс, Мински и поведенческие финансы // Вопросы экономики, 2010, № 1, с. 99–113.
4. Индекс потребительского доверия (IV квартал 2015 года) // <http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/reports/2016/consumer-confidence-index-q4-2015-report.html>
5. Кейнс Дж.М. Конец «laissez-faire». М., 2001. 437 с.
6. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М. Кейнс. Избранные произведения. М., 2013, 402 с.
7. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики, 2009, № 6, с. 60–69.
8. Киселёва Н.Н., Орлянская А.А. Основной психологический закон Дж.М. Кейнса и его проявление в социально-экономическом развитии южнороссийских регионов // Психология и экономика. 2013, т. 6, № 2, с. 100–106.
9. Комаровская Н.В. Эволюция «Homo Economicus» // Вестник МГИМО, 2016, № 1, с. 129–142.
10. Макашева Н.А. «Das Keynes Problem»: от «Трактата о вероятности» к «Общей теории занятости, процента и денег» // Общественные науки и современность, 2011, № 6, с. 143–154.
11. Маршалл А. Основы экономической науки. М., 2007. 832 с.
12. Ольсевич Ю.Я. Психологические аспекты современного экономического кризиса // Вопросы экономики, 2009, № 3, с. 39–53.
13. Ольсевич Ю.Я. Фундаментальная неопределённость рынка и концепции современного кризиса. М. 2011. 51 с.
14. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Альманах THESIS, 1993, т. 1, вып. 3, с. 16–38.
15. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель. В 2-х книгах. М., 2005, 1600 с.
16. Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. М., 2011, 253 с.
17. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. 956 с.
18. Шиллер Р. Кризис доверия: Человек иррациональный // Ведомости. 12 марта 2009. № 43 (2313).
19. Яковлева Е.А. Поведенческая экономика как область научного знания в современной экономической науке // Journal of Economic Regulation (вопросы регулирования экономики), 2014, т. 5, № 2, с. 62–69.
20. Fox J. The Comeback of Keynes, Time Magazine, 27, January 2009.
21. Minsky H.P. The Financial Instability Hypothesis. // Levy Economics Institute of Bard College. Working Paper № 74. May 1992 // <http://www.levyinstitute.org/pubs/wp74.pdf>

Об авторе

Козлова Мария Александровна – к.э.н., доцент кафедры экономической теории МГИМО МИД России.
E-mail: michandy@mail.ru.

THE CONTRIBUTION OF J. M. KEYNES TO THE ANALYSIS OF THE PSYCHOLOGICAL MOTIVES OF ECONOMIC BEHAVIOR

M.A. Kozlova

Moscow State Institute of International Relations (University), Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: The article examines the contribution of John Maynard Keynes to the study of the psychological motives of economic behavior. The origins of the analysis of the psychological motives in economics before Keynes are reviewed. The relative importance of rational and irrational motives of economic behavior in the Keynesian theory is analyzed. It is shown that Keynes's analysis of the behavior of the economic agents under uncertainty and the lack of information contributed to the elaboration of the bounded rationality theory by Simon. The article also describes the input of Keynes to the formation of a new «Keynesian» model of human behavior, which implies the importance of expectations, taking into account the psychological

and social factors of economic behavior. The main psychological tendencies in the actions of the consumers and investors described by Keynes (the basic psychological law, liquidity preference, the influence of the «market psychology» on the investor's decisions) and their relevance nowadays are examined. The article shows further development of the ideas of Keynes in the Akerlof and Shiller's theory of animal spirits and in the financial instability hypothesis of Minsky. It also gives a description of a confidence multiplier, introduced by Akerlof and Shiller, and shows how the consumers' confidence can be measured nowadays. Besides, the article stresses that the study of the psychological motives of economic behavior, undertaken by Keynes, contributed to the development of such new disciplines at the interface between the economy and psychology as the economic psychology and behavioral economics.

Key words: John Maynard Keynes, psychological motives of economic behavior, George Akerlof and Robert Shiller's theory of animal spirits, financial instability hypothesis of Hyman Minsky, basic psychological law, confidence multiplier, economic psychology, «Keynesian» model of human behavior, bounded rationality theory, market psychology.

References

1. Akerlof G., Shiller R. *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton University Press, 2009. 230 p. (Russ Ed.: Akerlof G., Shiller R. *Spiritus Animalis, ili kak chelovecheskaya psikhologiya upravliaet ekonomikoi i pochemu eto vazhno dlia mirovogo kapitalizma*. Moscow, Alpina Business Books, 2010. 272 p.)
2. Beshenov S., Rozmainy I. Gipoteza finansovoi nestabil'nosti Khaimana Minski i dolgovoi krizis v Gretsii [Hyman Minsky's Financial Instability Hypothesis and Greece Debt Crisis], *Voprosy ekonomiki*, 2015, no.11, pp. 120–143 (In Russian)
3. Dow S.C. Psikhologiya finansovykh rynkov: Keynes, Minsky i povedencheskie finansy [Psychology of the Financial Markets: Keynes, Minsky and the behavioral finance], *Voprosy Ekonomiki*, 2010, no. 1, pp. 99–113 (In Russian)
4. Indeks potrebitel'skogo doveriia (IV kvartal 2015 goda) [Consumer Confidence Index, IV quarter of 2015], <http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/reports/2016/consumer-confidence-index-q4-2015-report.html> (In Russian)
5. Keynes J.M. *The End of «laissez-faire»*, Hogarth Press, July 1926. (Russ. Ed.: Keynes J.M. *Konets Laissez-faire*, Moscow, 2001. 437 p.)
6. Keynes J.M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*, London, Macmillan, 2007 (Russ. Ed.: Keynes J.M. *Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg*, Keynes J.M. *Izbrannye proizvedeniia*, Moscow, 2013, 402 p.)
7. Keynes J.M. *Economic Possibilities for our Grandchildren, Essays in Persuasion*. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1963, p. 358–373 (Russ Ed.: Keynes J.M. *Ekonomicheskie vozmozhnosti nashikh vnukov*, *Voprosy ekonomiki*, 2009, no. 6, pp. 60–69)
8. Kiseleva N.N., Orlianskaia A.A. Osnovnoi psikhologicheskii zakon Dzh.M. Keinsa i ego proiavlenie v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii iuzhnorossiiskikh regionov [The basic psychological law of J.M. Keynes and its applicability to the social and economic development of the Southern Russia regions], *Psikhologiya i ekonomika* [Psychology and Economics], 2013, vol.6, no. 2, pp. 100–106 (In Russian)
9. Komarovskaia N.V. Evoliutsiia «Homo Economicus» [The Evolution of Homo Economicus], *Vestnik MGIMO*, 2016, no. 1, pp. 129–142 (In Russian)
10. Makasheva N.A. «Das Keynes Problem»: ot «Traktata o veroiatnosti» k «Obshchei teorii zaniatosti, protsenta i deneg» // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [«Das Keynes Problem»: from the «Treatise on Probability» to the «General Theory of Employment, Interest and Money»], 2011, no. 6, pp. 143–154 (In Russian)
11. Marshall A. *Principles of Economics*. London, McMillan and Co., 1890 (Russ Ed.: Marshall A. *Osnovy ekonomicheskoi nauki*, Moscow, Eksmo, 2007. 832 p.)
12. Ol'sevich Iu.Ia. Psikhologicheskie aspekty sovremennogo ekonomicheskogo krizisa [The Psychological Aspects of the Current Economic Crisis], *Voprosy Ekonomiki*, 2009, no. 3, pp. 39–53 (In Russian)
13. Ol'sevich Iu.Ia. Fundamental'naia neopredelennost' rynka i kontseptsii sovremennogo krizisa [The Fundamental Uncertainty of the Market and the Concepts of the Current Crisis], Moscow, 2011, 51 p. (In Russian)
14. Simon H. *Rationality as Process and Product of Thought*. *American Economic Review*, 1978, 68 (2), pp. 1–16. (Russ Ed.: Simon H. *Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniia*. THESIS, 1993, vol. 1, no. 3, pp. 16–38)
15. Skidelsky R. *John Maynard Keynes 1883—1946: Economist, Philosopher, Statesman*. — New York: Macmillan, 2004. — 800 pp. (Russ Ed.: Skidelsky R. *John Maynard Keynes. 1883–1946. Ekonomist, filosof, gosudarstvennyi deiatel'. V 2-kh knigakh*, Moscow, 2005, 1600 p.)

16. Skidelsky R. Keynes: The Return of the Master. — L.: Allen Lane (UK) and Cambridge, MA: PublicAffairs (US), 2009. — 240 p. (Russ Ed.: Skidelsky R. Keynes. Vozvrashchenie mastera, Moscow, 2011, 253 p.)
17. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Oxford Paperbacks, 2008, 688 p. (Russ Ed.: Smith A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Moscow: Exmo, 2007, 956 p.)
18. Shiller R. A Failure to Control the Animal Spirits. Financial Times, March 8, 2009. (Russ Ed.: Shiller R. Krizis doveriia: Chelovek irratsional'nyi, Vedomosti, March 12, 2009, no. 43 2313).
19. Iakovleva E.A. Povedencheskaia ekonomika kak oblast' nauchnogo znaniia v sovremennoi ekonomicheskoi nauke [Behavioral Economics as a Field of Scientific Knowledge in Modern Economic]// Journal of Economic Regulation, 2014, vol.5, no. 2, pp. 62–69.
20. Fox J. The Comeback of Keynes, Time Magazine, 27, January 2009 //
21. Minsky H.P. The Financial Instability Hypothesis. // Levy Economics Institute of Bard College. Working Paper № 74. May 1992 // <http://www.levyinstitute.org/pubs/wp74.pdf>

About the author

Maria A. Kozlova – Ph.D. in Economics, Senior Lecturer of the Department of Economics of MGIMO University.
E-mail: michandy@mail.ru.

КЕЙНСИАНСКАЯ ТЕОРИЯ В КУРСЕ «МАКРОЭКОНОМИКА» В НЕПРОФИЛЬНЫХ ВУЗАХ И ФАКУЛЬТЕТАХ

Т.И. Курносова, И.Е. Рудакова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Россия,
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46.

В статье рассматриваются наиболее важные аспекты преподавания кейнсианской теории в курсе макроэкономики на факультетах неэкономических специальностей в свете острого на сегодня вопроса о качестве экономического образования.

Подчёркивается актуальность идей Кейнса, важность свойственного кейнсианской теории системного взгляда, что отражается, в частности, в понимании связи макропроцессов на уровне экономики в целом с явлениями микроуровня.

Авторы статьи отмечают сложности соотнесения в курсе по макроэкономике кейнсианской и неоклассической версий и обращают внимание на целесообразность включения в курс разделов кейнсианской теории, касающихся равновесия реального сектора, рынка труда, идеи совместного равновесия рынка денег и рынка благ. Особое внимание следует уделить пониманию роли рынка и государства с позиций Кейнса.

Авторы подчёркивают, что при изучении таких понятий, как «потребление», «накопление», «инвестиции», «спрос на деньги», необходимо показывать роль психологических факторов. Эти факторы, значение которых в экономической жизни показал Кейнс, в последующие десятилетия стали предметом глубокого изучения в макроэкономических теориях.

Особое внимание в статье уделяется мотивации студентов, как одному из условий эффективности усвоения знаний.

Ключевые слова: Джон Мейнард Кейнс, кейнсианский крест, механизм равновесия, рынок благ, денежный рынок, государственная политика, предельный анализ, государственная коррекция, личный выбор, полная занятость, эффективный спрос, мотивация.

*Истинная редкость в мире Кейнса
да и в нашем тоже, – это не ресурсы
и даже не добродетели, а понимание
происходящего.*
Пол Кругман

В курсы по макроэкономике, независимо от их объёма и специализации непрофильных учебных подразделений, входят разделы, посвящённые кейнсианской теории. В этом году исполняется 80 лет со дня выхода в свет работы Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», совершившая переворот в представлениях экономистов об экономике, механизме её функционирования, роли участников экономического процесса – домашних хозяйств, фирм, государства. В период глобального финансово-экономического кризиса вопрос об актуальности кейнсианской теории был поставлен рядом учёных. В частности, нобелевский лауреат Пол Кругман по этому поводу заявил: «Я верю не только в то, что мы живём в новую эпоху депрессивной экономики, но также и в то, что идеи Джона Мейнарда Кейнса, экономиста, проанализировавшего сущность Великой депрессии, в настоящее время более значимы, чем когда-либо» [2, с. 295].

В отличие от экономистов-теоретиков, авторы учебных курсов, похоже, в этом не сомневаются. И это, на наш взгляд, верно. Вместе с тем вопросы о методе включения кейнсианской теории в общий курс по макроэкономике, о логической связи с другими разделами курса, о трактовке некоторых идей остаются предметом обсуждения.

В этом году отмечается ещё одна круглая дата: 260 лет выхода в свет книги Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Двойной юбилей придаёт особый смысл кейнсианскому учению, продолжившему великие традиции науки и совершившему революцию в научных представлениях об экономической системе. Интерес к столкновениям научных школ может быть использован в учебном курсе не только в теоретических, но и в методических целях.

В данной статье мы остановимся на тех аспектах изучения кейнсианских взглядов, которые, на наш взгляд, могли бы повысить качество преподавания макроэкономики.

Работа Кейнса дала основание отдельному разделу экономической теории. Благодаря открытиям, сделанным Кейнсом, представление об экономике стало более сложным и полным, точнее отражающим экономический мир.

Созданная Адамом Смитом экономическая теория и заложенные в ней принципы усилиями его последователей были развиты и доработаны. Суждение об экономике, в силу строгости доказательств, логичности, апелляции к проблемам реальной жизни, превратилось в стройное учение. Это сделало экономическую теорию наиболее близкой в сравнении с другими об-

ластями социального знания к точным наукам, а её выводы убедительными, способными не только объяснять окружающий мир, но и служить основанием для прогнозов, в ряде случаев успешных. В течение 160 лет авторитет классической экономической теории был неоспоримым, пока глубочайший кризис и последовавшая за ним депрессия 1930-х гг. не заставили экономистов пересмотреть свои взгляды на такой сложный организм, как экономика. Появление книги Кейнса было воспринято как революция в фундаментальных представлениях об экономике.

Сегодня осмысление сделанного Кейнсом в экономической науке снова стало актуальным не только для собственно научных разработок и трактовок современной системы, но и для преподавания экономики. Феномены современной реальности требуют новых подходов, что не может не отразиться на подготовке не только профессиональных экономистов, но специалистов других сфер. Каждый человек, будучи субъектом экономики, неизбежно должен принимать решения о роде своей деятельности, об обеспечении семьи, о покупках, продажах, доходах и проч. Более того, экономические знания формируют способность к аналитическому системному мышлению, понимание одновременного действия множества факторов, зачастую разнонаправленного, учат видению актуальных проблем. Экономическая грамотность входит необходимой составляющей в общую систему знаний во многих отраслях и видах деятельности людей.

О системе и структуре курса

Одна из особенностей экономического знания – его *системность*. В частности, в современных подходах системность экономической теории отражается в понимании связи макропроцессов с явлениями, тенденциями микроуровня. Сложно обеспечить на макроуровне новый путь экономики, адекватный вызовам времени, если субъекты на микроуровне экономики не обеспечивают «новую» окружающую среду и новые методы экономической жизнедеятельности. Эта взаимосвязь – важнейший компонент системного мышления – в значительной мере формируется изучением кейнсианских идей.

Связь поведенческих аспектов субъектов рынка с совокупным результатом, принимающим вид макротенденций, методологически давно осознана в экономической теории и реализуется авторами современных учебников в виде *микрооснований макроэкономики*. Психологические, поведенческие, социологические моменты, которые выдвигаются на первый план в реальной экономической деятельности человека, становятся ключевым моментом и в теоретическом объяснении функционирования экономики как целого.

Учебные же курсы по экономической теории часто не уделяют должного внимания

этим аспектам, отводят преобладающее время на изучение неоклассики и кейнсианства в их ортодоксальном (по преимуществу в инструментальном) исполнении. В типичном случае в современных российских учебниках по экономической теории исследуется мир «экономического человека», модели, не соответствующей современным реалиям и представлениям. Такие темы, как роль человеческого капитала, институциональных факторов, культуры и национальных традиций в формировании современной экономики, влияние массовой психологии на векторы совокупного спроса и предложения и проч. не включаются не только в краткие, но и в расширенные курсы по макроэкономике,

Подобное несоответствие создаёт ощущение «пребывания в прошлом» курсов по экономической теории, их оторванности от реальных проблем. Этот ощутимый недостаток можно преодолеть более глубоким подходом к кейнсианскому разделу учебного курса.

В преподавании экономики существует ряд вопросов, требующих решения и при построении курса в целом, и в преподавании отдельных тем, особенно при наличии разных трактовок, теоретических сложностей и проч. Как подавать кейнсианскую теорию в едином курсе по экономике? Как связать микро- и макроэкономический разделы в единый (системный!) курс? Какие проблемы кейнсианского раздела макроэкономики отобрать для кратких курсов в вузах и на факультетах неэкономических специальностей? Как соотнести научные трактовки современной экономики с реальностью? И ещё много более мелких, но не менее важных вопросов всё время возникает перед преподавателями экономики.

Попробуем поставить и обсудить некоторые из них.

О «кейнсианском кресте» и равновесии у Кейнса

Стремление объяснить тонкости формализации некоторых взаимодействий (графиков, уравнений) иногда приводит к утрате системного смысла теоретического материала, в т.ч. кейнсианской версии. Возможно, в курсах по экономической теории для непрофильных образовательных подразделений эта проблема не главная, но очень распространённая.

Известная сложность заключается в том, чтобы отобрать вопросы для краткого курса, не потеряв научной значимости материала и сохранив основные достижения учёного. При этом важно не свести преподавание теории к рассмотрению отдельных научных школ, что часто встречается в специализированных учебниках по экономической теории.

Обычно в короткие курсы по экономике включается только важнейшая часть кейнсианской теории – модель «кейнсианского креста». Модель помогает показать роль государства, объяснить «кейнсианскую революцию» в науч-

ных взглядах на экономику, а также показать механизм равновесия на рынке благ в экономике неполной занятости, «работу» мультипликатора, эффекты государственной политики и влияние на состояние выпуска и доходов.

При разборе «кейнсианского креста» один из важных моментов состоит в трактовке равновесия. Равновесие реального сектора связано с эффективным спросом (смысл понятия обычно не разъясняется, да это и невозможно сделать только на этой модели). Студентам зачастую трудно совместить «эффективный спрос» с существующей одновременно неполной занятостью ресурсов, т.е. фактически состояние *неравновесия* экономики. Требуется доказывать, что равенство совокупных расходов и совокупного выпуска (предложения) на рынке благ ещё не означает сбалансированности экономики в целом. Знакомство с кейнсианской теорией, ограниченное «кейнсианским крестом», создаёт неполное (принимаемое на веру), а потому часто искажённое представление о функционировании экономики неполной занятости. Природа «кейнсианского равновесия» требует разъяснений, независимо от объёма курса экономической теории.

Уже по названию книги видно, что основным объектом исследования Кейнса выступает *занятость*. Как ни странно, эта часть кейнсианской теории – *рынок труда* – зачастую выпадает из курса. А между тем на анализе рынка труда «сидит» объяснение ключевых понятий и явлений экономики: специфики равновесия при неполной занятости ресурсов, роли эффективного спроса, характера безработицы в равновесном состоянии рынка благ, неизбежности государственной коррекции рыночного механизма и проч. Анализ процессов на рынке труда составляет существенное отличие кейнсианского подхода от классического и неоклассического.

Этот момент становится яснее, если опереться на работы последователей Кейнса. Самый значительный вклад был сделан Доном Патинкиным [3], который дал научное обоснование характера равновесия в экономике неполной занятости, а также развернутую трактовку понятия и модели «квазиравновесия», формирующегося при жёстких ценах и заработной плате. Сразу заметим, что включать эту модель в укороченный курс по макроэкономике нет необходимости, да и возможности это сделать по времени, но существенные выводы из модели значимы для понимания сути дела. Преподаватель, знакомый с этой моделью, всегда найдёт возможность показать, как и почему формируется вынужденная безработица, как объяснить особенность равновесия («квазиравновесия») на рынке труда при жёсткой заработной плате, как эта ситуация сказывается на рынке благ. На рынке труда, собственно, и раскрывается «секрет» рынка благ, где равенство запланированных расходов (совокупного спроса) произведённому в экономике продукту (совокупному

предложению) не приводит к очистке рынка, сохраняя незанятые ресурсы труда и других факторов производства.

Другим недостатком подачи кейнсианской теории лишь как рынка благ выступает разрыв органической связи с рынком денег. Без этой связи сложно убедительно изложить идею *совместного равновесия рынка денег и рынка благ*. Финансовый рынок (манипуляция денежными ресурсами) – важнейший канал государственного воздействия на экономику. Он непосредственно связан с рынком благ, соединяет самостоятельность кредитно-денежных решений и их тесную связь с бюджетно-налоговой политикой государства. Именно на денежном рынке, по версии Кейнса, формируется уровень процентной ставки, определяющей параметры заёмных ресурсов, и, через них, инвестиционной активности. Процентная ставка является рычагом влияния государства на экономику. Показать эту связь через передаточный механизм между денежным и реальным сектором важно и в целях формирования у студентов представления о системном единстве экономики. Едва ли в кратких курсах можно дать объяснение модели *IS-LM*, но смысл системного единства реального и денежного секторов должен быть показан. Ярким примером существующей между ними взаимосвязи может служить кризис 2008–2009 гг.

О государстве и рынке

В курсах по общей экономике значительное внимание уделяется «кейнсианской революции». Это очень важный момент, отразивший существенные изменения в экономической теории своего времени. Теоретические взгляды учёных и практиков, принимающих решения в сфере экономической политики, не менее важны и сегодня. Фундамент этих представлений заложен в кейнсианских идеях.

Однако понимание «кейнсианской революции» часто трактуется упрощённо: если раньше (при совершенной конкуренции) «правила игры» диктовал рынок (версия классиков и неоклассиков), то теперь эту роль выполняет государство, от которого зависит всё. Подобное представление, усвоенное в учебных курсах, небезобидно: в мышлении «взрослых людей», принимающих решения в экономике, оно часто отбрасывает поиск к рецептам плановой экономики. Поясним нашу мысль.

Основное содержание кейнсианской революции – признание за государством принципиально иной роли в экономике по сравнению с трактовками классиков и неоклассиков, уповавших на автоматизм рынка. Кейнс подчёркивал, что при отклонении экономики от уровня полной занятости рынок утрачивает силу автоматической подстройки экономики к происходящим изменениям. Перестает эффективно работать ценовая система: нарушается гибкость товарных цен, цены рабочей силы и капитала. Возникает необходимость государственной коррекции в

экономике, отсюда – значение обоснованной государственной политики.

Но, признавая роль государственной активности для коррекции экономики, Кейнс не отрицал роль рынка. К сожалению, часто в коротких курсах эту сторону опускают. Это глубоко ошибочно. Критика Кейнсом классического наследия не означала отвержения рынка как необходимой среды существования экономики. Было бы неверным, на наш взгляд, трактовать Кейнса как этатиста, сторонника государственной экономики и административного управления рыночными процессами, приписывать ему роль идеолога «регулируемого развития капитализма».

Рекомендации Кейнса, нашедшие широкое применение в государственной политике США и европейских стран, отнюдь не имели тотального характера. Основные направления государственной политики: меры фискальной политики – налоговая система и государственные расходы – и меры монетарной политики, связанные с управлением денежной массой. Эти инструменты воздействовали, прежде всего, на совокупный спрос, в чём усматривалась основная задача государства. Но Кейнс не предлагал *непосредственно* влиять на цены или законы рынка, на основе которых эти цены устанавливались. «Государство должно будет оказывать своё руководящее влияние на склонность к потреблению частично путём соответствующей системы налогов, частично фиксированием нормы процента и, возможно, другими способами» [1, с. 452].

Развивая свою мысль, Кейнс подчёркивал, что для обеспечения полной занятости требуется коррекция оптимального размера инвестиций. Но при этом *широкая социализация инвестиций* не должна исключать «всякого рода компромиссы и способы сотрудничества государства с частной инициативой. Частные эгоистические интересы определяют, что именно должно быть произведено, в каких пропорциях нужно для этого соединить факторы производства и как распределить между ними стоимость конечного продукта» [там же, с. 453]. Иными словами, по Кейнсу, государство не вмешивается в базовые основания рыночного механизма. И хотя для полной занятости необходим централизованный контроль, для реализации всех потенциальных возможностей производства государство должно обеспечить и условия для свободной игры экономических сил. Государственный активизм не исключает того, что «остаются широкие возможности для проявления частной инициативы и ответственности. В пределах этих возможностей традиционные преимущества индивидуализма сохраняются и далее» [там же, с. 454].

«Кейнсианская конвенция» (Кругман) – признание необходимости одновременного существования рыночного механизма и активности государства в экономике – является объектом наиболее яростного критического «обстрела» как справа (за критику веры в возможности со-

вершенной конкуренции и рынка), так и слева (за непризнание широкой социализации экономики, сохранение частной собственности и права принятия частных решений). И хотя «кейнсианская конвенция» достигается на практике в реальной экономике, как теоретическая концепция она продолжает возбуждать полемику.

Кажется, что конвенциональную идею устройства экономического механизма, синтетически соединяющую коррекцию регулятора и автоматическую рыночную адаптацию, следовало бы воспринять как важнейшую рекомендацию Кейнса современным участникам экономического процесса, действуют ли они как представители макроэкономического института – государства, или как субъекты экономики, принимающие индивидуальные решения.

Проделанная Кейнсом работа не обесценилась. Мало какой теоретической системе удавалось так мощно выйти на практику, предоставить практические рекомендации политикам в качестве прямых выводов из научных исследований. Изучение научных школ прошлого наводит на мысль, что ошибки и тупики экономической практики в наше время происходят во многом не от неопределённости событий, несоответствия ожиданиям и неожиданности шоков, а от незнания (или, скорее, забвения) результатов великих исследований прошлого. К идеям «Общей теории» это относится прежде всего.

Продолжая традиции предшественников, Кейнс следовал основному неоклассическому *принципу предельного анализа* как при трактовке ряда взаимодействий в экономике, так и при определении новых понятий. Так, он воспринял предельный принцип в соотношении величины заработной платы и тягости труда и зависимости спроса на рабочую силу от этого соотношения. Он использовал неоклассическое понятие предельной производительности капитала. При анализе равновесных и неравновесных состояний предельные величины применены им методологически и модельно сходно с неоклассиками. В теории спроса на деньги Кейнс опирался на достижения количественной теории денег И. Фишера и учёных Кембриджа.

Но, пожалуй, главное, в чём Кейнс остаётся на позициях фундаментальной экономической теории, он чётко определил сам: это *философия рыночного устройства экономики и преимущества рыночных принципов*. Он утверждал, что, хотя государственная коррекция «необузданных рыночных сил» необходима, остаются широкие возможности для проявления *частной инициативы*. В этих условиях философия рыночного устройства экономики и преимущества рыночных принципов решения индивида имеют преимущества эффективности, которая обусловлена децентрализацией при принятии решений, преимуществами *индивидуальной ответственности* и возможностями проявления *личной инициативы*. «Но всего ценнее индивидуализм, если он может быть очищен

от дефектов и злоупотреблений; это лучшая гарантия личной свободы в том смысле, что ... он чрезвычайно расширяет возможности для осуществления личного выбора» [там же, с. 455].

Кейнс отмечал, что широкие возможности личного выбора обеспечивают разнообразие жизни. Потеря возможности личного выбора «является величайшей из всех потерь в гомогенном или тоталитарном государстве» [там же]. Разнообразие, будучи результатом успешного выбора предшествующих поколений, сохраняет традиции, использует опыт и фантазии, это наиболее могущественное средство прогресса. Кейнс защищал индивидуализм «как единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы» [там же]. Следует обратить внимание, что с индивидуализмом Кейнс связывал прежде всего *личную инициативу и ответственность*, а не отвратительный «эгоизм индивида», как часто трактуют эту поведенческую черту.

Подобная чёткая и безусловная защита основного принципа экономики не мешала Кейнсу критически оценивать пределы стихии рыночных сил. Коррекция рыночных сил требует расширения функций государства, и именно этот путь может обеспечить решение главной задачи – достижение устойчивости на уровне полной занятости.

Такая позиция Кейнса – *одновременное признание роли и рынка, и государства* – часто трактуется критиками (и раньше, и теперь) как непоследовательность концепции. Однако современная экономика делает «совместную работу» рынка и государства единственно возможной. Эта важнейшая черта кейнсианской теории должна найти своё отражение в подаче учебного материала.

Когда соотношение рынка и государства в экономическом механизме подаётся таким образом, возникает новый вопрос. Какие *рыночные сигналы* получают субъекты рынка (домохозяйства и фирмы), если ценовой механизм не работает нормально, нет свободной конкуренции, гибких цен и заработных плат? Как предприниматель узнает о запросах рынка производить больше или меньше? Что давит на покупателя, заставляя его покупать или отказываться от покупок?

В ответах на эти вопросы модель «кейнсианского креста» незаменима. Она объясняет, что в условиях неполной занятости и вынужденной безработицы сигналы рынку даёт движение (динамика) незапланированных запасов фирм. Их избыточное накопление сигнализирует предпринимателям о необходимости сократить выпуск, а сокращение запасов ниже запланированного уровня – о необходимости увеличить выпуск. Эти сигналы рынка (не ценовые!) «работают» *автоматически*, обеспечивая, в конечном счёте, равенство совокупных расходов эффективному спросу в секторе благ [5].

Но этот механизм не способен привести экономику к состоянию равновесия на уровне полной занятости. При равновесии на рынке благ (эффективный спрос равен произведённому выпуску) увеличение выпуска с целью приближения к полной занятости невозможно: увеличение выпуска в состоянии равновесия будет создавать избыточные запасы. В экономике возникают диспропорции; нехватка совокупного спроса означает возможное начало экономического кризиса. В этом случае, по образному выражению Пола Кругмана, необходим «запуск» экономического механизма от внешнего источника – государства.

Психологические факторы в макроэкономике

Ещё один сложный момент в подаче кейнсианской революции в учебных курсах макроэкономики заключается в понимании *ключевой роли психологических моментов в объяснении экономических процессов*. Обычно дело ограничивается «психологическим законом Кейнса», связанным с предельной склонностью к потреблению. А между тем психологические факторы пронизывают всю систему кейнсианской экономики, объясняют тесную связь микроэкономических явлений и процессов. Рассмотрим эти моменты подробнее.

Включение психологии в «конструкцию» рыночных феноменов, определение её места в центре экономической системы в своё время и создавали главные черты «кейнсианской революции». Следует заметить, что интерес к деятельности людей, понимание ключевой роли человека в экономике не были чем-то абсолютно новым для времени Кейнса. Они были заложены ещё в работах А. Смита, что определило гуманистический характер экономической науки. Однако продвижение Кейнса от классической традиции было существенным: психологические факторы не только раскрывали природу вводимых понятий, но и помогали квантифицировать зависимости и пропорции макроэкономики. С самого начала, определяя принцип эффективного спроса, Кейнс подчёркивает роль психологических факторов в *расхождении* величин совокупного предложения и совокупного спроса. Последний растёт с ростом дохода, но не в той же пропорции, что и доход. «Психология общества такова, что с ростом совокупного реального дохода увеличивается и совокупное потребление, однако не в такой же мере, в какой растёт доход» [1, с. 80]. Это расхождение, получившее название «психологического закона Кейнса», послужило обоснованием *предельной склонности к потреблению* – одного из важнейших понятий кейнсианской модели. По Кейнсу, «именно в этом психологическом законе следует искать ключ для решения наших практических проблем» [там же]. На психологической основе формировались строительные блоки кейнсианской системы: функции потребления и сбе-

режения, инвестиционная функция, функция предпочтения ликвидности. По выражению Й. Шумпетера, «эти три великих упрощения были призваны выразить видение Кейнсом экономического процесса» [6, с. 1547]. Психологические моменты сказывались и на механизме мультипликации, на эффектах государственной политики. Таким путём во все основные функции и важнейшие зависимости кейнсианской модели вводились пропорции, определяемые психологическими чертами поведения людей.

Подчёркивая значение субъективных психологических моментов, Кейнс ставил задачу преодолеть глубокое недоразумение «в понимании того, как же в действительности функционирует экономическая система, в которой мы живём» [1, с. 66]. Эти аспекты кейнсианского анализа предопределили направления развития макроэкономики в последующие десятилетия. Поэтому, на наш взгляд, при подаче материала, связанного с потреблением, накоплением, инвестициями и спросом на деньги, важно показывать роль психологических моментов в качестве важнейшей черты учения Кейнса. Это в значительной мере поможет объяснить и механизм экономических колебаний.

Мотивация студентов

Как известно, качество образования определяется не только материалом, который студенту преподают, но и усвоенным объёмом знаний. Одно из условий эффективного усвоения – мотивация студентов, изучающих предмет. И в этом отношении потенциал кейнсианской теории в курсе макроэкономики весьма значим.

Полемика кейнсианской теории с классикой, обращение к другим дисциплинам (психологии, этике, политике) дают много возможностей заинтересовать студентов в изучении материала, покопаться в том, чья версия экономики более убедительна, сравнивать аргументы, доказывать своё мнение ссылкой на реальные события. В наше время значимости практических действий, ценности только конечного (и, желательно, немедленного) результата принимаемых решений, особого значения быстрой реакции на вызовы сегодняшнего дня, сиюминутности выводов из текущих событий и проч. часто не остаётся пространства для глубокого и обстоятельного экономического анализа на длительных горизонтах жизни. Эти особенности современной жизни часто трактуются так, что сегодня рынок и бизнес запрашивают кадры с компетенциями, соответствующими задачам «короткого времени».

С этой точки зрения возникает вопрос (к сожалению, часто поднимаемый «прикладниками»): кому нужна сегодня экономическая теория с копанием в глубинных основаниях экономики, с длительным поиском исходных причин важнейших зависимостей, всесторонним анализом их долговременных следствий, столкновением противоречивых трактовок, разными версиями и школами в экономической науке? Есть ли сего-

дня «запрос рынка и бизнеса» на знания такого рода? Отсюда возникает вопрос и о мотивации студентов к изучению фундаментальных разделов экономики (экономической теории). Иногда ответ на этот вопрос не очень ясен и для преподавателей.

Репутация экономистов с «их» экономической теорией сильно подмочена неудачами в предвидении многих важных событий, природу которых они с претензией на успех (и с большим самомнением) раскрывают в своих моделях¹. Болезни современной (постиндустриальной, инновационной, креативной и т.п.) экономики – кризисы, безработица, инфляция, финансовые провалы, неэффективность производства, крайняя нестабильность и многое другое, похоже, неизлечимы. Мир не может справиться с этими явлениями многие десятилетия, хотя экономистам известны причины и механизм их возникновения, они количественно оценены, встроены в формальные модели.

Причины разочарования в экономической теории во многом связаны с неудачами точного прогноза тяжёлых потрясений, подобных великой депрессии 1930-х гг.². В экономической теории неудачи долговременных прогнозов вызвали к жизни новые версии экономического поведения субъектов экономики (рациональные ожидания), экономических колебаний (теория реального делового цикла), экономического роста (теории эндогенного роста). Новые модели давали надежду на надёжность экономического развития и, соответственно, убеждали в верности предсказаний экономической теории о том, что циклы, с учётом рационального поведения субъектов рынка, стали в целом прирученными (Р. Лукас). Тем сильнее оказалось впечатление от неспособности экономистов назвать дату (желательно точную) начала нового спада. Примером плохого предвидения «хорошей экономической теории» стал кризис 2008–2009 гг. Его нельзя сравнивать по разрушительной силе с великой депрессией, но воспринимался он (и до сих пор воспринимается) как самый глубокий во многих странах за послевоенные десятилетия.

Впечатление от спада усилилось довольно длительным предыдущим периодом «благополучного развития» экономики многих стран. В тот период кейнсианская теория, отодвинутая в прошлое усилиями «новых классиков», вновь стала востребованной, актуальной, способной объяснить многие «непонятные», «необычные» явления экономики начала XXI в.: практически

постоянный рост естественной безработицы, низкие темпы роста экономики при «нормальной» демографии и накоплении капитала, быстрые технические преобразования и сравнительно невысокий рост производительности труда, чрезмерное влияние финансового сектора на реальный мир и его «пионерная» роль в экономической нестабильности.

Неприятно экономической теории способствует и применяемый этой наукой метод «при прочих равных» (метод абстракции). Отвлечение от конкретных событий, сегодня кажущихся значимыми, представляется (при поверхностном знакомстве с экономической теорией) «отрывом от жизни», уходом в «пустопорожние абстракции», утратой предмета. Подобное впечатление поддерживается широким распространением математических методов. Последние обеспечивают большую аналитическую строгость формальных доказательств модели, но усложняют восприятие «модельных» выводов как отражения реальных процессов.

Интеллектуальный спор по проблемам экономической теории часто отпугивает молодёжь (и не только студентов) от работы в данной области. В этой ситуации для формирования заинтересованности студентов в фундаментальных знаниях особое значение имеет «доведение до практики» общих абстрактных понятий, что важно для понимания сути происходящего в реальной экономике и смысла применяемого в экономической теории метода. Другая сторона этой задачи – показать при изучении конкретной экономики, что в основе многочисленных «непохожих», уникальных, исключительных явлений реальности лежат взаимозависимости и соотношения основных (общих, базовых, фундаментальных) экономических явлений и процессов, не исчезающие с изменением в окружающей среде. Именно это и должно быть усвоено при исследовании смысла теоретических версий. Поиск глубинных оснований, сформулированный как учебная задача, может быть весьма привлекательным для студентов.

Темы студенческих докладов, эссе, курсовых работ, выступлений на конференциях и проч., связанные с кейнсианством, сравнительным анализом разных подходов к экономическим проблемам, применением инструментов анализа кейнсианской теории к исследованию современной практической экономики – это хорошее поле для студенческих исследовательских работ в области теоретической и конкретной экономики.

¹ В любопытной статье (перевод с английского) о «превосходстве экономистов» авторы обращают внимание на «интеллектуальную самоуверенность экономистов». Научные притязания экономической науки связаны также и с использованием формальных методов. «И хотя уникальное положение экономистов даёт им особую власть, позволяющую менять мир, оно же делает их более подверженными конфликтам интересов, критике и насмешкам, если что-то не получается» [4, с. 48].

² Один из величайших экономистов Ирвинг Фишер, без открытий которого трудно представить экономическую теорию не только первой половины XX в., но и современную, чей авторитет был признан в экономическом мире, отрицал возможность значительного спада экономики в 1929 г. Он продолжал это утверждать и в то время, когда кризис уже разразился, и его разрушительный эффект начал сказываться повсюду.

Разумеется, такая проблематика не предлагается всем изучающим экономическую теорию в качестве обязательной, но, будучи включенной в список тем по выбору, направляет поиск студентов,

склонных к углублённому анализу, «копанию» в нестандартных, новых идеях, новых источниках информации и проч.

Список литературы

1. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978, 494 с.
2. Кругман П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата. М., 2009, 336 с.
3. Патinkin Д. Деньги, процент и цены. Соединение теории денег и теории стоимости. М., 2004, 375 с.
4. Фуркад М., Ольон Э., Альган Я. Превосходство экономистов // Вопросы экономики. 2015. №7. С. 45–72.
5. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М., 1988, Гл. V, 488 с.
6. Шумпетер Й.А. История экономического анализа в 3 тт. СПб., 2001. Т. 3. С. 991–1664.

Об авторах

Курносова Татьяна Ивановна – к.э.н., доцент кафедры экономической теории МГИМО МИД России.
E-mail: tk7641437@mail.ru.

Рудакова Искра Евсеевна – д.э.н., профессор кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: iskrrud@migmail.ru.

KEYNESIAN THEORY IN THE "MACROECONOMICS" COURSE FOR NON-CORE FACULTIES

T.I. Kurnosova, I.E. Rudakova

Moscow State Institute of International Relations (University), Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Lomonosov Moscow State University, 1/46 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.

Abstract: *The article deals with the issues related to the teaching of Keynesian theory within the scope of macroeconomics course at the faculties of non-economic professions. It highlights the relevance of Keynes' ideas, the importance of the system approach typical for Keynesian theory that is in particular reflected in the understanding of the connection between economics large-scale processes on the whole and micro-level phenomena. The authors draw special attention to the importance of selecting the sections of Keynesian theory to be included in the economics short course in order to avoid overlooking the scientific significance of the material/data and to retain the essential achievements of the scientist. It refers to the balance of non-financial sector and labor market, to the idea of joint equilibrium in goods and money markets. Particular attention is dedicated to the recognition of the roles of both market and government stated by Keynes. This essential feature of the theory should be reflected in providing educational material. The authors underline that while studying the issues related to such terms as consumption, capital accumulation, investment and money demand, it is necessary to point out the role of psychological factors. These aspects of Keynesian analysis are of key importance for the economic processes' construction. Moreover, they have predetermined the direction of macroeconomics studies for the subsequent decades.*

Special attention in the article is also paid to the students' motivation as one of the conditions for mastering the material taught.

Key words: John Maynard Keynes, Keynesian cross, equilibrium mechanism, goods market, money market, government policy, limit analysis, government intervention, private choice, full-time employment, effective demand, motivation.

References

1. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. New York: Harcourt, Brace and Company, 1936. (Russ. Ed.: Keynes J.M. Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg. Moscow, Progress, 1978. 494 p.)

■ Мировая экономика

2. Krugman P.R. The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. W. W. Norton, 2008. 224 p. (Russ. Ed.: Krugman P. Vozvrashchenie Velikoi depressii? Mirovoi krizis glazami nobelevskogo laureata. Moscow, Eksmo, 2009. 336 p.).
3. Patinkin D. Money, Interest and Prices: An integration of monetary and value theory. Row, Peterson, 1956. (Russ. Ed.: Patinkin D. Den'gi, protsent i tseny. Soedinenie teorii deneg i teorii stoimosti. Moscow, Ekonomika, 2004. 375 p.).
4. Fourcade M., Ollion E., Algan Y. The Superiority of Economists. Journal of economic perspectives, vol. 29, No 1, winter 2015, pp. 89–114. (Russ. Ed.: Furkad M., Ol'on E., Al'gan Ia. Prevoskhodstvo ekonomistov. Voprosy ekonomiki, 2015, №7, pp. 45–72).
5. Hicks J. Value and Capital. Oxford. Clarendon Press, 1939. (Russ. Ed.: Khiks D. Stoimost' i kapital. Moscow, Progress, 1988. Gl. V. 488 p.).
6. Schumpeter J.A. History of Economic Analysis. 1954. (Russ. Ed.: Shumpeter I.A. Istoriia ekonomicheskogo analiza v trekh tomakh. Saint- Petersburg, Ekonomicheskaya shkola, 2001. T. 3, pp. 991–1664.).

About the authors

Tatyana Ivanovna Kurnosova – Ph.D. in Economics, Senior Lecturer of the Department of Economic of MGIMO University. E-mail: tk7641437@mail.ru.

Iskra Evseevna Rudakova – Ph.D. in Economics, Professor of the Department of Political Economy, Lomonosov Moscow State University. E-mail: iskrud@migmail.ru.

РЫНОЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ XXI ВЕКА: НОВЫЙ ПОДХОД К СЕГМЕНТАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

М.И. Соколова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Мировое экономическое развитие в XXI в. сохраняет тенденции и противоречия предшествующего столетия. Экономический рост в ряде стран и, как следствие, рост потребления соседствует с обострением глобальных проблем современности. Это не только экология и климатические изменения, что, несомненно, достойно внимания мирового сообщества, но и социальные проблемы. Среди последних вопрос бедности занимает центральное место. Бедность является общемировой проблемой, участие в решении которой принимают местные органы власти, международные организации, коммерческие и некоммерческие структуры. Игнорировать катастрофическое положение в борьбе с данной проблемой нельзя. Необходимо искать пути её решения не только существующими методами, но и разрабатывая новые подходы. Одной из наиболее значимых тенденций в борьбе с бедностью является развитие коммерческих предприятий, работающих в сегменте населения с низким уровнем дохода и позволяющих выйти из нищеты миллионам человек по всему миру. Иными словами, одним из решений проблем бедности, может стать привлечение коммерческого капитала путём экономического обоснования доходности и перспективности инвестиций в компании, работающие в сегменте населения с низким уровнем дохода. Подобный подход включает это население в экономическую активность, делает их полноценными участниками рынка, что способствует созданию потенциала для экономического роста и является ключевым шагом к выходу из бедности.

Ключевые слова: сегментация, дно экономической пирамиды, уровень дохода, бедность, паритет покупательной способности, методы борьбы с бедностью, инновации, благотворительность, социальное предпринимательство, социально ответственный бизнес.

В современных условиях быстро меняющейся внешней среды предпринимателям необходимо искать нестандартные рыночные решения, обеспечивающие возможность разрабатывать новые продукты, находить новые рыночные ниши и в конечном итоге совершать прорыв в бизнесе. Без сомнения, инновационные подходы к выбору своей потребительской аудитории являются частью рыночной концепцией XXI в., заставляя менеджеров изменять отношение к потребителям своего товара.

Традиционно сегментация в маркетинге базируется на многих факторах, что позволяет компании-производителю найти своего покупателя и всеми доступными средствами его удержать [4]. Рассмотрим модифицированный подход к этому вопросу, основанный на идеях С.К. Прахалада и Стьарта Л.Харта [11]. В дополнение к сегменту «основание (дно) экономической пирамиды» («bottom of the economic pyramid») вводятся сегменты «вершина (пик) экономической пирамиды» («top of the economic pyramid») и «середина экономической пирамиды» («middle of the economic pyramid»). Все эти термины обозначают сегменты рынка, определяемые уровнем дохода и покупательной способностью потребителей.

Анализировать маркетинговые инструменты, используемые компаниями в сегменте «середина экономической пирамиды», дело трудоёмкое и неблагодарное, так как им посвящены тысячи фундаментальных и не очень исследований. В большей степени для изучения интересны сегменты «дно» и «пик» экономической пирамиды.

Рассмотрим проблему, связанную с идентификацией сегмента «дно экономической пирамиды».

Мировое экономическое развитие в XXI в. хранит тенденции и противоречия предшествующего столетия. Экономический рост в ряде стран и, как следствие, рост потребления соседствует с глобальными проблемами современности. Это не только экология и климатические изменения, что достойно внимания мирового сообщества, но и обострение социальных проблем. Среди последних – бедность. Она присутствует во всех странах и занимает центральное место, способствуя усилению противоречий.

В 2011 году население планеты достигло отметки в 7 млрд человек. Скачок с 5 до 7 млрд потребовал всего 25 лет. Интересно, что численности в 1 млрд человек человечество достигло за 50 тыс. лет. Такие темпы роста населения сохранятся и в будущем. Так, по оценкам ООН к 2025 г. население Земли будет составлять около 8 млрд человек, а к 2040 г. может возрасти до 9 млрд [5].

При этом следует отметить, что динамика прироста населения в беднейших странах мира составляет 2–3% в год, а в стабильных и богатых в экономическом плане странах – 0,3–0,6%. Такая диспропорция приводит к усилению социального дисбаланса, то есть к углублению пропасти между богатыми и бедными. Так, 61 млн человек

в мире получают такой же доход, как 3,5 млрд человек с наиболее низкими доходами. Другими словами, на каждый доллар богатого приходится меньше 2 центов бедного, и это, если работа есть.

По данным Всемирного банка, на сегодняшний день более чем 2,5 млрд человек имеет доход менее двух долларов США в день. Основная часть малообеспеченного населения Земли распределена по странам Африки южнее Сахары, Южной Америки и Азии. Не менее актуальной проблема бедности является и для России. Количество человек, чьи доходы не превышают величину прожиточного минимума, по состоянию на начало 2013 г. составляет 11% населения России, а в абсолютном выражении – 15,6 млн человек [7].

По оценкам Росстата, в конце 2015 года из 77,3 млн работающих россиян уже 22 млн человек получают доходы ниже прожиточного минимума, а количество безработных достигло отметки в 4,1 млн человек [3].

Понятие «бедность» характеризуется целым набором экономических и социологических факторов, влияющих на уровень жизни отдельно взятого человека. Ему и оценке количества бедных на Земле посвящено большое количество отчётов и докладов ООН, Всемирного банка, МВФ и др. Но, несмотря на весь объём исследований, единого всеобъемлющего критерия бедности на сегодняшний день не разработано. Тем не менее, определяющей и наиболее часто упоминаемой характеристикой бедности, является количество денежных средств по паритету покупательной способности (ППС), которое человек получает в день.

Важно отметить, что недостаток денег сам по себе не является проблемой для бедного человека. Бедность определяется ограниченностью набора благ, которые может позволить себе индивид из-за низкого уровня дохода.

Доход на душу населения был использован в качестве критерия для определения целевой группы в большинстве исследований, посвящённых изучению маркетинговой деятельности компаний в сегменте населения с низким уровнем дохода. Именно этот критерий используется для определения понятия «бедность» и «беднейшее население» или «основание экономической пирамиды» [10] в данной работе.

Если попытаться оценить количество людей на Земле, живущих за чертой бедности, то по разным оценкам (в зависимости от выбранного критерия) получится от 40% до 55% населения нашей планеты.

Бедность в подобных масштабах – общемировая проблема, в решении которой участвуют местные и государственные органы власти, коммерческие и некоммерческие структуры, международные организации. Игнорировать катастрофическое положение в борьбе с бедностью нельзя. Необходимо искать пути решения этой проблемы не только существующими методами, но и разрабатывая новые подходы. Одной из наиболее значимых тенденций в сфере борь-

бы бедностью является развитие коммерческих предприятий, работающих в сегменте населения с низким уровнем дохода, которые посредством своей деятельности помогают выйти из нищеты миллионам человек по всему миру. В связи с этим встаёт вопрос о перспективности стимулирования экономической активности предприятий в этом сегменте как основного инструмента для преодоления бедности.

Исходя из традиционных представлений о функционировании мировой экономической системы, вся совокупность экономических и социальных вопросов, в том числе и проблема бедности, решается на трех уровнях:

1. Частный сектор / Бизнес.
2. Общественный сектор / Государство, международные организации.
3. Некоммерческие организации.

В экономическом смысле, само существование явления бедности является показателем того, что рыночная экономика в существующем виде оказывается неспособной создать товары и услуги для данных слоёв населения, вследствие чего возникают социальные проблемы, решением которых должно заниматься государство, либо специализированные организации.

С другой стороны, если принять гипотетическую возможность создания товаров, которые будут пользоваться платёжеспособным спросом среди малообеспеченных потребителей, социальные проблемы можно будет решать, развивая новый, объёмный и малоизученный сегмент рынка.

В настоящее время потребности многочисленной неплатёжеспособной части населения в своём большинстве не обеспечиваются частным сектором. Данную группу населения можно разделить на 3 подгруппы в зависимости от их степени охвата рыночной деятельностью компаний. Это:

- абсолютно неплатёжеспособное население, и, как следствие, отсутствие заинтересованности коммерческих организаций в работе с данной группой (потребности данной группы удовлетворяются за счёт мер, принимаемых государством);
- население с ограниченной платёжеспособностью (в данном случае, как правило, предпринимательский сектор не принимает участия в разрешении потребностей данной группы);
- население с низким уровнем платежеспособности, формирующим малорентабельный сегмент рынка (на нём ведут свою деятельность социальные предприниматели, основной целью которых, прежде всего, является решение определённых социальных проблем, а полученная прибыль служит для поддержания деятельности предприятия, то есть получение дохода не является приоритетом).

Традиционными и наиболее часто применяющимися способами борьбы с бедностью является непосредственная финансовая и ма-

териальная помощь, снабжение продовольственными ресурсами, финансирование медицинских мероприятий, таких как вакцинации и другие действия, которые можно объединить термином «благотворительность». Борьба с бедностью является одной из приоритетных задач в рамках «Целей развития тысячелетия» ООН. При этом важно отметить, что борьба с бедностью развивается не только экстенсивно, по объёму охваченного населения, но и интенсивно, путём диверсификации подходов к решению проблемы. В рамках борьбы с бедностью применяются следующие методы:

- Сотрудничество с правительствами развивающихся стран по вопросам составления бюджетной политики, направленной на решение проблем нищеты и финансирование проектов посредством дотаций на государственном уровне.
- Ведение объективной статистики бедности.
- Решение проблем безработицы, сотрудничество с государственными структурами с целью увеличения занятости населения.
- Развитие международных коммерческих отношений посредством консультаций развивающихся стран при осуществлении внешнеэкономических операций.
- Стимулирование развития финансовых систем беднейших стран.
- Выполнение роли посредника при налаживании контактов между развивающимися странами.
- Сотрудничество с коммерческими компаниями с целью развития внутренних рынков развивающихся стран. В данном случае ООН стремится увеличить количество рабочих мест в стране и доходы населения, а компании, в случае если они не заинтересованы напрямую в осуществлении благотворительной деятельности, либо получают новых поставщиков сырья, либо расширяют рынки сбыта, либо поддерживают имидж в рамках работы над «корпоративной социальной ответственностью» [13].

ООН для достижения целей развития тысячелетия удалось добиться снижения бедности во всех регионах мира, включая Африку южнее Сахары.

Несмотря на очевидную отдачу в краткосрочном периоде, данный подход обладает рядом недостатков в долгосрочной перспективе. Рассмотрим ситуацию более детально. Так, безвозмездная продовольственная помощь во многих случаях наносит ущерб местным производителям продуктов питания, на чью продукцию падает спрос вследствие появления бесплатного конкурирующего продукта. Снижение прибыли отрицательно влияет на общую покупательную способность населения, так как стимулов для появления новых источников дохода населению предоставлено не было. Таким образом, в случае временного, либо же полного приостановления потока продовольственных дотаций проблема

голода в стране встанет ещё быстрее, чем до начала оказания благотворительной помощи. Усиление зависимости экономик развивающихся стран от развитого мира также негативно сказывается на количестве людей, живущих за чертой бедности в случае глобальной рецессии.

На сегодняшний день нельзя сказать, что вся совокупность подходов, нацеленная на борьбу с бедностью, работает достаточно эффективно для решения проблемы. В качестве примера уязвимости и нестабильности современной системы можно привести влияние текущего мирового экономического кризиса на реализацию проекта «Цели развития тысячелетия» ООН. Существенные риски в его осуществлении подчеркнул в своих заявлениях генеральный секретарь организации Пан Ги Мун [13].

Более того, негативное влияние кризиса может оказаться долгосрочным: уровень крайней нищеты к 2015 и даже к 2020 г. может остаться несколько выше, чем в случае сохранения докризисных темпов роста мировой экономики. Показательной является статистика населения за чертой бедности в странах «чёрной Африки», где дотационные методы помощи традиционно преобладают над стимулированием экономического развития.

Так, по данным ООН, произошло снижение количества бедных в период с 1998 по 2008 г., но уже после 2009 г. их количество опять повысилось до уровня 64% [2, с.10].

Эти цифры наглядно демонстрируют необходимость резервирования свободных денежных средств развитыми странами для поддержания проектов негосударственных организаций, нацеленных на решение проблемы бедности. Сложившаяся ситуация показывает, что современная система борьбы с бедностью:

- объективно убыточна с экономической точки зрения;
- сильно зависима от глобального экономического климата;
- неспособна к должному функционированию без достаточного внешнего контроля и финансирования.

Недооценивать то, что делается сегодня, нельзя, так как это, безусловно, даёт положительные результаты, значительно облегчая жизнь миллионов людей по всему миру. Однако указанные выше недостатки усложняют существующий подход к решению проблемы.

Сам факт оказания безвозмездной помощи противоречит принципам рыночной экономики, доминирующей в современном развитом мире. Объём денежных средств, направляемых на борьбу с бедностью, ограничен и приравнивается к средствам, не приносящим прибыль, то есть является чистым убытком с экономической точки зрения.

Экономическая теория утверждает, что важнейшим условием для привлечения инвестиций является перспектива получения доходов. Причём чем выше ожидаемая доходность, тем

большее количество инвесторов будет вовлечено, обеспечивая больший приток как денежных средств, так и нематериальных активов, в частности, ноу-хау и технологий.

При использовании рыночного подхода тоже максимизируется отдача, так как ожидание максимальной доходности от вложений само по себе является стимулом для инвестора обеспечить эффективное управление деятельностью предприятия [6].

Таким образом, для повышения результативности, независимости и привлекательности для инвесторов, механизм борьбы с бедностью наряду с целями благотворительности должен приносить прибыль и обладать способностью к самофинансированию.

Иными словами, альтернативным методом, позволяющим на порядок более эффективно решить проблему бедных слоёв населения, может являться привлечение коммерческого капитала путём информационного обеспечения и экономического обоснования доходности и перспективности инвестиций в компании, работающие в сегменте населения с низким уровнем дохода. Подобный подход включает население с низким уровнем дохода в экономическую активность, делает их полноценными участниками рынка, что способствует созданию потенциала для экономического роста и является ключевым шагом к выходу из бедности.

Именно такой подход разрабатывается в рамках концепции ведения предпринимательской деятельности в сегменте «Основание (или дно) экономической пирамиды»

Впервые термин «основание экономической пирамиды» («bottom of the economic pyramid» и «base of the economic pyramid») прозвучал в публикациях профессоров Мичиганского университета С.К. Прахалада и Стюарта Л. Харта в 2002 г. [10]. Сегодня в литературе часто используется аббревиатура «BoP».

Эти исследователи первыми стали говорить о неэффективности традиционных методов маркетингового подхода ТНК к рынкам развивающихся стран. Так, зачастую в таких странах как Индия и Бразилия, где обеспеченные слои составляют малую часть населения, используются те же методы рыночной политики, которые пользуются популярностью на рынках развитых стран. Авторы предложили сделать акцент на разработке принципиально нового подхода, предусматривающего разработку новых продуктов, методов продаж и взаимодействие с местными предпринимателями.

В зависимости от степени ориентированности на получение прибыли можно выделить следующие подходы к решению социальных проблем: благотворительность, социальное предпринимательство, социально ответственный бизнес [1,9].

Целью благотворительности в чистом виде является исключительно оказание помощи, без получения прибыли в какой-либо форме [4].

Социальное предпринимательство также в первую очередь ориентировано на решение определённых проблем населения. Его участники не ставят своей целью получение прибыли как таковой. Такого рода бизнес часто финансируется некоммерческими организациями и благотворительными фондами. Тем не менее, самоокупаемость первостепенна для социальных предприятий, а в некоторых случаях они становятся даже прибыльными.

К социально ответственному бизнесу относятся корпорации, уделяющие должное внимание корпоративной социальной ответственности. Деятельность большинства компаний, ориентированная на решение социальных проблем, в реальности направлена на улучшение своей репутации, увеличение продаж и получение прибыли. При этом социальная польза довольно часто бывает лишь условностью, так как все положительные результаты программ в рамках КСО перевешиваются негативными последствиями результатов основной деятельности организации. Так, компания «Бритиш Американ Табакко» производит сигареты, то есть продукт, оказывающий вредное влияние на здоровье не только курильщика, но и его окружающих. В то же время эта компания активно реализует идеи КСО.

При этом суть подхода заключается именно в симбиозе предпринимателей и малообеспеченного населения, когда первые получают прибыль, а вторые улучшают свой уровень жизни. Всё это сводится к следующему: инвестор, привлечённый многочисленностью и перспективностью целевой группы, сталкивается с крайней ограниченностью ресурсов у потребителей, что делает рентабельным создание условий для повышения их благосостояния. Эта же нехватка ресурсов вынуждает предпринимателя снижать издержки, создавать производственные и сбытовые цепи, работающие с максимально возможной эффективностью. Необходимо разумно применять местные материалы, поставщиков и рабочую силу, создавая рабочие места и развивая принципы рационального рыночного хозяйства для того, чтобы избежать излишних расходов. С.К. Прахалад и С.Л. Харт утверждают, что сегмент населения с низким уровнем дохода имеет долгосрочные перспективы развития, связанные с распространением на него деятельности транснациональных корпораций, которые начинают видеть в нём существенный потенциал развития.

При этом применение их концепции в вопросах решения глобальных социальных проблем оценивается настолько высоко, что для определённой части инвесторов, в основном из числа особо состоятельных семей, приоритетом является именно социальный аспект, что, по мнению специалистов, является серьёзным источником инвестиций для предприятий, работающих в сегменте населения с низким уровнем дохода.

С.К. Прахалад выделяет следующие укрупнённые убеждения маркетологов, кото-

рые приводят к ошибкам транснациональных корпораций при работе в сегменте населения с низким уровнем дохода:

- 1) Бедные люди не могут позволить себе покупать продукты корпорации.
- 2) Бедные люди не могут использовать продукты корпорации.
- 3) Только в развитых странах существует потребность в новых технологиях.
- 4) Рынок беднейших слоёв населения коммерчески непривлекателен в долгосрочной перспективе.

Стратегия следования приведённым ошибочным тезисам сужает потребительский рынок развивающихся стран до объёмов целевой группы зажиточных жителей городов, что в количественном измерении составляет не более 20-30% от общего населения [11].

При этом за каждым тезисом кроются глубоко укоренившиеся принципы маркетинговой деятельности, основанные на опыте работы с потребителями, входящими в сегмент «середина экономической пирамиды». Так, за утверждением о недоступности товаров населению с низким уровнем дохода кроется непринятие перспективы изменения структуры издержек производства. Невозможность приобретения товаров такими людьми ведет к установлению преобладающей роли дизайна и методов продвижения продукта над его потребительскими свойствами, а это является одним из принципов маркетинга на рынках развитых стран. Эти два тезиса по своей сути напрямую связаны с представлением о нерентабельности освоения сегмента населения с низким уровнем дохода в долгосрочной перспективе.

При подобном подходе упускается тот факт, что рынки развитых стран находятся в основном на стадии насыщения и затраты на маркетинговые исследования, рекламные кампании и на разработку нового дизайна для уже существующих продуктов с целью увеличить продажи:

во-первых, влекут за собой существенное увеличение себестоимости продукта,

во-вторых, игнорируют потребности большей части населения планеты, что противоречит принципам устойчивого развития, непрерывно набирающим популярность в течение последних десятилетий.

Все это ограничивает возможности по дальнейшему освоению развитых рынков.

При этом экономическое развитие сегмента «основание экономической пирамиды» и адаптация продуктов и маркетинговых стратегий к новым условиям ведения бизнеса предоставляет существенные конкурентные преимущества, как с позиции соблюдения принципов устойчивого развития, так и с сугубо коммерческой точки зрения, с учётом численности представителей сегмента.

Различные структуры устанавливают свои критерии причисления к группе «бедных» с точки зрения маркетинга. Так, при определении бед-

■ Мировая экономика

ности Международная финансовая корпорация (IFC) предложила определить уровень дохода для причисления к целевой группе на более высоком уровне, чем рекомендует Мировой банк. В данном случае бедными, то есть потенциальными клиентами компаний, работающих в сегменте населения с низким уровнем дохода, предложено считать людей с доходом около 8 долларов США в день (3000 долларов США в год) по паритету покупательной способности. По оценкам IFC, численность данной группы населения превышает 4 млрд человек.

При этом важно отметить, что ввиду статистических погрешностей и использования различных методологий подсчёта, данные о численности населения «основания экономической пирамиды» разнятся. Различается и уровень доходов, ниже которого человек определяется как «бедный». По сравнению с некоторыми другими источниками, количество людей, включаемых в группу, недооценено. Так, по данным Всемирного банка, количество человек с годовым доходом менее 8 долларов США по ППС в день приближается к 5 млрд.

Эта группа не является однородной, она включает в себя людей с разными предпочтениями и ведущих разный образ жизни. Общим для всех них является ограниченность доступа к финансовым и информационным ресурсам и самой экономической системе, в которой они ведут хозяйственную деятельность.

По прогнозам Всемирного банка, до 2040 г. количество людей, включаемых в группу «основание пирамиды», может вырасти до 6 млрд ввиду того, что именно они в основном обеспечивают прирост численности населения Земли [12].

Согласно результатам исследования Международной финансовой корпорации, внутренняя структура сегмента населения с низким уровнем дохода существенно различается по регионам. Так, в странах Африки большую часть составляют самые беднейшие подгруппы, проживающие на 1000 и 500 долларов США в год, тогда как в странах восточной Европы ситуация обратная – наибольшая доля приходится на относительно более богатые подгруппы, чей ежегодный доход составляет 3000 и 2500 долларов США. Учитывая данную неравномерность распределения доходов внутри наименее обеспеченной группы, общая ёмкость рынка оценивается Международной финансовой корпорацией в 5 трлн долл. США [16, с.4]. Другие источники оценивают этот показатель в диапазоне от 0,3 до 13 трлн долл. [15, с.9]. Данные варьируются, в том числе, в зависимости от методологии, использованной для проведения расчётов.

Даже по наиболее усреднённым и объективным оценкам, представители беднейшего населения Земли формируют около половины потребительского рынка развивающихся стран.

Но по мере увеличения экономической активности, доходы и, как следствие, покупательная способность этих потребителей будут расти.

Сегмент «основание экономической пирамиды» наряду с очевидной перспективностью его освоения имеет и негативные характеристики, которые необходимо учитывать компаниям, выходящим на данный сегмент. К числу таких отрицательных моментов можно отнести:

- отсутствие регулярных доходов у беднейших слоев населения;
- сложность в разделении потребности и спроса;
- трудности в организации логистической цепочки поставок;
- неэффективная работа мелких поставщиков;
- неразвитая предпринимательская среда в регионах преимущественного проживания беднейших слоев населения;
- риски невозврата кредитов.

Тем не менее, грамотная маркетинговая политика компаний при работе с беднейшими слоями населения может значительно снизить вышеперечисленные риски. Компаниям, задумывающимся о работе в сегменте «основание экономической пирамиды», в первую очередь следует задуматься о снижении издержек и планировать получение прибыли не за счёт высоких цен, а за счёт объёмов производства.

В частности, многие успешные предприниматели и финансисты считают, что предоставлять кредиты мелким клиентам, особенно тем, кто имеет низкий уровень дохода, опасно. Однако факты говорят об обратном. Например, уровень невозврата кредитов в банке «Грэммин» (Grameen Bank), крупнейшем банке Бангладеш по микрокредитованию, составляет менее 1,5% при численности клиентской базы в 2,5 млн человек [18]. Концепция банка заключается в следующем: решение о выдаче кредита основывается не на материальной обеспеченности потенциального заёмщика, а на его потенциальной способности основать и развить прибыльный бизнес. Такой потенциал, по мнению основателя банка, есть у каждого человека. Кредиты выдаются группе людей численностью от 5 человек, лидер которой принимает основные решения, касающиеся инвестирования заёмных средств. Он же несёт ответственность за выплату долга, а стимулом для остальных являются исключительно моральные обязательства.

Кредит предоставляется для обеспечения самозанятости, для осуществления деятельности, приносящей доход, для обеспечения беднейших слоёв населения жильём, а не на приобретение товаров широкого потребления. Укреплению рыночных позиций банка «Грэммин» способствовало грамотное позиционирование бренда. Усилия были направлены на создание имиджа ответственного партнёра малообеспеченного населения, чему в значительной мере способствовало внедрение единых правил и обязательств для всех заёмщиков. Эти правила объединены в 16 принципов, обязательных к исполнению всеми клиентами

банка. Среди них можно выделить, например, такие:

- принести в свои семьи процветание,
- отремонтировать дома и работать на строительстве новых домов,
- содержать детей и окружающую среду в чистоте,
- давать детям образование и добиваться того, чтобы они могли зарабатывать деньги для оплаты своего образования,
- выращивать овощи круглый год и про-давать излишки и т.д.

Данные принципы выполняют две основные функции. Во-первых, они являются составной частью социально-ответственной концепции банка, позиционирующего себя скорее, как организацию по борьбе с бедностью, чем как кредитора. Во-вторых, поддержание дисциплины и улучшение общего уровня жизни клиентов положительно влияет на показатели возврата кредитов.

Используя подход, основанный на выдаче кредитов без материальных гарантий, банку «Гремин» удаётся существенно экономить на анализе кредитоспособности и оценке залогового имущества. Выдавая около 1,5 млрд долларов кредитов в год, банк ежегодно получает примерно 10 млн долларов прибыли.

Банк «Гремин» является основоположником современного института микрофинансирования, получившего широкое распространение во всём мире.

Можно говорить и о путях снижения других рисков. Например, оценивая трудности в организации цепочки поставок товаров, целесообразно модифицировать традиционные логистические методы и разработать модели, обеспечивающие снижение затрат.

Известно, что по ряду товаров транспортные издержки могут значительно увеличить

цену товара, что, естественно, делает его недоступным для беднейших слоёв населения. Существует множество маркетинговых приёмов организации логистических цепочек, позволяющих обеспечить доставку товара до потребителя с минимальными затратами.

Один из таких подходов был реализован компанией «Кока-Кола» (Coca Cola) в Мозамбике, Кении, Эфиопии, Уганде, Танзании [17]. Суть подхода состоит в создании «Региональных распределительных центров» (РРЦ), объединяющих в сеть индивидуальных предпринимателей, которые осуществляют доставку продукции (в основном вручную), в труднодоступные регионы, где традиционные способы логистики неэффективны. Каждый РРЦ обслуживает до 150 магазинов и точек реализации.

Помимо коммерческой выгоды, которая состоит в значительном увеличении объёма продаж продукции компании по всей территории Восточной Африки, реализованный проект имеет и серьёзный социальный эффект:

- создано около 50 тыс. рабочих мест;
- усилено вовлечение женщин в трудовой процесс, что для Африканского региона является особенно актуальным;
- повышена квалификация местных кадров за счёт обучения работников РРЦ.

Приведённые примеры наглядно демонстрируют возможность получения прибыли и снижения рисков при работе компаний в сегменте «основание экономической пирамиды».

Экономическая активность сегмента населения с низким уровнем дохода очень низка, а сам сегмент до конца не изучен. Задача бизнеса, если он социально ответственен, вывести население «основания экономической пирамиды» на новый уровень потребления.

Список литературы

1. Дементьева А.Г. Соколова М.И. Управление персоналом. М.: Магистр, 2008. 287 с.
2. Доклад об осуществлении целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия / ООН, Нью Йорк, Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам, июнь 2010. 76 с.
3. Королёва А. Доходы продолжают падать [Электронный ресурс]. // Expert Online. 18.12.2015. Режим доступа: <http://expert.ru/2015/12/18/dohodyi-prodolzhayut-padat/> (дата обращения: 10.04.2016).
4. Крылова Г.Д., Соколова М.И. Маркетинг. Теория и практика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 655 с.
5. Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: Издательство «Европа», 2009. 188 с. ISBN: 978-5-9739-0180-6.
6. Соколова М.И. Корпоративная стратегия и корпоративное управление // Управление корпоративными финансами. 2006. № 4. С. 10 - 15.
7. Стрелец И.А. Влияние новых технологий на экономическое поведение потребителей и фирм // США и Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 8. С. 63 - 72.
8. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума [Электронный ресурс]. / Федеральная служба государственной статистики РФ. 18.04.2013. Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.04.2016).
9. Kotler Ph., Lee N. Corporate Social Responsibility: Doing the Most Good for Your Company and Your Cause. John Wiley & Son Hoboken, New Jersey, 2005. 310 p.

■ Мировая экономика

10. Prahalad C.K. The fortune at the bottom of the economic pyramid / C.K. Prahalad, Stuart L. Hart // strategy + business. 2002. No. 26. 14 p.
11. Prahalad C.K. The fortune at the bottom of the pyramid. Pearson Education, 2010. 497 p.
12. Prahalad C.K., Hammond A. Serving the world's poor, profitably // Harvard business review. Vol. 80. No. 9 (September 2002). Pp. 48 - 57.
13. Fast facts, Poverty reduction / United Nations Development Programme, New York, 2013. 2 p.
14. Interview: C. K. Prahalad // Business Strategy Review. Vol. 15. No. 2. June 2004. Pp. 13 – 16.
15. Karnani A. The Mirage of Marketing at the Bottom of the Pyramid: How The Private Sector Can Help Alleviate Poverty // California Management Review. Vol. 49. No. 4. Summer 2007. Pp. 90 - 111.
16. The next 4 billion. Market Size and Business Strategy at the Base of the Pyramid / The World Resources Institute, WB International Finance Corporation, 2007. 151 p.
17. Nelson J., Ishikawa E. and Geaneotes A. Developing Inclusive Business Models. A Review of Coca-Cola's Manual Distribution Centers in Ethiopia and Tanzania. Executive Summary. / Harvard Kennedy School and WB International Finance Corporation, 2009. 32 p.
18. Grameen Bank – Bank For Small Business. Banking for the poor [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.grameen-info.org> (дата обращения: 05.04.2016).

Об авторе

Соколова Мария Игоревна – к.э.н., профессор кафедры менеджмента, маркетинга и ВЭД МГИМО МИД России. E-mail: mar-sok@mail.ru.

THE MARKET CONCEPT OF THE XXI CENTURY: A NEW APPROACH TO CONSUMER SEGMENTATION

M.I. Sokolova

Moscow State Institute of International Relations (University), Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *World economic development in the 21st century keeps tendencies and contradictions of the previous century. Economic growth in a number of the countries and, as a result, growth of consumption adjoins to an aggravation of global problems of the present. It not only ecology and climatic changes that undoubtedly worth the attention of world community, but also the aggravation of social problems. Among the last the question of poverty takes the central place. Poverty is a universal problem, in solution of which take part local authorities, the international organizations, commercial and noncommercial structures. It is intolerable to ignore a catastrophic situation in fight against this problem. It is necessary to look for ways of resolving it not only by using the existing methods, but also developing new approaches. One of the most significant tendencies in the sphere of fight against poverty is the development of the commercial enterprises working in the population segment with a low income level which by means of the activity help millions of people worldwide to get out of poverty. In other words, attraction of the commercial capital by an economic justification of profitability and prospects of investments into the companies working in the population segment with a low income level can be one of the methods allowing to solve effectively a poverty problem. This approach includes this population in economic activity, makes them by full-fledged participants of the market, which benefits to the creation of potential for economic growth and is a key step to getting out of poverty.*

Key words: Segmentation, Bottom of the economic Pyramid, level of income, poverty, parity of purchasing power, methods of fight against poverty, innovations, charity, social business, socially responsible business.

References

1. Dementieva A. G, Sokolova M. I. Upravlenie personalom [Human Resource Management]. Moscow, Magistr Publ., 2006. 287 p. (In Russian)
2. The report on implementation of the purposes in area of development formulated in the Millennium Declaration. UN Department on economic and social problems, New York, June 2010. 76 p. (Russ.ed.: Doklad

- ob osushchestvlenii tselei v oblasti razvitiia, sformulirovannykh v Deklaratsii tysiacheletia OON, New York, Departament OON po ekonomicheskim i sozhal'nim voprosam).
3. Koroleva A. Dohodi prodolzhaui padat' [The income continues to fall]. Expert Online, 18.12.2015. Available at: <http://expert.ru/2015/12/18/dohodyi-prodolzhayut-padat/> (Accessed: 10.04.2016). (In Russian)
4. Krylova G. D., Sokolova M. I. Marketing. Teoriya i praktika. [Marketing. Theory and practice]. Moscow, UNITY-DANA, 2004. 655 p. (In Russian)
5. Global Trends 2025: A Transformed World. Ed. by C. Th. Fingar. / US National Intelligence Council, November 2008. DIANE Publishing, 2009. 116 p. Available at: https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/2025_Global_Trends_Final_Report.pdf (Russ. ed.: Mir posle krizisa. Global'nie tendenzii – 2025: menyaushisya mir. Doklad Nazional'nogo razvedivatel'nogo soveta CSHA. Moscow, Evropa Publ., 2009. 188 p.)
6. Sokolova M. I. Korporativnaya strategiya i korporativnoe upravlenie [Corporate strategy and corporate management]. Upravlenie korporativnimi finansami, 2006, no. 4, pp. 10 - 15. (In Russian)
7. Streletz I. A. Vliyanie novih tehnologij na ekonomicheskoe povedenie potrebitel' i firm [The Impact of new technologies on economic behavior of consumers and firms]. USA and Canada: economy, policy, culture, 2008, no. 8, pp. 63 - 72. (In Russian)
8. Chislennost' naseleniia s denezhnymi dokhodami nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma [Population with the monetary income is lower than the size of a living wage]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF, 18.04.2013. Available at: www.gks.ru (Accessed: 05.04.2016). (In Russian)
9. Kotler Ph., Lee N. Corporate Social Responsibility: Doing the Most Good for Your Company and Your Cause. John Wiley & Son Hoboken, New Jersey, 2005. 310 p.
10. Prahalad C.K. The fortune at the bottom of the economic pyramid / C.K. Prahalad, Stuart L. Hart. strategy + business, 2002, no. 26. 14 p.
11. Prahalad C.K. The fortune at the bottom of the pyramid. Pearson Education, 2010. 497 p.
12. Prahalad C. K., Hammond A. Serving the world's poor, profitably. Harvard business review, vol. 80, no. 9. (September 2002), pp. 48 - 57.
13. Fast facts, Poverty reduction / United Nations Development Programme, New York, 2013. 2 p.
14. Interview: C. K. Prahalad. Business Strategy Review, vol. 15, no. 2, June 2004, pp. 13 - 16.
15. Karnani A. The Mirage of Marketing at the Bottom of the Pyramid : How The Private Sector Can Help Alleviate Poverty. California Management Review, vol. 49, no. 4, Summer 2007, pp. 90 - 111.
16. The next 4 billion. Market Size and Business Strategy at the Base of the Pyramid / The World Resources Institute, WB International Finance Corporation, 2007. 151 p.
17. Nelson J., Ishikawa E. and Geaneotes A. Developing Inclusive Business Models. A Review of Coca-Cola's Manual Distribution Centers in Ethiopia and Tanzania. Executive Summary. / Harvard Kennedy School and WB International Finance Corporation, 2009. 32 p.
18. Grameen Bank – Bank For Small Business. Banking for the poor. Available at: <http://www.grameen-info.org> (Accessed: 10.04.2016).

About the author

Sokolova Maria Igorevna – PhD in Economics, Professor of Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activities of MGIMO the MFA of Russia. E-mail: mar-sok@mail.ru.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

М.Д. Симонова, В.Е. Захаров

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

В представленном исследовании сделан акцент на экономико–статистическом анализе особенностей развития отраслей экономики связанных с использованием возобновляемых источников энергии в отдельных странах. Внедрение технологий, основанных на утилизации возобновляемых источников энергии (далее ВИЭ), является определяющей тенденцией развития мировой энергетики. Неравномерное распределение запасов углеводородов, растущий спрос на них со стороны развивающихся стран и экологические риски, связанные с производством и потреблением ископаемых ресурсов, обусловили рост интереса многих государств к данной сфере. Создание низкоуглеродных экономик подразумевает реализацию планов по увеличению удельного веса чистой энергии за счет ВИЭ, энергоэффективности, снижения выбросов парниковых газов. Приоритетность данного сектора является характерной особенностью современного развития как развитых (США, страны ЕС, Япония), так и быстро развивающихся экономик (Китай, Индия, Бразилия и т.д.), что подтверждается включением развития данного сегмента в государственные энергетические стратегии и пересмотром существующих подходов к энергетической безопасности.

Особый интерес представляет анализ использования ВИЭ, его вклада в добавленную стоимость стран-производителей. За последнее десятилетие доля энергии, произведённой на основе ВИЭ, в энергобалансе крупнейших экономик мира существенно увеличивается. С каждым годом растёт количество электрогенерирующих мощностей на основе ВИЭ, особенно данная тенденция проявляется в Китае, США и странах Европейского союза.

Наблюдается значительное увеличение прямых инвестиций в возобновляемую энергетику. При этом наиболее динамичными темпами развиваются солнечная и ветровая энергетика.

Ключевые слова: энергетика, чистая энергия, возобновляемые источники энергии, «зеленая» энергетика, Европейский союз, США, Китай, Индия, нефтяной эквивалент, ветровая энергетика, прямые инвестиции, добавленная стоимость.

Мировая энергетика находится на этапе глубокой трансформации под влиянием факторов, определяющих траекторию развития мировой экономики. Переход к новому технологическому укладу, основанному на разработке и внедрении инновационных технологий и интеллектуализация промышленного производства, меняют качественные и количественные характеристики мирового топливно-энергетического комплекса (ТЭК), создавая предпосылки для появления принципиально новых методов электрогенерации. Осуществление государственных программ устойчивого развития, разработка и внедрение в экономике энергосберегающих инноваций способствуют качественным сдвигам в отраслевой структуре добавленной стоимости и ВВП стран-производителей.

Обычно проблематика возобновляемой энергетики рассматривается в контексте концепций устойчивого развития, баланса между общественными благами и экологическими издержками, обеспечения непрерывности поставок энергоресурсов, а также с точки зрения соотношения и конкуренции с другими видами энергетики [9, с. 127-133]. Некоторые исследователи (например, С. Якобсон и А. Бергек) полагают, что в современных условиях энергия от возобновляемых источников может лишь дополнить существующие отрасли энергетического сектора и только три больших усилия со стороны государств [7, с. 815-849]. Ф. Тэйрип и В. Танер, напротив, утверждают, что возобновляемая энергетика усилит конкуренцию на рынке, составит конкуренцию и полноценную альтернативу традиционному использованию нефти и угля [15, с. 1303-1310]. Наконец, Р. Шмаленс подчёркивает, что на нынешнем этапе даже в самых развитых странах возобновляемая энергетика развивается неэффективно и не учитывает множество рисков, включая социальные риски [13, с. 45-62]. Эта дискуссия показывает, что роль возобновляемых источников энергии в мировом энергетическом секторе пока исследована недостаточно.

В данной статье с использованием экономико-статистического анализа доказываются наличие устойчивой тенденции возрастания макроэкономического значения возобновляемой энергетики не только для отдельных стран, но и для мировой экономики в целом.

27-28 мая 2015 г. в мексиканском г. Мерида состоялась шестая встреча в рамках Конференции по чистой энергии на уровне министров энергетики более чем 20 государств, включая Российскую Федерацию. В рамках этой Конференции, основанной в 2009 г., участники имеют возможность обсудить экологические проблемы и пути их решения, скоординировать свои действия в вопросах энергоэффективности и «зелёного» роста, поделить передовым опытом в области «зелёной» энергетики, запустить совместные инновационные проекты и т.д. [4].

Благодаря участию в этой организации и при её непосредственной поддержке, некоторым государствам удалось достигнуть существенных результатов в вопросах «зелёной» энергетики. К примеру, в Индии повсеместно используют технологию освещения на основе светодиодных ламп, что снизило потенциальный выброс диоксида углерода эквивалентного выбросу от работы 90 угольных теплоэлектростанций.

Под контролем Консультационного центра Конференции по чистой энергии сегодня реализуется энергетический проект в странах Карибского бассейна. Цель проекта – увеличить долю ВИЭ в производстве электричества до 47% к 2027 г. В 2014 г. в Китае были установлены электрогенерирующие мощности с общей производительностью 98 млн киловатт, при этом 60 % мощностей работает на ВИЭ. Индия планирует увеличить производство энергии из ВИЭ с 30 гигаватт в 2015 г. до 175 гигаватт в 2022 г. В 2015 г. Мексика произвела 22,8% энергии с использованием ВИЭ, а к 2024 г. планирует достигнуть показателя – 35% в общей структуре вырабатываемой энергии [12].

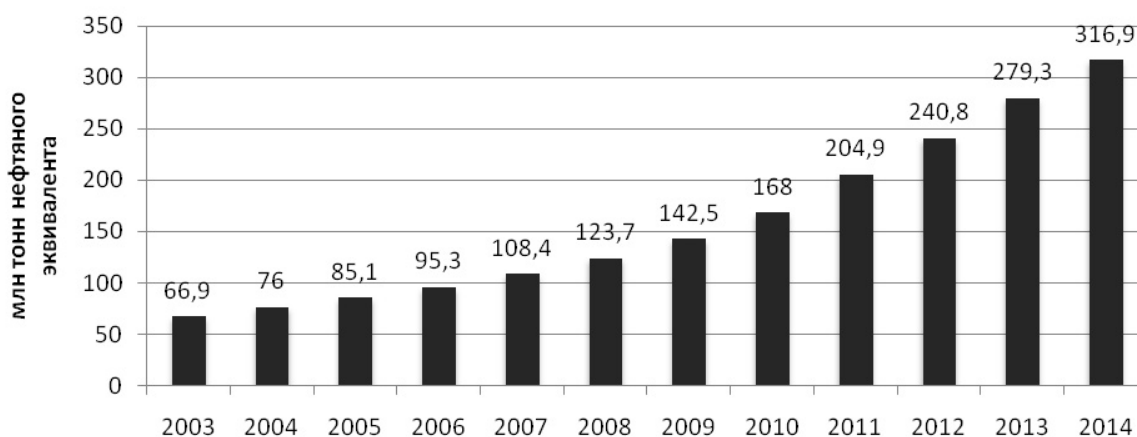
Существуют также независимые программы отдельных государств по переходу на возобновляемую энергетику. В настоящее время США являются одним из мировых лидеров по инвестициям в «зелёную» энергетику и внедрению технологий, основанных на ВИЭ. Более чем в 20 штатах установлены обязательные стандарты внедрения возобновляемых источников энергии, предусматривающие достижение к 2020 г. их доли в суммарном энергобалансе в размере 10 - 20%. В 9 штатах производится 10% и более электричества с помощью технологий, основанных на энергии ветра и солнца: Айова (24%), Южная Дакота (24%), Северная Дакота (15%), Миннесота (14%), Колорадо (12%), Канзас (11%), Айдахо (11%), Оклахома (11%) и Орегон (10%)[11].

Согласно исследованию, проведенному американским Департаментом по энергетике, США имеют достаточный потенциал для увеличения доли производимого электричества за счет ВИЭ до 80% к 2050 г. Если этот показатель будет достигнут, то США смогут сократить на 80% выбросы углекислого газа электрогенерирующими мощностями, которые сегодня работают на ископаемом топливе [11].

Развитие «зелёной» энергетики является на сегодняшний день одним из приоритетов для США по причине роста потребления энергоресурсов и экологических рисков. Повсеместное внедрение технологий, основанных на ВИЭ, является важным элементом Плана по борьбе с изменением климата, принятым в 2013 г. В соответствии с целями, изложенными в этом документе, США должны к 2030 г. производить не менее 30% энергии за счёт ВИЭ, одновременно создавая дополнительные рабочие места и снижая общие издержки производства энергии из ВИЭ [17].

Рисунок 1.

Динамика мирового потребления энергии из возобновляемых источников (млн тонн н.э.)

Источник: BP Statistical Review of World Energy, 2015 URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/Energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-full-report.pdf>

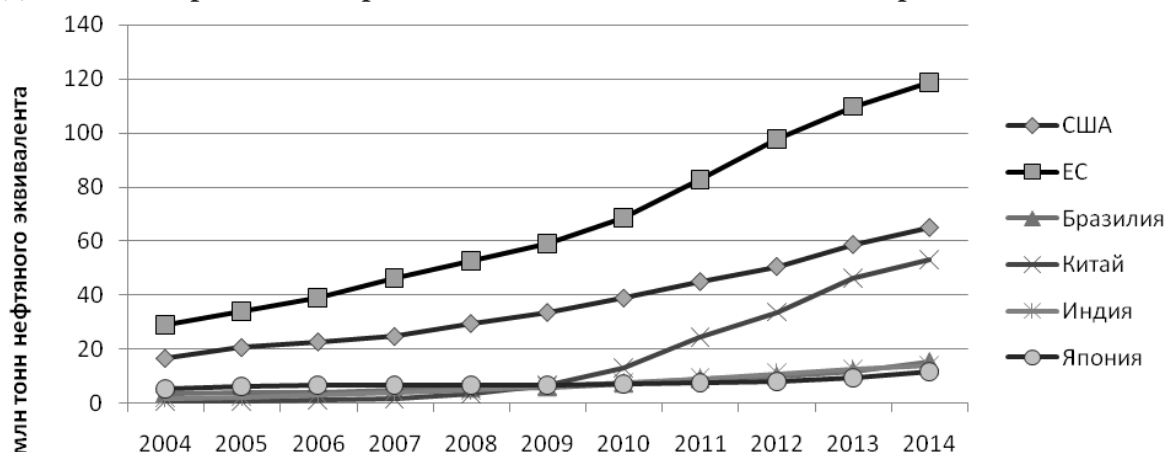
Европейский союз является одним из лидеров в развитии возобновляемых источников энергии. По оценке экспертов ВР, на долю стран ЕС приходится почти 42% мирового потребления возобновляемой энергии, в то время как на долю США – 23%, Китая – 9%, Японии – 4%. За последнее десятилетие Европейскому союзу удалось сформировать системный подход в вопросах развития «зелёной» энергетики. В апреле 2009 г. Европейский парламент и Европейский совет приняли директиву 2009/28/ЕС по использованию энергии из возобновляемых источников. Главной целью данной директивы является увеличение доли энергии из возобновляемых источников до 20% в общем объёме энергопотребления странами ЕС к 2020 г. [8]. Директива определила индивидуальные показатели для каждого государства – члена ЕС в зависимости от исходного положения и общего потенциала для развития ВИЭ. К примеру, для Мальты данный показатель в 2020 г. должен составить 10%, для Швеции – 49%.

В октябре 2014 г. главы государств ЕС утвердили программу стратегии ЕС в области энергетики и борьбы с изменением климата до 2030 г., согласно которой удельный вес энергии из возобновляемых источников к 2030 г. должен составить 27% в общем объёме энергопотребления странам этой зоны. Каждые два года будет публиковаться доклад по достигнутым результатам в данной сфере. В 2014 г. на долю ВИЭ приходилось 15,3% всего энергопотребления (в 2005 г. – 8,7%) [6].

С недавнего времени Китай не уступает Западу по степени вовлечённости в процесс развития ВИЭ, а по некоторым показателям даже опережает его. Энергетической стратегией страны предусмотрено внедрение 100 ГВт суммарной установленной мощности энергоустановок с использованием возобновляемых источников энергии. В 2013 г. в Китае было установлено больше энергогенерирующих мощностей, работающих на ВИЭ, чем во всей Европе и Азии. В соответствии с политикой по разви-

Рисунок 2.

Динамика потребления энергии из возобновляемых источников энергии (млн тонн н.э.)

Источник: BP Statistical Review of World Energy, 2015. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/Energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-full-report.pdf>

тию ВИЭ, Китай должен к 2030 г. производить не менее 16% энергии за счет ВИЭ. При этом, по мнению экспертов Международного агентства по возобновляемым источникам энергии, Китай имеет необходимый потенциал для достижения показателя 26% к 2030 г., что потребует ежегодных инвестиций в «зелёную» энергетику в размере 145 млрд долл. В то же время Китай сможет сохранять от 56 млрд до 228 млрд долл. США ежегодно за счёт сокращения расходов на здравоохранение и борьбу с выбросами диоксида углерода [17].

В 2014 г. на долю возобновляемых источников энергии (без учёта гидроэнергии) пришлось более 5% мирового производства электроэнергии [14]. Согласно данным рис. 1, мировое потребление энергии из возобновляемых источников в период с 2003 г. по 2014 г. возросло в абсолютном выражении более чем в 4,5 раза (с 66,9 млн тонн н.э. до 316,9 млн тонн н.э.¹).

Рис. 2 демонстрирует, что главными потребителями энергии из ВИЭ по-прежнему остаются крупнейшие экономики мира, они увеличили потребление с 2004 по 2014 гг. в несколько раз: США – с 16,6 млн тонн н.э. до 65 млн тонн н.э. (в 3,9 раза), страны ЕС – с 29,1 млн тонн н.э. до 118,7 млн тонн н.э. (в 3,9 раза), Китай – с 0,9 млн тонн н.э. до 53,1 млн тонн н.э. (в 59 раз) и т.д..

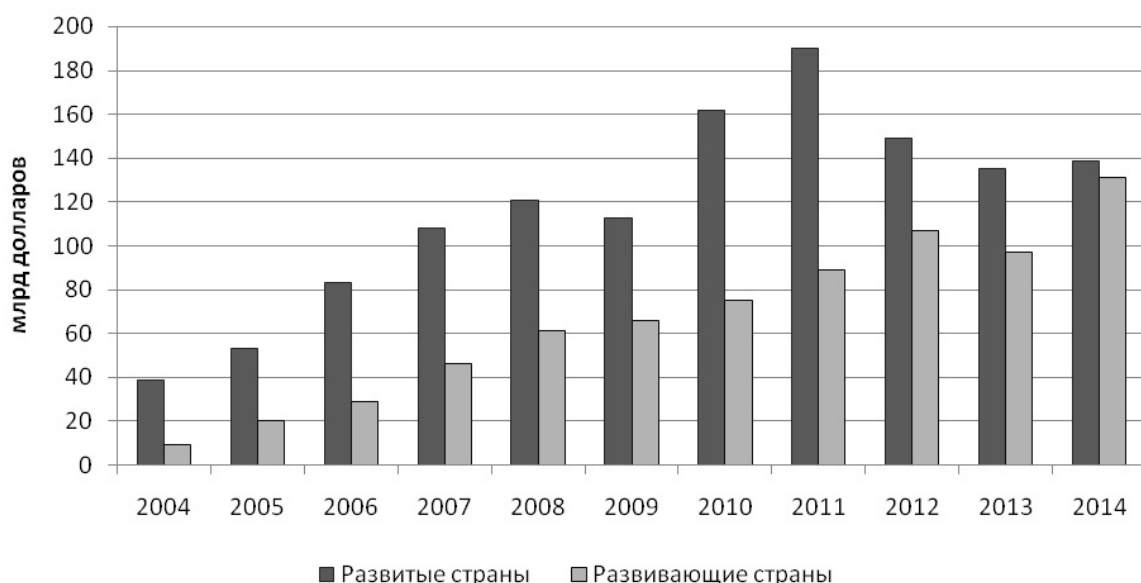
В условиях глобальной конкуренции и политической нестабильности определенных регионов, возобновляемая энергетика может позволить государствам-импортёрам энергоресурсов существенно снизить свою зависимость от внешних поставок, тем самым укрепить свою энергетическую безопасность. Существует также прямая корреляция между развитием энергетиче-

ки, основанной на возобновляемых источниках энергии и мировыми ценами на энергоресурсы. Соответственно, чем выше цена последних, тем более динамично развивается этот сегмент мировой энергетики. В этом контексте происходит ужесточение экологических требований и стандартов, что приводит к удорожанию капиталовложений в строительство традиционных энергетических мощностей и заставляет пересматривать традиционные практики [5].

Основной проблемой внедрения возобновляемых источников – более высокая себестоимость получаемой энергии по сравнению с ископаемым топливом, что, несомненно, влечёт за собой серьёзные издержки. Несмотря на это, сегодня не только развитые, но и развивающиеся страны (Китай, Индия, Бразилия) активно вовлечены в процесс освоения данных технологий. В 2014 г. мировой объём инвестиций в возобновляемую энергетику увеличился на 17% по сравнению с показателем 2013 г. и составил 270,2 млрд долл. США. Этот прирост является наибольшим за последние три года и обусловлен беспрецедентным ростом инвестиций в солнечную энергетику в Китае и Японии (совокупные инвестиции составили 74,9 млрд долл. США) и рекордными инвестициями в энергетические проекты с использованием берегового ветра в странах ЕС (Испания, Португалия и Италия).

На рис. 3 представлена динамика мировых инвестиций в возобновляемую энергетику развитых и развивающихся стран с 2004 по 2014 гг. Очевидно, что в 2004 г. инвестиции развитых стран в этот сектор значительно превышали инвестиции развивающихся стран: 39 млрд долл. США против 9 млрд долл. США. Миро-

Рисунок 3.
Динамика инвестиций в возобновляемую энергетику развитых и развивающихся стран (млрд долл. США)

Источник: Global Trends in Renewable Energy Investment 2015, URL: <http://www.fs-unep-centre.org>

¹ Одна тонна нефтяного эквивалента равняется 41,868 ГДж или 11,63 МВт·ч.

■ Мировая экономика

вой финансовый кризис 2008 г. по-разному повлиял на инвестиционную активность развитых и развивающихся стран в данном сегменте. В развитых странах показатель 2009 г. сократился на 13% по сравнению с показателем 2008 г. (с 121 млрд до 113 млрд долл. США), при этом аналогичный показатель для развивающихся стран увеличился на 8% (с 61 млрд долл. США до 66 млрд долл. США). В 2014 г. данные показатели почти сравнялись: 139 млрд долл. в развитых странах и 131 млрд долларов в развивающихся странах [10].

В 2014 г. на долю развивающихся стран приходилось 48,5 % (131,3 млрд долл.) всех инвестиций в ВИЭ, а на долю развитых - 51,5% (138,9 млрд долл.). В тройку мировых лидеров по этому показателю вошли Китай (83,3 млрд долл.), США (38,3 млрд долл.) и Япония (35,7 млрд долл.). Совокупный объем инвестиций в ВИЭ в странах ЕС составил (57,5 млрд долл.) [10].

Объем энергии, произведенной в мире с использованием технологий на основе солнечной и ветровой энергии в 2014 г. составил 95 ГВт. В 2011 г. данный показатель составил 70 ГВт, в 2012 – 79 ГВт и в 2013 – 79 ГВт. Что касается доли ВИЭ в мировой структуре производства энергии, то в 2014 г. данный показатель составил 15,2 % (в 2013 г. – 13,8%). Это без учета традиционной биомассы (дрова, хворост и т.д.), но с учетом гидроэнергии (48% в общей структуре

ВИЭ). Доля ВИЭ в генерации электроэнергии в 2014 году составила 9,1% (в 2013 г. – 8,5%) [10].

Практическое освоение ВИЭ ведёт также к созданию новых рабочих мест, развитию малого и среднего бизнеса, и тем самым оказывает положительное влияние на социально-экономическую ситуацию в мире. В 2013 г. суммарное количество рабочих мест в области ВИЭ в мире превысило 5 млн, в том числе в странах Евросоюза более 1,1 млн, в США – более 0,5 млн, в Китае – 1,6 млн, в Бразилии – около 0,9 млн [1].

Таким образом, развивая сферу ВИЭ, промышленно-развитые и быстро развивающиеся страны решают целый комплекс задач: сокращение зависимости от ископаемых видов топлива, улучшение экологической обстановки, сокращение расходов на здравоохранение, создание новых рабочих мест, повышение энергоэффективности, развитие экспорта инновационных технологий и дальнейшее продвижение экономики по пути научно-технического прогресса.

Макроэкономический вклад выработки электроэнергии из ВИЭ в создание ВВП соответствующих стран, несомненно, возрастает. При этом следует отметить, что развивающиеся страны уже практически догнали развитые в сфере возобновляемой энергетики, в результате чего возникает системный эффект, создающий условия для необратимого перехода мировой энергетики от ископаемых источников к возобновляемым.

Список литературы

1. Иванов А.С., Матвеев И.Е. Современный ландшафт мировой энергетики: обострение контрастов // Российский внешнеэкономический вестник. М., 2013. №2. С.16-44.
2. Симонова М.Д. Статистическое изучение индикаторов экономической глобализации в ОЭСР / М.Д. Симонова // Актуальные вопросы российской и зарубежной учетно-статистической практики; под ред. Григорук Н.Е. и Лихачева О.Б.. Москва, 2007. С. 18-26.
3. Тиссен А.Я. Возобновляемые источники энергии как неотъемлемый элемент устойчивой энергетики 21-ого века // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2013. Т. 3. № 1. С.98-104.
4. A policy framework for climate and energy in the period from 2020 to 2030[Electronic resource]/ European Commission 2014. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52014DC0015>. Дата обращения: 15.02.2016.
5. Directive 2009/28/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the promotion of the use of energy from renewable sources [Electronic resource]/ Official Journal of the European Union – 2009. – Mode of access:<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32009L0028>
6. Global Trends in Renewable Energy Investment 2015[Electronic resource]. Frankfurt School-UNEP Centre/ BNEF (Frankfurt am Main). -2015.- Mode of access: <http://www.fs-unep-centre.org> Дата обращения: 20.02.2016.
7. Jacobson S., Berge A. Transforming the energy sector: the evolution of technological systems in renewable energy technology // Industrial and Corporate Change. 2004. Vol. 13, №5. pp. 815-849
8. Key Outcomes Clean Energy Ministerial 6 (CEM6) 27–28 May 2015, Mérida, Yucatán, Mexico [Electronic resource]. Clean Energy Ministerial 6 (CEM6). 2015. Mode of access: <http://www.cleanenergyministerial.org/Events/CEM6>. Дата обращения: 11.02.2016.
9. Palz W. Role of new and renewable energies in future energy systems // International Journal of Solar Energy. 1994. Vol. 14 (3). pp. 127-140
10. Renewable Energy Can Provide 80 Percent of U.S. Electricity by 2050 [Electronic resource]. Union of Concerned Scientists. Cambridge MA 02138-3780. – 2015. - Mode of access: http://www.ucsusa.org/clean_energy/smart-energy-solutions/increase-renewables/renewable-energy-80-percent-us-electricity.html#.Vc7kvTY9_jl. Дата обращения: 11.02.2016.

11. Renewable Energy Prospects: China REmap 2030 analysis November 2014[Electronic resource]/ The International Renewable Energy Agency (IRENA). 2014. Mode of access: http://irena.org/remap/IRENA_REmap_China_report_2014.pdf Дата обращения: 17.03.2016.
12. Renewables Information 2014[Electronic resource]. International Energy Agency.- 2014 - Mode of access: http://www.iea.org/bookshop/647-Renewables_Information_2014 Дата обращения: 20.02.2016.
13. Schmalensee R. Evaluating Policies to Increase Electricity Generation from Renewable Energy // Review of Environmental Economics and Policy. 2012. Vol.6, №1. pp. 45–64
14. Schwab K. The fourth industrial revolution. World Economic Forum, Geneva. 2016
15. Taherip F., Tyner W.E. Renewable Energy Policy Alternatives for the Future // American Journal of Agricultural Economics. 2007. Vol. 89, № 5. pp. 1303-1310
16. The president's climate action plan, Executive Office of the President, June 2013[Electronic resource]. The White House, Washington. 2013. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/image/president27climateactionplan.pdf>. Дата обращения: 14.02.2016.
17. World Energy Leaders Unite To Accelerate Clean Energy Revolution, 2015 [Electronic resource]/ European Commission// Energy news. – 2015. - Mode of access: <https://ec.europa.eu/energy/en/news/world-energy-leaders-unite-accelerate-clean-energy-revolution/>. Дата обращения: 10.03.2016. Дата обращения: 14.02.2016.

Об авторе

Захаров Вячеслав Евгеньевич – соискатель МГИМО МИД России.

Симонова Марина Демьяновна – д.э.н., доцент, профессор кафедры учёта, статистики и аудита МГИМО МИД России, избранный член Международного статистического института, член правления Российской ассоциации статистиков. E-mail: Simonova.mgimo@gmail.com.

STATISTICAL ANALYSIS OF DEVELOPMENT TRENDS IN GLOBAL RENEWABLE ENERGY

M.D. Simonova, V.E. Zakharov

Moscow State Institute of International Relations (University), Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article focuses on the economic and statistical analysis of industries associated with the use of renewable energy sources in several countries. The dynamic development and implementation of technologies based on renewable energy sources (hereinafter RES) is the defining trend of world energy development. The uneven distribution of hydrocarbon reserves, increasing demand of developing countries and environmental risks associated with the production and consumption of fossil resources has led to an increasing interest of many states to this field. Creating low-carbon economies involves the implementation of plans to increase the proportion of clean energy through renewable energy sources, energy efficiency, reduce greenhouse gas emissions. The priority of this sector is a characteristic feature of modern development of developed (USA, EU, Japan) and emerging economies (China, India, Brazil, etc.), as evidenced by the inclusion of the development of this segment in the state energy strategies and the revision of existing approaches to energy security. The analysis of the use of renewable energy, its contribution to value added of countries-producers is of a particular interest. Over the last decade, the share of energy produced from renewable sources in the energy balances of the world's largest economies increased significantly. Every year the number of power generating capacity based on renewable energy is growing, especially, this trend is apparent in China, USA and European Union countries.*

There is a significant increase in direct investment in renewable energy. The total investment over the past ten years increased by 5.6 times. The most rapidly developing kinds are solar energy and wind power.

Key words: energy, renewable energy, "green" power, coal power, the European Union, the USA, China, India, the oil equivalent, power generation, wind energy, direct investments, value added, trends.

References

1. Ivanov A.S., Matveev I.E. Sovremennyy landshaftmirovoyjenergetiki: obostreniekontrastov. Rossijskijvneshnejekonomicheskijvestnik. Moscow: 2013. №2. S.16-44 (in Russian)

■ Мировая экономика

2. Simonova M.D. Statisticheskoye izycheniye indikatorov ekonomicheskoy globalizatsii v OECD . Aktualniye voprosi rossiyskoy i zarubeznoy utchetno-statisticheskoy praktiki. [Statistical study of economic globalization indicators in OECD. Issues of Russian and foreign accounting and statistical practice.] Edited by Grigoruk N.E., Lihatchev O.B. Moscow. MGIMO University. 2007. p.18-26.
3. Tissen A.Ja.Vozobnovljaemye istochniki jenergii kak neotemlemyj element ustojchivojj energetiki 21 veka. Interjekspos Geo-Sibir. 2013. T. 3. № 1. p. 98-104 (in Russian)
4. A policy framework for climate and energy in the period from 2020 to 2030[Electronic resource]/ European Commission. 2014. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52014DC0015>. Accessed date: 15.02.2016. Accessed date: 14.02.2016.
5. Directive 2009/28/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the promotion of the use of energy from renewable sources [Electronic resource]. Official Journal of the European Union. 2009. Mode of access:<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32009L0028>
6. Global Trends in Renewable Energy Investment 2015[Electronic resource]. Frankfurt School-UNEP Centre/ BNEF (Frankfurt am Main). 2015. Mode of access: <http://www.fs-unep-centre.org>. Accessed date: 20.02.2016.
7. Jacobson S., Bergek A. Transforming the energy sector: the evolution of technological systems in renewable energy technology. *Industrial and Corporate Change*. 2004. Vol. 13, №5. pp. 815-849
8. Key Outcomes Clean Energy Ministerial 6 (CEM6) 27–28 May 2015, Mérida, Yucatán, Mexico [Electronic resource]. Clean Energy Ministerial 6 (CEM6). 2015. Mode of access: <http://www.cleanenergyministerial.org/Events/CEM6>. Accessed date: 11.02.2016.
9. Palz W. Role of new and renewable energies in future energy systems. *International Journal of Solar Energy*. 1994. Vol. 14 (3). pp. 127-140.
10. Renewable Energy Can Provide 80 Percent of U.S. Electricity by 2050 [Electronic resource]. Union of Concerned Scientists Cambridge MA 02138-3780. 2015. Mode of access: http://www.ucsusa.org/clean_energy/smart-energy-solutions/increase-renewables/renewable-energy-80-percent-us-electricity.html#.Vc7kvTY9_jl. Accessed date: 11.02.2016.
11. Renewable Energy Prospects: China REmap 2030 analysis November 2014[Electronic resource]. The International Renewable Energy Agency (IRENA). 2014. Mode of access: http://irena.org/remap/IRENA_REmap_China_report_2014.pdf. Accessed date: 17.03.2016.
12. Renewables Information 2014[Electronic resource]. International Energy Agency. 2014. Mode of access: http://www.iea.org/bookshop/647-Renewables_Information_2014. Accessed date: 20.02.2016.
13. Schmalensee R. Evaluating Policies to Increase Electricity Generation from Renewable Energy. *Review of Environmental Economics and Policy*. 2012. Vol.6, №1. pp. 45–64.
14. Schwab K. The fourth industrial revolution. World Economic Forum, Geneva. 2016
15. Taherip F., Tyner W.E. Renewable Energy Policy Alternatives for the Future. *American Journal of Agricultural Economics*. 2007. Vol. 89, № 5. pp. 1303-1310.
16. The president's climate action plan, Executive Office of the President, June 2013[Electronic resource]. The White House, Washington. 2013. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/image/president27sclimateactionplan.pdf>. Accessed date: 14.02.2016.
17. World Energy Leaders Unite To Accelerate Clean Energy Revolution, 2015 [Electronic resource]. European Commission // Energy news. 2015. Mode of access: <https://ec.europa.eu/energy/en/news/world-energy-leaders-unite-accelerate-clean-energy-revolution/>. Accessed date: 10.03.2016.

About the author

Marina D. Simonova – Doctor, Professor, Department of Accounting, Statistics and Auditing Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, ISI Elected Member, Russian Association of Statisticians – Board Member. E-mail: Simonova.mgimo@gmail.com, kafstat@list.ru.
Viacheslav E. Zakharov – applicant for the Ph.D. MGIMO-University.

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ

А.В. Шевелёва

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

.....

В процессе разведки, разработки и эксплуатации нефтегазовых месторождений, добыче, переработке, транспортировке и хранении нефтегазовые компании оказывают негативное воздействие на окружающую среду. Происходят аварии, сопровождающиеся разливами нефти, выбросами и сбросами загрязняющих веществ в окружающую среду. В результате загрязняются водные ресурсы, грунт и атмосфера, гибнут животные, птицы и рыбы, трансформируется структура недр и изменяется ландшафт; формируются объекты накопленного экологического ущерба.

Положительной тенденцией современного развития нефтегазовых компаний является внедрение в практику их деятельности механизмов экологического менеджмента, что обуславливает постепенное снижение негативного воздействия их деятельности на окружающую среду. Необходимость строительства природоохранных объектов; охраны, рационального использования и реабилитации земель; охраны водных ресурсов и атмосферного воздуха; мониторинга состояния окружающей среды и производственных объектов; предупреждения и ликвидации последствий аварий на трубопроводах; обезвреживания и утилизации отходов производства; экологического обучения; проведения научно-исследовательских работ требует от нефтегазовых компаний больших затрат.

В данной статье проведён анализ основных эколого-экономических показателей деятельности нефтегазовых компаний, как то: объёмы разлитой нефти, количество разливов в год, объёмы выбросов CO₂, затраты на охрану окружающей среды.

.....

Ключевые слова: экология, эколого-экономические показатели, экологический ущерб, охрана окружающей среды, нефтегазовые компании.

Для анализа экологического ущерба от деятельности нефтегазовых компаний рассмотрим основные этапы производственного процесса от добычи сырья до реализации продукции (см. рис. 1), и по каждому из этапов выявим последствия негативного воздействия на окружающую среду.

На этапе геологоразведки проводится разведочное бурение, последствиями которого могут стать захламенение его площадки и окрестностей. Стандартная проблема данного этапа – это утилизация буровых растворов, которая стоит особенно остро при работах на морском шельфе, поскольку компаниям проще и дешевле слить растворы прямо в воду. Много проблем возникает в случаях, когда небольшие геологоразведочные компании немедленно приступают к добыче найденных запасов, не имея подходящего оборудования и технологий.

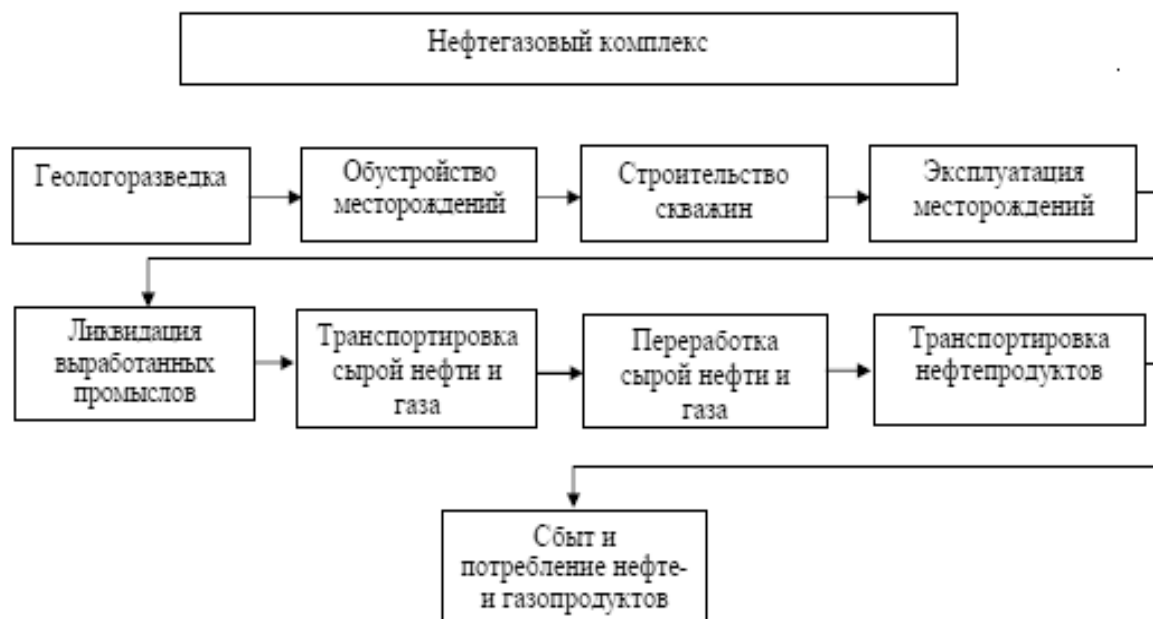
Обустройство месторождения приводит к коренному изменению экосистемы в его зоне. На данном этапе строят дороги, площадки под скважины и трубопроводы для перекачки сырья. При этом все негативные факторы воздействия на окружающую среду, указанные при описании предыдущего этапа, многократно усиливаются. Выбирая схемы размещения создаваемых объектов, нефтегазовые компании стремятся минимизировать свои затраты, что приводит к несоблюдению ограничений, направленных на защиту окружающей среды и сохранение культурных и социальных ценностей, а также к пренебрежению природоохранными мероприятиями. При отсутствии эффективной системы ответственности за экологические нарушения компании используют самые дешёвые варианты, пренебрегая угрозой негативных последствий для окружающей среды.

Существенные нарушения встречаются при строительстве скважин, главным образом при снятии и складировании плодородного слоя земли в процессе подготовки территории для буровой установки; при устройстве насыпной площадки для буровой установки (в случае кустового строительства скважин); устройстве шламовых амбаров и земляных котлованов, в которых будут осуществляться сбор и хранение отходов бурения [20].

Бурение скважин представляет собой экологически опасный вид работ. Оно сопровождается химическим загрязнением почв, грунтов и подземных вод, поверхностных водоёмов и водотоков, атмосферного воздуха веществами и химреагентами, используемыми при проходке скважин, буровыми и технологическими отходами, а также природными веществами, получаемыми в процессе испытания скважин. Процессы бурения приводят к физическому нарушению растительного покрова, грунта в зоне аэрации, природного ландшафта на буровых площадках, трассах линейных сооружений (дороги, трубопроводы), которые прокладываются при строительстве скважин; нарушению температурных режимов в геологических процессах (например, образование наледи, заболачивание, просадка); образованию производственно-технических отходов, которые содержат нефть, конденсат, химические реагенты, как органического, так и минерального происхождения; нарушению естественной среды обитания животных и растений. Если в процессе бурения в подземные воды попадают загрязнители (буровые растворы), или вода попадает в буровые скважины, имеют место гидрогеологические нарушения. Существенные нарушения встречаются при сооружении технологических площадок, где будет находиться

Рисунок 1.

Основные этапы производственного цикла предприятий нефтегазового комплекса

Источник: [5].

оборудование для буровой установки; засыпке шламовых амбаров и земляных котлованов при их ликвидации; рекультивации территории буровой; строительстве дорог; вырубке, корчевании леса.

Эксплуатация нефтяных месторождений сопровождается сжиганием в факелах попутного газа, который является ценным сырьём для химической переработки, топливом, средством повышения нефтеотдачи (когда его закачивают в пласт для повышения давления). Не имея стимулов к освоению современных технологий и более эффективному использованию добываемого сырья, нефтегазовые компании просто сжигают его, загрязняя атмосферу [25]. С вступлением в силу постановления правительства РФ, устанавливающего требование к нефтекомпаниям об утилизации 95% добываемого попутного нефтяного газа (ПНГ), ограничивающее объём его сжигания в факелах на месторождениях и повышающее платежи за сверхлимитное сжигание газа, ситуация стала улучшаться. В 2015 году, по данным Министерства энергетики России, уровень утилизации попутного нефтяного газа в России составил 86,5%.

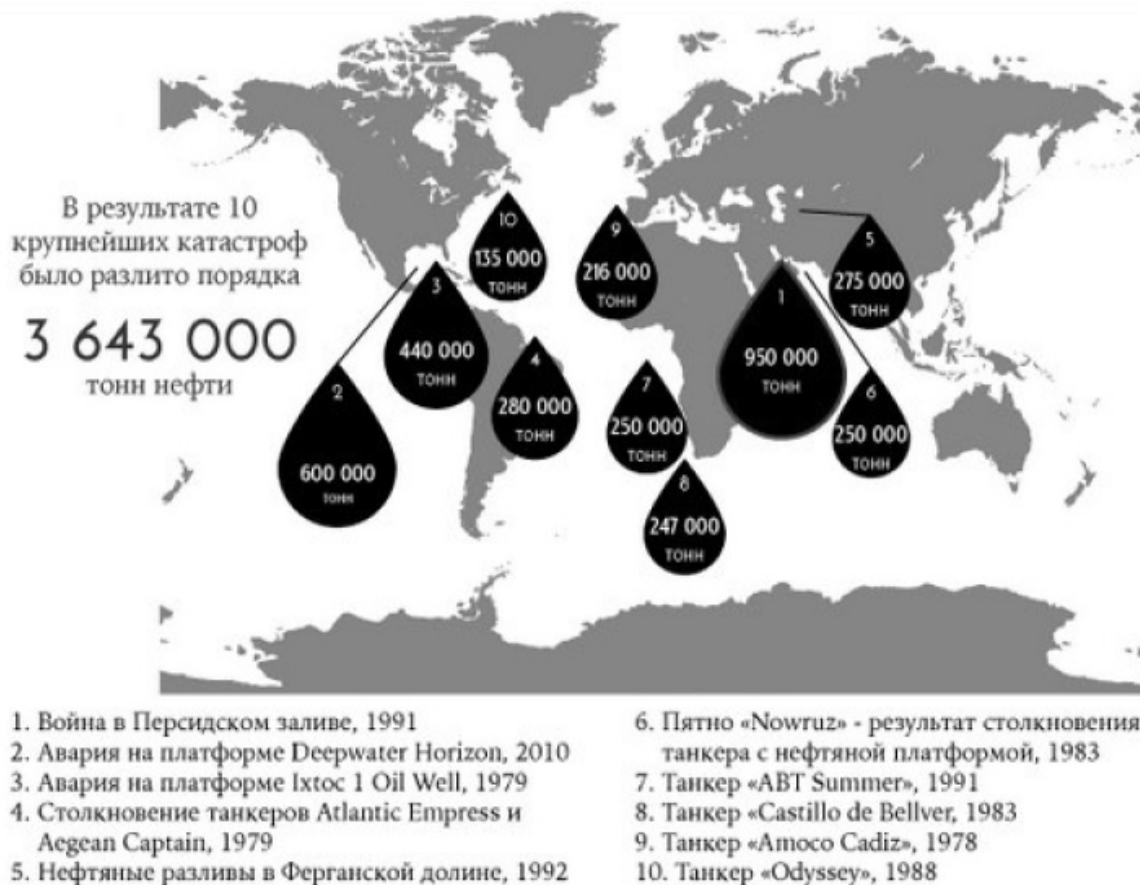
Старение оборудования зачастую приводит к авариям и утечкам нефти, в особенности при транспортировке по внутри- и межпромысло-

вым трубопроводам. Продолжительная эксплуатация месторождений обуславливает эффект накопленного (прошлого) экологического ущерба. Применявшиеся ранее технологии добычи нефти и газа вызвали чрезвычайно стойкие негативные экологические эффекты, масштаб которых значителен, тем более что в прошлом ликвидация выработанных нефтепромыслов не предусматривала полного восстановления используемых территорий. Скопление отходов нарушает местную экосистему в связи с изменением и загрязнением почв и подземных вод, снижением биоразнообразия, нарушением ландшафта (например, появлением провалоопасных зон) и структуры недр и др. В результате даже там, где добыча прекращена, частично или даже полностью невозможно использовать природные ресурсы. Если же прилегающая территория заселена, нужно проводить постоянный экологический мониторинг.

Этап ликвидации выработанных скважин требует уборки территории, ликвидации разливов нефти, рекультивации земель, приведения экосистем в состояние, максимально приближенное к исходному. В противном случае происходит остаточное выделение нефти, что может привести к загрязнению земной поверхности, грунтов и грунтовых вод.

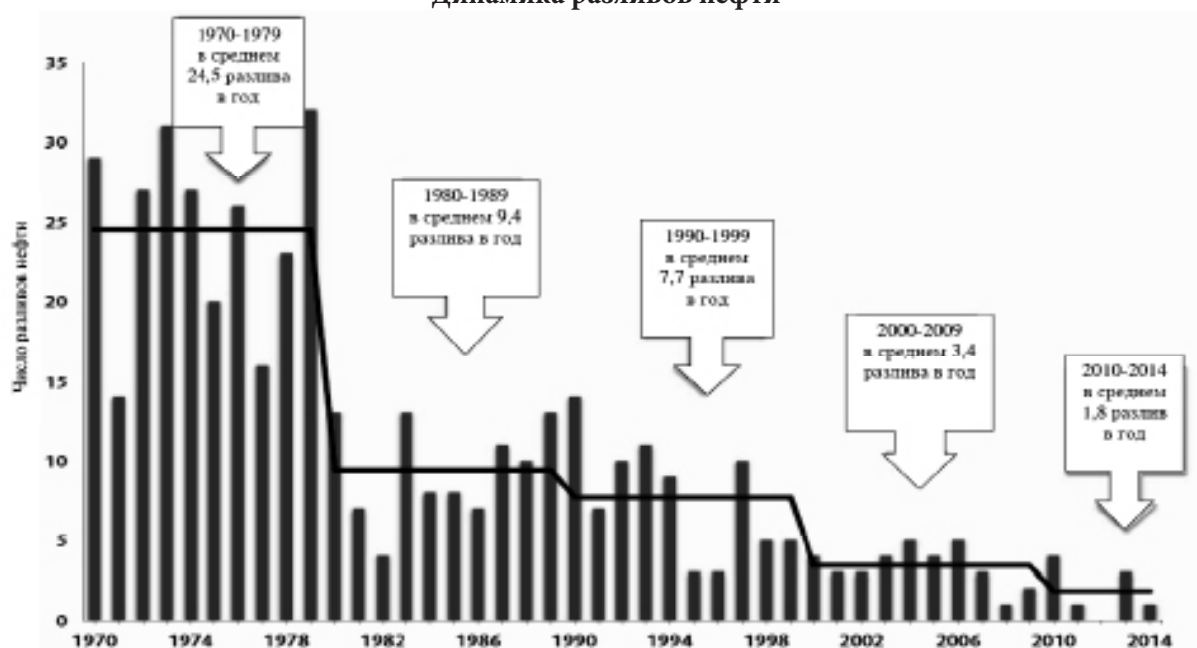
Рисунок 2.

Крупнейшие аварии танкеров и связанные с оффшорной добычей, сопровождавшиеся разливами нефти

Источник: [21].

Динамика разливов нефти

Источник: [28].

На этапе транспортировки сырой нефти, газа и продуктов их переработки экологически неблагоприятные последствия зависят от способа транспортировки. При строительстве трубопроводов компании стремятся к тому, чтобы трасса была максимально удобной и короткой. Недопустима прокладка трубы по территориям, представляющим природную, историческую или культурную ценность. Зачастую крупные утечки нефти происходят при эксплуатации трубопроводов.

При транспортировке по железной дороге разовые разливы, как правило, не превышают 100 т, однако существует проблема утилизации растворов после промывки цистерн.

Перевозка нефти и сжиженного природного газа танкерами порождает проблемы очистки балластных вод и ликвидации последствий аварий танкеров. Аварии могут случаться на нефтеналивных терминалах, а также в процессе бункеровки судов. Крупная авария приводит к трансграничным загрязнениям, наносящим непоправимый ущерб экосистеме, прежде всего, водной и прибрежной.

К экологическим последствиям переработки нефти и газа относятся: плановые загрязнения в форме выбросов в атмосферу и воду; отходы в прудах-накопителях; загрязнение грунта в результате утечек. Около нефтеперерабатывающих заводов сформировались объекты накопленного экологического ущерба. При этом, в отличие от текущих выбросов и сбросов загрязняющих веществ, которые хоть как-то регулируются, задача по преодолению накопленного экологического ущерба даже не ставится [25].

Утечки в грунт на этапе сбыта и потребления нефти- и газопродуктов происходят вокруг

перерабатывающих заводов, нефтяных и газовых хранилищ.

Деятельность компаний нефтегазового комплекса периодически сопровождается авариями. По статистике, ежегодно в океан попадают около 2 млн т нефти. В 90% случаев это происходит в связи с деятельностью людей. Из этого количества 92% – это результат использования нефтепродуктов, промышленные отходы и отходы работы двигателей, 6% – результат крупных аварий танкеров, 2% связаны с оффшорной добычей [21].

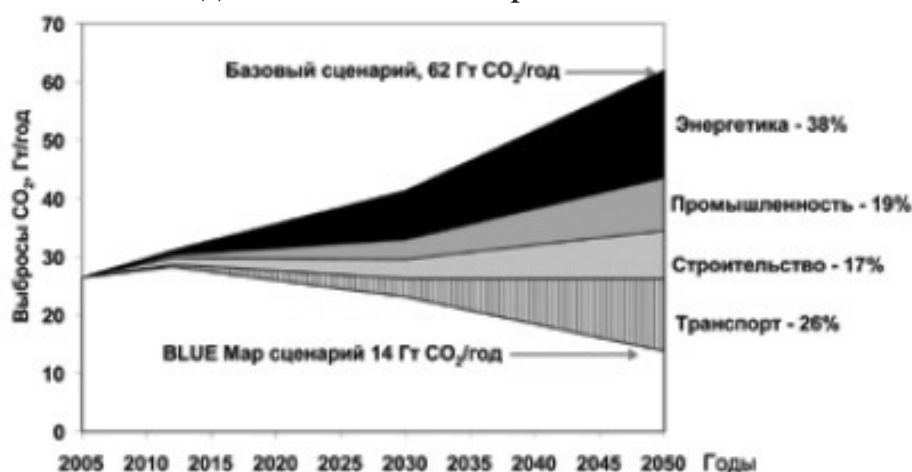
За 1956–2014 гг. на нефтегазовых объектах произошло 56 аварий, из которых 8 были связаны с нефтегазодобычей, а 48 произошли в результате эксплуатационного бурения. В результате 10 крупнейших аварий танкеров и связанных с оффшорной добычей было разлито свыше 3,6 млн т нефти (см. рис. 2).

Самый большой разлив (950 тыс. т) произошёл в ходе войны в Персидском заливе в 1991 г., когда иракский лидер С. Хусейн, чтобы предотвратить высадку американских десантников, приказал вылить нефть из нефтепроводов и танкеров [22].

В последние годы наблюдается тенденция к снижению ежегодного количества разливов нефти (см. рис. 3).

Несмотря на предпринимаемые мировым сообществом по защите климата меры, выбросы в атмосферу углекислого газа продолжают расти, в особенности от деятельности нефтегазовых компаний (см. рис. 4).

Таким образом, можно выделить четыре основных блока негативного воздействия на окружающую среду (см. рис. 5).

Динамика объёмов выбросов CO₂

Источник: [32].

Данные направления необходимо учитывать при выработке эколого-экономической политики нефтегазовых компаний и экологического управления на долгосрочную перспективу.

Современная экологическая политика нефтегазовых компаний включает мероприятия по строительству природоохранных объектов; охране, рациональному использованию и реабилитации земель; охране атмосферного воздуха и водных ресурсов; мониторингу природной среды и производственных объектов; предупреждению и ликвидации последствий аварий на трубопроводах; обезвреживанию и утилизации отходов производства; экологическому обучению; проведению научно-исследовательских работ. На программы по обеспечению безопасности добычи и финансирования экологических мероприятий в нефтегазовом секторе с каждого барреля нефти направляется в среднем по 70 центов. В 2012 г. затраты нефтегазовых компаний на природоохранные мероприятия составили 35 млрд долл. По прогнозу консалтинговой и исследовательской компании Lux Research к 2030 г. они достигнут 56 млрд долл. в связи с освоением новых территорий, в частности арктического шельфа [25].

Таблица 1.

Затраты на охрану окружающей среды ведущих нефтегазовых компаний в 2014 г.

Зарубежные компании		
Компания	Затраты, млрд долл.	Доля в общем объеме затрат, %
Exxon Mobil	6,2	2,4
Shell	5,3	1,2
BP	4,0	1,8
Statoil	2,9	0,5
Total	2,3	1,1
Российские компании		
Компания	Затраты, млрд руб.	
Лукойл	59,2	0,6
Газпром	48,9	1,3
Роснефть	22,0	0,44
Башнефть	20,0	0,2
Сугутнефтегаз	18,6	1,9
Татнефть	6,2	0,3
Газпромнефть	3,8	0,9

Источники: [13, 14, 15, 16, 17, 18, 24, 26, 27, 29, 30, 31].

Рисунок 5.

Основные блоки негативного воздействия нефтегазовых компаний на окружающую среду

Источник: [5].

■ Мировая экономика

Затраты на экологию представляют собой важную статью расходов в бюджетах нефтегазовых компаний (табл.1).

Значительные объёмы финансирования природоохранных программ нефтегазовые компании считают инвестициями в будущее, в

обеспечение качества природной среды районов, в которых работают. Грамотная деятельность, нацеленная на повышение экологической безопасности, укрепляет позитивный имидж нефтегазовых компаний в бизнес-сообществе, органах власти и общественном сознании.

Список литературы

1. Нефтегазовый комплекс: производство, экономика, управление : учебник / [В.Я. Афанасьев и др.] ; под ред. В.Я. Афанасьева и Ю.Н. Линника. - Москва : Экономика, 2014. 716 с.
2. Экология и рациональное природопользование / [Я.Д. Вишняков и др.] ; под ред. Я.Д. Вишнякова. - Москва : Академия, 2013. 376 с.
3. Эколого-экономическая диагностика устойчивости предприятий нефтегазового комплекса: Монография / М.М. Редина. М.: РУДН, 2011. 168 с.
4. Шварц Е.А., Книжников А.Ю., Пахалов А.М. Рейтинг экологической ответственности нефтегазовых компаний, действующих в России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2015. № 1 (139). С.49-53.
5. Шевелёва А.В. Комплексный стратегический подход к анализу негативного воздействия на окружающую среду предприятий нефтегазового комплекса // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 4. Ч. 3. С. 199-203.
6. Шевелёва А.В. Сравнительный анализ эколого-экономической политики отечественных нефтегазовых компаний // Роль науки в развитии общества: сборник статей студентов, аспирантов, молодых учёных и преподавателей – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. В 2 ч. Ч. 2. С. 126–132.
7. Bahadori A. Pollution Control in Oil, Gas and Chemical Plants. Springer; 2014 edition (October 5, 2013). – 318 pp.
8. Dr Emmanuel O. Emmanuel PhD Environmental Management Systems Guide Paperback. CreateSpace Independent Publishing Platform; 1 edition (July 16, 2014). 118 p.
9. Environmental responsibility rating of oil & gas companies in Russia 2014. - WWF-Russia, Creon, National Rating Agency. Moscow, 2014. 29 p.
10. Hardisty, Paul E. Environmental and economic sustainability / Paul E. Hardisty. CRC Press Taylor & Francis Group, 2010. 295 p.
11. McConnell Robert L. Environmental Geology Today. Jones & Bartlett Publishers (2015). – 824 pp.
12. Shvarts E., Gerasimchuk I. Environmental Policy and the International Competitiveness of the Russian Economy. Environmental Finance and Responsible Business in Russia: Legal and Practical Trends. W. Th. Douma and F. M. Mucklow (eds). Hague, 2010
13. Годовой отчёт ОАО «Башнефть» за 2014 год. url: http://www.bashneft.ru/files/iblock/faa/3_Godovoj_otchet_zh_2014.pdf
14. Годовой отчёт ОАО «Газпром» за 2014. url: <http://www.gazprom.ru/f/posts/05/298369/gazprom-annual-report-2014-ru.pdf>
15. Годовой отчёт ОАО «Газпром нефть» 2014. url: http://ir.gazprom-neft.ru/fileadmin/user_upload/documents/shareholders_meetings/2015/gazprom_neft_ar_2014_rus.pdf
16. Годовой отчёт ОАО «ЛУКОЙЛ» 2014. url: http://www.lukoil.ru/materials/doc/AGSM_2015/LUKOIL_AR_rus_2014.pdf
17. Годовой отчёт ОАО «Сургутнефтегаз» 2014. url: [http://www.surgutneftegas.ru/uploaded/God_Otchet_SNG_2015%20\(rus\)_F\(2\).pdf](http://www.surgutneftegas.ru/uploaded/God_Otchet_SNG_2015%20(rus)_F(2).pdf)
18. Годовой отчёт Компании «Татнефть» за 2014 год. url: http://www.tatneft.ru/storage/block_editor/files/ba51e4029f7060e3da0bdf500fbf4389bef10a86.pdf
19. Затраты на экологическую безопасность в разных странах мира. – <http://tek360.rbc.ru/articles/34/>
20. Источники загрязнения. url: <http://oilneft.ru/?p=34>
21. Как разливалась нефть. url: http://www.strf.ru/mobile.aspx?CatalogId=358&d_no=94311
22. Крупнейшие разливы нефти в истории. ТОП-10. url: <http://one-view.ru/krupneyshie-razlivy-nefti-v-istorii-top-10.html>
23. Масштабные прорывы: топ-5 крупнейших разливов нефти на нефтепроводах. – <http://neftianka.ru/masshtabnye-proryvy-top-5-krupnejshix-razlivov-nefti-na-nefteprovodax/>
24. Отчёт в области устойчивого развития ОАО «Роснефть». url: http://www.rosneft.ru/attach/0/23/02/RN_SR_2014_WEB.pdf

25. Экологические и социальные проблемы на различных этапах цикла реализации нефтяных проектов. url: <http://old.forest.ru/rus/problems/oil/oil4.html>
26. BP Sustainability Report 2014. url: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/sustainability/group-reports/Sustainability_Report_2014.pdf
27. Exxon Mobil Corporation Form 10-K for the fiscal year ended December 31, 2014. url: <http://www.sec.gov/Archives/edgar/data/34088/000003408815000013/xom10k2014.htm>
28. Number of Oil Spills. url: <http://www.itopf.com/information-services/data-and-statistics/statistics/>
29. Shell Environment. url: <http://www.shell.com/sustainability/environment.html>
30. Statoil Annual Report 2014. url: <http://www.statoil.com/en/investorcentre/annualreport/annualreport2014/pages/default.aspx>
31. Total Form 20-F 2014. url: http://www.total.com/sites/default/files/atoms/files/form_20-f_0.pdf
32. Trends in Global CO2 emissions. 2015 Report. url: http://edgar.jrc.ec.europa.eu/news_docs/jrc-2015-trends-in-global-co2-emissions-2015-report-98184.pdf

Об авторе

Шевелёва Анастасия Викторовна – к.э.н., доцент кафедры менеджмента, маркетинга и ВЭД МГИМО МИД России. E-mail: a_sheveleva@rambler.ru.

ECOLOGICAL AND ECONOMIC INDICATORS OF OIL AND GAS COMPANIES FUNCTIONING

A.V. Sheveleva

Moscow State Institute of International Relations (University), Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article analyzes the basic ecological-economic indicators of oil and gas companies, in particular the various volumes of oil, the number of spills per year of CO2 emissions, the costs of environmental protection.*

In the process of exploration, development and exploitation of oil and gas fields, production, refining, transportation and storage companies have a negative impact on the environment. Occur accidents involving oil spills, emissions and discharges of pollutants into the environment. As a result contaminates water resources, soil and atmosphere, animals dying, birds and fish, but also transformed the structure of the subsurface and changes the landscape, reduced strategic reserves of fuel and energy resources are formed objects of accumulated environmental damage.

The need for construction of environmental protection facilities; the protection, rational use and rehabilitation of lands; protection of water resources and atmospheric air; monitoring the environment and industrial facilities; the prevention and elimination of consequences of accidents on pipelines; disposal and recycling of waste; environmental education; conducting scientific research requires oil and gas companies to undertake large expenditures.

A positive trend of modern development of oil and gas companies is the introduction of mechanisms for environmental management in practice their activities, which leads to a gradual reduction of the negative impact of their activities on the environment.

Key words: ecology, ecological and economic indicators, environmental damage, environmental protection, oil and gas company.

References

1. Neftegazovyi kompleks: proizvodstvo, ekonomika, upravlenie. Moskva : Ekonomika, 2014. 716 p. (In Russian)
2. D. Vishniakova. Ekologiya i ratsional'noe prirodopol'zovanie. Moscow: Akademiia, 2013. 376 p.
3. M.M. Redina. Ekologo-ekonomicheskaya diagnostika ustoychivosti predpriyatii neftegazovogo kompleksa. Moscow: RUDN, 2011. 168 p.
4. Shvarts E.A., Knizhnikov A.I., Pakhalov A.M. Reiting ekologicheskoi otvetstvennosti neftegazovykh kompanii, deistvuyushchikh v Rossii. *Ispol'zovanie i okhrana prirodnnykh resursov v Rossii*. 2015. № 1 (139). P. 49-53. Neftegazovyi kompleks: proizvodstvo, ekonomika, upravlenie : uchebnik. Moscow : Ekonomika, 2014. 716 p.

■ Мировая экономика

5. Sheveleva A.V. Kompleksnyi strategicheskii podkhod k analizu negativnogo vozdeistviia na okruzhaiushchuiu sredu predpriatii neftegazovogo kompleksa. *Terra Economicus*. 2013. 11 №4. Ch.3. p. 200.
6. Sheveleva A.V. Sravnitel'nyi analiz ekologo-ekonomicheskoi politiki otechestvennykh neftegazovykh kompanii. ROL' NAUKI V RAZVITII OBSHCHESTVA: RIO MTsII OMEGA SAINS, 2015. Ch.2 P. 126-132.
7. Bahadori A. Pollution Control in Oil, Gas and Chemical Plants. Springer; 2014 edition (October 5, 2013). 318 pp.
8. Dr Emmanuel O. Emmanuel PhD Environmental Management Systems Guide Paperback. CreateSpace Independent Publishing Platform; 1 edition (July 16, 2014). 118 p.
9. Environmental responsibility rating of oil & gas companies in Russia 2014. - WWF-Russia, Creon, National Rating Agency. Moscow, 2014. 29 p.
10. Hardisty P.E. Environmental and economic sustainability. CRC Press Taylor & Francis Group, 2010. 295 p.
11. McConnell Robert L. Environmental Geology Today. Jones & Bartlett Publishers (2015). – 824 pp.
12. Shvarts E., Gerasimchuk I. Environmental Policy and the International Competitiveness of the Russian Economy. Environmental Finance and Responsible Business in Russia: Legal and Practical Trends. Hague, 2010
13. Godovoi otchet OAO «Bashneft'» za 2014 god. URL: http://www.bashneft.ru/files/iblock/faa/3_Godovoj_otchet_zh_2014.pdf.
14. Godovoi otchet OAO «Gazprom» za 2014. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/05/298369/gazprom-annual-report-2014-ru.pdf>
15. Godovoi otchet OAO «Gazprom neft'» 2014. URL: http://ir.gazprom-neft.ru/fileadmin/user_upload/documents/shareholders_meetings/2015/gazprom_neft_ar_2014_rus.pdf.
16. Godovoi otchet OAO «LUKOIL» 2014. URL: http://www.lukoil.ru/materials/doc/AGSM_2015/LUKOIL_AR_rus_2014.pdf
17. Godovoi otchet OAO «Surgutneftegaz» 2014. URL: [http://www.surgutneftegas.ru/uploaded/God_Otchet_SNG_2015%20\(rus\)_F\(2\).pdf](http://www.surgutneftegas.ru/uploaded/God_Otchet_SNG_2015%20(rus)_F(2).pdf)
18. Godovoi otchet Kompanii «Tatneft'» za 2014 god. URL: http://www.tatneft.ru/storage/block_editor/files/ba51e4029f7060e3da0bdf500fbf4389bef10a86.pdf
19. Zatraty na ekologicheskuiu bezopasnost' v raznykh stranakh mira. URL: <http://tek360.rbc.ru/articles/34/>
20. Istochniki zagriazneniia. URL: <http://oilneft.ru/?p=34>
21. Kak razlivalas' neft'. URL: http://www.strf.ru/mobile.aspx?CatalogId=358&d_no=94311
22. Krupneishie razlivy nefti v istorii. TOP 10. URL: <http://one-view.ru/krupneyshie-razlivy-nefti-v-istorii-top-10.html>
23. Masshtabnye proryvy: top-5 krupneishikh razlivov nefti na nefteprovodakh. URL: <http://neftianka.ru/masshtabnye-proryvy-top-5-krupnejshix-razlivov-nefti-na-nefteprovodax/>
24. Otchet v oblasti ustoichivogo razvitiia OAO «Rosneft'». URL: http://www.rosneft.ru/attach/0/23/02/RN_SR_2014_WEB.pdf
25. Ekologicheskie i sotsial'nye problemy na razlichnykh etapakh tsikla realizatsii neftianykh proektov. – <http://old.forest.ru/rus/problems/oil/oil4.html>
26. BP Sustainability Report 2014. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/sustainability/group-reports/Sustainability_Report_2014.pdf
27. Exxon Mobil Corporation Form 10-K for the fiscal year ended December 31, 2014. URL: <http://www.sec.gov/Archives/edgar/data/34088/000003408815000013/xom10k2014.htm>
28. Number of Oil Spills. URL: <http://www.itopf.com/information-services/data-and-statistics/statistics/>
29. Shell Environment. URL: <http://www.shell.com/sustainability/environment.html>
30. Statoil Annual Report 2014. URL: <http://www.statoil.com/en/investorcentre/annualreport/annualreport2014/pages/default.aspx>
31. Total Form 20-F 2014. URL: http://www.total.com/sites/default/files/atoms/files/form_20-f_0.pdf
32. Trends in Global CO2 emissions. 2015 Report. URL: http://edgar.jrc.ec.europa.eu/news_docs/jrc-2015-trends-in-global-co2-emissions-2015-report-98184.pdf

About the author

Anastasia V. Sheveleva – PhD. in Economics, Associate Professor at management, marketing and foreign economic activity department of MGIMO MFA Russia. E-mail: a_sheveleva@rambler.ru.

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В ФРГ

Н.В. Козаева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

.....
Энергетическая реформа ФРГ является на современном этапе одной из наиболее масштабных и значимых по объёму затрат, высокой роли вклада научно-технической составляющей, степени вовлеченности и влияния на другие отрасли экономики и хозяйствующие субъекты страны. Энергетическая реформа направлена на решение нескольких задач – повышение уровня энергетической безопасности путём увеличения доли возобновляемых источников энергии, сохранения окружающей среды путем снижения выбросов в атмосферу и уровня потребления энергии.

За период с 1990 по настоящее время наблюдается рост доли ВИЭ как в общем энергопотреблении, так и в секторе электроэнергетики. Государственная поддержка в денежном выражении, включающая прямое финансирование, предоставление налоговых льгот и создание выгодных условий для отрасли и секторов, за последние несколько лет имеет тенденцию к росту для ВИЭ; при этом противоположная тенденция наблюдается для традиционных энергоносителей. Расходы на ВИЭ более прозрачны, в то время как расходы на традиционные энергоносители зачастую являются «скрытыми» и косвенно обременяют госбюджет, а также возникают в форме последующих внешних расходов, связанных с вредным воздействием на окружающую среду.

Однако, последнее время проявляется несовершенство системы поддержки ВИЭ, при котором возникает противоположное влияние или противоречие между несколькими инструментами, направленными на достижение одной цели. Очевидная необходимость пересмотра механизма государственной поддержки, тем не менее, не означает для правительства страны нецелесообразность реформы в целом, поскольку поставленные задачи имеют стратегическое значение для ФРГ.

.....

Ключевые слова: энергетическая реформа ФРГ, возобновляемые источники энергии, государственная поддержка, общественные расходы на электроэнергию, механизм поддержки ВИЭ, недостатки механизма поддержки ВИЭ в ФРГ.

Одной из важнейших долгосрочных стратегических задач правительства ФРГ является энергетическая реформа, предполагающая переход энергосистемы страны от использования традиционных энергоносителей к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), основанная на концепции устойчивого развития, сокращении потребления энергии; повышение эффективности использования энергии и сокращение выбросов парниковых газов в атмосферу. Принципиально новые параметры развития энергетического комплекса в перспективе могут иметь важное значение не только для ФРГ, но и для других стран, в том числе для России, как с точки зрения возможной необходимости пересмотра стратегии экспорта энергоресурсов, так и с точки зрения изучения опыта государственного регулирования отрасли ВИЭ.

28 сентября 2010 г. была принята «Энергетическая концепция экологически чистого, надёжного и допустимого потребления энергии» *Energiekonzept 2050* [9], согласно которой в количественных показателях доля возобновляемых источников должна составлять 18% от конечного потребления энергии к 2020 г. и 60% к 2050 г. В секторе электроэнергии эти показатели должны достичь соответственно 35% и 80%. По сравнению с 2008 г. конечное потребление энергии в ФРГ должно снизиться на 20% к 2020 году г. и вдвое к 2050 г. При этом потребление электроэнергии в 2020 году должно составлять 90% от объёмов 2008 г. и 75% к 2050 г., а потребление тепловой энергии снизиться до 80% в 2020 г. и 20% в 2050 г. по сравнению с объёмами 2008 г.

Главным инструментом реализации поставленных правительством задач является нормативно-правовая база, состоящая из ряда законов федерального уровня, определяющих принципы использования и поддержки ВИЭ и охватывающих те направления, развитие которых необходимо для достижения поставленных целей. О системном и комплексном подходе к стимулированию развития ВИЭ в ФРГ можно говорить с 1990 г., когда был принят закон «О подаче электроэнергии из возобновляемых источников энергии», в котором впервые был закреплён принцип обязательного приема электроэнергии, выработанной ВИЭ и установлен обязательный размер выплаты владельцам энергоустановок, использующих ВИЭ. С 1990 по 2014 гг. в ФРГ наблюдается рост доли ВИЭ в общем энергопотреблении. В 2014 г. этот показатель составил 13,7%, по сравнению с 1,3% в 1990 г., в секторе электроэнергии 27,4% (162.512 Гв./ч) в 2014г., по сравнению с 3,4% (18.933 Гв./ч) в 1990 г. Темп прироста за 1970 – 2014 гг. составил 5%. Установленные мощности, генерирующие электроэнергию из ВИЭ, выросли с 4 168 до 90 002 МВт¹. Темп прироста установленных мощностей за 1970-2014гг. составил 7,2%.

Отрасль ВИЭ представлена большим количеством малых и средних фирм, специализирующихся на производстве компонентов, оборудовании, установках для преобразования энергии ветра, солнца, воды, биомассы, геотермальной энергии. К отрасли ВИЭ относят также фирмы сферы услуг, консалтинга в области инженерных, проектно-конструкторских разработок, включая проекты переоснащения зданий «под ключ» и т.д. Крупные энергетические гиганты, такие как RWE, Siemens, E.ON, Bosch, долгое время выступавшие против переориентации экономики на ВИЭ, последние годы сами активно инвестируют в развитие ВИЭ, внося вклад в ускорение инновационного процесса.

Предпочтение ВИЭ очевидно в векторе приоритетов правительства ФРГ в отношении энергетики. С 1990 г., независимо от смены правящих коалиционных партий, с большей или меньшей долей интенсивности, правительство стабильно придерживалось курса развития ВИЭ. Поддержка со стороны правительства постоянно подпитывается мощными группами лоббирования. Федеральный союз возобновляемых источников энергии (*Bundesverband Erneuerbarer Energien e.V.*), объединяющий 27 отраслевых ассоциаций и 10 специализированных фирм, считается одним из наиболее мощных лобби в стране [4, 5]. Влиятельное движение «зелёных» в ФРГ также интенсивно продвигает интересы отрасли в политических и общественных кругах страны.

Этот факт провоцирует критику со стороны противников высокой степени вмешательства государства в экономические процессы и создания искусственных условий для поддержания и развития отрасли ВИЭ, а также недовольство групп лоббирования отрасли традиционных энергоносителей. Аргументами критиков, главным образом, являются, якобы, чрезмерно высокие расходы на ВИЭ, то есть перераспределение капитала, изымаемые средств из других отраслей экономики в пользу ВИЭ, которые, по мнению противников, неэффективны в случае отсутствия господдержки.

Энергетическая отрасль всегда была и остается объектом государственного регулирования и лоббирования в ФРГ. При этом, в разные периоды предпочтение отдавалось разным видам энергоносителей.

Эффективность действующего механизма государственного регулирования, направленного на развитие ВИЭ, необходимо оценивать с учетом величины, структуры расходов, источников финансирования, а также достигаемого эффекта от предпринимаемых мер. Таким образом, следует рассмотреть не отдельно взятую величину расходов на ВИЭ, а провести сравнительный анализ совокупных общественных затрат (прямых и косвенных) на энергию, получаемую из ВИЭ и из традиционных видов энергоносителей,

¹ Рассчитано автором на основе [14].

а также оценить эффект и выявить недостатки существующего метода поддержки.

Структура расходов на различные виды энергоносителей

Сторонники ВИЭ опираются на недавнее исследование, проведенное в 2015 г. экспертами организаций Forum ökologisch-soziale Marktwirtschaft e.V. (форум экологической социальной рыночной экономики) и Greenpeace Energy [11], согласно которому затраты на электроэнергию, полученную из ВИЭ, не превышают, а в сравнении с некоторыми традиционными методами получения электроэнергии, даже ниже. Главный принцип оценки, используемый в данном исследовании – это учёт всех составляющих и компонентов, из которых складываются общественные затраты на электроэнергию, получаемую из разных источников, помимо собственно цены, которую платят потребители.

Механизм поддержки ВИЭ, прописанный в Законе о возобновляемых источниках энергии², заключается в том, что владельцы установок получают фиксированную оплату (вознаграждение) за кВт/ч. выработанной энергии – рыночную премию дополнительно к выручке от продажи электроэнергии на бирже по рыночной цене. Ставка вознаграждения варьируется в зависимости от вида установки (то есть вида используемой энергии), мощности и срока ввода в эксплуатацию. Разница между выручкой, полученной от продажи электроэнергии на бирже, и ставкой вознаграждения включена в цену конечного потребителя и является компенсационной надбавкой – инструментом поддержки ВИЭ.

При этом господдержка и расходы на традиционные энергоносители являются зачастую «скрытыми» и не отражены в цене потребителя. Однако они ложатся бременем на госбюджет и косвенно финансируются за счёт средств налогоплательщиков. «Скрытыми расходами» являют-

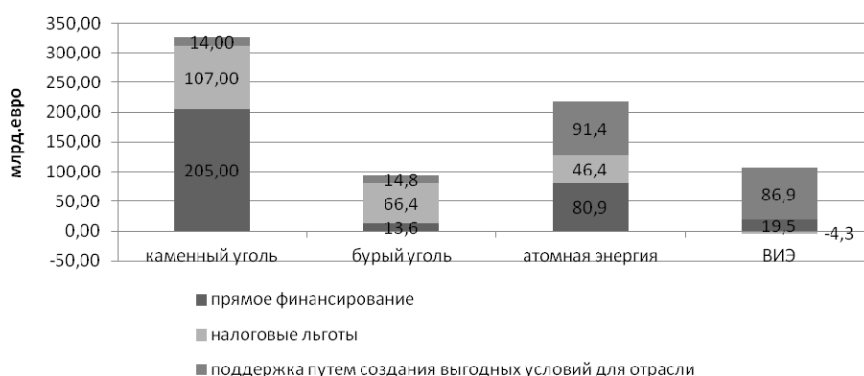
ся прямое финансирование и налоговые льготы. Использование традиционных энергоносителей приводит к возникновению сопутствующих внешних расходов, связанных с вредом для экологии и климата.

Государственная поддержка, если рассматривать её в широком смысле, оказывается и традиционным энергоносителям (атомной энергии, угольной, газовой отрасли) в виде прямого финансирования, налоговых льгот и других выгодных условий, создаваемых государством. Традиционные энергоносители, в особенности атомная энергия, имеют последующие расходы, связанные с нанесением вреда для окружающей среды (так называемые «внешние расходы»). Государственные расходы и внешние расходы не связывают напрямую с ценой на традиционные энергоносители, однако они в конечном итоге возникают в форме налогов, общественных расходов, связанных с изменением климата, негативным воздействием на окружающую среду, расходами на здравоохранение и т.д. То есть разница заключается в механизме и принципе поддержки – большая часть расходов на поддержку традиционных энергоносителей непрозрачна для конечного потребителя, не отражена в цене электроэнергии и осуществляется из бюджетных средств.

Применительно к энергетике государственную поддержку можно разделить на две категории [12]: с вовлечением и без вовлечения бюджетных средств. К первой категории относится финансовая помощь (расходы на исследования и разработки, субсидирование сбыта, например в каменноугольной отрасли, субсидирование вывода из эксплуатации атомных реакторов, дотации, предоставление безвозвратных ссуд, низкие процентные ставки по кредитам, расходы на утилизацию отходов и др.); налоговые льготы (дифференцированные налоговые ставки, освобождение от ресурсного налога). Ко второй категории относится поддержка путём создания

Рисунок 1.

Общий объем государственной поддержки отраслей энергетики за 1970-2014 гг.

Источник: составлено на основе данных [11, с 47-51].

² Последние изменения в Закон приняты германском Бундестагом 1 августа 2014 г.

■ Мировая экономика

выгодных условий (выгоды от торговли эмиссионными сертификатами, механизм вознаграждения, прописанный в Законе о ВИЭ, создание выгодных условий для вывода из эксплуатации АЭС), так называемые «внешние расходы» (выбросы парниковых газов, шум, нанесение ущерба биологическому разнообразию природы, риски, связанные с использованием определённых видов топлива, в особенности в атомной энергетике).

Если посчитать в денежном выражении сумму государственной поддержки в вышеперечисленных формах, но пока без учёта «внешних расходов» за период 1970-2014 гг., то получатся следующие результаты. Государственная поддержка каменугольной отрасли в денежном выражении составила 327 млрд евро (из них на электроэнергию приходится 186 млрд), на втором месте атомная энергия (219 млрд евро, на электроэнергию 190 млрд евро), затем ВИЭ (102 млрд евро, из них на электроэнергию 85 млрд) и бурый уголь (95 млрд евро, электроэнергия 69,4 млрд евро). [11, с 9]

В структуре расходов доля прямого финансирования наиболее высокая в каменноугольной и атомной отрасли. (см.рис.1).

Угольная отрасль поддерживается, прежде всего, за счёт субсидирования сбыта для обеспечения конкурентоспособности национальным производителям по сравнению с импортируемым углем. Финансирование атомной отрасли направлено в большей степени на научные исследования. При этом если раньше исследования проводились в области совершенствования

атомных реакторов, то с момента взятия курса «отказ от атома», ряд технологий так и не дошли до этапа внедрения, и исследования проводятся наоборот, в направлении остановки работы реакторов, их демонтажа и захоронения отходов.

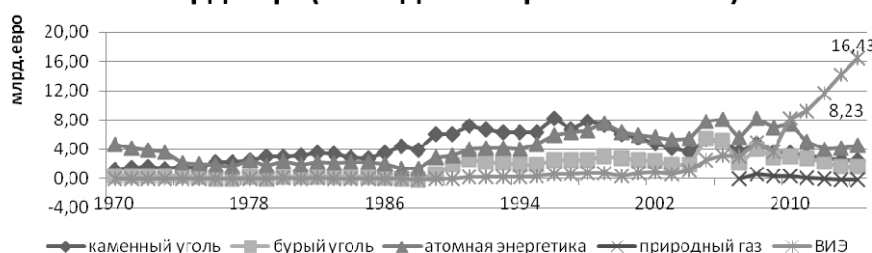
В категорию налоговых льгот попадают различные прямые и косвенные налоги, сборы, действующие в ФРГ для энергетической отрасли, и различные виды энергоресурсов³. За счёт налоговых льгот выгоды получают атомная энергия, каменный и бурый уголь.

В части внебюджетного субсидирования речь идёт о расходах, не имеющих прямого отношения к бюджетным средствам и, таким образом, относящимся к категории государственной поддержки в более широком смысле. К этой категории относится торговля эмиссионными сертификатами. Этот инструмент сам по себе не призван приносить льготы отраслям с высоким уровнем выбросов CO₂, а наоборот обременять их. Тем не менее, некоторые инструменты в контексте торговли эмиссионными квотами можно рассматривать как выгодные для отрасли, например, бесплатное предоставление сертификатов.

Угольная отрасль получает выгоду от предоставляемых бесплатно эмиссионных сертификатов, при этом, на счёт атомной энергетики и ВИЭ можно отнести повышение цен вследствие торговли сертификатами⁴. К этой же категории внебюджетного финансирования можно отнести и выгоду, получаемую ВИЭ от механизма вознаграждения, прописанного в Законе о возобновляемых источниках энергии.

Рисунок 2.

Государственная поддержка в ФРГ в секторе электроэнергетики 1970-2014гг.в млрд.евро(по видам энергоносителей)

Источник: составлено на основе данных [11, с 131].

³ В Германии действует так называемый энергетический налог (Energiesteuer) – косвенный налог, выплачиваемый потребителями за использование энергоносителей в качестве топлива и горючего материала. В данном исследовании подсчитаны выгоды, получаемые от послабления или освобождения от различного рода налогов и сборов, действующих в энергетической отрасли ФРГ. За базовый ориентир взята подсчитанная авторами плановая налоговая ставка. При отклонении в меньшую сторону разница учитывается как налоговая льгота, сумма считается как субсидия для . При отклонении в большую сторону учитывается как отрицательное субсидирование со знаком «-».

⁴ Например, в 2014 г. цена на сертификат составила 5,75 евро за тонну CO₂, повышение цен на электроэнергию за счет торговли эмиссионными квотами составило 0,4 цента за кВт./час. Расчёт произведён исходя из объёма выработанной электроэнергии за рассматриваемый период. Бесплатное предоставление сертификатов считается как субсидия «+», для отраслей, не участвующих в торговле эмиссионными квотами (атомная, ВИЭ), повышение цен за счёт торговли эмиссионными квотами считается как субсидирование со знаком «-».

В то время, как поддержка ВИЭ выражена в цене потребителя и, таким образом, прозрачна, в систему поддержки других отраслей вовлечены бюджетные и общественные расходы, которые косвенно влияют на общие расходы, которые можно отнести к электроэнергетики.

Перераспределение расходов на традиционные энергоносители по принципу ВИЭ

По совокупным затратам (с учётом прямого финансирования, налоговых льгот и создания выгодных рамочных условий, без учета «внешних расходов») за период 1970-2014 гг., расходы на производство электроэнергии с помощью атомных электростанций, каменного угля значительно опережают ВИЭ. (см.рис.1). Если рассматривать динамику расходов по годам за тот же период, заметно резкое увеличение расходов на ВИЭ с 2010 (8,23 млрд евро) и сокращение на другие виды (см.рис.2).

С 2010 по 2014 гг. расходы на ВИЭ возросли более чем в два раза и составили 16,43 млрд евро, что минимум в 4 раза превышает расходы на другие виды энергоносителей за этот же год. То есть, государственная поддержка ВИЭ была сконцентрирована в более коротком периоде и на данный момент наблюдается тенденция к увеличению расходов на ВИЭ и сокращению на другие виды энергоносителей⁵. При этом темп роста расходов на электроэнергию из ВИЭ за 2010-2014 гг. (18,86%), опережал темп роста производства электроэнергии из ВИЭ за аналогичный период (11,58%) на 7,28%⁶.

Из расчета на кВт/ч выработанной электроэнергии, в среднем за 1970-2014 величина расходов для ВИЭ составила 4,5 центов, для атомной энергии – 3,9 цента, для каменного угля 3,3 цента, для бурого угля – 1,3 цента. (см.рис.3). Однако, с 2010 года этот показатель для ВИЭ

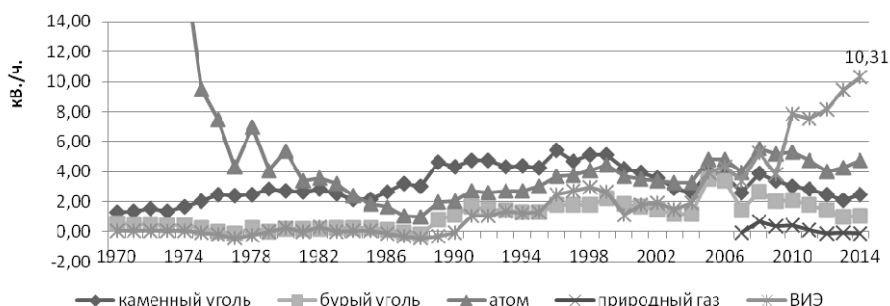
резко возрос и составил 10,3 цента за кв/ч. в 2014 году, что минимум в два раза превосходит показатели остальных видов источников электроэнергии.

Главным аргументом сторонников ВИЭ является результат пересчета и перераспределения расходов на традиционные энергоносители по принципу, установленному для ВИЭ. При этом помимо прямого финансирования, налоговых льгот необходимо учесть сопутствующие «внешние расходы», рыночную стоимость электроэнергии и расходы на строительство и ввод в эксплуатацию новых установок. Если бы общественные расходы на традиционные энергоносители перераспределили по принципу, установленному Законом для ВИЭ, и включили бы в цену конечного потребителя, это увеличило бы цену за кВт/ч. электроэнергии из традиционных энергоносителей на 10,6 цента в 2014 г. При этом, в 2015 г. выплачиваемое вознаграждение за использование ВИЭ снизилось с 6,24 центов за кв/час до 6,17, а для традиционных энергоносителей увеличилось – до 11,4 центов за кв/час. (см.рис 4).

Закон о возобновляемой энергии сам по себе является временным инструментом поддержки, при котором по мере повышения эффективности ВИЭ, будет снижаться необходимость такого рода механизма поддержки. При этом угольная и атомная отрасли порождают высокие и трудно поддающиеся количественному измерению последующие издержки, возникающие также и после вывода из эксплуатации электростанций, как, например, захоронение радиоактивных отходов, издержки, связанные с ликвидацией шахт, и т.д. Таким образом, традиционные энергоносители потребуют в будущем дополнительных последующих издержек, не внося при этом вклад в производство электроэнергии.

Рисунок 3.

Государственная поддержка в ФРГ в секторе электроэнергетики 1970-2014гг.в кв./ч (по видам энергоносителей)

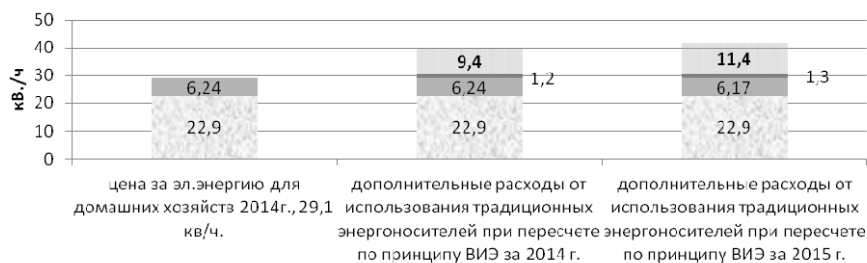

Источник: составлено на основе данных [11, с 131].

⁵ В отношении природного газа объективную оценку провести сложно, поскольку данные по некоторым видам субсидирования имеются только с 2007 г. В основном расходы связаны с финансированием научных разработок на национальном и европейском уровнях.

⁶ Рассчитано автором на основе данных [12, с 131].

Расходы на кв./ч. электроэнергии с учетом вознаграждения за ВИЭ и дополнительных расходов от использования традиционных энергоносителей

Источник: составлено на основе данных [11 с.34, 3].

Недостатки механизма поддержки ВИЭ

Однако, механизм поддержки ВИЭ не лишен недостатков. Несмотря на снижение в 2015 году (впервые с 2010 г.) величины компенсационного вознаграждения за ВИЭ до 6,17 центов, в 2016 г. этот показатель достигнет рекордно высокого уровня и составит 6,35 центов за кв/час. (см.рис 5.). Это в корне противоречит целям правительства, поскольку предполагалось, что величина компенсационного вознаграждения, то есть издержки производства ВИЭ, должны с течением времени снижаться. Причин повышения компенсационного вознаграждения несколько: чем больше установок, работающих на ВИЭ вводится в эксплуатацию, тем выше общая сумма вознаграждения и затраты потребителей, так как, чем больше количество установок, тем больше производится электроэнергии с помощью ВИЭ, и тем большему количеству владельцев нужно заплатить фиксированный тариф. [13]

Ещё большее влияние оказывает увеличение количества промышленных предприятий, освобождённых от уплаты компенсационного вознаграждения или выплачивающих его не в полном размере. В 2013 г. для энергоёмких промышленных предприятий был снижен порог,

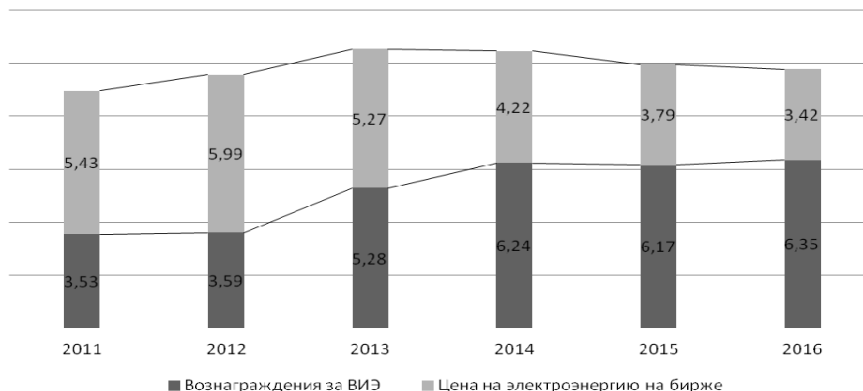
при котором возможно было рассчитывать на уплату льготного тарифа. [13]

Увеличение количества энергии, вырабатываемой с помощью ВИЭ, увеличивает, соответственно, предложение электроэнергии на рынке и, таким образом, понижает рыночную цену на электроэнергию. (см.рис 5).

Отрицательная разница между выручкой и фиксированной платой растёт. Это приводит к парадоксальной ситуации: чем больше ВИЭ снижают цену на электроэнергию, тем больше становится сумма отчислений за ВИЭ, чем больше установок, использующих ВИЭ вводится в эксплуатацию, чем больше электроэнергии производится с помощью ВИЭ, тем больше растёт сумма отчислений.

Ещё одна отрицательная тенденция связана с принципом работы рынка электроэнергии и формированием цены на бирже. Цена формируется по принципу Merit-Order-Effekt – последовательное подключение электростанций, основанное на учёте переменных издержек. Сначала спрос покрывается за счёт наиболее эффективно работающих электростанций, последняя электростанция с наивысшими издержками (граница), необходимая для покрытия спроса

Сумма стоимости электроэнергии на бирже и вознаграждения за ВИЭ 2011-2016 г.

Источник: составлено на основе [6].

устанавливает цену [2]. Поскольку переменные издержки для установок, использующих ВИЭ практически стремятся к нулю, спрос покрывается в первую очередь за счёт ВИЭ. Предполагалось, что в периоды пикового спроса и/или колебаний предложения, вызванных нестабильностью и непостоянством энергии, вырабатываемой солнцем и ветром, остаток будет покрываться за счёт газовых электростанций, поскольку они более экологичны и технологически гораздо более мобильны при необходимости оперативно покрывать недостаток электроэнергии. Однако, угольные электростанции продолжают работать, продавая электроэнергию даже по отрицательной цене, так как это дешевле, чем отключение и включение угольной электростанции. Таким образом, угольные электростанции продолжают работать, производя выбросы в атмосферу. Электростанции, работающие на газе, вследствие относительно высоких цен на газ снижают долю производства. Невыгодным становится также инвестировать в строительство новых, даже самых современных электростанций, работающих на газе, поскольку срок окупаемости инвестиций растёт. Яркий пример – самая современная в Европе высокотехнологичная с минимальным негативным воздействием на окружающую среду газовая турбина в Иршинге, которую ввели в эксплуатацию в марте 2014 г. В марте 2015 г. было объявлено о решении вывести её из эксплуатации к апрелю 2016 г. в связи с нерентабельностью её эксплуатации. Причиной этому стало падение цен на электроэнергию, относительно высокие переменные издержки по сравнению с ВИЭ, а также снижение цен на эмиссионные сертификаты, которые перестали выполнять свою обременительную функцию для угольных электростанций. [10]

Противоречие возникает также при рассмотрении механизма торговли эмиссионными квотами и поддержки ВИЭ. Несмотря на то, что это инструменты единой концепции и направлены на общую цель – снижение выбросов углекислого газа в атмосферу в механизме функционирования не дополняют, а противостоят друг другу. Увеличение доли ВИЭ в электроэнергии снижает спрос на эмиссионные сертификаты и приводит к снижению цены. Уровень выбросов в атмосферу, при этом, не снижается, поскольку при низких ценах на эмиссионные сертификаты снижается стимул сокращения выбросов.

Сравнительный анализ совокупных общественных расходов на различные виды энергоносителей показал различия в структуре затрат, большую долю скрытых, последующих расходов на традиционные энергоносители по сравнению с ВИЭ, значительный рост расходов на ВИЭ начиная с 2010 г. и сокращение на другие виды

энергоносителей. (рис.2, 3). При этом темп роста расходов на электроэнергию из ВИЭ за 2010-2014 гг. (18,86%), опережал темп роста производства электроэнергии из ВИЭ за аналогичный период (11,58%) на 7,28%⁷. Применение единого метода подсчёта расходов на энергоносители по принципу, используемому для ВИЭ, показал большие по сравнению с ВИЭ затраты на традиционные энергоносители (рис.4). Однако этот же механизм поддержки имеет ряд недостатков, комплекс системы мер поддержки порождает зачастую обратный от ожидаемого эффект (рост компенсационного вознаграждения, то есть величины отчислений за ВИЭ, которую платят потребители, отсутствие стимулов для снижения выбросов в атмосферу и т.д.). Однако, даже при совершенствовании механизма поддержки ВИЭ, существует и ряд других проблем, связанных с использованием ВИЭ и реализацией поставленных задач немецким правительством.

Современная система поддержки и госрегулирования энергетики выстроена и направлена на поддержку и развитие ВИЭ с целью сделать более выгодной энергию, получаемую из ВИЭ. Политика отказа от негативно воздействующих на окружающую среду атомной и угольной отраслей, несомненно, порождает расходы, направленные на сворачивание этих отраслей, закрытие шахт, вывод из эксплуатации АЭС. Однако, при допущении вероятности когда-либо отказа от курса развития ВИЭ неизвестны расходы на демонтаж, утилизацию и прочие связанные с этим расходы. При этом зачастую не учитываются расходы на расширение системы электросетей, которое требуется также для достижения целевых показателей по выработке электроэнергии из ВИЭ. Затраты до 2030 г. могут составить до 42,4 млрд евро [7].

На современном этапе развития ВИЭ очевидно отставание научно-технической и технологической базы от существующих целей – количественных показателей производства энергии, которых необходимо достичь ВИЭ. Достижение каждого последующего этапа требует большего вклада научного компонента, то есть рост производства энергии с помощью ВИЭ до 27,4% в электроэнергетике был достигнут с помощью существующего механизма поддержки, количественного увеличения установок, используемых для получения энергии из ВИЭ. Достижение последующих целевых показателей требует качественного рывка в научно-технической области, а также пересмотра существующего механизма государственной поддержки. Нестабильность потока энергии, получаемой от ВИЭ, требует создания сложного механизма энергосистемы, который позволял бы бесперебойно покрывать потребности в электроэнергии независимо от погодных условий.

⁷ В данном случае, несмотря на превышение темпа роста расходов над темпом роста производства электроэнергии из ВИЭ, нельзя однозначно сказать о неэффективности затрат, поскольку срок окупаемости инвестиций в ВИЭ составляет 2-3 года.

Влияние лоббирующих организаций на государственную поддержку развития ВИЭ в ФРГ, по оценкам экспертов, довольно сильное. О том, в какой степени решения правительства зависят от давления лоббистов в ущерб экономической эффективности мер или же в данном случае лоббирование оказывает положительное влияние и на интересы общества в целом, сказать пока сложно. Тем не менее, пока что в правительстве и германском обществе, в целом, нет сомнений в отношении необходимости развития ВИЭ. Речь может идти только о пересмотре механизма поддержки, в котором за последние годы был выявлен ряд недостатков, в дальнейшем совершенствовании законодательной базы, совершенствовании технологий, но не о сворачивании энергетической реформы как таковой. Очевидность плюсов для Германии в случае реализации целей и задач, определённых в энергетической концепции, не вызывает сомнений. Снижение зависимости от импорта энергоресурсов, самообеспеченность в условиях волатильности энергорынков и высокого геополитического воздействия – безусловно значимое конкурентное преимущество для страны, импортирующей 69,6%⁸ энергоресурсов.

Помимо энергетической безопасности также остро стоит экологический вопрос. Все чаще воздействие от использования традиционных энергоносителей на экологию становится более актуальным, чем их исчерпаемость. Например, развитие нефтедобычи ограничивается не столько ограниченными запасами, сколько избытком углерода. Высвобождение углерода, содержащегося в доказанных запасах нефти, приведёт к сильному превышению порога в 450 ppm CO₂, обозначенному в Рамочной конвенции ООН об изменении климата, как поворотная точка, за которой начнутся опасные изменения климата. Потенциальные выбросы за счёт доказанных мировых запасов нефти оцениваются в 620 гигатонн CO₂, в то время как весь углеродный бюджет (включая уголь и газ) на период 2011–2050 гг. не должен превысить 565 гигатонн CO₂, если мир хочет избежать роста температуры на 2гр. С. С этой точки зрения, основная часть углерода,

связанного в доказанных запасах – и находящегося на балансе у зарегистрированных нефтяных компаний, является «несжигаемой». [1]

В переходе на ВИЭ существует так называемый социальный контекст: ВИЭ по своей природе являются доступными обществу: солнце, ветер – общественные блага, в отличие от торгуемых как частное благо традиционных энергоносителей. Это принципиальное отличие ВИЭ от традиционных энергоносителей. При этом, энергетическая и экологическая безопасность являются общественным благом, для обеспечения которого при использовании частных благ возникает противоречие и конфликт интересов. Если предположить возможность перехода на использование ВИЭ при сохранении нормальных темпов развития экономики – это станет качественно новым этапом в развитии не только энергетической отрасли, но и экономики в целом.

Тенденция развития ВИЭ наблюдается на современном этапе не только в ФРГ. Всё чаще в понятии стратегии энергетической и экологической безопасности на страновом или международном уровне фигурирует необходимость развития и увеличения доли ВИЭ, причём всё чаще это становится актуальным не только для стран, обладающих низкими запасами углеводородов.

Развитие ВИЭ в РФ, несомненно, может идти только по сценарию, учитывающему особенности экономической системы, уровень обеспеченности энергоресурсами, развития научно-технической базы и др. Для России опыт ФРГ может быть полезен с точки зрения анализа механизма государственной поддержки, необходимости тщательного прогнозирования и учёта вариантов развития, гибкости в корректировке инструментов поддержки. В контексте новой энергетической стратегии ФРГ необходимо также учитывать, что переориентация на внутренние ресурсы в энергопотреблении, снижение зависимости от импорта энергоносителей означает, прежде всего, снижение зависимости от импорта из России, что делает необходимым для РФ пересмотр перспектив и направлений экспорта энергоносителей.

Список литературы

1. Бридж Г., Ле Бийон Ф. Нефть / пер. с англ. Н.Эдельмана; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015., с.104
2. Электронный экономический словарь (на нем.). [электронный ресурс]. – URL <http://wirtschaftslexikon.gabler.de/Definition/merit-order-effekt.html>, дата обращения 3.02.2016
3. Agentur für Erneuerbare Energie [электронный ресурс]. – URL: <http://www.unendlich-viel-energie.de/themen/wirtschaft/kosten/strompreis-weist-externe-kosten-fossiler-und-atomarer-energieerzeugung-nicht-aus>, дата обращения 3.02.2016
4. Bundesverband Erneuerbare Energie e.V. [электронный ресурс]. – URL: http://www.bee-ev.de/fileadmin/Verband/20160101_Webseite_Unsere_Mitglieder.pdf, дата обращения 1.02.2016
5. Dr. Grewe H. Die Branche der erneuerbaren Energien und ihre Lobby / Konrad Adenauer Stiftung. Analysen&Argumente. 2009, Ausgabe 74

⁷ [8].

6. EEG-Umlage 2016: Fakten & Hintergründe // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie [электронный ресурс]. – URL: <http://www.bmwi.de/BMWi/Redaktion/PDF/E/eeg-umlage-2016-fakten-hintergruende,property=pdf,bereich=bmwi2012,sprache=de,rwb=true.pdf>, дата обращения 1.02.2016, s.1
7. Eine erfolgreiche Energiewende bedarf des Ausbaus der Stromverteilnetze in Deutschland / Deutsche Energie Agentur GmbH (dena). Berlin, 10.12.2012, s.9
8. Energiedaten: Gesamtausgabe. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie Stand: Januar 2016. // [электронный ресурс]. – URL: <http://bmwi.de/BMWi/Redaktion/PDF/E/energiestatistiken-grafiken,property=pdf,bereich=bmwi2012,sprache=de,rwb=true.pdf>, s.12, дата обращения 2.02.2016
9. Energiekonzept für eine umweltschonende, zuverlässige und bezahlbare Energieversorgung. 28. September 2010.
10. Keine wirtschaftliche Perspektive: Eigentümer der Gaskraftwerke Irsching 4 und 5 zeigen Stilllegung an // [электронный ресурс]– URL: <http://www.eon.com/de/presse/pressemitteilungen/pressemitteilungen/2015/3/30/no-economic-prospects-owners-of-the-irsching-4-and-5-gas-fired-power-stations-announce-their-closure.html>
11. Küchler S., Wronski R. Was Strom wirklich kostet. Vergleich der Staatlichen Förderungen und Gesamtgesellschaftliche Kosten von konventionellen und erneuerbaren Energien // Forum Ökologisch-Soziale Marktwirtschaft e.V., 2015
12. Meyer B. Subventionen und Regelungen mit subventionsähnlichen Wirkungen im Energiebereich. München, 2006
13. Quaschnig V. Erneuerbare Energien und Klimaschutz Hintergründe - Techniken und Planung - Ökonomie und Ökologie – Energiewende, Carl Hanser Verlag München 2013, s.118
14. Zeitreihen zur Entwicklung der erneuerbaren Energien in Deutschland. [Электронный ресурс] –URL: http://www.erneuerbare-energien.de/EE/Redaktion/DE/Downloads/zeitreihen-zur-entwicklung-der-erneuerbaren-energien-in-deutschland-1990-2014.pdf?__blob=publicationFile&v=5

Об авторе

Козаева Ната Владимировна– аспирант кафедры менеджмента и маркетинга МГИМО МИД России.
E-mail: kozaevanata@mail.ru.

GOVERNMENTAL SUPPORT MECHANISM OF THE RENEWABLE ENERGY IN GERMANY

Nata V. Kozaeva

Moscow State Institute of International Relations (University), Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *German Energy transition could be considered to be one of the most challenging a wide-scaled reforms, quite capital-intensive, requiring a high level of scientific input, having an influence on other economic sectors and economic entities. Energy reform is intended to increase the energy security level by increasing the share of renewables in its energy portfolio, environmental protection by decreasing the emission into the atmosphere and the level of energy consumption.*

Since 1990 the share of renewables in the whole energy sector and in electricity sector has been rising steadily. Governmental support, including direct finance, fiscal benefits and creating favorable market conditions for the sector has been expanding for renewable and declining for traditional energy. The costs for renewable energy are more transparent, during those for traditional energy are often hidden and indirectly charge the budget, can emerge later in form of subsequent costs of the climate.

However, the system of support itself discloses its imperfection, when its implementation causes an opposite impact or contradiction between several instruments, which are actually aimed to solve one problem. Given the high strategic importance of the goals set, even an evident necessity to revise the mechanism of governmental support doesn't, however, mean that the government doubts the usefulness of the reform.

Key words: energy transition, energy reform, renewable energy, governmental support, public costs of electricity, supporting mechanism of renewable energy, shortcomings of the supporting mechanism of renewable.

References

1. Bridge G., Le Billon Ph. Oil. 1.ed. ISBN: 978-0-7456-4926-9, 2012. 104 p.) (Rus. Ed.: Bridzh G., Le Bijon F. Neft'. Moscow, Institut Gajdara, 2015. 104p.)
2. Electronic economic dictionary. Available at: <http://wirtschaftslexikon.gabler.de/Definition/merit-order-effekt.html>, Accessed 3. February 2016 (in German)
3. Agentur für Erneuerbare Energie. Available at: <http://www.unendlich-viel-energie.de/themen/wirtschaft/kosten/strompreis-weist-externe-kosten-fossiler-und-atomarer-energieerzeugung-nicht-aus>, Accessed 3. February 2016 (In German)
4. Bundesverband Erneuerbare Energie e.V. Available at: http://www.bee-ev.de/fileadmin/Verband/20160101_Webseite_Unsere_Mitglieder.pdf, Accessed 1. February 2016 (In German),
5. Dr. Grewe H. Die Branche der erneuerbaren Energien und ihre Lobby / Konrad Adenauer Stiftung. Analysen&Argumente. 2009, Ausgabe 74 (In German)
6. EEG-Umlage 2016: Fakten & Hintergründe. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. Available at: <http://www.bmwi.de/BMWi/Redaktion/PDF/E/eeg-umlage-2016-fakten-hintergruende,property=pdf,bereich=bmwi2012,sprache=de,rwb=true.pdf>, дата обращения 1.02.2016, s.1 (In German)
7. Eine erfolgreiche Energiewende bedarf des Ausbaus der Stromverteilnetze in Deutschland / Deutsche Energie Agentur GmbH (dena). Berlin, 10.12.2012, s.9 (In German)
8. Energiedaten: Gesamtausgabe. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie Stand: Januar 2016. Available at: <http://bmwi.de/BMWi/Redaktion/PDF/E/energiestatistiken-grafiken,property=pdf,bereich=bmwi2012,sprache=de,rwb=true.pdf>, s.12, дата обращения 2.02.2016 (In German)
9. Energiekonzept für eine umweltschonende, zuverlässige und bezahlbare Energieversorgung. 28. September 2010. (In German)
10. Keine wirtschaftliche Perspektive: Eigentümer der Gaskraftwerke Irsching 4 und 5 zeigen Stilllegung an. Available at: <http://www.eon.com/de/presse/pressemitteilungen/pressemitteilungen/2015/3/30/no-economic-prospects-owners-of-the-irsching-4-and-5-gas-fired-power-stations-announce-their-closure.html> (In German)
11. Küchler S., Wronski R. Was Strom wirklich kostet. Vergleich der Staatlichen Förderungen und Gesamtgesellschaftliche Kosten von konventionellen und erneuerbaren Energien // Forum Ökologisch-Soziale Marktwirtschaft e.V., 2015 (In German)
12. B. Meyer. Subventionen und Regelungen mit subventionsähnlichen Wirkungen im Energiebereich. München, 2006 (In German)
13. Quaschnig V. Erneuerbare Energien und Klimaschutz Hintergründe - Techniken und Planung - Ökonomie und Ökologie – Energiewende, Carl Hanser Verlag München 2013, p.118 (In German)
14. Zeitreihen zur Entwicklung der erneuerbaren Energien in Deutschland. Available at: http://www.erneuerbare-energien.de/EE/Redaktion/DE/Downloads/zeitreihen-zur-entwicklung-der-erneuerbaren-energien-in-deutschland-1990-2014.pdf?__blob=publicationFile&v=5

About the author

Nata V. Kozaeva – post-graduate student of MGIMO-University under the MFA of Russia.
E-mail: kozaevanata@mail.ru.

РЕФОРМА ВТО: ПРЕДПОСЫЛКИ, УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Т.М. Исаченко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Максимальное использование преимуществ международного разделения труда и обмена достижениями инновационного развития возможно только при наличии строгой системы норм и правил, которые позволяли бы регулировать международную торговлю, обеспечивая прозрачность условий доступа на рынки, возможность оспаривать дискриминационные меры, а также сохранять определённую степень защиты интересов национальных производителей.

Начало становлению многосторонней торговой системы было положено подписанием Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), а впоследствии развито в документах, кодексах и решениях переговорных раундов. С 1995 г. основу многосторонней торговой системы составляет свод правил Всемирной торговой организации (ВТО), сформированных, что особенно важно, на многостороннем уровне. В последние годы, однако, переговорный процесс в рамках ВТО замедлился, что сказалось на качестве и темпах принятия решений по ключевым проблемам мирового развития. Это позволяет говорить об определённом кризисе ВТО как основного регулятора мировой торговли, а, следовательно, о необходимости как институциональной, так и содержательной реформы этой организации.

Ключевые слова: мировая торговля, глобальные производственные цепочки, многосторонняя торговая система, торговая политика, Всемирная торговая организация, международные институты, региональные торговые соглашения, министерские конференции, механизм разрешения споров.

■ Мировая экономика

Ни в одной части политической экономии не господствует такого разногласия между теоретиками и практиками, как относительно международной торговли и торговой политики. Вместе с тем в области этой науки не существует другого вопроса, который бы имел столь важное значение как по отношению к благосостоянию и цивилизации страны, так и по отношению к её самостоятельности, могуществу и устойчивости.

Ф. Лист.

«Национальная система политической экономии».

Контурсы современного экономического развития

Современное экономическое развитие всех стран мира, кризисные тенденции и явления, гуманитарные и социальные проблемы многих стран вновь подтверждают значение мировой торговли как фактора сохранения баланса и поддержания устойчивого развития мировой экономики. Традиционно основными преимуществами участия в мировой торговле в условиях глобализации считаются:

- хотя бы частичная ликвидация дефицита товаров в рамках отдельных экономик, выравнивание уровней экономического развития стран;
- увеличение числа рабочих мест, рост благосостояния;
- распространение передовых достижений мировой науки и инноваций, расширение доступа разных стран и компаний к передовым технологиям и товарам;

Международные торговые связи рассматриваются как элемент, способствующий сохранению мира и стабильности.

Дополнительные стимулы к своему развитию международная торговля получила за счёт активного развития глобальных производственных цепочек, позволяющих говорить о формировании нескольких мировых фабрик и появлении нового бренда «Сделано в мире». Это подтверждают исследования, проведённые на основе использования модели «затраты-выпуск», продемонстрировавшие, что с 1995 г. практически во всех случаях производства товаров на основе подобных цепочек стоимость, «добавленная» вне страны, существенно увеличивалась. При этом «добавление» стоимости происходило даже вне рамок региона, в котором расположена страна-конечный производитель.

При всей очевидности преимуществ активного участия в международном товарообмене, торговле услугами и продуктами интеллектуальной собственности, эти процессы всё чаще становятся заложниками противоречий и политических амбиций стран и регионов, что полностью нивелирует потенциальные выгоды от участия в международном сотрудничестве.

Чтобы свести к минимуму подобные негативные явления, необходима стратегия участия

страны в международном экономическом сотрудничестве, наличие системы норм и правил, которые позволяли бы регулировать международную торговлю, обеспечивая прозрачность условий доступа на рынки, возможность оспаривать дискриминационные меры, а также сохранять определённую степень защиты интересов национальных производителей.

В национальных масштабах такая система реализуется через торговую политику, которая представляет собой систему государственных мер, направленных на достижение экономикой страны преимуществ на мировом рынке и на защиту интересов национальных производителей на внутреннем рынке. С другой стороны, в условиях глобализации наличие обширного арсенала мер национального законодательства, применяемых для регулирования участия страны в МРТ, неизбежно привело бы (а зачастую и приводит) к дальнейшему обострению противоречий и проблем. Усиление взаимосвязанности мира, углубление торговых и производственных связей между отдельными странами превращали в насущную необходимость выработку универсальных правил, обеспечивающих предсказуемость последствий участия в МРТ, одновременно сохраняя возможность использования национальной торговой политики для защиты стратегических интересов.

Многосторонняя система регулирования торговли: необходимость или закономерность развития

Идеи о необходимости международного свода правил, нацеленного на учёт интересов как каждой страны, так и мирового сообщества, мы встречаем ещё в работах немецкого экономиста и одного из основателей теории торговой политики Ф. Листа. В своей самой известной работе «Национальная система политической экономии» он отмечал: «Политическая экономия в отношении к международной торговле должна основывать своё учение на опыте, соотносить предлагаемые ею меры с потребностями настоящего времени и со своеобразным положением каждой отдельной нации, не упуская в то же время из вида требований будущего и всего человечества. Она опирается, следовательно, на философию, политику и историю. В интересах будущего и всего человечества философия требует: всё большего и большего сближения между собою различных наций, избегания, насколько возможно, войны, укрепления и развития международного права, перехода того, что мы теперь называем народным правом, в государственно-федеральное право, свободы в сношениях между собою народов — как в области умственной, так и в материальной, наконец, объединения всех наций под верховенством закона — одним словом, всемирного союза» [8]. Формирование подобной системы происходило на протяжении всего периода после Второй мировой войны. Начало становлению многосто-

ронней торговой системы было положено подписанием Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), а впоследствии развито в документах, кодексах и решениях переговорных раундов.

Существование форума по ведению многосторонних торговых переговоров придало новые контуры традиционной дискуссии о соотношении протекционизма и свободы торговли. Расширение арсенала инструментов и изменение характера торговой политики привело к трансформации сущности свободной торговли. Помимо снижения и устранения барьеров настолько, насколько возможно, современная концепция либерализации международного торгового регулирования предусматривает систематизацию мер торговой политики и унификацию правил их применения. Это обуславливает перманентный поиск эффективных инструментов торговой политики, новый подход к её роли и задачам, который учитывает направление и темпы развития мировой экономики, а также необходимость усиления конкурентоспособности предприятий и национальных экономик.

Очевидно, что современный протекционизм также существенно отличается от протекционизма предшествующих десятилетий, поскольку в значительной степени предусматривает сочетание защитных мер с мерами скрытого протекционизма и продвижением интересов национальных производителей [4]. Развитие ГАТТ в значительной степени способствовало выработке правил применения подобных мер защиты внутреннего рынка. С 1995 г. система конкретных договорённостей по наиболее острым проблемам была преобразована в стройный свод правил Всемирной торговой организации (ВТО), сформированных, что особенно важно, на многостороннем уровне, т.е. при участии всех членов организации и обязательных для исполнения всеми участниками на основе Устава ВТО. Наиболее полно история ГАТТ/ВТО представлена в работах И.И. Дюмулена [2], в которых отчётливо продемонстрирован медленный, но последовательный прогресс переговоров в рамках ГАТТ по согласованию правил регулирования международной торговли. Аналогичный анализ представлен также в работах Э.П. Бабина [1]. Из зарубежных экспертов наиболее детальный анализ многосторонней торговой системы содержится у Г. Ван Грастека [14].

С началом Дохийского раунда переговоров (2001 г.), определившего весьма обширную повестку дня при условии соблюдения строгих принципов достижения решений по ключевым вопросам, многосторонняя торговая система переживает серьёзный системный кризис. Он выразился в том, что в течение длительного периода времени не принято ни одного существенного решения, позволившего расширить свободу торговли и выполнение других ключевых принципов ВТО. Кризис происходит на фоне весьма динамичного развития международной

торговли и других форм международного экономического сотрудничества, потребовавших активизации усилий по их стимулированию и регулированию. Все попытки развитых и развивающихся стран найти компромисс по сложным вопросам – таким, как сокращение уровня тарифной защиты по промышленным и сельскохозяйственным товарам, устранение субсидий, искажающих торговлю и конкурентную среду, упрощение формальностей и процедур оформления торговых операций, оформление посредством многостороннего соглашения регулирования торговых операций, являющихся составной частью крупных инвестиционных сделок, и многие другие – не увенчались успехом. Усилия ВТО и его секретариата, направленные на достижение компромиссов при обсуждении этих сложных вопросов на министерских конференциях ВТО, нивелировались противоречиями между отдельными группами стран.

В этом отношении интересен комплексный аналитический обзор этапа многосторонних торговых переговоров в период, предшествовавший министерской конференции на Бали в декабре 2013 г., и определение перспектив последующего развития [см. подробнее 9].

Важным этапом в развитии многосторонней торговой системы стали 2013–2014 гг., когда произошло принятие и оформление одной из важнейших задач по дальнейшему развитию международной торговли в целях углубления и реализации преимуществ глобализации.

В декабре 2013 г. на министерской конференции в Индонезии члены ВТО завершили переговоры по Соглашению об упрощении процедур торговли, начатые ещё в начале 2000-х гг. Переговоры велись на основе общих принципов ВТО в рамках более широкого «Балийского пакета».

После принятия документов члены ВТО должны были осуществить ратификацию всего пакета соглашений, однако на этом этапе возникли сложности, поскольку развивающиеся страны, прежде всего Индия, увязали принятие Соглашения с получением права на расширенное финансирование создания продовольственных запасов, которое может повлечь за собой нарушение связанных лимитов государственной поддержки, искажающей торговлю, т.е. поддержки, которая влияет на цены и объёмы торговли. Эти требования практически заблокировали продвижение переговоров по упрощению процедур торговли, а также по многим другим вопросам повестки дня ВТО. Лишь в ноябре 2014 г., через год после принятия документов, компромисс был найден. Именно это можно считать одним из наиболее важных достижений ВТО за последние два года.

Но даже прогресс по таким важным вопросам, как упрощение торговли и создание продовольственных запасов для обеспечения продовольственной безопасности развивающихся стран, не привёл к существенному расшире-

нию торговли. После более чем 10 лет сложных переговоров необходимость институциональных рамок регулирования мировой торговли отнюдь не уменьшилась, но, напротив, возросла в связи с усилением тенденций к расширению регионального и кросс-регионального сотрудничества. В современной обстановке преимущества от участия в мировой торговле можно получить только путём участия в постоянных и содержательных переговорах. При этом переговоры должны вестись по самому широкому спектру вопросов регулирования. К сожалению, в настоящее время для активизации процессов международного экономического сотрудничества, расширения торговли и максимизации преимуществ от участия в этих процессах уже недостаточно снижения тарифных барьеров и устранения традиционных торговых барьеров. Именно эти идеи были заложены в основу переговорного процесса Дохийского раунда. Учитывая серьёзный кризис данного этапа многосторонних торговых переговоров, следует проанализировать его причины и перспективы разрешения наиболее спорных вопросов.

Министерская конференция ВТО в Женеве 2008 г. была призвана стать завершающим этапом многолетних переговоров, стартовавших в 2001 г. Однако на этой конференции не удалось найти выход из тупика. Напротив, положение осложнилось настолько, что многие эксперты поставили вопрос о кризисе Дохийского раунда и даже о его неудачном завершении. Что же послужило основными причинами кризиса, и какие факторы необходимо принимать во внимание в дальнейшем для того, чтобы избежать ещё более серьёзных разногласий?

Прежде всего, стоит отметить, что в 2000-е гг. ВТО стала очень большой и диверсифицированной организацией. Развивающиеся страны составляют 78% участников, а достижение консенсуса требуется по всему пакету мер либерализации торговли, которые одинаково важны как для развитых, так и для развивающихся стран.

Заявленный ещё в 2001 г. принцип «ничто не решено, пока всё не решено» превратился в сложнейшую проблему. На практике достижение консенсуса на его основе крайне затруднительно. С одной стороны, в повестку дня вносятся самый широкий спектр вопросов, а с другой – возникают проблемы по реформе в тех секторах, в которых нигде, кроме ВТО, невозможно достичь компромисса. Но и в рамках ВТО переговоры по ним зашли в тупик.

Кроме того, принципиально изменилось соотношение сил на переговорах. Доминирующая позиция США и ЕС стала ослабляться, появился противовес в лице таких динамично развивающихся экономик, как Китай, Индия и Бразилия. Замедление темпов экономического роста в Европе и США, ослабление их переговорной силы привело к тому, что на Дохийском раунде не было очевидного лидера, который мог бы придать новый импульс переговорам, а также

заинтересовать в их активном продолжении всех участников.

Многосторонние переговоры лишились политической поддержки. Достижение тарифной либерализации было достаточно лёгким в те времена, когда ещё сохранялись высокие импортные тарифы на промышленную продукцию и прогресс в переговорах зависел от стремления экспортёра к его достижению. На новом этапе предстояло либерализовать торговлю в сферах, имеющих важное политическое и социальное значение (сельское хозяйство и услуги), а также согласовать правила применения барьеров на пути доступа на рынок, отличных от пограничных мер и затрагивающих вопросы внутреннего экономического регулирования.

Принцип специального и диверсифицированного режима (СДР) для развивающихся стран размыл основы взаимности в предоставлении уступок. Если в соглашениях ГАТТ развивающимся странам были предоставлены достаточно широкие возможности с точки зрения взаимности предоставления уступок, то в условиях Дохийского раунда сохранение этих преимуществ стало затруднительным, потому что многие зарождающиеся и динамично развивающиеся экономики стали играть важную роль в либерализации мировой торговли. Развитие этих экономик потребовало большего открытия их собственных рынков. Кроме того, развивающиеся страны также стали сильно дифференцированными, что сделало применение СДР ещё более затруднительным и противоречивым.

В пост-Дохийский период мировое развитие столкнулось с рядом крайне серьёзных экономических и политических угроз. Экономический кризис 2008 г., последствия которого ощущаются и по сей день, глобальная террористическая угроза, экологические проблемы и глобальное потепление создали атмосферу беспокойства по поводу отдельных аспектов глобализации, включая либерализацию торговли в рамках ВТО.

Интересы предпринимательского сектора также сыграли важную роль в изменении подхода к многосторонним торговым переговорам. Крупный бизнес заинтересован в формировании глобальных стоимостных цепочек, образующих «мировые фабрики». Так появились «северо-американская фабрика», «азиатская фабрика», «европейская фабрика». Международные инвестиции и производственные связи способствовали росту интереса к двусторонним и плюрилатеральным региональным и кросс-региональным преференциальным соглашениям, в рамках которых достижение договорённостей происходит быстрее и легче, чем в ходе бесконечных многосторонних переговоров. Число региональных и кросс-региональных соглашений растёт, при этом их качественный характер и сфера покрытия существенно меняются. ВТО признаёт потенциальные преимущества таких соглашений, в том числе достижение более высоких темпов экономического роста. Однако

очевидно, что подобные глубокие соглашения не могут не вступать в противоречие с многосторонними торговыми правилами, что, естественно, подрывает устои ВТО и порождает сомнения в её способности регулировать многие важные вопросы современного экономического сотрудничества [3]. Особое значение с точки зрения потенциального изменения правил международной торговли под влиянием мегарегиональных блоков имеют транстихоокеанский (соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве) и трансатлантический проекты (соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве) [10]. Подписанием столь масштабных соглашений государства стремятся не только гарантировать своим компаниям беспрепятственный доступ на внешние рынки товаров, услуг и капиталов, но и обозначить свои позиции на рынках стран-ведущих партнёров. Это наиболее отчётливо проявляется в соглашении ТТП, которое регулирует вопросы торговли и сопряжённые с ними аспекты взаимодействия, включая содействие торговле, применение санитарных и фитосанитарных мер, технических барьеров, защитных мер; регламентацию инвестиций, торговли услугами, электронной коммерции, государственных закупок, отношения в сфере интеллектуальной собственности, рынка труда и защиты окружающей среды. Как и любое соглашение о свободной торговле, ТТП направлено на обеспечение комплексного доступа на рынки и активизацию производственного сотрудничества в глобальных производственных цепочках. Отвечая на современные глобальные вызовы, Соглашение распространяется на такие сферы, как инновационное развитие, повышение производительности и конкурентоспособности национальных экономик. Расстановку сил в мировой экономике предопределяет, что в основу масштабной интеграции заложено стремление американских корпораций закрепить свои позиции на перспективных рынках и обеспечить преимущества в конкурентной борьбе. Проект Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства призван свести воедино все договорённости, существующие между США и ЕС [6], и закрепить новые с учётом изменившихся контуров глобальной экономики. Переговоры по соглашению продолжаются второй год, причём со стороны ЕС звучат определённые опасения. В частности, в странах

ЕС развернулась масштабная кампания с требованием прозрачности переговорного процесса. Одним из наиболее острых спорных вопросов стало использование так называемого механизма разрешения инвестиционных споров между инвестором и государством¹. В случае включения в соглашение, данный механизм позволяет инвесторам выдвигать иски против государств в целом. Вынесение этого вопроса на широкое обсуждение выявило противоречия в позициях США и ЕС: у Евросоюза есть сомнения по включению в Соглашение этого механизма, поскольку это ограничило бы возможности ЕС вводить дополнительные ограничения по соблюдению экологических норм и стандартов здравоохранения. Последние дебаты в Европейском парламенте, состоявшиеся в марте 2016 года, показали, что в Европе нет единства по поводу рациональности данного соглашения, не говоря о его соответствии положениям статьи XXIV ГАТТ.

Перспектива заключения ТТИП не может не вызывать озабоченность ВТО, поскольку в случае его вступления в силу многие многосторонние правила утратят своё решающее значение, а крупнейшие рынки мира – США и ЕС будут менее заинтересованы в совершенствовании и реформировании механизма многостороннего сотрудничества.

Ещё большую угрозу для ВТО представляет Соглашение по торговле услугами (ТИС², фактически инициированное американскими корпорациями, представляющими такие отрасли, как фармацевтика, автомобилестроение, информационные технологии, финансовый сектор, розничная торговля и др.) Переговоры по ТИСА выведены из-под компетенции ВТО: они ведутся за её рамками в закрытом режиме, в результате чего ВТО не имеет детального представления о масштабах и форматах будущих договорённостей. Между тем, в соответствии со ст. 3 пар. 2 Марракешского соглашения об учреждении ВТО, именно ВТО является форумом для переговоров между её членами по вопросам многосторонних торговых отношений, регулируемых соглашениями, содержащимися в Приложениях к основному документу. Торговля услугами регулируется в рамках Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС). Эта система не может быть дополнена новым соглашением, поскольку согласно ст. 10 пар. 9 Марракешского соглашения «... Конференция министров, по просьбе членов-у-

¹ Investor-state dispute settlement (ISDS) - механизм, предполагающий, что действия принимающего государства по защите от нежелательных инвестиций могут быть оспорены в арбитражном суде. Обычно разрешением инвестиционных споров занимается Международный центр по урегулированию инвестиционных споров при Всемирном банке (МЦУИС), кроме того, зачастую в подобных случаях стороны обращаются также в судебные инстанции, такие, как Лондонский международный арбитражный суд, Международный арбитражный суд Международной торговой палаты, Международный арбитражный центр Гонконга или Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ.

² Trade in Services Agreement (TISA). Участниками данных переговоров являются Австралия, Гонконг, ЕС, Израиль, Исландия, Канада, Колумбия, Коста-Рика, Лихтенштейн, Маврикий, Мексика, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Панама, Перу, Республика Корея, США, Тайвань, Турция, Чили, Швейцария, Япония. Инициаторами соглашения выступили США и Австралия.

частников какого-либо торгового соглашения, может только путём консенсуса решить вопрос о включении такого соглашения в Приложение 4»³. Легко предположить, что включение ТИСА в число приложений вряд ли получит одобрение всех членов ВТО.

После того, как сайт ВикиЛикс опубликовал материалы об основных положениях данного соглашения, в ВТО возникли опасения, что после подписания соглашений ТПП, ТТИП и ТИСА США намереваются решать свои торговые проблемы вне рамок ВТО. Важно и то, что ни в один из мегапроектов не вовлечён Китай, что ограничивает его возможность влиять на формирование правил международной торговли. Особые опасения у стран, не вовлечённых в переговорный процесс и у ВТО, вызывают потенциальные договорённости в сфере медицинских и финансовых услуг, перемещения физических лиц, электронной торговли. Следует также подчеркнуть, что именно по этим видам услуг сохраняются наибольшие ограничения и наибольшая неопределённость регулирования в рамках ГАТС.

Политический фактор стал оказывать большое влияние на экономику и экономические интересы. Имеют место случаи предоставления преференций вопреки экономической целесообразности, по политическим соображениям, происходит формирование блоков, основанное на стремлении усилить политический альянс, наблюдается возврат к механизму санкций, противоречащих экономическим интересам – всё это не может не вызывать беспокойства и активизирует поиски альтернативных путей реализации национальных экономических интересов. Примером политически мотивированных соглашений может служить Соглашение о формировании глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли между ЕС и Украиной.

Учитывая все эти тенденции, можно утверждать, что страны опасаются брать на себя новые обязательства в условиях крайней неопределённости перспектив экономического и политического развития.

Выше нами обозначен неполный перечень причин, обусловивших кризис Дохийского раунда переговоров и фактический отказ от решения обширного комплекса проблем повестки дня Раунда тысячелетия. Впервые в истории были высказаны сомнения, в том числе экспертами, в целесообразности самого существования ВТО. Подобная ситуация логически приводит к необходимости осуществления серьёзных институциональных и субстантивных реформ в деятельности ВТО ради сохранения за ней роли системы регулирования международной торговли. Безусловно, нельзя утверждать, что на протяжении 20 лет своей деятельности Организация полностью себя не оправдала. Как

обоснованно утверждают эксперты в области многосторонней торговой системы, «... Несмотря на определённые разногласия в вопросах регулирования международной торговли между отдельными странами-членами ВТО, за 20 лет своего существования организация доказала свою состоятельность в качестве основного и самого масштабного форума для обсуждения наиболее сложных и проблемных тем в области торговых отношений между государствами и их формальными и неформальными объединениями» [9].

Потенциальные направления реформы ВТО как залог существования организации

Первые попытки найти новый подход к решению острых проблем в деятельности Организации были предприняты в 2013 г. в ходе министерской конференции на Бали и в декабре 2015 г., на следующей конференции в Найроби. К этому времени проблемы ВТО разрастались, как снежный ком: пока члены организации пытались справиться с вызовами предшествующего этапа работы, копились и выявлялись новые безотлагательные проблемы. В итоге повестка дня Дохийского раунда расширилась и стало очевидно, что реформа необходима практически во всех сферах деятельности ВТО, включая механизм разрешения споров, назрела необходимость нового подхода к предоставлению торговых преференций на основе региональных и кросс-региональных соглашений. Динамичное развитие глобальных производственных цепочек создания стоимости обусловило необходимость закрепления новых правил, прежде всего, в отношении определения страны происхождения товара. ВТО должна приспосабливаться к реалиям современного этапа глобализации. Отчаянные попытки удержать статус-кво идут вразрез с долгосрочными и прагматичными интересами ВТО. Страны-члены должны как можно скорее разработать, обсудить и согласовать мандат реформы во избежание углубления «идеологического кризиса» ВТО.

Прежде всего, необходимо вернуть весь процесс переговоров по регулированию международной торговли в рамки ВТО. Это не исключает возможности двустороннего сотрудничества, однако оно должно базироваться на адекватных правилах, унифицированных для всех преференциальных соглашений. Существующая правовая база, представленная статьёй XXIV ГАТТ и статьёй V ГАТС, очевидно перестала отвечать формату и масштабу современных соглашений. Обе статьи требуют серьёзной доработки. Было бы целесообразно рассмотреть принятие особых правил, существенно расширяющих и дополняющих традиционные положения. За основу может быть принят опыт регламентации применения мер в других сферах. Так, в рамках ГАТТ

³ Марракешское соглашение об учреждении ВТО [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://base.garant.ru/2541158/#friends#ixzz41e7R6Hnu>

существует статья VI, осуждающая демпинг и определяющая возможность взимания антидемпинговых пошлин в целях устранения или предотвращения материального ущерба. В дополнение к этой статье действует Соглашение о применении статьи VI ГАТТ, которое существенно дополняет и расширяет правила применения антидемпинговых мер. Подобная ситуация складывается и в отношении многих других мер, базовое применение которых регламентировано ГАТТ, а более детальное разъяснение приводится в отдельных документах.

Как известно, реформы должны начинаться с малого. Любая реформа изначально должна получить поддержку национального бизнеса и гражданского общества. Поскольку торговая политика имеет своей целью защиту и продвижение интересов национальных производителей, каждое решение должно приниматься при активном участии субъектов экономики. К примеру, в период Великой депрессии большинство стран ввели высокие тарифы, что вызвало в США рост безработицы (с 9% до 25% в течение трёх лет) и социального недовольства. Другим примером может служить присоединение России к ВТО: производители, прежде всего в сфере сельского хозяйства, не принимали активного участия в переговорах, что впоследствии вылилось в поток претензий к принятым Россией обязательствам. Практика демонстрирует, что без продуманного и глубокого публичного обсуждения создаётся опасный вакуум, в условиях которого возникают ложные представления и представления, зачастую превращающиеся в ложную реальность. Стабильная и эффективная торговая политика требует государственного контекста, однако материальные блага создаются в реальной экономике, а самые крупные, самые богатые и мощные экономики стали такими потому, что их представляли крупные и мощные корпорации. Общественное мнение также должно быть подготовлено к подобному восприятию.

В современной ВТО существует сложная система принятия решений. Наличие большого числа комитетов и советов, закрепление всех решений в ходе министерских конференций – вот основные элементы сложной иерархии. Например, Совет по торговле товарами руководит работой 12 комитетов, созданных с целью администрирования и наблюдения за имплементацией всех соглашений Уругвайского раунда. Наряду с этими структурами работают комитеты, чьи задачи имеют «горизонтальный» характер, например, Комитет по торговле и развитию, Комитет по торговле и вопросам окружающей среды и Комитет по региональным торговым соглашениям. Хотя все структуры ведут серьёз-

ную аналитическую и консультационную работу, налицо очевидный дефицит активного участия национальных делегаций. Учитывая растущий интерес к торговой политике со стороны общественности, ВТО должна более энергично взаимодействовать с представителями стран и их общественных организаций.

Другим важным условием, сопровождающим реформу многосторонней торговой системы, должно стать признание реалий современного мира. Базовые правила ВТО формировались в рамках ГАТТ в первые послевоенные годы, в политических и экономических условиях, которые кардинально отличаются от современных. Безусловно, в рамках восьми раундов переговоров по повестке дня ГАТТ и большой работы, проделанной после создания ВТО, в них были внесены существенные изменения. Тем не менее, совершенно очевидно, что ускоренные темпы глобализации драматическим образом меняют контуры и условия современных международных экономических отношений и оказывают влияние на их будущее.

Нельзя утверждать, что в ВТО не была проделана работа по адаптации к современным условиям. Были достигнуты, хотя и не без сложных компромиссов, определённые результаты. Подписание соглашения об упрощении процедур в торговле позволило сохранить надежду на то, что многосторонние торговые переговоры представляют собой оптимальный путь формирования правил и обеспечения стабильности и развития. Однако последние два года стали для ВТО критическими. Впервые, в том числе и на экспертном уровне, прозвучали сомнения в целесообразности самого существования Организации. Оживление протекционизма в форме торговых санкций, участвовавшее использование XXI статьи ГАТС для обоснования ограничительных мер, размывание многосторонних принципов в рамках плюрилатеральных договорённостей вплоть до появления новых переговорных площадок вне рамок ВТО, однако в рамках её компетенции, – всё это представляет угрозы и вызовы, противостоять которым ВТО сможет, только приняв, а не отторгая их.

Расширению мировой торговли в период ГАТТ во многом благоприятствовали меры «социальной защиты», предотвращавшие серьёзные нарушения в богатых странах, доминировавших на торговых переговорах. В своей институциональной теории Дж. Рагги назвал подобную ситуацию в отношении договорённостей «встроенным» либерализмом⁴ [13]. Однако при этом интересы развивающихся стран оказались ущемлены. Для многих из них очень остро стоят вопросы взаимосвязи между торговлей и раз-

⁴ «Встроенный либерализм» (описательный термин для периода после Второй мировой войны) означает установление компромисса между режимом свободной торговли в целях её активизации, с одной стороны, и реализацией социальных программ и регулированием политики занятости, с другой. Как правило, эти цели противоречат друг другу, поскольку вторая цель предполагает активное участие государства в регулировании товаропотоков и потоков капитала, а, следовательно, применение протекционистских мер.

витием, особенно с учётом дефицита инфраструктуры и несовершенства национальных институтов по поддержке торговли. Необходима переоценка концепции «Помощь в интересах торговли», которая нацелена на передачу ресурсов и технической помощи для создания инфраструктуры и более эффективной интеграции развивающихся стран в глобальную торговую систему.

Учитывая рассмотренный выше процесс интенсификации преференциальной торговли на взаимной и не взаимной основе следует пересмотреть многие положения статьи XXIV ГАТТ и статьи V ГАТС с учётом того, что современные соглашения имеют крайне широкий охват и включают в себя не только устранение барьеров, но и важные положения по доступу на рынок инвестиций. Другая проблема, связанная с подписанием, главным образом, мегарегиональных соглашений, заключается в отсутствии прозрачности их содержания как в рамках ВТО, так и частично для участников.

Серьёзной реформы требует механизм разрешения споров, который изначально был задуман таким образом и с такой высокой степенью непредвзятости, что на сегодняшний день уже технически невозможно его эффективное использование без нарушения некоторых основополагающих принципов. Кроме того, как отмечают эксперты из Санкт-Петербургского университета А. Коваль и О. Трофименко, воз-

можности, предоставляемые современными правилами разрешения споров в рамках ВТО, используются неравномерно [6].

Несмотря на прогресс, достигнутый на министерской конференции в Найроби в отношении экспортных сельскохозяйственных субсидий, либерализация в торговле сельскохозяйственными товарами всё ещё остаётся важным вопросом переговорной повестки дня. Решение этого вопроса не может быть увязано с другими и требует особых переговоров.

В целом, очевидно, что пакетный подход ВТО к повестке дня Доха-раунда не оправдывает себя в современных условиях и, вероятно, целесообразен отказ от принципа «ничто не решено, пока всё не решено». Каждый вопрос повестки дня важен и не может решаться в увязке с остальными. В работе ВТО не стоит ожидать глобального прогресса и прорыва по всем направлениям. Медленное, но поступательное движение – вот та модель ведения многосторонних торговых переговоров, которая позволит сохранить позиции ВТО как ведущего института, регулирующего международную торговлю. Даже если бы не существовало такой организации, как ВТО, в условиях глобальных изменений и потрясений в мировой торговле и мировой экономике в целом её необходимо было бы создать сейчас в качестве гаранта использования справедливых и предсказуемых правил, формируемых на многостороннем уровне.

Список литературы

1. Бабин Э.П., Исаченко Т.М. Внешнеэкономическая политика. М.: Экономика, 2006. – 463 с.
2. Дюмулен И.И. Всемирная торговая организация. М.: ВАВТ, 2012. 359 с. Исаченко Т.М. ВТО спустя 15 лет после начала Дохийского раунда // РСМД. Экономика // Аналитика. М., 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7009#top-content.
3. Исаченко Т.М. Свобода торговли или протекционизм: проблемы стратегического выбора // Т.М. Исаченко – РСМД. Экономика // Аналитика. М., 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3032#top-content
4. Исаченко Т.М. Торговая политика Европейского союза. М.: Издательский дом НИУ-ВШЭ 2010. – 395 с.
5. Исаченко Т.М. Экономическая дипломатия в условиях политического кризиса // Вестник СПбГУ. Серия 5 – Экономика. 2015 № 3. С.46-64
6. Коваль А., Трофименко О. Латинская Америка в торговых спорах ВТО: тенденции и перспективы // Латинская Америка 2012 № 8. С. 4-21
7. Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Западном полушарии. М.: МГИМО, 2015. 318 с.
8. Лист Ф. Национальная система политической экономии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.econbook.ru/economy/political/national-system-of-political-economy>
9. Медведкова И.А., Трудаева Т.А. Новые горизонты ВТО: перспективы постбалийского развития // Внешнеэкономический вестник. 2015. № 6. С. 62-71
10. Перская В.В. Транстихоокеанское партнёрство: вызов для мировой экономики или эволюция интеграции в условиях перехода к многополярности? // Экономические стратегии, 2015. № 8. С. 26– 39. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elib.fa.ru/art2015/bv4200.pdf>.
11. Bart Los, Marcel P. Timmer and Gaaitzen J. de Vries How Global Are Global Value Chains? A New Approach to Measure International Fragmentation // Journal of Regional Science. Special Issue: Local Consequences of Global Production Processes. Volume 55, Issue 1, January 2015, p 66–92.
12. Jones K. Reconstructing the World Trade Organization for the 21st Century. An Institutional Approach. Oxford University Press. 2015.

13. Ruggie John G. International Regimes, Transactions, and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic System. International Organization 36 (2), Spring, 1982, pp. 379–415.
14. 14. Van Grastek G. The History and Future of the WTO. WTO: Geneva, 2013. 698 p.

Об авторе

Татьяна Михайловна Исаченко – д.э.н., доцент, профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей МГИМО. E-mail: tatiana_isachenko@yahoo.com.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-27-24001.

WTO REFORM: BACKGROUND, CONDITIONS AND PROSPECTS

T.M. Isachenko

Moscow State Institute of International Relations 76, Vernadsky av., 119454 Moscow, Russia.

Abstract: *Maximizing the benefits of international division of labor and sharing the achievements of innovative development is possible only with the existence of a strict system of rules and regulations. Such system would enable fair regulation of international trade, ensure the transparency of market access and make it possible to challenge discriminatory measures, as well as to maintain certain measures to protect the interests of domestic producers. The creation of the multilateral trading system has started with the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) and was subsequently developed in the documents and codes, the decisions of the negotiating rounds. Since 1995, a set of rules of the World Trade Organization (WTO) became the basis of the multilateral trading system. All rules are worked out at the multilateral level. However, in recent years the negotiations within the WTO has slowed down, that affected the quality and speed of decision-making on key issues of global development. That provokes the discussion it on a certain crisis of the WTO as the main regulator of world trade, and therefore the need to provide both institutional and substantive reforms.*

Key words: global trade, global production chains, the multilateral trading system, trade policy, World Trade Organization, international institutions, regional trade agreements, ministerial conferences, dispute settlement mechanism.

References

1. Babin E., Isachenko T. Vneshneekonomicheskaya politika [Foreign Economic Policy]. Moscow, Ekonomika. 2001.
2. Dumulen I. Vsemirnaya Torgovaya Organizacia [World Trade Organization]. Moscow, VAVT (RAFT), 2012.
3. Isachenko T. VTO spustya 15 let posle nachala Dohijskogo raunda [WTO 15 years after the Doha Round]. RIAC. Economics. Analytics – Moscow, 2015. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7009#top-content
4. Isachenko T. Svobodatorgovli ili protekcionizm: problem strategicheskogo vybora. [Free Trade vs. Protectionism: The problem of Strategic Choice] RIAC. Economics. Analytics Moscow, 2014. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3032#top-content.
5. Isachenko T. Torgovaya politika Evropejskogo Soyuzan [Trade policy of the European Union]. Moscow, Izdatelsky Dom HSE, 2010.
6. Isachenko T. Ekonomicheskaya diplomatiya v usloviyach politicheskogo krizisa [Economic diplomacy in the condition of political crisis]. *St.Petersburg University Review*. Vol. 5 Economics. 2015. № 3.
7. Koval A., Trofimenko O. Latinskaya Amerika v torgovykh sporakh VTO: tendencii i perspektivy [Latin American countries in the WTO dispute settlement: trends and perspectives]. *Latinskaya Amerika*. 2012. № 8.
8. Kostyunina G.M. Integracionnye processy v Zapadnom polusharii. [Integration processes in the Western Hemisphere]. Moscow, MGIMO University, 2015.
9. Medvedkova I.A., Trudaeva T.A. New horizons of the WTO: post-Bali prospects for development. *Foreign Economic Bulletin*. 2015. N 6. P. 62.
10. Perskaya V.V. Transtichookeanskoe partnerstvo vyzov dlya mirovoj ekonomiki ili evolucia integracii v usloviyach perehoda k mnogopolyarnosti? [TransPacific Partnership: Trans-Pacific Partnership: a challenge for the world economy, or the evolution of integration in the transition to multipolarity?] Moscow, Ekonomicheskie strategii, 2015. № 8. P. 26–39. <http://elib.fu.ru/art2015/bv4200.pdf>.

■ **Мировая экономика**

11. Bart Los, Marcel P. Timmer and Gaaitzen J. de Vries How Global Are Global Value Chains? A New Approach to Measure International Fragmentation. *Journal of Regional Science*. Special Issue: Local Consequences of Global Production Processes. Volume 55, Issue 1, p. 66–92, January 2015.
12. Jones K. Reconstructing the World Trade Organization for the 21st Century. An Institutional Approach. Oxford University Press. 2015.
13. Ruggie John G. International Regimes, Transactions, and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic System. *International Organization*. 36 (2), Spring, 1982, pp. 379–415.
14. Van Grastek G. The History and Future of the WTO. WTO: Geneva, 2013.

About the author

Tatyana Isachenko – Doctor of Economics, Professor, Department of International Economic Relations and Foreign Economic Relations of MGIMO. E-mail: tatiana_isachenko@yahoo.com.

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РАЗВИТЫХ СТРАН

А.А. Сидоров

Министерство экономического развития Российской Федерации. 115324, Россия, Москва, Овчинниковская наб., д. 18/1.

*В статье анализируются предпосылки и возможные последствия трансатлантической интеграции. Рассматривается история трансатлантического сотрудничества и интеграционных инициатив. Подчеркивается стратегическая направленность Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП) на укрепление позиций участников объединения в мировом хозяйстве в условиях обострения глобальной конкуренции. В качестве предпосылок трансатлантической интеграции также выделены отсутствие ощутимого прогресса в Дохийском раунде переговоров ВТО и неблагоприятная конъюнктура в ЕС. Рассматривается обоснованность заключения Еврокомиссии относительно преимуществ Партнёрства. Критически оцениваются результаты эконометрического моделирования ТТИП, анализируются проблемы нетарифной либерализации в его рамках. Сравнивается эффективность функционирования рынка труда ЕС и США. Показана относительно низкая конкурентоспособность ЕС по сравнению с США и связанные с этим риски для экономического роста и занятости будущего интеграционного объединения. В качестве рисков трансатлантической интеграции обозначены проблемы безработицы, восстановления обрабатывающей промышленности и её высокотехнологичных отраслей, улучшения общехозяйственной конъюнктуры ЕС. Рассматриваются различные способы сотрудничества в области регулирования в рамках ТТИП и вероятность их использования. Выделяется гармонизация стандартов регулирования; взаимное признание стандартов регулирования *erga omnes*; двустороннее взаимное признание стандартов регулирования; взаимное признание оценки соответствия стандартам регулирования. Продемонстрировано возможное влияние способов сотрудничества в области регулирования на конкурентоспособность участников соглашения, конкуренцию с развивающимися странами и установление глобальных стандартов регулирования. Выявлены противоречия целей и мотивов Партнёрства. Сделан вывод о наличии экономических предпосылок трансатлантической интеграции и переоценённости выгод проекта соглашения, прежде всего, для ЕС.*

Ключевые слова: трансатлантическая интеграция, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство, ЕС, США, многосторонняя торговая система, ВТО, нетарифные барьеры, конкурентоспособность, экономический рост, стандарты регулирования, гармонизация, взаимное признание.

Среди всех событий, происходящих в многосторонней торговой системе в настоящее время, пожалуй, центральное место занимают переговоры ЕС и США, направленные на заключение Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП). Влияние соглашения на мировую экономику, а также отдельных стран и регионов анализируется преимущественно в зарубежных исследованиях, а также материалах европейских и американских ведомств [8, 11, 12]. В российской литературе имеются отдельные исследования ТТИП, посвящённые преимущественно вопросам торговой политики [3, 5], позиции стран по поводу создания группировки [1, 2]. При этом недостаточно внимания уделяется рискам трансатлантической интеграции, связанным с конкурентоспособностью членов будущего объединения, в том числе для европейской экономической конъюнктуры. Мы попытаемся восполнить этот пробел, используя методы статистического анализа, сравнений и аналогий, абстрагирования и конкретизации, а также экспертных оценок.

Сегодня ведутся переговоры для заключения ТТИП, в случае успеха которых произойдёт объединение в интеграционную группировку двух крупнейших развитых экономик – ЕС и США. Трансатлантическая интеграция может стать важнейшим условием формирования экономической конъюнктуры не только участников ТТИП, но и всего мира.

Предпосылки трансатлантической интеграции

Первый шаг к интеграции был сделан в 1990 г., когда была принята Трансатлантическая декларация об отношениях Европейского сообщества и США [19], целью которой было расширение двустороннего сотрудничества, в том числе, в экономической сфере. Декларация заложила институциональную основу взаимодействия на разных уровнях, затронула вопросы укрепления многосторонней торговой системы, поддержки либерализации, прозрачности и соблюдения принципов ГАТТ и ОЭСР в отношении торговли товарами и услугами, а также инвестиций. Предполагалось развитие сотрудничества в области нетарифных (в частности, технических) барьеров в торговле, конкуренции, стандартов.

В 1995 г. была принята Новая трансатлантическая повестка (НТП, *New Transatlantic Agenda*), которая ставила более масштабные цели. Был также разработан Совместный план действий [13], направленный на её реализацию. Принятие всех этих документов и инициатив, однако, не привело к ощутимым результатам.

ЕС и США намеревались создать Новое трансатлантическое рыночное пространство (*New Transatlantic Marketplace*), которое должно было расширить возможности для торговли и

инвестиций, повысить занятость, а также ускорить рост мировой экономики [17, с. 2]. Провозглашалось снижение и устранение тарифных и нетарифных барьеров в торговле, расширение сотрудничества в области регулирования. Планировалось скорейшее заключение соглашения о взаимном признании оценки соответствия (продукции нормам регулирования) в отдельных отраслях. НТП предполагала создание объединения «без ущерба сотрудничеству на многосторонних форумах» [17, с. 5], то есть интеграция рассматривалась как дополнение, но не как альтернатива многостороннему сотрудничеству.

Наиболее значимым результатом этого документа стало заключение Соглашения о взаимном признании¹ между ЕС и США [6], которое распространялось на продукцию ряда отраслей промышленности и способствовало некоторому снижению нетарифных барьеров в трансатлантической торговле.

В 1998 г. после совместного заявления лидеров ЕС и США о Трансатлантическом экономическом партнёрстве был принят план действий [20]. Были намечены области сотрудничества со сроками достижения конкретных результатов. На двустороннем уровне планировалось снизить барьеры в торговле и заключить соглашения о взаимном признании по различным товарам и услугам, расширить сотрудничество в области государственных закупок и интеллектуальной собственности. Примечательно, что в документе отсутствует упоминание о Новом трансатлантическом рыночном пространстве.

В 2000-х гг. ЕС и США неоднократно пытались возобновить сотрудничество в области регулирования, однако эти попытки не имели успеха [11, с. 6] из-за существования экономических противоречий между странами. Показателен применяемый в ЕС принцип предосторожности, позволяющий вводить ограничительные меры в отношении продукции, представляющей риск для потребителей, даже при отсутствии научных доказательств. Так, ЕС и США были участниками споров в рамках ВТО по говядине, выращенной с использованием гормонов, курице, обработанной хлором, генетически модифицированной продукции.

Второе десятилетие XXI в. стало новым этапом экономического сотрудничества ЕС и США. Результатом деятельности рабочей группы по вопросам занятости и экономического роста в 2013 г. стал доклад с выводом о целесообразности заключения всеобъемлющего соглашения между ЕС и США по вопросам торговли и инвестиций.

Сформированная в 2011 г. рабочая группа высокого уровня по вопросам занятости и экономического роста опубликовала в 2013 г. доклад, в котором делался вывод о целесообразности заключения всеобъемлющего согла-

¹ Речь идёт о взаимном признании процедур оценки соответствия продукции стандартам регулирования, техническим требованиям.

шения между ЕС и США по вопросам торговли и инвестиций. В том же году прошёл первый раунд переговоров по ТТИП (всего состоялось 12 раундов).

Рассмотрим причины активизации экономического взаимодействия ЕС и США. Необходимость проведения переговоров по ТТИП была вызвана отсутствием ощутимого прогресса на Дохийском раунде ВТО с 2001 г. В XX в. ЕС и США обсуждали связанные с торговлей вопросы преимущественно на многосторонней основе в рамках системы ГАТТ-ВТО. По мере тарифной либерализации, снижения роли таможенных пошлин как барьеров для импорта, многосторонние торговые переговоры всё больше концентрировались на нетарифных барьерах (НТБ).²

До сегодняшнего дня многосторонняя торговая система практически не продвинулась на пути нетарифной либерализации, что подтолкнуло ЕС и США к либерализации на двусторонней основе – они начали создавать зоны свободной торговли с отдельными странами. Эти соглашения включают в себя более широкий круг связанных с торговлей вопросов по сравнению с традиционными обязательствами в рамках ВТО. Закономерным стало обращение к ТТИП.

Недостаточный прогресс на Дохийском раунде переговоров, однако, не единственная и, возможно, не главная причина активизации трансатлантического взаимодействия. Отсутствие существенного успеха в современных торговых переговорах в рамках ВТО не является из ряда вон выходящим явлением. Кризис сопровождал практически все основные этапы переговоров ГАТТ-ВТО. В частности, в период Уругвайского раунда торговые переговоры не раз были на грани срыва [4, с. 109–144].

Создание ТТИП обусловлено также обострением конкуренции с группой развивающихся стран и, в первую очередь, с Китаем. В 2000–2014 гг. доля этой страны в мировом валовом продукте увеличилась в 3,7 раза до 13,3%, в мировом экспорте товаров и услуг – в 3,2 раза до 9,9%, всё это на фоне снижения соответствующих показателей ЕС и США.³ Китай и другие развивающиеся страны усилили конкуренцию на мировом рынке и заявили претензии на лидерство в глобальном экономическом регулировании. Опасения, что Китай в ближайшее время станет крупнейшей экономикой и будет сам устанавливать правила и стандарты, а развитые страны в таком случае будут вынуждены им следовать, подтолкнули ЕС и США к активизации сотрудничества. Трансатлантическая интеграция – это попытка сохранения ведущими

развитыми странами своего влияния в мировой экономике. Для США как Транстихоокеанское партнёрство, так и ТТИП – это средство экономического сдерживания Китая. Стратегически последнее направлено на укрепление позиций участников объединения в мировом хозяйстве в условиях обострения глобальной конкуренции.

Важной причиной переговоров по ТТИП является также неблагоприятная конъюнктура в ЕС с начала мирового кризиса финансовой системы в 2008 г. Несмотря на то, что в 2010–2011 гг. во многих европейских странах наблюдалось оживление, докризисные показатели экономической активности не были достигнуты, а в 2012–2013 гг. спад возобновился. После второй его волны конъюнктура многих европейских стран, а также еврозоны характеризуется дефляционно-депрессивными тенденциями. В такой ситуации необходимым источником экономического роста становится внешний спрос.

В ЕС на ТТИП возлагают надежды, связанные с улучшением общехозяйственной конъюнктуры. По мнению С. Мальмстрём, европейского комиссара по торговле, это соглашение поможет придать новый импульс экономическому росту в Союзе [18 с. 1]. Торговая политика⁴ в ЕС стала основной составляющей комплекса антикризисных мер [11, с. 15]. Примечательно высказывание бывшего европейского комиссара по торговле К. Де Гюхта, который назвал ТТИП «самым дешёвым набором стимулирующих мер, который только можно представить» [6]. Преимущество расширения торговли в рамках Партнёрства как антикризисной меры связано с тем, что этот способ не задействует государственные финансы, находящиеся в тяжёлом состоянии.

Стимулирование экономического роста и занятости

Трансатлантическая интеграция может способствовать ускорению экономического роста стран-членов и созданию новых рабочих мест. Согласно докладу Центра исследований экономической политики (ЦИЭП, *Centre for Economic Policy Research*) по заказу Еврокомиссии (ЕК), ТТИП приведёт к ежегодному увеличению ВВП ЕС на 119,2 млрд евро, США – на 94,9 млрд евро, что в расчёте на семью составит 545 и 655 евро соответственно [12, с. 3, 48]. Ежегодный вклад соглашения в прирост ВВП оценивается в размере 0,48 п. п. для ЕС и 0,39 п. п. – для США [21, с. 11]. Эти цифры могут быть достигнуты при реализации наиболее оптимистичного сценария, основанного на предполагаемой ликвидации всех тарифных и 25% нетарифных барьеров в торговле товарами и услугами. Необходимо, однако, критически подходить к оценке

² По итогам Уругвайского раунда переговоров ГАТТ (1986–1994 гг.) был заключён ряд соглашений по нетарифным мерам.

³ Рассчитано на основе данных [22].

⁴ Имеются в виду торговые переговоры с целью заключения соглашений. Так, например, с 2011 г. действует зона свободной торговли ЕС и Республики Корея, с 2013 г. – ЕС, Колумбии и Перу, с 2016 г. – ЕС и Украины.

результатов эконометрического моделирования столь сложного процесса.

И у ЕС, и у США уже есть неудачный опыт использования эконометрических моделей. Так, оценка эффекта от создания единого рынка в рамках ЕС на прирост ВВП, которая была дана в докладе Чеккини (1988 г.), впоследствии оказалась сильно завышенной. Еврокомиссия (ЕК) признала, что выигрыш от общего рынка был почти вдвое меньше, чем минимальная оценка Чеккини. Американское правительство провело множество эконометрических исследований, чтобы обосновать положительное влияние заключения НАФТА на занятость и экономический рост. Позднее, однако, было выявлено, что либерализация торговли не оказала должного влияния на темпы экономического роста во всех участниках НАФТА [11, с. 18-19]. По аналогии с НАФТА и общим рынком ЕС и сегодня возможно завышение оценок эффекта от ТТИП.

При наиболее оптимистичном сценарии большая часть выгод должна быть получена за счёт ликвидации НТБ. Однако, необходимо принимать во внимание реальность снижения этих барьеров или устранения различий в области регулирования (*actionability*). Существуют различия, которые в принципе невозможно ликвидировать, а в отдельных случаях возможно лишь частичное снижение барьеров [7, с. 15]. Так, возможно устранить лишь 50% НТБ в торговле ЕС и США, то есть только половина из них может быть предметом переговоров [12, с. 27]. Другая половина включает такие барьеры, как предпочтения потребителей, которые нельзя рассматривать в этом качестве. Теоретически даже если ТТИП устранил ограничения для доступа генетически модифицированной продукции на рынок ЕС, соглашение не сможет изменить настороженное отношение к ней европейцев [11, с. 27]. Исходя из опыта трансатлантического сотрудничества в области регулирования и наличия серьёзных противоречий между странами в этой сфере достижение соглашения даже по тем НТБ, которые могут быть предметом переговоров, представ-

ляется крайне сложной задачей.

Модель, использованная ЦИЭП, оценивает выгоды от ТТИП с учётом взаимосвязей между отраслями, что по признанию ЕК является слабым местом исследования [21, с. 14]. Для получения выгод необходимо сближение стандартов регулирования в экономике в целом. Если не удастся устранить НТБ в одной или нескольких отраслях, это может повлиять на прогнозируемый эффект от заключения ТТИП. Отдельные экономисты также считают необъективными данные по нетарифным барьерам, которые были получены от заинтересованных представителей бизнеса ЕС и США [11, с. 30-31]. Таким образом, оценка вклада этих ограничений в издержки трансатлантической торговли может быть завышена, а возможность их устранения посредством переговоров – переоценена.

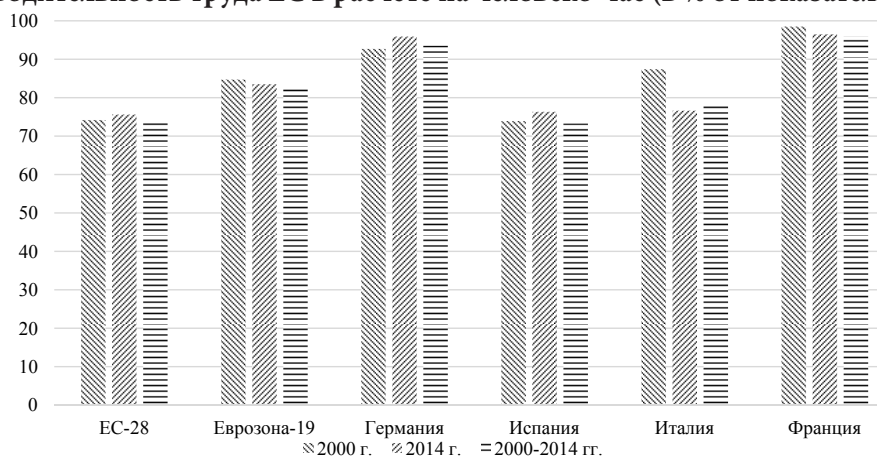
Есть основания полагать, что издержки заключения Партнёрства недооцениваются. Речь идёт об усилении конкуренции США на европейском рынке и возможном росте безработицы. Ликвидация НТБ в рамках ТТИП в значительной мере снизит уровень торговой защиты европейского рынка от американских производителей, конкурентоспособность которых во многих случаях гораздо выше. Такая позиция США обусловлена их устойчивым превосходством в производительности труда и в целом более высокой эффективностью функционирования рынка труда.

Усреднённые данные по ЕС и еврозоне свидетельствуют об устойчивом отставании от США в области производительности труда. По сравнению с 2000 г. показатели 2014 г. по ЕС, еврозоне и странам, формирующим её общехозяйственную конъюнктуру, принципиально не поменялись. Исключение составляет Италия, у которой в рассматриваемый период производительность труда по отношению к США снизилась на 10,8 п. п. (см. Рис. 1).

Согласно данным, представленным в докладе Всемирного экономического форума «Глобальная конкурентоспособность 2015–2016», по

Рисунок 1.

Производительность труда ЕС в расчёте на человеко-час (в % от показателя США).

Источник: составлено на основе данных [14].

показателю эффективности рынка труда ни одна страна еврозоны (с моделью социального рыночного хозяйства) не входит в первую десятку, в отличие от представителей англосаксонской социально-экономической модели: США (4-е место) и Великобритании (5-е место). То же самое справедливо и для показателя гибкости рынка труда: американцы находятся на 8-м месте, англичане – на 9-м, а немцы даже не вошли в первую сотню (106-е место). О зарегулированности рынка труда говорит и сложность найма и увольнения (*hiring and firing practices*). Более половины стран еврозоны и почти половина стран ЕС не попали по этому показателю даже в первую сотню. Германия, например, занимает 107-е место (у США – 10-е) [15].

Ненамного лучше ситуация с издержками, связанными с сокращением работников (*redundancy costs*). Среди стран еврозоны в первую десятку попала только Австрия с 4-м местом, в то время как США – на 1-м месте. Лидером (1-е место) также является Дания. ФРГ по этому показателю занимает лишь 97-е место. Отстаёт еврозона и в вопросе соответствия оплаты труда его производительности (*pay and productivity*): Германия находится на 13-м месте, а США – на 8-м [15]. В целом данные Всемирного экономического форума подтверждают американское превосходство в эффективности функционирования рынка труда.

Кроме того, в Америке ниже затраты на энергоносители, уровень налогообложения зарплат и социальных расходов предпринимателей. Так, налог на зарплату и социальные отчисления предпринимателей (в % от прибыли, 2014 г.) составлял 9,7% в США против 27,2% в ЕС [18]. В ЕС цены на импортированный газ втрое выше внутренних американских, а стоимость электроэнергии – вдвое выше американской [9]. Это создаёт значительное конкурентное преимущество для американцев, которые также обладают преимуществом в области финансирования научных исследований и разработок (НИР) и стимулирования нововведений.

Подобные риски, однако, не учтены в полной мере в исследовании ЦИЭП и докладе ЕК. Опыт юга еврозоны, пострадавшего от деиндустриализации из-за снижения конкурентоспособности, подтверждает возможность повторения подобного сценария и в рамках ТТИП, что может осложнить восстановление обрабатывающей промышленности ЕС и её высокотехнологичных отраслей. Всё это может привести к значительным социальным издержкам, в частности, к повышению нормы безработицы, и помешать улучшению европейской общехозяйственной конъюнктуры.

ЦИЭП предполагает, что предложение на рынке труда и норма занятости в долгосрочной перспективе неизменны. Вытеснение работников из отраслей, которые могут стать неконкурентоспособными в результате функционирования ТТИП, учёные рассматривают скорее как

смену, чем потерю работы, то есть речь идёт о перемещении из одной отрасли в другую [12, с. VII]. Однако такой поход чересчур оптимистичен. Вторая волна спада в еврозоне привела к повышению долгосрочной и укоренению структурной безработицы на рынке труда [16, с. 58-64]. Существует риск того, что Партнёрство может закрепить эту тенденцию.

Анализ рисков заключения ТТИП свидетельствует о значительной неопределённости в вопросе баланса выгод и издержек соглашения. Нет достаточных оснований утверждать, что соглашение окажет отрицательное влияние на экономический рост или занятость в ЕС, однако оценки выгод от соглашения ЕК по наиболее оптимистичному сценарию могут быть завышенными.

Конкуренция с развивающимися странами и сотрудничество в области регулирования

Помимо стимулирования экономического роста и занятости ТТИП нацелено на эффективное противостояние растущей конкуренции со стороны развивающихся стран. Соглашение может стать противовесом крупным развивающимся странам и их торговым блокам за счёт, во-первых, огромной финансовой мощи, научно-технического потенциала и ёмкости рынка. ТТИП может повысить отдачу от вложений в основной капитал развитых стран и их вклад в рост мировой экономики. Пока развивающиеся страны в целом и Китай в частности превосходят развитые в отдаче от вложений в основной капитал. Партнёрство может способствовать сокращению разрыва с развивающимися странами в степени эффективности капиталовложений. Несмотря на неоднозначные последствия для экономики ЕС, развитые страны как группа могут выиграть от ТТИП, которое может изменить соотношение сил в мировом хозяйстве.

Во-вторых, ЕС и США могут укрепить свои позиции за счёт сотрудничества в области регулирования, когда члены ТТИП фактически могут устанавливать глобальные стандарты в международной торговле. Планируется в значительной мере устранить расхождения между участниками в этой сфере. Значение данного вопроса возросло по сравнению с 1990-ми и началом 2000-х гг. в связи с затруднениями на Дохийском раунде.

Исключительно важным становится способ, с помощью которого ЕС и США могут прийти к взаимному согласию. Варианты представлены в Таблице 1. Наиболее масштабна гармонизация – участники должны будут выбрать стандарт, которому они будут следовать: европейский, американский, международный; речь идёт о переходе на единый стандарт.

Исходя из опубликованных ЕК материалов и судя по заявлениям некоторых политиков, широкое применение гармонизации в рамках ТТИП считается невозможным. Это связано с политическими и административными сложно-

Способы сотрудничества в области регулирования в рамках ТТИП.

	1. Гармонизация	Взаимное признание		
		Стандартов регулирования		4. Оценки соответствия
		2. <i>Erga omnes</i>	3. Двустороннее	
Вероятность использования в рамках ТТИП	Нет	Низкая	Средняя в ряде отраслей	Высокая в ряде отраслей
Вероятность установления глобального стандарта	Высокая	Средняя	Низкая	Нет
Влияние на национальные стандарты	Вероятность повышения стандартов	Высокая вероятность снижения стандартов	Средняя вероятность снижения стандартов	Ограниченное

Источник: [11, с. 56].

стями достижения соглашения по каждой мере регулирования. Кроме того, при гармонизации издержки адаптации к новым правилам понесёт лишь одна из сторон [11, с. 53-54].

Второй способ сотрудничества в области регулирования – взаимное признание (стандартов и/или оценки соответствия), предполагающее сохранение различных норм. При этом стороны соглашаются, что отличающиеся стандарты в той или иной отрасли дают один и тот же эффект (например, обеспечивают одинаковый уровень безопасности). Взаимное признание проще гармонизации, поскольку не требует достижения соглашения относительно того, чей стандарт выше и кто понесёт издержки адаптации к новым правилам.

Выделяются три варианта взаимного признания. Так, стороны могут сохранить различия в стандартах. Для упрощения регулирования, чтобы экспортёрам не пришлось дважды проходить оценку соответствия своей продукции нормам регулирования (в стране происхождения и в стране назначения), участники ТТИП могут договориться признавать эту оценку. Например, для доказательства отсутствия опасных бактерий в устрицах в ЕС проверяют саму устрицу, а в США – воду, в которой она выращивалась [18, с. 5]. При взаимном признании оценки соответствия европейские производители смогут пройти процедуру проверки только один раз.

Два других варианта взаимного признания затрагивают стандарты регулирования. При взаимном признании *erga omnes* преимущества соглашения могут распространяться на третьи страны. В таком случае товару любого производителя, осуществляющего экспорт в ЕС или в США, будет достаточно соответствовать стандартам регулирования только одной из сторон для доступа на рынок обоих участников ТТИП. Такой способ применяется на едином внутреннем европейском рынке.

При двустороннем взаимном признании товар, произведённый одной из сторон в соответствии с её стандартами, может быть экспортирован на рынок другого участника без адаптации

к его стандартам. При этом подобное преимущество доступа на рынок не распространяется на третьи страны. Произведённые в третьих странах товары при экспорте в ЕС должны будут соответствовать европейским стандартам, при экспорте в США – американским.

От способа сотрудничества напрямую зависит возможность участников оказывать влияние на мировую торговлю, устанавливая глобальные стандарты регулирования. Вероятнее всего будет выбрано двустороннее взаимное признание [11, с. 58]. Такой способ сократит издержки в торговле ЕС и США, однако для третьих стран всё останется по-прежнему. Члены ТТИП получат дополнительное конкурентное преимущество перед третьими странами, которые могут потерять часть рынка (произождёт отклонение торговли). Подобная соответствующая правилам ВТО, но де-факто всё же «дискриминация» в отношении третьих стран не создаёт стимулов для последних переходить на стандарты ЕС или США, поскольку это не даёт преимуществ доступа на рынок ТТИП. Соответственно, вероятность распространения стандартов ЕС или США, их установления в качестве глобальных низка. Преимуществом двустороннего взаимного признания является обострение конкуренции для ЕС лишь со стороны США, но не со стороны третьих стран.

Вероятность установления стандартов ЕС и США в качестве глобальных наиболее высока при гармонизации, поскольку товарам третьих стран для доступа на рынок ЕС и/или США необходимо будет соответствовать единому стандарту. Недостатком этого способа является обострение конкуренции со стороны третьих стран.

При взаимном признании *erga omnes* существует вероятность установления стандартов ЕС или США в качестве глобальных. Соответствие товаров из третьих стран нормам регулирования одного из участников ТТИП открывает им доступ на рынок всего объединения. Получение такого преимущества является стимулом для третьих стран перейти на стандарты ЕС или

США. Однако для доступа на рынок стран ТТИП производители третьих стран выберут тот стандарт, издержки соответствия которому будут наименьшими. Для участника с более высокими стандартами, каким в большинстве случаев является ЕС, это может привести уменьшению влияния на системы регулирования развивающихся стран [11, с. 61]. Создаются предпосылки для последующего снижения стандартов, что может отрицательно сказаться на потребителях. Кроме того, при взаимном признании *erga omnes*, так же как и при гармонизации, обострится конкуренция не только со стороны участников Партнёрства, но и третьих стран.

Анализ возможных способов сотрудничества в области регулирования в рамках ТТИП позволяет сделать вывод о противоречивом характере целей и мотивов соглашения. С одной стороны, для усиления влияния на стандарты регулирования международной торговли предпочтительны способы, при которых у развивающихся стран создаются стимулы для перехода на стандарты ЕС/США/ТТИП. В то же время реализация таких способов приведёт к обострению конкуренции со стороны развивающихся стран, что может ухудшить конъюнктуру (прежде всего, ЕС и еврозоны), отрицательно сказаться на экономическом росте и занятости. С другой стороны, наиболее вероятный способ – двустороннее взаимное признание – сделает участников более конкурентоспособными от-

носительно развивающихся стран. Это, однако, не усилит влияние ЕС и США на установление глобальных стандартов регулирования.

Выявленные риски и возможные отрицательные последствия ТТИП не свидетельствуют о заведомой неэффективности соглашения или отсутствии экономических предпосылок его заключения. Трансатлантическая интеграция представляется логичным и экономически обоснованным способом крупнейших развитых стран повысить своё влияние и конкурентоспособность в мировой экономике. Партнёрство может рассматриваться и как дополнение к многосторонней торговой системе, более существенное, чем планировавшееся во второй половине 1990-х гг. Новое трансатлантическое рыночное пространство.

Проведённый анализ, однако, свидетельствует о чересчур оптимистичных ожиданиях сторонников ТТИП, и в частности, ЕК, от реализации такого соглашения. Количественные оценки влияния трансатлантической интеграции на экономический рост и занятость неоднозначны и могут быть завышенными. Сторонники заключения ТТИП недооценивают возможные риски для ЕС – относительно менее конкурентоспособной экономики с неблагоприятной общехозяйственной конъюнктурой.

Список литературы

1. Зарицкий Б.Е. Трансатлантическое партнёрство: позиция Германии // Мировое и национальное хозяйство. 2015. № 4(35). Режим доступа: <http://mirec.ru/2015-04/Transatlantic-partnership-the-German-position> (дата обращения: 25.05.2016)
2. Кузнецов И.И. ФРГ: проблемы стратегического выбора между Трансатлантической зоной свободной торговли и Трансатлантическим торгово-инвестиционным партнёрством // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2014. № 3-4 (9). С. 103-116.
3. Медведева М.Б. Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство и интересы его участников: противоречивое единство // Банковские услуги. 2016. № 3. С. 2-5.
4. Портанский А.П. Многосторонняя торговая система и перспективы её реформирования. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 151 с.
5. Пташкина М.Г. Правила происхождения товаров в переговорах о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 6. С. 72-83.
6. Agreement on mutual recognition between the European Community and the United States of America. 78 p. Режим доступа: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:21999A0204\(01\)&from=EN](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:21999A0204(01)&from=EN) (дата обращения: 25.05.2016)
7. Berden G.K., Francois J., Thelle M., Wymenga P., Tamminen S. Non-Tariff Measures in EU-US Trade and Investment – An Economic Analysis. Rotterdam: ECORYS Nederland BV, 2009. 197 p.
8. Catalyst? TTIP's Impact on the Rest. Ed. by Akman M.S., Evenett S.J., Low P. L.: CEPR Press, 2015. XV+122 p.
9. Clark P. Energy price gap with the US to hurt Europe for 'at least 20 years' // Financial Times. 29.01.2014.
10. De Gucht K. A European Perspective on Transatlantic Free Trade. Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-178_en.htm (дата обращения: 25.05.2016)
11. De Ville F., Siles-Brügge G. T.T.I.P.: The Truth about the Transatlantic Trade and Investment Partnership. Cambridge, Malden: Polity Press, 2016. 192 p.
12. Francois J., Manchin M., Norberg H., Pindyuk O., Tomberger P. Reducing Transatlantic Barriers to Trade and Investment. An Economic Assessment. L.: CEPR, 2013. 116 p.

■ Мировая экономика

13. Joint EU – US Action Plan – 1995. 15 p. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/us/docs/joint_eu_us_action_plan_95_en.pdf (дата обращения: 25.05.2016)
14. OECD.Stat. Режим доступа: <http://stats.oecd.org/> (дата обращения: 25.05.2016)
15. The Global Competitiveness Report 2015–2016. Competitiveness Rankings. Режим доступа: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/competitiveness-rankings/> (дата обращения: 25.05.2016)
16. The impact of the economic crisis on euro area labour markets // Monthly Bulletin. Frankfurt am Main: European Central Bank, 2014. October. Pp. 49-68.
17. The New Transatlantic Agenda. 6 p. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/us/docs/new_transatlantic_agenda_en.pdf (дата обращения: 25.05.2016)
18. The top 10 myths about TTIP. Brussels: European Commission, 2015. 19 p.
19. Transatlantic Declaration on EC-US Relations, 1990. 3 p. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/us/docs/trans_declaration_90_en.pdf (дата обращения: 25.05.2016)
20. Transatlantic Economic Partnership 1998. 14 p. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/us/docs/trans_econ_partner_11_98_en.pdf (дата обращения: 25.05.2016)
21. Transatlantic Trade and Investment Partnership. The Economic Analysis Explained. Brussels: European Commission, 2013. 18 p.
22. World Development Indicators. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (дата обращения: 25.05.2016)

Об авторе

Сидоров Алексей Александрович – аспирант кафедры международных экономических отношений и внешне-экономических связей МГИМО МИД России, главный специалист-эксперт Минэкономразвития России.
E-mail: alexey.sidorov@live.com.

TRANSATLANTIC INTEGRATION AND DEVELOPED COUNTRIES COMPETITIVENESS PROBLEMS

A.A. Sidorov

Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 18/1 Ovchinnikovskaya naberezhnaya, Moscow, 115324, Russia.

Abstract: *Factors and possible consequences of transatlantic integration are elaborated in the article. An overview of the history of transatlantic cooperation is provided. The author highlights the paramount goal of Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) – strengthening the positions of its parties in the world economy against the backdrop of global competition. Stalemate in Doha round of WTO trade negotiations as well as depressed state of the European economy also contributed to transatlantic integration. Validity of the EU Commission conclusion on TTIP benefits is examined. Results of TTIP econometric modelling are critically assessed. Problems of the EU-US non-tariff liberalization are analyzed. Efficiency of the EU and US labor markets is compared. Low competitiveness of the EU in comparison to the USA and underlying risks for TTIP economic growth and employment are outlined. High unemployment, difficulties of manufacturing (including high-tech industries thereof) recovery, adverse general business situation in the EU are among such risks. Various modes of regulatory cooperation and possibility of their adoption in TTIP are considered. Harmonization, erga omnes mutual recognition of regulations, bilateral mutual recognition of regulations, mutual recognition of conformity testing are distinguished. Possible implications of the modes of regulatory cooperation on TTIP members competitiveness, competition with emerging economies and global standard setting are examined. Conflict of TTIP goals and motivations is revealed. The existence of economic factors of transatlantic integration as well as overestimation of TTIP benefits (primarily for the EU economy) is concluded.*

Key words: transatlantic integration, Transatlantic Trade and Investment Partnership, EU, USA, multilateral trading system, WTO, non-tariff barriers, competitiveness, economic growth, regulations, harmonization, mutual recognition.

References

1. Zaritskii B.E. Transatlanticheskoe partnerstvo: pozitsiia Germanii [Transatlantic Partnership: the German position]. *Mirovye i natsional'noe khoziaistvo - World and national economy*, 2015, no. 4 (35). Available at: <http://mirec.ru/2015-04/Transatlantic-partnership-the-German-position> (Accessed 25.05.2016). (In Russian).
2. Kuznetsov I.I. FRG: problemy strategicheskogo vybora mezhdunarodnykh issledovaniy Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnykh otnoshenii (Universiteta) Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii [Yearbook of the Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation], 2014, no. 3-4 (9), pp. 103-116. (In Russian).
3. Medvedeva M.B. Transatlanticheskoe torgovoe i investitsionnoe partnerstvo i interesy ego uchastnikov: protivorechivoe edinstvo [Transatlantic Trade and Investment Partnership and interests of its participants: contradictory unity]. *Bankovskie uslugi - Banking Services*, 2016, no. 3, pp. 2-5. (In Russian).
4. Portanskii A.P. Mnogostoronniia torgovaia sistema i perspektivy ee reformirovaniia [The Multilateral Trading System and the Prospects for its Reform]. Moscow, IMEMO RAN, 2015. 151 p. (In Russian).
5. Ptashkina M.G. Pravila proiskhozhdeniia tovarov v peregovorakh o Transatlanticheskom torgovom i investitsionnom partnerstve [Rules of origin in the negotiations on Transatlantic Trade and Investment Partnership Agreement]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik - Russian Foreign Economic Bulletin*, 2015, no. 6, pp. 72-83. (In Russian).
6. Agreement on mutual recognition between the European Community and the United States of America. 78 p. Available at: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:21999A0204\(01\)&from=EN](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:21999A0204(01)&from=EN) (Accessed 25.05.2016).
7. Berden G.K., Francois J., Thelle M., Wymenga P., Tamminen S. Non-Tariff Measures in EU-US Trade and Investment – An Economic Analysis. Rotterdam, ECORYS Nederland BV, 2009. 197 p.
8. Catalyst? TTIP's Impact on the Rest. Ed. by Akman M.S., Evenett S.J., Low P. L., CEPR Press, 2015. XV+122 p.
9. Clark P. Energy price gap with the US to hurt Europe for 'at least 20 years'. *Financial Times*, 29.01.2014.
10. De Gucht K. A European Perspective on Transatlantic Free Trade. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-178_en.htm (Accessed 25.05.2016).
11. De Ville F., Siles-Brügge G. T.T.I.P.: The Truth about the Transatlantic Trade and Investment Partnership. Cambridge, Malden, Polity Press, 2016. 192 p.
12. Francois J., Manchin M., Norberg H., Pindyuk O., Tomberger P. Reducing Transatlantic Barriers to Trade and Investment. An Economic Assessment. London, CEPR, 2013. 116 p.
13. Joint EU – US Action Plan – 1995. 15 p. Available at: http://eeas.europa.eu/us/docs/joint_eu_us_action_plan_95_en.pdf (Accessed 25.05.2016).
14. OECD. Stat. Available at: <http://stats.oecd.org/> (Accessed 25.05.2016).
15. The Global Competitiveness Report 2015–2016. Competitiveness Rankings. Available at: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/competitiveness-rankings/> (Accessed 25.05.2016).
16. The impact of the economic crisis on euro area labour markets. *Monthly Bulletin*. Frankfurt am Main: European Central Bank, 2014. October. P. 49-68.
17. The New Transatlantic Agenda. 6 p. Available at: http://eeas.europa.eu/us/docs/new_transatlantic_agenda_en.pdf (Accessed 25.05.2016).
18. The top 10 myths about TTIP. Brussels, European Commission, 2015. 19 p.
19. Transatlantic Declaration on EC-US Relations, 1990. 3 p. Available at: http://eeas.europa.eu/us/docs/trans_declaration_90_en.pdf (Accessed 25.05.2016).
20. Transatlantic Economic Partnership 1998. 14 p. Available at: http://eeas.europa.eu/us/docs/trans_econ_partner_11_98_en.pdf (Accessed 25.05.2016).
21. Transatlantic Trade and Investment Partnership. The Economic Analysis Explained. Brussels, European Commission, 2013. 18 p.
22. World Development Indicators. Available at: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (Accessed 25.05.2016).

About the author

Alexey. A. Sidorov – post-graduate student of the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Ties, MGIMO-University, chief specialist-expert of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. E-mail: alexey.sidorov@live.com.

МИРОВОЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬНЫХ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ НАКОПИТЕЛЬНЫХ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

А.В. Пудовкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматривается положение дел в российской пенсионной системе и вырабатываются рекомендации по её дальнейшему развитию на основании международного опыта.

На сегодняшний день пенсионная система РФ находится в переходном состоянии. Очевидно, что проведённые в 2013–2015 гг. реформы не являются окончательными, так как в своём текущем состоянии система пенсионного обеспечения по-прежнему характеризуется крайне низким значением коэффициента замещения при очень высоком уровне государственных расходов. Введённый в ходе последних реформ мораторий на накопительные пенсии ставит под вопрос будущее обязательной накопительной пенсионной системы.

Мировой опыт формирования пенсионных систем говорит о том, что наиболее успешные из них не ограничиваются исключительно государственной солидарной системой, а используют комбинацию из распределительной и накопительной частей. При выборе в пользу обязательной либо добровольной накопительной части государства, как правило, ориентируются на особенности национальной экономики.

Изучение успехов и ошибок мировой практики использования добровольных и обязательных накопительных пенсионных систем представляет научный и практический интерес, так как может способствовать более точному выбору дальнейшего пути развития отечественной системы пенсионного обеспечения.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионная реформа, пенсия, коэффициент замещения, государственная распределительная пенсионная система, обязательная накопительная пенсионная система, добровольная накопительная пенсионная система, Пенсионный фонд России (ПФР).

Несмотря на многочисленность проведённых реформ, вопрос совершенствования системы пенсионного обеспечения России продолжает стоять довольно остро. Низкий коэффициент замещения и заметный рост государственных расходов на пенсию, вызванный резким ростом дефицита пенсионной системы, показывают, что она относится к числу наименее эффективных систем пенсионного обеспечения в мире. Очевидно, что ситуация требует решительных перемен. Однако на сегодняшний день научная и политическая общественность России не имеют единого мнения по поводу дальнейших путей развития отечественной пенсионной системы. Одни полагают, что накопительный элемент – это залог светлого будущего российских пенсионеров и его непременно необходимо сохранить. Другие, наоборот, склонны полагать, что отказ от накопительной части приведёт к повышению финансовой устойчивости всей системы и росту коэффициента замещения [1].

В научных кругах зарубежных стран также продолжают споры касательно оптимальной модели пенсионной системы. Одни авторы, например, Р. Дисней, утверждают, что основой пенсионной системы должна быть распределительная часть [11]. Другие, к примеру, Л. Клаппер, Г. Панос, Дж. Стейлбринк, А. Розанов, склоняются в пользу накопительной части [8, 9, 10].

В настоящей статье рассматривается структура пенсионных систем зарубежных стран, описаны новейшие реформы в области пенсионного обеспечения в странах ОЭСР, проведённые в 2013–2015 гг. На основе анализа современной мировой практики построения систем пенсионного обеспечения и её сравнения с россий-

ской пенсионной системой исследуется применимость зарубежного опыта в России.

Пенсионные системы зарубежных стран

Пенсионное обеспечение населения в различных формах на протяжении многих веков играло важную роль в разных странах, но системный характер оно начало приобретать лишь в конце XIX – начале XX в. С тех пор и по сегодняшний день в большинстве стран мира продолжается непрерывный процесс эволюции пенсионных систем. За это время сформировалась общепринятая классификация с делением двух основных типов пенсионных систем: распределительная (пенсионные отчисления идут на текущие пенсионные выплаты) и накопительная (пенсионные отчисления формируются на индивидуальных счетах и инвестируются в различные активы на финансовом рынке, а инвестиционный доход увеличивает итоговую пенсию).

Современная международная практика такова, что в большинстве стран действуют комбинированные пенсионные системы, сочетающие государственные распределительные, а также обязательные и добровольные накопительные элементы. Смешанный тип пенсионной системы наиболее эффективен с точки зрения финансовой стабильности и уровня выплачиваемых пенсий [7, 8]. В чистом виде накопительная и распределительная модели редко присутствуют в мировой практике, равно как и модель, в которой одновременно присутствовали бы и обязательная, и добровольная накопительная части. Среди стран ОЭСР такая комбинация существует только в Норвегии. В этой стране управлением пенсионными средствами занимается пенсионный фонд, подчинённый Министерству финансов [9].

Таблица 1.

Коэффициент замещения в разных странах (в %)

	Государственные распределительные системы	Обязательные накопительные системы	Добровольные накопительные системы	Итого
Бельгия	41		15,1	56,1
Канада	39,2		33,9	73,1
Чили	4,8	37,2		42
Чехия	43,5		39,2	82,7
Германия	42		16	58
Ирландия	36,7		43	79,7
Новая Зеландия	40,6		14,1	54,7
Норвегия	45,7	6,8	11,3	63,8
Испания	73,9			73,9
Швеция	33,9	21,7		55,6
Швейцария	32	23,1		55,1
Великобритания	32,6		34,5	67,1
США	38,3		37,8	76,1
Россия	33	2		35
Саудовская Аравия	100			100
ЮАР	0		54,5	54,5
ЕС	47			57,6
ОЭСР	40,6			67,9

Источник: [8].

■ Мировая экономика

В таблице 1 представлен коэффициент замещения (соотношение средней пенсии к средней зарплате), генерируемый в рамках пенсионных систем в различных странах по состоянию на 2013 г. Именно тот показатель позволяет судить о роли каждого из структурных элементов (государственного распределительного, обязательного накопительного и добровольного накопительного) в национальной системе пенсионного обеспечения.

Из приведённых данных следует, что в большинстве ведущих стран мира основой пенсионного обеспечения выступает распределительная часть. За редким исключением, львиная доля коэффициента замещения создаётся в рамках распределительных систем. При этом заметную роль могут играть также и накопительные системы. В целом по ОЭСР они добавляют 25 п.п. к коэффициенту замещения, тогда как по ЕС – чуть больше 10 [12]. Таким образом, на практике наблюдается доминирование распределительных пенсионных систем при существенной поддержке со стороны накопительных. Это говорит о том, что на сегодняшний день оптимальной видится смешанная система пенсионного обеспечения, сочетающая в себе как распределительный, так и накопительный элементы.

Безусловно, накопительные системы не лишены и недостатков: это и зависимость пенсий от состояния финансовых рынков, и проблемы, связанные с размещением активов на финансовых рынках [11, 12]. Таким образом, вопрос устойчивости пенсионной системы сводится к управлению рисками в пенсионных фондах.

Э. Розанов выделяет в мировой практике три основных модели управления пенсионным фондом: норвежскую, австралийскую и канадскую [9]. Их основные различия с точки зрения риск-менеджмента приведены в таблице 2.

Приведённые выше критерии говорят лишь об общих чертах организации инвестиционного процесса, но даже этой информации достаточно для того, чтобы судить о пристальном внимании, которое фонды уделяют управлению рисками.

Примечательно, что самый низкий коэффициент замещения формируется в России. Соотношение средней пенсии к средней зарплате в РФ 2 раза ниже, чем в среднем по странам ОЭСР и не идёт ни в какое сравнение с аналогичным показателем любой из стран, о которых говорилось выше. Это происходит по двум причинам: слабость государственной распределительной системы (лишь у 4 стран показатель ниже) и отсутствие эффективной накопительной системы.

Анализ мировой практики приводит к выводу о том, что для повышения уровня пенсий необходимо одновременное усиление распределительной и развитие накопительной частей. Подчеркнём, что крайне низкий уровень пенсий остаётся одной из наиболее острых проблем современной социальной политики России. Для более точного определения основного направления развития отечественной системы пенсионного обеспечения на современном этапе обратимся к детальному анализу положения дел в пенсионной системе РФ.

Пенсионная система России

Пенсионная система России сочетает в себе как распределительную, так и накопительную часть и состоит из трёх уровней (см. рис. 1). Каждый гражданин получает государственную страховую пенсию в зависимости от трудового стажа, размера зарплаты и возраста выхода на пенсию (в распределительную часть поступают 16% из уплачиваемых работодателем в ПФР 22% от фонда оплаты труда). Что касается обязательной накопительной пенсии, то каждый официально трудоустроенный работник вправе направить 6% от зарплаты в негосударственный пенсионный фонд или частную управляющую компанию (из уплачиваемых работодателем в ПФР 22% от фонда оплаты труда). Далее эти средства инвестируются в различные активы на финансовом рынке, а инвестиционный доход прибавляется к пенсии. Добровольные накопительные пенсии формируются гражданами в свободном порядке. Напомним, что пенсионная система РФ стала трёхуровневой после реформы по введению обязательного накопительного элемента [10].

Таблица 2.

Модели управления пенсионным фондом

	Норвежская	Австралийская	Канадская
Зависимость пенсионного фонда от политического процесса	высокая	нет	
Основные направления размещения пенсионных средств	государственные ценные бумаги	корпоративные ценные бумаги	
Степень ликвидности приобретённых ценных бумаг	высокая	низкая	
Инвестиционная стратегия	основана на представлении об эффективности рынка	основана на представлении о неэффективности (провале) рынка	
Распределение полномочий в рамках инвестиционного процесса	большая часть портфеля управляется самим фондом	большая часть портфеля управляется внешней управляющей компанией	
Степень прямого воздействия на инвестиционный процесс	минимальная		высокая

Источник: [9].

В 2013–2015 гг. в система пенсионного обеспечения претерпела ряд реформ. Федеральным законом №400-ФЗ от 28.12.2013 был изменён механизм формирования пенсионных прав по страховой пенсии. В соответствии с этим законом, страховая пенсия по старости назначается на основании индивидуального пенсионного коэффициента [6], который зависит от стажа работы, зарплаты и возраста выхода на пенсию. Сама пенсия исчисляется как произведение значения коэффициента на его стоимость, которая будет определяться на ежегодной основе.

Реформированию подвергся и накопительный элемент. С 2014 г. накопительный взнос был снижен с 6% до 2%, однако граждане имели возможность сохранить 6%, заявив об этом в ПФР. Но в 2015 г. вопрос был поставлен ребром: граждане должны были выбрать между формированием исключительно страховой пенсии или сохранением прежней комбинации из страховой и накопительной частей [3]. Пенсионные накопления перестанут формироваться автоматически у тех граждан, кто не заявит о своём желании их сохранить.

Также в 2013 г. правительство приняло решение о моратории средств пенсионных накоплений на вторую половину 2013 г. и 2014 г. (позже мораторий был продлён на 2015 г.) и последующем направлении этих средств на текущие выплаты пенсий. На протяжении 2014 г. в правительстве шли дискуссии по поводу будущего накопительной части пенсии, пока в апреле 2015 г. не было принято решение о её сохранении в рамках обязательного пенсионного страхования [5]. Изначально предполагалось, что с 2016 г. механизм формирования пенсионных накоплений заработает в прежнем режиме, однако осенью

2015 г. было принято решение об очередном моратории на 2016 г.

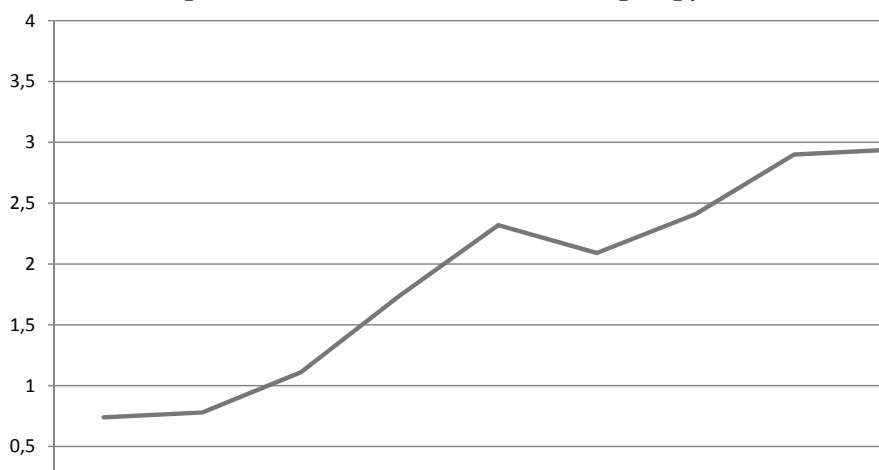
Таким образом, развитие последних лет в очередной раз завело в тупик пенсионную систему России, поставив жирный знак вопроса над будущим накопительного элемента, введённого, к слову, лишь в 2002 г. Но этим проблемы системы пенсионного обеспечения РФ не ограничиваются.

По итогам 2014 г. коэффициент замещения в РФ составлял 33%, а расходы пенсионной системы составляли 9% ВВП (ссылку на Росстат). Низкий коэффициент замещения стал привычным, однако резкий рост дефицита пенсионной системы (см. рис. 2) угрожает уже не только финансовой устойчивости пенсионной системы, но и бюджетной стабильности России [2].

Дефицит пенсионной системы определяется как разность между фактическими расходами Пенсионного фонда России (ПФР) на выплаты пенсий и доходами ПФР, полученными от социальных отчислений. Его резкий рост вызван тем, что расходы на выплаты пенсий растут существенно быстрее, чем пенсионные взносы. К такой ситуации привёл целый ряд факторов, от высокой доли неформального сектора в экономике до снижения соотношения занятых и пенсионеров.

В таких условиях на первое место выходит вопрос оптимизации пенсионной системы. Её целью должно стать одновременное сокращение дефицита (повышение финансовой устойчивости) и рост пенсий, что потребует решения ряда структурных проблем российской экономики. Мораторий на пенсионные накопления с перераспределением всех средств в распределительную систему – это лишь временная мера, и, по всей видимости,

Дефицит пенсионной системы РФ, трлн руб.

Источник: [2].

в ближайшие годы реформирование пенсионной системы продолжится.

Пенсионная система РФ очередной раз в своей непродолжительной истории находится на распутье. Вектор её дальнейшего развития не определён, а будущее обязательной накопительной части пенсии выглядит туманным. Нужно ли в России накопительная пенсия и может ли она сбалансировать всю пенсионную систему, привести к снижению её дефицита и росту коэффициента замещения?

Российский опыт использования накопительных пенсионных систем

По оценкам ПФР, накопительная система способна обеспечивать пенсии в размере 693 руб. в месяц, что соответствует 2 п.п. коэффициента замещения. Однако сам факт выплат накопительных пенсий находится под вопросом ввиду заморозки пенсионных накоплений в 2013–2016 гг. и возможного повышения пенсионного возраста [2]. Кроме того, использование обязательной накопительной системы в России приводит к увеличению дефицита пенсионной системы. Дело в том, что выплаты накопительных пенсий начнутся не раньше 2022 г. для женщин и 2027 г. для мужчин, а процесс аккумулирования взносов в накопительную часть протекает за счёт распределительной системы (часть социальных отчислений направляется на личные индивидуальные счета граждан вместо текущих выплат пенсионерам). Вдобавок к этому, сам процесс инвестирования средств пенсионных накоплений далёк от оптимального: совокупная средневзвешенная накопленная доходность НПФ (негосударственные пенсионные фонды) и УК (управляющих компаний) ниже, чем совокуп-

ная накопленная инфляция. Расчёты показывают, что средневзвешенная накопленная доходность от инвестирования средств пенсионных накоплений за 11 лет составила 132%, что ниже накопленной за данный период инфляции, составившей 155%.

Итог использования обязательной накопительной части неутешителен: при отрицательной реальной доходности, накопленной за годы её существования, она приводит к росту дефицита пенсионной системы и снижению эффективности государственной распределительной части.

Теперь рассмотрим опыт функционирования добровольной накопительной системы в России. Несмотря на рост всех показателей негосударственного пенсионного обеспечения в последние 10 лет, на сегодняшний день лишь 3,7% пенсионеров получают добровольную накопительную пенсию. И хотя в рамках добровольной накопительной системы формируется 7,4 п.п. коэффициента замещения, низкая распространённость программ негосударственного пенсионного обеспечения приводит к тому, что общий эффект от неё в рамках всей пенсионной системы незначителен.

В силу вышесказанного, более перспективным направлением развития пенсионной системы РФ следует считать систему добровольного пенсионного страхования. Мировой опыт показывает, что при должном развитии такая система способна существенно повысить общий уровень коэффициента замещения. Рост этого показателя, что также немаловажно, не приведёт к увеличению дефицита пенсионной системы; он будет способствовать финансовой устойчивости пенсионной системы и повышению благосостояния пенсионеров.

Список литературы

1. Гурвич Е.Т. Принципы новой пенсионной реформы// Вопросы экономики. 2011. № 4. С. 4–31.

2. Информация официального сайта ПФР, режим доступа: <http://www.pfrf.ru/opendata/>
3. Коваль Л. Пенсионные выборы // Ведомости. 2015. № 3950
4. Кувшинова О. Правительство в третий раз заморозило накопительные пенсионные взносы [Электронный ресурс] // Ведомости. 2015, режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/09/29/610770-pravitelstvo-medvedeva-zamorozilo>
5. Кувшинова О. Правительство решило сохранить пенсионные накопления [Электронный ресурс] // Ведомости. 2015, режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/04/22/pravitelstvo-reshilo-sohranit-nakopitelnie-pensii>
6. О страховых пенсиях: федеральный закон РФ от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс», режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/
7. Федотов А.И. Анализ моделей построения пенсионных систем // Труды ИСА РАН. 2008. № 38. С. 168–173.
8. Stalebrink J. Public pension funds and assumed rates of return: an empirical examination of public sector defined benefit pension plans // American review of public administration. 2014. № 1(44). P. 92–111.
9. Rozanov A. Public pension fund management: best practice and international experience // Asian Economic Policy Review. 2015. № 10. P. 275–295.
10. Klapper L., Panos G. Financial literacy and retirement planning: the Russian case // Journal of pension economics and finance. 2011. № 4. P. 599–618.
11. Disney R. Public pension reform in Europe: policies, prospects and evaluation // The World Economy. 2003. Vol 26. № 10. P. 1425–1445.
12. OECD Pensions at a Glance 2013: OECD and G20 Indicators // OECD Publishing. 2013. 364 p.

Об авторе

Алексей Васильевич Пудовкин – аспирант кафедры международных финансов МГИМО МИД России.
E-mail: pudovkin.aleksei@mail.ru.

PRIVATE AND PUBLIC PENSION SYSTEMS WORLDWIDE: CASE OF RUSSIA

A.V. Pudovkin

Moscow State Institute of International Relations 76, Vernadsky av., 119454 Moscow, Russia.

Abstract: *The article deals with the Russian pension system and make recommendations for its further development on the basis of international experience.*

The Russian pension system is in a state of transition. The reform of 2013-2015 is not completed, since in its current state pension system is still characterized by very low replacement rate value at a very high level of government spending. Moratorium on pension accumulation introduced in the course of recent reforms calls into question the future of the mandatory funded pension system.

Review of international pension systems formation suggests that the most successful of them are not limited solely to public system, and use a combination of distribution and accumulation units. When choosing between mandatory or voluntary options they are guided by the characteristics of the national economy.

Studying the successes and mistakes of world practice of voluntary and mandatory funded pension systems is of great scientific and practical interest, since it can contribute to a more accurate choice of the future path of development of the national pension system.

Key words: pension system, pension reform, pension, wage replacement rate, public pension system, private pension system, pension fund of Russia.

References

1. Gurvich E.T. Princip novoi pensionnoi reformy [The principles of the new pension reform]. Voprosi ekonomiki, 2011. № 4. P. 4–31.
2. Information from the official web-site of the Pension Fund of Russia. URL: <http://www.pfrf.ru/opendata/>
3. Koval L. Pensionnie vibori [Pension choice]. Vedomosti, 2015. № 3950.

■ Мировая экономика

4. Kuvshinova O. Pravitelstvo v tretii raz zamorozilo nakopitelnie pensionnie vnosi [The Government has blocked the pensions avings for the third time]. Vedomosti, 2015. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/09/29/610770-pravitelstvo-medvedeva-zamorozilo>
5. Kuvshinova O. The Government has decided to keep the pension savings. Vedomosti, 2015. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/04/22/pravitelstvo-reshilo-sohranit-nakopitelnie-pensii>
6. O strahovih pensiyah: federalniy zakon RF №400-FZ [Russian law act on the pensions] dated 28.12.2013, Law system "Consultant Plus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/
7. Fedotov A.I. Analiz modelei postroeniya pensionnih system [The analysis of pension system formation models]. Trudi ISA RAN, 2008. № 38. P. 168–173.
8. Stalebrink J. Public pension funds and assumed rates of return: an empirical examination of public sector defined benefit pension plans. American review of public administration. 2014. № 1(44). P. 92–111.
9. Rozanov A. Public pension fund management: best practice and international experience. Asian Economic Policy Review. 2015. № 10. P. 275–295.
10. Klapper L., Panos G. Financial literacy and retirement planning: the Russian case. Journal of pension economics and finance. 2011. № 4. P. 599–618.
11. Disney R. Public pension reform in Europe: policies, prospects and evaluation. The World Economy. 2003. Vol. 26. № 10. P. 1425–1445.
12. OECD Pensions at a Glance 2013: OECD and G20 Indicators. OECD Publishing. 2013. 364 p.

About the author

Aleksei V. Pudovkin – post-graduate student of the International Finance chair, MGIMO-University.
E-mail: pudovkin.aleksei@mail.ru.

ВЕДУЩИЕ ИНДИЙСКИЕ БИЗНЕС-ГРУППЫ

М.А. Воробьёва

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

Цель настоящей работы – исследовать процессы эволюции ведущих индийских бизнес-групп в условиях либерализации экономики страны. Показано, что сегодня роль бизнес-групп в индийской экономике определяется высокой долей в ВВП; огромными совокупными активами; существенной долей в экспорте товаров и услуг; активным участием в становлении современной отраслевой структуры, в создании трудоёмких и высокотехнологичных отраслей. Ведущие индийские бизнес-групп активно влияют и на экономические стратегии страны, они стали «локомотивом» интернационализации и транснационализации Индии, основой системы внешнеэкономических акторов, проводниками индийского «экономического чуда» на мировой арене, динамичным сегментом экономического и социального развития современной Индии. Тенденциями развития ведущих индийских бизнес-групп являются постепенная концентрация производства в нескольких ключевых секторах, «горизонтализация» структуры; акционирование предприятий; привлечение на управляющие посты наёмных топ-менеджеров, транснационализация. Однако на фоне указанных изменений ведущие индийские бизнес-группы сохраняют основные традиционные особенности: продолжают в большинстве своём оставаться в собственности основавших их семей; соблюдают тесные кастовые или общинные отношения, составляющие основу их неформальных системообразующих связей; остаются широко диверсифицированными структурами со слабыми межотраслевыми связями. Специфическая национальная амбивалентность ведущих индийских бизнес-групп, сочетание в них традиций и инноваций обеспечивает их высокую жизнеспособность и устойчивость в противоречивой, многоукладной, обременённой кастовыми и конфессиональными пережитками индийской действительности. Делается вывод, что, вопреки доминирующему в экономической литературе мнению, трансформация бизнес-групп в многоотраслевые корпорации западного типа далеко не завершена и в ближайшей перспективе они будут сохранять всё своё своеобразие, присущий им социальный и экономический «колорит».

.....

Ключевые слова: бизнес-группы, форма организации крупного капитала, диверсификация, концентрация, экономика Индии, либерализация, транснационализация, многоотраслевая корпорация.

Интерес мировой общественности к крупному индийскому предпринимательству был инициирован после того, как в 2006 г. индийская компания Mittal в результате серии слияний и поглощений приобрела крупнейшее в Европе производство алюминия – корпорацию Arcelor, а в 2008 г. еще одна индийская компания Tata Motors спасла от банкротства легендарный британский автомобильный концерн Jaguar Land Rover, приобретя его контрольный пакет акций. Эти и другие крупнейшие индийские компании вошли в мировые экономические топ-рейтинги, а бизнес-аналитики и экономисты стали называть их «локомотивами индийского экономического чуда». Подавляющее большинство мгновенно ставших знаменитыми индийских компаний, поддерживающих стратегии глобального расширения, входят в состав крупнейших индийских бизнес-групп, которые традиционно доминируют и на внутреннем рынке страны.

Существует достаточное количество историко-экономических исследований деятельности отдельных, наиболее крупных индийских бизнес-групп, а также многочисленные сравнительные исследования отдельных аспектов их деятельности (чаще всего, финансовых и структуры контроля), это, прежде всего, работы Р. Хазари, Т. Кханы, К. Палепу, С. Дутты, Г. Пирамал, Дж. Саракар [3, 5, 7, 9–11]. Вместе с тем можно констатировать тот факт, что отечественные исследования крупных индийских бизнес-групп практически отсутствуют, хотя для России интерес к исследованию индийских бизнес-групп усиливается тем обстоятельством, что сегодня именно Индия является одним из главных стратегических партнеров РФ, в том числе, и в военно-технической области, а большинство современных оборонных предприятий Индии, как правило, входят в одну из ведущих индийских бизнес-групп.

Бизнес-группа – это особая, но типичная форма организации крупного широко диверсифицированного капитала, возникающая как способ адаптации к условиям несовершенных рыночных институтов на основе долгосрочного объединения юридически независимых компаний с разной степенью автономизации, находящихся под общим стратегическим управлением, которое осуществляется путем прямого или косвенного финансового контроля и неформальных связей.

Становление крупного индийского капитала было обусловлено особыми социально-экономическими условиями колониальной и постколониальной Индии и происходило от торгово-ростовщического капитала и долевого участия в британских управляющих агентствах до создания самостоятельных национальных управляющих агентств и индийских бизнес-групп «первой волны». Несовершенства рынка, многоукладность индийской экономики и традиционные общественные отношения обусловили отличительные особенности индийских

бизнес-групп: 1) высокую степень отраслевой диверсификации; 2) появление трансотраслевых компетенций как конкурентного преимущества, стимулировавшего дальнейшую отраслевую диверсификацию; 3) существование особо сильных неформальных внутренних связей (семейных, кастовых, религиозных, этнических), ставших основой механизма межфирменного кредитования, управления и контроля.

Экономическая политика Индии после обретения страной независимости повлияла на формирование бизнес-групп и во многом определила их экономические стратегии, а её успех (в первую очередь, ускоренная индустриализация) был бы невозможен без их активного участия. Во второй половине XX в. развитие индийских бизнес-групп определилось амбивалентной государственной политикой Индии в отношении крупного национального капитала. Опора на крупный национальный капитал в ходе индустриализации и импортозамещения, государственный протекционизм, сотрудничество с главами ведущих бизнес-групп в разработке первых пятилетних планов способствовали укрупнению бизнес-групп и открыли для них новые перспективы развития. Промышленное лицензирование, валютные, внешнеторговые и кредитные ограничения, неблагоприятная для крупного бизнеса политика в области обеспечения занятости, господдержка мелкого и среднего бизнеса, несоблюдение правовых норм при национализации, коррупция, напротив, ограничили деятельность крупных бизнес-групп, сделали их диверсификацию стихийной, а экономические стратегии – зависимыми от колебаний политического курса Индии. Однако, несмотря на издержки и несовершенства государственной экономической политики, устойчивость и мобильность крупных индийских бизнес-групп позволили им справиться с экономическими вызовами и сохранить своё лидирующее положение в большинстве отраслей индийской экономики до сегодняшнего дня.

Согласно данным аналитической базы данных Prowess, составленной Центром мониторинга индийской экономики, на 2013 г. в Индии было зарегистрировано 2 685 компаний, аффилированных с 584 бизнес-группами [6]. Ведущими считаются те бизнес-группы, которые на сегодняшний день являются наиболее крупными и вносят наиболее значительный вклад в экономику страны. Заметим, что выделение некоторого числа крупных индийских бизнес-групп в качестве ведущих уже само по себе является непростой задачей. Попытки исследователей, аналитиков консалтинговых агентств и экспертов-экономистов ранжировать крупные индийские бизнес-группы в XX–XXI вв. были единичными и ограничивались, как правило, оценкой их размеров, хотя сложная структура и «перекрёстное владение» затрудняет выявление межфирменных связей внутри бизнес-групп, что далеко не всегда позволяет определить

истинный масштаб их деятельности. Однако количественная оценка, основанная только на измерении совокупных активов, представляется недостаточной для определения роли и значения ведущих индийских бизнес-групп в экономике страны и в мировом обмене. Определение бизнес-групп как ведущих с необходимостью предполагает и качественный анализ их деятельности, оценку их вклада в формирование структуры экономики страны, в реализацию модели инклюзивного роста, их влияния на внешние и внутренние экономические стратегии.

По данным различных статистических публикаций в Индии насчитывается от 50 до 73 крупнейших бизнес-групп. Детальному анализу подвергалась лишь первая по размерам двадцатка, а наиболее подробно исследовались такие гиганты, как Tata и Birla. Авторитетный экспертный рейтинг The top 10 Indian business houses выделяет 10 ведущих бизнес-групп по стоимости их чистых активов [13]. В 2009 г. рейтинг возглавила группа Reliance, контрольный пакет акций которой принадлежал Мукешу Амбани, второе и третье место заняли Tata, возглавляемая в то время Ратаном Татой, и Anil Ambani Reliance Group, возглавляемая младшим из братьев Анилом Амбани. В десятку вошли также бизнес-группы Bharati (крупнейшая в Индии телекоммуникационная сеть Bharati Telecom); WIPRO (принадлежащая семье Премджи, основа бизнеса – IT-технологии); Sterlite Vedanta (семейный дом Агарвал – добыча и переработка различных природных ресурсов); строительная компания DLF Singh Group; группы компаний Om Prakash Jindal, Adani Group (экспортно-импортные операции и строительство портов). Замыкала рейтинг Aditya Birla, контролирующая основные производственные активы крупнейшей в Индии группы Birla после её распада в 1980-е – 1990-е гг.

Основной интерес исследователей современных индийских бизнес-групп сосредоточен на проблеме адаптации этой традиционной формы организации крупного диверсифицированного капитала к процессам либерализации индийской экономики, на процессах их трансформации. Несомненно, что в настоящее время *ведущие индийские бизнес-группы претерпевают изменения в направлениях и характере отраслевой диверсификации, в организационной структуре, в моделях управления.*

С начала проведения либеральных реформ ведущие бизнес-группы осуществляли крупномасштабные инвестиции в создание целых отраслей современной промышленности: автомобилестроение, нефтехимию, телекоммуникационные услуги, фармацевтику, высокие технологии и аутсорсинг, которые в совокупности приносят более 80% доходов от экспорта товаров и услуг Индии [4]. Подобно тому, как ещё до обретения Индией независимости ведущие бизнес-группы обеспечили первые национальные мощности в области чёрной металлургии

(Tata Steel), цветной металлургии (Hindalco, принадлежит Birla), текстильной промышленности (Bombay Dyeing, принадлежит Wadia Group), а после независимости – первое национальное производство синтетических волокон и пластмасс (завод Паталанга, 1977 г., принадлежит группе Reliance Industries), сегодня ведущие индийские бизнес-группы участвуют в ускоренном развитии производства средств производства, составляющих основу отраслевой структуры современной экономики Индии. И сегодня почти 70% производства в отрасли высоких технологий приходится на деятельность ведущих бизнес-групп [16].

Адаптация ведущих бизнес-групп к новым экономическим реалиям Индии, возникшим в 80-90-е годы прошлого века в процессе либерализации её экономики, происходила по-разному. Конкурентные преимущества получили, в первую очередь, те бизнес-группы, которые уже обладали активами в создающихся высокотехнологичных отраслях. Примером удачного стратегического планирования отраслевой диверсификации служит Tata Group, руководство которой сумело оценить перспективы высоких технологий и еще в 1968 г., задолго до либерализации, основало первую тогда в Индии компанию в области программирования и высоких технологий Tata Consultancy Services. Уже в начале двухтысячных годов Tata Consultancy Services вошла в десятку ведущих ИТ-компаний мира с совокупным доходом, превышающим 1 млрд долларов [19, с. 156] и сегодня занимает второе место в Индии в своей отрасли [8]. Значительные конкурентные преимущества от ИТ-бума, наступившего в Индии в конце 1980-90х гг. получила также компания Wipro, традиционно занятая в агропромышленной сфере и торговле, а середины 1970-х гг. начавшая ребрендинг вокруг новой базовой отрасли – производства компьютерных хардверов и программного обеспечения. С 1995 г. компания Wipro первой приступила к выполнению заказов для иностранных гигантов Intel и Microsoft и вошла в тройку ИТ-компаний Индии по объёмам чистой прибыли [8].

Ещё один сектор, открывшимся в результате экономической либерализации страны, стали гражданские авиаперевозки. В 1994 г. с введением Закона о разрешении частных инвестиций в области гражданской авиации возможность расширения и инвестиций в эту сферу использовала бизнес-групп United Breweries, возглавляемая семьей Малая и занимавшаяся в основном розничной торговлей, производством бытовых товаров и алкогольной продукции. В составе этой группы была создана компания Kingfisher Airlines, ставшая лидером гражданских авиаперевозок.

Новые возможности появились и для тех ведущих индийских бизнес-групп, которые сотрудничали с иностранным капиталом, вели бизнес в сферах экспортно-импортных операций, производства и дистрибуции алкогольной

продукции, табака, а также гостиничного бизнеса (Indian Tabaco Group - ITC), телекоммуникаций и связи (Bharati), розничной торговли (Godrej и Biyani). Преимущества от введенного еще при Р. Ганди стопроцентного освобождения от налога на прибыль для экспортёров и от постепенного ослабления валютных ограничений смогли получить те бизнес-группы, которые использовали возможности транснационализации. Примером является бизнес-группа Adani, созданная в 1989 г.

Надежным инструментом мобилизации капитала для ведущих бизнес-групп стал фондовый рынок. Так, рыночная капитализация группы Reliance только за 1992-1994 гг. увеличилась в 10 раз [14, 15]. Reliance стала первой индийской компанией, которая укрепив свои позиции на местном рынке ценных бумаг, в 1992 г. вышла и на мировой рынок депозитарных расписок.

Однако не все крупнейшие бизнес-группы смогли адаптировать свои стратегии развития к новым экономическим условиям. В ряде случаев и без того болезненный поиск новых стратегий для них осложнялся разделом активов между членами основанной группы семьи. Так, в 1990-х - начале 2000-х гг. от раздела серьёзно пострадала бизнес-группа Birla, долгое время оспаривавшая первенство с Tata Group и давшая стране первый завод по производству алюминия Hindalco, а также первый крупнейший завод по производству цемента Indian Rayon (в настоящее время - Grasim). Сильно ослабились позиции и тех бизнес-групп, которые сделали основную ставку на сохранение традиционных производств: Mafatlal Group, Lalbhai Group (производство тканей), Modi (текстильное производство). Они потеряли передовые позиции в рейтинге ведущих корпораций, а входящие в них компании перестали быть лидерами своих отраслей.

Изменилась степень «открытости» ведущих бизнес-групп Индии. Большинство из них сегодня акционируют свои предприятия, но при этом сохраняют не акционированную управляющую компанию (как правило, головной траст). Одним из немногих исключений стала крупная бизнес-группа Essar, принадлежащая братьям Руйя, которая в начале 2000-х гг. разместила на Бомбейской фондовой бирже акции своего управляющего инвестиционного фонда. Существуют и ведущие бизнес-группы, которые не выпускают акции своих компаний в открытое обращение (яркий пример тому - крупнейшая широко диверсифицированная бизнес-группа Goenka, принадлежащая одноименной семье и имеющая предприятия в сферах от нефтепереработки до телекоммуникационных услуг и СМИ). В условиях индийского фондового бума, который наступил с начала 2000-х гг., закрытые бизнес-группы уменьшают свои возможности в привлечении инвесторов, зато гарантируют себе большую свободу внутренних маневров, в том числе, и в области «полулегальных» практик

«туннелирования» и «спасения слабых» предприятий (propping).

Несмотря на сохраняющуюся широкую диверсификацию ведущих бизнес-групп, всё более заметной становится тенденция на постепенную концентрацию их производства в нескольких ключевых секторах. Так, за исключением, пожалуй, двух старейших бизнес-групп Tata и Birla, доля «флагманских» отраслей в совокупных активах ведущих бизнес-групп неуклонно растет. Например, для бизнес-группы Reliance с 1991 по 2010 гг. доля нефтепереработки выросла с 50% до 85,3% [19, с.308]. Для некоторых ведущих бизнес-групп, входящих в десятку рейтинга «Экономик таймс», доля корневого сектора превышает 90% (для Om Prakash Jindal, например, - это производство горячекатаных рулонов, а для Vedanta Resources - добыча и переработка цветных металлов). Это означает, что *некоторые из ведущих бизнес-групп постепенно переходят от диверсификации к концентрации производства.*

Одновременно наблюдается *постепенная «горизонтализация» структуры ведущих бизнес-групп*, в то время как для большинства из них традиционной является более сложная иерархическая, или пирамидальная структура. Горизонтальная структура удобнее с точки зрения управления и с точки зрения уменьшения нагрузки на топ-менеджеров, «прозрачнее» для контроля над предприятиями группы.

Модернизация происходит и в управленческой сфере. Если в 1937 г. в руководстве индийских бизнес-групп присутствовало всего 25% профессиональных менеджеров-индийцев, получивших первоклассное образование в европейских вузах [18, с. 9], то сегодня 99% топ-менеджеров индийских компаний являются профессионалами, имеющими, как правило, техническое или естественнонаучное образование и дополнительно диплом ведущего индийского или иностранного вуза по экономике или бизнесу. При этом, как правило, проводится разделение между профессиональными исполнительными директорами, топ-менеджерами, принимающими стратегические решения, и почетными директорами, которые имеют лишь представительские функции.

Однако следует констатировать: несмотря на происходящие изменения большинство ведущих бизнес-групп сохраняют основные традиционные свойства. Во-первых, *они продолжают оставаться в собственности основанных их семей*, которые, как правило, по-прежнему владеют лишь ограниченными долями основного капитала в аффилированных фирмах. Так, в бизнес-группе «Тата» при очень широкой диверсификации доля головного траста в аффилированных компаниях не превышает 30% [19]. Весьма высока доля семьи в бизнес-группах Reliance Industries (47%) и Anil Ambani Reliance Group (66,19%) [19].

Крайне широкой остается и диверсификация ведущих индийских бизнес-групп. В XXI в.

они всё ещё представляют собой объединения компаний в различных, часто несвязанных, производственных и непроизводственных отраслях. Для экономики Индии не единичны случаи, когда бизнес-группа одновременно управляет, например, компаниями в сфере производства ликеро-водочной продукции и авиаперевозок (Kingfisher), производства цемента и телекоммуникаций (Birla), автомобилестроения и розничной торговли продуктами питания (Bajaj) и т.д. При этом некоторые входящие в бизнес-группу компании могут сами по себе быть достаточно крупными корпорациями с большим количеством дочерних производств, в том числе, и трансграничных.

Сохраняются и традиционные практики управления ведущими индийскими бизнес-группами. Речь о системе «гадди», принятой в торговом-ростовческих кастах Индии [19, с. 210], которая предполагает единого руководителя и практически единоличное принятие решений на всех уровнях управления. И сегодня контроль подавляющего большинства операций группы со стороны собственника продолжает оставаться практически тотальным, хотя и не всегда прямым. Существующая практика «перекрёстного представительства» в советах директоров позволяет контролировать даже те предприятия, где собственник является миноритарием с точки зрения доли капитала. До 65% директоров ведущих индийских бизнес-групп являются т.н. «занятыми» («busy directors»), что означает, что они одновременно входят в состав нескольких советов директоров [19, с. 311].

Кроме того, ведущие индийские бизнес-группы даже в своих зарубежных подразделениях до сих пор редко приглашают к управлению иностранных топ-менеджеров. Среди наиболее крупных бизнес-групп есть только несколько примеров, где к управлению привлечены иностранные руководители высшего звена, среди которых Vedanta Group [21]. В 85% случаев директорами в компаниях бизнес-группы продолжают оставаться т.н. «инсайдеры», принадлежащие к семье-собственника или тесно связанные с ней [19, с.311].

Несмотря на запрет кастовых практик и общинности на государственном уровне, *тесные кастовые общинные отношения продолжают составлять основу системообразующих неформальных связей внутри ведущих бизнес-групп*. Их советы директоров и состав топ-менеджеров, как правило, включают представителей «титальной» общины. Подавляющее большинство ведущих бизнес-групп Индии управляются представителями традиционных торгово-ростовщических каст. К ним принадлежат, в первую очередь, марвари (бизнес-дома Birla, Hinduja, Ruia, Goenka, Bajaj, Mittal, Biyani). Следующей по важности с точки зрения создания крупнейших бизнес-групп этнической группой являются парсы (Tata Group, Wadia Group, владеющая крупнейшим в Индии производством текстиля).

Несколько ослабевает в настоящее время роль в деятельности ведущих бизнес-групп религиозно-этнической группы джайнов (ещё одного традиционного «бизнес-сообщества»), поскольку старейшие бизнес-дома представителей этой общины, например, Dalmia-Sahu-Jain, Lalbhai и некоторые другие, с 1990-х гг. перестали играть заметную роль в экономической жизни Индии, и большинство из них претерпело множественные разделы.

Одновременно с этим увеличилась роль тех религиозно-этнических общин и каст, которые прежде не играли заметной роли в формировании бизнес-групп в силу своего очень высокого или, наоборот, слишком низкого социального статуса. Например, самой высокой в Индии варны брахманов (бизнес-группа Kirloskar ведущая в производстве компонентов для автомобильной промышленности и электроники, и Vedanta Resources, ведущая в разработке природных ресурсов), сикхов (группа Oberoi, владеющая люксовой гостиничной сетью), кшатрий (Mahindra&Mahindra, гиганты в области автомобилестроения и сферы услуг). Пореформенная Индия открыла широкие предпринимательские возможности и для мусульман. Так, мусульманин А. Премджи руководит второй по величине в Индии бизнес-группой в области высоких технологий и аутсорсинга Wipro. Ещё один мусульманин из Гуджарата А. Хамид основал группу компаний в области фармацевтики и здравоохранения Cipla, которая сегодня входит в сотню ведущих фармацевтических гигантов мира [2].

Если обратиться к проблеме жизнеспособности (устойчивости) крупных индийских бизнес-групп как особой формы организации крупного капитала в условиях либерализации рынка, то среди индийских экономистов, занимающихся исследованием бизнес-групп, нет единства мнений по этому вопросу. Действительно, как было показано выше, многие ведущие бизнес-группы с начала либерализации индийской экономики стремятся совершенствовать свою организационную структуру, унифицировать её по западным образцам, создать современную модель управления, основанную на профессиональном менеджменте и открытости, при этом связи бизнес-групп с основавшими их семьями ослабевают по мере их модернизации и вестернизации. Однако означает ли это, что бизнес-группы как основная форма организации крупного капитала в Индии, должна исчезнуть, уступив место более его институционализированным формам? Иными словами, каковы перспективы развития ведущих индийских бизнес-групп?

Большая часть историко-экономических работ, в том числе, такие известные, опираются на теорию А.Д. Чандлера о необходимой победе хорошо организованного «менеджерского предприятия» со стройной структурой управления над неформальными традиционными формами, такими как бизнес-группа [1]. Некоторые ис-

следователи полагают, что в процессе эволюции бизнес-групп они как форма адаптации традиционного индийского семейного бизнеса к реалиям колониальной экономики постепенно перерождаются в чандлеровскую «многоотраслевую фирму» на протяжении всей второй половины двадцатого века [19, с. 194-195]. Другие историки экономики, такие как Г. Пирамал и С. Трипати, указывают на жизнеспособность бизнес-групп, о чём свидетельствует их успешное функционирование в либерализующейся экономике Индии [9,10,20]. Известный исследователь роли кастового строя в индийском бизнесе Х. Дамодаран утверждает, что бизнес-структуры в современной Индии зачастую продолжают основываться именно как бизнес-группы, а не как многоотраслевые корпорации [3].

Исследуя жизнеспособность ведущих индийских бизнес-групп в сравнении с бизнес-группами других развивающихся стран, переходящих в эшелон «экономических лидеров» (Республика Корея в 1980-е гг., Израиль, Чили), группа ученых Гарварда во главе с профессором Т. Кханной задаются вопросом: какие ресурсы адаптации существуют у бизнес-групп на современном этапе? И приходят к выводу, что далеко не всегда бизнес-группы исчезают по мере развития современной рыночной системы. Для некоторых стран (например, Республика Корея) трансформация бизнес-групп («чеболей») в другие формы крупного капитала занимает длительное время, а для других (Индия, Израиль, Чили)

ведущие бизнес-группы продолжают оставаться «локомотивами» экономического роста и по сей день [9- 11].

Подведем итоги. Ведущие индийские бизнес-группы в условиях либерализации экономики страны претерпели значительные изменения в степени и направлениях отраслевой диверсификации, в организационной структуре, в моделях управления. Однако большинство из них сохраняет основные традиционные свойства (принадлежность семье; широкую диверсификацию; неформальные семейные, общинные или этно-конфессиональные внутренние связи; сочетание прямых и не прямых механизмов контроля за аффилированными предприятиями) и обладают жизнеспособностью – качеством, сочетающим устойчивость к изменениям и мобильность, позволяющим им в течение десятилетий быть экономически успешными. Несмотря на существующее среди специалистов мнение, что крупные бизнес-группы со временем должны эволюционировать в другие, более институализированные формы крупного капитала, анализ жизнеспособности и рентабельности ведущих индийских бизнес-групп позволяет определить как вероятную и другую возможность их развития – не трансформацию в многоотраслевые корпорации западного типа, а сохранение их как особой «восточной» формы организации крупного капитала на фоне адаптации к новым экономическим условиям.

Список литературы

1. Chandler A. D., Hikino, T. Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge: Belknap Press, 1990. 94 p.
2. Cipla New Ventures [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cipla.com/en/investor-information/annual-report-and-chairman-s-speech.html?view=list&id=2> (дата обращения 15.03. 2016).
3. Damodaran H. India's New Capitalists: Caste, Business and Industry in a Modern Nation. N.- Y.: Palgrave Macmillan, 2008. 341 p.
4. Directorate General of Foreign Trade [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dgft.gov.in> (дата обращения 01.03.2016).
5. Dutta S. Family Business in India. New Delhi: Response books, 1997. 272 p.
6. Forbes India Magazine [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forbesindia.com/lists/india-rich-list-2015/1513/1> (дата обращения 29.03 2016).
7. Hazari R.K. The Corporate Private Sector: Concentration Ownership and Control. Bombay: Asia Publishing House, 1966. 242 p.
8. Investor FAQs. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tcs.com/investors/Pages/default.aspx> (дата обращения 12.03.2016).
9. Khanna T., Palepu K. Is Group affiliation Profitable in Emerging Markets? An Analyses of Diversified Indian Business Groups // Journal of Finance. 1999. № 55(2). Pp. 867-891.
10. Khanna T., Palepu K. Why Focused Strategies May Be Wrong For Emerging Markets // Harvard Business Review. 1997. № 75 (4). Pp. 41-51.
11. Khanna T., Yafeh Y. Business Groups in Emerging Markets Paragons or Parasites // Journal of Economic Literature. 2007. №. 35. Pp. 331-379.
12. Leff N.H. Industrial Organization and Entrepreneurship in the Developing Countries. The Economic Groups // Economic Development and Cultural Change. 1978. № 26(4). Pp. 661-75.
13. Market Stats Live [Электронный ресурс]. The Economic Times. Режим доступа: <http://economictimes.indiatimes.com/indias-top-10-business-houses/slideshow/5025498.cms> (дата обращения 07.03. 2016).

14. Piramal G. Business Legends. New Delh: Penguin Books, 1998. 654 p.
15. Piramal G. Business Maharajas. New Delhi: Penguin Books, 1997. 631 p.
16. Prowess [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://prowess.cmie.com/> (дата обращения 02.04.2016).
17. Sarkar J., Sarkar S. Large Shareholder Activism in Corporate Governance in Developing Countries: Evidence from India // International Review of Finance. 2000. Vol. 1. No. 3. Pp. 161-194.
18. Smith-Doerr L., Powell W. Networks and Economic Life // The Handbook of Economic Sociology. Princeton: Russell Sage Foundation and Princeton University Press, 2003. 487 p.
19. The Oxford History of Contemporary Indian Business. Oxford: Oxford University Press, 2013. 320 p.
20. Tripathi D. Business Houses in Western India: A Study in Enterpreneural Response, 1850-1956. New Delhi: South Asia Books, 1990. 361 p.
21. Vedanta Resources – Latest News & Press Releases [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vedantaresources.com/investor-relations.aspx> (дата обращения 01.04.2016).

Об авторе

Воробьева Мария Александровна – аспирант кафедры мировой экономики МГИМО МИД России.
E-mail: mashunafanasyeva@gmail.ru.

LEADING INDIAN BUSINESS-GROUPS

M.A. Vorobyeva

Moscow State Institute of International Relations 76, Vernadsky av., 119454 Moscow, Russia.

Abstract: *The goal of this paper is to investigate the evolution of the leading Indian business-groups under the conditions of economical liberalization. It is shown that the role of modern business-groups in the Indian economy is determined by their high rate in the gross domestic product (GDP), huge overall actives, substantial pert in the e[port of goods and services, as well as by their activities in modern branch structure formatting, and developing labor-intensive and high-tech branches. They strongly influence upon economical national strategies, they became a locomotive of internationalization and of transnationalization of India, the basis of the external economy factor system, the promoters of Indian "economical miracle" on the world scene, and the dynamical segment of economical and social development of modern India. The tendencies of the development of the leading Indian business groups are: gradual concentration of production in few clue sectors, "horizontal" structure, incorporation of the enterprises into joint-stock structure, attraction of hired top-managers and transnationalization. But against this background the leading Indian business-groups keep main traditional peculiarities: they mostly still belong to the families of their founders, even today they observe caste or communal relations which are the basis of their non-formal backbone tides, they still remain highly diversificated structures with weak interrelations. Specific national ambivalence and combination of traditions and innovations of the leading Indian business-groups provide their high vitality and stability in the controversial, multi-form, overloaded with caste and confessional remains Indian reality. We conclude that in contrast to the dominant opinion transformation of these groups into multisectoral corporations of the western type is far from completion, and in the nearest perspective they will still possess all their peculiarities and incident social and economical "colouring".*

Key words: business-groups, forms of big corporations, diversification, concentration, liberalization, transnationalization, Indian economy, multi-branch corporation.

References

1. Chandler A. D., Hikino T. Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge, MA: Belknap Press, 1990. 94 p.
2. Cipla New Ventures. Available at: <http://www.cipla.com/en/investor-information/annual-report-and-chairman-s-speech.html?view=list&id=2> (Accessed 15.03. 2016).
3. Damodaran H. India's New Capitalists: Caste, Business and Industry in a Modern Nation. New York, Palgrave Macmillan, 2008. 341 p.
4. Directorate General of Foreign Trade. Available at: <http://dgft.gov.in>, (Accessed 01.03.2016).
5. Dutta S. Family Business in India. New Delhi, Response books, 1997. 272 p.

■ **Мировая экономика**

6. Forbes India Magazine. Available at: <http://forbesindia.com/lists/india-rich-list-2015/1513/1> (Accessed 29.03.2016).
7. Hazari R.K. The Corporate Private Sector: Concentration Ownership and Control. Bombay, Asia Publishing House, 1966. 242 p.
8. Investor FAQs. Available at: <http://www.tcs.com/investors/Pages/default.aspx> (Accessed 12.03.2016).
9. Khanna T. Palepu K. Why Focused Strategies May Be Wrong For Emerging Markets. Harvard Business Review, 1997, vol. 75, no. 4, pp. 41-51.
10. Khanna T., Palepu K. Is Group affiliation Profitable in Emerging Markets? An Analyses of Diversified Indian Business Groups. Journal of Finance, 1999, vol. 55, no. 2, pp. 867-891.
11. Khanna T., Yafeh Y. Business Groups in Emerging Markets. Paragons or Parasites. Journal of Economic Literature, 2007, no. 35, pp. 331-379.
12. Leff N.H. Industrial Organization and Entrepreneurship in the Developing Countries. The Economic Groups. Economic Development and Cultural Change, 1978, vol. 26, no. 4, pp. 661-75.
13. Market Stats Live-Markets. The Economic Times. Available at: <http://economictimes.indiatimes.com/indias-top-10-business-houses/slideshow/5025498.cms> (Accessed 07.03.2016).
14. Piramal G. Business Legends. New Delhi, Penguin Books India, New Delhi, 1998. 654 p.
15. Piramal. G. Business Maharajas. New Delhi, Penguin Books, 1997. 631 p.
16. Prowess. Available at: <https://prowess.cmie.com/> (Accessed 02.04.2016).
17. Sarkar J., Sarkar S. Large Shareholder Activism in Corporate Governance in Developing Countries: Evidence from India. International Review of Finance, 2000, vol. 1, no. 3, pp. 161-194.
18. Smith-Doerr L., Powell W. Networks and Economic Life. The Handbook of Economic Sociology. Princeton, Russell Sage Foundation and Princeton University Press, 2003. 487 p.
19. The Oxford History of Contemporary Indian Business. Oxford, Oxford University Press, 2013. 320 p.
20. Tripathi D. Business Houses in Western India: A Study in Enterpreneural Response, 1850-1956. New Delhi, South Asia Books, 1990. 361 p.
21. Vedanta Resources–Latest News & Press Releases. Available at: <http://www.vedantaresources.com/investor-relations.aspx>, (Accessed 01.04.2016).

About the author

Vorobyeva Maria Alexandrovna – postgraduate student at the World economy Department of the Moscow State University of International Relations. E-mail: mashunafanasyeva@gmail.ru.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Н.С. Загребельная, В.Н. Шитов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируются специфические черты формирования аграрного и промышленного секторов Республики Южная Африка с момента образования Капской колонии. Эти черты обусловлены с одной стороны гораздо более ранней колонизацией Юга Африки в сравнении с другими странами Африки южнее Сахары, а с другой – масштабным притоком на Юг Африки европейцев. Две наиболее значимые из этих специфических черт следующие. Первое: в отличие от других стран Африки южнее Сахары аграрный сектор изначально развивался на базе частной собственности и западных технологий. Второе: в нём отсутствует деление на «африканский» и «европейский» субсектора, а продукция южноафриканского сельского хозяйства всегда была ориентирована как на внешний, так и на внутренний рынок.

Развитие промышленного сектора Республики Южная Африка началось с добывающих отраслей; а именно алмазо- и золотодобычи. Авторы особенно отмечают роль золотодобычи, которая благодаря своему мультипликационному эффекту положила начало промышленной революции на Юге Африки. Становление обрабатывающей промышленности шло главным образом на базе импортозамещения. В статье выделяются несколько этапов импортозамещения и анализируются его результаты. Авторы указывают на особую значимость импортозамещения во время Первой и Второй мировых войн.

Ключевые слова: национальный хозяйственный комплекс, аграрный сектор, промышленный сектор, импортозамещение, Южно-Африканская Республика.

В современных условиях Южно-Африканская Республика – это самое развитое государство не только в Африке южнее Сахары, но и во всей Африке. На ЮАР приходится менее 6% населения Африки южнее Сахары, но её доля в совокупном валовом внутреннем продукте (ВВП) региона составляет свыше 22%, в производстве промышленной продукции – 24%, в производстве обрабатывающих отраслей – около 27%. Выгодно отличается Южно-Африканская Республика от других африканских стран и по уровню развития сельского хозяйства. Один занятый в аграрном секторе ЮАР создаёт добавленную стоимость в 6665 долл., в то время как аналогичный показатель по Африке южнее Сахары – 705 долл. [1]. Успехи в хозяйственном развитии ЮАР, несомненно, связаны с особенностями её экономической истории.

Формирование хозяйственного комплекса современной ЮАР началось со становления в XVII в. аграрного сектора Капской колонии [7]. Предназначенное первоначально для удовлетворения потребностей экипажей голландских, а позже британских судов, переживавших шторма на пути в Аравию, Индию и Юго-Восточную Азию, сельское хозяйство Капской колонии получило сравнительно быстрое развитие. На момент создания Капской колонии, как и в регионе в целом, основу функционирования первичного сектора составляла община. Однако последующее развитие общинных отношений отличалось ярко выраженной спецификой, что было обусловлено гораздо более поздней (в последнее тридцатилетие XIX в.) колонизацией южноафриканской территории [9].

В большинстве африканских колоний общинные отношения, являвшиеся общественной формой функционирования наиболее примитивной хозяйственной деятельности (собираательство, а также охота и рыболовство с использованием простейших промысловых средств) постепенно эволюционировали и распространились на переложное земледелие и отгонно-пастбищное скотоводство [4]. В дальнейшем воспроизводство общинных отношений продолжилось, правда, простое, а не расширенное. Даже в современных условиях в большинстве стран Африки южнее Сахары община – это основа функционирования так называемого «африканского» сектора сельского хозяйства, значительного по своим масштабам и производящего традиционные продукты питания (например, клубнеплоды) для коренного населения. После колонизации в сельском хозяйстве был образован ещё и «европейский» сектор, основу которого составили плантационные хозяйства белых поселенцев, где выращивались исключительно экспортные культуры, пользовавшиеся спросом в метрополиях: из технических культур – каучконосы и хлопок, из продовольственных – какао

и кофе. «Европейский» сектор развивался, по сути, в ущерб «африканскому», поскольку колониальные администрации отводили ему лучшие земли. Два сектора крайне слабо связаны друг с другом.

Развитие сельского хозяйства ЮАР происходило иначе. Аграрный сектор Капской колонии формировался на основе фермерских хозяйств буров¹. Служащие голландской Ост-Индской компании, направленные в Капскую область для организации там, в дополнение к меновым операциям с коренным населением, сельскохозяйственного производства, получали в собственность от колониальной администрации земельные участки. В результате была создана система имущественных отношений на главный экономический ресурс того времени, крайне важная для развития сельского хозяйства юга Африки [2].

Другой особенностью развития аграрного сектора стало использование в фермерских хозяйствах буров труда рабов, завезённых главным образом из Азии. Дело в том, что отношения рабовладения никогда не были распространены в Африке южнее Сахары. Регион «не дорос» до рабовладельческого общества, оставаясь на патриархальной стадии развития. Конечно, африканские племена захватывали во взаимных военных столкновениях пленников, которые становились невольниками. Однако невольник и раб – совсем не одно и то же: невольники занимали в социальной иерархии такое же положение, что и младшие представители захватившего их африканского племени, и выполняли те же виды работ. Статус невольника (в отличие от статуса раба) не воспроизводился применительно к их потомкам.

Правда, рабовладительство не составляло основу общественного производства на юге Африки, поскольку не было всеобщим [10]. Согласно общепризнанным энциклопедическим источникам, в середине XIX в. в Капской колонии только половина буров имела рабов, при этом в среднем на одного белого жителя приходилось примерно десять рабов [8]. В сравнении со скотоводством, в растениеводстве рабский труд был более распространён.

Постепенно буры перешли к использованию в сельском хозяйстве труда коренного населения. Изгнанные со своих исторических земель, формально свободные чёрные африканцы фактически были лишены средств к существованию. У той их части, которая не участвовала в набегах на фермы буров, оставался только один путь – стать наёмными работниками у белых. При этом коренным африканцам приходилось довольствоваться мизерным вознаграждением за свою тяжёлую работу. На деле их положение мало чем отличалось от положения рабов.

¹ Буры (от голландского *boer* – фермер) – название первых белых поселенцев на территории современной ЮАР.

По своему характеру сельское хозяйство Капской колонии изначально было европейским, в корне отличавшимся от «европейского сектора» сельского хозяйства других колоний. «Европейский» сектор – это производство, ориентированное на экспорт в метрополию. Сельское хозяйство буров было ориентировано как на экспорт, через администрацию Капской колонии (и этим, главным образом, первоначально определялся его товарный характер), так и на внутреннее потребление, а именно на потребление самих буров [3].

Первой культурой, которую стали возделывать буры, стала пшеница. Она была нужна и самим бурам для выпечки хлеба, и экипажам заходивших в Капскую колонию вначале голландских, а затем британских судов для приготовления сухарей. Культивирование пшеницы шло с применением европейских технологий вспашки, сортировки семян, селекции всходов и т.д. Позже буры занялись выращиванием кукурузы, сорго, в дальнейшем ржи, ячменя и, наконец, сахарного тростника, также для внутреннего и внешнего рынков. В конце XVII в. с прибытием французских гугенотов начало развиваться винное виноградарство: не случайно долина недалеко от Кейптауна в современной ЮАР, где производят вина, называется на африкаанс Franschhoek, что в переводе означает «французский уголок» [11]. С французскими и немецкими переселенцами связано появление экзотических для Африки южнее Сахары фруктов субтропического и умеренного поясов (яблок, груш, персиков, абрикосов, слив, цитрусовых) и овощей. Уместно отметить, что южнее Сахары только в Капской колонии субтропический климат. С британскими переселенцами связано появление немногочисленных чайных плантаций. Лишь в последнее время эти продукты, прежде всего, красные и белые сухие виноградные вина, а также чай заняли прочное место в экспорте.

Развитие отгонно-пастбищного скотоводства и мясного животноводства современной ЮАР повторяло тенденции южноафриканского растениеводства в части опоры на европейские технологии. Но были и особенности. Первоначально буры занялись разведением коз для производства вяленого мяса, столь востребованного в то время голландскими, а затем и британскими мореплавателями. Сейчас эти козы называются в ЮАР бурскими, хотя их разведением задолго до колонизации занималось коренное население. Считается, что этот вид животного, относительно неприхотливый и жизнестойкий, был первым, кого одомашнил человек для продовольственных нужд на юге Африки.

Во второй половине XIX в. британцы завезли на Юг Африки крупный рогатый скот индийского происхождения, но уже скрещенный с мясными европейскими породами. Так на южноафриканской территории получили распространение зебу, говяжье мясо которых

отличается низким содержанием жира и которые составляют сегодня основу мясного животноводства ЮАР.

Британцы завезли ангорских коз, что привело к масштабному производству шерсти, не уступающей по качеству шотландской. Эта шерсть изначально производилась преимущественно на экспорт и продолжает пользоваться спросом на мировом рынке. Развитие овцеводства, в том числе каракулевого, связано преимущественно с британцами, а свиноводство – с немецкими переселенцами.

С европейскими переселенцами связано и становление рыболовства современной ЮАР. Конечно, коренные африканцы традиционно занимались примитивным ловом пресноводной рыбы в реках Лимпопо, Эландс и других. Можно предположить, что на своих пирогах чёрное население Юга Африки практиковало и крайне рискованную гарпунную морскую «охоту» у западного побережья Южной Африки, омываемого Бенгельским течением (главного района промысла даров моря в современной ЮАР). Но только в Южно-Африканском Союзе, а затем в Южно-Африканской Республике рыболовство (прежде всего, морское, но затем в известной степени и пресноводное) стало значимой отраслью хозяйства, поставляющей продукцию как на внутренний, так и на внешний рынки (последнее, правда, главным образом относится к морской рыбе и морепродуктам).

Подводя итог рассмотрению общего и особенного в развитии сельского хозяйства ЮАР и региона в целом, нельзя не прийти к главному выводу: развитие южноафриканского аграрного сектора (в отличие от аграрного сектора других стран Африки южнее Сахары) шло преимущественно по «европейскому» пути и базировалось на привнесённых белыми переселенцами технологиях. В результате по уровню эффективности сельское хозяйство ЮАР заметно превосходит сельское хозяйство других стран региона.

Ключевым моментом в формировании хозяйственного комплекса ЮАР стало развитие алмазо- и, особенно, золотодобычи, положившее начало горнодобывающей промышленности. Добыча алмазов началась в 1867 г. после открытия месторождений в долине реки Вааль и существенно активизировалась после того, как в 1870 г. было обнаружено крупнейшее в мире месторождение в районе современного города Кимберли [6]. Однако велась она первое время индивидуальными старателями, а торговля алмазами носила крайне хаотичный характер. В целом добыча алмазов привела к обогащению части белого населения и тем самым способствовала первоначальному накоплению капитала для последующего промышленного развития. Тем не менее, её роль в обеспечении экономической трансформации территории нынешней ЮАР нельзя преувеличивать. Очень скоро британский предприниматель Сесиль Родс (современники называли его величайшим авантюристом и в

честь него названа Родезия) выкупил права на алмазодобычу у старателей и в 1888 г. основал компанию Де Бирс (De Beers), ставшую монополистом в этой сфере. Уже в 1890 г. Сесиль Родс стал премьер-министром Капской колонии, так что добыча алмазов способствовала (помимо и прежде всего его личного баснословного обогащения) определённому укреплению экономического положения этой территории.

Другое дело – золотодобыча [5]. Месторождения золота были обнаружены в 1886 г. в районе Витватерсранд и, по сути, положили начало промышленной революции на южноафриканской территории. Открытие месторождений породило невиданную до того по своим масштабам иммиграцию в Южную Африку из Старого света. Если в 1870 г. белое население Южной Африки составляло менее 250 тыс. человек, то к 1891 г. оно выросло до более чем 600 тыс., а в 1904 г. превысило 1 млн человек [11]. По своему составу эта иммиграция была пёстрой, но значительную часть иммигрантов составляли специалисты горного дела.

Добыча золота начала быстро увеличиваться. Уже к 1898 г. на Южную Африку приходилось 1/5 всего общемирового производства [5]. Экспорт золота существенно превысил по стоимости экспорт алмазов. Доходы от него позволяли быстро наращивать денежные сбережения. Началось капиталообразование.

Для успешного функционирования золотодобывающей промышленности требовалась соответствующая инфраструктура, и в Южной Африке приступили к масштабному строительству коммуникаций и портов. Возникла насущная необходимость в транспортном сообщении района добычи с морскими портами экспортной отгрузки, и началось масштабное строительство железных дорог. Создание железных дорог потребовало развития другой отрасли горнодобывающей промышленности – угледобычи. Первыми были освоены месторождения в Капской колонии, затем – в провинциях Наталь и Трансвааль². Вследствие увеличения численности населения усилился товарный характер сельскохозяйственного производства. Начали быстро развиваться пищевая промышленность и производства по выпуску всё более разнообразных потребительских товаров. Экономика Южной Африки стремительно менялась, уверенно продвигаясь от аграрной к агро-индустриальной.

Новый этап промышленного роста Южной Африки начался с образования в 1910 г. Южно-Африканского Союза – доминиона Великобритании, обладавшего большой самостоятельностью в экономической сфере. Правда, ключевые позиции в хозяйстве Южно-Африканского Союза занимали британские предпри-

ниматели, ориентировавшиеся на Великобританию, заинтересованную в получении из своего доминиона минерального сырья, а не готовой продукции. Как следствие, промышленный рост шёл по пути расширения горнодобывающих производств, особенно добычи золота, металлов платиновой группы, а также алмазов.

В 1914 г. началась первая мировая война. Для Южно-Африканского Союза, не имевшего современной по тем меркам обрабатывающей промышленности, она означала существенное сокращение притока из Великобритании товаров с высокой добавленной стоимостью. Началось первое в истории Южной Африки (по сути, вынужденное) импортозамещение. Больших успехов оно не имело, но всё-таки продвинуло вперёд южноафриканскую обрабатывающую промышленность, по крайней мере в части пищевой промышленности и простейших производств для горных работ.

После окончания войны и вплоть до окончания мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. трансформация хозяйства Южно-Африканского Союза происходила медленно. При этом восстановление мировой экономики стимулировало приток в Южную Африку прямых иностранных инвестиций, прежде всего в горнодобывающую промышленность. Помимо добычи золота, платины, каменного угля началась добыча ванадия, железной руды, никеля, хрома, марганца. Иностранный капитал пошёл и на участие в создании отдельных обрабатывающих производств, в частности мощностей по выпуску стройматериалов. Преимущественно за счёт бюджетных средств Южно-Африканского Союза были построены предприятия чёрной металлургии, высокую рентабельность которых обеспечили близость источников сырья и дешевизна рабочей силы. Создание металлургических производств потребовало развития энергетики. Строительство тепловых электростанций на дешёвом местном каменном угле также финансировалось из бюджета Южно-Африканского Союза. С участием иностранного капитала была несколько диверсифицирована химическая промышленность, чьё становление началось ранее, с производства взрывчатых веществ для горнодобывающей отрасли.

Вторая мировая война обусловила начало второго этапа импортозамещения в Южно-Африканском Союзе. Существенное развитие получили металлообработка, химическая промышленность, производство оружия и боеприпасов, текстильное производство и пищевая промышленность, производство оборудования для горнодобывающей промышленности. К концу войны экономика Южно-Африканского Союза уже характеризовалась высокой степенью самодостаточности. Средства для реализации

² Провинции Наталь и Трансвааль существовали до административной реформы 1994 г. По современному делению бывшая провинция Наталь входит в Квазулу-Наталь, а территория Трансвааля поделена между провинциями Северо-Запад, Гаутенг, Мпумаланга и Лимпопо.

политики импортозамещения давала оплата Великобритании поставок золота, железной руды, а в конце войны и урана.

В 1961 г. была образована Южно-Африканская Республика. 1960–1970-е гг. – это «золотой» период в развитии обрабатывающей промышленности ЮАР. Именно с 1960-х гг. начиналось размещение в ЮАР автосборочных предприятий основными европейскими и американскими компаниями – продуцентами автомобилей. За короткое время Южно-Африканская Республика утвердилась в качестве самого крупного производителя грузовых и легковых автомобилей на всём континенте.

Другой отраслью транспортного машиностроения, получившей в тот период быстрое развитие, было судостроение. Упор делался на создание судов для рыболовецкого флота страны и вспомогательных судов, предназначенных для работы в портах. Ещё одна отрасль, быстрое становление которой произошло в 1960–1970-е гг., – станкостроение. Производственные предприятия, созданные в вышеперечисленных отраслях, принадлежали, главным образом, иностранному капиталу. Продолжавшееся в тот период быстрое развитие металлургии, авиационного, железнодорожного и автодорожного транспорта, портового хозяйства и электроэнергетики практически не выходило за рамки государственного сектора. Именно в тот период в ЮАР было начато строительство (1976 г.) первой (и пока единственной) на африканском континенте атомной электростанции (АЭС Коеберг), для которой были закуплены реакторы из Франции³. Первый энергоблок АЭС был запущен в 1984 г., а второй – годом позже.

1980-е гг. – это период, когда противодействие южноафриканской политике апартеида стало приносить ЮАР ощутимые негативные экономические последствия. Начался отток иностранного капитала, прежде всего из обрабатывающей промышленности. К этому добавилось продолжавшееся со второй половины 1970-х гг. снижение мировых цен на золото, главный экспортный товар ЮАР. Страна столкнулась с серьёзными экономическими трудностями, однако экономического коллапса не произошло. Более того, имело место импортозамещение, пусть и скромное. Например, именно в 1980-е гг. стали развиваться производства по выпуску компонентов, узлов и деталей для автомобилестроения, что в итоге привело к повышению

доли национальной составляющей в автомобилестроении. Это произошло благодаря экономически выверенной промышленной политике государства, хотя и негуманной по отношению к чёрному и цветному населению.

После ликвидации режима апартеида и последовавшей отмены экономических санкций внешние условия развития экономики кардинально изменились к лучшему. Возобновился приток иностранного капитала. Если, например, в 1990 г. участие прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в валовом капиталообразовании не было статистически выявлено, то уже в 1999 г. этот показатель составил 6,7% [6]. После отмены режима апартеида ПИИ направлялись в горнодобывающую и в обрабатывающую промышленность, а также в сферу услуг. Были созданы предприятия в сфере электроники и электротехники. Получили развитие нефтехимия, производство удобрений, фармацевтика, транспорт и связь. Увеличилось количество автосборочных предприятий с участием профильных иностранных компаний.

Начал быстро расти внешнеторговый оборот Южно-Африканской Республики, в том числе импорт из развитых стран, и прежде всего из западноевропейских государств и США, препятствия для торговых связей с которыми устранялись. Товарный импорт ЮАР за 1990–1999 гг. вырос почти в 1,5 раза. Интересно отметить, что в международной статистике данные по товарному импорту ЮАР за 1990 г. приводятся только по Южноафриканскому таможенному союзу, т.е. ограничиваются поставками из Ботсваны, Лесото, Намибии и Свазиленда. Стал уверенно развиваться туризм. За 1990–1999 гг. численность посетивших ЮАР иностранных туристов возросла более чем в 6 раз [3].

Со второй половины 1990-х гг. проявляется тенденция к усилению экспортной ориентации в развитии несырьевых (обрабатывающих) производств и сельского хозяйства ЮАР. Страна перестаёт быть чистым импортером капитала и переходит к его экспорту, первоначально в государства региона, а затем и в страны, находящиеся за пределами африканского континента. Постепенно экономика Южно-Африканской Республики всё больше приобретает черты развитого государства, отчётливо выделяясь по уровню экономического развития и структуре хозяйства от других стран Африки южнее Сахары.

Список литературы

1. 2001 World Development Indicators. Washington: The World Bank, 2001.
2. Elphick R., Giliomee H. (ed.). The Shaping of South African Society, 1652–1840. Wesleyan University Press, 2014.
3. Greyling L., Verhoef G. Slow growth, supply shocks and structural change: The GDP of the Cape Colony in the late nineteenth century // *Economic History of Developing Regions*. 2015. Vol. 30. №. 1. Pp. 23–43.

³ Реактор разработала французская Société française d'ingénierie électronucléaire et d'assistance à l'exportation (SOFINEL), филиал EDF и Framatome.

■ Мировая экономика

4. Marks S., Atmore A. Economy and society in pre-industrial South Africa. – Longman Publishing Group, 1980.
5. Meredith M. Diamonds, Gold and War: The Making of South Africa. – Simon & Schuster, 2007.
6. Newbury C. W. The diamond ring: Business, politics, and precious stones in South Africa, 1867-1947. Oxford University Press, 1989.
7. Ross R. J. The origins of capitalist agriculture in the Cape Colony: A survey //William Beinart, Peter Delius and Stanley Trapido (eds.) Putting a Plough to the Ground: Accumulation and dispossession in rural South Africa, 1850-1930. 1986. Pp. 57-100. URL: https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/4262/1246876_049.pdf
8. The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 27. 15th edition. London, 1993, P. 858.
9. Wilson, Monica, and Leonard Monteath Thompson, eds. The Oxford History of South Africa: South Africa to 1870. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1969.
10. Worden N., Crais C. C. Breaking the chains: slavery and its legacy in the nineteenth-century Cape Colony. – Witwatersrand Univ Pr, 1994.
11. World Development Indicators. Washington: The World Bank, 2015. Tables 1.1, 3.3, 4.2.

Об авторах

Наталья Станиславовна Загребельная – к.э.н., учёный секретарь Совета МГИМО-Университета.

E-mail: nzagrebelnaya@mail.ru.

Владимир Николаевич Шитов – д.э.н., профессор кафедры мировой экономики МГИМО-Университета.

E-mail: shitov@mgimo.ru.

HISTORY OF NATIONAL ECONOMIC SYSTEM FORMATION IN THE REPUBLIC OF SOUTH AFRICA

N. Zagrebelnaya, V. Shitov

Moscow State Institute of International Relations 76, Vernadsky av., 119454 Moscow, Russia.

Abstract: *The article analyses specific historic features of formation of agrarian and industrial sectors of Republic of South Africa since the establishment of Cape Colony. These features resulted from much earlier colonization of South Africa in comparison with other Sub-Saharan African countries on the one hand and from a large-scale influx of Europeans to the South Africa on the other hand. The two most important of these specific features are the following. First. Contrary to other countries of Sub-Saharan Africa development of the agrarian sector of Republic of South Africa was based on private property and western technologies from the start. Second. The sector is not divided into «African» and «European» sub-sectors, and South-African agricultural produce has always been oriented to both: external and internal markets.*

Development of industrial sector of Republic of South Africa started with creation of extractive industries, namely: extraction of diamonds and of gold. The authors specifically emphasize the role of gold extraction which grace to its effect of multiplier opened the way for industrial revolution in the South of Africa. Development of manufacturing was mainly based on import-substitution. The article argues that there were several stages of import-substitution and analyses their outcomes. The authors point out to the special importance of import-substitution during the period of I World War and II World War.

Key words: national economic system, agrarian sector, industrial sector, import substitution, Republic of South Africa.

References

1. 2001 World Development Indicators. Washington: The World Bank, 2001.
2. Elphick R., Giliomee H. (ed.). The Shaping of South African Society, 1652–1840. Wesleyan University Press, 2014.
3. Greyling L., Verhoef G. Slow growth, supply shocks and structural change: The GDP of the Cape Colony in the late nineteenth century. *Economic History of Developing Regions*. 2015. Vol. 30. №. 1. Pp. 23-43.
4. Marks S., Atmore A. Economy and society in pre-industrial South Africa. Longman Publishing Group, 1980.
5. Meredith M. Diamonds, Gold and War: The Making of South Africa. *Simon & Schuster*, 2007.
6. Newbury C. W. The diamond ring: Business, politics, and precious stones in South Africa, 1867-1947. Oxford University Press, 1989.

7. Ross R. J. The origins of capitalist agriculture in the Cape Colony: A survey. In William Beinart, Peter Delius and Stanley Trapido (eds.) *Putting a Plough to the Ground: Accumulation and dispossession in rural South Africa, 1850-1930*. 1986. Pp. 57-100. URL: https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/4262/1246876_049.pdf
8. *The New Encyclopaedia Britannica*. Vol. 27. 15th edition. London, 1993.
9. Wilson, Monica, and Leonard Monteath Thompson, eds. *The Oxford History of South Africa: South Africa to 1870*. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1969.
10. Worden N., Crais C. C. *Breaking the chains: slavery and its legacy in the nineteenth-century Cape Colony*. – Witwatersrand Univ Pr, 1994.
11. *World Development Indicators*. Washington: The World Bank, 2015. Tables 1.1, 3.3, 4.2.

About the authors

Natalya S. Zagrebelnaya – PhD in economics, scientific secretary of the Academic Council of MGIMO-University. E-mail: nzagrebelnaya@mail.ru.

Vladimir N. Shitov – doctor of science in economics, professor of the Department of World Economy of MGIMO-University. E-mail: shitov@mgimo.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРТНЫЕ ДИСКУССИИ ПО ТЕМАТИКЕ ШОС

И.Е. Денисов, И.А. Сафранчук

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

ШОС всё время своего существования привлекает пристальное внимание экспертов. С 2006 г. регулярно работает Форум ШОС, который объединяет экспертов государств-членов. Обстоятельные дискуссии состоялись на очередном Форуме в апреле 2016 г. в Душанбе. Эксперты рассмотрели проблемы безопасности, экономического сотрудничества (в том числе, по транспортной и водно-энергетической тематике) и, традиционно, проблемы расширения ШОС. По всем этим темам, особенно по вопросам расширения организации, обозначились новые акценты в оценках экспертов из разных стран, которые отражены в настоящей статье. Работу Форума в этом году сопровождали заявления о том, что ШОС подошла к новому этапу в своём развитии. Это направление обсуждений представляется чрезвычайно важным, так как может вести в следующие годы к ещё более активным дискуссиям о роли ШОС в современном мире. В настоящей статье авторы акцентируют внимание на этом направлении дискуссии и представляют основные обозначившиеся подходы на этот счёт.

Ключевые слова: ШОС, безопасность, Афганистан, экономическое сотрудничество ШОС, расширение ШОС.

Актуальные экспертные дискуссии по тематике ШОС

Форум Шанхайской организации сотрудничества – официальная «вторая дорожка» ШОС, которая становится все более востребованной по мере усложнения региональных вызовов и расширения круга задач, решаемых Организацией. Форум традиционно собирается раз в год, поочередно в каждом из государств-членов, и, согласно Регламенту, является «многосторонним, общественным консультационно-экспертным и механизмом, образованным для содействия и научной поддержки деятельности ШОС, развития взаимодействия научно-исследовательских и политологических центров государств-членов ШОС, проведения совместных исследований по актуальным вопросам круга ведения Организации» [2, с.19].

28-29 апреля 2016 г. в городе Душанбе, Республика Таджикистан, прошло Одиннадцатое заседание Форума ШОС. Его организатором выступил Центр стратегических исследований (ЦСИ) при Президенте Республики Таджикистан. О большом значении, придаваемом Форуму в Таджикистане, говорит то, что на открытии помощником президента по внешней политике А.Шарифи было оглашено послание Э.Рахмона. С приветственным словом выступил заместитель генерального секретаря ШОС Ван Кайвэнь.

В работе Форума приняла участие российская делегация в составе директора Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО А.В. Лукина, старшего научного сотрудника этого Центра И.Е. Денисова, доцента кафедры мировых политических процессов МГИМО И.А. Сафранчука, директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ Т.В. Бордачева и исполнительного секретаря Делового Совета ШОС С.В. Канавского. Площадка Форума объединила более 120 экспертов, в том числе делегации Национальных исследовательских центров ШОС всех государств-членов Организации, а также делегацию Секретариата ШОС и представителя Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры.

На открытии Форума главы делегаций традиционно отметили высокий авторитет ШОС в мировых делах. Однако помимо обычных указаний на то, что ШОС представляет значительную часть населения планеты и упоминания других количественных параметров, на этот раз некоторые выступающие сделали интересные акценты. Е.А. Пастухов, учёный секретарь Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан, заявил, что ШОС может влиять на мировоззрение по важнейшим мировым вопросам. В этом же духе высказался заместитель генерального секретаря ШОС Ван Кайвэнь. По его словам, ШОС стала весомой моральной силой на Евразийском пространстве.

Центральными темами Форума стали: угрозы терроризма и экстремизма, экономическое

сотрудничество и транспорт, водно-энергетическая проблематика и вопросы расширения организации.

Афганистан и угрозы безопасности

Участники отметили, что наибольших успехов ШОС достигла в решении вопросов безопасности и координации борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом. Все участники согласились с тем, что, не превращая ШОС в антизападный альянс, необходимо наращивать усилия на этом направлении.

Руководитель таджикской делегации, директор Центра стратегических исследований (ЦСИ) при Президенте РТ Х. Холикназар представил результаты проведенного ЦСИ исследования о факторах роста экстремизма и радикализма в Таджикистане. В значительной степени они имеют внутренние причины. Докладчик отнёс к ним социально-экономическую ситуацию, религиозную безграмотность, слабые светские традиции, правовую неграмотность и слабые моральные установки молодёжи и т.д. Директор ЦСИ рассказал, что за счёт набора мер по работе с молодёжью и духовенством, а также широкой пропаганды против радикальных идей, в Таджикистане удалось остановить процесс распространения радикальных идей в обществе, особенно среди молодёжи.

Вместе с тем, участники дискуссии отмечали, что внешние факторы по-прежнему играют большую роль при распространении радикальных идей в странах Центральной Азии. И в этой связи значительное внимание было уделено ситуации в Афганистане.

Дин Сяосин, постоянный член Правления Китайского центра исследований ШОС, подчеркнул, что террористические угрозы в Центральной Азии возрастают по двум причинам – проникновение ИГИЛ в Афганистан и ухудшение ситуации в северных провинциях этой страны. В этой связи докладчик предложил ряд мер, которые могли бы предпринять страны ШОС: усилить приграничное сотрудничество, повысить роль РАТС и составить на базе этого антитеррористического центра общие для всего ШОС списки террористов, противодействовать экстремистской пропаганде в интернете, расширить сотрудничество ОДКБ и ШОС. Однако в долгосрочной перспективе, по мнению китайского ученого, решить проблему терроризма невозможно без социально-экономического развития. И закончил Дин Сяосин свой доклад «Угроза терроризма в Центральной Азии и роль ШОС» тем, что заявил о большом потенциале ЭПШП для экономического развития Центральной Азии.

Выступавший от российской делегации по афганскому вопросу И.А. Сафранчук напомнил, что в 2009 г. была проведена Московская конференция по Афганистану под эгидой ШОС, на которой были приняты «Заявление государств-членов ШОС и Исламской Республики Афга-

нистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью» и «План действий государств-членов ШОС и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью». Российская дипломатия продвигала тогда подход «трёх ясов безопасности» (антинаркотической, анти-террористической и финансовой). По итогам той конференции казалось, что страны ШОС и Афганистан выйдут на новый уровень сотрудничества. Однако документы, представленные в 2009 г. так и не заработали в полной мере, Контактная группа ШОС по Афганистану тоже не очень активно работала. Конечно, на ежегодных саммитах и на встречах по линии различных ведомств афганская тематика в ШОС присутствовала. Но все же сам Афганистан и члены ШОС предпочли работать по афганской проблематике преимущественно вне ШОС, в других международных форматах. Все последние годы Россия наращивала сотрудничество по афганской тематике со своими союзниками в формате ОДКБ, правда, с 2012 г. без участия Узбекистана.

Китай активно работал в Стамбульском процессе и даже взял на себя председательство в нём. Также Китай активно включился в подготовку переговоров с талибами в формате «четвёрки» – Афганистан, Пакистан, США, Китай. А в начале марта 2016 г. начальник Генерального штаба НОАК, генерал-полковник Фан Фэнхуэй во время своего визита в Кабул предложил военное сотрудничество (прежде всего, обмен информацией) в формате уже другой «четвёрки» – КНР, Афганистан, Пакистан, Таджикистан [4].

Таким образом, и по политической и по военной линии члены ШОС работают по афганской тематике вне ШОС. В настоящее время уже вряд ли возможно полноценно скоординировать действия членов и наблюдателей ШОС, которые они осуществляют вне организации. Однако именно внутри Организации страны ШОС могли бы информировать друг друга и обмениваться мнениями о своих действиях по афганской проблематике. На практическом уровне, заключил российский докладчик, это во многом означает увеличение сотрудничества между ШОС и ОДКБ или вернее – между ОДКБ и Китаем именно по афганской тематике на платформе ШОС.

Обращает на себя внимание, что китайские и центральноазиатские участники дискуссии были склонны видеть основную угрозу не в талибах, а в ИГИЛ. Как уже было сказано, китайский докладчик выделил именно рост присутствия ИГИЛ в Афганистане как главную угрозу безопасности. Такой же точки зрения придерживался и выступавший от делегации Казахстана Е.А. Пастухов. По его мнению, угроза похода талибов на Центральную Азию ничем не подтверждена и, скорее всего, является мифом, а вот ИГИЛ намного опаснее движения «Талибан».

Экономические вопросы

При обсуждении проблем экономического блока эксперты обратили внимание на необходимость наращивания потенциала многостороннего торгово-экономического сотрудничества. Было подчеркнуто, что ситуация на мировой арене требует принятия более оперативных решений в сфере взаимодействия национальных экономик, в том числе по развитию инноваций и созданию «зелёной экономики».

По мнению выступивших, для обеспечения устойчивого развития крайне важно формировать общие подходы к рациональному использованию водно-энергетических ресурсов на пространстве ШОС. Об этом, в частности, говорил представитель Таджикистана Султон Рахимзода. По мнению эксперта, новые моменты, связанные с изменением климата, ростом населения, повышением водопотребления в промышленности и сельском хозяйстве, требуют укреплять нормативно-правовую базу сотрудничества в водно-энергетической сфере.

В выступлении Н.Мусаева (Республика Узбекистан) обращалось внимание на необходимость более тесного сотрудничества стран ШОС в сфере охраны окружающей среды. В частности, эксперт призвал к тесному сотрудничеству между ШОС и Международным фондом спасения Арала.

Россия исходит из того, что в регионе Центральной Азии должна быть выстроена взаимовыгодная и справедливая система водораспределения, - подчеркнул в своем выступлении И.Е. Денисов. Российский эксперт перечислил главные составляющие такой системы: необходим учёт интересов всех стран региона, как расположенных в верховьях трансграничных рек, так и в их низовьях; необходим разумный баланс между энергетическим и ирригационным использованием водного потенциала; урегулирование споров должно происходить в строгом соответствии с нормами международного права; следует вести широкий диалог по всем крупным народнохозяйственным проектам, искать скоординированные и прозрачные для всех решения, связанные с минимизацией негативного влияния проектируемых объектов энергетики на водопользование; важно создавать систему интегрированного управления водными ресурсами и механизм согласования региональной и национальной политики водопользования; одним из приоритетов любых экономических проектов, связанных с использованием водных ресурсов, должно стать обеспечение экологической безопасности.

И.Е. Денисов призвал развивать в рамках ШОС инновационное водное партнёрство, которое может стать важной составной частью научно-технического сотрудничества в рамках Организации. Инновационное водное партнёрство, создавая институциональные механизмы сотрудничества, может помочь сторонам сгладить имеющиеся разногласия по вопросам

использования водных ресурсов. Высокотехнологичные разработки позволят уменьшить остроту проблемы нехватки пресной воды, повысить эффективность национальных экономик и качество жизни граждан.

Участники встречи в Душанбе уделили большое внимание вопросам инфраструктурного потенциала ШОС. Страны Центральной Азии продолжают возлагать большие надежды на международное сотрудничество для доступа к мировой транспортной инфраструктуре и рынкам сбыта. Все докладчики на сессии, посвященной сотрудничеству в транспортной сфере, подчеркивали, что нуждаются в расширении своих транспортных возможностей. Впрочем, постепенно в этих дискуссиях начинают выделять две группы стран – те, кто заинтересован в транспортных-транзитных путях, и те, кому нужны транспортные маршруты для экспорта производимой продукции.

Значительный интерес вызвала идея сопряжения китайской инициативы Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Высказывались рекомендации о том, что ШОС могла бы задать институциональные рамки для сопряжения, хотя эксперты из стран, входящих в ЕАЭС, высказывались более скептически. Представители государств ЕАЭС призывали Евразийскую экономическую комиссию в скорейшее время сформулировать конкретную программу сотрудничества с Китаем в рамках сопряжения.

Т.В. Бордачев в докладе «Транспортно-логистические коридоры в центральной Евразии и потенциал совместного развития» особо подчеркнул выгодность для государств ШОС сотрудничества в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Он отметил, что ШОС, как организация, может сыграть ведущую роль по углублению программы сопряжения.

Единая позиция участников дискуссии заключалась в том, что развитие интеграционных процессов становится всё более значимым фактором экономической, социальной и политической стабильности в регионе. При этом, как отметил в своем докладе директор Национального института стратегических исследований Киргизской Республики А.Ш. Дикамбаев, несмотря на наличие множества интеграционных проектов, на пространствах ШОС степень «четырёх свобод» (перемещение товаров, услуг, рабочей силы и капитала) пока еще невысока по сравнению с другими регионами.

Парадоксальный тезис высказал на заседании в Душанбе исполнительный секретарь Делового Совета ШОС С.В. Канавский. По его мнению, развитию взаимовыгодного торгового и инвестиционного сотрудничества в рамках ШОС мешает принцип консенсуса, который хорош с точки зрения политики, но иногда мешает согласованию бизнес-интересов всех участников организации. Поэтому С.В. Канавский призвал шире развивать двусторонние и

трехсторонние проекты с информированием и приглашением к кооперации всех остальных государств-членов, наблюдателей и партнеров по диалогу. По мнению эксперта, развитие экономического сотрудничества часто тормозится из-за несостыковки национальных законодательств, разных толкований форматов взаимодействия. Даже «зону свободной торговли» эксперты и чиновники разных стран понимают по-разному, что ставит перед участниками Организации важную задачу – добиваться более тесной координации и вырабатывать общие правила игры, как на уровне правительственных органов, так и с подключением представителей бизнеса. Высказывания С.В. Канавского в целом были встречены позитивно, правда узбекская делегация настаивала на том, что принцип консенсуса незыблем и при принятии экономических решений.

Расширение ШОС

Расширение ШОС – это вопрос, который уже многие годы остается одним из наиболее дискуссионных в организации. Аргументы «за» и «против» расширения ШОС хорошо известны, позиции стран-членов тоже. Но всё же нельзя сказать, что имеют место сплошные повторения. Каждый год в подаче этих аргументов появляются новые акценты, что поддерживает динамику дискуссий.

На душанбинском Форуме ШОС вопросы расширения стали предметом оживленного обмена мнениями, в котором традиционно самое активное участие приняли участники из Китая. Выступавший от российской делегации А.В. Лукин, представил расширение ШОС в исторической перспективе, как нечто естественное и необходимое для развития организации, почти как историческую закономерность её развития. Российский специалист добавил аргументов, которые должны хорошо восприниматься китайской стороной. А.В. Лукин особенно подчеркнул, что расширение ШОС может дать импульс активизации экономической повестки дня ШОС (на чём многие годы настаивает Китай), так как Индия заинтересована в развитии экономических связей с Центральной Азией. Однако китайская делегация не приняла такой «пас» и высказала ряд аргументов против расширения.

Члены китайской делегации говорили о том, что даже сейчас в ШОС много разногласий (конкретно они не назывались, но из контекста можно было заключить, что речь идет о том, насколько ШОС должна поддерживать Россию в её конфронтации с Западом), они мешают развитию организации. А с новыми членами область разногласий в ШОС станет еще более обширной. Гуань Гуйхай (постоянный член правления Китайского Центра исследований ШОС) пояснил, почему именно Китай возражает в настоящее время против расширения ШОС. Китайский эксперт подчеркнул, что расширение важно для любой организации, поскольку это возможность

■ Мировая политика

для обновления. Поэтому теоретически Китай – «за», но когда и на каких условиях – это вопрос открытый, – пояснил Гуань Гуйхай. Формально сейчас нет причин не расширяться, но реально все не так просто, – резюмировал свою позицию докладчик. При этом Гуань Гуйхай акцентировал внимание на том, что вопрос расширения не теоретический для Китая, а связан с национальными интересами. Тему продолжила Чэнь Юйжун (генеральный секретарь Китайского Центра исследований ШОС). Она обратила внимание на то, что по вопросу расширения нет консенсуса, а именно это является основой принятия решений в организации.

В последнее время китайские эксперты всё чаще высказывают идею о создании института постоянного членства, чтобы гарантировать особые права основателей ШОС. Такие разговоры велись и на полях встречи в Душанбе. Получается, что страны, которые только будут вступать, получат меньше прав, чем нынешняя «шестёрка». Вопрос, безусловно, стоит обсуждать, при этом необходимо тщательно взвесить – что важнее интересы развития ШОС, или консервация ее в первоизданном виде. Стоит также подумать, нужна ли Организации, которая еще при своём создании заявила о своём открытом характере, такая сложная структура – постоянные члены, обычные члены, наблюдатели и партнёры по диалогу?

Новый этап в развитии ШОС

Многие докладчики подчёркивали в своих выступлениях на Форуме, и это, с нашей точки зрения можно считать лейтмотивом всех дискуссий, что ШОС находится на пороге нового этапа своего развития. Но подавалось это в несколько тревожных тонах.

Е.А. Пастухов (ученый секретарь Института Мировой экономики и политики при Фонде Первого президента РК) начал с заявления о том, что в ближайшие 10 лет могут быть кардинальные изменения в мировой системе. Необходимо экономическое развитие, но кризисные явления могут помешать экономическим перспективам, считает эксперт. Главный вопрос, по его мнению, заключается в том, найдет ли ШОС своё место в меняющемся мире, где складывается новая, кризисная, нормальность. Усложнение ситуации в сфере безопасности в Центральной Азии отметил и член китайской делегации Су Гэ (директор Китайского Центра исследований ШОС), заявивший о необходимости найти решение следующей проблемы – как совместить в ШОС задачи безопасности и экономического развития. Отметим, что в данном случае Су Гэ, с учётом контекста выступления, говорил не о старой проблеме балансировки экономических и военно-политических составляющих повестки дня, а о росте рисков в сфере безопасности, которые могут подорвать перспективы экономического развития в Евразии.

На основе дискуссии на Форуме ШОС можно заключить, что участники ШОС видят

две группы параллельно существующих рисков. Одна, и о ней на Форуме говорили много и открыто, связана с ухудшением ситуации в Афганистане, со смещением нестабильности в северные провинции этой страны, что представляет угрозу для стран Центральной Азии, Китая и России. Другая группа рисков не становилась предметом открытых дискуссий, но подразумевалась во многих выступлениях. Речь идёт об обострении геополитического соперничества в некоторых частях Евразии. Прежде всего, в этом случае участники имели в виду конфликт на Украине и общее обострение отношений одного из членов ШОС, России, с западными странами.

В странах-членах ШОС в политической элите и экспертных кругах превалирует мнение о моральной правоте России в её обострившихся отношениях с западными странами. Но это почти общее мнение не становится частью политического курса. Партнёры России по ШОС предпочитают сохранять геополитический баланс. Наиболее мрачные предостережения о том, что США со своими союзниками будут оказывать давление на Россию в разных частях постсоветского пространства, в том числе и в Центральной Азии, широко распространенные в последние два года, на практическом уровне не воплотились в полной мере. Возможно, отчасти именно потому, что страны региона проводили очень осторожную внешнюю политику, поддерживали «геополитический баланс» и старались не предоставлять повода для давления на себя. Они ясно давали сигнал всем внешним партнёрам, что не заинтересованы в переносе «разборок» в регион Центральной Азии.

Эстафета форумов

Сохранение стабильности стало, пожалуй, главным лейтмотивом встречи. В принятом по итогам заседания протоколе сторонами подтверждена приверженность базовым принципам ШОС, закреплённым при создании Организации. Среди этих принципов – ненаправленность ШОС против третьих стран, внеблоковый и неконфронтационный характер деятельности. В документе подчеркивается важность сохранения принципа консенсуса и равноправия при принятии решений. Участники дискуссии акцентировали, что ШОС не приемлет идеологизированных подходов к решению актуальных международных и региональных проблем.

С 2006 года, когда в рамках ШОС появилась своя «вторая дорожка», каждый Форум не только занимался подведением итогов деятельности за прошедший год, но и работал на перспективу, выделяя и анализируя наиболее актуальные на данный момент проблемы развития Организации. Тем самым, давалась «аналитическая пицца» для национальных координаторов и Секретариата ШОС, который неизменно внимательно относился к работе экспертов. В Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года отмечается, что

государства-члены считают необходимым повысить практическую отдачу от деятельности Форума ШОС [3].

С точки зрения эффективности этой диалоговой площадки, обращает на себя внимание, что на фоне очень интересных и интенсивных дискуссий о расширении на нынешнем Форуме ШОС было минимальное за последние годы представительство стран-наблюдателей и стран-партнёров. В предыдущие годы на мероприятиях «второй дорожки» ШОС в Душанбе (2014), в Бишкеке (2014), в Ханты-Мансийске (2015), наблюдатели и партнеры были представлены намного лучше. Многим участникам запомнились в 2015 г. активные делегации Индии и Пакистана, которые серьезно участвовали в дискуссиях.

В 2016 году полноценно принял участие в работе только представитель Азербайджана (партнёр по диалогу). Все остальные партнеры и наблюдатели почтили Форум своим присутствием на уровне дипломатов (и далеко не всегда на уровне послов), работающих в диппредставительствах в Душанбе. Эти дипломаты по объективным причинам занятости не могли присутствовать на всех пленарных и секционных заседаниях и, наверное, по причине отсутствия инструкций, не выступали ни с докладами, ни в дискуссии. Это было особенно заметно на фоне того, что организаторы, Центра стратегических исследований при Президенте РТ, составили отличную программу, где в каждой сессии,

по всем вопросам повестки дня, предусмотрели слово для наблюдателей и партнеров. Они (за обозначенным исключением в виде полноценного участия представителя Азербайджана) такой возможностью не воспользовались.

Из этого нельзя делать далеко идущие выводы. Но все-таки такой низкий интерес партнёров и наблюдателей в этом году к Форуму выглядит странно. В любом случае увлекательные дискуссии о расширении прошли без участия представителей Индии и Пакистана, а именно им стоило бы высказаться по этим вопросам. Участие Белоруссии заметно обогатило бы обсуждение проблем сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы Экономического пояса Шёлкового пути с использованием возможностей ШОС.

По выражению ректора МГИМО МИД России, академика А.В. Торкунова, стоявшего у истоков создания Форума ШОС, эта структура работает не «при ШОС», а во взаимодействии с ней. «Мы смотрим на проблемы ШОС, с одной стороны, конструктивно, без критиканства, с другой, извне, то есть, порой, более объективно, чем сами структуры ШОС. Иногда можем и выразить несогласие с официальными позициями, наметить альтернативный путь решения проблем» [1]. В этом, видимо, и заключается путь развития Форума Шанхайской организации сотрудничества. Таджикистан передал эстафету Узбекистану, где в 2017 году пройдет двенадцатая встреча в рамках шоссевской «второй дорожки».

Список литературы

1. Денисенко, Дмитрий. Анатолий Торкунов: «Важнейший вопрос по укреплению ШОС поднимут на форуме в Ханты-Мансийске» [Электронный ресурс] // Портал ugra-news.ru Режим доступа: <http://ugra-news.ru/article/9162>
2. Регламент форума Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества и современный мир (материалы Учредительного заседания Форума Шанхайской организации сотрудничества и международной научной конференции «Шанхайская организация сотрудничества и современный мир» (22–23 мая 2006 г., Москва). - М.: МГИМО - Университет, 2007. - Выпуск 3(18). - С. 19-21
3. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2014–2015 годах. Режим доступа: <http://sco-russia.ru/load/1013640805>
4. Smaller groups can better tackle terror // Global Times 7-4-2016 URL: <http://www.globaltimes.cn/content/977634.shtml>

Об авторах

Денисов Игорь Евгеньевич – старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России. E-mail: iedenisov@mail.ru.

Сафранчук Иван Алексеевич – к.п.н., доцент, кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: And6958@yandex.ru.

CONTEMPORARY EXPERT DEBATES ON THE SCO-RELATED ISSUES

I.E. Denisov, I.A. Safranchuk

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Since its establishment the SCO has always attracted a lot of expert attention. The SCO Forum was founded in 2006 to bring together for annual debates experts from all member-states. Within this format in-depth discussions took place in April 2016 in Dushanbe, which hosted this year conference of the SCO Forum. Participating experts and officials reviewed problems of security, economic cooperation (including transport and water-energy issues) and SCO enlargement, the latter being one of the most debatable. Experts presented some new thesis on all these problems, in particular on the enlargement issue. These new thesis are summed up in this article. Besides, the SCO Forum this year had many statements on the organization approaching a sort of new phase in its development. This line of discussions may lead in the future to even more active debates on SCO's role in the world. This article puts emphasis on the new elements of these debates and reviews major experts' attitudes within this line of discussion on the SCO being in front of a new stage of development.*

Key words: SCO, security, Afghanistan, SCO economic cooperation, SCO enlargement.

References

1. Denisenko D. Anatolii Torkunov: "Vazhneishii vopros po ukrepleniyu ShOS podnimut na forume v Khanty-Mansiiske" [Elektronnyi resurs] Portal ugra-news.ru. Rezhim dostupa: <http://ugra-news.ru/article/9162>
2. Reglament foruma Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva i sovremennyy mir (materialy Uchreditel'nogo zasedaniya Foruma Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva i sovremennyy mir» (22–23 maya 2006 g., Moskva). Moscow: MGIMO -Universitet, 2007. 3(18). P. 19-21 (In Russian)
3. Strategiya razvitiya Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva do 2025 goda Ofitsial'nyi sait predsedatel'stva Rossiiskoi Federatsii v Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva v 2014-2015 godakh. Rezhim dostupa: <http://sco-russia.ru/load/1013640805> (In Russian)
4. Smaller groups can better tackle terror (Global Times) 7-4-2016 URL: <http://www.globaltimes.cn/content/977634.shtml>

About the authors

Igor Evgen'evich Denisov – Senior Research Fellow, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, MGIMO-University, MFA Russia. E-mail: iedenisov@mail.ru.

Ivan Alexeevich Safranchuk – PhD in political sciences, associate professor. E-mail: And6958@yandex.ru.

РОССИЙСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

М.А. Сапронова

Беккин Р.И., Тагирджанова А.Н. Мусульманский Петербург. Исторический путеводитель. Жизнь мусульман в городе на Неве и его окрестностях / Р.И. Беккин, А.Н. Тагирджанова. – М. – СПб: Институт Африки РАН, 2016. – 640 с.: ил.

Ключевые слова: мусульманский Петербург, жизнь мусульман.

История ислама и российского мусульманского сообщества, особенно в последние десятилетия привлекает к себе пристальное внимание со стороны не только научного и экспертного сообщества, но и со стороны простых граждан, всё больше интересующихся историей, культурой, традициями и обычаями мусульман, проживающих в Российской Федерации.

Такого рода интерес стал причиной появления множества журналистских очерков, научно-популярных и научных работ, в той или иной степени посвящённых общественно-политической роли российских мусульман, их образу жизни, мусульмано-христианскому взаимодействию в России, как в историческом контексте, так и на современном этапе. Достаточно упомянуть широко известные работы таких авторов как Р.Г. Ланда, Р.Г. Абдуллатипов, Д.Ю. Арапов, В.О. Бобровников, Г.Г. Косач; изданные сборники архивных документов и материалов, а также фундаментальные, но получившие неоднознач-

ные отзывы среди российских востоковедов и исламоведов работы Р.А. Силантьева, равно как и многочисленные статьи Р.Р. Сулейманова.

Отдельный большой блок исследований и литературы посвящён изучению ислама в районах его традиционного распространения – Средней Азии, Урала, Поволжья, Крыма, Кавказа. Целый ряд диссертаций по исламу в Татарстане был защищён в последние годы в Казанском федеральном университете.

Такого рода повышенный интерес к данной проблематике объясним как сложнейшими геополитическими процессами в странах мусульманского ареала (прежде всего, в арабском регионе), так и теми социально-экономическими и политическими преобразованиями, которые происходят в мусульманских регионах России в постсоветский период и предопределяют духовное и религиозное возрождение общества, динамика которого носит сложный и неоднозначный характер. Нынешний всплеск политизации ислама, его становление в качестве

Сапронова Марина Анатольевна – д.и.н., профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, профессор РАН. E-mail: sapronova@bk.ru.

непосредственного фактора политической жизни, ещё в большей степени подогревает интерес к этой религии.

Мусульмане современного мира составляют подавляющее большинство населения более чем в 40 странах, в т.ч. непосредственно граничащих с Россией или недалеко от неё расположенных, а также являются влиятельным меньшинством еще в 30 странах, включая саму Россию [2; С. 4], где численность мусульманского населения достигает 20 млн человек. От того, какое место занимает внутрироссийский ислам в сложных социокультурных, духовных и политических процессах, протекающих в обществе, от характера его взаимоотношений с этим обществом и государственными структурами зависит, без преувеличения, очень многое в настоящей и будущей жизни России, которую связывает с миром ислама более чем тысячелетняя история отношений. Сложившиеся в ходе этой истории политическое, экономическое, социальное и культурное взаимодействие обеих сторон сопровождалось взаимовлиянием и взаимонастройкой. Наряду с этим, были и конфликты, и войны, в ходе которых периоды вражды и нетерпимости сменялись временами мира и согласия, торгово-экономических контактов, обмена духовными ценностями и культурными достижениями, учебы друг у друга. Столь тесные отношения России с миром ислама зачастую определяли динамику ее политики, а малейшие изменения содержания этих отношений не раз давали повод к самым разным интерпретациям и толкованиям в духе политической конъюнктуры. Во многом это было результатом недостаточной информированности обеих сторон и недостаточного познания и внимания друг к другу. Очевидно, что рост взаимной информированности, наращивание знаний друг о друге будет содействовать росту более глубокого взаимопонимания, взаимного уважения и терпимости, пониманию мотивации действий, обоснованности взаимных оценок и мнений и, как результат, большей внутривосточной политической стабильности.

В этой связи любая качественная научная работа, помогающая понять сущность ислама и ту роль, которую эта религиозная система исторически играла в судьбе России, становится знаковым явлением в отечественном исламоведении.

Рецензируемая работа Р.И. Беккина¹ и Р.М. Тагирджановой², на первый взгляд, кажется

простым тематическим (историческим) путеводителем по всем известному городу – Санкт-Петербургу, хотя и великолепно изданным, стилизованным под старинный фолиант, со множеством иллюстраций, старинных портретов и географических карт, фотографий архитектурных объектов, факсимиле рукописей и документов. Однако уже первые страницы книги убеждают в том, что первое впечатление не соответствует действительности, и читатель держит в руках не просто научную работу, но работу, где за каждым абзацем стоят месяцы кропотливого труда в архивах и интереснейшие (зачастую ранее не известные) источники³. Как представляется, выбранный жанр исследования потребовал от авторов ещё большей ответственности и скрупулезности, т.к. упоминание каждого исторического события или персонажа должно было строго соответствовать точной датировке, месту и адресу события. Поэтому долгая работа (в течение шести лет) с архивными документами сочеталась с полевыми исследованиями (в книге много современных фотографий культурно-исторических объектов, сделанных одним из авторов).

Написанная в стиле исторического путеводителя, книга состоит из трех частей: «Санкт-Петербург», «Пригороды Петербурга и Ленинградская область» и «Отдельные примечательные объекты», каждая из которых разбита на главы – маршруты (всего их 18). Следуя за автором по этим маршрутам, читатель пройдет долгий исторический путь становления и жизнедеятельности мусульманской общины, познакомится с её бытом, начиная с момента появления в городе первых мусульман в самом начале XVIII в.

Знакомство с этой историей начинается с Татарской слободы (с.29), где жили как татары-военнослужащие, участвовавшие в возведении Кронверка⁴, так и мастеровые, присланные в город на временные работы (татары, башкиры и др.)

Соборная мечеть является главной достопримечательностью мусульманского Петербурга (с.46-54). Первое известное обращение мусульман города об устройстве мечети относится к 1798 г. Тогда отставной гвардии подпоручик Шаги-Ахмет Тефкилев от имени более чем 500 мусульман военнопленных обратился к императору Павлу I с прошением «О пожаловании магометанам молитвенного дома в Петербурге и отводе места для кладбища».

¹ Р.И. Беккин – выпускник МГИМО, к.ю.н., д.э.н., специалист в области исламской экономики и финансов, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

² А.Н. Тагирджанова – петербургский краевед, член Санкт-Петербургского Союза краеведов.

³ В работе использованы архивные материалы из Архива востоковедов Института восточных рукописей (ИВР РАН), Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Ленинградского областного государственного архива в городе Выборге (ЛОГАВ), а также материалы из Государственного музея истории религии (г. Санкт-Петербург), Дома учёных им. М.Горького РАН (г. Санкт-Петербург) и Музея истории Кронштадта.

⁴ Кронверк - укрепления в виде короны для прикрытия Петропавловской крепости.

Заслуживает отдельного внимания глава о татарском участке Ново-Волковского кладбища. Это одно из старейших действующих мусульманских кладбищ в Европе. Впервые с инициативой создания отдельного мусульманского кладбища в столице империи выступил отставной армии подпоручик Шаги-Ахмет Тефкилев в 1798 г., но только в 1826 г. было получено Высочайшее разрешение предоставить мусульманам земли в районе Волковой деревни, где при Екатерине II компактно хоронили турецких военнопленных, проживавших неподалеку. Здесь похоронены не только представители мусульманских народов России, но мусульмане из других регионов. Например, персидские купцы из города Решта, персидский принц Шафи-хан, выходец из Египта профессор Петербургского университета шейх ат-Тантави и многие другие мусульманские деятели, получившие широкую известность.

При описании общеизвестных исторических достопримечательностей Санкт-Петербурга авторы ограничиваются только теми аспектами, которые в той или иной степени затрагивают тему исследования. Так, здание Городской думы на Невском проспекте было упомянуто в связи с тем, что мусульмане в начале XX в. арендовали здесь помещение для молитв в дни мусульманских праздников; для этих же целей использовался и Михайловский замок в период с 1801-1810 гг; Эрмитаж примечателен в первую очередь богатой коллекцией мусульманского искусства; в Петропавловской крепости в течение шести месяцев содержался Батырша (с.42) – руководитель восстания башкир и татар в 1755г., а также Мурат-мулла (с.44) – известный мусульманский ученый и политический деятель, сторонник реформаторского направления в исламе; гостиница «Октябрьская» интересна тем, что здесь останавливался имам Дагестана и Чечни Шамиль, воевавший более четверти века с Российской империей. Российская национальная библиотека является обладателем одного из крупнейших и ценнейших собраний фондов арабских рукописей в России, состоящего из более чем 1300 единиц, самые ранние из которых датируются VIII в. А еще Императорскую Публичную библиотеку посетил в 1859 г. имам Шамиль и оставил на память о своём пребывании автограф в журнале почётных гостей (с.131). До 1917 г. библиотека была местом хранения Корана Усмана. Из книги читатель узнает о судьбе этой одной из самых главных и известных мусульманских святынь и даже сможет изучить фрагмент этого Корана, представленный на с.125.

Таким образом, известные и хорошо изученные памятники архитектуры и культуры Санкт-Петербурга предстают в данной книге с малоизученной стороны, демонстрируя читателю историческое взаимовлияние и взаимопроникновение христианской и мусульманской культур.

Однако, важно подчеркнуть, что данная работа не об архитектурных памятниках, но, прежде всего, о людях, их жизни, судьбах, взаимоотношениях, конфликтах. Раскрытие темы Санкт-Петербурга у авторов идёт по линии «люди – деятельность – город». Перед читателями предстает мозаика типажей и характеров. Мусульманская община была представлена людьми разного социального положения и профессий, и именно они стали символами своего времени. Это были известные медики, офицеры, строители, купцы, публицисты, миссионеры и меценаты, ученые. Особое внимание уделено деятельности мусульман - депутатов Государственной думы в период 1906-1917 гг.

Собранный документально-исторический материал позволяет сделать вывод о том, что в Петербурге сформировалось особое сообщество мусульман (в частности, петербургских татар), которые были выходцами из разных регионов империи и сформировали свою специфическую субкультуру. Данная работа еще раз демонстрирует, что мусульмане не были «пришлым элементом» в городе, но стали его коренными жителями, которые участвовали в его строительстве с самых первых лет существования.

В работе рассказано о местах, связанных с именами видных представителей мусульманской общины – прежде всего, богословов, даны их подробные биографии. О многих деятелях было известно крайне мало, и книга «Мусульманский Петербург» возвращает в историю и современность многие забытые имена. При этом книга дает не застывшие образы (памятники) известных и малоизвестных деятелей, а живых людей с их непростыми судьбами, сложными характерами и человеческими слабостями. Так, например, характер имама Чечни и Дагестана Шамиля, посетившего Петербург, существенно оживляет факт его невероятной радости, когда декан факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета А. Казем-бек во время встречи подарил ему пенсне. Шамиль был в восторге от этого подарка как ребенок и на протяжении всего вечера не расстался с ним (с.190).

Отдельную плеяду мусульманских деятелей составляют интеллектуалы – учёные, востоковеды, исламоведы, просветители. Среди них такие имена как Бораганский Ильяс-мурза – крымско-татарский просветитель, издатель, приглашённый в 1880-е гг. в Санкт-Петербург каллиграфом в Министерство иностранных дел; Хусаин Фаизханов, сформировавшийся как учёный именно в Петербурге; мусульманский богослов Муса Бигеев. Мусульманин Исмаил Тасимов фактически стоял у истоков высшего технического образования России, инициировал основание специального учебного заведения по подготовке специалистов для горной промышленности.

Зачастую деятельность этих мусульман носила общероссийский характер. Например, жи-

тель Кронштадта герой русско-японской войны, гидрограф-полярник И. Ислямов фактически присоединил Землю Франца-Иосифа к России. Мусульманин Степан Кричинский, один из архитекторов соборной мечети, построил многие важные объекты в Петербурге, в том числе и православные храмы.

Крупнейшей общественной организацией петербургских мусульман было Мусульманское благотворительное общество, созданное в конце XIX века, целью которого было оказание помощи бедным мусульманам, а также «содействие беднейшим ученикам к поступлению или довершению образования в средних и высших учебных заведениях». Почетным попечителем общества был избран крупный азербайджанский купец З.-А. Тагиев. Общество перечисляло средства жертвам землетрясений, пострадавшим от неурожая, ветеранам русско-японской войны и занималось многими другими благотворительными проектами. В годы Первой мировой войны общество оказывало активную поддержку воинам-мусульманам и их семьям.

Многие представители мусульманской общины Петербурга стали известны своей общественно-политической и благотворительной деятельностью не только в России, но и за рубежом.

Такое многообразие известных мусульманских деятелей, оставивших свой заметный след в политике, экономике, культуре города ещё раз подтверждает тезис о том, что отношения России и мира ислама всегда были многообразны и многоаспектны. При этом отношения государства и ислама не всегда носили позитивный характер. К мусульманам в первые годы советская власть была лояльна, но в дальнейшем среди мусульман, столетиями живших среди русских, наблюдались массовые переезды поближе к единоверцам в Азербайджан, Дагестан, Среднюю Азию, Казахстан.

Авторы книги подробно останавливаются на жизни и деятельности духовных исламских лидеров в советское время, особенно в период 1920-1930-х гг., когда мусульманские приходы оказались на грани уничтожения, а духовные лидеры подвергались гонениям. Тем не менее, и в этот период продолжал существовать мусульманский образ жизни, функционировали квалифицированные кадры духовенства. С одной стороны, религия в эти годы утрачивает свой потенциал, но с другой, как отмечают многие исследователи, именно консервация мусульманских устоев в сознании их носителей стала основой «исламского возрождения» новейшего времени. Яркой иллюстрацией этого исторического периода служит судьба известного мусульманского богослова, общественного и политического деятеля, известного не только в России, но и за рубежом - Мусы Ярулловича Бигеева, который стал первым имамом-хатибом Соборной мечети после революции 1917 г. (с.65-69).

Размышляя о сложном характере самой мусульманской общины, в книге приводятся любопытные данные о внутримусульманских отношениях и противоречиях, имевших зачастую серьёзные последствия. Так, получив разрешение от военного генерал-губернатора Петербурга П.В.Голенищева-Кутузова на строительство мечети в городе в 1861 г., мусульмане Петербурга встретили противодействие со стороны структуры, которая больше других должна была бы содействовать им в этом вопросе. Таковой структурой оказалось Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) – государственно-религиозное учреждение, впервые объединившее под своим контролем мусульман Внутренней России и Сибири, которое, сославшись на ограниченные материальные возможности, а также на то, что большинство находящихся в Петербурге мусульман составляют приезжие, выступило против строительства мечети. Главной причиной был конфликт духовных руководителей (с.49-50), приведший к тому, что интересы мусульман столицы оказались в зависимости от личных амбиций, в результате чего в тот период времени мечеть так и не была построена. Впоследствии дважды (в 1867 г. и 1881 г.) мусульманское духовенство столицы предпринимало попытки и даже начинало сбор средств для строительства мечети, но тогда уже власти более сдержанно отнеслись к подобным инициативам.

Особый интерес представляет исследование жизни мусульман в Ленинградской области. Здесь много уникального материала, который прежде не был известен читателю. Авторам удалось установить местоположение целого ряда ключевых мусульманских объектов в ряде пригородов Петербурга и городов Ленинградской области: мечетей, кладбищ.

Изучение жизни и быта российских мусульман логично дополняется историческими сведениями о мусульманах – иностранцах. Первыми в 1711 г. в Петербург прибыли посланцы персидского шаха⁵ (с. 111), с которыми было связано много событий, в т.ч. и трагических. Так, в 1736 г. по оплошности слуг посла Ахмет-хана, куривших возле стога сена, возник пожар, который уничтожил саму резиденцию посла и многие деревянные строения на берегу Мойки. Пострадавшие от пожара горожане принялись искать виновников, и персидское посольство в полном составе вынуждено было укрыться в Александро-Невском монастыре, который пришлось заново освящать после того, как персы его покинули. Зато персидские купцы впервые познакомили горожан с невиданными до этого животными – слонами, из-за прогулок которых был издан специальный царский указ «Об объявлении обывателям о неучинении помешательства слоновщику в провождении слона» (с.115).

⁵ Персидское посольство было первым иностранным посольством, приехавшим в Петербург.

Кроме татар и персов в Петербурге проживали представители и других народов, исповедующих ислам – арабы, турки, кавказские горцы, киргизы, башкиры – все они принимали участие в строительстве мечети в 1910-1913 гг. Петербург всегда был многонациональным и многоконфессиональным городом, городом особой культуры.

Знакомство с исламом и мусульманами Санкт-Петербурга, культурно-историческими объектами и политическими событиями через биографию людей и реконструкцию конкретных, зачастую бытовых ситуаций, следует в русле относительно нового, но весьма модного в исторической науке направления, сосредоточенном на обыденном мире обычных людей, с их заботами, радостями и проблемами. Это, т.н. «история повседневности»⁶, применение методики которой не просто делают чтение интересным и увлекательным, но привносит совершенно новый ракурс в научную картину прошлого, предлагает иной подход к его реконструкции.

«История повседневности» – это «история тех, кто не виден большой истории, людей, которые включены в исторический процесс как рядовые участники»⁷. Но именно рядовые участники определяют динамику исторического процесса, его основные составляющие. Попытка проникнуть и понять человеческий опыт, образ мышления предполагает иное вчитывание в текст источника. Историк, как считает Н.Л. Пушкарёва, ставящий задачу реконструировать с помощью сохранившихся источников «типичное» для определенного времени и определенной социальной группы, старается выяснить мотивацию действий всех исторических акторов и через это приблизиться к их пониманию [3]. Не являясь специалистами в области «истории повседневности», авторы исторического путеводителя по Санкт-Петербургу смогли, на мой взгляд, воссоздать живую историю мусульман этого города, показать их многообразный и сложный социум через жизни отдельных людей, которые предстают в работе не случайными персонажами, но неотъемлемой частью исламской религии и культуры.

Использование методов «истории повседневности» позволяет авторам дать читателю глубокий механизм понимания и адекватных оценок степени вовлеченности мусульманской общины в общественно-политические и культурные процессы не только города, но и всей Российской империи, увидеть ту громадную роль, которую она сыграла в становлении империи, понять механизмы её экономического самообеспечения и воспроизводства, основные элементы религиозной организации, культовых зданий, учебных заведений. Эта информация способствует и пониманию политики царского

правительства, направленной на установление и поддержание межконфессионального равновесия, и исторического опыта сосуществования конфессиональных общин и государства в целом, что крайне необходимо в настоящее время, когда идет процесс сложного, неоднозначного и противоречивого возрождения религиозного самосознания. Понимание это должно помочь устранить негативные последствия прежних этапов развития, учесть уроки прошлого и создать благоприятные условия для всестороннего развития различных конфессий.

В этой связи интересно приведенное в работе письменное свидетельство имама первого гражданского мусульманского прихода в Санкт-Петербурге Мухаммед-Али Хантемирова, который в 1861 г., обращаясь на имя генерал-губернатора с прошением о возведении в столице империи мечети (с.47), писал: «Россия, возвышаясь своею громадною над прочими державами, отличается между ними своей веротерпимостью. Каждый народ в России имеет полную свободу отправлять богослужение на родном или избранном языке по обрядам своего вероисповедания. Не только коренные, но и иноземные жители невообразимо пользуются этим правом, подчиняясь только местным уставам благочиния».

Отдельного внимания заслуживает глава о мусульманской общине современного Санкт-Петербурга (с.532-578), которая рассказывает о том, как менялась жизнь мусульманской общины (с постановлений первых лет советской власти); анализирует современное положение петербургских мусульман, предки которых столетия и десятилетия назад обосновались в этом городе и принимали участие в его строительстве; о том, как сохраняются исламские национально-культурные традиции. Речь идёт, в первую очередь, о культурно-просветительской общественной организации «Татарская община Санкт-Петербурга и Ленинградской области», которая делает очень многое для сохранения петербургских традиций и памяти о предках. Активизация культурно-просветительской и научно-общественной жизни мусульманской общины начинается во второй половине 1980-х гг, когда в стране началась перестройка всей государственно-политической системы, приведшая, в том числе, к росту общественной активности и свободе творчества. Уже в 1987 г. первым в Ленинграде был создан «Клуб любителей татарской культуры им. Мусы Джалиля», начавший активную пропаганду татарской культуры и национальных традиций, а в 1997 г. была образована Татарская национально-культурная автономия. В данном разделе работы с опорой

⁶ «История повседневности» – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В настоящее время есть разные определения и методологические подходы к этой области знания.

⁷ Такое определение «истории повседневности» дает д.и.н. Е.Ю.Зубкова [1].

■ Рецензии

на архивные документы и широкую информационную базу (включая и личные интервью с участниками тех или иных событий) авторы рассказывают обо всех крупных мероприятиях с начала 1990-х гг., инициаторами и организаторами которых была татарская община Санкт-Петербурга; перечисляют имена всех крупных предпринимателей, бизнесменов, людей других (самых разных профессий), финансировавших и помогавших в их организации.

В заключение следует отметить, что работа «Мусульманский Петербург» снабжена глоссарием, именным указателем и внушительным списком использованных источников и литературы, общее количество которых составляет 181 наименование.

Всё вышесказанное позволяет квалифицировать работу как высокопрофессиональное

научное исследование, которое, как и знаменитая «энциклопедия русской жизни» В. Гиляровского «Москва и москвичи», вполне заслуживает названия «энциклопедия» бытия мусульман в Петербурге.

Рецензируемая книга может быть адресована очень широкому кругу читателей: тем, кто интересуется историей и культурой Санкт-Петербурга и хочет более подробно познакомиться с историческими достопримечательностями известного города, но, прежде всего, тем, кому интересна история ислама и мусульман Российской империи, кому важно более глубоко и всесторонне понять мир российского мусульманства и его роль в общественно-политических и культурных процессах прошлого и настоящего нашей страны.

Список литературы

1. История через повседневность: новый ракурс преподавания истории XX века // Уроки истории. XX век // <http://urokiistorii.ru/learning/method/2009/11/istoriya-cherez-povsednevnost> (дата обращения: 21.05.2016)
2. Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама. – М. – Н.Новгород: Медина, 2001. – 508 с.
3. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // Перспективы // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 21.05.2016)

RUSSIAN MUSLIMS: HISTORY AND MODERN AGE (CASE OF ESTABLISHING AND DEVELOPING OF ISLAMIC COMMUNITY IN SAINT PETERSBURG)

M.A. Sapronova

Book review: Renat Bekkin, Almira Tagirdzhanova. Muslim Petersburg. Historical guide-book. The life of Muslims in St. Petersburg and its suburbs. – Moscow, St. Petersburg: Institute for African Studies, 2016. – 640 p.

Key words: Muslim Petersburg, The life of Muslims.

References

1. History through everyday life: new approach in teaching History of XX century. *History lessons. XX century.* <http://urokiistorii.ru/learning/method/2009/11/istoriya-cherez-povsednevnost> (In Russian)
2. Landa R.G. Russia and the world of Russian Islam. Moscow. Nizhny Novgorod: Medina, 2001. 508 p.
3. Pushkareva N.L. «History of everyday life» as a line of historical research. *The perspectives.* <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>

About the author

Marina A. Sapronova – Doctor of Historical sciences, professor of Eastern Studies MGIMO-University, professor of Russian Academy of Sciences. E-mail: sapronova@bk.ru.